

Д. А. Милютин
ДНЕВНИК

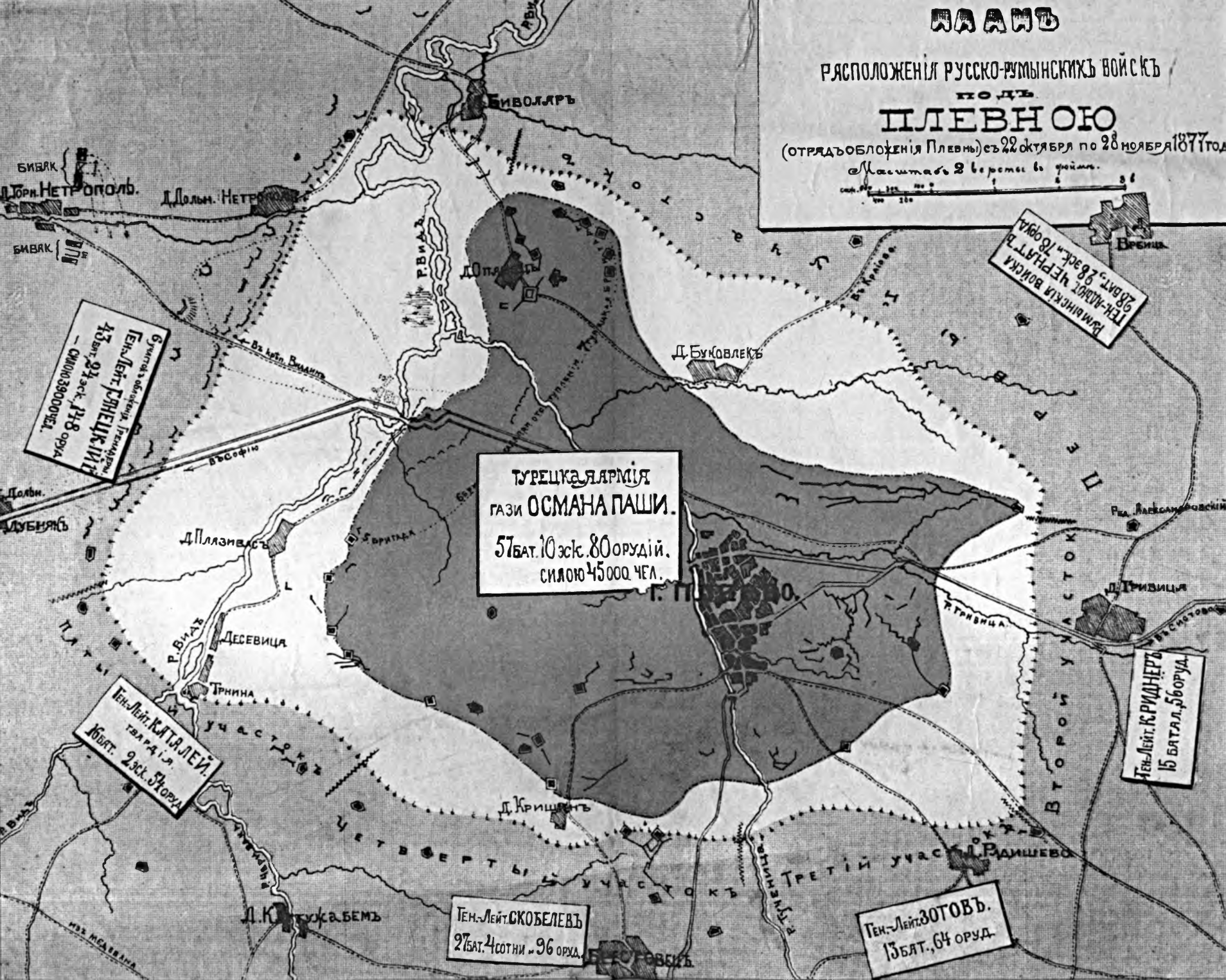
1876 — 1878

РАСПОЛОЖЕНІЯ РУССКО-РУМЫНСКИХЪ ВОЙСКЪ

ПОДЪ ПЛЕВНОЮ

(отрядъ обложія Плевны) съ 22 октября по 28 ноября 1877 года

Масштабъ 2 верста в дюймѣ.

ТУРЕЦКАЯ АРМІЯ
ГАЗИ ОСМАНА ПАША.
57 БАТ. 10 ЭСК. 80 ОРУДИЙ.
СИЛОЮ 45 000 ЧЕЛ.

Ген.-Лейт. ГИМЕНЦКІЙ
43 бат., 2 эск., 178 оруд.
— СИЛОЮ 39 000 ЧЕЛ.

Ген.-Лейт. КАТЯЛЕЙ
ЮБ. БАТ. 2 ЭСК. 5 ОРУД.

Ген.-Лейт. СКОВБЕЛЕВЪ
27 БАТ. 4 СОТНИ. 96 ОРУД.

Ген.-Лейт. ЗОТОВЪ.
13 БАТ., 64 ОРУД.

Ген.-Лейт. КРИВДНЕРЪ
15 БАТЯЛ. 56 ОРУД.

РУМЫНСКАЯ ВОЙСКА
Ген.-Лейт. ЧЕРНАТЪ
28 БАТ., 28 ЭСК. 18 ОРУД.

Д. А. Милютин

ДНЕВНИК

Д.А. Милютин

ДНЕВНИК

*генерал-фельдмаршала
графа*

Дмитрия Алексеевича

Милютина

1876–1878

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

2-е издание,
исправленное и дополненное

Москва
РОССПЭН
2009

ББК 63.3(2)51

М60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-00321а и 07-01-16218д

Предисловие *Л. Г. Захаровой, А. В. Мамонова*

Подготовка текста, комментарии и указатели
М. А. Волхонского, Л. Г. Захаровой, А. В. Мамонова,
Т. А. Медовичевой, Л. И. Тютюнник

Подбор иллюстраций
А. В. Мамонова

Милютин Д. А.

М60 **Дневник. 1876–1878** / Под ред. Л. Г. Захаровой. — М.: «Рос-
сийская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. —
704 с., ил.

ISBN 978-5-8243-1312-3

Настоящий том продолжает издание «Дневника» военного министра Д. А. Милютина и охватывает 1876–1878 гг. В нем подробно освещена внешняя и внутренняя политика самодержавия в период Восточного кризиса середины 1870-х гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг., борьба правительственных группировок и общественных сил за то или иное решение Восточного вопроса, развитие революционного движения и реакция власти на это явление общественно-политической жизни. «Дневник» Милютина содержит глубокие характеристики государственных и общественных деятелей, членов императорской фамилии и особенно самого Александра II, личность которого раскрывается перед читателем не только полно, но иногда и неожиданно. Издание богато иллюстрировано, снабжено комментариями и указателями и предназначено как профессиональным исследователям, так и всем интересующимся историей России.

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-8243-1312-3

- © Волхонский М. А., Захарова Л. Г.,
Мамонов А. В., Медовичева Т. А.,
Тютюнник Л. И., составление, предисловие,
комментарии, указатели, 2009
- © Российская политическая энциклопедия,
2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если в 1873–1875 гг. военный министр Д. А. Милютин писал в дневнике преимущественно о делах своего ведомства (и прежде всего о ходе преобразований в армии, о подготовке и введении в действие нового Устава о воинской повинности, о борьбе с Министерством народного просвещения за Медико-хирургическую академию и проч.), то в 1876–1878 гг. его внимание все чаще сосредотачивается на вопросах «большой политики»: Восточный кризис, перерастающий в русско-турецкую войну, Берлинский конгресс и реализация его постановлений, обстановка на Балканах, в Средней Азии, Афганистане и т. д. Особую ценность дневнику Д. А. Милютина придает именно то, что в нем подробно (а начиная с осени 1876 г. буквально день за днем) раскрываются механизм и логика принятия важнейших внешнеполитических решений. Таких источников у историков крайне мало (в этом отношении дневнику Милютина уступает даже ценнейший дневник В. Н. Ламздорфа 1886–1896 гг., поскольку в эти годы Ламздорф все же являлся лишь ближайшим сотрудником Н. К. Гирса и его преемников, не играя самостоятельной роли в формировании внешней политики империи). Причем даже в своем дневнике Милютин описывал события не только как непосредственный участник и глава военного ведомства, но и как профессиональный историк. Об этом, кстати, ему не давали забыть: на вечерних собраниях в Ливадии в октябре 1876 г. в присутствии императора и императрицы гр. А. В. Адлерберг читал вслух отрывки из милютинской «Истории войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.», доставившей ему известность в ученом мире (с. 145; здесь и далее в тексте указаны страницы настоящего издания)¹.

Милютин хорошо понимал историческую значимость своего дневника, хотя и не был удовлетворен его «литературною обработкою». «...Дневник мой, — вспоминал он в 1886 г., — писался урывками, второпях, чаще всего по ночам, когда утомленный дневною работою и суетою, я урывал несколько минут от сна. Во время Турецкой войны приходилось записывать карандашом на биваке, в палатке или в полуразрушенной болгарской хате. Привожу это объяснение в оправдание свое пред тем, кто даст себе труд когда-нибудь заглянуть в мой дневник. Прошу его не смотреть на эти летучие заметки как на литературную работу, не искать в них ни

полноты, ни стройного рассказа. Я не имел возможности перечитывать написанное, и потому опасаясь, что дневник мой испещрен описками, нескладными фразами и промахами». Тот, «кто даст себе труд» ознакомиться с рукописью дневника, едва ли согласится с подобной оценкой: многочисленные исправления, почти всегда сугубо стилистические, свидетельствуют о тщательной работе над текстом; описки и «промахи» встречаются крайне редко; будучи краток, автор ни разу не сбивается на конспект. Тем не менее, при всей своей требовательности и скромности, Милютин не сомневался, что его записки будут полезны и важны для потомков. «...В моих глазах, — писал Дмитрий Алексеевич, — это не что иное, как сырой материал, которым может воспользоваться будущий историк, когда наступит время писать правдивую картину пережитой мною эпохи. А писать такую историю, по моему мнению, можно лишь тогда, когда все действующие лица сойдут со сцены и когда нечего уже бояться раздражить гусей». «...Я, — признавался мемуарист, — выставял закулисные пружины событий; высказывал всю правду как о покойниках, так и о живых, не стесняясь никакими побочными соображениями...»².

Это правило Милютин не соблюдал только в исключительных случаях. Так, 25 марта 1876 г., записав рассказ Александра II о секретных приглашениях с Вильгельмом I, он, видимо, передумал и тщательно заштриховал сделанную запись (довольно толстую бумагу чернила буквально «прожгли» насквозь). «...Дав обещание хранить тайну, не считаю себя вправе сказать что-нибудь лишнее даже и в своем дневнике, хотя и веду его не для публики, — пояснял свой поступок военный министр. — Сожалею, что чрез это умолчание лишая себя возможности сохранить для истории некоторые любопытные данные. Конечно, сущность дела рано или поздно сделается известной, но жаль будет, если утратятся некоторые подробности, характеризующие личные отношения» (с. 62). В настоящее время приходится признать, что эти подробности утрачены и, по-видимому, невозможны. Более того, и сама «сущность дела» выяснена весьма условно и только в самых общих чертах. Это вполне подтверждает мнение Милютина о том, что «негласная обстановка дела, обыкновенно остающаяся скрытою для будущих поколений, часто обрисовывает эпоху яснее, чем общеизвестные факты, сохраненные в официальных документах»³. И именно поэтому щепетильность, проявленная военным министром в марте 1876 г., представляется теперь несколько преувеличенной. Во всяком случае, умолчание способно исказить картину и ввести в заблуждение не хуже, чем прямой вымысел, а восполнить его бывает сложнее, чем исправить допущенную ошибку.

В то же время данное умолчание лишней раз подчеркивает значение тех сведений, которые содержатся в дневнике. Пожалуй, без дневника

Д. А. Милютинна позиции военного ведомства, императора, да и в целом политика России в период Восточного кризиса середины 1870-х гг. не только были бы менее понятны, но и могли бы домысливаться и интерпретироваться самым произвольным и превратным образом⁴. Действительно, едва ли известен другой источник, столь же подробно отразивший эволюцию взглядов и настроений Александра II в 1876–1878 гг. Ни письма, резолюции и памятные книжки самого императора, ни дневник его сына и наследника вел. кн. Александра Александровича, ни дневники и воспоминания других сановников (вел. кн. Константина Николаевича, М. Х. Рейтерна, П. А. Валуева, А. А. Половцова) не дают настолько полной и выразительной картины. При этом они практически не противостоят записям Милютинна, но, напротив, во многом их подтверждают и дополняют.

Без дневника Милютинна было бы почти невозможно понять, как Александр II, всегда считавший панславизм опасным для России и никогда не забывавший тяжелых испытаний Крымской войны, омрачившей последний год жизни его отца и первый год его собственного царствования, решился начать Вторую Восточную войну⁵. Еще в начале 1876 г. царь признавал войну «в близком будущем невозможной» и не допускал даже мысли о подготовке плана мобилизации, в конце августа он уже не возражал против приготовлений к войне, но продолжал выражать уверенность в сохранении мира, а 3 сентября наложил на телеграмме Н. П. Игнатьева резолюцию «в том смысле, что... ничего другого не остается, как прервать дипломатические сношения с Портой, а затем — и объявить войну» (с. 114). Это решение воспринималось Александром II как роковое: он внушил себе, что ему, как некогда его отцу, не пережить новой Восточной войны. Весьма характерно, что в эти же дни — 8 сентября 1876 г. — он написал свое завещание, оканчивавшееся словами: «...Я умираю с благодарным сердцем за все благо, которым Богу угодно было меня наградить, с пламенной любовью к нашей Матушке России, которой служил по крайнему моему разумению, и сожалею только, что не мог произвести всего того добра, которого столь искренно желал. Прошу всех меня любивших молиться за упокоение души моей, которую предаю милосердному Богу с твердою надеждою на Его благость. Аминь!»⁶.

Как показано в дневнике военного министра, к решению объявить Турции войну император пришел после долгих колебаний, испытав разочарование в попытках урегулировать кризис дипломатическим путем и столкнувшись со «славянским движением», охватившим широкие слои русского общества от Двора и гвардии до коробейников и трактирщиков. Не могло не влиять на Александра II и сочувствие к «славянскому движению» со стороны императрицы и наследника престола. Причем если

последний был достаточно сдержан, то императрица не скрывала своих чувств ни от придворных, ни от сановников, включая военного министра и государственного канцлера. Ее приближенные, как, впрочем, и окружение цесаревича, были особенно воинственно настроены.

Глубину переживаний Александра II передает запись, сделанная Милютиным 15 июля 1876 г. «Постоянно слышу я упреки, зачем мы остаемся в пассивном положении, зачем не подаем деятельной помощи славянам турецким, — сетовал император, обращаясь к Милютину. — Спрашиваю тебя, благоразумно ли было бы нам, открыто вмешавшись в дело, подвергнуть Россию всем бедственным последствиям европейской войны? — Я не менее других сочувствую несчастным христианам Турции, но я ставлю выше всего интересы самой России». Тут Государь обратился к воспоминаниям Крымской войны; слезы навернулись на его глазах, когда он заговорил о тогдашнем тяжелом положении покойного императора Николая, об упреках, которыми тогда осыпали его и друзья, и недруги за то, что он вовлек Россию в бедственную войну. Затем Государь, отвечая на мои вопросы, сказал: «Конечно, если нас заставят воевать, — мы будем воевать; но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне. Вся ответственность падет на тех, которые сделают вызов, и пусть тогда Бог решит дело. Притом не надобно забывать, что секретный союз, заключенный мною с Германией и Австрией, есть исключительно союз оборонительный; союзники наши обязались принять нашу сторону, если мы будем атакованы; но они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны, в случае наступательных наших предприятий, и в этом случае может выйти то же, что было в Крымскую войну — опять вся Европа опрокинется на нас...»». По свидетельству министра, «монолог Государя продолжался с полчаса»: «...Он был растроган, так что были минуты, когда не мог говорить» (с. 90, 91).

Перелом в настроении Александра II, по-видимому, произошел во время лагерных сборов в Красном Селе в конце июля 1876 г. 27 июля, в день рождения императрицы, он неожиданно для военного министра разрешил офицерам схать добровольцами на Балканы, обещая по возвращении принять их вновь на службу без потери старшинства. Разрешение было дано в порыве чувств, и едва ли сам император вполне осознавал в тот момент, какую нравственную ответственность придется ему нести за судьбу тех, кого он, *хотя и не посылал, но отпуская* на войну. Теперь он уже не мог допустить, чтобы в случае поражения Сербии *его офицеры* были перебиты турками. Защитить же их после неизбежного провала черняевской авантюры (которой Александр II пытался, но не сумел помешать) могло только прямое вмешательство России и предъявление Османской империи ультиматума. И то, что с 14 августа отставки

в войсках были приостановлены, уже ничего не меняло. Впрочем, колебания Александра II продолжатся вплоть до конца марта 1877 г.: взвинченная воинственность (едва ли уместная после того, как турки приняли русский ультиматум) сменялась приливами миролюбия и благодушия. Только отклонение султаном Лондонского протокола, согласно которому Турции предлагалось приступить к реформам, нацеленным на «улучшение в положении христианского населения», и направить в Петербург «особого уполномоченного для переговоров о разоружении», привело к окончательному разрыву.

Позиция военного министра также не оставалась статичной. Его роль в делах внешней политики в эти годы заметно возрастает. Еще недавно, весной 1873 г., Милютин даже не поставили в известность о заключении секретного военного соглашения с Германией⁷, но уже с осени 1876 г. он становится постоянным и наиболее авторитетным для царя участником совещаний, определявших внешнеполитический курс империи. Влияние военного министра заметно усиливалось и вследствие того, что престарелый канцлер кн. А. М. Горчаков все более слабел физически и умственно. Милютин все чаще и сильнее раздражало «легкомыслие, с которым наш знаменитый канцлер говорит обо всех предметах, сколько-нибудь выходящих из тесной рамки дипломатической канцелярии». «Он думает, — негодовал генерал, — что начать войну и вести ее можно с такою же легкостью, как сочинить дипломатическую ноту» (с. 113). В дневнике Милютина не раз отмечены примеры старческих промахов кн. Горчакова и пренебрежительного обращения с ним не только императора, но и послов, представлявших Россию в столицах великих держав.

В отечественной историографии, зачастую воспринимающей международные отношения именно с точки зрения «дипломатической канцелярии» (оставившей нам множество ценнейших источников), критика взглядов и действий кн. Горчакова его современниками обычно всячески смягчается, а то и вовсе приписывается сплетням и недоброжелательству⁸. Между тем восторженные отзывы историков о дипломатическом мастерстве кн. Горчакова плохо соотносятся с итогами его управления Министерством иностранных дел: начав в 1856 г. с торжественных деклараций о том, что Россия будет руководствоваться исключительно собственными интересами, он к середине 1870-х гг. по сути оказался не в состоянии сформулировать, в чем именно эти интересы состояли. При этом канцлер систематически противодействовал закреплению России на Кавказе и в Средней Азии⁹. Характерно, что, присоединяя в 1876 г. к империи Кокандское ханство, Александр II действовал вопреки мнению кн. Горчакова¹⁰. В отличие от своих противников-соперников из Великобритании, Австро-Венгрии и Германии, русские дипломаты в середине

1870-х гг. фактически отстаивали не столько «национальные» (или точнее — имперские) интересы, сколько отвлеченные филантропические принципы и чаяния покровительствуемых народов Балканского полуострова, рассчитывая в дальнейшем на весьма сомнительную «славянскую солидарность». Причем те, кто с гордостью говорил о *бескорыстной* политике, по-видимому, искренне удивлялись тому, что она вызывает у потенциальных союзников не *заинтересованность*, а подозрения в скрытности и лицемерии. В результате, в начале 1877 г. Александру II пришлось делать страшный выбор между серьезным дипломатическим поражением (воспринимавшимся как *унижение* России) и бедствиями войны, оставлявшей надежду на почетный мир, который, однако, заведомо не мог принести какой-либо осязаемой выгоды. Даже при блестящих военных победах такая политика со временем должна была вызвать разочарование и недовольство и в правящих кругах, и в русском обществе. Понесенные же Россией потери заставляют задуматься о цене концентуальной несостоятельности горчаковской дипломатии.

Впрочем, следует признать, что цельной концепции внешней политики не выдвигали и оппоненты кн. А. М. Горчакова из Военного министерства. В целом Д. А. Милютин отличал более взвешенный подход к решению задач, встававших перед Россией в сфере международных отношений — сказывалась системность мышления военного министра, его склонность к анализу и сосредоточенность на заботах об обеспечении безопасности необъятных границ империи (это заставляло постоянно соотносить ресурсы страны и силы потенциальных противников на том или ином театре боевых действий). Однако его рекомендации обычно были ситуативны и носили так сказать «ответный» характер, намечая решение той или иной возникшей проблемы. Собственные инициативы во внешней политике Милютин выдвигал крайне редко (и не всегда успешно, примером чего может служить сделанное им в начале 1876 г. предложение начать подготовку к вооруженному столкновению с Турцией). Не было у него и продуманного плана выстраивания отношений России с великими державами. В 1870-е гг. его общие установки едва ли не ограничивались стремлением занять как можно более прочное положение в Средней Азии (что позволяло угрожать колониям Англии — основного и почти недостижимого противника России), беспокойством относительно роста военной мощи Германии и традиционным уже недоверием к Австро-Венгрии.

Тем не менее весной 1876 г., несмотря на довольно скептическое отношение к прогерманским симпатиями Александра II, Милютин позволил увлечь себя заманчивыми перспективами союза трех императоров. Он с самого начала достаточно реалистично полагал, что пресловутый

«восточный вопрос» может быть решен только силой. «...Инсурген-ты, — считал он, — не верят никаким обещаниям турок, да и не могут удовлетвориться никакою полюбовною сделкою со своими исконными притеснителями. Со своей стороны, и турки, даже при самом искреннем желании примирения, не могут исполнить своих обещаний. Уладить запутанные дела Турции — не зависит от одной лишь доброй воли султана и его министров. Тут в основе лежат такие затруднения, присущие самому организму мусульманской державы, которых нет возможности преодолеть иначе, как полным государственным и социальным переворотом» (с. 49). Однако, услышав 25 марта от Александра II доверительный рассказ об устных договоренностях, существующих между ним и Вильгельмом I, военный министр решил, что они «совершенно изменяют общие соображения и взгляды на европейскую политику». «...Высказанное мне сегодня Государем доверие тронуло меня, — признавался он в дневнике, — и навело на такие мысли, которые во многом изменяют мои убеждения и взгляды...» (с. 62)¹¹.

Впечатление оказалось столь сильным, что даже в июне, когда Восточный кризис приобрел угрожающие размеры, Милютин спокойно отдыхал в Крыму и «ни на минуту не терял уверенности в сохранении мира, с тех пор как узнал в общих выражениях о результате бывшего месяц тому назад берлинского совещания». «...После того, что я слышал от самого Государя об установившемся секретном соглашении между тремя императорами, я не имел до сих пор повода усомниться в прочности этого союза, — писал он 14 июня 1876 г. в дневнике. — Ни переворот в Константинополе, ни самодурство англичан не представляют пока достаточных причин к изменению политики трех империй...» (с. 80). Разочарование наступило уже осенью, затем оно будет нарастать вплоть до Берлинского конгресса, после чего перейдет в раздражение против своих недавних союзников, не захотевших проводить «бескорыстную политику» себе в убыток (при этом ни Германия, ни Австро-Венгрия не оспаривали того, что Россия требовала собственно для себя — Карс, Батум, южную Бессарабию). В последующие годы Милютин будет все больше тяготеть к изоляционизму.

Но в 1876 — начале 1877 г. решимость военного министра «рассечь мечом гордиев узел» под влиянием меняющихся обстоятельств не уступала место готовности удовлетвориться частными уступками и реформами со стороны Порты. Война с Османской империей имела для Милютина особое значение: это было первое суровое испытание для реформированной им армии, которое подвело итог его пятнадцатилетнего управления. Блестящие успехи в Средней Азии, при всей их важности, все же не шли ни в какое сравнение с трудностями европейской

войны. Между тем ни перевооружение армии, ни ее реорганизация не были завершены. Но хуже всего было то, что желание избежать войны могло быть воспринято и в самой России, и за ее пределами как признак слабости русских войск. Такой результат дискредитировал и самого министра, и его преобразования. Критики военного ведомства, несомненно, воспользовались бы столь сильным аргументом, добиваясь реванша за поражение 1873 г.¹²

Не случайно летом 1876 г. Милютин неоднократно доказывал императору, канцлеру, высокопоставленным сановникам и дипломатам, что «никогда еще, положительно никогда Россия не имела в готовности такой силы, со всеми материальными средствами, как теперь; никогда и не могло быть прежде такого приготовления к быстрой мобилизации». «...Конечно, — признавал он, — мы находимся в переходном положении, все у нас еще в разработке, и, во всяком случае, мы не можем выставить армию в том идеальном составе и устройстве, которое проецировано в последнее время; но все-таки можем ныне выставить несравненно бóльшие и лучше устроенные силы, чем когда-либо в прежние времена, и в особенности несравненно в кратчайший срок». Однако Милютин прекрасно понимал, что «одна война может фактически выказать, насколько мы готовы к ней». «Но ужели, — с негодованием писал он 27 июля 1876 г., — для своего оправдания, для удовлетворения своего оскорбленного самолюбия желать бедствия России. А по моему убеждению, война была бы для нас неизбежным бедствием, потому что успех и ход войны зависят не от одной лишь подготовки материальных сил и средств, но столько же от подготовки дипломатической, а, с другой стороны, — от способности тех лиц, в руках которых будет самое ведение военных действий. К крайнему прискорбию, должен сознаться, что в обоих этих отношениях мало имею надежд...» (с. 83, 98). Из этого тягостного противоречия и возникала та формула, которую Милютин будет отстаивать вплоть до начала военных действий: «Нам нужен мир, но мир *не во что бы то ни стало*, а мир *почетный*, хотя бы его и пришлось добывать войной» (с. 628).

Частичная мобилизация, проведенная в конце 1876 г., стала триумфом военного министра. Уже через неделю после начала мобилизации, по его словам, «слышатся отовсюду одобрительные отзывы». Милютин был полон надежд: «...Авось либо теперь наглядно, на деле убедятся в том, что Военное министерство знало, что делало; авось рассеются предубеждения и сомнения насчет произведенных реформ. Слышу, что даже прежние противники мои уже изменили свои мнения и начинают сознавать громадный успех, сделанный в устройстве нашей армии и готовности ее к войне» (с. 155). Император также был доволен ходом

мобилизации. Однако война была впереди, и она не только подтвердила самоотверженность, стойкость и силу боевого духа русских войск, но и выявила многочисленные недостатки в их организации, вооружении, снабжении, подготовке и особенно — в командовании ими¹³.

Во время войны Д. А. Милютин не раз с досадой отмечал в своем дневнике недостатки командования. Еще до первой неудачи под Плевной он в беседе с императором критически отзывался относительно «крайне рискованного и даже безрассудного» плана действий, принятого главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем и его штабом (с. 258). Высший командный состав армии не вызывал у военного министра доверия. «...У нас подготовлены войска и материальные средства, но вовсе не подготовлены ни главнокомандующие, ни корпусные командиры, — сетовал он летом 1876 г. (но как их можно было «подготовить», если при создании военных округов сами корпуса были упразднены и заново создавать их начали только в середине 1870-х гг.?). — Мне даже неизвестно, есть ли в потаенном ящике государевого письменного стола список тех генералов, которым он намерен в случае большой войны вверить свои армии» (с. 98). Характерно, что непосредственное участие военного министра в составлении такого списка как будто вовсе не предусматривалось. И действительно, его влияние на назначения на командные и штабные должности в Дунайской и Кавказской армиях было весьма ограниченным и проявлялось скорее эпизодически.

Милютину так и не удалось добиться назначения начальником штаба Дунайской армии своего кандидата — Н. Н. Обручева, специально вызванного в октябре 1876 г. в Ливадию для изложения императору плана кампании против Турции. Когда Александр II сообщил военному министру о намерении назначить главнокомандующим Э. И. Тотлебена, находившегося тогда в конфликте с Обручевым, Милютин сумел отговорить императора от такого решения, ссылаясь на то, что «его тяжелый характер и щепетильность могут быть большим неудобством в командовании армией». В результате, как писал Милютин, 11 октября «после обеда Государь подошел ко мне и сказал на ухо, что, вследствие нашего утреннего разговора о генерале Тотлебене, решается командование Дунайской армией поручить не ему, а великому князю Николаю Николаевичу, которого уже и вызвал сюда» (с. 141). Таким образом, военный министр был поставлен перед свершившимся фактом, а все его расчеты вскоре оказались опрокинуты, поскольку великий князь, которому император лично предложил взять Обручева в начальники штаба, категорически заявил, что «не желает вообще иметь Обручева в составе армии ни на какой должности»¹⁴. После назначения главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича, а начальником его штаба — А. А. Непо-

койчицкого (в 1855–1856 гг. — начальника Главного штаба Южной, а затем — 2-й армии), Милютин фактически утратил контроль над разработкой плана кампании и назначениями в действующей армии. 18 октября он кратко записал в дневнике о том, что «Государь дал окончательное приказание о формировании корпусов и назначении начальствующих лиц» (с. 146)¹⁵.

Несколько большим было влияние Милютина на дела Кавказской армии. С 1863 г. сю командовал вел. кн. Михаил Николаевич, занимавший пост наместника на Кавказе. Однако командующим действующим корпусом, предназначенным для ведения боевых действий против турок, был назначен М. Т. Лорис-Меликов, находившийся в сложных отношениях с окружением наместника, но пользовавшийся доверием Милютина. Трудно сказать, насколько этот выбор был удачен: великий князь не решился вступать в борьбу с военным министром, но действия его штаба и составленный в нем план кампании поставили командующего корпусом в крайне затруднительное положение. Чтобы спасти ситуацию, ставшую после поражения под Зивниом критической, Милютину пришлось послать на помощь Лорис-Меликову Обручева. Совместные усилия генералов обеспечили победу русских войск на Аладже.

Направление Обручева на Кавказ по сути означало прямое вмешательство военного министра в действия кавказского начальства. Между тем на Балканах, где обстановка складывалась не лучше, Милютин, находившийся в императорской ставке, не только уклонялся от какого-либо воздействия на главнокомандующего и его штаб, но и вместе с гр. А. В. Адлербергом старался удерживать от этого императора. В способность Александра II командовать армией Милютин не верил, а принять на себя ответственность за ведение кампании, судя по всему, не решился (в случае, если бы император лично принял командование армией, военный министр становился начальником его штаба). Альтернативы вел. кн. Николаю Николаевичу Дмитрий Алексеевич не видел и доказывал, что «как ни худо он распоряжается, а все-таки будет еще хуже, если начнут распоряжаться многие» (с. 286). Только после неудачи третьего штурма Плевны 30–31 августа 1877 г. Милютин настоял на том, чтобы, вопреки мнению главнокомандующего и Непокойчицкого, русские войска остались в ожидании подкреплений под Плевной (с. 296). Тем не менее и осенью 1877 г. Милютин оставался преимущественно в роли наблюдателя. «...Хотя я и слышал уже упреки в том, что устраняюсь от влияния на распоряжения военными действиями, — писал он в дневнике 3 ноября, — однако ж упреки эти едва ли основательны. Командовать армией должен кто-нибудь один, у семи нянек дитя без глаза; вмешательство самого Государя слагает ответственность с главнокомандующего, и если я не могу

помешать этому вмешательству, то, по крайней мере, сам желал бы не быть соучастником его» (с. 328).

Блестящие победы русских войск зимой 1877–1878 гг. затмили неудачное начало кампании. 19 февраля 1878 г. в местечке Сан-Стефано, недалеко от Константинополя, представители России и Турции подписали мирный договор (признанный затем уже в Петербурге прелиминарным). В начале марта 1878 г., когда возникла угроза разрыва России с Великобританией и Австро-Венгрией, не признавшими Сан-Стефанский договор, Милютин вынужден был констатировать в своем дневнике, что «военные наши силы и средства чувствительно потрачены, потрясены». Заметно истощены были и финансовые ресурсы империи. 25 марта, размышляя о необходимости уступок Англии, Милютин писал: «...Как ни прискорбны для нас всякие подобные уступки после победоносной кампании, не могу однако же не признать, что еще прискорбнее будет рисковать новой войной против половины Европы. Все благоразумные люди понимают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас бедствием; во всяком случае она не могла бы доставить нам более, чем теперь выгодный мир и более поддержать “достоинство” России...» (с. 398). Победив Турцию, Россия уже не могла с успехом вести войну в Европе. А ведь Османская империя считалась заведомо слабым противником, поражение которого в единоборстве с Россией казалось неизбежным. Чего же тогда следовало ожидать после большой европейской войны?

От Военного ведомства требовалось теперь немало усилий для устранения выявленных в ходе войны недостатков. И эта работа действительно началась в первые же послевоенные годы (прежде всего она затронула вооружение, тактическую подготовку, положение резервных войск и т. д.). Но нельзя не признать, что она велась со значительно меньшей энергией, нежели на рубеже 1850–1860-х гг. В дневнике же военного министра (в отличие от его всеподданнейших докладов) она почти вовсе не нашла отражения. Милютину, вероятно, даже психологически было нелегко приступить к критической переоценке сделанного в 1860–1870-е гг. и испытанного в 1876–1878 гг. Кроме того, помня, какой оборот приняли Секретные совещания 1873 г., он не мог не опасаться того, что критическое осмысление боевого опыта 1877–1878 гг. окажется поводом для новых атак на созданную им систему военной организации. Генералитет победившей армии в целом также не желал ворошить прошлое, видя в этом покушение на добытые кровью авторитет и славу. Наконец, анализ допущенных командованием ошибок затруднялся и тем, что среди высших командиров было немало особ Императорской фамилии. В результате, как не без основания писал впоследствии А. А. Керсновский, «опыт войны 1877–1878 гг. совершенно не был использован и пропал даром...

и русская армия начала тяжелую войну на Дальнем Востоке, как бы не имея за собой опыта войны после Севастополя»¹⁶. Впрочем, для того, чтобы учесть этот опыт, у Милютина, ушедшего в отставку в мае 1881 г., практически не было времени.

Следует отметить, что даже в годы острейшего международного кризиса Милютин писал в своем дневнике не только о дипломатических переговорах и боевых действиях. В нем сообщается также о железнодорожном строительстве, об отношениях между высокопоставленными сановниками и крупными компаниями, об обсуждении в правительственных сферах рабочего вопроса (для чего в Государственный совет специально приглашались эксперты из числа общественных деятелей), о студенческих беспорядках и участии России в различных международных выставках. Есть в дневнике и яркие характеристики общественных деятелей пореформенного времени — И. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, А. А. Пороховщикова, кн. В. А. Черкасского.

«Нескромные речи» Аксакова в Московском славянском комитете раздражали военного министра своею резкостью и несвоевременностью. «...Жаль, — писал либеральный сановник после скандального выступления Аксакова по поводу заключения Берлинского трактата, — что наши немногочисленные деятели общественные редко обладают политическим тактом; они почти всегда своими увлечениями портят дело, которому служат» (с. 458). О Пороховщикове, приехавшем осенью 1876 г. в Ливадию с целью склонить Александра II вмешаться в сербо-турецкую войну, Милютин отзывался еще более язвительно. «...Пороховщиков, — отмечает он, — принадлежит к числу тех личностей, которые расплодилось в последнее время под названием “общественных деятелей”. Они обыкновенно составляют как бы оппозицию правительственной власти, которую называют “бюрократией”, и принимаются за то или другое дело с намерением вести его “силами общества”, помимо правительственной администрации. Большей частью это люди, одаренные от природы живым воображением, чувствуют неодолимую потребность деятельности; люди иногда и способные, и образованные, но почти всегда увлекающиеся собственными созданиями воображения и почти всегда многоречивые. Они говорят больше, чем делают» (с. 122). Эта характеристика весьма выразительно передает непростые отношения между либеральной бюрократией и «общественностью» пореформенного времени.

В их отношениях было и притяжение, и отталкивание. Если «краснобайство» Пороховщикова и Аксакова вызывало у военного министра отторжение и отчуждение, то в дружеской беседе с другим «представителем общественного мнения в Москве» — кн. Черкасским — он сам сетовал «на полное расстройство нашей административной машины, на

непростительную апатию и бездействие правительства, в общей его совокупности» (с. 93). Н. Я. Данилевского Милютин называл в дневнике «хорошим знакомым» и «приятелем». Но любопытно, что и в самый разгар Восточного кризиса автор нашумевшей книги «Россия и Европа» (в 1876 г. пропагандировавшейся деятелями славянских комитетов даже в придворных кругах) воспринимался военным министром прежде всего как «крымский сосед» и «натуралист».

Во второй половине 1870-х гг. в правительственных сферах все чаще начинают говорить о распространении в России революционного движения. На фоне международного кризиса его проявления (похороны студента-нигилиста, превратившиеся в уличную манифестацию, «бессмысленная демонстрация» у Казанского собора, участники которой были избиты случайными прохожими, болтовня пьяного офицера и т. п.) едва ли могли представляться чем-то значительным. Неудивительно, что бороться с ними предполагалось с помощью «гласности», обширных межведомственных комиссий и полицейских постановлений о соблюдении порядка в общественных местах. Попытки Милютина в марте 1877 г. поставить вопрос о необходимости «разобрать дело глубже, раскрыть самые причины, способствующие пропаганде, и указать меры к тому, чтобы враждебные влияния, приходящие извне, не находили у нас благоприятной почвы», не имели успеха (с. 207). Начавшаяся вскоре война отодвинула эти проблемы на задний план. В начале 1878 г., когда казалось, что Россия стоит накануне почти неизбежного столкновения с Англией (к которой в любой момент могли примкнуть Австро-Венгрия, Турция, Румыния), даже выстрел В. И. Засулич выглядел всего лишь как досадный эпизод. Узнав о покушении на Ф. Ф. Трепова, Милютин поспешил выразить ему свое сочувствие. Еще недавно, 28 августа 1873 г., Милютин писал о Трепове в своем дневнике: «...Надобно отдать ему справедливость, что он делает много хорошего для населения петербургского, особенно для бедного люда и страждущего человечества. Деятельность этого человека изумительна»¹⁷. Однако, судя по дневнику, внимание военного министра лишь ненадолго задержалось на этом событии и вскоре вновь было поглощено подробностями дипломатической переписки и военных распоряжений. Скандал, вызванный оправданием присяжными террористки, открыто заявлявшей на суде о своих преступных намерениях, изумил министра (со своей стороны, Милютин характеризовал подсудимую не иначе, как «преступницу»). Однако он всячески возражал против каких-либо чрезвычайных мер и вообще явно тяготился участием в совещаниях «по внутренним делам»: вопрос о мире и войне находился в то время в решающей стадии.

Только после убийства 4 августа 1878 г. шефа жандармов Н. В. Мезенцова Милютин признал, что правительство столкнулось с «сатанинским планом тайного общества навести террор на всю администрацию» (с. 462). «...Тяжелое чувство испытываешь в этой атмосфере, как бы пропитанной миазмами тайных замыслов и преступных попыток подпольной шайки невидимых врагов общества, посягающих не только на нынешние государственные порядки, но на весь общественный и даже семейный строй, — писал Дмитрий Алексеевич 8 августа после заседания Совета министров, собравшегося непосредственно после похорон Мезенцова. — До сих пор еще не выяснено вполне: есть ли эта шайка доморощенное проявление крайних политических учений, доведенных до фанатизма и абсурда, или тут действуют органы внешней, интернациональной организации. Во всяком случае нет сомнения, что наши домашние злоумышленники находятся в тесной связи с заграничными руководителями» (с. 465–466). То ли по опыту польского мятежа, то ли просто по инерции военный министр (как и многие сановники того времени) искал основных противников за пределами империи. При этом естественно ни о каких «уступках» или послаблениях врагам государства не могло быть и речи, как не могло быть и речи и о каком-либо «уважении» к такому противнику. Террористы оставались для Милютина прежде всего шайкой преступников.

Дневник Милютина свидетельствует о том, что правящие круги империи оказались неподготовлены к борьбе с немногочисленной, но хорошо законспирированной террористической организацией. В первое время сложность и специфика данной задачи вообще слабо осознавались и явно недооценивались. После того, как сначала вынужден был оставить пост столичного градоначальника раненый и скомпрометированный «делом Засулич» Трепов, а несколько месяцев спустя погиб от руки убийцы Мезенцов, Александр II так и не смог найти им равноценной замены. Н. Д. Селиверстов, исправлявший должность шефа жандармов в августе и сентябре 1878 г., действовал лихорадочно и неумело. Сменивший его во главе тайной полиции А. Р. Дрентельн, хороший строевой командир и военный администратор, медленно овладевал незнакомым и непривычным для него жандармским делом. В лице Дрентельна 3-е отделение Собственной Е. И. В. канцелярии и Корпус жандармов фактически возглавил представитель Военного министерства, привыкший видеть в Милютине своего непосредственного начальника (в 1860–1870-е гг. он активно участвовал в разработке военных реформ, в 1872–1877 гг. состоял командующим Киевским военным округом, а в 1877–1878 гг. являлся начальником военных сообщений и командующим войсками в тылу действующей армии). Милютин

был высокого мнения о личных качествах Дрентельна, заведомо мог не опасаться каких-либо интриг и недоброжелательства с его стороны. Однако военный министр решительно высказался против этого назначения, не раз убеждая императора в том, «что генерал Дрентельн, при несомненных достоинствах, не будет по своему характеру соответствовать условиям предназначаемой ему должности» (с. 471). После взрыва в Зимнем дворце в 1880 г. Александр II убедился в справедливости этого мнения. Но об этом Милютин подробно писал уже в дневнике 1879–1880 гг.

Л. Г. Захарова, А. В. Мамонов

- ¹ Подробнее о научной деятельности Д. А. Милютина см.: *Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 99–196.*
- ² *Милютин Д. А. Предварительное объяснение для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки // Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 34, 39.*
- ³ *Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. С. 35.*
- ⁴ Примером тому может служить их характеристика в кн.: *Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1928.*
- ⁵ Подробнее см.: *Захарова Л. Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 150–159.*
- ⁶ Великий князь Константин Николаевич Романов: Эксклюзивный памятный фотоальбом. Самара, 2004. С. 293.
- ⁷ Подробнее см.: *Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875. М., 2008.*
- ⁸ См., в частности: *Виноградов В. Н. Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 209–276.*
- ⁹ См.: *Милютин Д. А. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004; Он же. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005; Он же. Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006.*
- ¹⁰ Любопытно также, что высочайшее повеление об окончательном присоединении Кокандского ханства к империи «под именем» Ферганской области и назначение ее губернатором генерал-майора М. Д. Скобелева, завоевавшего «с ничтожными силами эту новую территорию», последовало в очередную годовщину вступления Александра II на престол — 19 февраля 1876 г.
- ¹¹ О договоре, подписанном в 1873 г., Милютину и на этот раз ничего не сказали (видимо, опасаясь задеть его обидчивость). Он узнает о нем уже находясь в отставке и работая над «Воспоминаниями».

- ¹² Подробнее о спорах об организации вооруженных сил в 1873 г. см.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 574–604; *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. С. 254–304.
- ¹³ Подробнее см.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 338–351; *Бушнелл Дж. Д.* Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России. 1856–1874: Сб. ст. / Под ред. Л. Г. Захаровой, Дж. Бушнелла и Б. Эклофа. М., 1992. С. 239–259.
- ¹⁴ *Газенкамф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 281. Поводом для столь резкого заявления послужила сплетня о том, будто бы Н. Н. Обручев в 1863 г. демонстративно отказался от участия в подавлении польского мятежа. Подробнее см.: *Айрапетов О. Р.* Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 78–87, 176, 187–190.
- ¹⁵ Впоследствии все соответствующие распоряжения были отложены до 1 ноября.
- ¹⁶ *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 26–28.
- ¹⁷ *Милютин Д. А.* Дневник. 1873–1875. С. 46–47.

ОТ РЕДАКТОРА

Дневник Д. А. Милютина 1876–1878 гг. впервые был опубликован П. А. Зайончковским в 1949–1950 гг.¹, и с тех пор без него не обходится, пожалуй, ни одно исследование, посвященное внешней и внутренней политике самодержавия этих лет. Неудивительно, что первая его публикация стала библиографической редкостью и давно уже требовала переиздания. Однако при этом следовало, конечно, учесть и те условия, в которых она появилась. Готовя дневник Д. А. Милютина к печати, П. А. Зайончковский не мог быть уверен в том, что это дело удастся довести до конца. Ему и не дали полностью осуществить намеченное (в частности, не были изданы дневниковые записи 1883–1886 гг., которые первоначально предполагалось включить в 4-й том)². Когда же в апреле 1952 г. на заседании Совета Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина Зайончковский, по словам С. С. Дмитриева, «пустил было пробный шар о возможности опубликования “Воспоминаний” Д. А. Милютина», коллеги (в том числе Дмитриев, С. А. Макашин, М. В. Нечкина, С. А. Никитин) «прямо высказались против этой затеи». «Затея дикая, — писал Дмитриев, — превратить Рукописный отдел Ленинской библиотеки в издателя Полного собрания бумаг Милютина!»³.

По-видимому, беспокоясь о судьбе издания и одновременно думая о возможности его продолжения, Зайончковский прибег к ряду предосторожностей. Во-первых, события Второй Восточной войны 1877–1878 гг. при публикации дневника Милютина были искусственно разделены между двумя томами. Во-вторых, в самом тексте пришлось сделать купюры цензурного (или самоцензурного?) характера. Таких купюр при сверке опубликованного текста с автографом выявлено около дюжины (записи за 14 октября, 20 и 27 ноября 1876 г., 6 августа 1877 г., 20 февраля, 7 и 30 марта, 4 апреля, 2, 10 и 25 июня и 18 октября 1878 г.). Причем Зайончковский явно не мог даже оговорить их в предисловии, хотя всякий раз обозначал такой пропуск многозначительными многоточиями. Впрочем, на деле оказывалось практически невозможно отличить отточия публикаторов от многоточий самого Милютина.

При подготовке настоящего издания, являющегося частью многотомной публикации мемуарного наследия Д. А. Милютина, ис-

пользовались те же принципы, что и при переиздании его дневника 1873–1875 гг.⁴ В основу положен текст, опубликованный П. А. Зайончковским, дополнительно сверенный с автографом, хранящимся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 169, к. 2, ед. хр. 8; к. 3, ед. хр. 1–2). Сверка еще раз показала высокое качество подготовки текста Зайончковским и его сотрудниками. Все сделанные ими вынужденные пропуски восстановлены. В подстрочнике приводятся наиболее существенные фрагменты первоначального текста, зачеркнутые или исправленные затем Милютиным, а также перевод иностранных слов и выражений. В угловых скобках воспроизводятся отдельные слова и фразы, зачеркнутые или исправленные Милютиным при редактировании первоначального текста. Авторская правка Милютина, носившая сугубо стилистический характер, не оговаривается.

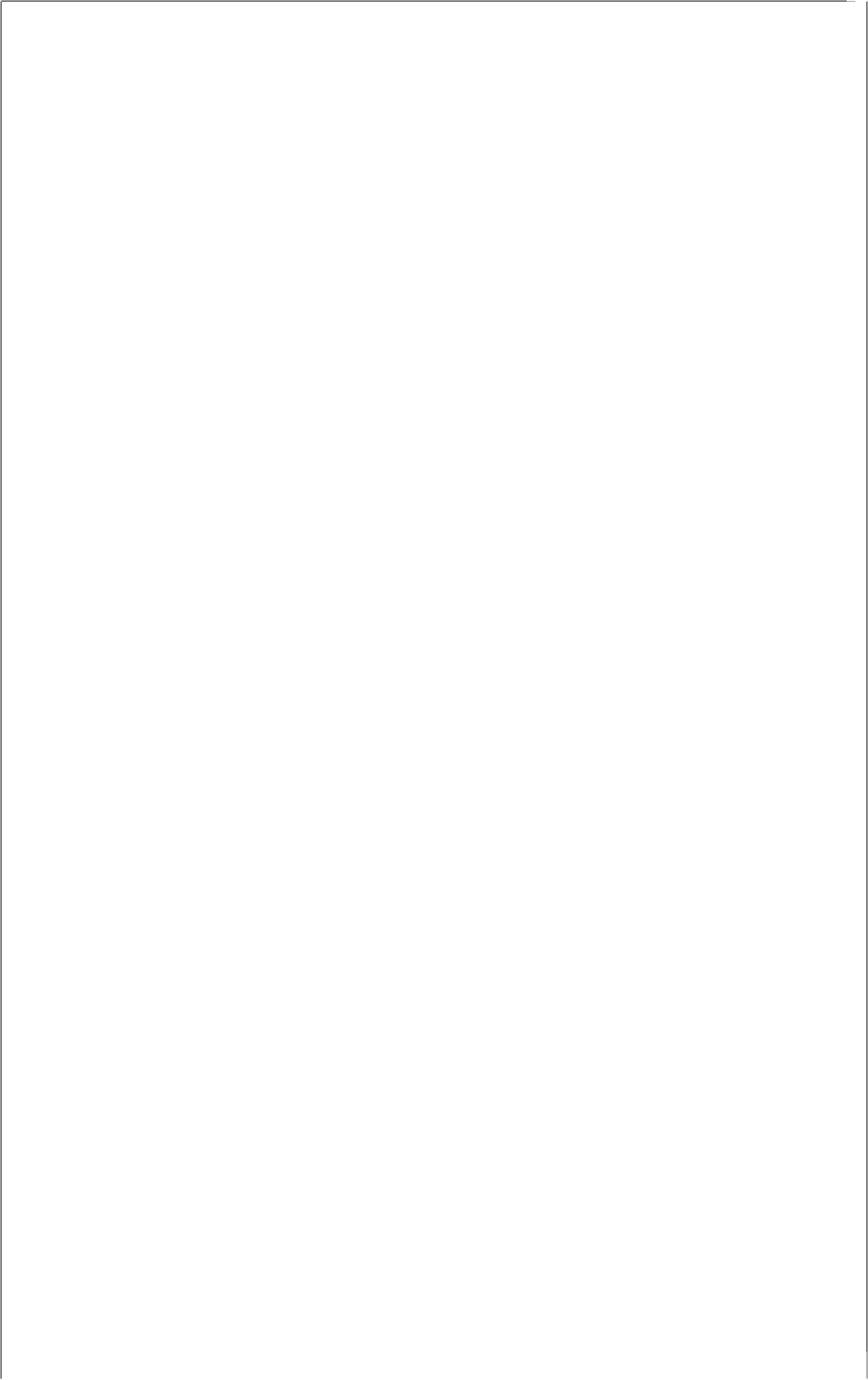
Текст «Дневника» печатается в соответствии с современной орфографией, знаки препинания, в случае их ошибочной расстановки или отсутствия, ставятся в соответствии с правилами. Абзацы даны согласно оригиналу. Подчеркивания, сделанные в автографе, передаются курсивом. Сохраняются присущие эпохе и самому автору особенности написания отдельных слов (противуположный, панфлет, фашьенабельный, противудействие, Симеис, Кокан, Урзуф, Авганистан, авганцы) и фамилий (Криднер, Салисбюри), а также грамматических форм (на poste, в роле, на бале, коллегов, пред, чрез и т. д.). Сокращения, сделанные автором в тексте, раскрываются без оговорок. Не оговаривается также исправление явных опечаток.

По сравнению с первым изданием, были существенно расширены комментарии к «Дневнику» (комментарии П. А. Зайончковского сохранены и особо отмечены), а также уточнен аннотированный Указатель имен. Составлен Указатель географических названий. В качестве приложений впервые публикуются рассказы Н. К. Гирса, записанные Д. А. Милютиным 27 апреля 1886 г. и рассматривавшиеся им как «дополнение» к дневнику, а также записки Н. П. Игнатьева, Н. Н. Обручева и М. Х. Рейтерна, опубликованные еще в конце XIX — начале XX в. в изданиях, теперь уже не всегда доступных для широкого круга читателей.

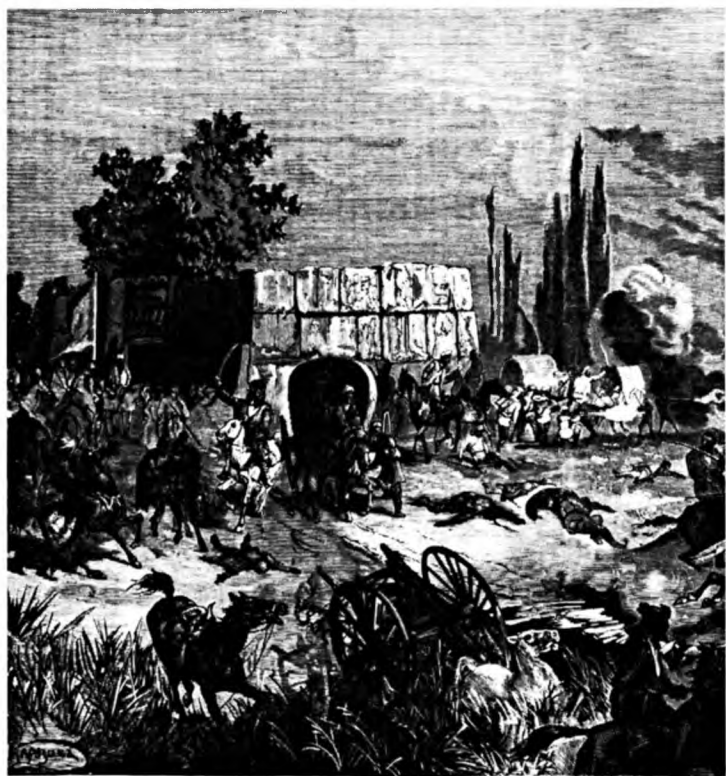
Публикаторы выражают глубокую благодарность за поддержку и содействие изданию Российскому гуманитарному научному фонду и за помощь в иллюстрировании издания Государственному архиву Российской Федерации и лично его директору д. и. н. С. В. Мироненко и сотрудникам Е. А. Чирковой и И. С. Тихонову, а также д. филос. н. С. А. Экиштуту, к. и. н. К. А. Цыковой, М. О. Филипповой и Е. В. Мамоновой.

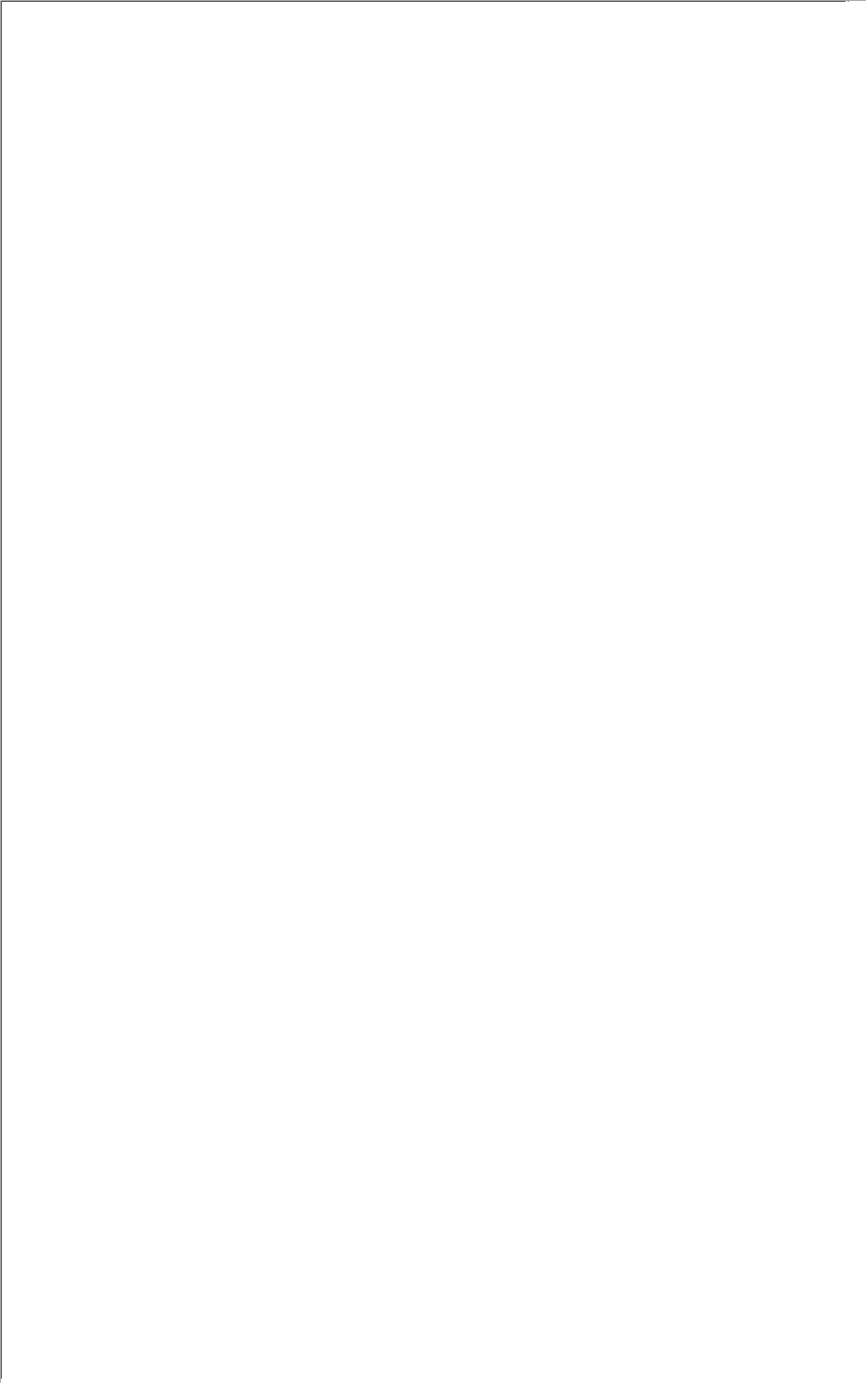
- ¹ Дневник Д. А. Милютина (1876–1877). Т. 2. М., 1949; Дневник Д. А. Милютина (1878–1880). Т. 3. М., 1950. С. 9–109.
- ² *Зайончковский П. А.* От редактора // Дневник Д. А. Милютина. Т. 1. М., 1947. С. 73.
- ³ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 124–125. В 1997–2006 гг. воспоминания Д. А. Милютина были полностью опубликованы под редакцией профессора Л. Г. Захаровой. См.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997; *Он же.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000; *Он же.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004; *Он же.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999; *Он же.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003; *Он же.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005; *Он же.* Воспоминания. 1868 – начало 1873. М., 2006.
- ⁴ *Милютин Д. А.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 17–18.

1876-й год

1-го января. Четверг. — По заведенному порядку, явился я сегодня к Государю с громоздким багажом разных отчетов. Представляя краткий свой отчет за 1875-й год, я доложил, что будущий, 1876-й, год начинается для Военного министерства при благоприятных условиях в финансовом отношении, потому что от предыдущих смет открылись значительные и совершенно неожиданные сбережения, позволяющие исполнить в наступившем году* многие из предположенных мер для развития наших вооруженных сил, но что подробный доклад по этому предмету будет представлен особо вслед за сим¹. Государь видимо был доволен таким заявлением — и вообще в последнее время был в отношении ко мне любезен и внимателен.

Объехав все дворцы с поздравлениями, т. е. записав свое имя у всех швейцаров, я должен был еще поздравить юбиляра — князя Суворова, который сегодня празднует свое 50-летие службы. Я застал у него множество посетителей; небольшая зала его квартиры была набита битком; депутации от разных учреждений, обществ, городов одна за другой подносили ему адреса, и он** с самодовольствием обнимался то с одним, то с другим. Казалось, будто в самом деле чествуют мужа государственного, оказавшего важные заслуги². Можно ли после того придавать серьезное значение всем подобным*** манифестациям в нашей официальной жизни?

4-го января. Воскресенье. — Опять военные торжества и церемонии, повод к тому — выдача нового знамени вновь сформированному 4-му батальону лейб-гвардии Финляндского полка. Вчера была прибавка знамени во дворце великого князя Константина Николаевича, как шефа полка, а сегодня — освящение знамени с обычным по этому случаю молебствием и парадом в манеже.

* несколько более в широких размерах

** с наслаждением целовался то с одним, то с другим.

*** *Первоначальный текст после слов «всем подобным»:* «официальным демонстрациям в нашей общественной жизни».

Князь А. А. Суворов

Новый год начался погребальными церемониями. Почти в одно время скончались граф Армфельд (министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского), генерал-адъютант Краббе и граф Модест Андр[еевич] Корф³. Первые два долго страдали, и смерти их ожидали ежедневно. Особенно для Краббе надобно было желать скорейшей кончины, потому что под конец жизни он впал в идиотическое состояние, едва узнавал людей, не мог произнести ни одного слова, а между тем по временам приходил в ярость и с последними остатками прежней силы вымещал свою злобу на прислуге и на врачах. Напротив того, граф Корф умер тихо, как будто заснул, от старческой слабости. Эти два человека — Краббе и Корф — были две противоположности в нравственном отношении: один — топорный, малообразованный, другой — с высокой культурой и государственным умом; один — грубый до цинизма, шутник, сквернослов, другой — олицетворение деликатности, приличия в формах и речах. Краббе прикрывал свою хитрость и изворотливость постоянным юмором и паясничанием; никто не говорил с ним серьезно, а между тем он умел забрать в свои руки все морское ведомство, сделаться правой рукой генерал-адмирала, Кон-

Н. К. Краббе

стантина Николаевича, и пользовался расположением всех членов императорской фамилии⁴. Граф Корф* всю жизнь провел за кабинетной работой; много важных дел государственных прошло чрез его руки и по званию государственного секретаря, и по заведыванию II отделением Собственной Е. В. канцелярии, и по председательству в Департаменте законов, он был** человек тонкий, обладал способностью хорошо говорить и писать, но, воспитавшись в школе Сперанского и Блудова, в эпоху Николая I, барон Корф, как и все современные ему государственные люди, отличался изворотливостью в ведении дела, прилаживанием к чужим взглядам

* Первоначальный текст после слов «Граф Корф»: «всю жизнь свою сидел над делами».

** правда

Граф М. А. Корф

и неустойчивостью собственных убеждений⁵. До высших чинов и званий он оставался ловким чиновником и за то не пользовался тем уважением, которого заслуживал бы по своим способностям, образованию и уму*.

5-го января. Понедельник. — Сегодня было погребение графа Корфа в Александро-Невской лавре. Государь был утром на выносе из дома, а в лавру не приехал; от этого отпевание происходило без

* Никогда не забуду фразы, сказанной им раз в Государственном совете: когда по какому-то делу, поступившему в общее собрание чрез Департамент законов, он заметил, что председатель великий князь Константин Николаевич не одобряет заключения Департамента и что некоторые члены также говорили против него, он спокойно встал и своим мягким голосом объявил: «Все, что до сих пор я слышал, не убеждает меня... в необходимости остаться при моем мнении». Это отречение от своего мнения было высказано так плавно и спокойно, что многие из членов Совета, не имеющие привычки скоро схватывать смысл слышанных слов, не поняли настоящего значения высказанных Корфом слов и почти готовы были удивиться его гражданскому мужеству.

особенной торжественности; съехалось не много, и мне казалось, что тень государственного мужа, целую жизнь искавшего почестей, обижена невниманием к почившему. Даже товарищ графа Корфа по выпуску из лицея, князь Алекс[андр] Мих[айлович] Горчаков, не почтил покойника своим присутствием.

7-го января. Среда. — Каждый день что-нибудь заставляет терять время и отвлекает от дела. Вчера по случаю праздника Крещения бо́льшая часть утра проведена во дворце; обычный выход на иордань обошелся благополучно благодаря довольно теплomu времени (градуса 2 мороза). Сегодня же весь день был занят разными церемониальными обязанностями: утром погребение адмирала Краббе и поздравление князя Николая Сергеевича Голицына с 50-летним его юбилеем, а вечером — свадьба молодого офицера гвардии Финляндского полка Иванова, пасынка моего брата Бориса.

Генерал-лейтенант князь Голицын — почтенный, высоконравственный человек. Я знаю его с 1835 года, когда учился в Военной академии, он же был тогда адъюнкт-профессором по кафедре стратегии и военной истории и составлял по лекциям барона Медема записки, отличавшиеся сухостью и длиннотой*. По выходе моем из Академии я принимал некоторое время участие в предпринятом князем Голицыным составлении полного курса военной истории, от древнейших до наших времен. На мою долю досталась Тридцатилетняя война; но я недолго оставался сотрудником в этой работе: уезжая на Кавказ, я предоставил подготовленную мною статью в полное распоряжение главного редактора и позабыл совсем о предпринятом составлении Курса военной истории⁶; да и сам князь Голицын должен был покинуть эту пенелопину работу, получив место директора Училища правоведения. Лет пять тому назад, т. е. по прошествии более 30 лет после прекращения работы, князь Голицын задумал вернуться к ней и докончить ее единоличным трудом. Когда он заявил мне об этом намерении своем, признаюсь, я усомнился в осуществлении такого обширного предприятия, — и что же? — с тех пор он ежегодно печатает по несколько томов, так что теперь

* Первоначальный текст после слов «...пасынка моего брата Бориса.»: «Князь Голицын — тип бездарного труженика и доброго человека. Я знаю его с молодых лет, когда я учился в Академии (1834 г.), а он поступил в адъюнкты к старику барону Медему по кафедре стратегии и военной истории. И тогда уже мы, неучи, смотрели на него, как на бездарного труженика; он составлял по лекциям Медема записки, отличавшиеся сухостью и длиннотой».

уже появилось томов 8 или 9⁷. Читать эту сухую компиляцию, конечно, невозможно; но труд добросовестный и может служить, по крайней мере**, в виде справочной книги. Не могу не преклониться пред такою выдержкою и усидчивостью. Сегодня, приехав к князю Николаю Сергеевичу с поздравлением, я с удовольствием припоминал ему давно прошедшие времена и выражал с искренностью удивление мое его постоянству и терпению. Замечательно, что он с тех же времен, т. е. с 1835 года, не только не изменил своего образа жизни, но даже живет в той же самой квартире, в доме Анненской церкви. — Это тип своего рода. Последние 10 или 12 лет он добросовестно исполнял обязанность председателя в учрежденной мною Комиссии для раздачи пособий отставным военнослужащим и семействам их⁹.

9-го января. Пятница. — Большую часть утра провел в клинике баронета Вилье, составляющей часть Медико-хирургической академии. Слушал лекции Красовского, Боткина и Корженевского, обходил их больных и присутствовал при операции Красовского над женщиной, у которой посредством прокола выпущено из живота громадное количество жидкости. Вильевская клиника выстроена уже при мне; это прекрасное лечебное заведение, устроенное со всеми удобствами и для больных, и для профессоров.

Перед обедом было у меня совещание с генерал-адъютантом Кауфманом, Крыжановским, графом Гейденем и генерал-лейтенантом Богуславским по делам туркестанским, именно о средствах к усилению войск в том крае, ввиду необходимого занятия всего ханства Коканского. Последние известия оттуда подтверждают неизбежность

* *Первоначальный текст после слов «...полного курса военной истории, от древнейших до наших времен.»:* «На мою долю досталась Тридцатилетняя война; другие периоды взяли на себя мои товарищи по Гвардейскому Генеральному штабу Горемыкин и Кузминский и товарищи по выпуску из Академии Штурмер⁸. Однако ж я недолго был сотрудником в этой работе: не мог сойтись во взглядах с нашим главным редактором и предоставил составленную мною Тридцатилетнюю войну в полное распоряжение его. После того, побывав на Кавказе и принявшись за многообразные другие занятия, я позабыл о начатом учебнике; да и сам князь Голицын должен был покинуть эту пенелопину работу, получив назначение директором Училища правоведения. Не мало я удивился, когда лет пять тому назад, т. е. по прошествии 30 лет после того, как перестали и говорить о затеянной "Всеобщей военной истории", князь Голицын задумал вдруг приняться снова за эту работу и издавать постепенно, по мере составления одного тома за другим. Признаюсь, я усомнился в исполнении этого предприятия, — и что же? — с тех пор он ежегодно печатает по несколько томов, так что теперь уже появилось томов 8 или 9».

** как материал для учащихся военному делу.

этой меры, несмотря на все сопротивление со стороны Министерства иностранных дел.

После совещания участвовавшие в нем остались у меня к обеду.

10-го января. Суббота. — Утром доклад, потом заседание Соединенных департаментов Государственного совета по делу о новом Положении для найма рабочих и прислуги¹⁰. По всему видно, что дело это протянется долго и потребует немало заседаний¹¹. Решено собираться по два раза в неделю. Не знаю, откуда я возьму время. Мне не удалось устранить себя от этого дела, мало касающегося военного ведомства.

Вечером был приглашен к генералу Баранцову на бал, а после того ездил к новому турецкому послу Кабули-паше, у которого назначен был официальный прием. Я приехал, когда уже никого не было у него; вообще говорят, съезд был не блестящий.

15-го января. Четверг. — Получена телеграмма из Ташкента о новом успехе наших войск против коканцев: генерал-майор Скобелев овладел Андижаном, где сосредоточились враждебные нам скопища кипчаков Абдурахмана-Автобачи¹². Судя по телеграмме, наши войска овладели городом без больших потерь; штурм был подготовлен продолжительным бомбардированием. С этою телеграммою явился я к Государю вместе с генералом Кауфманом. Пользуясь случаем, я доложил Государю представление генерала Кауфмана о необходимости окончательного занятия всего ханства Коканского и выработанное вместе с ним предположение о средствах к усилению войск Туркестанского края. Государь* изъявил согласие на занятие Кокана предстоящею весною и поручил нам, т.е. мне вместе с Кауфманом, объявить об этом решении государственному канцлеру, который постоянно противился и противится всякому распространению наших владений в Азии. Меры к усилению войск также утверждены¹³.

Я имел сегодня еще затруднительный доклад — относительно военно-судной части, на которую повторяются по временам нападки со стороны строевых начальников, поддерживаемых в этом отношении молодыми великими князьями. Такие же нападки выдерживает и гражданское судебное ведомство; на военный же суд жалуются с точки зрения мнимого нарушения дисциплины; из-за этого готовы поколебать все основания нового суда. При последнем моем докладе, во вторник, Государь прочел мне письмо великого князя Михаила Николаевича, который пишет, что все было бы на Кавказе благополучно и прекрасно, если б не военный суд, который

* без особенного затруднения согласился на занятие Кокана

навлек на себя неудовольствие августейшего главнокомандующего двумя своими решениями¹⁴. По этим-то двум делам я и должен был представить объяснения, а также еще по третьему делу, которое еще в 1874 году производилось в Петербурге над одним гвардейским солдатом и возбудило негодование наследника цесаревича и великого князя Владимира Александровича. Рассмотрев все эти три дела, я не нашел в них ничего неправильного или ошибочного и вынужден был в этом смысле объяснять Государю, в присутствии обоих великих князей, которые вмешались в дело очень горячо и заставили меня также погорячиться. Они не имеют ни малейшего сознания юридической постановки вопросов, несмотря на то, что Владимир Александрович несколько лет заседал в Сенате. Государь скорее усваивает себе представляемые ему объяснения и, несмотря на свое предубеждение против нового военного суда, не настаивал на своем прежнем взгляде. Тем не менее все эти препирательства, видимо, были ему неприятны*.

Уже был 1-й час, когда мы с Кауфманом приехали к государственному канцлеру. По обыкновению своему, он принял нас любезно, с шуточками, даже без неудовольствия выслушал привезенное нами известие о решении Государя относительно Кокана и, не слишком внимательно войдя в наши объяснения, предпочел прочесть нам отправленную им на днях в Вену инструкцию нашему послу относительно турецких дел, в особенности же Черногории.

В час пополудни приехал я в Государственный совет, в заседание Соединенных департаментов, по делу о найме рабочих. Заседание это имело особый характер: приглашены были в качестве экспертов некоторые из лиц, принимавших участие в разработке проекта, под председательством Валуева. От них мы должны были выслушать объяснения по некоторым основным вопросам, постановленным в предшествующем заседании. В числе этих экспертов были: предводители дворянства петербургский — граф Андр[ей] Павл[ович] Шувалов и московский — граф Алекс[ей] Вас[ильевич] Бобринский, известный строитель мостов и заводчик инженер-полковник Струве, московский гласный Наумов и еще несколько других. По-

* Первоначальный текст после слов «...несколько лет заседал в Сенате.»: «Государь, несмотря на свое предубеждение против военного суда, скорее усваивает себе объяснения и не настаивал на своих прежних <неодобрительных> <замечаниях> впечатлениях. Однако ж мне казалось, что он был не в духе, и по окончании длинного моего доклада я вышел из кабинета не совсем довольный».

казания этих лиц были довольно интересны; почти все говорят складно и толково. Вообще сегодняшнее заседание выходило из ряда обыкновенных сухих заседаний департаментов Государственного совета¹⁵.

16-го января. Пятница. — Сегодня был смотр на Дворцовой площади бóльшей части войск петербургского гарнизона. После смотра все начальствующие лица были приглашены во дворец к завтраку.

Киевский генерал-губернатор князь Дондуков-Корсаков (который некогда был в числе коноводов враждебной мне партии) вошел ко мне крайне взволнованный, бросился ко мне на шею, рыдая и с трудом высказывая свое горе. Я был крайне удивлен такому патетическому состоянию его, пока не понял, в чем дело. Оказалось, что старший сын его, которого он и жена его обожали, едва только произведенный в офицеры Кавалергардского полка, на 22-м году, тайно женился на какой-то певице, десятью годами старше его, и вследствие того должен был выйти в отставку. Отец и мать в отчаянии, не хотят видеть сына, хотя и сознают, что он поступил, как легкомысленный и слабохарактерный мальчишка, которого провела хитрая и ловкая женщина. Князь Дондуков приехал ко мне прямо от Государя, у которого он просил помилования сыну за противозаконное вступление в брак на службе и об определении его снова на службу в армию. Тяжело было видеть огорченного отца; я обещал ему все содействие, какое от меня зависит в этом щекотливом деле.

17-го января. Суббота. — В числе дел, о которых я докладывал сегодня Государю, было проектированное особою комиссиею положение о воинской повинности в Финляндии. Проект этой комиссии, состоявшей исключительно из одних финляндцев, прислан был на мое заключение. В заготовленном отзыве моем я должен сделать много замечаний и возражений, но в особенности восстать на общее направление этого проекта, создающего новую армию, совершенно независимую от центрального правительства империи и не имеющую ничего общего с русской армией. Такой отзыв я не решился подписать, не удостоверившись в том, что смысл его согласен со взглядом Государя. Он одобрил его безусловно и даже сказал, что сам не раз высказывал финляндцам те же самые мысли¹⁶.

После доклада я поспешил навестить князя и княгиню Дондуковых, чтобы объявить им об окончательном разрешении Государя определить снова на службу сына их, не ожидая истечения годовичного срока, и не поднимать дела о противозаконной женитьбе.

Князь П. Р. Багратион

Сегодня было опять заседание Соединенных департаментов Государственного совета по делу о найме рабочих, с участием тех же экспертов.

20-го января. Вторник. — Опять горячее прение в Комитете министров по поводу представленного государственным контролером во всеподданнейшем его отчете обвинения Военного совета в неправильных решениях по одному пустому подрядному делу (в Виленском округе, в период 1867–1870). Не в первый раз поставленный в необходимость отстаивать права Военного совета и опровергать универсальную компетентность Государственного контроля, я старался быть сколько можно хладнокровным и спокойным; однако же не выдержал роли и, по мере того как говорил, чувствовал сам, что невольно горячился и не достиг своей цели. Нынешний контролер Грейг и прежний — Абаза, а также Рейтерн упорно отстаивали неограниченные права Государственного контроля во все вмешиваться и быть судьей во всех делах и распоряжениях кого бы то ни было. Валуев попробовал вмешаться в прение в смысле примирительном.

Кончилось тем, что дело, подавшее повод к этим прениям, отложено до другого заседания¹⁷.

Сегодня происходили похороны рижского генерал-губернатора князя Багратиона. Я не был на этой церемонии, так как имел доклад у Государя, а потом следовало быть в Комитете. Во время доклада Государь заговорил о князе Багратионе и сказал: «Теперь надобно подумать, кем заменить его». Я позволил себе отвечать на это: «Не изволите ли признать своевременным оставить место незачтенным?» — Государь не согласился с этим мнением, которое уже не раз высказывал и министр внутренних дел Тимашев¹⁸. Об этом была речь еще при назначении князя Багратиона (на смену Альбединского); тогда прежний Рижский военный округ был упразднен, и можно было рассчитывать, что такое распоряжение по военной части наведет на соответственную меру и по гражданскому управлению в Прибалтийском крае; но на представление Тимашева не последовало высочайшего согласия¹⁹. Как объяснить себе систематическое потворство стремлениям прибалтийских немцев к сепаратизму. Неужели объяснение это заключается в одном личном сочувствии немецкому элементу, властвующему до сих пор в этом финском крае, завоеванном русской кровью? — Надобно сознаться, что немецкие бароны так называемого «Ост-зейского» края, чувствуя за собой опору германского императора, умеют хитрее и искуснее вести свои дела, чем польские иезуиты и паны, которым папа мало может оказать помощи.

Сегодня я обедал у герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого; обед был парадный, в честь гостя его, старшего брата, совершенно слепого. Хозяева очень любезны и хорошо кормят, но до крайности скучны.

22-го января. Четверг. — Государь был на охоте вместе с приехавшим новым гостем: великим герцогом Мекленбург-Шверинским. Поэтому у меня не было обычного доклада, и я употребил свободное утро на обычный объезд военно-учебных заведений; но потом должен был снова сидеть в заседании Соединенных департаментов Государя

* Первоначальный текст после слов «...но на представление Тимашева не последовало высочайшего согласия.»: «Как объяснить себе систематическое упорство все-русского императора поддерживать сепаратизм в этих трех губерниях? Неужели объяснение это заключается в одном личном и инстинктивном сочувствии немецкому элементу, властвующему до сих пор в этом финском крае, завоеванном русской кровью?»

ственного совета по делу о найме рабочих. Заседание это происходило без участия экспертов*²⁰.

23-го января. Пятница. — Сегодня был второй высочайший смотр на Дворцовой площади тем войскам петербургским, которые не были на первом смотре в прошлую пятницу. Погода была теплая, на 0°. Присутствовали на смотре великий герцог Мекленбург-Шверинский и принц Александр Гессенский. Все обошлось удачно, и к концу смотра были внезапно вызваны по тревоге полки Кавалергардский и Конногвардейский²¹.

В 6 часов был большой парадный обед в Зимнем дворце. Не знаю, с какой целью и в честь кого был этот обед. Ни иностранные принцы, ни королева Ольга Николаевна не присутствовали, а приглашены были послы, все министры и некоторые высшие сановники с их женами.

Тимашев с торжеством объявил мне, что ему удалось наконец убедить Государя не замещать должности генерал-губернатора прибалтийских губерний²². Известие это обрадовало и удивило меня. Немцы опять поднимают тревогу²³.

24-го января. Суббота. — Доклад сегодня был продолжительнее, чем обыкновенно, за пропуском четверга. Потом было опять заседание по вопросу о найме рабочих; мы должны были выслушивать** многоречивых экспертов относительно введения рабочих книжек: одни доказывали необходимость обязательного введения этого документа, другие опровергали это мнение***. В окончательном выводе оказалось разногласие только в практическом применении предположенной книжки²⁴.

27-го января. Вторник. — В воскресенье, после развода, было у меня совещание по вопросу об устройстве железнодорожной части в военное время. Вопрос этот уже несколько лет не подвигается вперед из-за того, что Главный штаб и инженерное ведомство препираются между собой о том, в чьем ведении должна быть эта часть, а в последнее время еще заявило притязание и ведомство путей сообщения. Так или иначе приходилось рассечь узел: предложенная мною комбинация, как кажется, удовлетворила все три стороны.

* для обсуждения некоторых основных вопросов рассматриваемого проекта.

** многоглаголание

*** На поверку вышло, что ни те, ни другие не разумели действительной фактической обязанности: недоразумение разъяснилось разногласием только в практических применениях книжки.

Разработка на постановленных основаниях подробного проекта положения распределена между Главным штабом, Главным инженерным управлением и Главным военно-кодификационным комитетом*.

Сегодня, после доклада, я осматривал в здании Соляного городка некоторые из коллекций, предназначенных от Военного министерства на Филадельфийскую выставку. Наше время можно назвать эпохой выставок; кроме универсальных, открываемых периодически то в одной стране, то в другой, устраиваются в течение каждого года в разных пунктах специальные выставки. Так, в нынешнем году готовятся выставки: в Лондоне — педагогическая, в Брюсселе — санитарная, в Берне — выставка *обуви!* Наше Военное министерство не отстает от других и везде является экспонентом.

В Комитете министров происходило довольно продолжительное заседание**; главными предметами прений были: представление министра внутренних дел об ограничении празднования юбилеев, размножившихся в последнее время до смешной мании, и представление министра путей сообщения по вопросу о концессии на Сумскую железную дорогу. Я ожидал возобновления препирательства моего с Грейгом по делу, оставшемуся нерешенным в предыдущем заседании, но об этом деле не было речи, может быть, вследствие вчерашнего моего разговора с Грейгом *aparté**** в Государственном совете.

К обеду я был приглашен к их величествам.

* Первоначальный текст после слов «...об устройстве железнодорожной части в военное время.»: «Вопрос этот уже несколько лет не подвигается вперед из-за того, что Главный штаб и инженерное ведомство тянут это дело к себе, а в последнее время еще заявило притязание и ведомство путей сообщения. Надобно было так или иначе рассечь узел, и я предложил такую комбинацию, которая, как кажется, удовлетворила и ту, и другую сторону. Железнодорожные батальоны будут в составе санитарных бригад, и назначение их будет исключительно строительное; для эксплуатации же железных дорог в военное время, в районе действий армии, будут формироваться в ведении инспектора военных сообщений особые команды, приготовление которых в мирное время будет возложено на попечение Главного штаба и непосредственно в ведение состоящих на железных дорогах офицеров Генерального штаба. Ведомство же путей сообщения при мобилизации армии откомандирует требуемое число инженеров и техников в распоряжение инспектора военных сообщений армии, а кроме того, обязан будет устанавливать непосредственно от себя эксплуатацию железных дорог в тылу армии. На таких главных основаниях поручено разработать подробные проекты положений, частью в Главном штабе, частью в Главном инженерном управлении, частью в Главном военно-кодификационном комитете».

** <длинные споры> горячие прения по представлению министра внутренних дел

*** наедине (фр.)

29-го января. Четверг. — После доклада, продолжавшегося опять довольно долго (по случаю полученных генералом Кауфманом телеграмм о новых успехах Скобелева в Кокане)²⁵, я осматривал в здании Главного артиллерийского управления предметы, назначенные к отправлению на Филадельфийскую выставку, по артиллерийской части. Затем сидел опять в присутствии Соединенных департаментов Государственного совета по делу о найме рабочих. На этот раз, по крайней мере, пришли хоть к какому-нибудь заключению, — именно о значении, которое следует дать в новом законодательстве «рабочей книжке». В этом* спорном вопросе пришли неожиданно к единогласному заключению: что рабочая книжка не обязательна ни для нанимателя, ни для работника, но что книжке этой следует присвоить значение документа на случай возникновения каких-либо недоразумений или столкновений между двумя сторонами, так чтобы обе они находили** выгодным для себя*** пользоваться таким документом. В чем именно должно выражаться это полезное для обеих сторон значение рабочей книжки — об этом речь впереди, и, вероятно, предстоит еще много долгих прений по этому вопросу²⁶.

Обедали у меня сегодня генерал Драгомиров, К. Дм. Кавелин и еще кое-кто.

Возвратившись домой пред обедом, я нашел у себя на столе знаки мекленбургского ордена Вендской короны. Потом узнал, что орден этот привезен был генерал-адъютантом гротгерцога Мекленбург-Шверинского Цюловым.

30-го января. Пятница. — Утро провел в клиническом госпитале и на лекциях Медико-хирургической академии. Потом ездил к гротгерцогу Мекленбург-Шверинскому в новой ленте благодарить его за оказанный мне знак внимания. Затем принимал доклады по разным частям министерства.

31-го января. Суббота. — Утром было торжество 50-летнего юбилея II отделения Собственной Е. В. канцелярии, впрочем, довольно скромное.

Вечером раут у австрийского посла барона Лангенау.

3-го февраля. Вторник. — Вчера был на бале у наследника цесаревича.

Получены довольно важные известия из Кокана: смуты и раздоры дошли до такого предела, что обе соперничающие партии

* главным

** в бóльшей части случаев

*** иметь такой полезный документ

К. П. фон Кауфман

нашлись вынужденными положить оружие пред русскою силою. Предводитель кипчаков Абдурахман-Автобачи сдался Скобелеву; претендент на ханство Фулат-бек бежал в горы, и шайка его разбита флигель-адъютантом ротмистром Меллером-Закомельским у подошвы Каратегенских гор²⁷; в то же время из Кокана пришло приглашение к Насредину-хану вступить снова на престол; но, когда он подошел к Кокану, враждебная ему партия напала на него, так что он едва спасся. Депутации от разных городов просят о принятии ханства в подданство русского царя.

Генерал Кауфман приехал ко мне с этими известиями, и мы согласились между собой испросить высочайшее дозволение ныне же, по телеграфу, разрешить генералу Колпаковскому лично ехать в Кокан и объявить народу, что Белый царь, снисходя к его просьбе и желая положить конец его бедствиям, принимает его в свое подданство. Прежнее ханство Коканское присоединяется к Российской империи под названием области Ферганской (древнее название страны в верховьях Оксуса — Фергана).

Государь одобрил наше предположение, и телеграмма вчера же отправлена к Колпаковскому. Министерство иностранных дел уже не возражает и само пришло к убеждению в неизбежности присоединения Кокана к империи. — Но что скажут англичане? — Уже и теперь английская пресса* злобствует на Россию; надобно ожидать еще большего ожесточения²⁸.

Между тем общие дела политические запутываются. Сегодня при докладе Государь говорил, что, несмотря на советы наши, князья сербский и черногорский вошли в соглашение между собой и отправили агентов в Грецию, чтобы заключить с нею оборонительный и наступательный союз²⁹. По-видимому, инсургенты не намерены положить оружие, и с весною может вспыхнуть война на всем полуострове Балканском. Русское правительство заявило обоим князьям, что все последствия падут на их ответственность и чтобы они не рассчитывали на помощь России.

При таком обороте дела, угрожающем весьма серьезными осложнениями, я спросил Государя, не полагает ли Его Величество нужным приступить к каким-нибудь предварительным приготовлениям по военной части. Государь положительно выразил, что не видит никакой надобности, прибавив, что уже и без всяких с нашей стороны приготовлений не перестают распускать слухи о том, будто мы вооружаемся.

Сегодня в Комитете министров опять было горячее заседание, продолжавшееся до 6-го часа. Вопрос о добавочном отпуске сумм из облигационного капитала на Лозово-Севастопольскую дорогу возбудил довольно оживленное и резкое препирательство между Посьетом и Грейгом; на этот раз министр финансов изменил своему союзнику Грейгу, приняв сторону министра путей сообщения. Под конец же заседания назначено было обсуждение внесенного мною по особому высочайшему повелению вопроса о том, выгодны ли или не выгодны для заготовления провианта долгосрочные поставки, подобные, например, 9-летней операции петербургской (1867—1876). Вопрос этот возбужден мною вследствие ежегодно повторяющихся в отчетах Государственного контроля нападков на эту операцию. Ввиду близкого истечения срока заключенного контракта необходимо, прежде устройства новой операции на будущее время, разъяснить положительно, кто ошибается: Военное ли министерство или Государственный контроль. По моей просьбе в заседании был приглашен главный интендант генерал-адъютант Кауф-

* мечет огонь против России;

ман 2-й (Михаил Петрович). Прения продолжались более 2 часов; Грейг, как всегда, был беззастенчив до нахальства. Разъяснения, данные Кауфманом дельно и спокойно, не укротили ярого судью над всеми министрами. На сей раз даже оба союзника его — Рейтерн и Абаза — не поддержали его и высказались в смысле умеренном и примирительном. В том же смысле говорил и Валуев; совершенно в пользу Военного министерства заявили мнения Тимашев, Потапов, принц Ольденбургский. На беду, в то время, когда уже почти приходили к соглашению, вдруг сам председатель поднимает голос против Военного министерства. Он прямо напоминает, что уже много лет тому назад, когда он председательствовал в комиссии, разбиравшей по высочайшему повелению годовые отчеты Военного министерства, он был противником новой системы долгосрочных поставок, но что тогда мнение его не было уважено, и вследствие того теперь он предлагает — поместить в журнале что-то вроде порицания долгосрочности всяких поставок. Услышав это, Грейг, который совсем было утих, опять заартачился, и чуть было не возобновилась буря; но час был уже поздний, и решено было составить журнал в смысле большинства, к которому и я охотно присоединился, с тем, однако же, что сам председатель и Грейг предоставили себе, смотря по тому, как будет отрецензировано мнение большинства, согласиться с ним или высказать в журнале свои отдельные мнения. Таким образом, надобно ожидать, что будущее заседание Комитета начнется с тех же желчных и раздражительных прений, которыми нынешнее заседание закончилось.

Сколько времени и сил тратится на подобную бесполезную борьбу в самой среде министров!

5-го февраля. Четверг. — Состояние великой княгини Марии Николаевны возбуждает опасения; Государь и императрица вчера были у нее поздно вечером, она едва узнала их. Приехав сегодня во дворец, я узнал, что назначенный на завтрашний день большой бал во дворце отменен.

Перед докладом я был у государственного канцлера, который болен, не выезжает и желал со мною видеться, чтобы условиться по некоторым вопросам, касающимся как турецких дел, так и среднеазиатских. Порта приняла с покорностью ноту, предъявленную ей тремя императорскими кабинетами и поддержанную прочими государствами; но теперь задача — как склонить самих инсургентов к прекращению военных действий и как привести в исполнение

* Сколько испорченной крови!

требуемые Европой от Турции реформы в восставших областях³⁰. Об этом идет теперь дипломатическая переписка. С другой стороны, получены из Лондона депеши графа Шувалова, возбуждающего некоторые новые вопросы по поводу назначения Литтона генерал-губернатором Индии.

По тому и другому предмету я доложил Государю соображения государственного канцлера и, получив одобрение Его Величества, заехал опять к князю Горчакову, чтобы передать ему слова Государя.

Сегодня было опять заседание в Государственном совете по делу о найме рабочих. Дело подвигается медленно, каждая статья проекта подает повод к бесконечным прениям.

8-го февраля. Воскресенье. — Вчера, после доклада, присутствовал в Николаевском кавалерийском училище на просмотре сочинений юнкеров на темы из военной истории и тактики; при этом находился австрийский второй агент капитан Клепш. Потом был в заседании Государственного совета; дело о рабочих тянется невыносимо тяжело³¹.

Сегодня утром осматривал в Интендантском музее вещи, отправляемые на Филадельфийскую выставку. Обычный воскресный развод был отменен по тому случаю, что Государь и императрица немедленно после обедни поехали к великой княгине Марии Николаевне; говорят, она приобщалась (уже вторично)*.

9-го февраля. Понедельник. — В прошедшую ночь скончалась великая княгиня Мария Николаевна после продолжительной и мучительной болезни³². Эта женщина совершенно выделялась из той среды, в которой она родилась и выросла: страстная и своеобразная натура ее не могла подчиниться условному, стеснительному, лишенному внутреннего содержания формализму дворцовой жизни и царской семьи; еще в царствование отца своего, несмотря на тогдашнюю суровую дисциплину, она одна решилась сбросить с себя путы, увлеклась любовными своими наклонностями и потом вышла замуж за графа Григория Строганова. С тех пор она держала себя почти как обыкновенная смертная; тон ее, речи, обращение были крайне развязны и бесцеремонны; жила большей частью за границей, позволяла себе разные эксцентричности; только профиль ее лица напоминал, что она дочь императора Николая. В молодости она была красива, но и тогда этот профиль придавал ее

* Однако ж это не помешало Государю все-таки приехать на развод; но я уже избавил себя от этого еженощного спектакля, повторяющегося каждую неделю с математическим единообразием.

*Великая княгиня
Мария Николаевна*

физиономии некоторую жесткость и строгость. В последние годы она вдруг сильно опустилась и так исхудала, что трудно было узнавать ее. Муж ее, граф Григорий Строганов — личность весьма типичная: в молодости он был красавец, всегда был добрый малый и* кутила. Несмотря на свою связь с царской семьей, он всегда держал себя чрезвычайно просто, без принуждения, и остается до сих пор прежним добрым малым и кутилой, несмотря на свои уже немолодые лета.

Утром, во время моего обычного (по понедельникам) приема в канцелярии Военного министерства, дали мне знать, что в час пополудни назначена панихида во дворце великой княгини Марии Николаевны у Синего моста и что заседание Государственного совета начнется только в 2 часа. Едва поспел я на панихиду; по окончании же ее поехал в Государственный совет, где мне пришлось немного поспорить по делу об улучшении положения врачей, служащих в разных ведомствах, преимущественно в военном и по Министерству внутренних дел. К сожалению, дело это не получило окончательного разрешения; надобно было ограничиться полумерой и обещаниями на будущее, более благоприятное время. Авось когда-нибудь и наступит то время, когда министр финансов, государственный контролер и

* пресловутый

другие влиятельные члены правительства будут шире понимать интересы государственные*.

10-го февраля. Вторник. — После доклада был в Инженерном замке, где показывали мне вещи, предназначенные к отправлению на Филадельфийскую выставку по инженерной части. Кстати, обошел Инженерную академию и училище. Затем был на панихиде по великой княгине Марии Николаевне, а потом в заседаниях трех комитетов, происходивших один за другим: Комитете министров, Кавказском и Польском.

В Комитете министров между прочим читался журнал прошлого заседания по делу о долгосрочных поставках; Грейг опять покушался вставить свои наглые нападки на действия Военного министерства; но так как никто не поддерживал его и общее настроение в Комитете было примирительное, то строгий цензор укротился и отказался от всех своих претензий. Заключение Комитета вышло более в пользу Военного министерства, хотя и с разными оговорками: существенно важно то, что Комитетом признаны некоторые преимущества и выгоды за подрядами, заключаемыми на несколько лет, наперекор государственному контролеру, который** в своих всеподданнейших отчетах не переставал заявлять о мнимых убытках, наносимых казне долгосрочной провиантской операцией в Петербурге. Он до конца продолжал настаивать, что ежегодные поставки выгоднее, однако ж решился подписать журнал, составленный в противоположном смысле.

12-го февраля. Четверг. — Доклад обыкновенным порядком, а потом процесс перевозки в крепость тела покойной великой княгини Марии Николаевны. Погода теплая, градуса 2 мороза. Государь сел верхом в 12 1/2 часов у Зимнего дворца, откуда мы проехали галопом по фронту войск, расставленных шпалерами до дворца покойной великой княгини. Около часа пополудни шествие тронулось по обычному церемониалу, а в 2 часа тело было уже внесено в Петропавловский собор (в крепости).

13-го февраля. Пятница. — Погребение великой княгини Марии Николаевны происходило с обычным обрядом в соборе Св. Петра и Павла.

14-го февраля. Суббота. — Получено по телеграфу известие из Ниццы о кончине княжны Вяземской. Бедняжка много настрада-

* когда полезнейшие и необходимые меры не будут встречать непреодолимого сопротивления от упрямой инерции и односторонности.

** несколько лет сряду

лась, и для нее смерть была избавлением от мучительной болезни; но окружавшие и сердечно любившие ее будут в отчаянии, в том числе и дочери мои, особенно же Надя, которая была с нею очень дружна. Теперь озабочивает нас вопрос — как устроить Ольгу и Надю, которые с отъездом Вяземских и Вельяминовых останутся в Ницце совершенно одни.

16-го февраля. Понедельник. — Вместо общего собрания Государственного совета назначено было заседание Соединенных департаментов опять по делу о найме рабочих. На этот раз заседание заключалось в том, что разыграна была * пьеса, заранее сочиненная** в домашнем совещании у великого князя Константина Николаевича: убедившись в невозможности продолжения споров по каждому пункту объемистого проекта***, великий князь вместе с князем Урусовым и некоторыми другими членами Соединенных департаментов уговорили Валуева и Тимашева отказаться от дальнейшего рассмотрения проекта в настоящем его виде, а передать его в канцелярию Государственного совета для извлечения из него некоторых только основных статей, подлежащих утверждению в законодательном порядке; а затем разработку всей прочей мелочной регламентации предоставить подлежащим министерствам. Такой оборот дела, конечно, не мог быть приятен для самолюбия Валуева, неприятен был также и Тимашеву и даже составителю первоначального проекта — П. Н. Игнатьеву. Тем не менее, они должны были покориться необходимости и, как говорят французы, *faire bonne mine à mauvais jeu*****. Притом же представление было разыграно в таких ловких формах, с такими заранее условленными речами, что не было и предлога обижаться. Тем не менее мы назвали нынешнее заседание похоронами проекта, похоронами с церемонией и почестями³³.

Из Ниццы получена телеграмма, несколько успокоившая нас относительно положения моих дочерей: Мария Николаевна Вельяминова решила там остаться на 2 месяца ради своего брата, страдающего легкими. Таким образом, нам уже нечего заботиться о том, с кем останутся Ольга и Надя.

19-го февраля. Четверг. — Во вторник, на 9-й день по смерти великой княгини Марии Николаевны, отслужена была по ней панихида в Петропавловском соборе. Прямо из крепости отправился я в

* комедия

** и приготовленная

*** составленного бестолку,

**** делать хорошую мину при плохой игре (*фр.*).

Комитет министров, где происходило опять очень продолжительное заседание.

Сегодня после доклада остался я во дворце, выстоял обедню и молебствие. 19-е февраля будет надолго великим днем в памяти русского народа. Но Государь обыкновенно в этот день неохотно принимает поздравления, а сегодня в особенности он показался мне сумрачным и грустным³⁴. Впрочем, он в таком же настроении уже несколько дней. Все замечают сильную перемену в его лице, он как будто разом постарел на несколько лет. Напротив того, императрица, несмотря на недавнюю еще простуду, имеет вид более оживленный и здоровый, чем привыкли мы видеть.

Сегодня при докладе моем окончательно последовало высочайшее повеление о присоединении к империи бывшего ханства Коканского под именем области Ферганской. Губернатором назначен генерал-майор Скобелев, завоевавший с ничтожными силами эту новую территорию.

22-го февраля. Воскресенье. — Обычный наш воскресный вечер принял сегодня необычную физиономию: молодежь моя давала представление, в котором отличались Вас[илий] Евд[окимович] Давыдов (полковник, состоящий при начальнике Главного штаба), Александра Петровна Арапова, Пав[ел] Ник[олаевич] Попов, маленькая Алека Гейден, племянница моя Паша Милютина, брат ее Юрий и сын мой. Гости разъехались далеко за полночь.

23-го февраля. Понедельник. — В Особом присутствии Государственного совета по воинской повинности рассматривался проект положения об ополчении; окончательные заключения отложены до получения письменного отзыва от министра финансов.

Обедал в Зимнем дворце.

25-го февраля. Среда. — Вчера в Комитете министров окончательно решена железная дорога от станции Ворожбы (Курско-Киевской дороги) до Мерефы (Азовской) чрез Сумы.

Обед у принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

26-го февраля. Четверг. — После доклада был с поздравлением в Аничковском дворце по случаю дня рождения наследника цесаревича.

27-го февраля. Пятница. — Совещание у министра финансов Рейтерна касательно результатов экспедиции полковника Сосновского, который был командирован для исследования торгового пути из северо-западных областей Китая к границам Семипалатинской области. Сосновский прошел по этому пути с доктором Пясецким и заключил с китайским генерал-губернатором в Лан-Чеу договор, на

основании которого обязался доставить для его армии в Гучен известное количество продовольствия по баснословно высокой цене. Нам предстояло обсудить значение этой спекуляции и сообразить, можно ли извлечь из нее пользу для установления на будущее время постоянных торговых сношений с той частью Китая. В совещании участвовали, кроме Рейтерна и меня, Гирс (товарищ министра иностранных дел), Казнаков (генерал-губернатор Западной Сибири), граф Гейден, Бутовский и Ермаков.

28-го февраля. Суббота. — При докладе моем Государь заговорил о теперешнем положении дел в Герцеговине и Боснии и прочел телеграмму, полученную из Вены от нашего посла Новикова, о том, в каком смысле Андраши дал поручение генералу Родичу к князю Николаю Черногорскому. Телеграмма эта возбуждает некоторые темные опасения насчет политики Австрии: не хочет ли она опять разыграть двуличную роль. В таком смысле пишет и наш посол Игнатъев из Константинополя³⁵. Государь, как мне показалось, не так спокойно смотрит на эти дела, как прежде. Очевидно, что нота Андраши, поддержанная почти всеми европейскими кабинетами, и вынужденная уступчивость Порты не поведут к спокойному разрешению турецкого вопроса³⁶. Инсургенты не верят никаким обещаниям турок, да и не могут удовольствоваться никакою полюбовною сделкою со своими исконными притеснителями. Со своей стороны, и турки, даже при самом искреннем желании примирения*, не могут исполнить своих обещаний. Уладить запутанные дела Турции — не зависит от одной лишь доброй воли султана и его министров. Тут в основе лежат такие затруднения, присущие самому организму мусульманской державы, которых нет возможности преодолеть иначе, как полным государственным и социальным переворотом. Надобно рассечь мечом гордиев узел³⁷.

С этими размышлениями поехал я после доклада к князю Горчакову, который заболел и не мог приехать во дворец с докладом. Однако ж я нашел государственного канцлера на ногах, в кабинете, в обычном его длиннополом сюртуке и туфлях. По обычаю своему, он ходил по комнате и что-то диктовал Гамбургеру. После первых же слов он выложил предо мною свою последнюю переписку с Игнатъевым и Новиковым. Заметно, что и князь Горчаков начинает смотреть на теперешнее положение дел с меньшею самоуверенностью, чем прежде. Да чего же и мог он ожидать иного от одного «дипломатического давления» на Порту? Разве можно было рассчитывать на

* ничего не могут исполнить из своих обещаний.

магическое действие султанского «ираде»? Государственный канцлер уже предусматривает, что европейской дипломатии не удастся удержать Сербию, Черногорию, а, быть может, и Румынию от явного вмешательства в борьбу. Если весной все славянские области Турции возьмутся за оружие, то наш канцлер полагал бы предоставить обе стороны на произвол судьбы: пусть оружие и решит, которая сторона одолеет и которая погибнет. Чтобы эта местная борьба не превратилась в общую войну европейскую, нужно только удержать Австрию от всякого вмешательства. Князь Горчаков ссылается на какой-то «безмолвный» уговор свой с Андраши (*convention tacite*)*; но что может значить подобная загадочная сделка, когда и формальные, самые торжественные договоры не обеспечивают точного исполнения**.

В заседании Соединенных департаментов Государственного совета снова рассматривалось предположение Министерства внутренних дел об образовании новой губернии — Таганрогской. В марте прошлого года по этому же делу произошло разногласие: я был в меньшинстве, с 6 другими членами, против большинства из 15 голосов, поданных тогда в пользу учреждения этой безобразной губернии. Так как мысль о включении в новую губернию Минусского округа Донской области была уже признана окончательно устаревшей, то в новом проекте Таганрогской губернии вышла еще большая, чем ныне, чресполосица. Присоединяемые к Ростовскому уезду три другие уезда Екатеринославской губернии: Мариупольский, Бахмутский и Славяносербский — были бы отрезаны казачьими землями от предполагаемого губернского города. Я решил сегодня восстать сильнее прежнего против этого нелепого проекта: первый я поднял голос — и с радостью увидел, что многие из членов прежнего большинства объявили тут же, что отступают от своего мнения. Защита проекта Тимашевым была крайне слаба, в моем же смысле говорили барон Николаи, Грейг, и кончилось тем, что все единогласно забраковали проект. Положено: новой губернии не учреждать, а предоставить министру внутренних дел придумать другие меры собственно для устранения местных неудобств, встречаемых в Ростове-на-Дону и в Таганроге от чресполосного географического положения этого оторванного от Екатеринослав-

* молчаливое соглашение (*фр.*)

** Первоначальный текст после слов «...(*convention tacite*);»: «но что может значить подобная безмолвная сделка, когда и формальные договоры, даже самые громогласные, не всегда обеспечивают точное исполнение».

ской губернии уезда. Предложение прежнего меньшинства (давно уже заявленное со стороны Министерства военного) об учреждении ростово-таганрогского градоначальства было поддержано многими; но по просьбе самого Тимашева положено было не включать этого предположения в журнал заседания, дабы не связать последующих соображений Министерства внутренних дел.

Сегодня приехала в Петербург великая княгиня Мария Александровна со своим супругом, герцогом Альфредом Эдинбургским.

2-го марта. Вторник. — После доклада заехал к государственному канцлеру, который все еще не выезжает из дому по болезни. Дела герцеговинские запутываются. Из секретных телеграмм, получаемых от консулов в Белграде и Цетинье, от послов в Константинополе и Вене, можно догадываться, что затевается какой-то закулисный план и что наши братья славяне морочат нас³⁸. Сербия с Черногорией ведут тайные переговоры о войне против турок. Намерения венского кабинета также не совсем ясны. Можно опасаться, что с весной разыграется кровавая драма. Наше положение в отношении к славянам будет самое фальшивое.

В Комитете министров сегодня обсуждался в присутствии великого князя Константина Николаевича вопрос о том, на каких основаниях продолжать правительственную субсидию Русскому обществу пароходства и торговли на Черном море по истечении в будущем году 20-летнего срока договора. Вопрос этот давно уже составляет предмет горячей журнальной полемики. Общественное мнение сильно раздражено против Общества, которое злоупотребляет своим привилегированным положением, как самый бесцеремонный монополист. Однако ж надобно было ожидать, что в Комитете министров Общество найдет сильную поддержку. Всем известно, что в числе его акционеров есть высокопоставленные особы, начиная от самого великого князя Константина Николаевича. Так и оказалось. Долго и горячо рассуждали и препирались, но в результате вышло, что Обществу и на будущее время сохранена почтенная субсидия в форме помильной платы за дальние рейсы. Нам удалось выторговать только незначительные изменения в проекте, составленном особой комиссией под председательством Грейга, именно: ввести некоторые обязательные для Общества рейсы от Севастополя, чтобы хотя сколько-нибудь поддержать этот воскресающий город, в защиту от притеснений со стороны Общества пароходства, и постановить некоторые условия, чтобы хоть сколько-нибудь ограничить произвол управления этого Общества.

6-го марта. Суббота. — Сегодня был у меня датский генерал Raasloff, бывший военным министром, а теперь возвратившийся в Европу из Японии и Китая, куда был послан датским правительством для приведения в лучшее положение телеграфного сообщения, устроенного Датским обществом, чрез всю Россию и Сибирь до японских и китайских портов. Генерал Рааслов человек умный и энергичный.

На этой неделе (3-го числа) сын мой отправился за границу, куда командирован для изучения паровозов, двигающихся без рельсов (*routières*) и, как кажется, весьма пригодных для военных целей. В Италии уже решено ввести их в употребление в обширном раз-
мере.

9-го марта. Вторник. — Доклад мой, вместо вторника, был вчера, по случаю поездки сегодня Государя на охоту. После доклада присутствовал я на экзамене в Военно-топографическом училище, а потом в Государственном совете. После общего собрания было заседание Особого присутствия по воинской повинности. Пришлось мне поспорить по делу о выкупе квитанций; однако ж решено противно моему мнению³⁹.

Сегодня было опять бурное заседание в Комитете министров. По поводу чтения проекта журнала прошлого заседания по делу о Русском обществе пароходства на Черном море я был выведен из спокойного состояния систематическим устранением всякого предложения, которое имеет в виду интересы военного ведомства. У некоторых из наших государственных мужей вошло в привычку подниматься на дыбы лишь только касается дело военных надобностей; *c'est un parti pris*^{*}. К числу их в особенности принадлежат Рейтерн и Грейг. По поводу сделанного мною замечания о необходимости выговорить при новых условиях с Обществом, чтобы войска перевозились по уменьшенному тарифу, Рейтерн позволил себе отвечать таким тоном, что я вспылал и потребовал, в случае отказа со стороны Комитета, занести мое особое мнение в журнал. Эта стычка была только прелюдией к другой, более продолжительной баталии по делу о виленской провиантской поставке 1868—1870 годов, по которому было уже в одном из прежних заседаний Комитета министров, несколько недель тому назад, весьма горячее объяснение между мною и Грейгом. Я надеялся, что доставленные мною в Комитет обстоятельные разъяснения по этому делу укроют нападки государственного контролера на решения Военного

^{*} это предвзятое мнение (*фр.*).

совета; однако ж надежда моя не сбылась: Грейг по-прежнему доказывал правильность его нападков и, несмотря на общее настроение Комитета в смысле согласительном, упорствовал в обвинении Военного совета в неправильных решениях, имевших будто бы последствием ущерб казны. Председатель наш на сей раз клонил суждения Комитета в пользу Военного министерства и затронул вопрос о компетентности Комитета министров в таких делах, окончательное решение которых предоставлено Военному совету. Кончились прения постановлением заключения в такой неопределенной редакции, которая казалась совершенно безобидной для той и другой стороны*.

10-го марта. Среда. — Большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения императора германского. В первый раз явился в своей роли новый посол генерал Швейниц, заместивший недавно принца Рёйсса. Лет шесть тому назад Швейниц был здесь военным агентом прусским; тогда он был в чине полковника, держал себя скромно и более походил на школьного учителя, чем на дипломата. И действительно, он начал свою службу учителем; это человек весьма образованный, даже ученый; никому тогда не могло прийти в голову, что он будет послом. С поста военного агента в Петербурге он сначала был назначен послом в Вену; здесь он выказал свои дипломатические способности и, как говорят, обнаружил в некоторых случаях не совсем дружественное расположение к России, где столько лет пользовался радушным гостеприимством. В начале текущего года принц Рёйсс женился на одной из принцесс Саксен-Веймарского дома, родственного с нашим императорским домом, вследствие чего признано было неудобным оставить его послом в Петербурге, — и вот перевели его в Вену, а на место его в Петер-

* Первоначальный текст после слов «...имевших будто бы последствием ущерб казны.»: «Председатель наш на сей раз клонил суждения Комитета в пользу Военного министерства и пробовал отклонить компетентность Комитета министров в делах, решаемых Военным советом по предоставленному ему закону праву. Кончились прения тем, что положили ограничиться в журнале Комитета такими общими выражениями, которые пощадил бы обе стороны. Решением этим, конечно, я не мог быть вполне удовлетворен и вышел из Комитета взволнованным и озлобленным. Невозможно переносить хладнокровно беззастенчивое нахальство Грейга, подкрепляемое крепким союзом с Рейтерном и Абазой. Впрочем, я должен сказать, что сегодня оба последние были весьма умеренны и старались дать делу примирительное направление. Теперь, вечером, успокоившись и обдумав хладнокровно происшедшее утром, я должен признать, что в общем итоге результат прений был все-таки не слишком невыгоден для Военного министерства: могло бы быть хуже. Последую примеру доктора Панглоса⁴⁰».

Принц
П. Г. Ольденбургский

бург — Швейница. Последний заметно постарел и изменился с тех пор, как оставил Петербург*.

11-го марта. Четверг. — Вчера, после обеда во дворце, принц Петр Георгиевич Ольденбургский сказал мне, что имеет надобность со мною переговорить о каком-то серьезном деле; я обещал ему приехать к нему сегодня в пятом часу, недоумевая, какой может быть предмет нашего разговора. Полагал, что он возобновит прерванные переговоры о подчинении ему наших** женских медицинских курсов. Вышло не то: он завел речь о давнишнем предмете его мании — о вечном мире, о необходимости обезоружения Европы, о том, что Государь должен теперь, при настоящих обстоятельствах, взять на себя великую роль примирителя, а для этого немедленно собрать в Петербурге конгресс. Все это говорилось до такой степени нескладно, несвязно, перепутывалось самыми нелепыми сужде-

* Первоначальный текст после слов «...где столько лет пользовался радушным гостеприимством.»: «В прошлом году принц Рёйс женился на принцессе одной из германских фамилий, родственных с нашим императорским домом; вследствие этого признано было неудобным оставаться ему послом в Петербурге, и вот Швейница перевели сюда. Он заметно постарел с тех пор, как оставил Петербург; он уже женился и принял вид важной особы. Посмотрим, как он покажет себя в делах».

** женских курсов Медико-хирургической академии.

ниями о посторонних предметах, чтением собственных сочинений и даже своей эпитафии, что можно было усомниться в нормальном состоянии его рассудка. С полчаса продолжался этот бред больного мозга; я молчал все время и вышел от него с таким чувством, какое выносишь из больницы умалишенных.

12-го марта. Пятница. — В Зимнем дворце в большой церкви отслужена в присутствии Государя панихида по умершем генерал-адъютанте Витовтове, который пользовался особенной милостью Государя как потому, что в день 14 декабря 1825 г. он командовал гвардейским саперным батальоном, с которым явился из первых на защиту дворца и царской фамилии, так и потому, что был начальником штаба гвардейского корпуса, когда нынешний Государь был корпусным командиром. Витовтов был человек** малообразованный, но добрый, честный и здравого ума. Он уже многие годы сошел со сцены и жил в Москве, в постоянных страданиях от водяной.

15-го марта. Понедельник. — Сегодня я имел доклад у Государя, вместо завтрашнего дня. Это не помешало обычному моему приему в канцелярии Военного министерства***. Затем было заседание в Государственном совете, весьма короткое, а после него — совещание по амурским делам под председательством великого князя Константина Николаевича. Совещание это продолжалось до пятого часа; долго не могли сойтись в мнениях, но спор велся в пределах приличия и без раздражения. Признаюсь, я готовился к более горячим прениям, зная по прежним совещаниям, как великий князь мечтает о том, чтобы всю приморскую полосу по берегам Восточного океана подчинить исключительно морскому начальству, изъяв из ведения восточносибирского генерал-губернатора. Я был постоянным противником этой комбинации, не обещающей ничего хорошего для благосостояния и развития края. Притом же я убежден, что в подобной отдаленной окраине невозможно оставить рядом два независимые друг от друга начальства: одного в приморской полосе, подчиненного непосредственно Морскому министерству, другого — в Благовещенске, подчиненного иркутскому генерал-губернатору. Вообще нахожу**** непрактичными заявленные предположения о переделении Азиатской России с уничтожением***** генерал-губернаторств. Проект комиссии,

* сочиненной им самим

** недальнего ума,

*** представляющихся и просителей.

**** совершенно нерациональными

***** в Сибири

существовавшей в 1874 году под председательством действительного статского советника Деспот-Зеновича, был совершенно несообразный. К счастью, Тимашев почему-то отступился от прежних своих предположений и, к удивлению моему, явился сегодня моим союзником. Мы оба предложили принять проект теперешнего иркутского генерал-губернатора барона Фредрихса. К нам присоединился и Потапов. Рейтерн искал только, как бы уладить дело в угоду великому князю, но сознавал несообразность его предположений. Посыет только путал дело, придумывая то одну, то другую комбинацию, всегда невпопад. Гирс говорил мало и неудачно. Мы уже отчаивались прийти к какому-либо заключению; наконец, остановились на том, чтобы области Амурскую и Приморскую оставить в теперешних границах, но отделить их от восточносибирского генерал-губернаторства, образовав особое генерал-губернаторство в Благовещенске; губернатора Приморской области перевести в Хабаровку, отделив эту должность от командира морской станции во Владивостоке, заведующего только морской частью и портом владивостокским с ближайшей его окрестностью, на правах градоначальника⁴¹. Такое решение, конечно, устранило все затруднения и несообразности прежних предположений, но оно сопряжено со значительным увеличением расходов, и я не мог не подивиться сговорчивости министра финансов, который обыкновенно так горячо отстаивает интересы государственного казначейства**.

16-го марта. Вторник. — Погребение генерал-адъютанта Витовтова происходило обычным порядком, в присутствии Государя.

В Комитете министров опять была у меня схватка с Грейгом. Не могу равнодушно выносить*** нахальный тон этого человека и, к крайнему своему сожалению, выхожу иногда из пределов подобающей в официальных заседаниях сдержанности. Потом сам упрекаю себя в излишней горячности. Особенно сегодня досаду на себя потому, что не было прямого повода**** к возобновлению препира-

* бессмыслен.

** *Первоначальный текст после слов «...отделив эту должность от командира морской станции во Владивостоке,»: «которому сохранить только заведывание морской частью и подчинить ему порт Владивостокский с ближайшей его окрестностью, на правах градоначальника. Такое решение, конечно, устранило все затруднения и несообразности, но я удивился, как поддался на это нерасчетливое решение вопроса министр финансов. Для такого безлюдного и дикого края иметь столько начальств и управлений — есть совершенно излишняя роскошь. Потребуется огромное увеличение расходов, которому обыкновенно Рейтерн так горячо противится».*

*** нахальство этого человека

**** лично касавшегося до меня

тельств с Грейгом. Читались выборки из всеподданнейшего отчета государственного контролера за 1875-й год, и тут общее внимание обратили на себя, с одной стороны*, чрезмерные и неуместные восхваления, воздаваемые Министерству государственных имуществ, а с другой — нападки на** Министерство путей сообщения. Некоторые из министров поставили вопрос: не имел ли в виду государственный контролер восхвалением одного ведомства косвенно сделать упрек всем другим. Тогда я не вытерпел и высказал все, что у меня давно накопилось на сердце по поводу неподобающей роли судьи, присваиваемой себе государственным контролером в отношении к министрам. Посыет со своей стороны также вышел из обычной своей флегмы и горячо сцепился с Грейгом. — Вот на что тратятся и время и силы министров. Не было бы ничего подобного, если б государственный контролер держался в пределах своей компетентности, ограничиваясь проверкой *правильности и законности* расходования казенных сумм. Но в таком случае, какие же заслуги мог бы он выставлять в своих ежегодных всеподданнейших отчетах? — Дело именно в том, что в эти отчеты включаются преждевременные заключения контроля по вопросам спорным, еще не разъясненным, и суждения не об одной правильности расходов, но вообще об образе действий управлений, министерств, даже высших коллегиальных учреждений, пользующихся по закону правом окончательного решения. Вот эти-то притязания Государственного контроля на универсальную компетентность, на высшую авторитетность и подают повод к беспрестанным пререканиям между министрами и государственным контролером***.

18-го марта. Четверг. — Перед докладом заехал к канцлеру, который желал переговорить со мной о двух заботивших его предметах:

* неуместные восхваления министру государственных имуществ,

** министра путей сообщения.

*** *Первоначальный текст после слов «...нападки на Министерство путей сообщения.»*: «Я не стал бы и говорить, если б некоторые другие министры не подняли, почти в шутку, вопрос: не имел ли в виду государственный контролер похвалой одного ведомства косвенно сделать упрек всем другим. Я высказал то, что у меня накопилось на сердце; а потом Посыет также сцепился с Грейгом. — Вот на что тратятся и время и силы министров. Роль государственного контролера такова, что ему нет другого средства выставить свои заслуги в отчетах, подаваемых им ежегодно Государю, как выставляя вкривь и вкось все, что только может выкопать сомнительного в делах министерств, причем бесцеремонно и нахально постановляет свои приговоры, набрасывающие тень на действия и распоряжения то одного, то другого министра. И все это прикрывается маской спартанской добродетели — говорить всю правду царю и <блюсти> помимо всех личных соображений оберегать казенные интересы!»

во-первых, по случаю приезда генерал-майора Франкини, которого великий князь Михаил Николаевич прислал сюда, чтобы лично настоять на разрешении произвести задуманную кавказским начальством новую экспедицию от Красноводска к текинцам, на что не последовало высочайшего соизволения в прошлом феврале месяце; а во-вторых, по делам Герцеговины. Князь Горчаков очень опасается, чтобы Государь не поколебался в прежних своих решениях: с одной стороны, всякое наше движение к стороне Мерва встревожило бы опять английское правительство; опасно было бы шевелить эту большую рану англичан, и приехавший на днях из Лондона наш посол граф Шувалов весьма сильно выражал по этому предмету свои опасения. Осторожный и сдержанный лорд Дерби в разговоре с графом Шуваловым сказал, что движение наше к Мерви есть *casus belli**. Канцлер убедительно просил меня при докладе Государю отстоять прежнее решение, сообщенное мною великому князю Михаилу Николаевичу в письме от 19 февраля. Я исполнил желание канцлера и чрез час обрадовал и успокоил его, привезя ему известие, что Государь остается твердо при прежнем своем приказании, чтобы кавказское начальство в точности руководствовалось инструкцией, данной в начале прошлого года относительно образа действий в Закаспийском крае⁴².

Что касается до герцеговинских дел, то князя Горчакова тревожила мысль, вынесенная им из последнего его разговора с императрицей, что, в ее понятиях, дипломатия наша не довольно энергично действует в пользу христианского населения Турции, что этот взгляд может иметь влияние и на** самого Государя. Канцлер прочел мне последние свои инструкции нашим послам в Вене и Константинополе (Новикову и Игнатьеву), в которых развивалась та основная мысль, что нам нет повода не доверять австрийской политике, пока во главе ее стоит Андраши, что враждебные ему партии стараются раздуть славянский вопрос собственно в надежде сломить шею Андраши, которому, по чувству самосохранения, необходимо искренно и решительно вести дело в том именно смысле, в каком мы желаем⁴³. Я старался успокоить князя Горчакова, так как при всех разговорах во время моих докладов о современном положении дел на театре восстания замечал в Государе самое твердое, непоколебимое желание не допустить общего разгара войны на Балканском полуострове.

Сегодня был я на экзамене в Артиллерийском училище, а вечером — в I-й военной гимназии на годичном музыкальном вечере.

* повод к войне (*лат.*).

** настроение

19-го марта. Пятница. — Утром присутствовал на разборе практических задач выпускных офицеров Академии Генерального штаба, потом на практических упражнениях судопроизводством в Военно-юридической академии, а затем было у меня совещание по делам азиатским, именно по вопросу о нашем дальнейшем образе действий относительно Китая и Кашгара. В этом совещании участвовали три генерал-губернатора: туркестанский, западносибирский и оренбургский, с их начальниками штабов, товарищ министра иностранных дел Гирс с директором Азиатского департамента Мельниковым и чиновником Вейнбергом и некоторые лица от Главного штаба⁴⁴.

22-го марта. Понедельник. — В субботу получено из Берлина печальное известие о кончине Юрия Федоровича Самарина⁴⁵. Проездом чрез этот город, на возвратном пути из Парижа в Россию, он поместился в какую-то больницу, где ему произведена была хирургическая операция на руке, вопреки предостережениям парижских врачей. Говорят, что после этой опасной операции сделалась у него гангрена, от которой он и умер в самое короткое время. Жаль этого умного и даровитого человека; горячо преданный России, он был замечательный писатель и необыкновенно остроумный собеседник. Незадолго до смерти он отпечатал за границей последнюю, 6-ю, книжку своих «Окраин России», — издания, из-за которого он приобрел несметное множество врагов⁴⁶. Немцы Прибалтийского края ненавидели его за то, что он беспощадно изобличал их антирусские тенденции. Благодаря им же он прослыл в высших сферах либералом, человеком задорным, крайним славянофилом. В действительности же Самарин был далек от этой репутации. Он отличался редкой диалектикой, блестящей способностью вести спор о предметах самых разнообразных; выражался изящно на многих языках: по-немецки и по-французски говорил с такой же легкостью, как по-русски. Эта личность сохранится неизгладимо в памяти многочисленного кружка его приятелей и почитателей. Вчера и сегодня повсюду не было другого разговора, как о кончине Юрия Федоровича.

23-го марта. Вторник. — После доклада был в Академии Генерального штаба, где молодой великий князь Николай Николаевич читал решение последней заданной ему стратегической задачи. При этом чтении и разборе решения присутствовали отец молодого великого князя, Николай Николаевич старший, принц Петр Георгиевич Ольденбургский и довольно много других лиц. Решение задачи признано весьма удовлетворительным, и после сделанных поочередно профес-

Ю. Ф. Самарин

сорами частных замечаний начальник Академии генерал-лейтенант Леонтьев очень ловко высказал общее заключение о занятиях и работах великого князя в продолжение трехлетнего пребывания его в Академии. Заключение это было так лестно для молодого великого князя, что не только он сам, но и отец его прослезились и бросились в объятия друг другу. — Остается пожелать, чтобы познания, приобретенные великим князем в Академии, дали ему серьезное направление в дальнейшей его жизни и службе и чтоб из него вышел человек дельный, не похожий на двоюродного его брата Николая Константиновича, также кончившего довольно успешно курс Академии несколько лет тому назад. Во всяком случае, пример двух великих князей, прошедших курс Академии Генерального штаба, имеет в моих глазах особенное значение: далеко ли то время, когда и Академия, и весь Генеральный штаб* были в загоне, когда каждый офицер, носивший мундир Генерального штаба, считался бесполезным теоретиком, скучным педантом, самонадеянным либералом**. Я помню, как великий князь Михаил Павлович, удостоивавший меня милостивым

* презирались в высших сферах;

** и Бог знает чем еще.

вниманием в первые годы моего офицерства, огорошил меня, когда в первый раз увидел меня в мундире Генерального штаба⁴⁷. Впрочем, надобно сказать, что в то время и Генеральный штаб стоял совершенно иначе, чем теперь: офицеры Генерального штаба ограничивались в своих знаниях и служебных обязанностях самой узкой специальностью — расстановкой «жалонеров», ведением маневров, составлением планов учений и т. п. В войсках их прозывали то планщиками, то светскими чиновниками и давали им всякие *sobriquet**. Как изменилось все это в настоящее время! Счастливому этому изменению более всего содействовала Академия, получившая в последние 10, 15 лет совершенно практическое и разностороннее развитие.

В Комитете министров сегодня обсуждалось опять дело Черноморского пароходного общества^{**}; но я должен был уйти из заседания ранее конца, чтобы предварительно осмотреть размещение картографических работ, приготовленных к завтрашнему осмотру Государем.

Кончил день на музыкальном вечере во 2-й военной гимназии.

24-го марта. Среда. — С 10 часов утра и до четвертого был на ногах в залах Зимнего дворца по случаю высочайшего осмотра картографических и других работ^{***}. В нынешнем году выставка была обширнее, чем обыкновенно: целая Георгиевская зала была занята китайскими вещами и картинами, привезенными подполковником Сосновским и доктором Пясецким. Государь был очень доволен выставленной массой разных работ.

25-го марта. Четверг. — В числе докладов сегодня взял я с собой записку, составленную генералом Обручевым о том, какие политические соображения и данные следует принять в основание для предпринятой разработки плана мобилизации нашей армии в случае войны⁴⁹. После неоднократных наших бесед по этому предмету мы с Обручевым пришли к тому заключению, что^{****} необходимо приготовить^{*****} несколько планов мобилизации на разные, наиболее вероятные случаи

* насмешливые прозвища (*фр.*).

** *Первоначальный текст после слов «...практическое и разностороннее развитие.»: «В Комитете министров сегодня обсуждалось представление министра путей сообщения о новой железной дороге от Балашова к одной из станций Тамбово-Саратовской железной дороги. Могу сказать, что проект этот провалился ради моих возражений. После того опять занялись делом Черноморского пароходного общества;»*

*** и страшно устал.

**** прежде подробной и весьма сложной разработки планов мобилизации

***** на случай войны

при тех или других политических обстоятельствах, что необходимо ясно определить эти различные комбинации прежде, чем приступить к сложной и кропотливой работе; но подобная постановка основных задач, очевидно, должна быть указана теми, которые ведут внешнюю нашу политику, а потому мы и решились просить предварительно указаний у государственного канцлера и самого Государя.

Едва я завел об этом речь, полагая оставить Государю записку Обручева для прочтения, Его Величество прервал меня приблизительно такими словами: «Могу тебе сказать только одно, — что я признаю войну в близком будущем невозможной и совершенно уверен, что мы избежем ее». — Меня несколько удивил самоуверенный, почти торжественный тон этих выражений; я позволил себе сказать, что если можно иметь подобное положительное убеждение, то нужно ли нам и составлять какие-нибудь планы мобилизации, даже нужно ли продолжать в таких размерах и с такими громадными пожертвованиями приготовления на случай войны? — Тогда Государь сказал: «Такя тебе открою то, что никому не известно, кроме меня, князя Горчакова и наследника». (Цесаревич присутствовал при этом разговоре, так же как и великий князь Владимир Александрович). — «Только я прошу вас всех троих отнюдь не открывать никому того, что я скажу». — Затем Государь рассказал такие обстоятельства, которые совершенно изменяют общие соображения и взгляды на европейскую политику. Дав обещание хранить тайну, не считаю себя вправе сказать что-нибудь лишнее даже и в своем дневнике, хотя и веду его не для публики. Сожалею, что чрез это умолчание лишаю себя возможности сохранить для истории некоторые любопытные данные. Конечно, сущность дела рано или поздно сделается известной, но жаль будет, если утратятся некоторые подробности, характеризующие личные отношения^{*50}.

Выказанное мне сегодня Государем доверие тронуло меня и навело на такие мысли, которые во многом изменяют мои убеждения и взгляды. К сожалению, мне трудно входить в дальнейшее развитие этих размышлений, не касаясь самого существа дела, о котором писать не считаю себя вправе. Скажу только, что я высоко ценю этот

* Первоначальный текст после слов «...сказать что-нибудь лишнее даже и в своем дневнике,»: «хотя и веду его не для публики и хотя сожалею крайне, что чрез это умолчание я лишаю себя возможности сохранить для истории некоторые подробности, которые слышал от Государя и которые, быть может, останутся и впредь не известными. На память свою не полагаюсь: она становится чрезвычайно слабой, так что мне приходится часто скорбеть о том. Сущность дела, конечно, рано или поздно делается достоянием истории; но жаль, если утратятся черты, характеризующие личные отношения и анекдотические подробности».

знак царского доверия, эту откровенность в столь важном деле. До сих пор, т. е. до поздней ночи, остаюсь еще под впечатлением утреннего знаменательного разговора, несмотря на всю внешнюю суету нынешнего дня.

Сегодня полковой праздник* Конной гвардии; по заведенному и неизменному порядку надобно было ехать в 1 час к церковному параду, происходившему в полковом манеже, убранном еще наряднее, чем в прежние годы; из манежа пошли вслед за Государем чрез все казарменные помещения полка до квартиры полкового командира, полковника барона Фредрихса; здесь ожидал роскошный завтрак; а в 6 часов вечера обед в Зимнем дворце.

Сегодня же утром узнал о смерти нашего хорошего приятеля, Захара Ник[олаевича] Мухортова, пристрадавшего целую зиму. Жаль бедную вдову и детей.

Вчера забыл записать любопытный разговор с графом Шуваловым, послом нашим в Лондоне. В ожидании выхода Государя для осмотра картографических работ, мы довольно долго расхаживали по приемной комнате и беседовали о современном настроении в Англии и Берлине. Шувалов со свойственной ему болтливостью** рассказал мне свои разговоры с князем Бисмарком во время двух вечеров, проведенных у него проездом чрез Берлин. Германский канцлер прикинулся простодушным добряком и развивал ту мысль, что настоящая эпоха есть самая выгодная для России, чтобы распорядиться Турцией совершенно по своему усмотрению; Бисмарк говорил, как он поступил бы на месте русского императора, и ручался за то, что ни Австрия, ни Германия не помешают нам⁵¹. Что касается до Англии, то граф Шувалов сам отзывался о нынешних ее государственных людях почти*** иронически: англичане, говорил он, не имеют другой точки зрения, кроме денежной; по их понятиям, человеку можно простить самые ужасные преступления, кроме одного — если он не платит своих счетов. Сказать о человеке, что он не платит счетов, а также, что не отдает знакомым обедов — есть самый обидный отзыв. Такой взгляд британцев отражается и на политических делах: давно ли Англия была горячей заступницей Турции и поддерживала все безобразия, все бесчинства, какие только ни творились под властью султана над угнетенными райями. Но вот Турция обанкротилась, перестала платить

* в день Благовещения

** охотно передал мне

*** с насмешкою

свои счета — и вдруг общественное мнение всей Великобритании перевернулось: теперь уже не слышно в Англии ни одного голоса за Турцию, и никогда Россия не была так беспощадна в своих требованиях от турок в пользу христиан, как ныне английское общественное мнение. Граф Шувалов высказал и князю Горчакову, и самому Государю впечатления, вынесенные им из Лондона и Берлина; но, — прибавил он, — «кажется, в Петербурге настроение иное, и на слова мои не обращается внимания». Я же прибавлю, что было бы крайне прискорбно, если б давалось значение словам такого легкомысленного человека, каков граф Петр Шувалов. Теперь, после того, что слышал сегодня утром, я убедился, что не только в Лондоне, но и здесь, в Петербурге, на посла нашего не смотрят серьезно⁵². Странно, что наша дипломатия вверена таким личностям, которым само высшее правительство не доверяет и от которых скрывает существенные начала своей политической системы. Посла в Лондоне — остерегаются, как болтуна, который часто проговаривается за стаканом вина, а посла в Константинополе — признают лгуном и хвастуном.

26-го марта. Пятница. — Утром был на экзамене в Артиллерийской академии и в училище, а в 1 час представлял императрице выставленную в Георгиевской зале китайскую коллекцию. Императрица была любезна, внимательно рассматривала картины доктора Пясецкого и вещи Сосновского. — Заехал к бедной Александре Николаевне Мухортовой. Вечером был на большом обеде у французского посла Лефлю.

27-го марта. Суббота. — Несколько дней тому назад, при одном из моих докладов, Государь заговорил о статьях, помещаемых в газете «Русский мир», исполненных злобных нападок на наши военно-учебные заведения⁵³. Хотя Государю хорошо известно, что эта газета имеет специальной целью извергать хулы на Военное министерство и лично на меня, однако ж помещаемые в ней почти ежедневные клеветы и порицания, доводимые добрыми людьми до высочайшего сведения, не проходят бесследно, и мне казалось, что помещенные в нескольких последних номерах статьи против военно-учебных заведений действительно произвели некоторое впечатление. Иначе Государь не стал бы и говорить о них. Между прочим «Русский мир» порицал и занятия музыкой в военных гимназиях, выставляя в том смысле, будто занятия эти отвлекают учеников от серьезно-го учения и ведутся только напоказ, чтобы давать пред публикой

* в этом гнусном издании

концерты. Такое толкование очевидно лишено всякого основания*, тем не менее заметно было, что у Государя родилось сомнение. Так как мною принято за неперемное правило не входить в полемику с враждебными Военному министерству газетами, то мне ничего другого не остается, как представлять опровержения статей «Русского мира» в записках, составляемых собственно для Государя. Таковую записку, написанную самим генералом Исаковым, и представил я сегодня, при докладе⁵⁴. Чрез несколько часов спустя, еще до возвращения моего домой, записка эта была уже возвращена мне со следующей собственноручной резолюцией: «Дай Бог, чтобы и впредь военно-учебные наши заведения приносили ту пользу, которую они приносят и о которой свидетельствуют почти все начальники строевых войск». Конечно, я поспешил отослать эту резолюцию к генералу Исакову, чтобы успокоить его и вместе с ним достойных его помощников, так усердно и так разумно потрудившихся, чтобы довести наши военно-учебные заведения до настоящего их превосходного состояния.

Между этими заведениями низшее место занимают военные прогимназии, которые были учреждены с весьма малыми средствами, на развалинах прежних батальонов военных кантонистов, переименованных еще в 1857 году в «училища военного ведомства». Военные прогимназии, естественно, унаследовали много нехорошего от прежнего уродливого учреждения «кантонистов», и нужно было много усилий, много настойчивости, чтобы искоренить прежний кантонистский дух и прежний характер этих солдатских училищ. Петербургская прогимназия и до последнего времени удерживала этот характер, несмотря на частые с моей стороны внушения. Только с прошлого года, с увольнением прежнего начальника (полковника Гарина), зачерствевшего в старой школе, и с назначением на его место полковника Генерального штаба Рудановского, Петербургская военная прогимназия начала принимать другой вид, так что я стал уже охотно посещать это заведение. Затронутое самолюбие Рудановского дало очевидные результаты: сегодня я имел удовольствие в этом удостовериться. Рудановский пригласил меня послушать составленный из воспитанников прогимназии хор и оркестр; я был удивлен быстрыми успехами, достигнутыми в несколько месяцев. Конечно, тут для меня имела важность вовсе не музыка, а та перемена, которую я нашел в воспитанниках сравнительно с недавним еще временем: они облагорожены, смотрят весе-

* совершенная ложь,

ло, смело, а не имеют вида забитых и осолдаченных кантонистов. Мы с Исаковым предполагаем пойти далее: некоторые из теперешних военных прогимназий обратить в гимназии, а другие — слить с последними в виде вспомогательных отделов их, собственно для малоспособных детей.

Сегодня же, после доклада моего, представлял я Государю топографические работы, произведенные в Азиатской Турции офицерами Кавказского округа. Ими пройдены многие пути по разным направлениям, и снятые маршруты составляют уже богатый материал для составления карты. При этом представлялся Государю генерал Франкини, которому Его Величество лично объявил свою неременную волю, чтобы в Закаспийском крае ни под каким предлогом не предпринимать никаких движений к стороне Мерва.

Во 2-м часу назначена была панихида на станции Николаевской железной дороги по умершем Ю. Ф. Самарине. Тело его перевозят в Москву. На панихиду собралось довольно большое число его родных, приятелей и почитателей. Известный проповедник и профессор богословия Янышев сказал пред панихидой речь не совсем удачную, а по окончании панихиды о. Горчаков, профессор богословия в здешнем университете, произнес короткое, но сильное надгробное слово. В обеих речах преобладала, разумеется, религиозная сторона характера и жизни покойного Юрия Федоровича: ему воздавалась хвала, как бойцу за православие в тех окраинах империи, где оно было подавлено иноземным влиянием⁵⁵.

Вечером был на панихиде по Зах[ару] Ник[олаевичу] Мухортову.

28-го марта. Воскресенье. — Утром был на отпевании покойного Зах[ара] Ник[олаевича] Мухортова, а потом на разводе.

30-го марта. Вторник. — Посещая сколь возможно чаще военно-учебные заведения уже много лет сряду, я постоянно твержу начальству их и преподавателям, что в этих заведениях, более чем в каких-либо других, по специальному их характеру и назначению, необходимо обратить особенное внимание на два предмета: 1) в классах русского языка и словесности приучать воспитанников к толковому, правильному и сжато-му изложению на темы научного или практического характера*; развивать в них не столько фантазию и воображе-

* Первоначальный текст после слов «...необходимо обратить особенное внимание на два предмета:»: «1) в классах русского языка и словесности не столько занимать воспитанников поэтическими и бельетрическими образцами и упражнениями на темы литературные, сколько приучать их к толковому, правильному и сжато-му изложению на темы научного или практического характера»;

ние, сколько логичность мышления и систематичность изложения; и 2) в курсе математики не ограничиваться теоретическим заучиванием теорем и формул, но сколько можно более упражнять в механизме вычислений и в применении теории к решению разнородных задач. К сожалению, до сих пор я замечаю мало успеха в обоих этих требованиях; указания мои остаются без исполнения. Учителя словесности продолжают задавать темы на сюжеты, заимствованные из сочинений Гоголя, Грибоедова, теряют дорогое время на пустую болтовню под фирмой «разбора образцов»; а учителя математики не уделяют довольно времени на механизм вычислений и графические решения задач. В прошлом году в журнале Министерства народного просвещения обратила мое внимание статья: об испытаниях выпускных воспитанников гимназий; в этой статье были, между прочим, указаны и темы, которые задавались по разным предметам преподавания и решение которых обуславливало получение свидетельства зрелости. Мне пришла мысль сделать опыт в военных гимназиях: насколько наши воспитанники развиты, чтобы решать удовлетворительно такие же задачи. Для этого я распорядился, чтобы из старшего (VII-го) класса 1-й и 2-й военных гимназий и Пажеского корпуса отобрана была четвертая часть воспитанников, лучших по баллам, чтобы в назначенный мною день и час они были собраны в одном из заведений и в моем присутствии решили одну и ту же задачу из каждой части гимназического курса математики. Я сам придумал такие задачи, которые дали бы возможность испытать, насколько воспитанники усвоили себе пройденное из математики, насколько находчивы для приложения своих знаний к вопросам совершенно для них новым и, наконец, насколько приучены к механизму вычислений. Это сравнительное испытание происходило вчера, 29-го числа, в библиотеке 2-й военной гимназии. Собрано было 35 воспитанников от всех трех названных заведений. Темы были нелегкие, и потому бедные мальчики не легко справились с ними. Я не мог дожидаться до конца их работы и приказал дать им время до 5 часов, после чего отобрать от них тетради, хотя бы и недоконченные. Вчера же вечером мне были доставлены эти работы, и сегодня не мало стоил мне труда пересмотр целой пачки испещренных цифрами и фигурами листков. Я имел терпение исполнить сам эту скучную работу и написать подробную рецензию*. Произведенный опыт убедил меня в верности прежних замечаний моих: даже лучшие воспитанники оказались очень слабыми в механизме вычислений — многие не решились даже арифметической

* в заключение которой дал подобающее наставление.

задачи. Сравнительно заметно более успеха в 1-й военной гимназии; воспитанники же 2-й гимназии, вопреки моим ожиданиям, оказались самыми слабыми*. Такой результат, конечно, прискорбен для меня, но я воспользуюсь настоящим опытом, чтобы побудить преподавателей и начальников исполнить давнишние мои требования. Я объявил, что на будущее время буду повторять подобные испытания.

Сегодня же назначено было воспитанникам тех же заведений писать сочинение на данную мною тему: «Географическое и историческое значение Средиземного моря». Они должны были исполнить это в своих заведениях, в присутствии начальников; тема была послана мною прямо в каждое заведение к тому часу, который был назначен для сбора воспитанников. Сегодня же вечером получил я толстый пакет с полсотней тетрадей. Я, конечно, не успел еще рассмотреть их, да едва ли и найду время, чтобы внимательно исполнить такую работу; однако ж, сколько можно судить по поверхностному взгляду, мне кажется, что этот опыт дал результат более утешительный, чем вчерашний по математике. В особенности произвели на меня хорошее впечатление работы пажей.

Вчера опять возобновились в Государственном совете заседания Соединенных департаментов по вопросу о найме рабочих. На рассмотрение предъявлен уже новый, сокращенный проект, выработанный в Государственной канцелярии. Он наполовину короче прежнего; однако ж все-таки** не обошлось без продолжительных споров по каждой статье⁵⁶.

Сегодня я*** пропустил заседание Комитета министров; никакого не было дела****, для которого мое присутствие было бы нужно.

31-го марта. Среда. — По случаю говения был сегодня два раза в церкви, вечером исповедовался. Однако ж заседание Военного совета прошло своим порядком.

1-го апреля. Четверг. — После обедни и причащения в большой церкви Зимнего дворца имел по обыкновению доклад. Государь заговорил о делах герцеговинских и выразил сомнение в том, чтобы можно было ожидать успешного исхода дела на основании предложенного в ноте Андраши соглашения. По мнению Государя****, следовало бы прямо требовать полной автономии областей, населенных

* даже слабее пажей.

** были и вчера бесконечные споры

*** поленился ехать в Комитет министров;

**** для меня интересного

***** придется, вероятно,

христианами, наподобие Сербии. Когда я заметил, что на подобное предположение едва ли согласится Австрия, то Государь сказал, что надеется уладить это дело с Андраши лично, во время предстоящего проезда своего чрез Берлин, куда приглашен к тому же времени и австро-венгерский министр иностранных дел.

После доклада был у меня барон Жомини, привез переделанный проект международной конвенции относительно прав и обязанностей воюющих сторон⁵⁷. В разговоре с ним я узнал, что от Андраши уже получен ответ: что он с радостью принял приглашение; но что в нашем Министерстве иностранных дел несколько озабочены тем, что предположенное в Берлине соглашение между тремя империями может возбудить * неудовольствие и претензии в других кабинетах, не призванных к участию в соглашении.

2-го апреля. Пятница. — Утром осматривал во всей подробности вновь возведенное здание для военной тюрьмы. Постройка громадная, со всеми современными усовершенствованиями, но стоила дорого — до 650 тысяч рублей.

3-го апреля. Суббота. — После доклада заехал к государственному канцлеру для объяснения с ним по одному делу. Князь Горчаков показал мне последнюю дипломатическую переписку по делам Герцеговины и Боснии и говорил о затруднительности настоящего политического положения, не по силам 80-летнему старику. Фраза эта часто повторяется, собственно для того, чтобы вызвать комплимент. На сей раз, однако ж, старика озабочивало предположенное совещание в Берлине, где в один или два дня пребывания Государя, среди суеты и тревожностей, трудно вести серьезное дело с Бисмарком и Андраши, не возбудив ревности представителей Франции, Англии и других. Наш государственный канцлер надеется **, что Австрия пойдет заодно с нами к предположенной цели, т. е. к дарованию автономии Герцеговине и Боснии; но ему не хотелось бы допустить Бисмарка разыграть любимую им роль посредника и примирителя, решителя судеб Европы. Я спросил канцлера, считает ли он возможным, добившись от турок дарования автономии христианским областям, предоставить затем этим областям полную свободу устраиваться собственными своими средствами и по своему разумению? Могут ли они организоваться сами в самостоятельные государства, без постороннего материального вмешательства? Князь Горчаков сказал мне, что Государь не прочь допустить

* зависть и недовольствие в других кабинетах,

** убедить Австрию

вступление австрийских войск в Боснию на определенных, точных условиях.

После этого разговора, возвратившись домой, я застал у себя полковника Кишельского, родом болгарина, поступившего в русскую службу после Крымской войны и с тех пор игравшего роль нашего секретного поверенного по делам христианских областей северной Турции. Настоящие обстоятельства заставляют его покинуть русскую службу, чтобы принять непосредственное и деятельное участие в событиях, готовящихся на Балканском полуострове. Согласно желанию князя Горчакова и самого Государя, я отклонил Кишельского от намерения выйти в отставку, но при этом выслушал от него крайне печальные известия о современном положении Болгарии⁵⁸. Положение ее еще труднее других областей потому, что христианское население^{**} обезоружено, а мусульманское^{***} все вооружено. Кишельский говорит, что там опасаются ежедневно поголовного истребления христиан. Я советовал Кишельскому, для блага его земляков, предостеречь их от неосторожной, преждевременной вспышки и выждать еще несколько времени, ввиду^{****} близкого^{*****} разъяснения дел в Боснии и Герцеговине. Если суждено решить вопрос оружием, то Болгария должна последней примкнуть к общему, дружному поднятию оружия.

Заезжал к барону Жомини, чтобы сообщить ему мои замечания на составленную им новую редакцию статей Брюссельской конференции. Он безусловно принял все мои указания.

6-го апреля. Вторник. — Первые дни праздника Св. Пасхи прошли обычным порядком: заутреня на Светлое Воскресенье во дворце, потом разгавливание в Белой зале, утром разъезды по дворцам, семейный обед и т. д. Сегодня после обыкновенного доклада представлял я Государю офицеров, окончивших курс в Академии Генерального штаба; в числе их, третьим по экзаменному списку, стоял великий князь Николай Николаевич (младший), уже в мундире Генерального штаба.

8-го апреля. Четверг. — После моего доклада происходило в кабинете Государя совещание по поводу случившейся на днях уличной демонстрации при похоронах бывшего студента Медико-

* деятельно

** т. е. масса народа

*** меньшинство

**** неизбежного

***** разрешения

*Императрица
Мария Александровна*

хирургической академии Чернышева, высидевшего 2 года в крепости и тюрьме, освобожденного на поруки и по прошествии нескольких дней кончившего жизнь в сильнейшей чахотке (в клинической больнице Вилье)⁵⁹. Так как в похоронной процессии участвовали некоторые студенты Академии и, как говорили, слушательницы состоящих при Академии женских курсов, то, вероятно, по этому именно поводу и я был приглашен в совещание. Участвовали в нем, кроме великих князей, наследника цесаревича и Владимира Александровича, министры внутренних дел и юстиции, шеф жандармов, статс-секретарь князь Урусов и петербургский градоначальник Трепов. Государь выразил мнение о необходимости принятия мер, чтобы на будущее время полиция имела возможность не допускать уличных демонстраций, подобных означенной похоронной процессии. Граф Пален первый просил слова и объяснил, что, по его мнению, необходимо установить законодательным порядком то, что существует во всех государствах, — именно предоставить полицейскому начальству право своей властью устанавливать и объявлять известного рода правила или запрещения касательно соблюдения внешнего порядка и благочиния, с тем притом, чтобы установлены были в законе и наказания за нарушения подобных полицейских распоряжений. С этим мнением согласились все, но Тимашев и Потапов подняли другой вопрос, не

относящийся прямо к предмету совещания, — они настаивали, чтобы лица, арестованные по политическим делам, ни в каком случае не освобождались от ареста на поруки до окончания дела. Граф Пален, к чести его, возражал довольно настойчиво, князь Урусов, по своему обыкновению, извернулся общей фразой, а Трепов со своей стороны настаивал на одном: чтобы всех сколько-нибудь компрометированных лиц высылать из Петербурга. На это возразили граф Пален и я, и вследствие этого Государь сказал, что в этом вопросе есть и про и contra, что на сей раз ничего не решается окончательно, но что министрам внутренних дел и юстиции поручается войти в ближайшее между собою соглашение по затронутым вопросам и затем войти с представлениями в установленном порядке.

Я порадовался тому, что совещание имело такой спокойный и безличный характер, что не было вовсе никаких нареканий на Медико-хирургическую академию, несмотря на то, что первоначально сваливали на нее всю вину случившейся демонстрации*. Приученный уже к нападкам по всякому поводу, я ожидал, что не обойдется без них и сегодня. Однако ж не было сказано ни слова. Вообще сегодня было заметно со стороны Государя более обыкновенного любезное ко мне расположение. По выходе из совещания я получил приглашение к царскому столу.

Пользуясь часом промежутка между совещанием и назначенным сегодня же, в час пополудни, осмотром графических работ Корпуса путей сообщения, я заехал к генеральше Ермоловой, инспектрисе женских курсов при Академии. Эта почтеннейшая, благородная личность, принявшая на себя безвозмездно тяжелую ответственность за слушательниц женских курсов, была встревожена дошедшими до нее слухами об участии в бывшей уличной демонстрации некоторых из ее «студенток» (как их называют в обыкновенном разговоре) и желала видетсья со мною. Я успокоил ее, но воспользовался случаем, чтобы предостеречь на будущее время от справедливых нареканий на поведение «студенток».

В 1 час Государь вышел вместе с императрицей в зал, где разложены были работы Корпуса путей сообщения. Императрица пожелала, собственно, видеть некоторые из топографических работ военного ведомства. Работы эти и были выложены в концертном зале; подобрано было, разумеется, только то, что могло интересовать импера-

* В самом деле, со стороны академического начальства была маленькая оплошность, и я распорядился уже, чтобы на будущее время был принят более строгий порядок.

трицу. Более всего внимание Ее Величества остановилось на карте Турции, показывавшей нынешнее распределение турецких войск, направленных против Боснии, Герцеговины и Сербии. Императрица принимает близко к сердцу нынешние дела турецких славян и не скрывает своего негодования на то, что наша* дипломатия держится в этом вопросе такой пассивной роли. Императрица выражалась в этом смысле при многих офицерах Генерального штаба и других лицах, присутствовавших при осмотре карт; в том же смысле возобновила со мною разговор и позже, пред обедом. С глубокой скорбью говорила она о страшном кровопролитии, которое именно теперь происходит на театре войны. По последним телеграммам, инсургенты четыре дня дрались с сильными турецкими войсками и, не имея уже боевых припасов, бились на ятаганах. Когда я сказал, что надобно возлагать надежды на лучший оборот дел, когда Государь поедет за границу, императрица со вздохом сказала: «А до тех пор? Сколько бедствий вынесут эти несчастные?»

За обедом я сидел между императрицей и великой княгиней Марией Александровной. К обеду были приглашены великий князь Николай Николаевич, Мария Максимилиановна принцесса Баденская, княгиня Мария Вас[ильевна] Воронцова и граф Ламберт как дежурный генерал-адъютант. Кроме того, обедали** фрейлина великой княгини Марии Александровны и брат ее, молодой офицер английской конной гвардии. Они уезжают завтра в Англию, и по этому случаю сегодня был для них прощальный обед. За обедом много было разговора о картографических работах, представленных утром императрице; великая княгиня Мария Александровна также выразила желание видеть завтра некоторые из означенных работ, обратившие на себя особенное внимание императрицы.

9-го апреля. Пятница. — Утром осматривал Николаевский военный госпиталь, в котором не был уже несколько лет. Главной целью моего посещения было сообразить, как приспособить верхний этаж госпиталя к предположенному перемещению туда женских курсов из клинического госпиталя. Перемещение это признано необходимым для того, чтобы завести более порядка на женских курсах и устранить нарекания на сближение слушательниц с академически студентами.

В 1^{1/2} час был у великой княгини Марии Александровны с полковниками Штубендорфом и Жилинским. Первый объяснял Ее

* политика

** леди Мэри,

Высочеству устройство голубиной почты, а второй — работы по нивелировке и осушению Припятских болот. Молодая герцогиня Эдинбургская выслушала эти объяснения с большим вниманием и любезностью.

10-го апреля. Суббота. — Я нашел Государя озабоченным более обыкновенного вчерашней телеграммой из Константинополя от посла Игнатьева о том, что в диване взяла верх партия воинственная и что решено объявить войну Черногории. Если это справедливо, то, по-видимому, турки ставят последнюю свою карту: надобно полагать, что нападение их на черногорцев будет сигналом войны для Сербии, а может быть, и Дунайских княжеств и восстания Болгарии. Европа не может остаться равнодушной зрительницей этого общего кровопролития и предоставить случаю будущие судьбы Балканского полуострова⁶⁰. Вместе с тем посол наш в Берлине Убри сообщает, что день, назначенный по маршруту Государя для приезда в Берлин, очень неудобен для берлинцев, как церковный праздник, который проводится обыкновенно в молитве и уединении. Государь сказал, что, быть может, изменит день отъезда своего, назначив его ранее или позже 25-го числа. Я воспользовался случаем, чтобы отпроситься в отпуск, сначала за границу, а потом в Крым, на все время отсутствия Государя. На это он сказал мне, что «согласен, разумеется, если только политические обстоятельства не воспрепятствуют».

После доклада ездил поздравить великого князя Владимира Александровича.

13-го апреля. Вторник. — Известия из Константинополя о воинственных решениях Порты оказались преувеличенными; последние известия несколько успокоительны, хотя все-таки мало еще вероятия, чтобы дела в Турции уладились мирным путем. Ожидают приезда Государя в Берлин, чтобы рассечь гордиев узел; но, к сожалению, отъезд его не только не ускорен, но даже замедлен на два дня и назначен 27-го числа. Эта перемена заставляет и меня выехать за границу несколько позже, чем я рассчитывал.

При докладе моем Государь объявил мне свое решение по спорному вопросу о штыках. Государь давно уже склонился к мнению герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, чтобы в пехоте нашей, по примеру прусской, был принят вместо нашего прекрасного трехгранного штыка немецкий тесак-штык (*saber-bayonette*) и чтобы стрельба производилась без примкнутого штыка. Великий же князь Николай Николаевич и почти весь генералитет (за исключением стрелковых) отстаивали наш штык и стрельбу с примкнутым штыком. Я был постоянно того же мнения и старался по возможности отклонить Госу-

даря от предположенного изменения. По настоянию герцога вопрос этот был снова возбужден в последнее время и по моему предложению подвергнут обсуждению в многочисленном собрании компетентных военных лиц под председательством великого князя Николая Николаевича. Участвовали в этом совещании и наследник цесаревич, и великий князь Владимир Александрович. Вопрос был решен почти единогласно в пользу стрельбы с примкнутым штыком. Только два стрелковые генерала и великий князь Владимир Александрович подали отдельное мнение. Наследник, склонявшийся прежде на их же сторону, отступился от этого мнения, убедившись доводами большинства. Все протоколы совещания с приложением отдельных записок были представлены мною Государю, который по рассмотрении их принял среднее решение, приказав ввести новые штыки-тесаки и стрельбу без примкнутых штыков только в стрелковых батальонах и в гвардии; во всей же армии — оставить по-прежнему. Таким образом, является новое усложнение, новая пестрота; опять отсутствие единства и единообразия, столь важных в деле организации и образования войск. Тем не менее решение это все-таки предпочитаю тому, которого опасался и на которое Государь заметно склонялся до сего времени.

Сегодня полковой праздник лейб-гренадерского полка. Я уклонился от парада под предлогом двух заседаний — Комитета министров и Комитета польского (в последнем я председательствую), но должен был явиться на обычный в дни полковых праздников парадный обед во дворце.

15-го апреля. Четверг. — Вчера Государь смотрел на дворцовой площадке молодых солдат гвардии, поступивших в последний призыв. Новобранцы возбуждают общее удивление: так скоро они принимают солдатскую осанку и быстро усваивают себе строевое образование.

Сегодня при докладе Государь прочел полученные вчера две телеграммы от посла нашего в Вене. Он сообщает о новом предложении Андраши относительно условий замирения Герцеговины и Боснии. Предложение это не имеет никакого практического значения, и если б турки согласились, то оно осталось бы мертвой буквой. В таком смысле заготовлена ответная депеша от государственного канцлера. Видно, в Вене смотрят очень легко на настоящее положение дел и не видят еще необходимости обратиться к более радикальным мерам лечения больного.

После доклада заехал я к князю Горчакову, чтобы узнать подробнее настоящее положение дел. Застал его одного и присидел у него

часа полтора; разговор был весьма интересный. Князь Горчаков вошел в самые откровенные объяснения своих соображений относительно программы предстоящих совещаний в Берлине и дал мне прочесть секретную записку, составленную им по этому предмету для Государя⁶¹. В этой записке он разбирает различные предположения для дальнейшего направления дела, сознавая важность настоящего момента для решения судьбы Турецкой империи в Европе. Государственный канцлер рассчитывает на безусловную поддержку нашей политики со стороны Пруссии; графу Шувалову поручено было, при проезде его чрез Берлин на обратном пути в Англию, выразить князю Бисмарку благодарность за его открытое, положительное заявление готовности Германии идти заодно с Россией, даже служить ей всей своей армией в случае надобности. Продолжительные, дружеские беседы Бисмарка с графом Шуваловым в оба проезда последнего чрез Берлин возбудили ревность в нашем после при берлинском дворе. Убри написал князю Горчакову, что он чувствует себя оскорбленным, так как Бисмарк не удостоивает его почти никогда прямых объяснений по делам, тогда как с графом Шуваловым проводит целые вечера в конфиденциальных беседах обо всех вопросах современной политики. Убри просит увольнения от должности. Князь Горчаков в ответе своем, весьма ловко отредактированном, старался успокоить посла и считает дело улаженным.

Князь Горчаков не в первый раз рассказывает мне о своих разговорах с императрицей, которая ставит его в неприятное положение, выражаясь с упреком о нашей теперешней примирительной и сговорчивой политике. Но Государь твердо держится этого направления и не поддается женским влияниям. По этому случаю князь Горчаков рассказал мне несколько очень характерных анекдотов о Государе и о некоторых случаях своих с ним столкновений. У Государя часто проявляется прекрасная черта характера: он великодушно делает уступки, жертвуя своим самолюбием, когда признает это нужным для пользы государственного дела. У него много мягкости и гибкости в характере и образе действий. Я вспомнил 1873-й год, когда сам имел случай испытать это лично на себе.

16-го апреля. Пятница. — Экстренное заседание Военного совета для рассмотрения некоторых законодательных дел по военно-учебным заведениям. Горячее прение возбудило представление Главного управления об изменении общего начала распределения малолетних по разрядам для приема на казеннокоштные вакансии в военных гимназиях. Кроме генерал-адъютанта Непокойчицкого, все прочие члены согласились на проектированные новые правила.

Вечером проводил на Николаевскую железную дорогу жену, которая с младшими дочерьми отправилась на лето в Крым.

22-го апреля. Четверг. — Целую неделю не заглядывал в свой дневник; время было хлопотливое; собираясь вскоре в путь, заканчиваю дела, которые как-то особенно плодятся. — В политическом мире мало замечательного: то телеграмма из Константинополя возвещает блистательную победу Мухтара-паши и занятие им Никшича, то из Рагузы опровержение мнимых успехов турок и, наоборот, известие о торжестве инсургентов. Все ожидания и надежды сосредоточиваются на близком свидании императоров и канцлеров в Берлине.

Назначенный сегодня парад войскам отменен по случаю холодной погоды. Врачи оберегают здоровье Государя.

29-го апреля. Четверг. Париж. — Последние дни минувшей недели провел в прощальных визитах, откланивался особам императорской фамилии, имел в субботу последний доклад у Государя, а в воскресенье, 25-го числа, утром выехал из Петербурга. Не останавливаясь нигде, прибыл в Париж утром 28-го числа; на станции железной дороги встретили меня сын и адъютант мой барон Фредрихс, проживающий в Париже уже несколько лет в должности второго военного агента. Немедленно по приезде поехал я к графине Олсуфьевой, у которой остановились дочери мои Ольга и Надя, выехавшие ко мне навстречу из Ниццы*. До Парижа доехали они вместе с Мар[ией] Ник[олаевной] Вельяминовой при гробе покойной княжны Вяземской. Утром мы навестили графа Муравьева-Амурского, обедали вместе с графиней Олсуфьевой и И. П. Арапетовым в ресторане, а вечер закончили у Олсуфьевых за чайным столом.

Здесь узнал я новость, что консулы германский и французский в Салонике убиты турками и что эскадры европейские отправлены к берегам Турции⁶². Этот случай может послужить в пользу для более решительной развязки турецкого вопроса**. Сегодня наш Государь должен приехать в Берлин и чрез несколько дней, может быть, начнут толковать в газетах о результате самых сокровенных дипломатических совещаний⁶³.

Вчера, по приезде в Париж, я нашел уже записку ко мне от княгини Трубецкой, известной под именем *Лизы Трубецкой*⁶⁴. Она живет здесь уже несколько лет и старается играть роль политической женщины; в гостиной ее собираются все политические лич-

* С удовольствием нашел я их здоровыми и веселыми, несмотря на продолжительное печальное пребывание их в Ницце.

** в Берлине.

ности Франции и Европы, самых разнообразных оттенков. Княгиня Трубецкая возымела странную идею — познакомить меня с Гамбеттой. Я уклонился от этой встречи, которая неизбежно была бы истолкована* в неблагоприятном смысле, так как я, находясь в Париже только проездом, ни у кого из политических лиц не буду и даже, может быть, не увижу нашего посла князя Орлова, которого сегодня утром не застал.

8-го мая. Суббота. — В прошедшую пятницу, 30-го апреля, утром был у нашего посла князя Орлова, завтракал у него с советником посольства Фонтоном, секретарем Бутеневым и консулом Кумани. Главным предметом разговора, конечно, были турецкие дела и настоящее свидание двух императоров и трех канцлеров в Берлине⁶⁵.

В тот же день, отобедав у Олсуфьевых, вечером выехал из Парижа вместе с обеими дочерьми. 2 / 14 мая, в воскресенье, рано утром прибыли мы в Вену, где нам приготовлено было нашим военным агентом полковником Фельдманом помещение в Hôtel impérial. Везде преследовала нас холодная погода; мы зябли даже в комнатах и по случаю дурной погоды большую часть дня провели в гостинице. На другой день, едва успев окончить кое-какие закупки, выехали из Вены в 11 часов утра чрез Краков и Львов и ровно чрез сутки были в Волочisque, где был для нас приготовлен особый вагон. 5-го мая, в среду, в 9¹/₂ часов утра были в Одессе. На станции встретили меня генерал-адъютант Семека с главными лицами Военно-окружного управления и войск. Евгений Мих[айлович] Понсэ** приготовил нам помещение в швейцарской гостинице, но, к сожалению, мои вещи из Петербурга получены были только на другой день утром, так что весь день среды, не имея военного костюма, я не мог никуда выйти из гостиницы. В четверг посетил я генерала Семеку и вместе с ним осматривал новые постройки юнкерского училища и госпиталя, затем самое училище, где застал экзамены. Училище это, так же как и все другие юнкерские училища, поставлено весьма удовлетворительно и выполняет успешно свое назначение.

В 3 часа пополудни мы вышли из одесской гавани на пароходе «Коцебу»; до ночи имели самое спокойное плавание, но утром следующего дня (7-го числа, пятница) несколько покачало между Евпаторией и Севастополем. В Севастополе не выходил я на берег, но виделся на пароходе с тамошними властями и полковником Гемель-

* весьма

** (брат жены моей)

маном. В 6-м часу вечера прибыли в Ялту, где уже ожидала нас жена с экипажем, и мы все немедленно отправились в Симеис. С любопытством ожидал я увидеть наше жилье в оконченном и благоустроенном виде. Однако ж сегодня утром, к великой нашей досаде, не удалось нам вполне насладиться прелестями нашего скромного, но живописного приюта: поднялся страшный ветер с дождем, к полудню он обратился почти в ураган, так что трудно было на ногах удержаться вблизи дома. Таким образом, мы должны были целый день оставаться в комнатах, занимаясь приведением в порядок своей домашней обстановки.

Проездом чрез Одессу узнал я о последних политических новостях. В Болгарии решительно готовится восстание; в Константинополе — волнение, уличная толпа осмелилась даже остановить султана и заставила его выйти из кареты — случай небывалый. Послы и посланники, по слухам, переезжают на ночь на пароходы, считая опасным оставаться в городе; однако ж генерал Игнатьев, как говорят, решился переехать, по обыкновению, в место загородного пребывания посольства — Буюк-Дерэ. В газетной телеграмме из Берлина говорится, что на конференции по соглашению между тремя империями постановлено: «возложить на Россию принять энергичные меры к приведению в исполнение решения Конференции по турецким делам»⁶⁶. Телеграмма эта несколько встревожила меня; не совсем еще отдаю себе отчет в значении ее, не зная, в чем именно заключается постановленное в Берлине разрешение турецкого вопроса. Если под словом «энергичные меры» можно подразумевать употребление силы оружия, то, вероятно, мне не удастся воспользоваться своим двухмесячным отпуском и придется поспешить обратно в Петербург ранее срока.

14-го июня. Понедельник. — Более месяца не заглядывал в свой дневник, предавшись полному *far niente** в своем безмятежном уединении. А между тем было что записывать в дневнике за это время. Неожиданная для всех революция в Константинополе⁶⁷, свержение с престола одного султана и возведение другого, потом подозрительное самоубийство свергнутого калифа, убийство новых министров и в то же время проделки английского правительства, разыгравшего комедию в Константинополе для поддержания своей популярности, с высылкой в то же время сильной эскадры англий-

* бездействию (*итал.*)

ской в Безикскую бухту* в видах поддержания распадающегося государства, наперекор последним стараниям пяти больших континентальных держав уладить мирным путем дела на Балканском полуострове, — все это** составит любопытную главу в истории нашего времени. Вся Европа пришла в тревожное состояние; заговорили о неизбежной войне; уже толковали о том, что Англии удастся снова, по примеру Восточной войны 1853–1855 годов, восстановить всю Европу против России; поднялась опять враждебная нам газетная полемика. Обо всем этом я узнавал частью из газет, частью из письменных сообщений генерала Себеки из Одессы; из Петербурга же редко получал сведения. Однако ж я ни на минуту не терял уверенности в сохранении мира, с тех пор как узнал в общих выражениях о результате бывшего месяц тому назад берлинского совещания⁶⁸. После того, что я слышал от самого Государя об установившемся секретном соглашении между тремя императорами, я не имел до сих пор повода усомниться в прочности этого союза. Ни переворот в Константинополе, ни самодурство англичан не представляют пока достаточных причин к изменению политики трех империй. Поэтому, несмотря на получаемые животрепещущие новости, я оставался спокойно в своем Симеисе, занимаясь устройством своей библиотеки*** и стараясь позабыть о делах, ожидающих меня по возвращении в Петербург. Однако ж в продолжение этого времени ко мне присылали двух фельдъегерей с деловыми бумагами и письмами⁶⁹; навещали меня, кроме некоторых ялтинских старожил, проезжавшие случайно генерал Себека, генерал Кауфман (Михаил Петрович), Данилевский (Ник[олай] Яковл[евич], из Мшатки)****. Припоминаю еще, что получил письмо от сербского военного министра Николича, который просит моего ходатайства о том, чтобы русское правительство не препятствовало доставке в Сербию всего нужного ей, ввиду предстоящего разрыва с Турцией. Письмо это я отправил к государственному канцлеру в Эмс. С подобной же просьбой обращались ко мне болгары; приезжал полковник Кишельский, чтобы лично просить о выпуске из одесской таможни конфискованного оружия, предназначавшегося для болгар несколько лет тому назад;

* старания Англии выказать свое сильное влияние в Константинополе

** в такое короткое время

*** любовался окружающей прелестной местностью и старался на это время позабыть о делах,

**** да еще кое-кто.

также о снабжении болгар старым русским оружием и о дозволении самому Кишельскому окончательно выйти в отставку, чтобы принять открыто деятельное участие в восстании*.

Возвращение Государя из-за границы отсрочено до 28-го июня; однако ж я все-таки считаю своей обязанностью быть в Петербурге не позже 25-го или 26-го числа, т. е. к сроку моего отпуска. Поэтому мне остается наслаждаться отдыхом еще одну неделю. В будущий понедельник выеду из Ялты на пароходе в Одессу, завезу младшую дочь Лёлю и племянницу Аню к графине Гейден, в деревню в Киевской губернии, и затем направлюсь чрез Киев и Москву к своему месту.

30-го июня. Среда. Петербург. — Пароход («Юнона»), на котором я должен был отправиться 21-го числа из Крыма в Одессу, был задержан бурей у кавказских берегов и вышел из Ялты сутками позже назначенного по расписанию. Поэтому я должен был отказаться от своего намерения заехать в имение графини Гейден**, где предполагал провести один день; вместо того на ближайшей от этого имения станции Гнивань я расстался с моими спутницами, передав их на попечение графини Елизаветы Николаевны Гейден, встретившей нас на станции с обычным своим радушием.

Приехав в Петербург в прошлую субботу, 26-го июня, я был встречен на станции железной дороги старшей моей дочерью и адъютантами. С первого же дня меня завалили бумагами. В воскресенье утром поехал я в Петергоф представиться императрице и другим членам царской фамилии и оставался там до вторника. В понедельник встречали Государя, а вчера, во вторник, я имел первый доклад у Его Величества и затем должен был остаться у обедни и на завтраке по случаю дня Св. Павла (именины великого князя Павла Александровича). К обеду вернулся в город и нашел здесь сына, только что возвратившегося в то утро из поездки за границу и в разные губернии.

В Петергофе, так же как и здесь в Петербурге, исключительные предметы разговоров и толков — здоровье Государя и восточный вопрос. До приезда Государя ходили самые зловещие слухи о расстроенном его здоровье и упадке нравственном; с прибытием же его

* Кишельскому, как видно, предназначена важная роль в этом восстании.

** *Первоначальный текст после слов «в имение графини Гейден»:* «чтобы приехать в Петербург все-таки 26-го июня, оставил я моих спутниц (Лёлю и Анну) на станции Гнивань, где встретила нас весьма радушно графиня Гейден».

несколько успокоились; однако ж нашли его сильно исхудавшим. Доктор Боткин (осмотревший Государя во вторник) говорил мне, что не нашел в нем никаких симптомов опасных*.

Возвращения Государя ожидали с нетерпением, чтобы узнать что-нибудь верное о настоящем положении политики. В последние дни телеграммы с театра войны не заключали в себе никаких замечательных событий. С объявления войны Сербией и Черногорией (о чем я узнал только в Одессе) и с перехода сербских войск чрез границу прошло уже 9 дней; по первым телеграммам о наступлении Черняева в публике уже составилось понятие о победоносном его шествии прямо к Константинополю⁷⁰. Но вместо того в последующих телеграммах видно, что наступление сербов не имеет такого решительного характера, и теперь можно догадываться, что оба противника выжидают, пока стянутся их силы. При этом фазисе войны, как всегда бывает, получаемые с той и другой стороны известия нередко противоречат друг другу. Вчерашние телеграммы дают повод думать, что западная колонна сербская имела успехи в Боснии и Герцеговине и вошла в связь с черногорцами. Из этого можно также заключить, что Мухтар-паша с войсками своими потянулся из Боснии к главной армии в Нише. По имеющимся в Главном штабе сведениям, кажется, что силы обеих сторон почти уравниваются, с малым, разве, перевесом на стороне турок⁷¹. В Болгарии восстание пока в малых размерах. Бедняки эти не имеют оружия, а потому турки и черкесы производят в Болгарии возмутительные жестокости, истребляя тысячами безоружное и беззащитное население. Никто не приходит на помощь болгарам, а, напротив того, говорят, что шайки мадьяр, переходя из Венгрии в Турцию, помогают туркам⁷².

При таком положении дел в Турции, естественно, возникает вопрос: неужели Европа, и в особенности Россия, могут продолжать твердо сохранять принцип невмешательства, особенно ввиду явного, гласного сочувствия, оказываемого туркам Англией и Венгрией. Любопытно было бы узнать, на чем же остановились

* и намекнул, что истощение его может отчасти происходить от излишеств в отношении к женщинам. Говорят, что, кроме постоянных сношений с княжной Долгорукой, бывают и случайные любовные «авантюры». Рассказывают, что, например, в Эмсе, где Государь большую часть своего времени проводил у княжны Долгорукой, за ним бегали стаи женщин разного сорта. Впрочем, мне кажется, что тут есть некоторое преувеличение: не всякая встреча в саду, не всякая интимная беседа глаз на глаз имеют значение любовной связи. Можно даже приписывать эти рассказы о любовных похождениях Государя более назойливости самих женщин, чем его похотливости.

союзные императоры после последних свиданий в Эмсе и Рейхенберге^{*73}. В понедельник, когда я мимоходом спросил барона Жюмини (приехавшего с Государем и князем Горчаковым), он, конечно, не дал мне никакого определительного ответа, а вместо того кинул какую-то странную фразу о нашей неготовности к войне. Так как я замечал уже, что и в публике слышались какие-то смутные толки о том, будто Россия *не может* воевать и вынуждена во что бы ни стало избегать войны, собственно по расстройству военных сил, то я счел нужным при первом же моем докладе Государю взять с собой работы, подготовленные Мобилизационным комитетом при Главном штабе, чтобы объяснить Государю и великим князьям истинное положение дела и устранить, по крайней мере, в них ту тревожную мысль, будто мы теперь уже вовсе не можем вести войны. Из означенных работ ясно видно, что, несмотря на многие еще остающиеся в нашей военной организации недостатки, никогда армия наша не была в такой готовности к войне, как теперь. Конечно, мы находимся в переходном положении, все у нас еще в разработке, и, во всяком случае, мы не можем выставить армию в том идеальном составе и устройстве, которое проектировано в последнее время; но все-таки можем ныне выставить несравненно бóльшие и лучше устроенные силы, чем когда-либо в прежние времена, и в особенности несравненно в кратчайший срок. Все это я доложил вчера Государю, присовокупив, что если для скорой мобилизации армии в нынешнем ее составе можно ожидать серьезных затруднений, то, разве, единственно со стороны финансов наших и, кроме того, по неразрешению Государственным советом давно уже разработанного проекта положения о военно-конской повинности. Государь выслушал мои объяснения без особенного внимания, как бы оставаясь по-прежнему в убеждении, что войны не будет. Он прочел, разумеется, под условием соблюдения строгой тайны, составленный после Рейхенбергского свидания протокол, в котором подтверждалось желание трех императоров воздерживаться от вмешательства в происходящую на Балканском полуострове борьбу, однако ж уже не безусловно, а с оговоркой, что такой образ действий будет строго соблюдаться только до тех пор, пока будет возможно смотреть равнодушно на эту борьбу, и при этом предусматриваются два случая: решительного перевеса турок над христианами или христиан над турками⁷⁴. На тот и другой случай устанавливаются на сей раз уже более, чем прежде,

* Рейхштадте.

определительно намерения трех императорских кабинетов: если восторжествует мусульманство, то Европа потребует восстановления quo ante bellum^{*}; в противном случае намечены в общих выражениях следующие предположения: расширение пределов Сербии и Черногории, возможность образования отдельных государств Болгарии, Румынии, Боснии, присоединения Фессалии и Македонии к Греции, образования вольного города в Константинополе, прирезки некоторых клочков турецкой территории к Австрии (на берегу Адриатического моря и в северо-западной Боснии), а вместе с тем возвращения России отторгнутой от нее части Бессарабии на левом берегу Нижнего Дуная и присоединения порта батумского. Таким образом, теперь, по крайней мере, выяснилось, чего можно ожидать или надеяться в будущем. Однако ж, по выслушании этого любопытного акта, я позволил себе сделать некоторые замечания: во-первых, что система невмешательства возможна лишь при том условии, что и другие европейские державы будут строго соблюдать ту же систему и не будут помогать даже косвенно одной из сторон; а, во-вторых, что уже в настоящее время совершаются в Болгарии и в других частях Турции такие возмутительные жестокости над беззащитным христианским населением, что христианские державы, в особенности Россия, едва ли могут оставаться равнодушными зрительницами. Вместе с тем я коснулся и двусмысленного отношения Австро-Венгрии к настоящей борьбе славян с турками: если даже и не сомневаться в чистосердечии и твердости самого императора Франца-Иосифа и Андраши, то остается еще вопрос, в какой мере их личные виды и желания могут служить гарантией для будущего в государстве конституционном, при существующем дуализме и при известном настроении Венгрии. В разговоре Государь коснулся еще некоторых частных, которых я уже не припомню; но общее впечатление, вынесенное мною из государева кабинета, было то, что, сохраняя по-прежнему надежды на продолжение мира в Европе, он уже не смотрит так спокойно на близкую будущность. Между прочим Государь говорил о предположении Игнатьева собрать сильный корпус в Закавказье на турецкой границе под видом учебного лагеря; отзывался с негодованием о поступке Черняева, которому было объявлено чрез Потапова высочайшее воспрещение отъезда в Сербию; упоминал о какой-то записке Фадеева (вероятно, той, которую он по-

* довоенного положения (лат.)

дал* недавно наследнику), о занятии нами Дарданелл и проч.⁷⁵ Замечательно, что о последнем этом химерическом предположении** Государь упомянул с некоторым сочувствием — и это в то время, когда в Безикской бухте стоит сильный флот английский и когда в Англии сделаны все приготовления*** к высадке, в случае надобности, на любом пункте архипелага 27 тысяч войска.

Прежде выезда из Петергофа я посетил канцлера князя Горчакова и имел с ним продолжительный разговор. Он несколько раздосадовал меня своими бессмысленными упреками военному ведомству: зачем оно, издерживая ежегодно до 180 миллионов рублей, не имеет там, где оказывается нужным, ни одной части войск в полной готовности к войне? зачем****, например, три дивизии в Одесском округе находятся в слабом численном составе и зачем нужны особые денежные средства для приведения этих войск на военное положение. — Как ни пытался я объяснить великому нашему дипломату всю несообразность его упреков и требований, он, как и всегда, не хотел вовсе слушать, говоря, что он не понимает моих объяснений и что не его дело входить в наши военные дела. Напрасный был бы труд настаивать, так как мне уже хорошо знакомо легкомыслие, с которым наш знаменитый канцлер говорит обо всех предметах, сколько-нибудь выходящих из тесной рамки дипломатической канцелярии. Впрочем, мы и на сей раз расстались с ним друзьями. Я успел переговорить с ним о просьбах болгар относительно пропуска оружия чрез наши таможни, хотя мало ожидаю успеха в этом деле для бедных болгар.

1-го июля. Четверг. — Доклад в Петергофе. Ничего нового по делам политическим. Телеграммы с театра войны неопределительны, противуречивы. По-видимому, обе стороны стягивают свои силы. Сербь организуют партизанские отряды и народную войну. Румыния, как кажется, намерена держаться в стороне, может быть, до тех пор, пока не выкажется явный перевес в пользу той или другой стороны. Сегодня Государь мало говорил о делах политических; у меня было в докладе много мелких дел, занявших все время. После меня вошел в кабинет князь Горчаков, но он оставался у Государя не более 10 минут; мы вышли с ним вместе, и я подвез его в своем экипаже до его квартиры. Он говорил мне о стараниях сербов сделать заем или

* наследнику, быв недавно в Петербурге

** похожем на бред больного,

*** на случай высадки в самое короткое время 27 тысяч войска

**** для мобилизации каких-нибудь трех дивизий (Одесского округа)

получить пособие от России; князь Горчаков отклоняет всякое официальное содействие славянскому делу.

Посетив летнее помещение воспитанников военных гимназий и прогимназий, я возвратился в Петербург к обеду. Со мною ехал Валуев, и всю дорогу мы проговорили о современном положении дел. Валуев видит все в мрачном цвете, критикует нашу дипломатию; досталось и графу Шувалову, с которым во время оно Валуев шел рука в руку⁷⁶. — На станции я познакомился с новым итальянским послом — Нигра.

От генерал-майора Горлова получил письмо (из Лондона) о том, что англичане не на шутку заняты военными приготовлениями.

Завтра Государь с императрицей отправляются в Финляндию дней на пять. Я полагал, что не избегну этой поездки, тем более, что имеются в виду смотры войск Финляндского округа. Однако ж и на этот раз меня оставляют в покое; ни слова не было мне сказано о предстоящей поездке. Все больше и больше склоняюсь к тому предположению, что присутствие мое во время «высочайших путешествий» неприятно для графа Адлерберга. Я же, конечно, не стану плакать, оставаясь спокойно дома.

8-го июля. Четверг. — Ничего замечательного в течение целой недели. Можно, разве, упомянуть о побеге из Николаевского военного госпиталя одного из главных политических арестантов, обвиняемых в революционной пропаганде среди народа, — князя Крапоткина. Обстоятельства этого побега явно выказывают искусно замышленную подготовку.

Восточный вопрос в каком-то застое: ни сербы, ни турки ничего решительного не предпринимают; по-видимому, обе стороны чего-то поджидают. Только черногорский князь продолжает двигаться в северную часть Герцеговины и уже подошел к Мостару. Турки оказывают ему слабое сопротивление; кажется, Мухтар-паша обратился на помощь главным силам турецким против Черняева. Из Главной же квартиры сербской получают неутешительные известия: Черняев уже успел перессориться со своими подчиненными. Один из них, Стратимирович, напечатал в иностранных газетах статью, в которой упрекает Черняева в нерешительности, колебании и бестолковости. Да чего же и ждали от него? На чем была основана громкая его слава? — Вероятно, увидим еще развенчанный кумир.

В прошедший вторник Государь возвратился из Финляндии. Сегодня я был с докладом в Петергофе. У Государя флюс и маленькая лихорадка. Сегодня же был официальный прием турецкого посла с

новыми верительными грамотами. Говорят, что новый султан в полном идиотизме и что в Константинополе уже поговаривают о том, не следует ли опять сменить и нового повелителя правоверных. Все признаки конечного* разложения империи Османов. — Румыния заявила Порте такие требования, которые похожи на ультиматум пред объявлением войны. Вмешательство Румынии даст заметный перевес христианам.

В прошедший понедельник, 5-го июля, я закончил последние расчеты с Миллером по крымской постройке.

10-го июля. Суббота. — Весь день провел в Петергофе. Утром доклад и визиты, потом большой парадный обед во дворце для итальянского наследного принца и, наконец, вечер с цыганами в Александрии у наследника цесаревича. К обеду были приглашены, кроме свиты итальянского принца, и другие иностранные генералы и офицеры, прибывшие на красносельские маневры: французы, австрийцы и германцы. Вечер был устроен для принцессы Маргериты, которая особенно желала видеть и слышать цыган. Не знаю, какое вынесла она впечатление, прослушав всю коллекцию бессмысленных романсов и пошлых солдатских песен, распеваемых гнусливым голосом цыганами и цыганами**. Мне всегда совестно, что мы угощаем иностранцев такими безобразиями.

При докладе моем Государь заговорил о неблагоприятном ходе дел для сербов***; в высшем петергофском обществе также слышал общее сокрушение о том, что славянам не везет; начинают осыпать Черняева упреками и только теперь спрашивают, на чем же основана была вся его громкая слава. Впрочем, в газетных телеграммах я не нахожу еще ничего такого, что оправдывало бы**** тревогу; ничего решительного до сих пор еще не было на театре войны, и вольно же было публике по первым телеграммам вообразить себе, что Черняев так и пойдет вперед триумфатором прямо в Константинополь. Худо только то, что он перессорился с теми людьми, на которых должен был опираться; худо то, что начались раздоры в славянском стане. — С другой стороны, я узнал сегодня под строгой тайной, что государственный канцлер несколько отступил уже от своей системы безусловного нейтралитета и согласился на то, чтобы смотреть сквозь пальцы на провоз оружия к

* распада.

** мне же это страшное ценне кажется крайне антиэстетическим.

*** Первоначально абзац начинался словами: «Сегодня я заметил во всем высшем петергофском обществе какое-то сокрушение».

**** это отчаяние;

сербам и болгарам. Государь разрешил министру финансов дать ответственные секретные инструкции нашим таможням⁷⁷. — Императрица усугубляет свое сочувствие к балканским славянам, посылает от общества Красного Креста врачей и госпитальные вещи.

12-го июля. Понедельник. — Вчера вечером в Красном Селе был выезд лагеря и обычная парадная заря, а сегодня утром большой смотр. Не знаю, какое впечатление произвели эти оба угощения на итальянских гостей. Погода благоприятствовала, и войска представились во всем блеске. Прямо с парада итальянский принц и принцесса отправились в Петербург; улицы на пути их были разукрашены флагами. Они пробудут здесь весь завтрашний день.

13-го июля. Вторник. — Сегодня доклад мой был очень продолжителен (1¹/₂ часа), так что пришлось некоторые дела отложить до другого раза. Получив приглашение к обеду у их величеств, я должен был остаться в Петергофе почти на весь день. Кроме меня, были за обедом барон Жомини и граф Григорий Александрович Строганов. За обедом императрица с особенной скорбью говорила о неблагоприятном ходе дел для турецких славян, о последних неудачах их, о новых пособиях, приготовляемых по санитарной части как в Петербурге, от общества Красного Креста, так и в Москве.

14-го июля. Среда. — Приглашение на спектакль и иллюминацию, приготовленные сегодня вечером в Петергофе, на «островках», пришло так поздно (по возвращении моем из заседания Военного совета), что я воспользовался этим предлогом, чтобы совсем не ехать туда, и, спокойно оставшись дома, имел время подготовиться к завтрашнему докладу.

15-го июля. Четверг. — Приехав в Петергоф в обычный час (с первым поездом железной дороги), я узнал, что сегодня, в 10 часов утра, принц и принцесса итальянские уезжают из Петергофа на пароходе в Петербург и что вся царская фамилия съехалась в Большой Петергофский дворец, чтобы проститься с гостями. К тому же сегодня именины великого князя Владимира Александровича, а потому должна быть обедня. Доклад назначен мне после обедни. Я воспользовался свободным временем, чтобы повидаться с государственным канцлером и поговорить с ним о настоящем положении дел. Передав ему сведения, полученные в Военном министерстве из Лондона, я навел разговор на возможность разрыва с Англией и на крайнее возбуждение общественного мнения в этой стране против России. Князь Горчаков хотя и возражал мне, что, напротив того, теперь заметна в Англии

* турецким

Император Александр II

сильная реакция против воинственных затей Дизраэли, который уже рассорился с министром иностранных дел Дерби и, быть может, близок к падению, однако ж сам же князь Горчаков выражал опасение, что, при всем нашем твердом намерении избежать во что бы ни стало войны, могут быть такие случайные, непредвидимые обстоятельства, которые сделают для нас войну неизбежной. Для примера он указал на возможность оскорбления нашего посла в Константинополе и в этом отношении радовался тому, что отъезд Игнатьева в Россию устранил на время хотя одну эту случайность. Вообще я заметил, что взгляд государственного канцлера теперь уже не совсем тот же, какой был у него в первые наши с ним свидания: он уже говорит иначе о допущении неофициальной помощи турецким христианам, о пропуске к ним оружия и военных запасов под видом транзитного товара; в довершение он признался, что виделся с Ростиславом Фадеевым и даже принял от него записку, которую тут же и дал мне прочесть⁷⁸. По всему видно, что этот краснойбай* обладает талантом пускать пыль

* остался тем же и теперь; тем не менее он имеет талант пускать пыль в глаза;

в глаза; наш канцлер признал его человеком умным, хотя и не заслуживающим доверия. Фадеев нахвастался, будто имел огромное влияние на египетского хедива и вел его к тому, чтобы он воспользовался нынешними трудными обстоятельствами Турции для приобретения новых для себя выгод⁷⁹. По-видимому, и в записке, поданной Фадеевым наследнику цесаревичу, проводилась также мысль, будто по милости его, Фадеева, хедив поможет христианским подданным султана освободиться из-под ига мусульманского и доконает блистательную Порту. Князь Горчаков, впрочем, и сам находит, что совершившиеся уже факты не подтверждают мечтательных надежд Ростислава Фадеева. Тем не менее заметно, что этот нахал все-таки несколько обмочил престарелого канцлера.

Пред концом обедни я отправился в Александрию, дождался возвращения из церкви всей царской фамилии, поздравил именинника, позавтракал — и затем потребован был в кабинет Государя с докладом. После первых незначительных предметов доклада пришлось, естественно, коснуться нынешних политических отношений, и тогда у Государя невольно вырвалось сознание затруднительности настоящей минуты. Давно уже не случалось мне слышать от него такого искреннего, откровенного излияния занимающих его мыслей и задушевных забот. «Постоянно слышу я упреки, зачем мы остаемся в пассивном положении, зачем не подаем деятельной помощи славянам турецким. Спрашиваю тебя, благоразумно ли было бы нам, открыто вмешавшись в дело, подвергнуть Россию всем бедственным последствиям европейской войны? — Я не менее других сочувствую несчастным христианам Турции, но я ставлю выше всего интересы самой России». Тут Государь обратился к воспоминаниям Крымской войны; слезы навернулись на его глазах, когда он заговорил о тогдашнем тяжелом положении покойного императора Николая, об упреках, которыми тогда осыпали его и друзья, и недруги за то, что он вовлек Россию в бедственную войну. Затем Государь, отвечая на мои вопросы, сказал: «Конечно, если нас заставят воевать, — мы будем воевать; но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне. Вся ответственность падет на тех, которые сделают вызов, и пусть тогда Бог решит дело. Притом не надобно забывать, что секретный союз, заключенный мною с Германией и Австрией*, есть исключительно союз оборонительный; союзники наши обязались принять нашу сторону, если мы будем атакованы; но они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны, в случае

* как бы ни имел я доверия к нему, имеет целью т[олько?]

наступательных наших предприятий, и в этом случае может выйти то же, что было в Крымскую войну — опять вся Европа опрокинется на нас...».

В таком смысле разговор или, лучше сказать, монолог Государя продолжался с полчаса, так что мне трудно припомнить все его слова; он был растроган, так что были минуты, когда не мог говорить. Он сознался, что эти именно заботы и беспокойства постоянно гложат его и подкапывают здоровье. «Может быть, по наружности я кажусь спокойным и равнодушным; но именно это и тяжело — показывать лицо спокойное, когда на душе такие тревожные заботы^{*}. Вот отчего я и хую, отчего и лечение мое в Эмсе не пошло впрок».

Это искреннее излияние, этот скорбный голос, вырвавшийся так неожиданно для меня из глубины сердца Государя, растрогал меня и оставил сильное впечатление. Доклад нынешнего дня останется у меня всегда в памяти.

Замечательный этот разговор не помешал, однако же, мне докончить весь доклад мой, и Государь выслушал его со вниманием до последнего дела. После меня еще были другие доклады: Посьета, барона Шернваль-Валлена (по делам Финляндии) и проч.

Возвратившись в Петербург в 5 часов, я как-то неохотно принялся после обеда за свои текущие дела и поехал развлечься на Аптекарский остров к А. П. Заблоцкому. Он показывал мне свои работы по жизнеописанию графа Павла Дмитриевича Киселева и прочел несколько отрывков⁸⁰. Уже прежде он присылал мне некоторые приготовленные главы, именно относящиеся к пребыванию графа Киселева в Париже в качестве посла. Судя по поверхностному обзору этих отрывков, можно надеяться, что сочинение, за которое взялся Заблоцкий, будет в высшей степени интересно в историческом отношении. Это будет не только изображение одной замечательной личности, но и материал для изучения целой эпохи.

16-го июля. Пятница. — Утром заехал в Зимний дворец распписаться у принца Гумберта, который сегодня же, в 9 часов вечера, уезжает в Москву. Весь остальной день сидел дома за бумагами, в полном одиночестве.

17-го июля. Суббота. — Утром, по обыкновению, был в Петергофе с докладом. Государь был сегодня бодрее и в лучшем расположении духа, чем прежде. Он рассказал мне во всей подробности, как вчера ночью он неожиданно приехал в Красное Село, поднял войска по

^{*} Первоначальный текст после слов «но именно это»: «искусственное, принужденное спокойствие на лице и тягостно, когда в душе тревожно».

тревоге и затем произвел общий маневр*. Сегодня ожидали прибытия королей и королев датских и греческих с датской принцессой Тирой. Но я не остался в Петергофе для встречи их.

Известия с театра войны очень неутешительны. Черногорцы, кажется, побиты Мухтаром-пашой. Но прискорбнее всего то, что князь Николай оказался плохим полководцем; при первой неудаче он растерялся, бросился поспешно отступить, а чрез это храброе его воинство несколько упало духом. У сербов дела идут не лучше. Зато в самом Константинополе страшный ералаш: уже открыто заявляют, что Мурад V не может долее оставаться султаном и что вскоре предстоит новая перемена царствования.

18-го июля. Воскресенье. — Напрасно съездил утром в Красное Село. Назначенный там церковный парад и лагерный развод отменены по случаю дождя.

19-го июля. Понедельник. — В Петергофе парадный обед для королей и королев датских и греческих. После обеда сам Государь представлял им министров и других приглашенных к обеду. Король Георг узнал меня сам.

Поздно вечером отправился из Петергофа в Красное Село.

21-го июля. Среда. — Весь вчерашний день и сегодня утро провел в Красном Селе. Вчера два раза был на учении, сегодня опять часа 3 сидел верхом. Верховая езда начинает отзывать на здоровье моем; кроме большой усталости, сегодня почувствовал сильнее, чем когда-либо, геморроидальные страдания.

В последние дни получены с театра войны телеграммы довольно благоприятные для славян: черногорцы (судя по телеграммам) сильно побили Мухтара-пашу под Билечем.

В понедельник в Петергофе я виделся с Игнатьевым (Ник[олаем] Павл[овичем]), только что приехавшим из Константинополя. После обеда он приехал ко мне, и мы проговорили с ним часа полтора. По его рассказам, разумеется, все дело на Балканском полуострове пошло бы совсем иначе, если б послушались его, а не передали в руки Андраши. Игнатьев рассказал мне много интересных подробностей; жаль только, что слушая его не знаешь, сколько в словах его правды и сколько хвастовства.

Вчера были наконец прения в обеих английских палатах по восточному вопросу. По телеграммам трудно составить себе верное понятие о характере этих прений; надобно дождаться подробных отчетов.

* всеми войсками Красносельского сбора.

22-го июля. Четверг. — После обычного доклада в Петергофе и принесения поздравлений императрице, цесаревне и герцогине Эдинбургской возвратился в город, уклонившись от приглашений к «министерскому столу» и на бал к наследнику цесаревичу. Мне так нездоровилось, что я даже отпросился у Государя на несколько времени от учений в Красном Селе.

Впрочем, кроме физического расстройств, и настроение душевное как-то не гармонирует ни с придворными обиходами, ни с пустотой красносельских упражнений. Мне казалось, что и при дворе какое-то мрачное настроение; императрица удостоила меня несколькими выражениями скорби о бедственном положении дел в Сербии; государственный канцлер, обыкновенно лучезарный и шуточный, сегодня говорит как-то шепотом, нахмурившись; все, до самой молодой фрейлины, спрашивают, нет ли новых телеграмм с театра войны⁸¹. Но главное дело не в том, сербы ли вчера атаковали турок, или турки вторглись на сербскую территорию и разорили несколько деревень, а в том, что вообще европейский политический горизонт видимо омрачается. У нас начинает колебаться прежнее безграничное доверие к непоколебимости Тройственного союза и даже к немецкой дружбе. Кажется, в самом Государе уже нет полной уверенности в сохранении европейского мира и является опасение, что нас вовлекут в войну даже против собственной нашей воли.

В таком же смысле выражался князь Черкасский, приехавший из Москвы и навестивший меня пред обедом. Он является как бы представителем общественного мнения в Москве, и, по-видимому, приехал на самое короткое время, собственно только для того, чтобы понюхать, что делается у нас в высших правительственных сферах. Он* передал мне толки, которые ходят в публике, недовольной безучастным отношением правительства к делу турецких славян; говорил, что и мне лично, как военному министру, достается сильно. Хотя я пробовал опровергать эти суждения публики, выставляя их неосновательность и легкомысленность, однако ж поневоле, увлекшись приятельским разговором, не мог сам не сетовать на полное расстройство нашей административной машины, на непростительную апатию и бездействие правительства, в общей его совокупности**. Приведу маленький образчик: на южном берегу Крыма давно уже жалуются на то, что под предлогом ловли рыбы и специально дельфинов турецкие промышленники нахально пристаю к берегу, выходят на взморье и распоряжаются

* высказывал мне неутешительные симптомы;

** Примером тому может служить положение дел на южном берегу Крыма.

как у себя дома. В прошлом году и в нынешнем бывали даже примеры насилий и грабежей. Ровно год тому назад, возвратившись из Крыма, я докладывал самому Государю о тамошнем бессилии русских властей; тогда же по высочайшему повелению обсуждали этот вопрос в особом совещании подлежащих министров; мне казалось, что объяснения мои произвели на них впечатление; признано было нужным принять разные меры по министерствам: иностранных и внутренних дел, финансов, морскому, по Корпусу жандармов и т. д. Началась переписка, обменялись значительным числом бумаг, и в течение целого года ровно ничего не сделано ни по одному министерству. Теперь же вдруг встрепенулись: министр внутренних дел и шеф жандармов одновременно получают официальные донесения о бывших недавно происшествиях на берегу; вооруженные турки начинают уже открыто нападать на жителей. Об этих происшествиях пишет мне и жена в последнем письме, при котором приложено письмо к ней от нашего хорошего знакомого, Ник[олая] Яковл[евича] Данилевского, из Мшатки, где был один из случаев грабежа. И вот, тот же министр внутренних дел, который не признавал нужным принять какие-либо меры к усилению полиции, тот же министр финансов, который не хотел подкрепить таможенную стражу, тот же министр иностранных дел, который затруднялся возбудить вопрос о пересмотре законов относительно прав иностранцев по рыбной ловле, — все разом обращаются к военному министру и заявляют о необходимости военных мер к охранению берега. Хотя и не дело войск исполнять обязанности полиции и таможенной стражи, однако ж я воспользовался случаем и принял на себя распоряжения: сегодня же испросил высочайшее повеление учредить по всему южному берегу кордон из пехоты и казаков и уже отправил соответственные приказания начальству Одесского округа.

Другое распоряжение с высочайшего дозволения сделано по Кавказскому округу: предписано войска, собранные в лагере под Карабулаком (близ Башкичета), немедленно передвинуть к Александрополю. Давно уже генерал Игнатьев и полковник Зеленый писали из Константинополя, что было бы полезно сделать со стороны Закавказского края демонстрацию, чтобы удержать в Азиатской Турции хотя часть тех войск турецких и тех полудиких орд, которые нахлынут на Балканский полуостров против несчастных славян. Лагерь под Александрополем мог бы держать турок в недоумении относительно наших намерений. Однако же мысль эта до сих пор оставалась без исполнения. Великий князь Михаил Николаевич за границей объяснил Государю, что и лагерь под Карабулаком не далек от границы (Карабулак в 70 верстах от Александрополя). Таким образом, упущено было много времени, и вся

сволочь азиатская уже выброшена на Балканский полуостров. — Я снова поднял вопрос о лагере под Александрополем, и хотя Государь сначала полагал это ненужным, однако ж согласился дождаться приезда Игнатьева, который, разумеется, поддержал свою прежнюю мысль. Таким образом, дано наконец по телеграфу приказание князю Мирскому исполнить предположенное передвижение войск.

24-го июля. Суббота. — Утром ездил в Красное Село с докладом, но не был на учениях и возвратился в город с намерением оставаться здесь спокойно и завтра, и в понедельник, хотя в эти дни Государь остается в Красном Селе. Я почти рад, что имею предлог (расстройство здоровья*) уклониться от красносельской суеты и скачки.

27-го июля. Вторник. — По случаю дня рождения императрицы был выход в Большом Петергофском дворце. Государь принял мой доклад пред выходом, в том же дворце. Я был немало удивлен, услышав от Его Величества, что он открыто объявил в Красном Селе о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства. Таким образом, то, что до сих пор допускалось только негласно, на что смотрели сквозь пальцы, обратилось теперь в открытое, официальное разрешение непосредственно от самого императора⁸². Говорят, что множество охотников воспользуется этим дозволением; даже из царского конвоя несколько мусульман вызываются ехать в Сербию, и во главе их второй сын Шамиля, уверяющий, что он соберет шайку черкесов для действия *против турок*** . — Можно ли тому поверить?

Пока шла обедня, я имел в одной из зал дворца разговоры с князем Горчаковым и с Игнатьевым (послом) — разумеется, с каждым отдельно. Первый положительно отвечал на мой вопрос, что не намерен брать на себя инициативу каких-либо новых дипломатических переговоров; Игнатьев, разумеется, осуждает все действия Министерства иностранных дел. Теперь он опять настаивает на усилении войск наших, выдвинутых к Александрополю, куда уже перемещен лагерный сбор Кавказской гренадерской дивизии из Карабулака. — После обедни, при *baise-main****, императрица подошла ко мне и высказала свое удовольствие по поводу отправления в Сер-

* Первоначально: «геморроидальное расстройство»

** Не очень этому доверяю.

*** целование руки (*фр.*)

*Император
Александр II верхом*

бию многочисленного санитарного персонала, снаряженного обществом Красного Креста*.

После выхода было совещание под председательством великого князя Константина Николаевича в занимаемых им комнатах в Большом Петергофском дворце. Участвовали в этом совещании князь Горчаков, Рейтерн, Игнатъев (посол), Лесовский, Грейг и я. Дело шло об усилении денежных средств, ассигнуемых Морскому министерству на кораблестроение, дабы ныне же воспользоваться выгодным случаем, по предложению Игнатъева, купить три судна, заказанные в Англии турецким правительством, которое теперь, по неимению финансовых средств, отказалось от уплаты за эти суда. Строитель судов продает их со сбавкой 40% с условленной им с Портой цены. Однако ж и с этой уступкой все-таки требуется за все три судна до 6 или 7 миллионов рублей, а за одно из них, самое сильное, приходилось бы уплатить около $3\frac{1}{2}$ миллионов. Суждения по этому вопросу, как и следовало ожидать, привели к отрицательному заключению; министр

* и когда я заметил, что Военное министерство уступило очень большое число врачей, в которых само терпит недостаток, то императрица ответила, что и она находит благоразумным теперь несколько приостановиться в нашем усердии в пользу воюющих славян.

финансов объявил, что при настоящем положении финансов он признает решительно невозможным перевод за границу какой-либо значительной суммы, как бы расход ни был полезен. Когда же перешли затем к другому вопросу — о добавочном, чрезвычайном ассигновании ежегодно по несколько миллионов сверх нормальной сметы Морского министерства (20¹/₂ миллионов), собственно для усиления постройки броненосных судов как для Балтийского моря, так и для Черного, то Рейтерн, с поддержкой своего постоянного союзника Грейга, указал на нерациональное расходование Морским министерством отпускаемых ему сумм по нормальной смете и привел к тому заключению, что для желаемого усиления кораблестроительных расходов возможно найти средства в самой смете. Решено в таком смысле доложить Государю с тем, чтобы для изыскания этих средств была образована особая комиссия*.

По окончании совещания я обратил внимание генерал-адмирала и Лесовского на два общих дела обоих министерств — военного и морского, именно: во-первых, об охране крымского берега и, во-вторых, о взаимном содействии обоих ведомств для укладки, в случае надобности, подводных мин в наших портах и приморских крепостях.

Я не остался в Петергофе ни к «министерскому» обеду, ни на вечерний праздник на Ольгином и Царицыном островах и возвратился к обеду в Петербург. Чувствую себя** не в силах прикидываться спокойным и веселым среди пустого общества придворного и пестрой кучки иностранных гостей. Мне даже противно видеть в других это напускное благодушие, эту поддельную беззаботность в такое время, когда у каждого порядочного человека сердце обливается кровью при мысли о событиях на Востоке, о бессовестной, презренной политике европейской, об ожидающей нас близкой будущности.

Мрачному моему настроению немало содействует и личная досада, причиняемая беспрестанно доходящими до меня толками о том, что мы

* Первоначальный текст после слов «...Рейтерн, с поддержкой своего постоянного союзника Грейга,»: «указал на нерациональное расходование Морским министерством тех сумм, которые отпускаются по нормальной смете, и привел к тому заключению, что если, с одной стороны, можно и необходимо отпускать лишние против этой сметы средства на кораблестроение, то, с другой стороны, необходимо и в самой нормальной смете найти средства для той же надобности в большей соразмерности, чем было до сих пор. Решено было в этом смысле доложить Государю и спросить разрешение на образование особой комиссии, которая сделала бы разборку морской сметы, чтобы определить, какие суммы могут быть из нее уделены собственно на кораблестроение, а затем уже определить и цифру необходимой добавки из Государственного казначейства».

**слишком в мрачном расположении духа, чтобы вращаться спокойно и весело среди пестрой и разноплеменной толпы придворных и иностранных гостей.

будто бы не готовы к войне, что у нас нет ни армии, ни пороха, ни ружей* и т.д. Почему и кем распускаются подобные толки — не берусь доискиваться; но разве не больно слышать подобные речи не только в праздной и легкомысленной толпе, но даже от высших государственных сановников, которые распускают подобные вредные для нас ложные сведения даже за границей. Мне случается получать безыменные письма, наполненные самыми грубыми, площадными ругательствами, будто бы за расстройство армии, и все это после 16-летних тяжелых забот об устройстве и усилении наших военных сил. Никогда еще, положительно никогда Россия не имела в готовности такой силы, со всеми материальными средствами, как теперь; никогда и не могло быть прежде такого приготовления к быстрой мобилизации. — Досадно, что на все превратные толки, злые клеветы и ругательства приходится отвечать молчанием. Не публиковать же нашего плана мобилизации, цифры наших сил, наших запасов. Да если б и публиковали — ничему не поверили бы, когда атмосфера пропиталась уже зловредными миазмами недоверия, подозрения и порицания. Одна война может фактически выказать, насколько мы готовы к ней. Но ужели для своего оправдания, для удовлетворения своего оскорбленного самолюбия желать бедствия России. — А по моему убеждению, война была бы для нас неизбежным бедствием, потому что успех и ход войны зависят не от одной лишь подготовки материальных сил и средств, но столько же от подготовки дипломатической, а, с другой стороны, — от способности тех лиц, в руках которых будет самое ведение военных действий**. К крайнему прискорбию, должен сознаться, что в обоих этих отношениях мало имею надежд: дипломатия наша ведется так, что в случае войны мы неизбежно будем опять одни, без надежных союзников, имея против себя почти всю Европу; а вместе с тем в среде нашего генералитета не вижу ни одной личности, которая внушала бы доверие своими способностями стратегическими и тактическими. У нас подготовлены войска и материальные средства, но вовсе не подготовлены ни главнокомандующие, ни корпусные командиры. Мне даже неизвестно, есть ли в потаенном ящике государевого письменного стола список тех генералов, которым он намерен в случае большой войны вверить свои армии.

* ни того, ни другого.

** *Первоначальный текст после слов «...А по моему убеждению, война была бы для нас неизбежным бедствием.»: «потому, что успех и ход войны зависят не от одной большей или меньшей подготовки материальных сил и средств, но столько же от условий, не зависящих от деятельности и забот Министерства военного: от дипломатической подготовки и от интеллигенции тех личностей, в руках которых будет ведение военных действий».*

30-го июля. Пятница. — В нескольких газетах одновременно появились наконец статьи по поводу распространившихся толков о нашей неготовности к войне. Статьи эти очевидно написаны лицами невоенными и не имеющими никакого отношения к военному ведомству. Это дало мне повод написать князю Горчакову, чтобы он прочел одну из таких статей в «Новом времени», и при этом высказал ему несколько элементарных понятий о том, что значит быть *готовым* к войне и быть *подготовленным*. «Смело могу сказать, что *никогда* еще военные силы России не были так *подготовлены* к войне, как теперь», — писал я и в конце прибавил: «Мне казалось не лишним, чтоб все это было известно русскому государственному канцлеру»⁸³.

Кроме того, я поручил редакции «Русского инвалида» собрать некоторые данные о нынешних наших военных силах и средствах сравнительно с эпохой 1853 года и предложить этот материал редакции одной из газет, например, «Голоса». Надобно же, наконец, хоть что-нибудь сказать в опровержение ложных и крайне невыгодных для нашей политики толков.

Дела у сербов положительно идут плохо: они уже вынуждены покинуть оборонительную линию по Тимоку; турки жгут, режут и опустошают в пределах Сербского княжества. Общественное мнение в России все громче и громче высказывает неудовольствие на бездействие нашей дипломатии. Популярности и славе нашего государственного канцлера грозит опасность⁸⁴.

Сегодня ездил я в Красное Село по случаю общего «корпусного» маневра. Ровно неделю я не садился верхом*. Первый опыт обошелся удачно; учение было непродолжительно, и большой скачки не было. Маневр был более похож на спектакль, приготовленный для дам: королева греческая, цесаревна и сестра ее, принцесса Тира, с обоими королями и многочисленной свитой иностранцев любовались зрелищем из-под приготовленных навесов на возвышенных *points de vue*** . Государь вспомнил, что в этот самый день, ровно 50 лет тому назад, когда ему было 8 лет от роду, в первый раз надели на него мундир Павловского полка и поставили в строй рядом со старыми гренадерами. В память такого события сегодня же будущего наследника российского престола, старшего сына нынешнего наследника цесаревича, облекли в первый раз в форму лейб-гвардии Павловского полка, и, когда в заключение всего маневра (*pour la clôture****) Павловский полк бросился

* от болезни, мешавшей мне сидеть даже на стуле.

** местах (*фр.*).

*** в заключение (*фр.*)

с криком «ура» на штурм той высоты, на которой стоял царский навес, Государь сам вывел своего внука вперед, поставил его в ряды и заставил его взбежать с ротой на высоту. Ребенку также 8 лет от роду.

При одном из последних моих докладов Государь завел речь о том, что пора бы этого ребенка взять из женских рук и дать ему в дядьки дельного и честного человека, в том роде, каков был Кавелин. Государь поручил мне подумать и рекомендовать такого человека. Задача нелегкая.

После маневра я осматривал привезенные из Англии по заказу моего сына два дорожные локомотива (*routières*). Они ходили в гору и под гору, и по дороге и по кочковатому, изрытому полю. Полагаю, что можно будет во многих случаях употреблять их с пользой для военного дела.

1-го августа. Воскресенье. — Утром ездил в Николаевский военный госпиталь. Хотя меня там никак не могли ожидать, однако ж я нашел все в порядке. Остальное утро все прошло в совещаниях и докладах. Генерал-адъютант Лесовский приезжал с контр-адмиралом Пилкиным, чтобы условиться, что сделать для решения возбужденного мною вопроса о средствах к скорейшей, в случае надобности, укладке подводных мин в наших портах. Затем было длинное совещание с вызванными из разных округов офицерами Генерального штаба относительно временных мер к скорейшему, в случае нужды, снабжению войск лошадьми. Среди этих совещаний заезжал ко мне П. А. Валуев, чтоб отдать вчерашний мой визит к нему.

3-го августа. Вторник. — При докладе сегодня Государь опять говорил о настоящем настроении общественного мнения в России, о подстрекательных статьях русской печати, при этом высказал предположение, что агитаторы пользуются случаем для своих зловердных видов; «но, — прибавил он, — я твердо надеюсь, что последствия выкажут выгоды того сдержанного положения, которое мы приняли в восточном вопросе». Мне показалось сегодня, что Государь смотрит на вещи гораздо спокойнее, чем случалось мне замечать в прежние раза. По удачному выражению Серг[ея] Петр[овича] Боткина (с которым я встретился пред докладом в приемной), Государь имеет такой вид, как будто он держит в кармане загаданную карту. Между прочим он выразил намерение командировать кого-нибудь из наших офицеров в Главную квартиру сербской армии, чтоб иметь там официальное лицо, подобно тому как полковник Боголюбов назначен при черногорском князе, и на том же основании, на каком при турецкой армии состоит английский генерал Кемпбель. Однако ж Государь приказал мне остаться после моего доклада, чтоб узнать мнение князя Горчако-

ва, который отсоветовал посылать официальное лицо в том соображении, что сербский князь, как вассальный, не может быть поставлен в один ряд с черногорским, пользующимся политической независимостью. Решено, вместо командирования особого лица, возложить доставку официальных донесений из Сербии на кого-либо из офицеров, ныне же оставляющих службу и отправляющихся в Сербию в качестве добровольцев, — именно на полковника Генерального штаба Дохтурова и на ротмистра Кавалергардского полка графа Келлера.

Государь говорил о программе своего пребывания в Варшаве и спросил меня, не желаю ли ехать туда, так как давно не видел тамошних войск. Разумеется, я принял приглашение с удовольствием, хотя в душе и не очень радуюсь. Кроме нерасположения моего вообще к суетливой придворной жизни, ко всяким церемониям* и торжествам, которыми будет преисполнена целая неделя пребывания в Варшаве, еще ожидает меня там случайная, частная неприятность — встреча с фельдмаршалом князем Барятинским. Мне придется соблюсти в отношении к нему все приличия, а между тем крайне претит надевать маску хоть на одну минуту.

Сейчас надобно собираться на железную дорогу в Красное Село, где Государь ночует. Завтра первый день больших маневров.

8-го августа. Воскресенье. — Почти всю неделю провел на маневрах, между Красным Селом, Гатчиной, Царским Селом и Усть-Ижорой. Праздник Преображенского полка и Гвардейской артиллерии, 6-го августа, справили обычным порядком в Усть-Ижорском лагере. Маневры этого года отличались тем, что были связаны с осадными работами. В ночь с 5-го на 6-е августа Государь осматривал сапные работы, а в течение 6-го числа присутствовал при стрельбе осадных батарей боевыми зарядами. В этот же день представляли мы Государю в первый раз употребление дорожных локомотивов.

Вчера в Царском Селе был спектакль, а сегодня провожали короля и королеву датских, но я был так утомлен после нескольких дней маневров, что уехал в город и сегодня отдыхаю; вечером же опять еду в Царское Село: завтра и послезавтра последние дни маневров.

Государь следит с видимым интересом за ходом маневров, хотя в то же время ежедневно получают политические известия весьма неблагоприятные. Дела сербов идут плохо. Наоборот, черногорцы, если верить телеграммам, опять одержали блестящую победу над турками у Подгорицы. Консулам союзных держав в Белграде поручено убеждать князя Милана, чтобы он пошел на примирение;

* торжествам и беготне

но, кажется, это не удалось. Да и как сербам просить мира в теперешних, невыгодных для них, обстоятельствах. На помощь к ним из России стремятся в большом числе и офицеры, и врачи, и сестры милосердия; даже много волонтеров из простонародья. Трудно было ожидать такого одушевления, такого порыва. В этом отношении явление утешительное. Государь, по-видимому, поощряет все, что делается в пользу балканских славян со стороны частных лиц и общества, но остается в твердом намерении не оказывать никакого вмешательства официального.

В числе желающих ехать на театр войны явился ко мне сегодня и знаменитый наш художник Микешин. Я взялся доложить о его желании Государю. Цель его — увековечить посредством рисунков подвиги славянских героев. Микешин принадлежит к числу горячих славянофилов.

На днях получил я странное письмо на языке бирманов от тамошнего министра иностранных дел. К подлинному письму приложен французский перевод, из которого видно, что император бирманский предлагает свою дружбу императору российскому и выражает желание, чтобы молодые бирманцы присылались в Россию учиться военному делу и, наоборот, чтобы русские специалисты приезжали в Бирманию устраивать войско, заводы, крепости. Письмо это я передал князю Горчакову, на его усмотрение.

11-го августа. Среда. — Еще вынес два утомительных дня маневров — в понедельник и вторник. Маневры были очень удачны; Государь совершенно доволен; погода также благоприятствовала. Вчерашний маневр кончился только в четвертом часу пополудни, так что доклад мой пришлось отложить до нынешнего дня.

Сегодня опять должен был съездить в Царское Село. При докладе Государь неожиданно предложил мне ехать с ним из Варшавы в Крым, что вовсе не входило в мои планы.

Вчера, по окончании маневров, на лужайке, где приготовлен был походный завтрак, собрались все начальники частей войск; Государь, по заведенному порядку, высказывал им свои замечания, выражал несколько раз благодарность и в заключение произнес несколько слов в том смысле, что в случае надобности войска сумеют поддержать честь русского знамени и достоинство русского имени. Слова эти, намекавшие на современное политическое положение, были высказаны с одушевлением; Государь был так растроган, что голос дрожал от слез. Не знаю, слышали ли и поняли ли сказанное присутствовавшие при этом иностранные офицеры. В числе их был и французский посол генерал Леффо. Германский посол генерал

Швейниц был на маневрах накануне и простился по случаю отъезда в Берлин.

12-го августа. Четверг. — Возвращаюсь домой с большого дипломатического обеда у французского посла Леффо. За обедом я сидел между хозяином дома и бароном Зеебах, старым дипломатом, игравшим некогда роль в высшем кругу Петербурга. В первый раз случилось мне сойтись с ним и вести разговор. После обеда меня отвел в сторону новый итальянский посол Нигра; он завел речь о настоящем политическом положении дел на Балканском полуострове и высказал опасение, чтобы русское правительство, при всем своем желании удержаться в нейтральном положении, не было ранее или позже увлечено проявляющимся в русском народе возбужденным настроением и сочувствием к турецким христианам. По мнению итальянского дипломата, лучшим способом для предохранения Европы от опасных осложнений было бы созвание конференции, которая нашла бы возможность уладить дело. Итальянский посол думает, что даже Англия легко склонилась бы на предоставление славянскому населению Турции необходимых гарантий; противудействия в этом случае можно опасаться разве только со стороны Австрии; но, к сожалению, прибавил он, князь Горчаков не сочувствует созванию конференции, признавая эту меру пока несвоевременной*.

После этого разговора я подошел к французскому генералу Корнэ, чтобы проститься с ним и пожелать ему счастливого пути. Он воспользовался случаем, чтобы заговорить со мной о необходимости

* *Первоначальный текст после слов «...После обеда меня отвел в сторону новый итальянский посол Нигра;»: «сначала он заговорил о предметах весьма неважных, но потом свернул разговор на настоящее политическое положение. Мы были одинакового мнения, что в настоящую минуту было бы невыгодно для христиан Турции вмешательство европейской дипломатии, но что, с другой стороны, было бы нежелательно, чтобы это выжидательное положение Европы, ввиду кровавой борьбы на Балканском полуострове, продлилось слишком долго. Итальянский дипломат смотрел на эту проволочку не столько в видах человеколюбия <и соболезнования о гибели>, сохранения крови бесчисленных жертв, сколько в том смысле, что общее настроение умов в России, народное движение, замечаемое повсеместно, может рано или поздно увлечь и самое правительство <которое будет не в силах удержать напор народного инстинктивного движения>, которое не в силах будет удержать свой нейтралитет наперекор народному инстинктивному движению. Я, конечно, поддержал итальянского посла в этих мыслях; он высказал мнение, что со стороны одной Австрии можно опасаться противудействия в вопросе об устройстве будущего положения славянского населения Турции; по мнению его, даже Англия легко склонится на <известные> некоторые необходимые гарантии в пользу славян; необходимо было бы прибегнуть к общей конференции; но, по словам Нигры, созванию конференции не сочувствует князь Горчаков, признающий эту меру пока несвоевременной».*

Граф К. Нигра

установления братства (*confraternité*) между армиями русской и французской. По его словам, французское правительство весьма желало бы, чтобы русские офицеры приезжали во Францию на маневры, подобно тому, как ездят они в Германию и Австрию; но республиканское правительство, — говорил генерал Корна́, — не может быть так щедро в своем гостеприимстве, как императорское; оно не имеет на то широких денежных средств, и потому не считает для себя возможным *приглашать* гостей; когда же они приедут, то примет их радушно и с удовольствием. Когда я сказал, что русские офицеры, командируемые за границу, вполне обеспечены в своем содержании русским правительством, то он признался, что есть еще другая причина, почему французскому правительству неудобно *приглашать* русских, — тогда пришлось бы также приглашать и немцев. В разговоре этом принял участие и сам посол Леффло, подтвердив, что французское правительство давно уже выражало желание видеть русских офицеров на маневрах французских войск и примет их радушно. В заключение было условлено, что французский посол телеграммой спросит, в какие пункты и к каким срокам могли бы прибыть русские

офицеры, чтобы видеть что-нибудь интересное. — Вообще французы очень с нами любезничают.

14-го августа. Суббота. — Прежде моего доклада Государь принял князя Горчакова, который вышел из кабинета Е. В. с озабоченным видом и мимоходом сказал мне, что известия неуспокоительные. От Государя же я узнал, что получены две телеграммы от Черняева от одного и того же дня, 12 / 24-го августа, совершенно противоположные: утренняя извещала о поражении сербов и бегстве их пред неприятелем, вторая же, вечерняя, напротив того, возвещала совершенную победу сербов и поражение турок. Думаю, что в той и другой было некоторое преувеличение, довольно естественное при характере Черняева. В обеих телеграммах выставляется геройское поведение русских офицеров, большая часть которых (31 из 40) и положила голову. После успешного боя князь Милан мог смело заговорить о перемирии и мире. Вот почему наши дипломаты и пришли снова в движение. Вместе с тем Черняев в своей телеграмме просит не посылать более русских офицеров на театр войны, поэтому и приказано Государем приостановить отставки впредь до разъяснения обстоятельств⁸⁵.

Не успев закончить моего доклада в Царском Селе, я поехал в Петербург с Государем; но и на железной дороге не удалось докладывать: я уступил место Грейгу и Потапову, а свой доклад закончил уже в Зимнем дворце. Государь ездил в Петропавловскую крепость: таков обычай его пред всяким путешествием. Он принял меня в комнатах, называемых половиною Ольги Николаевны, потому что весь фас дворца, занимаемый собственными покоями Государя, капитально ремонтируется.

15-го августа. Воскресенье. — Весь день провел в Царском Селе: после обедни представлялись Государю вновь произведенные офицеры и камер-пажи (императрица не могла выйти по болезни); потом был большой обед, на 200 человек, для военных начальников по поводу окончания красносельских лагерных занятий. — Общий и исключительный разговор — о последней победе сербов; много толков о погибших русских офицерах; старались угадывать и разъяснять ход дела. Дипломаты (в том числе Н. П. Игнатьев) таинственно рассуждают о предстоящих переговорах.

Возвратился я домой в 10-м часу вечера.

16-го августа. Понедельник. — Весь день оставался дома, чтобы в последний раз пред отъездом видеться со всеми своими помощниками. — Газетная телеграмма извещает о возобновлении боя под Алексинацом 14 / 26 числа. Стало быть, турки не потерпели такого поражения, как можно было думать по телеграмме Черняева.

23-го августа. Понедельник. Варшава. — Вот ровно неделя, что я не мог ни разу заглянуть в свой дневник. В прошедший вторник после доклада я остался в Царском Селе, откуда и выехал с Государем в Варшаву. Сюда приехали на другой день в 11-м часу вечера; несмотря на поздний час и дождь, толпы народа наполняли улицы. Мне отвели помещение в Мысловицах — одном из флигелей Лазенковского дворца; в самом же дворце помещены великий князь Николай Николаевич и фельдмаршал князь Барятинский.

В четверг, к 10 часам утра, вся свита Государя и начальство варшавское собрались в Бельведерском дворце, где поместились Государь, наследник цесаревич с цесаревной и младшие великие князья. При въезде моем во двор Бельведера я прямо наткнулся на стоявших среди двора великого князя Николая Николаевича и князя Барятинского. Не было возможности избегнуть встречи с князем Барятинским, который поздоровался со мною так, как будто между нами никогда ничего не было неприятного; он сказал, что намерен был ехать ко мне, чтобы пригласить к себе в Скерневицы в воскресенье на обед, спектакль и ужин. Приглашение это ошеломило меня; прямо отказаться было невозможно, и я придумывал предлог, чтобы уклониться от поездки в Скерневицы. Предлог скоро отыскался: мне непременно хотелось побывать в Новогородке, а единственный свободный день для этого — воскресенье. При первом докладе моем я прямо попросил у Государя разрешения избавить меня от поездки к фельдмаршалу, и Государь без затруднения и любезно обещал мне сам объяснить князю Барятинскому причину моего отсутствия. Как камень свалился с плеч.

Возвращаюсь к последовательному рассказу с утра четверга. В 10 часов Государь и за ним вся свита поскакали в русский собор. На улицах опять толпы народа; погода несколько прояснилась. Из собора возвратились в Бельведер и оттуда в 12¹/₂ часов поехали верхом на Макатовское поле, где назначен был смотр всем собранным под Варшавою войскам. В свите Государя опять было много иностранцев: кроме красносельских наших гостей австрийских и прусских, приехал в Варшаву приветствовать Государя от имени императора австро-венгерского генерал Нейперг, командующий войсками в Галиции; с ним приехали еще некоторые офицеры; также прибавилось несколько пруссаков, саксонец и один англичанин из бенгальской армии. Смотр был вообще удачен. После того я сделал несколько нужнейших визитов, отобедал один в своей комнате, а вечером, после церемонии прибавки нового штандарта, данного лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку, высидел

Э. фон Мантейфель

в театре, в ложе графини Коцебу, два акта какого-то бессмысленного балета.

Следующий день (пятница) был очень утомительный: сначала на Уяздовском плаце церемония освящения нового штандарта лейб-гвардии Уланского Е. В. полка, потом учение всей кавалерии на Макатовском поле; в 2 часа приехал ко мне, по моему приглашению, начальник местных войск Варшавского округа генерал-лейтенант Соболевский, с которым я поехал сперва в Уяздовский госпиталь, обошел это огромное здание, затем в Александровскую цитадель, где осмотрел тамшний госпиталь и все прочее, что помещается в цитадели, так же как и самые укрепления. Домой возвратился в исходе 6-го часа, так что едва-едва успел переодеться и поспеть к большому обеду в Лазенковском дворце. Устав до изнеможения, я, однако же, должен был вечером ехать на бал к генерал-губернатору графу Коцебу. Впрочем, оставался там недолго и в 1-м часу ночи был уже дома*.

В субботу доклад у Государя; назначенная в этот день стрельба пехоты была отменена по случаю дождя. Я воспользовался удобным случаем, чтобы еще осмотреть некоторые военные учреждения. Заехав

* Первоначальный текст после слов «Устав до изнеможения, я»: «провел весь вечер дома, за бумагами». Исправления сделаны на полях и между строк.

за генерал-адъютантом Минквицом, помощником командующего войсками, я с ним посетил Военно-окружной суд во время заседания, помещение Юнкерского училища, военную тюрьму и военную хлебопекарню. В 6 часов обед в Бельведере. Вечер провел дома за бумагами*.

В воскресенье, 22 числа, в 8 часов утра у подъезда моего уже стояла четверка почтовых лошадей. В сопровождении генерал-майора Депа, начальника инженеров Варшавского округа, съездил я в Новогеоргиевск. Мне было весьма интересно ознакомиться лично с этой огромной крепостью и осмотреть в окрестностях ее те пункты, где предполагено возводить передовые отдельные форты. Более 8 часов времени употребил я на осмотр крепости; с одного из фортов производилась прицельная стрельба и примерная установка на валганге нескольких орудий. Все огромные склады, госпиталь, разные хозяйственные учреждения найдены в порядке. К 7 часам вечера, когда уже начало темнеть, я посетил солдатскую чайную и потом офицерское собрание, где меня угостили обедом. Выехав из крепости почти в 9 часов вечера, возвратился домой уже в 12-м часу, не чувствуя под собою ног. Несмотря на крайнюю усталость, я должен был заняться привезенными бумагами, — и зато спал таким крепким сном, что сегодня утром меня разбудили в 10-м часу, так что едва поспел на учение, назначенное в 11 часов утра на Повонзд[ков]ском поле.

Сегодня была стрельба артиллерии. Тут увидел я прусского фельдмаршала Мантейфеля, присланного с особым дипломатическим поручением. Он прибыл еще вчера в Скерневицы; мне пока неизвестно, в чем именно заключается его миссия; знаю только, что князь Горчаков был сильно озабочен ожидаемым ответом Германии относительно предложений о созвании конференции по турецкому вопросу. Наш государственный канцлер настаивает, чтобы в конференции участвовали главные руководители политики каждого государства и чтобы инициативу в этом деле приняла на себя Германия; но граф Бисмарк отказывался от личного участия в конференции. Между тем дело славян в настоящее время идет весьма худо; последние известия с театра войны очень неблагоприятны; есть телеграмма об отступлении сербов из Алексинаца; значит, они понесли решительное поражение⁸⁶. При таких обстоятельствах трудно надеяться на выгодные для славян условия перемирия или мира. С Мантейфелем обменялись мы на учении только несколькими фразами обычной учтивости, но серьезного разговора, конечно, вести не могли. Заметно только, что Государь был с ним ласков, как всегда бывает он с пруссаками. Стало

* Предложение вписано между строк.

быть, можно полагать, что, по крайней мере, дурных известий Мантейфель не привез из Берлина.

После артиллерийской стрельбы Государь смотрел работы сапер, преимущественно же кавалерийских команд, обучавшихся при саперной бригаде порче и исправлению железных дорог и мостов. Когда все было кончено и несколько мостов взлетело на воздух, я поехал с генерал-лейтенантом Соболевским в Белянский лагерь гренадер, чтоб осмотреть устроенную в Белянах санитарную станцию для глазных больных. По дороге остановился я в лагере Фанагорийского гренадерского полка, где сегодня рано утром случилось необыкновенное происшествие. Во время сильной грозы (которую, впрочем, я и не слышал, так крепко спал) удар молнии поразил в нескольких палатках до 70 солдат. Из них 7 человек убиты во сне, до 40 — более или менее сильно пострадали. Я видел тела убитых, ожоги и контузии живых и, осмотрев места, где ударила молния, решительно не могу себе объяснить, как могла она *одним* ударом попасть в такое большое число точек. Пораженные лежали не только в нескольких соседних палатках, но даже в разных ротах и батальонах. Только в одном месте видел явный след молнии, ударившей в тесак и ружье в одной палатке, пробившей затем отверстие в земляном валике и попавшей в людей, лежавших в другой, соседней, палатке.

По возвращении из Белян, около 4 часов, я остался дома в ожидании некоторых желавших видеться со мною посетителей. К тому же я чувствовал себя не совсем здоровым и рад был провести спокойно остальную часть дня.

31-го августа. Вторник. Ливадия. — Более недели не имел я возможности заглянуть в свой дневник. Последние два дня пребывания Государя в Варшаве были такие же суетливые и утомительные, как и предыдущие. Во вторник, 24-го числа, я имел продолжительный доклад пред смотром стрельбы стрелков и кавалерии. Между смотром и обедом посетил архиепископа Леонида; обед в Бельведере. Вечер провел дома за работой.

В среду, 25 числа, все утро прошло в маневре на Повонзд[ков]ском поле; затем большой обед в Лазенках, а вечером спектакль в Поме-ранчанне (оранжерее). Я уехал оттуда рано, после первой пьесы, чтобы покончить все дела пред отъездом из Варшавы.

В четверг, в 9 часов утра, после молебствия в Бельведерском дворце, выезд из Варшавы по железной дороге на Брест и Одессу, куда прибыли в пятницу в 8 часов вечера и прямо с железной дороги переехали на императорскую яхту «Ливадия», на которой при совершенно тихой погоде прибыли в субботу, 28-го числа, в 2 часа дня в Ялту.

В последние дни пребывания в Варшаве и затем в продолжение всего переезда до Ялты мне пришлось часто быть с князем Горчаковым, слушать его разъяснения современного положения дипломатических сношений по восточному вопросу и читать получаемые с разных сторон депеши и телеграммы. Из этих разговоров и чтений я мог вывести заключение, что настоящее положение дел вовсе не внушает доверия к успешному результату нашей дипломатии. Присылка фельдмаршала Мантейфеля не имела другого значения, как только личное от императора Вильгельма удостоверение в сохранении чувств благодарности к нашему Государю; о том же, как намерена Германия держаться при дальнейшем ведении дела — еще не разъяснено. Спокойно проживающий в Варшаве немецкий канцлер не высказался до сих пор, ограничиваясь, как пифия, неопределенными ответами. Англия и Франция неохотно идут на предлагаемую конференцию; Италия охотно вызывается на участие, даже на инициативу в этом деле, но у нее свои расчеты и надежды; ей хочется поживиться на счет Австрии, предоставив последней вознаграждение в спорных славянских областях Турции. Сама же Австрия не может действовать откровенно, не может искренно идти с нами заодно. Сам князь Горчаков смотрит на нынешнее положение дел уже не в розовом цвете, уже произносит слово: «*isolement*»*, на которое Россия должна быть готова; а *isolement* — весьма близко от войны. Между тем князь Горчаков опять показывает странное нежелание вникнуть в соображения военные, повторяет прежнюю бессмыслицу, что мы должны быть готовы вести войну, не требуя особых финансовых средств сверх обыкновенного мирного бюджета. — Трудно верить, что государственный человек может серьезно, не в шутку говорить такую нелепость. Но у князя Горчакова конек — экономия, сбережение финансов. Он** хвастается тем, что одни его дипломатические депеши ограждают интересы России, без помощи войск и без расстройства финансов. Когда же дипломатическая переписка чуть начинает принимать характер резкий, сомнительный, тот же князь Горчаков кричит, зачем у нас армия не готова во всякую минуту прийти к нему на помощь. Теперь он пока настаивает только на усилении наших войск, собранных при Александрополе под видом лагерного сбора.

Наслушавшись от дипломатов (с нами ехали барон Жомини, Амбургер, Фредрихс) всяких неутешительных известий о положении восточного вопроса, я счел уже невозможным оставаться более

* изоляция (*фр.*)

** хвастливо кричит, что его дипломатия, одни его депеши

в стороне и при докладе Государю, во время пути, завел речь о возможности войны. Государь удивил меня своим спокойным и почти равнодушным взглядом на военную сторону возбужденного дела; он одобрял все мои предложения, соглашался на все, что я говорил относительно приготовлений к войне, но все это имело вид, как будто и теперь он вполне убежден в сохранении мира *quand-même**. В продолжение поездки получались многие известия с театра войны; на одной из станций нашли мы князя Цертелева, дипломатического чиновника, ездившего в Болгарию с тою целью, чтобы доставить положительные сведения о совершавшихся там турецких зверствах. Присланный из Константинополя навстречу Государю и государственному канцлеру, он получил приказание ехать в Крым. Рассказы его дополнили то, что было уже известно из телеграмм и газетных статей.

Вообще переезд от Варшавы до Ливадии оставил невеселое впечатление. Это впечатление еще усилилось, когда, прибыв в Одессу (27-го числа вечером), мы перешли с железной дороги на яхту «Ливадия». При самом отходе яхты от берега, в виду всей одесской публики, толпившейся на пристани, вдруг приключился у генерала Потапова сильный нервный пароксизм**. С трудом увели его в каюту, но всю ночь он кричал страшным голосом, так что никому не дал спать. Утром он*** успокоился, но со всеми признаками умственного расстройства. По приезде в Ливадию его сначала поместили было в «свитском» флигеле, но потом нашли необходимым перевезти его в Ялту с тем, чтобы при первой возможности отвезти в Петербург⁸⁷.

По приезде в Ялту (28-го числа в 2 часа дня) я узнал, что для меня отведено помещение в том же «свитском флигеле», из чего я заключил, что мне предстоит оставаться в Ливадии, при Государе****.

Вот четвертый день, что я веду жизнь по установленным здесь порядкам и обычаям. Три раза в день все общество собирается в столовой (она же и зала): к завтраку (в 12 часов), к обеду (в 7 часов) и на вечернее собрание (в 9¹/₂ часов). С первых же дней уже заметна написанная на всех лицах скука. Сам Государь мрачен и озабочен; императрица нездорова, не выходит из комнаты и не принимает; между

* во что бы то ни стало (*фр.*).

** Он начался в разговоре его со мною.

*** пришел в себя

**** В Варшаве Государь высказал мне свое желание, чтоб я сопровождал его до Крыма, и при этом прибавил, что при настоящих обстоятельствах присутствие мое было бы полезно в Крыму; но не было ясно определено, на каких основаниях останусь я здесь.

А. Л. Потанов

лицами свиты, особенно женского пола, — разлад. Для меня, впрочем, есть некоторое утешение — присутствие дочери. В самый день нашего приезда в Ливадию жена моя приезжала сюда повидаться со мною, так как я не мог отлучиться накануне торжественного дня 30-го августа. Только сегодня, в день доклада моего, я отпросился навестить свою семью; сейчас отправляюсь в Симеис, где надеюсь пробыть до пятницы, т. е. до следующего дня доклада.

3-го сентября. Пятница. — Пробыв два дня в Симеисе, среди своей семьи, я возвратился в Ливадию вчера вечером и нашел здесь прежнее мрачное настроение. Во дворце за обедом и на вечернем собрании, как передавали мне, толковали о неизбежности войны; сам государственный канцлер* говорил это всем направо и налево; при этом громко сетовал о моем отсутствии и поручал сказать мне, что имеет крайнюю надобность видеться со мной прежде моего доклада Государю.

Однако ж я не мог исполнить желания канцлера: он помещен в Орианде, во дворце великого князя Константина Николаевича; ехать туда я не решился, опасаясь опоздать к докладу. Только что вошел я в

* повторял

кабинет Государя, Его Величество с удовольствием сказал мне*, что в мое отсутствие дипломатическая переписка приняла очень благоприятный оборот, что английское правительство само предложило весьма удовлетворительные условия для будущего мира, такие условия, на которые мы сей же час дали свое согласие; от Франции и Италии также получено согласие; от Германии было уже предварительное одобрение, и только со стороны Австрии английские предложения встретили какое-то недоверие. Кажется, чего же лучше? и почему же в эти два-три дня заговорили о войне? Государь передал мне свои разговоры с князем Горчаковым по этому предмету; я понял, что вопрос о войне возбужден был не Государем, который судит о возможной войне совершенно правильно, опровергая суждения государственного канцлера, имеющего о военных вопросах понятия самые смутные, совершенно детские. Он думает, что начать войну и вести ее можно с такою же легкостью, как сочинить дипломатическую ноту. Сколько раз уже приходилось мне опровергать взгляд князя Горчакова. Из разговора с Государем я догадался, что дело шло о том, что будем делать в случае решительного несогласия Порты на перемирие и на предложенные шестью державами условия мира? Спрашивается, почему же в таком случае обязанность побуждения Порты к большей сговорчивости ляжет на одну Россию? — Неужели, в случае отказа Порты, сама Англия, предложившая условия перемирия, сочтет это посторонним для себя делом?

После длинного доклада у Государя я поехал к князю Горчакову в Орианду, а потом заехал к Н. П. Игнатьеву, который поместился там же, в отдельном домике, так называемом «адмиральском». Государь пожелал, чтобы я все-таки лично переговорил с канцлером и с послом. Из разговоров с первым я вынес снова печальное убеждение, что все его действия и речи вертятся около одного слова — я. Что же оказалось? — он получил на днях анонимное письмо, в котором восхвалялась прежняя его блестящая деятельность, доставившая ему громкую славу и популярность, а затем выставлялась настоящая его старческая дряхлость, не соответствующая трудной задаче современной политики, и советовалось ему добровольно уступить место другому, более молодому и энергичному министру иностранных дел. Такое послание, хотя и безымянное, заживо затронуло** большое место

* *Первоначальный текст:* «Однако ж я не мог его видеть до доклада, так как я не успел бы съездить к нему в Орианду и рисковал бы опоздать к Государю. Какое же было мое удивление, когда Государь с первого слова сказал мне».

** самое

его; и вот он стал на дыбы, заговорил пред фрейлинами и флигель-адъютантами о достоинстве и чести России, о сочувствии славянам, — о войне! У французов есть особое выражение — *poser**; наш государственный канцлер, при всем его уме и способностях, имеет огромный недостаток — всегда «позировать»; по выражению же покойного моего брата — он всегда пускает фейерверки. К прискорбию, эти фейерверки могут быть иногда опасной игрой.

При мне получена была канцлером шифрованная телеграмма из Константинополя о том, что турки и слышать не хотят о перемирии, ставят условия мира совершенно невозможные. Князь Горчаков просил меня передать эту телеграмму Государю, что я и исполнил. Государь призвал меня и прочел уже написанную им карандашом резолюцию — в том смысле, что после такого ответа Порты ничего другого не остается, как прервать дипломатические сношения с Портой, а затем — и объявить войну. Такая поспешность в решении столь** важного дела испугала меня. Я передал Государю свой разговор и с князем Горчаковым, и с Игнатьевым, стараясь при этом выставить все невыгоды нашего положения, когда море во власти наших противников и когда мы не знаем еще намерений Австрии. Я возвратился к той мысли, затронутой при утреннем докладе моем, — о том, что было бы всего выгоднее, если б удалось убедить Австрию действовать совместно с нами занятием северных областей Европейской Турции. В этом отношении я случайно сошелся в мнении с генералом Игнатьевым, который, как оказалось, сам вызывался ехать чрез Вену, чтобы убедить Андраши действовать заодно с нами с целью прекращения резни в славянских землях Турции. Игнатьеву очень не хочется теперь ехать прямо в Константинополь, как он говорит — с пустыми руками, не имея никакой положительной программы. И мне кажется даже опасным появление его в Константинополе при настоящем положении дел; оно может быть сигналом преждевременной развязки, подобно тому как было в 1853 г. посольство князя Меншикова.

Когда я выходил из кабинета государева, мне показалось, что он счистил резиной свою резолюцию на телеграмме. Я поспешил домой, чтобы приготовить бумаги к отправлению с фельдъегерями в Петербург и на Кавказ. Начальнику Главного штаба посылаю длинное письмо, в котором извещаю его о современном положении дел и тех предположениях, которые следует принять в основание при разработке в Главном штабе планов на случай войны. — Спешу вписать

* позировать (*фр.*)

** серьезного

это утро в свой дневник, собираясь сегодня же вечером отправиться в Керчь для осмотра крепости и решения на месте некоторых вопросов по приведению ее в оборонительное положение, в особенности относительно укладки подводных мин.

5-го сентября. Воскресенье. — Сегодня утром возвратился из Керчи. Поездка эта совершилась весьма удобно и спокойно; в распоряжение мое был предоставлен пароход «Эльбрус», на котором я отправился из Ялты в пятницу, в 9 часов вечера, а на другой день, в 8 часов утра, вышел на пристань крепости Керчи. В течение всего дня, до наступления темноты, обходил и объезжал крепостные верки, произвел смотр расположенным в лагере крепостным батальонам, смотрел укладку подводных мин, а к 5 часам пригласил на совещание в квартиру строителя крепости инженерного генерал-майора Седергольма начальников разных отделов управления крепостного и частей войск. Я высказал им, как необходимо в настоящее время быть вполне готовым к ежеминутному появлению турецкого флота в Черном море и для того принять ныне же самые энергичные меры; указал им, как мало еще сделано в этом отношении в крепости, какие именно распоряжения наиболее необходимы, и предложил немедленно по отъезде моем собраться на совещание под председательством коменданта генерал-майора Олохова, чтобы составить подробную ведомость всем таким мерам, и прислать эту ведомость ко мне для надлежащих с моей стороны распоряжений. В 8 часов вечера было другое совещание на пароходе «Эльбрус» с лицами, составляющими минную комиссию: генерал-лейтенантом Вансовичем, контр-адмиралом Пилкиным, полковником Боресковым, капитаном 1 ранга Казнаковым, капитаном 2 ранга Дьяковым и подполковником Афанасьевым. При этом присутствовал и генерал-майор Седергольм. Обсудив составленные комиссией предположения относительно скорейшей укладки, в случае надобности, мин в Керчи, Севастополе, Балаклаве и Очакове, мы условились насчет плана дальнейших действий по этому предмету*. По окончании совещания некоторые из названных лиц возвратились в Керчь, а прочие вместе со мной отправились на «Эльбрусе», который снялся в 10 часов вечера.

Поездка моя в Керчь убедила меня в необходимости поездок и в другие пункты черноморского берега: Очаков с Николаевом и Севастополь. Я ужаснулся, увидев, как мало думали начальства инженерное и артиллерийское о готовности приморских крепостей к обороне и о защите других неукрепленных пунктов так, как будто у них не

* Нужно будет принять некоторые энергические меры.

было и помышления о том, что неприятельский флот может появиться внезапно пред нашими берегами и что на море мы не имеем ни одного военного судна⁸⁸. При таком положении на море едва ли* благоразумно быть слишком задорными.

Приехав сегодня утром в Ливадию, я видел Государя при выходе его из церкви: он спросил меня, доволен ли я своей поездкой; но я ответил коротко, что должен доложить подробно; Государь** ничего на это не сказал; видимо, его мало интересуют подробности*** наших приготовлений на случай войны; он озабочен лишь ходом политических дел, как кажется, не очень удовлетворительным. Из Константинополя получено известие, будто Англия потребовала от турок, взамен месячного перемирия, приостановки наступательных действий на 10 дней. Такое требование похоже на насмешку; однако ж наши дипломаты ободрились. Тем не менее все заметили сегодня, что Государь едва мог выстоять обедню; он имел вид болезненный и утомленный.

6-го сентября. Понедельник. — Наши дипломаты так успокоились известием, привезенным от сэра Генри Эллиота племянником его, командиром парохода «Антилопа», что уже начинают строить проекты о действии на Черном море и в Турции заодно с англичанами. Генерал Игнатьев предложил даже допустить английский флот в Босфор, с тем только, чтобы сделать возможным отправление части наших войск морем, на пароходах товарищества, в Варну или Бургас, пока другие войска пойдут сухопутно на Дунай. Государственный канцлер с обычной своей легкостью вообразил себе, что для занятия Болгарии достаточно послать одну бригаду!

Верно только то, что общественное мнение в Англии произвело сильное влияние на образ действий великобританского кабинета⁸⁹. При всем том я сомневаюсь, чтобы Дизраэли (новый граф Биконсфильд) вдруг сделал полный *volte-face***** и вступил в союз с нами *против* Турции. Думаю, что благоразумнее и осторожнее для нас продолжать готовиться к войне с Турцией без союзников, а для этого не оставляю своих забот о нашем Черноморском побережье. Сегодня я имел у Государя специальный доклад по этому предмету, подробно изложил ему все, что нашел в Керчи, какие распоряжения сделал и какие еще считаю нужным сделать неотлагательно, а также и о других

* выгодно для нас

** не полюбобытствовал

*** военной части

**** поворот кругом (*фр.*)

прибрежных пунктах. Государь все одобрил, все разрешил, хотя слушал как-то рассеянно, без особенного внимания. Видно было, что в мыслях у него совсем другое. Его* встревожило новое сумасбродство Черняева, который вздумал провозгласить князя Милана королем сербским⁹⁰. Если Милан примет этот титул и объявит себя совершенно независимым от Порты, то этим станет вразрез с нынешним направлением политических переговоров; этот эпизод крайне затруднит нашу дипломатию. Соглашаясь на восстановление для Сербии *status quo ante bellum*** и добиваясь этого скромного условия, вопреки нахальным требованиям Порты унижить Сербию, мы могли еще рассчитывать на содействие в этом деле других держав; теперь же условие это уже покажется низвержением Сербии, отнятием у нее того, что она уже присвоила себе. — Тем не менее, мне кажется, что Государь придает слишком большую важность безумной затее Черняева; Государь даже сказал мне, что предвидит намерение Черняева свергнуть князя Милана и провозгласить республику, приготавливая себе звание президента.

Большую часть дня провел я за бумагами. Сделав все распоряжения касательно Керчи и приготовив завтрашний мой доклад по текущим делам, намереваюсь завтра же, после доклада, отправиться снова на пароходе «Эльбрус» в Очаков, Николаев и Севастополь.

10-го сентября. Пятница. — В прошедший вторник, при докладе Государю, был разговор о современных политических делах. По окончании же доклада Государь приказал мне остаться вместе с князем Горчаковым, чтобы выслушать составленный им проект письма к австрийскому императору***. В письме ставится категорически вопрос о дальнейших планах Австрии: хочет ли она идти заодно с нами, на основании английских предложений, и ввести свои войска в Боснию, когда мы введем свои в Болгарию, а союзный флот вступит в Босфор? Тон письма твердый, хотя дружественный****. Предполагается послать письмо с генерал-адъютантом графом Сумароковым-Эльстоном, которого приказано вытребовать по телеграфу из Харькова. Князь Горчаков и слышать не хочет о командировании Игнатьева, которого Андраши считает личным своим врагом.

* особенно как-то

** довоенное положение (*лат.*)

*** Редакция очень хороша.

**** *Первоначальный текст после слов «...а союзный флот вступит в Босфор?»:* «В противном случае угрожается Австрии положением, враждебным с нами. Тон решительный, хотя по внешней форме дружественный; но не знаю, какие материальные средства имеем мы, чтоб привести наши угрозы в исполнение?»

После доклада, покончив со всеми бумагами, я отправился в 2 часа пополудни на «Эльбрус», на котором в течение трех дней совершил* предположенную поездку в Очаков, Николаев и Севастополь. В Очакове, куда прибыл в среду в 8 часов утра, я нашел генерал-адъютантов Семеку и Аркаса с инженерами, артиллеристами и моряками; мы осмотрели места для батарей и минных заграждений, потом поднялись по Бугу до батарей пред Николаевом, производили стрельбу с одной из них; затем, оставив моряков в Николаеве, мы с генерал-адъютантом Семекой пошли обратно в Очаков и оттуда в Севастополь. Туда пришли в четверг, в 11 часов утра, осмотрели «Поповку», места, предназначенные для минных заграждений и для постройки новых батарей. Сговорившись обо всех подробностях, я расстался с генералом Семекой и возвратился в Ливадню около 8-ми часов вечера.

Здесь нашел я массу бумаг; сегодня утром докладывал их Государю; при этом опять были разговоры о политике: о двуличности Австрии, о ненадежности английского кабинета; была речь о мобилизации войск в некоторых округах. После доклада поехал в Орианду к князю Горчакову. Вместе с Игнатьевым пробовал я снова объяснить нашему канцлеру, что при введении дипломатических дел, особенно когда они принимают такой острый характер, как теперь, не может он пренебрегать условиями военными и игнорировать материальные средства для ведения войны. Но все старания наши вразумить его остались напрасными; он не хотел вникнуть в наши объяснения, горячился и твердил свое — что все это детали, до него не касающиеся. Граф Сумароков-Эльстон уже приехал, получил инструкции и завтра отправляется отсюда чрез Одессу в Вену.

Государь сказал мне, что завтра я могу съездить к своей семье, если до утра не будет получено ничего нового, что могло бы задержать меня. — Сегодня был большой обед во дворце. Государь и императрица вчера и сегодня обедали за общим столом. Императрица поправилась в здоровье, но похудела и постарела. Вечером герцог Эдинбургский с принцем Баттенберг (сыном принца Александра Гессен-Дармштадтского) и адъютантом отправился на пароходе «Антилопа» в Безикскую бухту.

15-го сентября. Среда. — Прошлые субботу, воскресенье и часть понедельника провел спокойно в своей семье, в Симеисе. По возвращении в Ливадню узнал, что последние известия из Лондона были неблагоприятны; британский кабинет, подавший было хорошие надежды на сближение с русской политикой, опять колеблется и потакает мерзостям константинопольским.

* очень удачную поездку

П. П. Павлов

Вчера, во вторник, при докладе Государю*, я испросил разрешение сообщить министру финансов о настоящем положении дел, дабы он мог приготовить финансовые средства на тот случай, если б мы были вынуждены мобилизовать войска⁹¹.

Вчера же утром приехал с Кавказа начальник окружного штаба генерал-майор Павлов, присланный великим князем Михаилом Николаевичем для словесного разъяснения некоторых вопросов по настоящему положению дел и по сосредоточению войск на кавказско-турецкой границе. Павлов способный и прекрасный офицер**. Я представил его Государю по окончании обедни и потом имел с ним продолжительные совещания.

Сегодня утром Государь выслушал доклад генерал-майора Павлова, в присутствии посла генерал-адъютанта Игнатьева и моем. Давнишняя мысль Игнатьева — что в случае разрыва с Портою самое больное ее место — Азиатская Турция и что потому наши главные наступательные действия должны быть направлены из Закавказья. Поддерживая настойчиво эту мысль, Игнатьев постоянно оказывал усердную помощь кавказскому начальству в собирании точных све-

* Первоначальный текст: «Пред обедней был у меня доклад».

** это не то, что интриган Свистунов.

дений об этом театре войны. И теперь он с любовью, как к детищу своему, ободряет кавказское начальство в его планах наступательных действий, хотя бы даже с неприведенными еще на военное положение войсками. Результатом нашего доклада было высочайшее разрешение на первый раз усилить запряжку артиллерии и обозов, о чем и посылаю с тем же Павловым уведомление главнокомандующему Кавказской армией. Все сделанные им распоряжения о сосредоточении и расположении войск на границе утверждены Государем. Кроме того, в собственноручном ответе своем на собственноручное же письмо великого князя я изложил общие соображения о значении настоящего сбора войск и о необходимости на будущее время некоторых изменений в организации и дислокации Кавказской армии⁹².

Сегодня же вечером, когда все ливадское общество было в сборе, доложили Государю о приезде в Ялту императора бразильского дон Педро II и принесли от него письмо. Письмо это было прочитано Государем вслух и возбудило общий смех оригинальностью своего содержания и языка. Император дон Педро приглашен завтра к императорскому завтраку.

16-го сентября. Четверг. — Сегодня ливадское общество имело развлечение; оно занято было исключительно бразильскими гостями, которые своей оригинальностью, простотой и развязностью произвели резкий диссонанс с натянутым, сдержанным тоном наших придворных нравов*. Бразильский император путешествует до того скромно и неприхотливо, что, приехав в Ялту, не имел при себе шляпы и, чтобы приехать сюда, взял в гостинице чью-то чужую. Дон Педро II имеет вид старца (хотя ему с небольшим 50 лет), с седой окладистой бородой, высокого роста и довольно тучный. Он напомнил мне нашего крымского соседа и приятеля Н. Я. Данилевского** не только наружностью, но и манерами. С Государем и с императрицей он обращался, как с близкими, давнишними друзьями, чуть не трепал по плечу. Свита состоит из гофмаршала Buon-Retiro — толстого***, смуглого человека, который беззастенчиво болтал все время за завтраком и за обедом на каком-то уродливом языке полуфран-

* Первоначальный текст после слов «...оно занято было исключительно бразильскими гостями,»: «которые своей оригинальностью, своей бесцеремонностью и развязностью произвели резкий диссонанс в здешнем дворском натянутом и подобострастном хоре».

** (натуралиста)

*** черномазого господина,

Император дон Педро II

цузском, полупортугальском. Другой спутник императора — французский ориенталист Гобинó, занимающий место посланника французского в Стокгольме; наконец*, молодой, довольно благообразный секретарь. Все эти личности возбуждали в среде придворной челяди насмешки и были предметом всяких острот и шуток. Тем не менее своеобразие и добродушие императора, путешествующего простым туристом, не подчиняющегося общепринятым при европейских дворах формам этикета, не могли не внушать некоторого уважения даже и в нашем пошлом кружке**. После обеда, когда все общество с обычной чопорностью расположилось в гостиной вокруг царственных хозяев, бразильский император, пожелав переговорить о чем-то со своим министром и другом, бесцеремонно взял его под руку и отвел в соседнюю, неосвещенную комнату — кабинет императрицы. Затем гости распростились с хозяевами, не торопясь забрали свои пледы и все четверо уселись в извозчиью двухместную коляску, чтобы возвратиться в ялтинскую гостиницу. Завтра рано

* секретарь, имевший вид более благообразный и приличный, чем оба первые.

** *Первоначальный текст:* «Тем не менее, все чувствовали какое-то уважение к этой своеобразной самостоятельности бразильского императора, не подчиняющегося общепринятым при европейских дворах формам этикета и путешествующего простым туристом».

утром они уезжают в Одессу и оттуда в Константинополь.

В политике нет ничего нового, кроме телеграммы из Вены, извещающей о приеме, оказанном императором генерал-адъютанту графу Сумарокову-Эльстону. Франц-Иосиф, прочитав письмо Государя, ограничился одними фразами в смысле непоколебимой дружбы и согласия, но вместе с тем прибавил, что по важности дела ему нужно несколько дней на размышление, прежде чем дать ответ на письмо. Отъезд Игнатьева в Константинополь задержан.

22-го сентября. Среда. — В прошедшую пятницу и в субботу при докладах моих Государю было много говорено о современных политических делах. Последние известия вообще не очень благоприятны, и когда я уехал в субботу из Ливадии в Симеис, то оставил все ливадское общество в мрачном настроении. Воскресенье и утро понедельника провел спокойно в Симеисе и возвратился в Ливадию в понедельник к обеду. Меня встретил генерал Игнатьев; он привел ко мне некоего Пороховщикова, богатого москвича, известного антрепренера, владельца Славянского базара, а в последнее время самого ретивого воротила в Славянском комитете. Он приехал в Ливадию с намерением разжалобить об участи Сербии, дошедшей, по его мнению, до последней крайности и близкой к окончательной гибели. Пороховщиков принадлежит к числу тех личностей, которые расплодились в последнее время под названием «общественных деятелей». Они** обыкновенно составляют как бы оппозицию правительственной власти, которую называют «бюрократией», и принимаются за то или другое дело с намерением вести его «силами общества», помимо правительственной администрации. Большею частью это люди, одаренные от природы живым воображением, чувствуют неодолимую потребность деятельности; люди иногда и способные, и образованные, но почти всегда увлекающиеся собственными созданиями воображения и почти всегда многоречивые. Они говорят больше, чем делают.

Пороховщиков также много, очень много говорит, также не без способностей, очень ретивый***. По собственным его словам, он был главным в Москве вербовщиком так называемых «добровольцев», отправленных Славянским комитетом в Сербию. Он рассказывает, как ежедневно тысячи народа всякого звания толпились у него в доме, на лестнице, на улице, чтобы получить билет и пособие для отправле-

* деятельного руководителя Славянского комитета.

** большею частью противники правительственной власти

*** но и многое делающий.

ния в Сербию. Поэтому-то преимущественно у него на совести судьба этих тысяч людей, теперь обреченных, может быть, на гибель, в случае подавления сербского восстания. Он хлопочет, чтобы правительство снова оказывало поддержку Сербии и приняло какие-либо меры, чтобы спасти славянское дело от печальной развязки. При этом Пороховщиков много говорил о настроении русского народа, об опасности, угрожающей, по его мнению, правительству в случае, если будет продолжаться видимое его бездействие и равнодушие к славянскому делу.

В этом смысле Пороховщиков говорил и Игнатьеву, и графу Адлербергу, и мне, и всем, кого только здесь встречал; сегодня он должен быть у князя Горчакова и даже надеется быть принят Государем. Мыслимо ли было в прежнее время, чтобы частное лицо, которого имя даже не было известно в правительственных сферах, осмелилось* прямо явиться с советами высшему правительству, самому Государю и заявлять требования от имени всего русского народа. При настоящем настроении можно вперед сказать, что** рассказы и фразы Пороховщикова произведут впечатление.

Между тем вчера утром получена из Вены успокоительная телеграмма насчет ответа австро-венгерского кабинета. По словам Новикова, император Франц-Иосиф при прощальной аудиенции графа Эльстона вручил ему ответное письмо, в котором выражает полное согласие на предложение русского императора о совместном вооруженном вмешательстве. Из Лондона еще нет положительного ответа; только сегодня назначено там совещание министров по вопросу о русских предложениях. Несмотря на то, Государь вчера же решил приступить к мобилизации войск Одесского, Харьковского и частью Кавказского округов, чтобы в случае надобности ввести наши силы одновременно с австрийскими как в Европейскую Турцию, так и в Азиатскую. Государь озабочен тем, чтобы наши войска были готовы к наступлению не позже австрийских. Я предложил теперь же приступить к тем распоряжениям, которые требуют наиболее времени (именно — к покупке лошадей и заготовлениям интендантским), не произнося пока слова *мобилизации*. — Князь Горчаков и Игнатьев одобрили это мнение мое; после обедни (по случаю дня рождения великого князя Павла Александровича) и завтрака Государь вторично потребовал меня, вместе с князем Горчаковым и Игнатьевым, и тут окончательно было решено при-

* давать советы

** подобные

ступить к распоряжениям в предложенном мною порядке, имея в виду окончательно объявить о мобилизации войск тогда только, когда не будет уже сомнения в необходимости вооруженного вмешательства. Я несколько раз обращал внимание Государя и дипломатов на крайне невыгодные условия предпринимаемой кампании в позднее осеннее время года и при совершенной беззащитности черноморских берегов, если Англия откажется от содействия своим флотом. На беду нашу, распоряжения, сделанные мною при поездках в Керчь, Очаков и Севастополь для защиты этих пунктов, не могли еще быть приведены в исполнение; хотя работы и начаты, при побуждениях с моей стороны, однако ж нужно много времени на перевозку больших орудий из Кронштадта и Петербурга, также мин для одесского порта, который решено также привести в оборонительное положение.

Для приведения в исполнение нового высочайшего повеления я должен был работать целый день: рассылать телеграммы, писать во все части министерства, так как вчера же вечером было отправление очередного фельдъегеря, с которым нужно было послать и обыкновенные, текущие бумаги. Очень некстати пришлось вчера же празднество в честь великого князя Павла Александровича; после фейерверка, когда начали собираться к танцам, я скрылся и проработал до поздней ночи. Эти увеселения вовсе не клеились с общим настроением духа и опасениями за будущее.

23-го сентября. Четверг. — Вчера вечером опять пришел ко мне Пороховщиков, чтобы передать мне разговор, который он имел с самим Государем, разговор, длившийся полтора часа. По словам Пороховщикова, Государь принял его до такой степени милостиво, что вошел с ним в самые душевные объяснения, два раза даже заплакал и как будто оправдывал свои действия. Я не поверил бы такой неуместной со стороны Государя откровенности** и доверчивости к человеку, которого видел в первый раз и которого имени даже не знал***, если б в рассказе Пороховщикова не узнавал выражений, прежде слышанных мною. Пороховщиков является**** каким-то трибуном народным, он заявляет***** ожидания и надежды от имени народа, и верховный владыка 80 миллионов подданных считает

* мрачным

** такому мягкосердечию, такой доверчивости

*** прежде

**** уже

***** требования и надежды от имени целого народа,

нужным поведать пред этим самозванным представителем народа сокровенные свои мысли, заботы и предположения!!

Пороховщиков после разговора с Государем обратился снова ко мне с домогательствами о разрешении набрать из бессрочноотпущенных солдат 10-тысячный отряд для Сербии, об отпуске оружия и проч. и проч. Я объяснил ему снова невозможность удовлетворения этих просьб. Сегодня же утром, явившись опять ко мне, чтобы проститься, он уже сам отказывается от прежних своих домогательств, признавая возможным обойтись одними отставными солдатами и тем оружием, которое куплено в Германии.

Появление Пороховщикова в Ливадии выказало рельефно некоторые личности. Престарелый наш канцлер, назначив этому приезжему «аудиенцию», чтобы *выслушать* его заявления, сам говорил целый час о себе, так что Пороховщиков на вопрос Государя относительно князя Горчакова отвечал прямо, что не мог ничего высказать ему, а только слушал самого канцлера. Сегодня князь Горчаков после доклада у Государя зашел ко мне и в присутствии Игнатьева завел речь о Пороховщикове, придавая серьезное значение его рассказам. Я подумал про себя — как-то Пороховщиков будет отзываться о князе Горчакове, когда, возвратившись в Москву, станет трезвонить о своем посещении Ливадии. Если б даже он и не был болтуном, проникнутым колоссальным самомнением, и тогда он имел бы полное право хвастаться своим успехом и глумиться над всеми нами. Жалкое понятие он должен был вынести отсюда о так называемой «высшей власти».

Сегодня получены неблагоприятные телеграммы из Лондона о результате вчерашнего совещания великобританских министров. Они согласны требовать от Порты перемирия на один месяц, согласны и на занятие Боснии Австрией, но не хотят и слышать о вступлении наших войск в Болгарию, ни о вступлении союзного флота в Босфор. Очевидно, что между Австрией и Англией существует тайная сделка и что Андраши действует двулично. Игнатьев торжествует; сам канцлер уже сознался, что на прежнего его друга полагаться нельзя. Государь сегодня еще более мрачен, чем когда-либо; он прочел мне лондонские телеграммы, одобрил представленный мною проект распределения войск и начальников на случай войны с Турцией, но не вошел ни в какие разговоры и ни слова не упомянул о вчерашнем

* составе

своим свиданием с Пороховщиковым. Думаю, что ему самому неловко вспомнить о нем⁹³.

Сегодня при докладе опять я должен был спросить приказанья относительно тех офицеров, которых отставки были приостановлены, но которые, не дождавшись формального увольнения, уехали в Сербию и давно уже там воюют*. Государь разрешил им всем дать отставки и как-то неохотно согласился** на мое предложение произвести расследование, каким образом офицеры эти могли получить заграничные паспорта, не получив предварительно отставки, ни отпуски за границу. Ясно, что во всем этом деле движения волонтеров в Сербию сам Государь действовал двойственно*** и отчасти сам способствовал распространению убеждения, что правительство поощряет это движение. Всем известно, что наследник цесаревич принимал и продолжает принимать самое деятельное участие в славянском деле. К сожалению****, к нему втираются в доверие такие***** пройдохи, каков, например, Ростислав Фадеев и ему подобные. Исходящая из Аничковского дворца агитация идет совершенно вразрез принятой официально политике; Государь это знает***** и смотрит сквозь пальцы. При такой двойственности может ли быть какая-либо определенная система в действиях, какой-нибудь ясный план!

Краснобайство Пороховщикова, несомненно*****, повлияет на настроение Государя; а вслед за сим ожидают приезда наследника цесаревича. Говорят, будто Государь давно уже под влиянием странного предчувствия, что его ожидает такой же конец, как и отца его, если начнет войну; что ныне*****, видя неизбежность войны, он потребовал сюда наследника цесаревича, на плеча которого может пасть развязка начинаемой драмы⁹⁴.

25-го сентября. Суббота. — Вчера при докладе моем Государь был неразговорчив и в мрачном настроении. Сведения из Лондона и Константинополя неблагоприятны. К вечеру приехал граф Сумароков-Эльстон с ответным письмом императора Франца-Иосифа⁹⁵. Государь долго держал Эльстона у себя в кабинете, и перед обедом и после

* И тут Государь оказал чрезвычайную мягкость

** лишь

*** колебался

**** он неразборчив на личности и входит в сношения с такими

***** презренные личности, каков, например, Ростислав Фадеев и другие.

***** попускает и смотрит сквозь пальцы, иногда даже и сам как будто сочувствует.

***** еще <усилит> более прежнего

***** решаешь

Император Франц-Иосиф

обеда, а на вечернем собрании имел* грустный вид. Мне он не сказал ничего о впечатлении, произведенном письмом австрийского императора, но передал для прочтения телеграмму из Константинополя, в которой Нелидов (оставшийся за отсутствием генерала Игнатьева старшим в посольстве) извещает, что Порта, поддерживаемая Эллиотом, показывает крайнюю несговорчивость и что, по мнению его, Нелидова, разрыв или, по крайней мере, отзывание посольства неизбежны.

Сегодня прибыл наследник цесаревич; всей свите приказано было ехать навстречу ему в Ялту, около полудня. До этого часа я имел продолжительное свидание с генералом Семекой, вызванным сюда из Одессы; потом, в назначенный час, был у Государя, чтобы доложить ему некоторые спешные телеграммы, полученные вчера и сегодня утром. Государь прочел мне ответное письмо императора Франца-Иосифа и несколько телеграмм из Лондона. Письмо Франца-Иосифа, весьма длинное, полное любезных фраз и уверений в неразрывной дружбе, вместе с тем заключало в себе** призна-

* вид мрачный.

** откровенное

ние в том, что он, как Государь конституционный, не может действовать так свободно, по внушению собственных своих чувств, как монарх российский; что потому он не считает себя вправе принять участие в предлагаемом Государем с полным бескорыстием занятии войсками северных, славянских областей Балканского полуострова; что, по мнению австро-венгерского кабинета, военное вмешательство в предположенных Россией пределах не вознаградится результатами, так как поставленная задача заключается не в окончательном решении восточного вопроса, а лишь во временном^{*} улажении (*repêtrage*); затем император Франц-Иосиф прямо заявляет, что в случае, если Россия решится одна вмешаться с оружием для занятия Болгарии, то Австрия не будет тому препятствовать, но сохранит за собой право свободы действий и предоставляет себе ввести войска в Боснию и Герцеговину для достижения своих собственных целей и интересов.

Такое откровенное, хотя и циничное, признание составляет весьма важный фазис в продолжающемся уже так долго дипломатическом *imbroglio*^{**}. Дело становится ясным: Австрия не прочь действовать вместе с Россией, если ей обещают добычу — присоединение Боснии, но не хочет впутываться в дело бескорыстно, из-за того только, чтобы славянам доставить автономию, которая притом вовсе ей и не по вкусу. С другой стороны, также сделалось ясным, что лондонский кабинет, выступив вдруг с предложениями весьма похвальными, вполне одобренными Россией, Германией, Францией и Италией, имел при этом в виду только успокоить раздражение и негодование в английском обществе, несколько не намереваясь действительно привести в исполнение свои предложения и рассчитывая заранее на отказ со стороны Австрии, чтобы прикрыть свой двуличный образ действий. Нет сомнения в том, что послу британскому в Константинополе указывалось из-под руки ободрять турок к упорству, обнадеживая их поддержкой Великобритании^{***}.

* замазании его

** пуганица (*фр.*).

*** *Первоначальный текст после слов «...успокоить раздражение и негодование в английском обществе,»: «несколько не думая привести действительно в исполнение свои собственные предложения. С одной стороны, послу британскому в Константинополе указывалось из-под руки — ободрять турок к упорству, положитьсь вполне на поддержку Великобритании, а с другой стороны, лондонский кабинет снюхался с Андраши и рассчитывал, что отказ Австрии на англо-русские предложения прикроет двуличные действия лондонского кабинета.»*

Государь спросил мое мнение, полагаю ли я возможным при такой обстановке устранить войну. Сам он уже^{*} потерял надежду на коллективное решение вопроса и с прискорбием видит необходимость^{**} изолированного действия. Я, со своей стороны, вполне высказал, что не предвижу успеха от дальнейших дипломатических переговоров, что^{***} Англия и Австро-Венгрия, видимо, хотят втянуть нас в войну и на нас одних свалить всю ответственность, что поэтому мы должны^{****} готовиться к войне, но что на дипломатии еще остается обязанность сделать все возможное, чтобы война началась при условиях наименее для нас неблагоприятных. В этом отношении важно, чтобы, по крайней мере, Турция не имела открытой поддержки которой-либо державы и, напротив того, чтобы заручиться сочувственным отношением хотя некоторых держав. Затем я снова обратил внимание Государя на неблагоприятное для начатия войны время года. Государь в заключение сказал, что при настоящем^{*****} фазисе вопроса будет уже недостаточно ввести в Европейскую Турцию только два корпуса, т. е. 4 пехотные и 2 кавалерийские дивизии, как прежде предполагалось, а необходимо добавить еще хотя один корпус. Вследствие этого предложено мною мобилизовать и войска Киевского округа.

Беседа была прервана докладом камердинера, что пароход «Ливадия» уже близок и что чрез 20 минут наследник цесаревич будет в Ялте. Поэтому Государь поехал на пристань, и я вслед за ним. По заведенному порядку, мы все в парадной форме встретили наследника в павильоне на пристани. Возвратившись в Ливадию, сейчас же все собрались к завтраку, по окончании которого Государь позвал к себе на совещание наследника цесаревича, государственного канцлера, генерала Игнатьева и меня, а потом еще был призван и граф Сумароков-Эльстон. Государь сначала объяснил в кратком очерке, собственно, для сведения наследника цесаревича, ход предшествовавших переговоров по восточному вопросу и, дойдя до настоящего положения дела, прочел часть ответного письма императора Франца-Иосифа. Государь видимо был взволнован; когда князь Горчаков начал высказывать свои соображения и прочел проектированную им ответную телеграмму императору

* прямо высказал, что

** даже изолированных действий.

*** давно уже мне казалось, что Англия и Австрия

**** решительно

***** новом

Францу-Иосифу, Государь* резко возразил ему и вместе с тем отозвался с горечью о печальных результатах поднятой славянофилами агитации, о бесплодных** жертвах, принесенных в помощь славянам. При этом Государь припомнил свои разговоры с Пороховщиковым и упрекал государственного канцлера в том, что он, поддержав предположение об отправлении в Сербию 10 тысяч солдат из запаса, противоречил тем своим же стараниям добиться прекращения военных действий. В этих упреках Государь был не совсем прав; но, видимо, говорил не столько в укор государственному канцлеру, сколько в косвенное назидание наследнику цесаревичу. Он даже упомянул об излишнем и неуместном усердии некоторых гвардейских начальников, которые побуждали молодых офицеров брать отставку, чтобы отправляться в Сербию. Сопровождение, продолжавшееся более часа, не привело ни к какому определенному, практическому заключению. Государь принял на себя самого составление проекта ответной телеграммы императору Францу-Иосифу; относительно же дальнейшего ведения дела положил разъяснить окончательно намерения других кабинетов по вопросу о перемирии и об условиях мира***; в случае положительного отказа Порты на наши крайне умеренные требования, прервать**** дипломатические сношения, отозвать посольство и в то же время мобилизовать войска. В случае же заключения перемирия — принять участие в предложенных конференциях, но все-таки готовиться к войне с тем, чтобы в случае безуспешности конференции взяться за оружие и вести войну самостоятельно, уже не связывая себя прежними условиями и договорами*****. Впрочем, все это было выражено в виде предварительного соображения, а не положительного плана действий⁹⁶.

Вскоре после совещания, покончив с некоторыми спешными делами, я уехал из Ливадии, чтобы отдохнуть хоть один день в своей семье — в Симеесе.

* возражал ему с горячностью и даже резкостью.

** и нерасчетливых

*** с тем, чтобы

**** сначала

***** *Первоначальный текст после слов «...отозвать посольство и в то же время мобилизовать войска.»: «В случае же заключения перемирия — принять участие в предложенных конференциях, но в случае, если они окажутся безуспешными и несообразными с крайне умеренными требованиями России, приготовиться к войне, и в таком случае вести ее уже самостоятельно, не связывая себя прежними условиями и договорами.»*

27-го сентября. Понедельник. — Вчерашний день провел в Симеисе. Под вечер неожиданно заехал туда генерал Тотлебен на пути из Севастополя в Ливадию, куда он вызван с той целью, чтобы возложить на него все меры обороны черноморского берега. Вечером и я возвратился в Ливадию в то время, когда во дворце разыгрывалась какая-то пьеса, сочиненная нашими дипломатами.

Сегодня утром* мы все ездили в Ялту провожать великую княгиню Марию Александровну. Жаль было смотреть на бедняжку, покидавшую родительский кров, чтобы поселиться на скучном острове Мальте, среди англичан, проникнутых враждой к России. Герцог Альфред Эдинбургский служил в английской средиземноморской эскадре. Государь, проводив свою дочь до яхты «Ливадия», на обратном пути сделал вторично смотр расположенным здесь двум ротам. По-видимому, он был спокойнее духом, чем прежде, даже имел иногда веселый вид; однако ж полагаю, что веселость эта напускная. Завтра, при докладе, вероятно, узнаю содержание проектированного ответа императору Францу-Иосифу**. Между тем во время вечернего собрания Государь показал мне телеграмму из Лондона, в которой граф Шувалов извещает, что лишь только распространился слух о нашем предположении занять Болгарию, немедленно же общественное мнение поворотило против нас. Поворота этого надобно было ожидать. Возможно ли было рассчитывать на то, что Англия благодушно поможет нам ввести наши войска в пределы покровительствуемой ею Турции!

28-го сентября. Вторник. — Сегодня имел я длинный доклад, в присутствии наследника цесаревича. У Государя новая мысль: поручить командование действующей армией против Турции — Тотлебену, и в таком случае Семека останется в Одессе; начальство же в Крыму — возложить на князя Воронцова, со званием корпусного командира. Мысль эта явилась вследствие случайного обстоятельства: Тотлебен, на пути своем в Крым, читал присланные бывшим его адъютантом Шильдером корректурные листы русского перевода сочинения Мольтке о войне 1828 и 1829 годов и в разговоре с Государем упомянул об этом сочинении, заключающем в себе

* вся свита

** Первоначальный текст после слов «...однако ж полагаю, что веселость эта напускная.»: «Мне сказали, что вчера, в мое отсутствие, было опять совещание по поводу сочинения ответа австрийскому императору. По словам Игнатьева, наш государственный канцлер опять нагородил столько неловкости и легкомысленности, что пришлось остановить его проект и переделать его. Государь назначил мне завтра доклад; вероятно, тут узнаю, в чем именно заключается ответ».

рассуждения знаменитого немецкого стратега о театре войны в Европейской Турции⁹⁷. Из этого разговора Государь заключил, что генерал Тотлебен не исключительно только специалист по инженерной части, но вместе с тем и авторитет в военном деле вообще. В пользу назначения его командующим действующей армией Его Величество приводил, кроме личных достоинств Тотлебена, также и «prestige» его имени. Я не возражал, однако ж не мог не заметить, что его тяжелый характер и щепетильность могут быть большим неудобством в командовании армией*. После моего доклада Государь призвал в кабинет графа Адлерберга и советовался с ним относительно выбора Тотлебена. Граф Адлерберг не выразил никакого мнения. Затем были приглашены Тотлебен, Семека, Аркас и Игнатъев. Речь была уже только о мерах, принятых для обороны приморских пунктов.

После завтрака — новое совещание с князем Горчаковым, Игнатъевым и графом Адлербергом, в присутствии же наследника цесаревича. Говорили вообще о политическом положении; прочли составленный наконец проект ответного письма к императору Францу-Иосифу и разошлись под тем впечатлением, что на успешный исход дипломатических переговоров нечего рассчитывать, что если даже и добьемся перемирия и открытия конференции в Константинополе, то благоприятного результата от этих конференций ожидать нельзя, что все-таки дело кончится войной, в которой против нас будет не одна Турция.

29-го сентября. Среда. — Утром Государь прислал мне для прочтения телеграмму от Нелидова из Константинополя: он извещает, что завтра Порты даст ответ представителям шести держав в том смысле, что согласна на перемирие до будущего марта месяца; при этом Нелидов предостерегает, что в этом неожиданном предложении, внушенном, без сомнения, Эллиотом, кроется намерение Турции выиграть время, чтобы оправиться и к весне приготовить против нас

* Первоначальный текст после слов «...возложить на князя Воронцова, со званием корпусного командира.»: «Мысль о Тотлебене явилась вследствие случайного обстоятельства: Тотлебен в дороге читал присланные бывшим его адъютантом Шильдером корректурные листы русского перевода сочинения Мольтке о войне 1828 и 1829 годов; он говорил Государю об этом сочинении и указаниях относительно театра войны в Европейской Турции. Государь увидел, что Тотлебен интересуется вообще военным делом и занимается не одними инженерными вопросами. Я не возражал на предположение Государя и соглашался с его доводами относительно достоинств Тотлебена, в пользу которого Государь приводил и «prestige» его имени; однако же не мог не заметить, что тяжелый и мелочной его характер много повредит ему в качестве главнокомандующего».

целую коалицию. Игнатъев разделяет это мнение. Государь приказал мне, вместе с графом Адлербергом, прочитать депеши, полученные от Нелидова за последнее время. В этих депешах весьма живо рисуется печальная картина нынешнего настроения в Константинополе, объясняются замыслы разных держав, с которыми приходится нам сговариваться**, и почти отчаянное положение турецкой армии, которая, по словам Нелидова, не будет иметь возможности держаться даже против сербов в течение осени и зимы.

Сегодня представлялась Государю депутация от Румынии, состоящая из*** президента кабинета Братиано, военного министра Сланичано, гофмаршала и адъютанта князя. Они приглашены к обеду. Братиано наговорил мне много комплиментов; по всему видно, что Румыния хочет нам угодить; Игнатъеву он говорил, что войска румынские готовы служить авангардом русской армии⁹⁸.

Был у меня сегодня утром главный военно-медицинский инспектор тайный советник Козлов. Мы переговорили с ним о распоряжениях по военно-медицинской части на случай войны. Тотлебен уехал в Севастополь, Николаев и Одессу.

1-го октября. Пятница. — Каждый день Государь сзывает к себе государственного канцлера, графа Адлерберга, Игнатъева и меня; прочитываются полученные телеграммы и депеши, обсуждаются ответы, и почти всякий раз расходимся в полном недоумении — как выйти из ловушки, в которую мы попали****. Вчера и сегодня подтвердилось решение Порты предложить 6-месячное перемирие; выдумке этой радуются в Лондоне и Вене, несмотря на наши возражения.

Сегодня приехали в Ливадию министр финансов и генерал-лейтенант Обручев. С первым я успел только обменяться несколькими словами пред обедом; с Обручевым же просидел несколько часов. Он привез массу всяких сведений и соображений касательно театра предстоящей войны. Первоначально я прочил его в начальники штаба предполагаемой действующей армии, но если главнокомандующим будет Тотлебен, то Обручев не пойдет к нему в начальники штаба, и, в свою очередь, Тотлебен не пожелает Обручева: они давно уже в отношениях неприязненных, с тех пор как Обручев, руководя ежегодными стратегическими поездками офицеров Генерального штаба в районе Варшавского округа, откровенно высказал свои суждения о

* верно рисуется

** безнадежность единогласного разрешения восточного вопроса,

*** министра внутренних дел

**** *Первоначальный текст после слов «из ловушки»: «куда мы ид[ем]».*

недостатках наших крепостей. Тотлебен не может допустить, чтобы кто-либо, а тем более офицер Генерального штаба, смел вмешаться в его владения — т. е. в сферу инженерного ведомства. Тотлебен до крайности самолюбив и обидчив.

4-го октября. Понедельник. — В последние два дня все ожидали чего-нибудь положительного из Вены, Лондона и Берлина; получались телеграммы, сходились мы по обыкновению на совещание у Государя, но дело все еще нисколько не выяснилось. Вчера, пред обедней, Государь принял генерала Обручева, который представил в сжатом очерке соображения о плане кампании в Европейскую Турцию⁹⁹.

Вчера же приглашена была к обеду и завтраку моя жена с дочерьми. Она приехала с двумя младшими и провела в Ливадии бóльшую часть дня.

Министр финансов** представил Государю записку, в которой изобразил в черных красках невыгодные для России последствия ожидаемой войны¹⁰⁰. Государь по прочтении этой записки назначил сегодня совещание, в котором, кроме наследника цесаревича, приняли участие князь Горчаков, Игнатъев, граф Адлерберг, Рейтерн и я. С самого начала Государь напал на Рейтерна за его записку, из которой, по словам Государя, можно заключить, что совершившиеся в его царствование великие реформы испортили*** положение России, так что в случае войны последствия ее будут**** гораздо тяжелее, чем были бы до этих реформ 20 лет назад. Если в этом заключалась главная тема записки, то, конечно, нельзя не признать, что вопрос был поставлен неудачно, и хотя Рейтерн старался***** объяснить иначе свои мысли, однако ж Государь возвратил ему записку, сказав, что он вызвал его не для того, чтобы узнать его мнение, следует ли начать войну или нет, а чтобы изыскать средства к покрытию тех издержек, которые вызовет война. После того начал говорить князь Горчаков; но прежде какого-либо заключения выразил желание услышать соображения «министра военных сил» (так он имеет привычку называть военного министра). Вызванный государственным канцлером, я должен был обстоятельно изложить свой взгляд на затеянную войну: сначала я объяснил собственно

* критиковать

** приехавший в субботу

*** дело

**** для России

***** оправдать свою записку

М. Х. Рейтерн

военную сторону вопроса, указал, сколько времени нужно на мобилизацию, на сосредоточение войск и на движение их в пределы Турции, насколько все расчеты изменяются по времени года; выказал затруднения зимней кампании, но вместе с тем не отвергал и возможности ее, даже в некотором отношении выгоды, которые мы имеем зимою над турками и в отношении к действиям на море. Но затем я перешел к политической стороне вопроса и старался обратить внимание Государя и канцлера на необходимость ясного, точного определения цели и предмета военных действий и на опасные последствия могущего быть столкновения с европейской коалицией. Князь Горчаков прерывал меня не раз восклицаниями, что нельзя же все ставить гипотезы неблагоприятные, на что я ответил, что гораздо опаснее действовать всегда в надежде на счастливые случаи; я ставил гипотезы наиболее правдоподобные; однако же закончил тем, что желал бы, прежде дальнейшего объяснения моих мнений, выслушать, на чем именно сам канцлер основывает свои успокоительные комбинации. Тогда он начал чтение длинной записки, составленной бароном Жомини, о предполагаемом ходе дальнейших переговоров, о необходимости немедленного отправления Игнатьева в Константинополь, об ожидаемом влиянии на конференцию угрожающего положения России и закончил тем, что, в случае

неуспеха этой конференции, останется — силой оружия принудить Турцию к уступкам. Выслушав все это длинное чтение, я просил позволения снова объяснить возбуждаемые ею во мне сомнения и недоумения. В записке канцлера предусмотрены разные случайности, но в числе их я все-таки не вижу тех именно, на которые я указывал и которые кажутся мне наиболее вероятными. На все эти случайности надобно теперь же приготовить план действий: например, что будем мы делать, если перемирие вовсе не состоится, ни на 6 месяцев, ни на 6 недель? Если ж состоится по нашему желанию на 6 недель, но если на конференциях все державы, кроме России, придут к единогласному заключению, которое мы принять не можем*, то не придется ли тогда объявить войну уже не Турции одной, а целой Европе? — и т. д. К удивлению моему, Государь не только не показывал неудовольствия, слушая мои довольно горячие возражения на план канцлера, но даже поддерживал меня и по возможности старался сам ответить на мои вопросы, хотя и не вполне категорично.

Совещание было прервано молебствием и парадом по случаю праздника Собственного Е. В. конвоя. После обычного прохождения церемониальным маршем казаки пошли к накрытым для них столам (у здания оранжерей); туда же отправились и мы все, а затем возвратились во дворец к завтраку, по окончании которого возобновилось совещание; Государь резюмировал высказанные соображения: 1) Игнатьев завтра же отправится в Константинополь; 2) в 2 или 3 недели должно обнаружиться — можно ли ожидать какого-либо результата от конференций; в случае** неудачи, Игнатьев устранился от дальнейшего в них участия, и тогда же будет приступлено к мобилизации войск, что будет примерно около 1-го ноября¹⁰¹; 3) мобилизация не будет еще объявлением войны; только в случае крайней необходимости мы решимся ввести наши войска в пределы Турции, — что следует пригнать примерно к началу декабря; 4) кампания должна быть сколь можно быстрая; прежде перехода чрез границу должна быть заключена конвенция с Румынией. На этом остановились, и хотя я еще попробовал снова обратить внимание на опасные последствия, которых можно ожидать от перехода нашего чрез границу, подобно примеру 1853 года, на возможность немедленного против нас вооружения большей части Европы, однако ж часы уже показывали наступление времени прогулки, и совещание было прекращено.

* что будем мы делать?

** ожидаемой

Я не имел случая сегодня же заметить, какое впечатление оставило в Государе все высказанное мною в совещании*. Но вот уже несколько дней замечаю, что я чем-то навлек на себя неудовольствие императрицы, которая до того времени была, напротив того, очень любезна и внимательна ко мне. Чему приписать эту перемену — не придумаю. Опять какие-нибудь сплетни? Вечером я не пошел в «собрание».

5-го октября. Вторник. — Сегодня была обедня в дворцовой церкви по случаю дня рождения великой княгини Марии Александровны (герцогини Эдинбургской), от которой уже есть известия из Мальты. Пред обедней был я у Государя с докладом, а после завтрака — на обычном совещании. Главным предметом его был отъезд Игнатьева в Константинополь, назначенный окончательно сегодня вечером. Князь Горчаков прочел длинную записку, составленную в виде сырого материала, из которого генералу Игнатьеву предоставляется по собственному усмотрению составить род меморандума для предъявления представителям европейских держав в Константинополе. — Посол наш едет неохотно, не ожидая ничего хорошего от своего появления в столице Турции. Он не раз высказывал неудобство прибытия его как раз к началу байрама. Но старый канцлер настойчиво торопит его отъездом. В совещании сегодня я поставил вопрос: какой будет наш образ действий, если перемирие вовсе не состоится? Не возможно ли в таком случае все-таки предложить открытие конференции об условиях мира? — На этот вопрос последовал ответ положительный: что перемирие не составляет безусловной необходимости для открытия конференций. — Впрочем, если не могли сойтись даже на определении срока перемирия, то подавно можно ли ожидать единогласия в условиях мира? — Никто и не ожидает от конференций успешного результата.

После совещания я отпросился к своей семье в Симеис и предложил генералу Обручеву поехать туда со мной.

7-го октября. Четверг. — Вчера провел весь день в Симеисе, сделал большую прогулку в Алупку; вечером посетил нас сосед, князь С. М. Воронцов. Много толковали о том, что делать обитателям южного берега в случае войны: кто советовал теперь же убираться поживу-поздорову, кто — замуровать окна и двери дома и т. д. Жена моя решительно объявила, что останется на месте, и для ограждения

* Первоначальный текст после слов «...и совещание было прекращено.»: «Я не имел случая сегодня же заметить, какое впечатление оставило на Государе это совещание; кажется, мои слова, несмотря на смысл их, не вызвали неудовольствия его; Игнатьев говорил очень мало; граф Адлерберг и наследник цесаревич вовсе ничего».

дома от хищничества просила только оружия для своей прислуги и рабочих. — К ночи мы с Обручевым возвратились в Ливадию.

Сегодня нашел я здесь настроение еще более мрачное, чем было прежде. Королева английская, не получив согласия своих министров на предположение ее отправить собственноручное письмо к нашему Государю, предложила, по крайней мере, личное объяснение Государя с послом английским лордом Лофтус. Государь изъявил на это полное согласие, хотя не предусматривает большой пользы от этого свидания. Другое известие из Лондона — что Англия решилась, в случае нашего вмешательства, занять своими войсками и флотом Константинополь. С другой стороны, более успокоительное известие — о разномыслии, обнаружившемся в Совете министров, между Дизраэли и Дерби: первый предлагал прямо разрыв с Россией, последний — не согласился. Из Берлина получены сведения крайне бесцветные: германский кабинет «не встречает препятствия» согласиться на предлагаемое нами 6-недельное перемирие, однако же и не берется поддерживать наши требования, чтобы не поссориться с другими своими «друзьями». Если таков будет окончательный ответ Германии, то, спрашивается, какую же выгоду извлекает Россия от своей пресловутой дружбы и тесного союза с Германией? — Кажется, сам Государь начинает разочаровываться насчет этого друга; относительно же Австрии — разочарование уже совершившийся факт*.

Сегодня государственный канцлер сказался больным и не приехал из Орианды в Ливадию, так что обычное совещание произошло в его отсутствие. Государь прочел нам последние телеграммы, в числе которых было первое известие о прибытии Игнатьева в Буюк-Дерэ, об отказе Сербии и Черногории на предложение 6-месячного перемирия и проч. После совещания я пошел пешком в Орианду и навестил князя Горчакова; застал его в постели (но, полагаю, не по болезни, а после обычного послеобеденного сна). Он опять оспаривал мои опасения коалиции против нас, даже сомневался в намерениях Англии довести дело до разрыва с нами; однако ж заметно, что он поддерживает свой тезис только из самолюбия, сам не вполне веря себе. В голове его слышится сомнение и сознание неудачи своей.

Приготовления наши к войне идут деятельно: в Петербурге все подготавливается к мобилизации войск, назначенных для охранения Черноморского побережья и для наступательных действий в Турцию, Европейскую и Азиатскую; в приморских пунктах строятся

* *Напротив последних двух предложений абзаца на полях рукой Д. А. Милютина написано карандашом: NB.*

батареи, подвозятся орудия, готовятся мины. Недели чрез три можно будет спокойно ожидать появления неприятельского флота не только пред Керчью и Очаковым, но и пред Севастополем и Одессой¹⁰².

8-го октября. Пятница. — Утренние телеграммы сегодня несколько успокоительнее прежних: из Вены уведомляют, что последнее письмо нашего Государя произвело на императора Франца-Иосифа очень хорошее впечатление; он будто бы изъявляет полное согласие на наши предложения. Игнатъев телеграфирует из Константинополя, что он имел весьма дружелюбные объяснения с представителями Австрии и Италии (Зичи и Корти), что оба они обещали поддерживать его и не противиться 6-недельному перемирию. Государь прочел мне эти телеграммы при моем обыкновенном докладе; совещания же не было. Князь Горчаков не приехал в Ливадию по причине дурной погоды.

После вечернего собрания Государь позвал меня в кабинет вместе с графом Адлербергом и прочел вновь полученные телеграммы. Англия не настаивает на 6-месячном перемирии и готова согласиться на наши предложения, предоставляя нам самим войти в соглашение с Портой. Таким образом, Игнатъеву открывается свободное поле действий. Французский посол Bourgoing в объяснениях своих с Игнатъевым высказался совершенно в нашем смысле. «Je suis prêt à Vous servir de tampon dans Vos rapports avec sir Elliot», — сказал он Игнатъеву.

Известия эти вдруг изменили настроение Государя и императрицы. «Il y a un revirement»**. Лорд Лофтус должен выехать из Петербурга завтра или в воскресенье. Князь Горчаков уже начинает заботиться об инструкции Новикову для заключения с Австрией конвенции! — Не слишком ли рано? — Странная торопливость для 85-летнего старца! — Барон Жомини и другие дипломаты наши не разделяют очарования канцлера и предусматривают в ожидаемом из Вены ответе новые козни и хитрости. Увидим.

10-го октября. Воскресенье. — Полученные вчера утром новые телеграммы подтверждают предшествующие благоприятные известия. Канцлер думает, что повороту в английской политике могли способствовать наши серьезные военные приготовления.

Бывший в нашей службе полковник Кишельский возвратился с театра войны с самыми грустными сведениями о положении дел в

* Я готов Вам служить буфером в Ваших отношениях с сэром Эллиотом (фр.)

** Наблюдается поворот (фр. морской термин).

Болгарии; все мечты болгарских деятелей разлетелись в прах. Оказывается, что и в этом случае одной из причин неудач были опять раздоры между нашими русскими деятелями, которые ведут дело славянское в угоду себе самим, сообразуясь с личными своими видами и честолюбивыми похотями. Дело в том, что Черняев замышлял притянуть болгарские вооружения под свою руку; уверяют даже, что он мечтал сделаться господаром болгарским; между тем болгары имели неловкость связаться с Фадеевым, который напомнил о своем старшинстве в чине над Черняевым¹⁰³. Отсюда злоба Черняева на болгар и расстройство планов их. Все частные письма из Сербии подтверждают, что за дрянь эти мелкие честолюбцы и все окружающие их клеветы. Они ссорятся между собой, интригуют, сваливают друг на друга неудачи. Отставной генерал Новоселов пишет мне, что, приехав в Сербию, нашел невозможным служить славянскому делу с Черняевым и хотел уже уехать обратно, но, уступив просьбам князя Милана и его министров, принял команду над Ибарской армией, которую нашел весьма в затруднительном, почти бедственном положении. Новоселов просит «советов» и помощи.

Вчерашний вечер и нынешний день провел я в Симеисе, в своей семье. Погода не позволяла наслаждаться прогулками. Сегодня опять приехал сюда, в Симеис, генерал Тотлебен, на возвратном пути из Одессы и Севастополя в Ялту^{**}. Такое неожиданное посещение было совсем лишнее; в свидании нашем не было особенной спешности; дело нисколько не потерпело бы, если б оно было отложено до завтрашнего утра, в Ливадии^{***}.

11-го октября. Понедельник. — В 1-м часу было у Государя совещание: наследник цесаревич, князь Горчаков, граф Адлерберг и я. Прочитаны были полученные телеграммы и донесения послов; на одной из телеграмм Государь сделал отметку, что признает полезным снова пригласить^{****} кабинеты берлинский, венский, римский и парижский поддержать наше требование в Константинополе о кратковременном перемирии, на 6 недель и не более 2 месяцев. Князь Горчаков начал было возражать, признавая это ненужным; Государь вспылил и обошелся^{*****} с канцлером очень резко; однако ж потом попросил у него извинения и обнял его.

* подлипалы.

** Такого посещения я не ожидал и, признаться, не совсем был доволен этим сюрпризом.

*** Это человек крайне тяжелый и скучный.

**** циркулярно

***** со старым канцлером очень круто;

После завтрака я был опять у Государя, сперва один, а потом вместе с Тотлебенем, который доложил Государю о мерах, принимаемых для защиты приморских пунктов, а также о предложении американца Лея продать нам изобретенные им самодвижущиеся подводные торпеды.

После обеда Государь подошел ко мне и сказал на ухо, что, вследствие нашего утреннего разговора о генерале Тотлебене, решается командование Дунайской армией поручить не ему, а великому князю Николаю Николаевичу, которого уже и вызвал сюда. Он придет вместе с цесаревной, которую ожидают в субботу.

14-го октября. Четверг. — В последние три дня полученные дипломатические сведения были довольно успокоительны. Германия наконец заявила положительно, что она будет поддерживать не только в Константинополе, но и при других кабинетах наше предложение короткого перемирия. Италия также присоединяется к русскому предложению; Франция заявляет, что она вовсе не имеет в виду действовать заодно с Англией и, напротив того, желает сохранить свою независимую политику, основанную на твердом желании заниматься своими внутренними делами.

Сегодня утром приехал в Ялту из Петербурга английский посол лорд Лофтус, с чем — неизвестно еще. Завтра же ожидается и письмо султана, отправленное с пароходом «Ливадия», и ответ из Вены. Таким образом, завтрашний день будет важным моментом в настоящей нескончаемой* путанице восточных дел.

Вчера явился ко мне какой-то таинственный незнакомец, назвавшийся сербом из Северной Албании — Христо Врето; он домогался представления Государю для личной передачи какой-то тайны, но когда я объявил ему наотрез, что это невозможно, он согласился изложить свою тайну письменно и принялся за работу в соседней со мной комнате. Когда я остался один в своей квартире, он подал мне свое безграмотное писание и дополнил словесным пояснением мысли, которая будто бы мучит его уже несколько времени. Дело заключается ни более, ни менее, как в предположении внезапного нападения на Босфор и Константинополь, в самый момент объявления войны. Едва я отпустил его и не успел еще сообразить, заслуживает ли внимания заявление этого человека**, как пришли мне сказать, что желает меня видеть наедине г-жа Нелидова, жена управляющего временно кон-

* драме восточного вопроса.

** Первоначальный текст после слов «не успел еще сообразить»: «есть ли что-нибудь серьезное в этой мысли».

стантинопольским посольством в отсутствие Игнатьева. Она только что приехала из Константинополя и объявила, что должна передать мне тайну от имени ее мужа, ее самой и полковника Зеленого. К крайнему моему удивлению, я услышал от нее совершенно то же самое, что за несколько минут пред тем высказывал мне, хотя и не в таких изящных выражениях безграмотный серб. Совпадение это показалось мне подозрительным: трудно объяснить его случайностью. Самая мысль не лишена смысла, но она так смела, так азартна, что едва ли разумно решиться на подобное рискованное предприятие. Тем не менее я* не вправе оставить эту мысль без внимания; сегодня утром я передал ее генералу Тотлебену, с просьбой обдумать и сообразить^{103а}.

Несмотря на примирительный, по-видимому, оборот последних дипломатических депеш, мы не рассчитываем на мирный исход дел и продолжаем деятельно приготовления на случай войны. Военным судам нашим, находившимся в Средиземном море и уже собравшимся в итальянских портах под предлогом сопровождения принцессы Эдинбургской, дано секретное повеление, в случае войны, спешить в океан и действовать в качестве каперов для нанесения возможного вреда английской торговле. В числе этих судов и «Светлана», которой командует великий князь Алексей Александрович; с ним же плавает великий князь Константин Константинович. По этому поводу я был сегодня свидетелем трогательного эпизода: во время обычного нашего совещания Государь приказал графу Адлербергу прочесть полученное им письмо адмирала Лесовского, который просил доложить Государю, что, по мнению адмирала, крайне неудобно посылать в крейсерство царского сына, так как действия этого рода сопряжены с большой опасностью и часто подвергают суда захвату в плен. Возможно ли допустить, — писал старый моряк, — чтобы два великие князя попали в плен к врагам? — Когда письмо это было прочитано, князь Горчаков хотел было поддержать мнение Лесовского, но Государь не дал ему высказаться и обратился к наследнику цесаревичу с вопросом: «Скажи прежде других: как ты смотришь на это?» — Цесаревич, нимало не задумавшись, обычным своим** спокойным тоном ответил, что брату его было бы обидно, если б у него отняли команду над фрегатом при таких обстоятельствах. Государь обнял наследника, расцеловал его и заплакал. «Спасибо тебе, — сказал он, — что ты так судишь; такое же и мое мнение. Я не

* не решился принять на себя решение совершенно отвергнуть эту мысль как непрактичную и сегодня

** равнодушным тоном

*Великий князь
Алексей Александрович*

сомневаюсь, что все мои дети сказали бы то же. Как ни тяжело отцу подвергать сына опасности, но я уверен, что каждый из моих детей исполнит свой долг честным образом и с радостью. Они должны подавать пример**...» и т. д. Государь был так растроган, что несколько времени не мог прочесть отрывки из писем самого великого князя Алексея Александровича, который, описывая неудовлетворительное состояние наших судов, вместе с тем, однако же, выхвалял дух офицеров и матросов и замечал, что больно с таким молодецким экипажем служить на таких плохих судах.

16-го октября. Суббота. — Бурная погода на море замедлила прибытие и яхты «Ливадия» из Константинополя, и срочного (пассажирского) парохода из Одессы; поэтому, вместо вчерашнего дня, получены только сегодня собственноручные письма и султана турецкого, и императора Франца-Иосифа. Английский посол также запоздал, и хотя уже ранее пронесся слух о его приезде, однако ж в самом деле прибыл он в Ялту только вчера и до сих пор не виделся еще с канцлером; говорят, что вещи его, отправленные из Севастополя на пароходе, еще не получены за дурной погодой.

* них с радостью исполнит

** другим

Сегодня мы собрались по обыкновению у Государя, после завтрака, чтобы выслушать полученные известия. По лицу Государя уже можно было догадываться, что известия неудовлетворительные; Государь имел вид расстроенный, как будто после слез, щеки впалые. — И действительно, нечему было радоваться. Письмо султана заключало в себе только обычные фразы учтивости и приязни; в депешах же Игнатьева изображена жалкая картина происходящего в Константинополе. Само правительство как на mine, султан не имеет никакой силы и значения; министры сами признаются, что и рады были бы сделать уступки, да не смеют; они не скрывают отчаянного положения турецкой армии и бедствия страны.

Письмо императора австро-венгерского пропитано иезуитизмом. Так же, как и в первом письме, он предоставляет России действовать одной и вступить в Болгарию, но не считает возможным обещать какое-либо содействие со стороны Австрии, кроме только сохранения нейтралитета, и в этом смысле предлагает заключить секретный договор, причем довольно ясно дает понять, что Австро-Венгрия и без всяких в отношении к нам обязательств воспользуется вступлением нашим в Болгарию, чтобы втихомолку прихватить себе Боснию*.

По прочтении письма императора Франца-Иосифа и комментарий Новикова начались препирания между Государем и канцлером. Последний не видел ничего худого в австрийском ответе и заботился только о том, каким порядком заключить предлагаемую секретную конвенцию, для которой материалы должны быть доставлены от Военного министерства. Государь же находил циничным ответ своего союзника, указывал на изолированное наше положение. Мы принимаем на себя всю ответственность, начиная войну, рискуем поднять против себя целую коалицию и не домогаемся никаких выгод, никаких вознаграждений; Австрия же, ничем не рискуя, свалив на нас всю ответственность, заберет себе Боснию, округлит свои границы и предоставит Англии львиную долю в наследии покровительствуемой ею Турции. — Государь говорил горячо против

* Первоначальный текст после слов «...и в этом смысле предлагает заключить секретный договор»: «Австрия отказывается от всяких обязательств, отрекается от <своей прежней готовности> заявленного прежде желания действовать в союзе с нами в том случае, если целью действий может быть полное распадение Турецкой империи, то есть в том из двух предусмотренных при Рейхштадтском свидании случаев, когда Австрии обещалась пожива на счет покойника. Теперь Австрия и на этот случай не изъявляет согласия, а намекает лишь на то, что она и без всякого в отношении к нам обязательства воспользуется вступлением нашим в Болгарию, чтобы втихомолку прихватить себе Боснию».

увлекающихся симпатиями к братьям славянам, прямо указывая* на императрицу и наследника цесаревича. В заключение сказал, что по важности обстоятельств отлагает дальнейшие суждения и заключения до завтрашнего дня.

В 5-м часу приехали в Ливадию (сухим путем от Севастополя) цесаревна с детьми и великий князь Николай Николаевич. Последний немедленно же по приезде имел длинный разговор с Государем, а после обеда пришел ко мне, и до 11-го часа мы толковали о предстоящей войне. Великий князь, чуждый всяких политических соображений, хотел бы, чтобы немедленно была решена мобилизация войск. С военной точки зрения он совершенно прав: чем позже, тем мобилизация и передвижения войск будут труднее и тем менее останется времени для зимней кампании, которая при всех своих затруднениях выгоднее для нас, чем отсрочка до весны. Притом следует иметь в виду, что с конца ноября начнется усиленная работа железных дорог для перевозки новобранцев. Все это имелось в виду, и пред отъездом Игнатьева была заявлена ему необходимость разрешения вопроса о войне или мире до конца текущего месяца с тем, чтобы, в случае надобности, мобилизация могла быть начата не позже 1-го ноября. С этим сроком он должен сообразовать свои дипломатические переговоры. — Но, к сожалению, ему не удастся в такой короткий срок добиться чего-нибудь положительного; турки вместе с Эллиотом будут тянуть сколько можно доле; если даже решится по-нашему вопрос о перемирии, то сколько еще времени пройдет, пока договор этот приведен будет в исполнение; а конференции? — еще только что начинают переписку о том, удобно ли вести переговоры в Константинополе? даже есть ли надобность в конференции? — День за днем проходит, а суровая зима приближается большими шагами. На горах уже и теперь холод и непогода.

После разговора с великим князем я все-таки успел побывать на вечернем собрании. Чтение вслух романа «Богатыри» кончилось и приступили к чтению отрывков из моей «Истории войны 1799 года». За отсутствием Озерова читает граф Адлерберг.

17-го октября. Воскресенье. — После обедни и завтрака было продолжительное совещание, в котором принял участие (или, лучше сказать, присутствовал) и великий князь Николай Николаевич. Дело шло о том, чтобы определить, наконец, срок, к которому дипломатические переговоры должны быть приведены к ожидаемому неизбежному результату — мобилизации войск; срок этот необходимо

* на сей раз

определить не позже 1 ноября; даже и при этом сроке мобилизация и передвижения войск могут совпасть с призывом новобранцев; поэтому призыв этот решено отсрочить до 1-го декабря. Князь Горчаков прочел длинную записку, выясняющую настоящее положение* дел по отношению к предстоящему нам образу действий. Государь не совсем удовлетворен постановкой вопроса, и опять был жаркий спор между ним и канцлером.

После совещания великий князь Николай Николаевич долго сидел у меня, и мы перебрали множество вопросов, касающихся будущей Дунайской армии.

18-го октября. Понедельник. — Получено печальное известие из Белграда о поражении сербов; Тимоко-Моравская армия сбита со своих позиций; сербы бежали; половина (?) русских добровольцев погибла; Алексинач должен скоро сдаться. Генерал Черняев умоляет о немедленном заключении перемирия; князь Милан также просит *спасти* Сербию.

Между тем в Константинополе продолжают одни проволочки и пустые разговоры; турки торгуются о сроке перемирия; о конференции же и речи нет.

Такое положение дел не может быть долее терпимо. Надобно принять решительный тон. Игнатьеву телеграфировано, чтобы он назначил Порте двухдневный срок для принятия нашего предложения о перемирии на 6 недель и до 2 месяцев, и если Порта не даст в эти два дня удовлетворительного ответа, то прервать дипломатические сношения и выехать из Константинополя¹⁰⁴.

Отрицательный ответ Порты даст нам повод к немедленной мобилизации войск. Целое утро мы совещались с великим князем Николаем Николаевичем о предстоящих военных распоряжениях. Государь дал окончательное приказание о формировании корпусов и назначении начальствующих лиц. Теперь настало время заключить конвенции с Австрией и Румынией. Государственный канцлер прочел нам проект инструкции послу в Вене Новикову.

Князь Горчаков поднял хвост, как петух: он послал в «Правительственный вестник» известие о данном Игнатьеву энергичном приказании. «Теперь будут мной довольны», — говорит он дамам, как будто в том единственно и заключается вопрос: что говорят о Горчакове¹⁰⁵?

Приезжие удивлены спокойствию, царствующему в Ливадии, в противоположность возбужденному состоянию умов в Петербурге, Москве и других местах России.

* восточного вопроса

20-го октября. Среда. — Вчера и сегодня известия из Константинополя в смысле примирительном. Хотя турки еще не дали окончательного ответа на предъявленный им ультиматум, однако ж по всему видно, что они уступят. Сам Эллиот приехал к Игнатьеву и объявил ему, что Порта согласится на требование наше. Несмотря на то, у нас* поддерживается воинственное настроение; великий князь Николай Николаевич, с поддержкой наследника, торопит начать мобилизацию. Государь уже хотел было сегодня же подписать указ о мобилизации, но я доложил, что прежде следует царской фамилии оставить Ливадию; во время мобилизации уже не будет возможности пустить ни один экстренный поезд. Поэтому после моего доклада и панихиды по покойной императрице Александре Федоровне было совещание, в котором решено: выезд из Ливадии — в воскресенье, пребывание в Москве 3 дня, в продолжение этого времени — повеление о мобилизации.

Решение это произвело в ливадском обществе сильное впечатление. Сегодня же приезжала сюда жена моя с сыном, и мы обсуждали вопрос о том, как удобнее будет выбраться семье из Крыма. Решили всех дочерей, кроме одной, отправить с сыном неотлагательно; жена же с Надей останется в Симеисе сколько окажется возможным.

Сегодня Государь принимал прусского посла Швейница; мне еще неизвестно содержание привезенных им заявлений берлинского кабинета. Прием Лофтуса отложен на завтрашний день.

В полночь великий князь уехал отсюда в Петербург. Бóльшая часть назначений на разные должности в Дунайской армии уже решена; Главному штабу дано знать, чтобы представлены были статьи приказа и указы.

21-го октября. Четверг. — Погода разгулялась, выглянуло солнце, и в то же время получено окончательное извещение из Константинополя, что Порта безусловно согласилась на двухмесячное перемирие и что вчера же дано приказание прекратить по всей линии военные действия.

Жаль стало покидать Крым; отъезд отложен до вторника. Побуждением к такому решению послужило замечание, сделанное мною при утреннем нашем совещании, что было бы непоследовательно, если б мобилизация была объявлена вслед за сделанною Портой уступкой нашему требованию и прежде, чем подан турками новый повод к такому распоряжению с нашей стороны, тем более, что послу нашему

* сохраняют решительное и воинственное настроение;

Игнатьеву указан был крайний срок для разрыва дипломатических сношений лишь 1 ноября*.

Сегодня Государь имел вторично длинный разговор со Швейницем, который, по-видимому, не привез из Берлина ничего положительного. Бисмарк продолжает держать себя сфинксом и ограничивается лишь заявлением, что Германия ни в каком случае не будет действовать враждебно против России. Только того бы еще недоставало! Государь и канцлер ожидали другого от берлинского двора. Сегодня же была, наконец, аудиенция лорду Лофтусу; Государь остался очень доволен разговором с ним. Выходя из государственного кабинета, Лофтус дружелюбно со всеми беседовал и сказал мне, что все обойдется мирно, что нечего и думать о войне. Он был приглашен к обеду; сидя возле императрицы, он убеждал ее оставаться дольше в Крыму.

Однако ж Государь уже не поддается на эти** любезности. Как прежде он неизменно стоял за мир, так теперь он уже порешил, что войны не миновать; в мыслях его укоренилось одно решение — скорее мобилизовать и вступить в пределы Турции. При этом уже устраняются все политические соображения: какой же предлог к неотлагательному разрыву? во имя чего вступим мы в Болгарию? — а между тем еще ничего не сделано для заключения конвенций с Австрией и Румынией. — Канцлер ограничился сочинением инструкции Новикову; однако ж я настоял, чтобы генерал Обручев был послан в Вену, хотя бы в качестве частного путешественника, чтобы негласно помочь нашим дипломатам выработать серьезный проект конвенции. Относительно же Румынии князь Горчаков несколько не заботится. Сегодня мы чуть не сцепились с ним по этому делу в присутствии Государя: ему почему-то казалось, что конвенция с Румынией не есть прямое дело Министерства иностранных дел. Насилу мог я добиться, чтобы он, по крайней мере, телеграфировал Игнатьеву об отправлении А. И. Нелидова чрез Одессу в Бухарест и чтобы дана была этому последнему необходимая инструкция относительно политической стороны конвенции. Что же касается специально военных пунктов, которые предполагалось включить

* Первоначальный текст после слов «...отъезд отложен до вторника.»: «Побуждением к этому решению послужило замечание, сделанное мною при утреннем нашем совещании, что было бы непоследовательно, если бы мы немедленно после уступки Порты на требование наше объявили мобилизацию войск, когда Игнатьев не успеет найти никакого предлога для такой неприязненной меры, тем более, что ему был заявлен срок лишь к 1 ноября».

** уступки и

в конвенцию, то я предложил воспользоваться проездом генерала Обручева чрез Одессу, поручив ему по всем означенным пунктам войти в ближайшее обсуждение с генералом Семякой, который и передаст их с необходимыми пояснениями А. И. Нелидову, в проезд его чрез Одессу. Старик горячился, не давая себе труда вникнуть в дело, но кончил тем, что все сделал, что я предложил. Обручев отправится завтра на пароходе в Одессу. — С тем же пароходом едет и Тотлебен.

Известие об отъезде царской фамилии из Ливадии произвело, разумеется, тревогу в Ялте и окрестностях. Все бросились также вон отсюда; «Эреклик» сегодня отправился нагруженный множеством пассажиров.

24-го октября. Воскресенье. — Возвратился из Симеиса, где отдохнул ровно сутки после двух недель постоянных тревожений в Ливадии. Семья моя, не разделяя общей паники, решила остаться в Крыму на все время мобилизации войск, несмотря на то, что в продолжение этого времени пассажирское движение по железной дороге будет прервано. Не полагаясь на полицейскую охрану, послал я в Симеис на всякий случай несколько ружей и револьверов, а генерал Рихтер обещал жене поставить в нашем имени маленький пост.

Пробыв около суток в отсутствии из Ливадии, я уже отстал от современного течения дел; знаю только то, что было получено в пятницу и утром в субботу. Из Константинополя отправлены в Сербию приказания турецким войскам прекратить военные действия; комиссары также едут для определения демаркационной линии между воюющими. Наши полковники Зеленый и Боголюбов примут участие в этом деле. Государь по этому поводу заявил неперменное требование, чтобы турки очистили занятую ими часть сербской территории; из этого вопроса он снова намеревался сделать casus belli и вторично предъявить ultimatum. Однако ж князь Горчаков уговорил не зло-употреблять этим крайним средством, только что испробованным с успехом. В этом случае и я, и граф Адлерберг поддержали канцлера. Действительно, нельзя же чуть не каждый день прибегать к новому ультиматуму, после каждой уступки со стороны турок сейчас же требовать с поднятым кулаком новой уступки.

Вчера Государь показал нам с негодованием телеграмму, полученную от Черняева, который с нахальством спрашивает, может ли он приехать в Ливадию представиться Государю. Ему дан ответ, что не

Б. Вердер

только не разрешается*, но и воспрещается возвращение в Россию. В глазах Государя Черняев поступил и бесчестно, и противозаконно: бесчестно — потому, что обещал генералу Потапову исполнить волю Государя, запретившего ему ехать на театр войны¹⁰⁶; противозаконно — потому, что без разрешения оставил подданство русское и вступил в службу иностранного государства. По русским законам Черняев подлежал бы суду и уголовному наказанию.

В пятницу уехал на пароходе генерал Вердер с письмом Государя к императору Вильгельму¹⁰⁷. Пред самым отъездом он зашел проститься со мной, и в первый раз мне случилось войти с ним в серьезный разговор. Я старался разъяснить ему, в каком именно смысле Государь находит неудовлетворительным то положение, в которое стала Германия в восточном вопросе, и в чем именно заключается ожидаемая ныне от берлинского кабинета услуга. Вердер, между прочим, выразился, что из объяснений своих с князем Горчаковым не мог понять, чего требуют от Германии, тогда как объяснения Государя вполне понятны.

Теперь сущность дела заключается в том, чтобы скорее открыть конференции и по возможности положительнее, категоричнее по-

* приехать в Ливадию, но и воспрещается возвращение в Россию без особого на то разрешения.

ставить вопрос об основаниях, на которых возможно замирение или, лучше сказать, будущее устройство судьбы балканских христиан. От большей части кабинетов уже даны по телеграфу полномочия представителям их в Константинополе; к сожалению, французский посол Bourgoing, действующий обыкновенно в смысле примирительном и честном, счел нужным в эту важную минуту отправиться в Париж за инструкциями. Отсутствие его неминуемо замедлит открытие совещаний.

29-го октября. Пятница. Москва. — Во вторник, 26-го числа, их величества с их высочествами выехали из Ливадии на паровой яхте до Севастополя, а далее по железной дороге. В пути получались телеграммы не совсем приятные. Англия не соглашается выпустить слова *«территориальная»* неприкосновенность Оттоманской империи и заранее заявляет, что не допустит занятия Болгарии какими-либо иностранными войсками. Сама Порта уклоняется от конференций в Константинополе. По моему предложению сочинен был во время пути проект циркуляра от государственного канцлера во все посольства русские при иностранных дворах для объяснения побудительных причин предстоящей мобилизации. Сочиненный бароном Жомини проект переделывался несколько раз. Были суждения о том, в который день отправить этот циркуляр и в который объявить мобилизацию. Государь желал подписать указ в Москве, на другой день по приезде. Я выражал мысль, что распоряжение о мобилизации, хотя и требует указа Сенату, не есть, однако же, акт, подлежащий формальному обнародованию; в большей части случаев бывает даже необходимо мобилизацию производить сколько можно с меньшей оглаской. Притом приступить к самой мобилизации нельзя прежде 1-го ноября. Князь Горчаков, со своей стороны, высказывал, что подписание указа о мобилизации в Москве может быть истолковано в том смысле, что мера эта** принята как бы под давлением московских крикунов¹⁰⁸. Вследствие тех ли, других ли соображений, Государь сегодня объявил, что отлагает подписание указа о мобилизации и всех назначений на должности по действующей армии до возвращения своего в Царское Село, 1-го ноября.

В Москву приехали мы вчера вечером. Уже в дороге нашли снег и санный путь; в Москве — полная зима. Сегодня в полдень во дворце происходил заведенным порядком большой выход. Пред тем было у

* совещания о том

** как бы вырвана московскими крикунами.

Государя обычное совещание; канцлер прочел полученные телеграммы и окончательную редакцию циркуляра. Выход был многолюден. В Георгиевском зале, где стояли представители разных сословий города, Государь остановился и произнес речь, которая вызвала одушевленные крики «ура»¹⁰⁹. Затем была исполнена обычная церемония поклона с Красного крыльца и шествия в Успенский собор и Чудов монастырь.

К обеду во дворец были приглашены городские власти и сановники; вечером царская фамилия и свита наслаждались в театре превосходную русскую труппой.

31-го октября. Воскресенье. — Вчера утром, до смотра, был я с докладом у Государя и представил на подпись его указы о мобилизации войск и приказы о формировании армии, корпусов и о главных назначениях на должности по полевому управлению. Все это было подписано и утверждено с пометкою 1-м числом ноября, в Царском Селе; первым же днем мобилизации назначено 2-е ноября и положено в этот же день разослать циркуляры государственного канцлера.

Смотр войскам Московского гарнизона происходил в полдень на Театральной площади; Государь был весьма доволен всеми частями. После смотра начальники были приглашены во дворец к завтраку, а затем было у Государя обычное совещание. Известия из Лондона и Константинополя становятся с каждым днем все хуже, и надежды на мирное разрешение вопроса уменьшаются.

К обеду во дворце было опять приглашено несколько лиц высшей московской иерархии и дам, а вечером был раут у генерал-губернатора.

При утреннем докладе я прочел Государю письмо, полученное мною вчера от князя Черкасского, который выражает желание при нынешних чрезвычайных обстоятельствах посвятить свои труды и способности на пользу общего дела, какую бы ни было деятельностью на театре войны¹¹⁰. Государь принял это заявление с особенным радушием и, несмотря на все интриги, которыми в былое время умели восстановить его против князя Черкасского, выразил сожаление, что он так долго остается вне служебной деятельности. Государь вполне ценит блестящие способности князя Черкасского и вспоминает услуги, принесенные им в польском деле при покойном моем брате Николае. Так как Государь говорил пред тем о необходимости приискания лица, которое могло бы облегчить заботы главнокомандующего по гражданским делам в занятом крае, также о том, как желательно установить формальную, официальную связь

Князь В. А. Черкасский

между правительством и разными славянскими* комитетами, то я воспользовался случаем, чтоб указать на князя Черкасского, как на человека наиболее способного именно к подобной деятельности. Вечером, на рауте Государь, увидев князя Черкасского, довольно долго беседовал с ним, представив его императрице, и тогда я уже мог прямо войти в соглашение с ним о приведении в исполнение возникшей мысли. Князь Черкасский был видимо обрадован такому предложению и обещал привезти в Петербург записку об учреждении при главнокомандующем особой должности заведывающего гражданскими делами.

Сегодня утром зашел я к Государю и доложил о вчерашнем объяснении моем с князем Черкасским. Государь вполне одобрил мое предположение. После обедни был прием депутаций с адресами: одной — от московского дворянства, другой — от города. Адресы эти, без сомнения, поднимут страшный переполох в Европе. Уже и теперь во всех столицах произвела громовое впечатление речь, произнесенная Государем в пятницу в Кремлевском дворце. Наверное скажут, что теперь Россия сбрасывает с себя маску миролюбия, что она-то и будет виновницей общей европейской войны.

* и болгарскими

В час пополудни был обычный развод в Манеже (по-московски — «экзерциргаузе»).

В 3 часа принимал я представителей от Славянского комитета: во главе делегации был И. С. Аксаков, депутатами — купцы Третьяков и Морозов¹¹¹. С ними приехал и генерал-майор Столетов, на которого возлагается формирование болгарского ополчения. Беседа наша продолжалась более часа; мы условились о плане действий по болгарскому вооружению. Вслед затем я должен был принять Ростислава Фадеева, который письмом просил свидания. Встреча с этим человеком, злобно ратававшим несколько лет против меня лично и против Военного министерства в газетах, брошюрах, на разных сходках и пирах, не могла быть для меня приятна. Всегда имел я невысокое понятие о нравственных свойствах этого болтуна и интригана; однако же не ожидал, чтобы он мог с таким цинизмом отречься от всего прошедшего. Начал он с того, что объявил о совершенном изменении своего образа мыслей относительно нашей теперешней системы военной администрации и организации войск; затем перешел к болгарским делам и с хвастовством уверял, что ему на роду написано сделаться известным и влиятельным во всем славянском мире «от Чехии до Салоник». Речь эта клонила к тому, чтоб определить его снова на службу и употребить или для формирования болгарского ополчения, или для поддержания войны в Черногории. Хвастливые эти выходы были в особенности потешны после только что слышанной мною, за несколько минут пред тем, убедительной просьбы представителей Славянского комитета не допускать участия Фадеева в делах Болгарии и славян вообще.

Сегодня обед назначен в дорожной форме; прямо с обеда едем на станцию железной дороги и завтра в первом часу дня будем в Петербурге.

7-го ноября. Воскресенье. Петербург. — Прошла целая неделя с приезда сюда, и во все это время не нашлось ни одной свободной минуты, чтобы заглянуть в дневник. Множество дел, накопившихся в мое отсутствие, тысячи вопросов, требовавших разрешения по поводу мобилизации войск и военных приготовлений, в то же время поездки в Царское Село, большой смотр войскам на Царицыном лугу, а вчера и сегодня церемонии и обеды в Царском Селе (по случаю гусарского праздника, присяги великого князя Николая Николаевича младшего и крестин новорожденного великого князя Кирилла Владимировича) наполняли и даже переполняли все дни. 1-го числа* объявлены в при-

* подписаны указы о мобилизации и в тот же день

казе назначения главных лиц в полевом управлении *Южной* армии; 2-го числа — началась мобилизация*, и в тот же день опубликован циркуляр государственного канцлера, объясняющий причины мобилизации¹¹². В первые же два-три дня почти повсеместно все люди запаса собраны и переданы в распоряжение военного начальства для отправления по железным дорогам; в то же время выставлены лошади, во многих местностях добровольно; по железным дорогам исполнено общее распределение подвижного состава, с прекращением при этом товарного движения. Хотя этот первый опыт мобилизации со времени последних реформ в нашей армии начался при условиях наименее благоприятных (зимой), однако ж слышатся отовсюду одобрительные отзывы. Авось либо теперь наглядно, на деле убедятся в том, что Военное министерство знало, что делало; авось рассеются предубеждения и сомнения насчет произведенных реформ. Слышу, что даже прежние противники мои уже изменили свои мнения и начинают сознавать громадный успех, сделанный в устройстве нашей армии и готовности ее к войне. Заметно, что настоящий ход распоряжений по военной части имел влияние и на Государя, которого обращение со мной значительно изменилось к лучшему. В Европе, по-видимому, поняли, что Россия не шутит и серьезно готова на решительный образ действий. Слова Государя в Москве и циркуляр государственного канцлера о мобилизации армии произвели благоприятное впечатление**. Вчера генерал Вердер возвратился из Берлина с ответными письмами от императора Вильгельма и Бисмарка, вполне успокоительными и дружественными; Австрия и Турция изъявили, наконец, согласие на открытие конференций; наш государственный канцлер опять питает надежды на сближение с Англией... А между тем в Вене дело о конвенции с Австрией туго подвигается; с Румынией переговоры, как кажется, до сих пор и не начинались; в английских арсеналах и адмиралтействе работа кипит...

Сегодня в Царском Селе, после церемонии крестин, происходило, по высочайшему повелению, совещание у князя Горчакова по поводу записки, составленной князем Черкасским об устройстве гражданской части при полевом управлении армии. Участвовали, кроме самого канцлера, великий князь Николай Николаевич, его начальник штаба генерал Непокойчицкий, министры внутренних дел и финансов, князь Урусов, князь Черкасский и я. Не обошлось

* и поставка лошадей

** Везде выражается убеждение в том, что восточный вопрос должен разрешиться мирным путем.

без раздражительных прений, особенно между князем Горчаковым и мной. Тут выказалось уже начало интриг против Черкасского: Тимашеву не по нутру это назначение; он не может переварить, что Черкасский опять всплывает наружу, что он имел на днях продолжительную аудиенцию у Государя, причем совершилась полная мировая. Вчера уже я заметил из нескольких слов князя Горчакова, а потом из разговора с Тимашевым, что против Черкасского готовится заговор. Однако ж я убежден, что эти интриги не удадутся; прошли уже времена шуваловские. Личность князя Черкасского является ныне очень кстати: если нашим войскам суждено вступить в славянские земли за Дунаем, то одно присутствие Черкасского при армии придаст движению ее тот именно характер, то значение, которые оправдывают в глазах Европы наше вооруженное вмешательство в турецкие дела. Вот чего не понимают, или не хотят понять, князь Горчаков, Тимашев и компания.

13-го ноября. Суббота. — Неделя прошла без замечательных эпизодов. В дипломатии — какой-то антракт, выжидательное положение. В Константинополе ожидают приезда второго английского уполномоченного лорда Салисбюри и обоих французских: Bourgoing и Chotardy; турки окончательно согласились на конференцию; в Англии общественное мнение приняло мирный оттенок. Салисбюри, в проезд свой чрез Париж и Берлин, в беседах с Деказом и Бисмарком выказал настроение спокойное и благонамеренное. В ожидании открытия конференций Игнатъев приготовил программу требуемых Россией реформ в христианских областях Турции. Наш престарелый канцлер — опять в иллюзиях, опять надежды на мирный исход. Отъезд великого князя Николая Николаевича несколько отсрочен. Однако ж приготовления по военной части продолжают с прежней деятельностью. Батареи в Одессе, Севастополе, Очакове окончательно вооружены, укладываются мины. Приведение войск на военное положение исполнено совершенно успешно, несмотря на время года и жалкое состояние железных дорог. Нераспорядительность ведомства путей сообщения проявилась на опыте: пришлось приостановить *все* военное движение на 3 дня, чтобы дать время окончить перемещение подвижных средств с одной дороги на другую. Чрез это сосредоточение войск к театру войны, конечно, замедлится, но, к счастью нашему, первый опыт мобилизации производится при таких обстоятельствах, что подобное замедление еще не большая беда. Мы воспользуемся этим уроком для усовершенство-

* Тимашеву не удастся помешать нам

вания системы мобилизации на будущие, более серьезные случаи. Авось к тому времени укротится теперешний антагонизм между военным ведомством (или, точнее говоря, генералом Анненковым) и Министерством путей сообщения.

В пятницу в Царском Селе было опять совещание по вопросу об устройстве гражданской части при действующей армии за Дунаем. На сей раз оно было уже под председательством самого Государя; присутствовали великие князья, наследник цесаревич и Владимир Александрович. Цель совещания, очевидно, состояла в том, чтобы рассеять личные предубеждения против князя Черкасского со стороны государственного канцлера и Тимашева. Достиг ли Государь своей цели — не знаю; по крайней мере, на вид оба противника Черкасского и сочувствующий им Мезенцов (заведующий III отделением) вышли из заседания как будто успокоенные*. Но прекратится ли в действительности скрытая интрига?

На этой неделе я был на двух обедах в честь князя Черкасского: во вторник — у Ал[ександра] Агг[еевича] Абазы, а в пятницу — у Конст[антина] Карл[овича] Грота.

Вчера только узнал, что еще в сентябре месяце президент Французской республики удостоил меня ордена Почетного легиона (Grand-croix)**.

15-го ноября. Понедельник. — Вчера опять ездил в Царское Село по случаю дня рождения цесаревны. Пока шла обедня, мы с Грейгом пошли в мою комнату и беседовали о современной политике. Грейг не понимает, из-за чего может быть война и как вести ее зимой. Он поклонник Англии; убежден, что она вовсе не имеет враждебных против нас намерений, лишь бы не шли мы на Константинополь.

Заем (внутренний) в 100 миллионов, как говорят, не дал блестящих результатов. Финансисты наши даже сомневаются в том, покрыт ли он сполна. А между тем 100 миллионов ничтожная цифра, если в виду большая война.

Вчера, в воскресенье, вечером собрались у меня несколько приятелей, обычным порядком.

Сегодня, после приема в канцелярии министерства, отдал я визит австрийскому послу барону Лангенау. Обыкновенно он смотрит

* Первоначальный текст после слов «...со стороны государственного канцлера и Тимашева»: «Государю это удалось вполне. Оба эти противника Черкасского, не смотря на подмогу Мезенцова (заведующего III отделением), вышли из заседания с видом успокоенным».

** «Большой крест» (фр.).

как-то мрачно, недружелюбно; теперь же, напротив того, сделался очень любезен; беседа наша продолжалась добрых полчаса; австрийский посол верит в мирный исход восточного вопроса, рассыпается в похвалах нашему Государю и уверяет, что Англия вовсе не имеет желания* ссориться с нами. По словам его, на речи и действия Биконсфильда (Дизраэли) не стоит обращать внимания: он романист, а не государственный человек; наделавшая недавно столько шума речь его в парламенте — ничего больше, как болтовня легкомысленного человека после обильной обеденной выпивки... и т. п. — Вообще теперь преобладает и в дипломатии, и в обществе надежда на соглашение**. Возлагают большие упования на благоразумие и спокойствие лорда Салисбюри. Увидим.

16-го ноября. Вторник. — Сегодня в Царском Селе после моего доклада было опять у Государя совещание. Кроме великих князей, были приглашены: государственный канцлер, министр финансов, граф Адлерберг, генерал-адъютант Непокойчицкий, князь Черкасский, белградский консул Карцов и я. Главным предметом суждений были привезенные Карцовым и бывшим сербским министром Мариновичем известия о настоящем положении Сербии. Маринович привез письмо князя Милана к Государю и данную князем собственноручную инструкцию Мариновичу. Из обоих этих документов видно, что Сербия находится в отчаянном положении; князь Милан раскаивается в том, что ослушался благих советов русского императора, и прямо заявляет, что без сильной помощи России Сербия не в состоянии продолжать войну и вынуждена будет*** подчиниться всем турецким требованиям. Князь Милан выражает готовность свою вступить лично в ряды русских войск. — После довольно разнообразных рассуждений решено было: 1) помочь Сербии деньгами и послать туда лицо для организации сербских военных сил; 2) помочь Черногории доставкой патронов и 3) ускорить по возможности ход переговоров как в Константинополе, так и в Вене и Бухаресте.

Относительно конвенции с Румынией я получил вчера любопытные сведения от полковника Золотарева, который только что возвратился из Бухареста. Из разговоров его с Братиано видно, что первый министр румынский заметно изменил свои взгляды со времени посещения Ливадии; он уклоняется от всяких положительных заявлений относительно заключения конвенции и как будто боится

* затевать с нами войну.

** между константинопольскими уполномоченными.

*** во что бы ни стало заключить мир.

компрометировать и себя, и Румынию преждевременную сделкою с Россией.

19-го ноября. Пятница. — Дипломатические известия продолжают быть успокоительными, хотя в самом Константинополе господствует настроение воинственное и самонадеянное. В последние дни у нас главным предметом забот были разные вопросы, относящиеся к устройству полевого управления действующей армии. Сегодня же главнокомандующий с многочисленной своей свитой отправился в экстренном поезде по Николаевской железной дороге. Проводы были торжественные и одушевленные: на улицах толпы народа кричали «ура»; на воксале — другая толпа генералов и офицеров, во главе их наследник цесаревич и другие великие князья. От войск гвардии и армии поднесены главнокомандующему иконы. Возгласы «ура» умолкли только тогда, когда поезд ушел со станции.

Из Вильны вызван генерал-лейтенант Никитин, начальник штаба округа. Я указал на него, как на человека наиболее способного для предположенного отправления в Сербию, чтобы помочь тамошнему правительству в устройстве вооруженной силы. Он едва застал великого князя пред самым отъездом его. Надеюсь, что Никитин хорошо исполнит крайне трудное поручение. Одно из главных затруднений встретит он в личности Черняева — самолюбивого до смешного. Трудно объяснить, почему и Государь, и великий князь Николай Николаевич щадят и балуют человека, который во всякой другой стране был бы осужден заочно на вечное изгнание.

20-го ноября. Суббота. — Сегодня в последний раз ездил я с докладом в Царское Село. Завтра царская фамилия переселяется в Зимний дворец. — При докладе, когда речь коснулась настоящего хода мобилизации войск, Государь сказал мне, что его истинно радует, что дело это идет так хорошо и что в настоящем случае выказалось на деле, сколько сделано для благоустройства армии. «Даже противники твои, — прибавил он, — теперь вынуждены отдать справедливость тому, что тобою сделано». Государь протянул мне руку и сердечно обнял меня.

Государь недоволен ходом дипломатических дел. Несмотря на успокоительные сведения о свиданиях лорда Салисбюри с министрами в Берлине, Вене и, наконец, в Риме, в Константинополе продолжают по-прежнему проделки Эллиота. Благодаря его внушениям решено провозгласить в Турецкой империи комическую конституцию, в которую никто не верит, начиная с султана и самого Эллиота. В Афи-

* обнял меня с видимым смущением.

нах перемена министерства; в Бухаресте можно опасаться того же, а в случае удаления Братиано, встретится затруднение в заключении конвенции. Румынское правительство торгуется, желая выговорить себе политические гарантии, что, впрочем, весьма естественно.

Но всего хуже известия из Белграда; оставшиеся там русские добровольцы бесчинствуют и срамят русское имя. Государь торопит отъезд генерала Никитина. Но трудно вести дела, когда главное лицо — государственный канцлер* — ничего знать не хочет, кроме редактирования дипломатических депеш и телеграмм. Главная забота его — вписывать эти депеши и телеграммы, даже самые ничтожные по содержанию, в заведенную им книгу, получившую прозвище горчаковского «альбома». Все, что вне этой редакторской работы, государственный канцлер считает посторонним для него делом. Сегодня он даже уклонился от сношения с сербским правительством относительно командировки генерала Никитина. Министерство иностранных дел не принимает никакой инициативы и ограничивается ответами на запросы послов. К сожалению, и в этом не всегда удачно.

23-го ноября. Вторник. — В прошлое воскресенье, между парадом лейб-гвардии Семеновского полка и обедом в Зимнем дворце по случаю полкового праздника было у меня совещание по предмету сербских дел и командирования туда генерал-лейтенанта Никитина. В совещании участвовали Гирс, князь Черкасский, консул Карцов, князь Васильчиков (председатель петербургского отдела Славянского комитета), граф Гейден и генерал Никитин. Пришлось обсуждать и разрешать такие вопросы, которые прямо подлежали бы Министерству иностранных дел; но оно как будто в стороне. Вчера же оказалось, что оно даже не сочло нужным позаботиться об отпуске из Министерства финансов предположенной субсидии сербам в 1 миллион рублей; пришлось мне же взять на себя инициативу в этом деле: я написал министру финансов, который сегодня уже уведомил меня об испрошенном им высочайшем разрешении на отпуск этого пособия.

Сегодня, после доклада моего, было у Государя совещание по дипломатическим делам. Речь шла о переговорах, которые ведутся Новиковым в Вене и Нелидовым в Бухаресте относительно секретных конвенций с Австрией и Румынией. В этих переговорах Австрия выказывает рельефно всегдашнюю свою политику: никаких обязательств принимать на себя не хочет, а желает получать выгоды чужи-

* отталкивает от себя все, кроме редактирования дипломатических депеш и телеграмм.

ми руками. Румынские же министры боятся себя компрометировать и виляют, тем более, что само министерство чувствует непрочность своего положения; а Нелидов, в свою очередь, избегает затрагивать сущность дела, находя, что прежде объявления войны будто бы нельзя сговариваться о том, какое содействие русская армия может найти в чужой стране по переходе чрез границу. — По всему видно, что нам не удастся заключить конвенции ни с Австрией, ни с Румынией в том смысле, как мы с Обручевым проектировали в Ливадии. Видя, как наши дипломаты нетверды, как они боязливы и осторожны, я не настаивал на заявленных требованиях по военной части, а просил только об одном — скорее что-нибудь заключить, хотя бы весьма недостаточное, но лишь бы не очутиться вовсе без всяких соглашений с обоими соседями в момент начатия военных действий. Князь Горчаков прочел проектированные им инструкции Новикову (которые, впрочем, редактированы искусно) и снова выражал уверенность свою в благоприятном исходе конференций. Эта вера в мирный результат одна может объяснить медлительность наших дипломатов. Они как будто и позабыли о наших приготовлениях к войне, поглотивших уже многие десятки миллионов рублей.

Сегодня мой доклад и совещание кончились так поздно, что я счел себя вправе освободиться от заседания Комитета министров. Впрочем, дела теперь так много, а времени так мало, что с самого приезда своего в Петербург я ни разу еще не показывался ни в Государственном совете, ни в комитетах.

Пред обедом были у меня консул наш в Рагузе Ионин и князь Черкасский. Толковали о Черногории и средствах оказания ей помощи. — Обедал я у их величеств.

27-го ноября. Суббота. — В последние три дня получены из Константинополя и Лондона успокоительные телеграммы: лорд Салисбюри и генерал Игнатъев с первого свидания остались очень довольны друг другом; после того каждый день они имеют совещания между собой по нескольку часов. Игнатъев дает надежды на соглашение, хотя до сих пор британский уполномоченный упорно противится предположению об «оккупации» Болгарии русскими войсками. Он предлагает, в виде «гарантии исполнения», комбинации странные, невозможные, ребяческие: например, назначение для управления и устройства Болгарии голландца, бельгийца или швейцарца с полицейской стражей от которого-либо из тех же государств! — Конечно, на таком предположении нельзя остановиться: или англичане должны сдаться и отступить от своего упрямого предубеждения против занятия Болгарии русскими, или кончится все-таки войной. А между

тем время уходит. Срок перемирия истекает. Известия о положении дела в Сербии самые печальные; особенно прискорбно поведение наших добровольцев; газеты и письма наполнены рассказами о разных скандалах и разоблачениях насчет образа действий и жизни самого Черняева. Этот недавний герой, идол — скоро будет втоптан в грязь. Даже многие из прежних клеветов его — теперь глумятся над ним и его шайкой.

Консул наш в Рагузе Ионин привез также печальные сведения о положении черногорцев, у которых нет ни хлеба, ни одеяния, ни патронов. Решено отпустить 1 миллион рублей на покупку хлеба и патронов.

С Румынией конвенция заключена, и Нелидов везет ее сюда, для утверждения¹¹³. При этом, однако же, румыны также выпрашивают себе помощь деньгами и ружьями. С Австрией же переговоры идут туго; Андраши заявляет домогательства непозволительные, так что, несмотря на полученную вчера Государем любезную телеграмму от императора Франца-Иосифа, наш канцлер сегодня уже выражался в том смысле, что лучше прервать все переговоры и обойтись без всякой с Австрией конвенции. — Неужели наши дипломаты рассчитывали на искреннее и бескорыстное дружество к нам Австро-Венгрии? Могли ли они сомневаться в том, что венский кабинет и на сей раз, так же как во все прежние времена, позаботится только о своих собственных выгодах и постарается приобрести для себя сколько можно более чужими руками. На долю России она предоставляет тяжелую войну, затрату сотен миллионов рублей, а на свою — захват всей Боснии и Герцеговины**.

Вчера в Лондоне было замечательное собрание, под председательством лорда Вестминстерского, в смысле антитурецком. Судя по телеграммам, собрание это выразило полное осуждение политики графа Биконсфильда и требование, чтобы великобританское правительство действовало в согласии с Россией¹¹⁴. В тот же день наш курс поднялся значительно на бирже.

Вчера же мы торжествовали обычным порядком праздник ордена Св. Георгия. Утром выход, молебствие, потом обед для нижних чинов, а затем обед в Николаевском зале. Число кавалеров уменьшается

* жалком

** *Первоначальный текст после слов «...и постарается приобрести для себя сколько можно более чужими руками.»: «На долю России она предоставляет тяжелую войну, растрату сотен миллионов рублей, а себе предоставляет захватить всю Боснию и добрую часть Герцеговины; а затем уже по своему усмотрению оказать милость Черногории и Сербии, насколько они заслужат».*

с каждым годом; из нижних чинов почти исключительно сохранились кавалеры в Корпусе жандармов и в городской полиции.

Сегодня, после моего доклада, приглашены были в кабинет Государя князь Горчаков, Рейтерн и граф Адлерберг. Читали последние телеграммы, уклонились от обсуждения просьб Румынии и решили послать к Новикову письмо русского канцлера, не совсем любезное в отношении австро-венгерского канцлера.

29-го ноября. Понедельник. — Во время обычного моего (по понедельникам) приема в канцелярии Военного министерства получил от Государя приказание быть во дворце в 1-м часу на совещании с государственным канцлером в присутствии наследника цесаревича и графа Адлерберга. Получены телеграммы из Константинополя и Лондона в том смысле, что между Игнатьевым и лордом Салисбюри почти достигнуто соглашение относительно программы желаемой автономии не только для Болгарии, но также для Боснии и Герцеговины. Остается все-таки разномыслие относительно средств для выполнения этой программы: англичане настаивают на своей нелепой идее о сформировании вооруженной стражи в числе 3 тысяч человек из голландцев, бельгийцев и швейцарцев. Князь Горчаков и Игнатьев, как кажется, склонны к уступке и на этом пункте. Но по всем вероятностям, если бы даже мы и показали вид согласия на чудовищную комбинацию, самый опыт исполнения укажет на деле несообразность ее, и тогда, может быть, конференция сама вынуждена будет обратиться к более серьезным мерам, ныне упорно отвергаемым. В одной из телеграмм Игнатьева упоминается о воинственном настроении турок, которые будто бы сами готовы объявить нам войну. По этому поводу Государь напомнил о прежней, заключенной между тремя императорами секретной конвенции¹¹⁵, на основании которой в случае нападения на которого-либо из них прочие двое должны прийти на помощь. Канцлер возразил, что в настоящем случае не стоит прибегать к помощи союзников, что Россия довольно сильна, чтобы одной справиться с турками; притом князь Горчаков выразил полнейшее сомнение в практическом значении этой конвенции. Возражения эти видимо не понравились Государю, который придает конвенции какую-то особенную важность. В первый раз, когда он объявил мне, под величайшим секретом, о существовании этой конвенции, я также выразил сомнение в практической ее применимости, указав именно на ту же слабую сторону, которую сегодня выставил и канцлер, — именно на то, что в конституционных государствах секретное обязательство, данное лично монархом, может остаться мертвой буквой.

Сегодня был у меня Маринович, уполномоченный от князя сербского; не знаю, почему он до сих пор не был у меня. Мы беседовали довольно долго и откровенно о настоящем положении дел. Мне казалось, что он сам мало надеется на успешный для Сербии исход борьбы; он видимо разочарован и упал духом.

Заезжал я к бухарскому посольству «отдать визит»; и сыновья эмира, и посол рассыпались в учтивостях и выражениях благодарности.

После продолжительного перерыва всяких сношений с южным берегом Крыма, наконец, получил сегодня телеграмму от жены, которая извещает, что должна еще повременить выездом своим из Крыма. Только чрез несколько дней восстановится правильное движение по железной дороге.

2-го декабря. Четверг. — Во вторник происходил во дворце парадный обед для андреевских кавалеров. Оказалось налицо в Петербурге 16 кавалеров, из коих наполовину — больные.

В среду провел утро в учебных заведениях на Выборгской стороне, а потом — в заседании Военного совета.

Сегодня, после своего доклада, присутствовал при докладе князя Горчакова, а потом заехал к нему, чтобы прочесть некоторые вновь полученные бумаги, преимущественно из Вены. Переговоры Новикова с Андраши о конвенции приняли весьма раздражительный характер; Андраши ставит условия невозможные; и канцлер, и сам Государь уже приходят к тому заключению, что лучше совсем прервать эти переговоры и учтывим образом выразить австрийцам, что мы обойдемся и без* всякой конвенции. Такое решение может быть несколько рискованно, ибо, в случае вступления нашей армии в Турцию без предварительного соглашения с Австрией, будем всегда в тревожном ожидании какой-нибудь с ее стороны** злостной проделки. На охрану со стороны Германии — также плохая надежда.

Все толкуют о мирном обороте дел; почти уверены, что войны не будет¹⁶. Что касается до меня, то я вовсе не обольщаюсь сговорчивостью лорда Салисбюри и первыми удовлетворительными результатами предварительных совещаний в Константинополе. Если даже и сойдутся в программе местной автономии, несмотря на оппозицию Австрии, то еще впереди два камня преткновения: во-первых, поддается ли сама Порта решению Европы и, во-вторых, какие постановятся меры для приведения в исполнение решения конференции, с

* секретной с ними конвенции.

** мерзкой проделки.

согласия ли Порты или даже вопреки ее воле. На этом-то и произойдет *fiasco*. Можно ли в самом деле серьезно верить, что Болгария будет организована и устроена каким-нибудь бельгийским или швейцарским генералом с 3 тысячами вооруженной стражи из бельгийцев и других!? Неужели лорд Салисбюри и все его коллеги верят сами успешному результату такой нелепой комбинации?

Вечером был первый парадный прием у германского посла генерала Швейница; съезд был большой. Все почти, с кем только ни случилось мне обменяться несколькими словами, неизменно начинали разговор с вопроса, что думаю я о войне или мире, и затем восхваляли успешный ход мобилизации армии. Как будто все дивятся чему-то неожиданному. Многие откровенно и простодушно замечают: да как же говорили, будто все так дурно у нас по военной части? — а теперь оказывается напротив того — что все в порядке и готовности!? — Некоторые добродушно подходят ко мне с поздравлениями.

6-го декабря. Понедельник. — Всякий день продолжают у Государя совещания по политическим делам. В Константинополе Игнатъев ведет дело удачно; во всех главных пунктах программы достигнуто соглашение, несмотря на противодействие со стороны Австрии и безучастие германского уполномоченного. Отношения наши к Австрии сделались очень натянутыми; Государь недоволен и Германией, которая не оказывает того давления на Австрию, которое было обещано. Сегодня, после поздравлений в Аничковском дворце (Николин день), сошлись мы опять на совещание у Государя; на этот раз участвовал и великий князь Константин Николаевич. Государь был не в духе; несмотря на последние успокоительные телеграммы Игнатъева, он потерял надежду на мирный исход дела, так как уже усвоил себе мысль, что без занятия Болгарии русскими войсками не может быть удовлетворительного решения вопроса. Все другие предлагаемые на конференциях комбинации представляются Государю не только вздорными фантазиями, но даже посягательством на честь и достоинство России. Князь Горчаков старается удерживать Государя от слишком поспешных решений в воинственном смысле, но возражения канцлера только раздражают Государя. Сегодня коснулись вопроса о продлении перемирия, которое истекает чрез две недели; а между тем в Сербии ничего еще не сделано для устройства ее обороны. Генеральный консул в Белграде Карцов, только что возвратившийся туда, телеграфирует, что нашел там полное расстройство; возмущен обращением сербского правительства с нашими добровольцами. Со своей стороны Игнатъев в одной из вчерашних телеграмм своих убеждает не ставить

вопроса о занятии Болгарии русскими войсками как *conditio sine qua non**; он предостерегает от больших трудностей и риска зимней кампании.

Присутствие великого князя Константина Николаевича в нынешнем совещании объясняется тем, что в числе обсуждавшихся предметов был вопрос о заказе в Америке судов для крейсерства под русским флагом в случае войны с Англией. На днях в особом совещании у генерал-адмирала обсуждался вообще вопрос о каперстве и о крейсерстве: каперство было положительно отвергнуто, но крейсерство признано полезным; мысль о постройке для этого судов в Америке — одобрена. Вследствие этого решения и ведется теперь переписка с нашим посланником в Вашингтоне о заказе судов; но канцлер не сочувствует этому предположению и полагает, что североамериканское правительство не решится дать свое согласие на снаряжение русских крейсеров в портах Союза.

В 11 часов вечера меня потребовали во дворец; к тому же времени приглашены были наследник цесаревич и князь Горчаков. Обсуждали последнюю телеграмму Игнатъева и решили послать ему в ту же ночь, по телеграфу, полное одобрение его плана действий, т. е. согласие России на предположение всех других держав — потребовать от Порты безусловного введения в трех христианских областях постановленной конференцией административной автономии под руководством европейской комиссии и под охраной смешанной, общеевропейской же стражи («жандармерии»); но с предварительным заявлением, что, в случае отказа Порты, Россия прекращает всякие дальнейшие сношения и предоставляет себе принудить Турцию подчиниться общему решению Европы.

Таким образом, дело приняло именно тот оборот, который я находил** наименее невыгодным для нас; опасение преждевременного крутого решения со стороны Государя устранено. Однако ж я счел нужным напомнить о положении Сербии, которая в случае отказа Порты и разрыва между нею и Россией могла бы сделаться первой жертвой, ранее чем наши войска успели бы прийти к ней на помощь. Предложение о продолжении перемирия возможно сделать только теперь, прежде чем предъявлен Порте ультиматум европейской конференции. Если ж упустим текущую неделю, то позже не будет уже возможно предохранить бедную Сербию от погрома. — Мнение мое было принято, и тут же князь Горчаков набросал проект телеграм-

* непереносимое условие (*лат.*)

** самым выгодным для нас;

мы к Игнатъеву о том, чтобы он не упустил из виду настоящего беспомощного положения Сербии.

Ночное наше совещание кончилось не ранее 12 1/2 часов; вопрос был так важен, что отвлек внимание Государя от случившегося сегодня же утром происшествия в самом Петербурге. По окончании обеда, при выходе народа из Казанского собора толпа каких-то молодых людей и женщин вздумала произвести* бессмысленную демонстрацию; один из молодых людей, подняв красный флаг, начал произносить речь, другие раздавали какие-то прокламации; полицейские не в состоянии были справиться; их побили; но тогда народ бросился на безумных нарушителей порядка и помог полиции арестовать нескольких из них¹¹⁷. При первых допросах многие назвали себя студентами Медико-хирургической академии; но чего они хотели, во имя чего затеяли этот фарс — еще ничего неизвестно. Можно предполагать, что эти** безумцы — не иное что, как орудия закулисных агитаторов, может быть, даже скрывающихся далеко за границей. Завтра узнаю что-нибудь обстоятельнее. Сегодня, по крайней мере, Государь не очень встревожен этой уличной проделкой и говорил о ней довольно спокойно.

11-го декабря. Суббота. — Предварительные совещания в Константинополе сверх всякого ожидания привели к единогласному заключению; надобно отдать справедливость ловкости Игнатъева, а вместе с тем спокойствию и уступчивости Государя, который отступился даже от требования военного занятия Болгарии, лишь бы достигнуть единогласия в предварительных совещаниях¹¹⁸. Политическое*** действие России, очевидно, получит твердую почву, когда не она в одиночестве, но со всей Европой в совокупности предъявит Порте требования относительно христианских областей. Однако ж и при этом внушительном единогласии все-таки есть повод сомневаться в том, что Порта подчинится приговору Европы. — Вчера, за обедом во дворце, Государь был озабочен последними телеграммами из Константинополя и Лондона. Турецкие министры в частном свидании с лордом Салисбюри и Шотарди с первого раза объявили, что Порта не может принять постановленных шестью державами требований. Первое же официальное предъявление этих требований Порте должно быть только сегодня. В предвидении отказа со стороны Порты, естественно является вопрос: что же будут делать

* шутовскую демонстрацию;

** несчастные

*** положение

державы, постановившие свое решение? — Россия заранее объявила, что в таком случае русский посол выедет из Константинополя и затем Россия предоставляет себе принять решительные меры; но последуют ли ее примеру другие? Из Лондона телеграфируют, что Биконсфильд заявляет неудовольствие свое на действия лорда Салисбюри, что Англия, даже и в случае отказа Порты, не может покинуть ее. Берлинскому и венскому кабинетам сделаны запросы: как они намерены поступить?

Сегодня, после моего доклада, было у Государя обычное совещание. Поставлен был вопрос: должны ли мы в случае отказа Порты начать войну неотлагательно, или же, ввиду необходимости продлить перемирие для спасения Сербии от неминуемого разгрома, протянуть дело до весны? — В первый раз так прямо ставился вопрос и, мало того, Государь сам положительно высказался в пользу отсрочки; он настойчиво доказывал невозможность зимней кампании при том обороте, который приняли дела. Я был изумлен таким, совершенно новым, настроением Государя. До сих пор* замечалось в нем нетерпеливое желание скорее взяться за оружие; приходилось мне вместе с князем Горчаковым умерять его нетерпение и предостерегать от слишком быстрого решения, под влиянием какого-нибудь случайного впечатления**.

На образ мыслей Государя, быть может, повлияло известие, полученное из Кишинева, о болезни великого князя Николая Николаевича. С ним случился такой же точно болезненный припадок, какому подвергся он во время пребывания в Варшаве в прошлом августе месяце. Вчерашние телеграммы очень встревожили Государя, и хотя сегодня утром известия несколько успокоительнее, однако ж Государь пожелал, чтобы доктор Боткин немедленно отправился в Кишинев.

Сегодня были также суждения о том, как поступить в отношении Черняева. Государь уже готов был, позабыв все его проделки, снова определить его в русскую службу и поручить ему командование в действующей армии. Однако ж вследствие возражений князя Горчакова предположение это было оставлено, и положено ограничиться разрешением Черняеву водвориться с семейством в Одессе. Попу-

* постоянно он показывал нетерпеливое желание

** Теперь же, наоборот, пришлось мне выставлять невыгоды выжидания весны, хотя и сам видел невозможность начатия зимней кампании; время было пропущено, и если ожидать еще, чтобы Сербия оправилась и восстановила свои силы, то уже наступит такое время года, когда вовсе немисливо предпринимать военные действия.

лярность его* улетучилась; в Сербии и слышать не хотят об его возвращении туда.

13-го декабря. Понедельник. — Вчера приехал из Вены генерал-лейтенант Обручев**. На параде гвардии Финляндского полка Государь сказал мне, что привезенные Обручевым сведения благоприятнее, чем мы предполагали. Утром мне не случилось с ним увидиться: после парада я должен был посетить больного Александра Алексеевича Баранцова, у которого вместе с тем назначено было совещание по поводу доставки патронов черногорцам. Возвратившийся из Вены капитан фон дер Ховен объяснил нам разные затруднения, которые он и генерал-майор Ган встретили в Австрии для покупки патронов и, в особенности, для провоза их в Черногорию. Возвратившись от Баранцова, я должен был собираться на обед во дворец, опять по поводу полкового праздника. Только вечером в числе обычных воскресных моих гостей приехал и Обручев. Он рассказал мне подробности переговоров Новикова с Андраши относительно конвенции; встреченные затруднения и медленность объяснял он щекотливым положением австро-венгерского канцлера, поставленного в необходимость действовать весьма осторожно, чтобы не компрометировать себя ни пред мадьярами, ни пред будущим сеймом; с другой же стороны — нервным, сангвиническим темпераментом русского посла. Обручев полагает, что выработанная после столь долгих прений и взаимных уступок конвенция вполне удовлетворительна, и советует как можно скорее утвердить ее.

Сегодня, после обычного моего приема (по понедельникам, в канцелярии Военного министерства), я был приглашен к Государю на совещание. Князь Горчаков прочел нам привезенные Обручевым бумаги: очень любезное письмо императора Франца-Иосифа, депешу Новикова и проект конвенции. После непродолжительного обмена мыслей положено принять конвенцию без всяких изменений¹¹⁹.

Между тем известия из Константинополя очень неудовлетворительны. Митхад-паша разыграл свою комедию или, лучше сказать, фарс: в пятницу, 10-го числа, открыто было первое заседание полной конференции, т. е. с участием представителей Турции, под председательством турецкого министра иностранных дел Савфета-паши, именно в то самое время, когда раздавались пушечные вы-

* потеряна;

** «Обручев был командирован в Вену по высочайшему поручению, в помощь послу Новикову по ведению переговоров с Андраши о конвенции, имевшей прямое отношение с делом военным. Об этом не было упомянуто прежде в моем дневнике». *Примечание, сделанное Д. А. Милутиным на полях, а затем зачеркнутое.*

Мидхат-паша

стрелы по случаю провозглашения фантастической турецкой конституции¹²⁰. Игнатъев телеграфирует, что в Константинополе сильное возбуждение; турки как опьянелые хвастаются, что пойдут против всей Европы. Салисбюри предвидит большие затруднения с Портой; Эллиот намерен выехать из Константинополя прежде окончания конференции.

Государь озабочен и последствиями конференции, и болезнью великого князя Николая Николаевича. Снова речь шла о продлении перемирия до апреля месяца. Я пробовал затронуть вопрос, какое же объяснение будет дано нашему бездействию: мы отвергли с упорством и негодованием предлагавшееся турками 6-месячное перемирие; поставили армию на военное положение; объявили, что Россия не может перенести оскорбления, если Порта отринет решение Европы, — и после всего этого ограничимся выездом нашего посла из Константинополя и останемся спокойно на границе, в ожидании весны! — Правда, мы будем стоять, по выражению нашего канцлера — *l'arme aux bras**; но какое же впечатление произведет это смиренное наше бездействие и на русский народ, и на Европу, и на турок? — Не истолкуют ли наше воздержание как признак бессилия?

* с оружием в руках (*фр.*);

Вопросы мои, как всегда, вызвали только вспышку со стороны нашего старца-канцлера; ему всегда кажется, что бы я ни сказал, что я хочу критиковать и порицать его действия. Однако ж на Государя замечания мои произвели впечатление; присутствовавший при этом великий князь Константин Николаевич также нашел мои замечания основательными и припомнил их потом, когда мы встретились в заседании Государственного совета. Что ни говори канцлер, а надобно придумать, как бы прикрыть благовидным предлогом нашу ретираду.

14-го декабря. Вторник. — Полученные вчера вечером и сегодня утром телеграммы от Игнатьева подтвердили то, что я высказал вчера утром на совещании. В одной из этих телеграмм наш посол пишет:

«Après votre refus d'admettre armistice prolongé et notre ultimatum pour armistice de 2 mois, il est impossible que nous prenions initiative d'armistice jusqu'au printemps, sans être taxés d'inconséquence et prêter flanc à critique et suspicion en Europe. Nous venons de proposer aux Turcs dans dernière séance de prolonger de quinze jours l'armistice et j'éprouve le plus grand embarras à modifier immédiatement proposition sans motif apparent»**.

В другой телеграмме Игнатьев выражается еще сильнее:

«Je dois vous prévenir que si Autrichiens et surtout Turcs s'aperçoivent d'un relâchement dans notre attitude comminatoire et croient que nous ne sommes pas prêts à la guerre, il nous sera très difficile de l'éviter, ainsi que je le désire sincèrement, car arrogance et obstination des Turcs augmentera et nous n'aurons pas facilement raison de l'anarchie qui crée ici un état des choses impossible et dangereux»***.

На эти сильные и убедительные представления государственный канцлер отвечал:

* образ действий.

** После вашего отказа принять перемирие на более длительный срок и нашего ультиматума о двухмесячном перемирии невозможно нам взять на себя инициативу в деле прекращения военных действий до весны, не подвергнувшись упреку в непоследовательности и не подав повода для критики и подозрений в Европе. Мы только что предложили туркам на последнем заседании prolonger перемирие на 2 недели, и я затрудняюсь тотчас же изменить это предложение без видимого мотива (фр.).

*** Я должен вас предупредить, что если австрийцы и, особенно, турки заметят ослабление нашей позиции и подумают, что мы не готовы к войне, нам будет очень трудно избежать ее, чего я искренно желаю, потому что высокомерие и упрямство турок возрастают, и мы не можем ослабить своих сил, т. к. это создаст здесь невозможное и опасное положение дел (фр.).

«Reçu télégramme du 13. Avons raisons puissantes pour désirer prolongation d'armistice jusqu'au 1 avril. Faites de votre mieux pour réussir»*.

По заведенному порядку, князь Горчаков послал проект этой ответной телеграммы на высочайшее утверждение. Государь не одобрил; но канцлер, не дождавшись возвращения проекта с обычной надписью: «быть по сему», велел отправить свою телеграмму, а сам лег спать.

Сегодня утром, когда я пришел с докладом к Государю, разумеется, разговор коснулся прежде всего вечерних телеграмм Игнатъева. Каково было удивление и неудовольствие Государя, когда он увидел у меня копию с отправленной ночью телеграммы князя Горчакова, не одобренной Его Величеством. После моего доклада, когда вошли князь Горчаков, великий князь Константин Николаевич и граф Адлерберг, Государь довольно строго выразил канцлеру свое неудовольствие, и тот должен был признаться, что лег спать прежде возвращения от Государя проекта телеграммы. Государь прямо высказал князю Горчакову, что телеграммы Игнатъева почти слово в слово совпадают с моими замечаниями, высказанными вчера и в воскресенье. Князь Горчаков, в глаза мне, свалил вину на меня же: без зазрения совести он уверял, будто настаивал на отсрочке перемирия вследствие заявленных мною требований по военным соображениям... Старик или спутал, или просто клеветал на меня: два дня сряду я высказывал в совещаниях все невыгоды продолжительного перемирия, особенно в том случае, если инициатива будет от нас. Кроме того, я прочел полученную мною сегодня же телеграмму от Непокойчицкого, который находит крайне неудобным, что конвенция с Румынией до сих пор не подписана и что ратификация ее князем Карлом последует только за 24 часа до объявления войны. С разрешения Государя я ответил Непокойчицкому, что ратификация не должна останавливать распоряжений для заготовлений в пределах Румынии на случай движения нашей армии; но в душе сам сознавал, как трудно распоряжаться в соседнем государстве, пока конвенция хранится в тайне.

Сегодня же прочитаны были проекты ответного письма нашего Государя к императору Францу-Иосифу и новых инструкций Новикову, разрешающих ему подписать с Андраши проектированную конвенцию с Австро-Венгрией.

Разошлись мы, не разрешив главного вопроса о том, в каком же смысле должен действовать Игнатъев и что же будем мы делать, если

* Получил телеграмму от 13-го. Имеем существенные основания желать продления перемирия до 1 апреля. Сделайте все возможное для достижения этого (*фр.*).

перемирие, истекающее чрез 6 дней, не будет продолжено. — Я отправился из дворца в Комитет министров и во время заседания получил от канцлера копию новой телеграммы Игнатьева следующего содержания:

«Situation s'aggrave journellement. Turcs cherchent à gagner du temps et renvoient séance à jeudi. Grisés par constitution, désirent guerre avec Russie. On assure que non seulement refuseront propositions faites par l'Europe, mais même la petite prolongation d'armistice. Sont capables d'attaquer Monténégro et Serbie à l'expiration. Si nous demandons actuellement armistice jusqu'au 1 avril, douteux que Turcs acceptent. Nous décréterions ainsi dans tous les cas occupation du territoire de la Serbie par les Turcs jusqu'au printemps et donnerions gain de cause à Elliot qui voulait conclure immédiatement la paix séparée avec Monténégro et Serbie, afin de réserver à entente ultérieure la question de l'autonomie des trois provinces. J'attends des instructions sur Serbie et Monténégro. Salisbury regrette que cabinet ne l'autorise pas d'aller jusqu'à coercition, dont reconnaît nécessité. Lui ai parlé de menace d'exécution fédérale comme moyen d'éviter la guerre entre nous et la Turquie»*.

Телеграмма эта произвела на меня сильное впечатление; я не в состоянии был слушать многоглаголие о пустяках в Комитете и надеялся, что Государь пришлет за мной, чтобы еще раз обсудить, что будем делать. Однако ж я ошибся; вечером приехал из дворца фельдъегерь с докладом, что Государь изволил уехать на охоту!!

Еще один эпизод: министр финансов уже два раза отвечал отказом на требование великого князя Николая Николаевича об отпуске полевому казначейству хотя 50 тысяч рублей золотом. На днях опять получено из Кишинева от великого князя письмо, в котором он настоятельно требует отпуска звонкой монеты для расплаты за границы, объясняя, что в противном случае наши кредитные билеты

* Положение с каждым днем становится все серьезнее. Турки стараются выиграть время и откладывают заседание на четверг. Опьяненные конституцией, они жаждут войны с Россией. Уверяют, что они не только отвергнут предложение, сделанное Европой, но даже малейшее продление перемирия. Они готовы по-разбойничьи напасть и разгромить Черногорию и Сербию. Если мы действительно потребуем перемирия до 1 апреля, сомнительно, чтобы турки согласились. Мы декретировали бы таким образом во всяком случае оккупацию сербской территории турками до весны и помогли бы Эллиоту заключить безотлагательно мир порознь с Черногорией и Сербией, чтобы отложить до дальнейшего соглашения вопрос об автономии трех провинций. Я жду инструкций в отношении Сербии и Черногории. Салисбюри сожалеет, что кабинет не уполномочивает его применять принуждение, необходимость которого он признает. Я говорил ему об угрозе совместных действий как средстве избежать войны между нами и Турцией (*фр.*).

потеряют всякую ценность и придется даже в Румынии, т.е. в союзной земле, забирать все нужное реквизицией. Письмо великого князя было доложено Государю, и копия с него сообщена министру финансов. Сегодня, в Комитете, я подошел к Рейтерну, чтобы спросить, что намерен он делать по поводу основательного заявления великого князя. Рейтерн с обычной своей грубоватостью ограничился ответом: ничего. Таким образом, министр финансов 80-миллионной империи объявляет открыто, что не в состоянии достать даже несколько тысяч рублей золота¹²¹!

Здоровье великого князя Николая Николаевича продолжает возбуждать опасения. Государь уже раз сделал мне вопрос: что будем делать, если брат не будет в состоянии командовать армией?

17-го декабря. Пятница. — В среду не было обычного совещания у Государя по случаю отъезда его на охоту. Между тем получена вновь от генерала Непокойчицкого телеграмма, из которой видно, что начальство армии крайне озабочено неопределенностью положения: срок перемирия близок; в случае решения перейти границу, необходимо иметь впереди хотя 10 дней для подготовительных распоряжений. Телеграмму эту я доложил вчера Государю, так же как и другую, в которой Непокойчицкий настаивает на отпуске хотя некоторой суммы золотом. Государь послал за князем Горчаковым; прочли телеграммы Непокойчицкого; канцлер, как всегда, вспыхнул и начал упрекать военное ведомство в том, будто бы оно само заявило, что войска «не готовы» к выступлению в поход, что будто бы от этого именно и предположено продлить перемирие до апреля месяца и что потому настоящий вопрос Непокойчицкого есть «une incompéquence»^{**}. Услышав опять подобное извращение истины, я не мог сохранить полное спокойствие и довольно резко спросил канцлера: откуда взял он, что войска *не готовы* к походу? — Тут князь Горчаков совсем запутался в своих рассуждениях о возможности начатия военных действий, так что вызвал опять со стороны Государя строгий упрек. В этих случаях, как ни досадно, становится жаль старика, который не злопамятен и скоро забывает подобные стычки. В четверг должно было происходить в Константинополе второе формальное собрание конференции с участием турок; в ожидании сведений об этом важном моменте переговоров никакого решения нельзя было принять, и мы разошлись вчера довольно спокойно. Я ответил Непокойчицкому, что во всяком случае о переходе армии

* разгорячился и начал упрекать

** безрассудство (*фр.*).

через границу главнокомандующий будет извещен своевременно, за несколько дней.

Весь вечер четверга прошел без всяких известий из Константинополя. Сегодня, когда я собирался ехать в военно-учебные заведения, пользуясь единственным на неделе свободным утром, потребовали меня к Государю. Я нашел во дворце князя Горчакова, министров финансов и внутренних дел. Тут узнали мы, что со вчерашнего дня все телеграфные сообщения с Константинополем прерваны. Подводное сообщение с Одессой продолжалось дольше сухопутных, но и то прекратилось около 3 часов дня. Войдя в кабинет Государя, мы нашли его озабоченным: по всем вероятностям, произошел в Константинополе какой-нибудь кризис, может быть, даже кровавая катастрофа. Первые известия о случившемся вчера утром могут прийти разве с пароходом в Одессу, не прежде завтрашнего дня.

Главная цель нынешнего совещания состояла в том, чтобы в присутствии министра финансов (у которого доклад по пятницам) обсудить требование главнокомандующего об отпуске золота на предстоящие за границей расходы. Рейтерн прочел приготовленную им записку, в которой доказывал, что ни под каким предлогом нельзя тронуть имеющийся запасный фонд звонкой монеты, предназначенный для обеспечения нашего кредита за границей¹²². В этом, конечно, никто и не спорил с ним; но вопрос был в том, действительно ли Министерство финансов лишено всякой возможности, не трогая запасного фонда, снабдить главнокомандующего хотя бы самым незначительным количеством звонкой монеты. Рейтерн уступил, и положено было отправить в армию 50 тысяч золотом и до 200 тысяч серебром. Суммы эти, конечно, ничтожны сравнительно с размером всех предстоящих расходов; но и не предполагалось все расходы на содержание армии за границей производить золотом.

С середины изменилась домашняя моя обстановка, с приездом семьи из Крыма.

19-го декабря. Воскресенье. — Оказывается, что мы напрасно встревожились перерывом сообщения с Константинополем: действительной причиной его была сильная буря, повалившая столбы на всех телеграфных линиях. Уже 17-го числа открылось сообщение между Константинополем и Одессой. Из полученных телеграмм видно, что турки, без сомнения, подученные Эллиотом, не отказывают наотрез на требование Европы, а торгуются и предлагают принять на себя приведение в исполнение, в течение годовичного срока, требуемых реформ в христианских областях. Между

тем перемирие продолжено до 1-го марта нового стиля. — Таким образом, мы успокоились на 2 месяца; Сербия спасена; но что будет потом? — Если, как по всему видно, нам все-таки не удастся достигнуть мирным путем заявленных требований, то придется, продержав армию всю зиму на военном положении, все-таки объявить войну, и, вероятно, без союзников; единогласие, достигнутое так искусно на конференциях, к тому времени расстроится, и нам придется начинать военные действия в самое невыгодное время года. Между тем турки с помощью англичан успеют организовать сильную оборону, а мы не извлечем никакой выгоды от быстроты нашей мобилизации.

Сегодня на разводе Государь сказал мне, что получена телеграмма от графа Шувалова о том, что само правительство английское уже начинает сознавать недостойный образ действий Эллиота, который во все время предварительных конференций вел за кулисами совещания с Митхадом. Говорят, будто сам Дизраэли показывает неудовольствие на своего излюбленного делегата.

24-го декабря. Пятница. — Неделя прошла в ожидании решительной развязки константинопольских конференций. — Во вторник получено было сведение, что уполномоченные дали туркам на размышление срок до четверга; что лорд Салисбюри, несмотря на невыгодное влияние на него из Лондона, продолжает держать себя с достоинством и не потворствует туркам. С нетерпением ожидали известия о заседании вчерашнего дня. Сегодня я получил приказание прибыть во дворец к 1^{1/2} часа; в совещании, кроме обычного состава его, принимали участие великий князь Константин Николаевич и министр финансов. Из прочитанных новых телеграмм узнали мы, что вчерашнее заседание конференции не пришло к решению: еще раз туркам дана отсрочка на размышление до понедельника. Между тем Игнатъев намерен собрать уполномоченных, чтоб условиться в коллективном заявлении Порте, в случае окончательного ее отказа. Посол наш предполагает затем немедленно выехать из Константинополя; посланный за ним пароход «Эреклик» уже стоит в Золотом Роге. По поводу этих известий было суждение о том, какого плана следует держаться в дальнейшем ведении дела; решено было употребить все силы, чтобы до конца сохранить единство в действиях всех шести больших держав, поэтому не торопить отъезда Игнатъева ранее других уполномоченных. Канцлер прочел проект циркулярной депеши, с которой он намерен обратиться ко всем участвовавшим в конференции кабинетам, чтобы поставить им категорический вопрос: что же полагают они предпринять по-

сле встреченного со стороны Порты упорного сопротивления всем требованиям Европы.

По случаю возвращения из Черногории полковника Боголюбова пригласил я вчера к обеду: его, консула Ионина, князя Черкасского, Обручева и Анненкова. Само собою разумеется, что исключительным предметом разговора были Черногория и теперешнее положение дел на Балканском полуострове. Приехал также и полковник Зеленый, но я еще не видел его.

На этой неделе приехал к нам в дом брат жены Евгений Михайлович Понсэ с дочерью, которая некоторое время гостила у него в деревне, в Бессарабии. С возвращением ее состав нашей семьи окончательно пополнен: все члены ее налицо. Сегодня встретили праздник Рождества совершенно тихо, у постели больной Ольги.

29-го декабря. Среда. — Еще прошло 5 дней — и все еще нет решительных известий из Константинополя. Заключительное заседание конференции все отсрочивается в той надежде, что Порта сделает, наконец, такие уступки, которые дадут возможность Европе благовидно выйти из натянутого положения, не доводя России до необходимости воевать. Игнатьеву весьма трудно удержать до конца полное единогласие между уполномоченными всех шести держав; для этого он должен делать постепенно новые уступки.

Сегодня было торжество в Академии наук по случаю 150-летнего юбилея ее существования. При этом присутствовала вся императорская фамилия. Государь вспоминал, что 50 лет тому назад он присутствовал на праздновании столетия той же Академии 8-летним ребенком, и пожелал, чтобы теперь присутствовал 8-летний сын наследника цесаревича Николай Александрович. Так же, как тогда, и Государь, и наследник, и сын его были в мундире лейб-гвардии Павловского полка.

31-го декабря. Пятница. — Вчерашнее заседание константинопольской конференции должно было быть последним и решительным. Однако ж вышло иначе: опять дали туркам отсрочку до следующего понедельника, чтобы надуматься. До сих пор между уполномоченными европейских держав сохраняется единодушие; лорд Салисбюри держит себя твердо и последовательно. Но получена странная телеграмма от графа Шувалова о том, будто бы сам Биконсфильд дал знать Митхад-паше, что, в случае отказа его на предложения конференции, он не должен рассчитывать на помощь Англии. Мне что-то не верится, чтобы Дизраэли настолько переменялся в своих отношениях к восточному вопросу. Другое известие, также требующее подтверждения, — будто бы Вертеру из Берлина

дана инструкция* не делать новых уступок туркам и не соглашаться на их контрпроекты. Если это известие верно, то оно послужит новым подтверждением того подозрения, которое не раз мною высказывалось, что берлинский двор желает втянуть Россию в войну с Турцией. Сам князь Горчаков начинает уже разделять это предположение**.

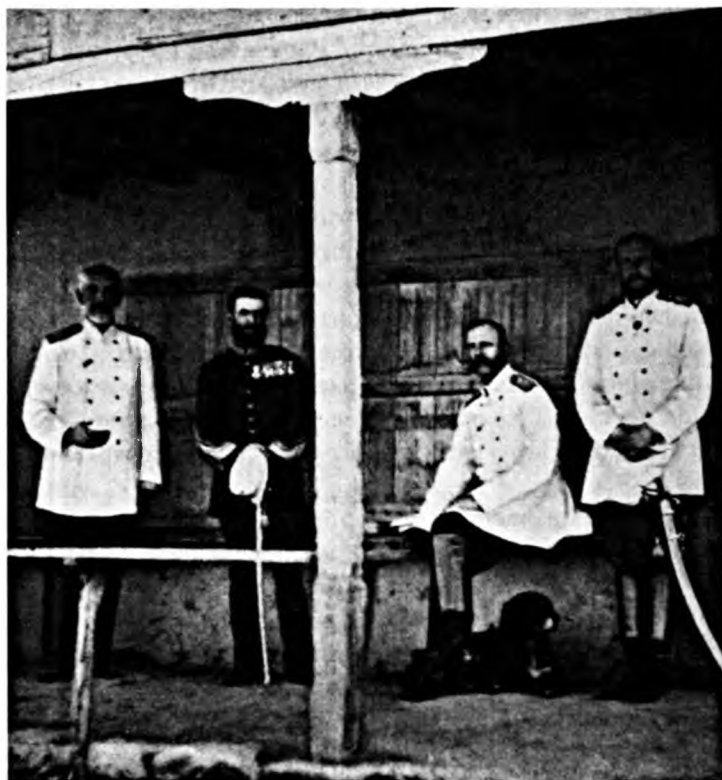
Таким образом, заканчиваем мы 1876-й год в том же положении выжидания и колебания, в каком находились во все почти течение его. Встречая новый год, каждый вопрошает: что-то принесет он России? Восстановление ли спокойствия и обычного течения дел или войну со всеми ее бедствиями и грозными последствиями?

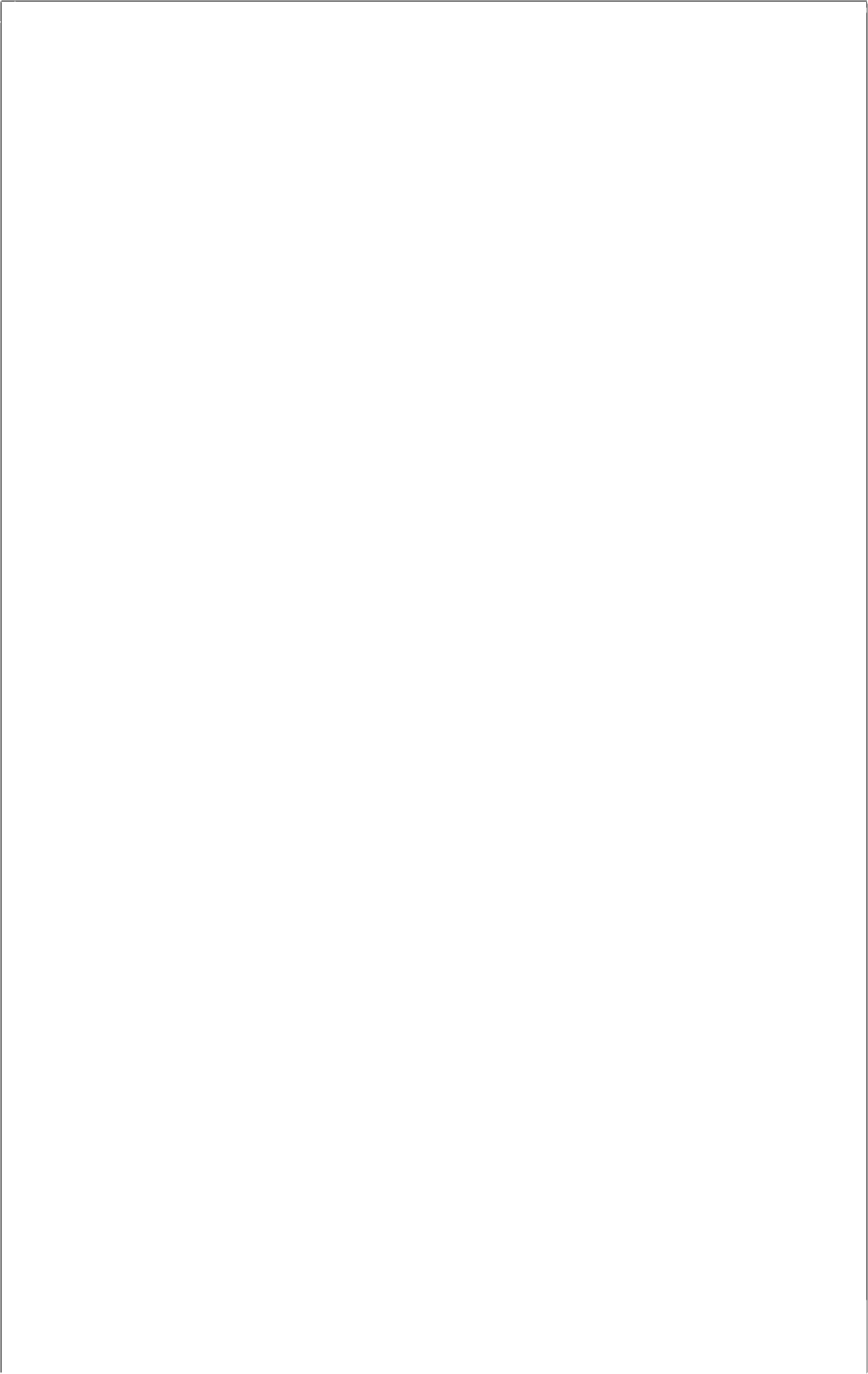

* не соглашаться на дальнейшие уступки на турецкие контрпроекты.

** которое я высказывал давно.

1877-й год

2-го января. Воскресенье. — Вчера, в первый день года, приехал я во дворец с обычным* грузом годовых отчетов и с докладом. Прежде всего я должен был испросить указание Его Величества по вопросу великого князя Николая Николаевича: как следует поступить, если до объявления войны турки сами перешли бы на левую сторону Дуная в низовьях его? Можно ли в таком случае нашим войскам перейти границу, отбросить турок, занять Измаил, Галац и Браилов? Точно так же, можно ли перейти неотлагательно в наступление в том случае, если начнется резня в Бабадагской области или** неистовства турок над христианским населением других частей Болгарии? — Государь дал на оба случая ответы утвердительные, однако ж согласился предварительно спросить мнение государственного канцлера. Поэтому после обедни я снова вошел в кабинет Государя вместе с князем Горчаковым, который также признал, что никакого не может быть опасения относительно нейтрального положения Румынии в том случае, если турки первые нарушат этот нейтралитет. В таком смысле и дан ответ великому князю главнокомандующему. — Кроме этого эпизода, не было ничего нового по части политической. Но канцлер доложил Государю, что нужно было бы совещание с министром финансов по поводу изменения одной статьи проектированной конвенции с Румынией, именно касательно денежных знаков, которыми полагается уплачивать расходы наши в Румынии, в случае перехода наших войск за границу.

С этой целью сегодня, после обедни, собрались у Государя: наследник цесаревич, великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович, князь Горчаков, Рейтерн, граф Адлерберг и я. Вопрос финансовый не занял много времени, но потом довольно долго (около полутора часа) продолжались рассуждения вообще о настоящем политическом положении и предстоящем нам образе действий. Новая отсрочка, данная туркам европейскими уполномоченными

* тяжелым

** зверские

до будущего четверга, должна быть последней. Почти не подлежит уже сомнению, что Порта не уступит, а следовательно, все уполномоченные уедут из Константинополя. Что же потом? Канцлер наш уже проектировал вперед два циркуляра, которые он разошлет один вслед за другим ко всем представителям России при иностранных дворах. Циркуляры редактированы, как всегда, безукоризненно, но сущность их все та же, что и прежних циркуляров. Говоря простым языком, можно передать их содержание в коротких словах: вот уже более года турки издеваются над Европой; все большие державы признали необходимым потребовать от них известных уступок; Порта нахально отвергла эти требования; послы выехали из Константинополя; что же теперь вы все, великие державы, намерены сделать, получив такую пощечину? — Если вы намерены перенести ее стоически, то Россия вынуждена будет одна образумить турка силой оружия.

Прекрасно; но что же далее? Ни одна из пяти держав* не намерена взяться за оружие; многие из них только того и хотят, чтобы Россия одна втянулась в неблагоприятную борьбу с полуварварским государством**; в случае успеха ей не дадут воспользоваться плодами, а между тем она сделается на известное время неспособной вмешиваться в дела Европы. Сегодня сам канцлер наконец решился высказать весьма категорически предположение, что более всех других желает нас ослабить именно та держава, которая считается лучшим нашим другом — Германия. Давно уже прусские дипломаты и генералы внушают нам необходимость войны с Турцией и стараются уверить нас, что нам следует направить против нее бóльшие силы. Сам Бисмарк развивал то же мнение в последних интимных разговорах своих с Убри. Дружеские эти советы всегда казались мне подозрительными, но канцлер наш только теперь начинает сомневаться в искренности наших друзей и в первый раз решился высказать это Государю, который выслушал его без возражения***. Канцлер вел речь к тому, чтобы доказать, как необходимо для России из-

* не думает ни в каком случае взяться за оружие;

** с тем, чтобы она надолго сделалась неспособной вмешиваться в дела Европы.

*** *Первоначальный текст после слов «...которая считается лучшим нашим другом — Германия.»*: «Давно уже Бисмарк, многие дипломаты и генералы прусские внушают нам необходимость войны с Турцией; недавно еще они старались уверить нас, что нам следует направить против нее бóльшие силы; в последних же интимных разговорах с Убри князь Бисмарк входил в пространные рассуждения, чтобы доказать, что для интересов России необходимо ей начать войну. Уже давно и много раз я высказывал подозрение насчет германской политики, но канцлер наш только теперь начинает сомневаться в искренности наших друзей и в первый раз решился высказать это Государю, который, однако же, выслушал его без возражения».

бегнуть войны и остаться сколь возможно долее в согласии с остальной Европой по восточному вопросу. Государь с некоторой досадой спросил князя Горчакова: для чего считает он нужным доказывать то, в чем сам Государь убежден более всякого другого? Разве не доказал он и не продолжает доказывать свое долготерпение, свое искреннее желание предотвратить войну; но может ли он* остаться равнодушным, когда будет затронута честь его и достоинство России? — На эту тему Государь говорил довольно долго, с одушевлением; он был сильно взволнован. Припомнив в беглом очерке ход дела с самого начала восстания Герцеговины и Боснии, Государь еще раз воспользовался случаем, чтобы дать строгий урок наследнику и всем тем, которые** поддались увлечению во имя славянского дела¹²³. Совершенно неожиданно для меня Государь вдруг перешел к ложным толкам, распускаемым насчет наших военных сил и готовности к войне. Полагаю, что при этом имел он в виду косвенно пожурить князя Горчакова, и заключил свою речь самым лестным отзывом о деятельности Военного министерства, результат которой выказала исполненная столь удачно мобилизация.

По окончании совещания я попросил позволения Государя прочесть ему заготовленное мною ответное письмо к генералу Непокойчицкому¹²⁴; когда мы остались вдвоем в кабинете, Государь снова начал мне говорить об удовольствии, которое доставляют ему отзывы об отличном исполнении мобилизации и блестящем состоянии сосредоточенной на юге армии. Тут Государь припомнил все прошлые враждебные против меня интриги, прибавив, что он не поддался этим злостным внушениям и теперь видит, что не ошибался в своем неизменном ко мне доверии. Он был растроган, обнял меня и сказал между прочим: «Знаешь ли, кто вернее всех ознакомил меня с твоим характером и правилами? — человек, с которым ты часто расходился в убеждениях, — покойный Яков Иванович Ростовцев». — Я был глубоко тронут и сказал, что Государь может быть вполне уверен в том, что во всю мою жизнь и во всех действиях я не имел другой цели, как только пользу дела, и*** руководствуюсь исключительно искренними своими убеждениями, устраняя всякие личные виды. В исполнении служебных обязанностей нет у меня ни родства, ни дружбы, ни вражды.

* во что бы ни стало

** вместе с ним

*** никогда не руководствуюсь какими-либо задними мыслями или личными целями, своими собственными или людей близких.

6-го января. Четверг. — Сегодня, после обедни и обычной крещенской церемонии (Государь не выходил на иордань), было обычное совещание; читались вновь полученные телеграммы, из которых видно, что на мирный исход конференций в Константинополе уже нет надежды; послы всех шести держав готовятся к выезду оттуда в воскресенье или понедельник. Сегодня должно происходить совещание большого совета турецких сановников о том, подчиниться ли требованиям Европы или отвергнуть их. Между тем начались уже между кабинетами предварительные сношения о последствиях дерзкого сопротивления Порты единогласному решению Европы. Граф Шувалов пишет, что Дизраэли старается уже оторвать Австро-Венгрию от дальнейшего совокупного действия с другими державами; а князь Бисмарк продолжает вести странные разговоры с Убри, развивая ту мысль, что восточный вопрос не представляет для Германии непосредственного интереса. Государь имел по этому поводу два раза личные объяснения со Швейницем, который выражался в том же смысле. Князь Горчаков теперь убедился в том, что мы не можем рассчитывать ни на одного союзника*.

Братиано** соглашается ныне же подписать военную конвенцию, но торгуется: просит материальной помощи для Румынии*** деньгами, орудиями, лошадьми, торпедами и т. д.

8-го января. Суббота. — Вчера получено было из Константинополя известие, что собранный Митхад-пашой большой совет, из 200 членов, решил единогласно отвергнуть требования европейских держав, а сегодня утром происходило последнее собрание конференции. В вечерней телеграмме генерал-адъютанта Игнатьева сказано: «Conférence déclarée par nous dissoute. Salisbury, Werther et moi partons lundi; les autres suivront dans le courant de la semaine. Il est convenu de donner des instructions identiques proposées par moi aux chargés d'affaires, leur prescrivant de ne pas s'occuper de politique. On renverra les Turcs s'ils font de nouvelles ouvertures aux cabinets»****.

* Первоначальный текст после слов «...который выражался в том же смысле.»: «Князь Горчаков теперь высказывает свои сомнения относительно наших ближайших союзников: только теперь он понял, что в критическую минуту Россия напрасно будет рассчитывать на деятельную с их стороны поддержку».

** предлагает

*** он просит денег на покупку ружей, просит больших орудий

**** Конференция, предложенная нами, устраивается. Салисбюри, Вертер и я уезжаем в понедельник, другие выедут в течение недели. Условлено дать советникам идентичные инструкции, предложенные мною, предписав им не заниматься политикой. Турок отошлют, если они будут делать новые предложения кабинетам (фр.).

13-го января. Четверг. — Несколько дней не имел возможности открывать свой дневник по множеству дел. Почти ежедневные совещания у Государя продолжаются. До сих пор Игнатьев не мог выехать из Константинополя по причине бури; лорд Салисбюри первый перешел на пароход и при первой возможности отплыл в Афины; прочие послы намеревались выехать в течение недели. В последних совещаниях у Государя затрагивался не раз вопрос о дальнейшем плане наших действий; канцлер продолжает говорить и вести переписку в смысле его прежней ultra-мирной политики; ему хочется во что бы ни стало держаться заодно с Европой; но замечательно, что теперь и сам Государь начал склоняться к той же цели. Сегодня я даже вынужден был сделать вопрос: будем ли мы, вместе с остальной Европой, спокойно ожидать приведения в исполнение пресловутых турецких конституционных реформ и на неопределенное время держать наши армии на военном положении? Будем ли разделять с остальной Европой самоуничужение, с которым она намерена перенести турецкую «оплеху»? — Из полученных ответов я только удостоверился в полном отсутствии* плана действий в нашей внешней политике. Напрасно было бы с моей стороны настаивать на разъяснении моих** сомнений, тем более, что не было много времени на серьезное обсуждение, а между тем предстояло мне изложить мои замечания на присланный Новиковым проект политической конвенции с Австро-Венгрией. В конвенции этой (как дополнении к военной конвенции) только формулированы более положительно те самые условия, которые были постановлены на Рейхенбергском свидании¹²⁵. Я принес карту и справки, чтобы выказать цинизм Австрии, которая, предоставляя России вести войну и оставаясь сама спокойной зрительницей, выговаривает себе львиную долю — всю Боснию и Герцеговину, т. е. страну с населением в 1 400 000 человек, тогда как нам предоставляет возвратить узкую полосу земли в низовьях Прута и Дуная, с населением едва в 200 тысяч и в дополнение к тому *эквивалент* на азиатской границе! — Князь Горчаков, по обыкновению своему, вспыхнул, горячился, как будто я хотел уничтожить весь его проект; но после совещания, едва возвратился я домой, получил от него цидулу, которой просит меня сообщить ему сделанные мною замечания на австрийский проект с тем, чтобы*** сделать в нем необходимые изменения.

* общего

** опасений и

*** воспользоваться ими для представления Государю измененного проекта.

Сегодня я обедал у их величеств. Перед обедом императрица заговорила со мной об утреннем совещании, содержание которого, очевидно, было уже ей известно. Она* с сожалением отзывалась о старческой слабости нашего канцлера, с которым она уже избегает входить в разговоры, раздражающие ее нервы. Это не мешает, однако же, старику почти после каждого совещания у Государя заходить к императрице.

18-го января. Вторник. — В последние дни не было никаких замечательных известий политических. Игнатъев, не имея возможности отправиться в Одессу и тяготясь продолжительной стоянкой пред Константинополем, решил отплыть на юг, в Архипелаг; но** будет ли продолжать путь на Триест или возвратится опять чрез Босфор в Черное море — еще неизвестно. Между тем турки ведут свои дела очень ловко; они показывают пред Европой вид полной кротости и миролюбия, предложили Сербии и Черногории заключить отдельный мир, о чем и начались уже переговоры¹²⁶. Наш канцлер решается на днях отправить один из заранее приготовленных циркуляров, о которых я уже прежде упоминал. В нем ставится вопрос кабинетам: как намерены они далее действовать после полученного нахального отказа турок на требования конференции? — Можно наверное предсказать, что в ответ на этот циркуляр все кабинеты со своей стороны предложат вопрос: а что намерена делать сама Россия, более всех заинтересованная в восточном вопросе? — Что тогда будем отвечать? — Государь все более и более делается склонным к уступчивости, к мирной развязке. Полагаю, что этому настроению его отчасти содействовало в последнее время зародившееся в его уме недоверие к политике Германии. Разговоры Бисмарка с Убри¹²⁷ и запросы, делаемые по телеграфу Швейницу, поколебали наконец и в Государе прежнюю неограниченную веру в*** искреннюю дружбу и верность союзника. Сам Государь уже говорит, что ни на одного из союзников полагаться нельзя. Давно ли подобную мысль никто не смел высказать пред ним. — Сегодня, после моего доклада, присутствовал я при докладе канцлера, и речь была о странном положении, принимаемом берлинским кабинетом относительно России. Невольно мне вспоминались недавние еще совещания наши в Ливадии, когда мрачные мои опасения образования против нас такой же коалиции, какая была в Крымскую войну, принимаемы были и канцлером, и самим

* одобрительно отзывалась о том, что я поднял голос против

** решится ли продолжать путь

*** непоколебимую

Государем за несбыточные предположения. Сколько раз слышал я от князя Горчакова, что ныне нет ничего похожего на ту эпоху; тройственный союз императоров считался каким-то незабываемым основанием нашей политики и обеспечением мира во всей Европе. Сегодня Государь сам повторил замечание, сделанное, кажется, графом Шуваловым в одной из последних его депеш: странно, что на бывших конференциях в Константинополе противудействовали нам те именно, которых мы считали своими союзниками, тогда как помогали нам те, на содействие которых менее всего могли мы рассчитывать.

25-го января. Вторник. — Ровно неделю не заглядывал я в свой дневник. Не было ничего замечательного ни в ходе политики, ни в петербургской общественной жизни. Вчера, на бале у наследника в Аничковском дворце, главным предметом разговоров было полученное известие о новом перевороте в Константинополе: Митхад-паша свергнут под предлогом открытого будто бы заговора его против султана; преемником ему назначен Эдгем-паша, тот самый, который был турецким посланником в Берлине и вызван оттуда для участия в конференциях¹²⁸. Никто не знал еще о подробностях и поводах этого неожиданного кризиса. Сегодня утром, после моего доклада, было обычное дипломатическое совещание; разумеется, старались разъяснить, какое значение может иметь новый переворот и какое влияние произведет он на ход восточного вопроса. Настроение нашего канцлера и самого Государя делается с каждым днем миролюбивее; в публике также свыкаются с мыслью, что войны не будет. В этом смысле говорил мне и Нигра, итальянский посол, с которым вчера на бале случилось мне иметь довольно любопытный разговор. Он доказывал, что Россия не имеет необходимости вести войну и что хотя никто не помешает ей в случае войны с Турцией, однако ж для самой России не предвидится никакой цели, никакой выгоды даже от самой удачной кампании. Однако ж он должен был сознаться, что нужен какой-нибудь особенно* счастливый выход из того положения, в которое мы поставили себя, мобилизовав армию и приняв грозный вид при самом открытии конференций. Нельзя же теперь, после нахального отказа Порты, вдруг, без всякого удовлетворения с ее стороны, разоружиться и замолчать.

Сегодня обедал я в Зимнем дворце. Во время всего обеда императрица очень внимательно вела разговор о женских врачебных курсах, учрежденных первоначально при Медико-хирургической академии¹²⁹, а теперь перемещенных в Николаевский военный госпи-

* благоприятный

таль. — Кроме меня, были приглашены генерал-адъютанты Баранов, граф Адлерберг, Тотлебен и Крыжановский.

28-го января. Пятница. — Вчера, на большом бале в Зимнем дворце, ходили разные слухи о новых переворотах в Константинополе: будто бы Митхад-пашу утопили, Эдгема-пашу прогнали и т.п. Все это потом оказалось выдумками праздных вестовщиков. Важнее известия из Лондона: вчера открылся парламент; в тронной речи королевы нет ничего определительного по восточному вопросу; первые два заседания бесцветны, хотя говорили речи и Биконсфильд, и Дерби, и Салисбюри.

Сегодня происходило торжество в Морском училище; праздновали 50-летний юбилей офицерских классов, которым ныне присвоено наименование Николаевской морской академии¹³⁰.

29-го января. Суббота. — После моего доклада был доклад князя Горчакова, в присутствии наследника цесаревича, великого князя Владимира Александровича и моем. Канцлер, рассуждая о теперешней политической обстановке, об ожидаемых и предполагаемых ответах на его циркуляр, о переворотах в Константинополе, выводил из всего заключение, что ни в каком случае нам не следует вести дело к войне. Он прямо высказал свое опасение образования нового тройственного союза между Германией, Австрией и Англией! — Куда же девался наш непоколебимый союз трех императоров?! — Сам Государь очень явственно клонит дело к мирному исходу *quand-mêте* и одобрительно отозвался о прочитанной вслух депеше графа Шувалова, который прямо высказывает свое мнение, что Россия должна продолжать держаться во что бы ни стало вкупе с другими пятью державами и вместе с ними дать время Порте самой распорядиться у себя, для осуществления громких либеральных обещаний Митхада. Вместе с тем граф Шувалов находит возможным распустить собранную нами армию. Государь, обратившись ко мне, спросил, как я думаю. Я отвечал, что, при всем моем желании мирного выхода из настоящего затруднительного положения, я нахожу невозможным вместе с другими государствами спокойно выжидать, чтобы турки сами сделали что-нибудь хорошее для христианского населения. Митхада уже нет; что будут делать преемники его — неизвестно; нельзя же нам на неопределенное время держать армию на военном положении; уже и до сих пор мобилизация нам стоит до 70 миллионов. Как же распустить армию, не добившись ничего? Из-за чего мы решились мобилизовать эту армию? Какой же будет благовидный повод, чтобы нам, без ущерба собственному своему достоинству, вложить обнаженный меч? Даже и в прежние

кризисы в восточном вопросе, когда Порта была вынуждаема давать пред Европой формальные обещания в виде хати-гумаюнов, хати-шерифов и т. п., она потом смеялась над Европой и оставляла все эти обещания без исполнения. Чем же теперь успокоится Европа и, в особенности, Россия? — Чтобы распустить нашу армию и объявить возникшее столкновение улаженным, нужно же иметь какое-нибудь, хотя бы для виду, формальное разрешение вопроса. При этом я напомнил об одной телеграмме генерала Игнатьева, в которой было упомянуто, будто Порта намеревалась после закрытия конференций прислать особое посольство в Петербург. Канцлер подхватил это указание и сказал, что, само собою разумеется, это будет задачей дипломатии, что весьма можно возвратиться к мысли Игнатьева о посольстве. При этом наследник цесаревич вставил свою мысль, что было бы желательно воспользоваться случаем, чтобы окончательно упразднить трактат 1856 года и открыть свободный проход русским военным судам чрез проливы. Беседа эта окончилась тем, что признано было нужным еще подождать разъяснений: ответов на циркуляр князя Горчакова, хода прений в лондонском парламенте, направления нового правительства в Константинополе, а может быть, и новых сюрпризов на берегах Босфора; наконец, приезда генерала Игнатьева, которого ожидают в понедельник.

1-го февраля. Вторник. — В воскресенье приехал в Петербург дон Карлос, знаменитый претендент на испанский престол, виновник стольких бедствий, кровопролитий и зверств¹³¹. В тот же день он представился Государю, а вчера в честь его дан в Белой зале Зимнего дворца парадный обед, с музыкой, хотя приглашенных было немного. Претендент имеет наружность красивую, высокого роста, на вид лет 30-ти; но во взгляде его есть что-то* не внушающее доверия. Государь подвел меня к нему и представил; но разговор наш был непродолжителен; личность эта мне несимпатична. Вечером опять я видел его на бале у великого князя Владимира Александровича.

Сегодня имел я непродолжительный доклад у Государя и не остался до приезда канцлера**. Но, судя по присылаемым мне из Министерства иностранных дел копиям с полученных телеграмм и депеш, видно, что за последние два дня не было ничего рельефного. Се-

* несимпатичное.

** так что за последние два дня не имел никаких положительных сведений о положении политики.

Дон Карлос

годня приехал Игнатъев; появление его, как надобно надеяться*, хоть несколько оживит нашу дипломатию.

2-го февраля. Среда. — Пользуясь свободным утром, я поехал к Н. П. Игнатъеву, но, к сожалению, не застал его дома, а возвратившись к себе, узнал, что он также был у меня в мое отсутствие. Получив приглашение к обеду у их величеств, я догадался, что встречу там с Игнатъевым, в чем и не ошибся. Кроме его и меня, приглашен был еще генерал Альбединский. Само собою разумеется, что Игнатъев *faisait les frais de la conversation*** ; он рассказывал разные эпизоды из заседаний конференций, впрочем, большей частью уже известные. Из моих с ним разговоров *aparté* заметно, что ему хотелось бы теперь вести лично переговоры по восточному вопросу в Берлине, Лондоне и Париже. Может быть, и в самом деле дело было бы ведено им успешнее, чем ведется оно на бумаге нашим престарелым канцлером.

3-го февраля. Четверг. — Сегодня был на бале в Зимнем дворце (в концертном зале). Внимание публики более всего было обращено на дон Карлоса и на Игнатъева. Последний, передавая мне свои раз-

* придаст хоть некоторую жизнь и душу нашей дипломатии.

** пустился в разговор (*фр.*)

говору с канцлером, насмеялся над ним и его выходками против меня.

5-го февраля. Суббота. — После моего доклада Государь при мне же принял князя Горчакова. По мнению Государя, последние известия неутешительны; по всему видно, что Англия хочет опять затянуть дело. Наш канцлер со своей стороны, желая *la paix à tout prix*^{*}, старается отнять у Государя всякие надежды на союзников и при всяком случае предостерегает от предательских замыслов не только венского кабинета, но и берлинского. Князь Горчаков настаивал, чтобы Государь потребовал письменного изложения мнений министров о настоящем положении дел и предстоящем нам образе действий, особенно же от министров финансов и военного. Он говорил, что в его лета слишком тяжело одному нести ответственность в столь серьезную эпоху; вместе с тем требовал, чтобы я предъявил сведения о положении наших военных сил и расходах как уже произведенных по случаю мобилизации, так и предстоящих в случае войны. Я ответил, что сведения эти не затрудняюсь ему доставить хоть сейчас. Государь не придавал особенного значения заявлению канцлера и сказал, что желает в будущий вторник выслушать словесные наши объяснения, предполагая пригласить к совещанию и генерала Игнатьева.

Постараюсь ко вторнику приготовить две записки: одну — в виде справки для наших дипломатов, которые позволяют себе порочить наши военные силы, не имея о них ни малейшего сведения и не понимая вовсе существа дела; другую — собственно мое мнение о настоящем политическом положении нашем и плане действий. Редактирование этих записок поручил генерал-лейтенанту Обручеву и полковнику Лобко.

8-го февраля. Вторник. — Вчера и сегодня заезжал я в Академию Генерального штаба и присутствовал на испытании кончающих курс офицеров. Испытания эти состоят в решении стратегической задачи, которую каждый офицер должен устно объяснить и потом выслушать критические замечания профессоров.

Обручев и Лобко быстро и отлично исполнили порученную им работу; обе записки готовы были уже вчера утром, а сегодня при своем докладе я предупредил Государя, что к назначенному сегодня же совещанию приготовлены, согласно с желанием канцлера, две записки: одна — справка о настоящем положении наших вооруженных сил и произведенных по случаю мобилизации расходах, а другая — мое мнение о настоящем нашем политическом положении¹³².

* мира любой ценой (фр.)

Вышло очень кстати, что я успел подготовить эти записки. Уже вчера Игнатъев, приехав ко мне, чтобы выведать мой взгляд, сказал, что князь Горчаков приготовил свою записку к нынешнему совещанию. Сколько известно Игнатъеву, канцлер, желая la paix à tout prix, клонит к демобилизации войск, по возможности безотлагательной, в чем поддерживает его сильно Рейтерн. Игнатъев высказывался, напротив того, в том же смысле, в каком изложена моя записка, а именно, что демобилизовать армию невозможно, не достигнув никакой, хотя бы даже для вида, уступки со стороны Турции и торжественного с ее стороны выражения желания примириться с Россией.

Совещание было назначено в 1 час; оно выходило из ряда обыкновенных наших совещаний: присутствовали, кроме всегдашних лиц, еще великий князь Константин Николаевич, министр финансов и Игнатъев. Пред заседанием великий князь Константин Николаевич начал было меня убеждать в необходимости во что бы ни стало устранить войну. В начале совещания и князь Горчаков, и сам Государь заговорили в том же смысле. Однако ж Государь пожелал, чтобы я прочел свою записку о военных наших силах, преимущественно в назидание канцлеру. Выслушав мое чтение, князь Горчаков, видимо озадаченный приведенными в записке громадными цифрами наших сил, сознался, что он не знал, в каком размере мы уже развернули их; он попробовал обратить и эту справку в пользу своего тезиса, сказав, что при таких грозных силах нам нечего опасаться, что уступка с нашей стороны может быть приписана нашей слабости. Затем говорил Рейтерн, разумеется, в том смысле, что Россия окончательно погибнет не только в случае войны, но даже и тогда, если долго еще будем держать армии на военном положении. Тема его была нетрудная, но он как-то особенно неудачно развивал ее: пустился в подробности, заговорил о хлопчатобумажных фабриках, о том, что мужики русские будто бы перестали покупать рубашки, отчего фабрики одни за другими закрываются, и т. д., все в таком роде. Затем канцлер прочел свою довольно длинную записку, в которой доказывалось, что ни в каком случае нет надобности держать наши войска на военном положении: если мы убедимся окончательно в нежелании держав побудить Порту к уступкам, то мы тогда объявим, что перестаем действовать заодно с Европой, — и сами... что же делаем? — распускаем армию и представляем Турцию собственной ее судьбе!... По выслушании такого чудовищного мнения моя записка пришла как нельзя более кстати; можно было бы подумать, что она сочинена прямо в ответ на только

* ultra-мирного настроения

Н. Н. Обручев

что прочитанную меморию канцлером. Первая половина моей записки очень пришлась по вкусу и ему, и Рейтерну, и всем другим, так что князь Горчаков несколько раз вполголоса выражал, что сам готов подписать все слышанное. «Не спешите, — сказал я, — заключение мое будет совсем не в вашем смысле». — Вот в чем состояла сущность моей записки: как ни бедственна война для России, однако ж избежать ее можно не иначе, как добившись мира почетного; распустить наши войска прежде, чем добьемся такого мира, мы не можем; а добиться его можем, только подняв голос и опираясь на нашу военную силу. Мысли эти были развиты Обручевым мастерски, и чтение мое видимо произвело сильное впечатление. Государь слушал с напряженным вниманием*; князь Горчаков, Рейтерн и великий князь Константин Николаевич видимо были озадачены¹³³. После меня начал говорить Игнатъев, стараясь перейти на практическую почву дипломатии и как бы желая примирить воззрения министерств иностранных дел и военного**; но, к сожалению, он запутался в подроб-

* князя Горчакова, Рейтерна и великого князя Константина Николаевича покорило.

** первоначально: «с моим»

ностях, и Государь, не дав ему досказать, прервал совещание, сказав, что дело слишком важно, что соберет нас вторично в субботу и что к тому времени каждый из присутствующих еще обдумает вопрос или сам положит свои мысли на бумагу. Уходя из комнаты, Государь взял у меня из рук обе мои записки. Мы разошлись в разные двери, как будто избегая умышленно всяких разговоров.

10-го февраля. Четверг. — Лишь только я вошел с докладом к Государю, он заговорил о моей записке, прочитанной в прошлом совещании (во вторник), отозвался о ней чрезвычайно благосклонно, как о выражении собственного его взгляда на настоящее положение дел, и выразил надежду, что сам канцлер изменит свое воззрение. «Я нарочно прервал совещание и не дал договорить Игнатьеву для того, чтобы не поставить вопроса слишком резко против князя Горчакова, а с другой стороны, чтобы самого Игнатьева избавить от затруднительной необходимости противуречить своему шефу». — Несколько спустя, среди моего доклада о текущих делах, когда оба великие князя вышли на несколько минут из кабинета, чтобы поздороваться с императрицей, Государь, оставшись со мною глаз на глаз, снова заговорил о моей записке, подал мне руку, благодарил за мой образ мыслей, за откровенное выражение их и прибавил, что давал мою записку прочитать государыне императрице, которая также вполне одобрила мое мнение.

Перед обедом приехал ко мне Игнатьев, чтобы сговориться относительно предстоящего в субботу совещания. По словам его, князь Горчаков будет стараться дать другое толкование своему мнению. Барон Жомини, редактировавший записку, прочитанную во вторник, говорит в свое извинение, что записка эта выбрана была самим канцлером из числа четырех приготовленных бароном Жомини вариантов. Какое наивное признание! Почему бы не прочитать и остальные три записки? Нельзя ли было бы выбрать из них более удачную? — Игнатьев готовит к субботе письменное изложение своих мнений.

11-го февраля. Пятница. — Сегодня был отпразднован 50-летний юбилей всеми уважаемого генерал-адъютанта Баранцова. Многочисленные сослуживцы и подчиненные его собрались к 11 часам утра в здании Главного артиллерийского управления; наследник цесаревич встретил юбиляра на правом фланге почетного караула от 2-й батареи лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады. А. А. Баранцов назначен шефом этой батареи. При входе его в первую залу я вручил ему рескрипт Государя и прочел его; потом представлялись разные депутаты, читались адреса, подносились медаль, альбом и проч. и проч. Почтенный друг мой был растроган до слез.

Сегодня же ездил поздравить другого юбиляра — генерал-адъютанта Яфимовича, который по этому случаю произведен в полные генералы и назначен членом Комитета раненых.

12-го февраля. Суббота. — Утром был во дворце, сначала — для поздравления их величеств и их высочеств по случаю причащения, потом — докладом и, наконец, в совещании* по делам политическим. Сверх всегдашних участников этих совещаний, приглашены были Игнатъев, министры финансов, внутренних дел и государственных имуществ. Двум последним, не участвовавшим в предыдущем совещании, Государь давал прочесть мою записку и с каждым из них имел разговоры по вопросу, подлежащему обсуждению. Когда все собрались в приемной комнате, я увидел ясно, что все три министра уже предварительно стакнулись с канцлером и пели на его тему¹³⁴; на меня же смотрели косо, избегали со мною разговора и как будто приготовили против меня грозный союз. Однако ж ничего такого не вышло. После прочтения нескольких новых телеграмм Государь сам заговорил о нашем теперешнем положении и прямо объявил, что прочитанная мною в предыдущем совещании записка вполне выражает его собственный взгляд и убеждения. После того прочитаны были записки Рейтерна и Игнатъева¹³⁵. В первой из них не сказано ничего нового: все та же песнь о финансовом и экономическом расстройстве России; в записке же Игнатъева были разобраны разные предположения о предстоящем нам плане действий и при этом выказана вся несообразность именно того предположения, которое было выражено в записке канцлера, читанной им в прошлый вторник. Князь Горчаков сильно морщился и дулся, а когда Игнатъев окончил чтение, канцлер не выдержал и с колкостью сказал, что, выслушав «инструкцию», данную ему Игнатъевым, он, однако же, не может во всем согласиться с ним. Государь заметил князю Горчакову, что в записке Игнатъева нет никакой инструкции, а изложены его мысли по требованию самого же канцлера. В новой записке князя Горчакова, весьма, впрочем, короткой, повторялась прежняя мысль, что, в случае отказа Европы от всяких мер для понуждения Порты (в чем, впрочем, не может быть и сомнения), Россия должна объявить в манифесте, что, отказываясь от дальнейшего совместного действия с другими державами, предоставляет себе полную свободу действий... и... распускает свою армию. Такое заключение шло совершенно вразрез всему, что пред тем было читано и говорено,

* в совещании по вопросу о нашем политическом положении и предстоящем образе действий.

вразрез убеждению, высказанному категорически самим Государем. Но Его Величество не возразил ему и, сказав еще несколько слов, прекратил совещание. Таким образом, ни Валуев, ни Тимашев не имели случая произнести ни единого слова, к крайнему прискорбию их, особенно Валуева, который, выходя из кабинета Государя, иронически сказал обычным своим баритоном: «Кажется, нельзя сегодня пожаловаться на мое многоречие».

Казалось, эти два продолжительные совещания не привели ни к какому положительному результату. Действительно, не было формулировано никакого заключения. Однако ж в сущности вопрос значительно разъяснился. Государь признал и ясно заявил, что как ни желательно избежать войны, однако ж надобно добиваться мира не какого-нибудь, не во что бы ни стало, а мира почетного, сообразного с достоинством России¹³⁶. Затем в записке Игнатъева намечен и некоторый план действий для нашей дипломатии с той целью, чтобы достигнуть такого результата, который дал бы нам уважительный повод к демобилизации армии. Во всяком случае, мысль о неотлагательной демобилизации была отвергнута. Такой результат можно считать уже довольно важным. Есть надежда, что мы избежим позорного роспуска армии пред нахальством турок.

14-го февраля. Понедельник. — Вчера сослуживцы и приятели генерала Баранцова, числом более 100 человек, собрались к обеду у Бореля; говорено немало спичей в честь юбиляра; вспоминали старину; старики как бы помолодели на несколько часов.

Сегодня же хоронили генерала Ушакова, председателя Главного военного суда; это был также человек почтенный*; его уважали за благородство характера и прямоту. Я присутствовал только при выносе гроба из дому; в Невский же монастырь на отпевание не мог ехать, чтобы поспеть в заседания Государственного совета и Особого присутствия по воинской повинности. — Обедал у германского посла Швейница.

15-го февраля. Вторник. — После доклада моего опять было совещание, к которому сверх всегдашних участников были приглашены Игнатъев и Валуев. Государь имел целью, собственно, решить вопрос о поездке Игнатъева в Берлин и Лондон для личного разъяснения** дела обоим кабинетам¹³⁷. Канцлер оспаривал это предположение, но остался совершенно один. Государь окончательно решил, чтобы Иг-

* хотя и не обширного ума.

** и направления дела.

натьев выехал не позже пятницы, и приказал сегодня же известить о прибытии его наших послов в Берлине и Лондоне.

Между совещанием и заседанием Комитета министров присутствовал я еще на одном из чтений офицеров Академии Генерального штаба. — Обедал у их величеств.

17-го февраля. Четверг. — В совещании, происходившем сегодня после моего доклада, опять присутствовали Игнатьев и Валуев. Канцлер прочел составленный в Министерстве иностранных дел проект инструкции Игнатьеву. В этом проекте излагалась программа того соглашения с кабинетами, которое могло бы привести к мирному исходу восточного вопроса, — программа очень умеренная, даже крайне скромная: мы удовольствуемся чрезвычайно малым*, чтобы только иметь благовидный предлог для демобилизации армии. Надобно надеяться, что Игнатьев будет настолько ловок и искусен, что выторгует что-нибудь побольше, чем эта жалкая программа князя Горчакова. Между тем получаютя отовсюду известия, благоприятные для достижения столь желаемой канцлером цели — *la paix à tout prix*. Не только Бисмарк начал опять говорить в смысле полного содействия видам петербургского кабинета, но даже** злой наш враг Биконсфильд вдруг переменяет тон и заговорил с графом Шуваловым о своей дружбе к России. Ключ к этой загадочной перемене заключается в том, что берлинский кабинет неосторожно обратился к лондонскому с предложением довольно рискованным — действовать заодно против Франции. Тайные замыслы Бисмарка обнаружались; вот для чего он и нас втягивал в войну с Турцией и для чего кокетничал с Австро-Венгрией. Однако ж лондонский кабинет отверг предложение, и можно думать, что эта неудача заставила Бисмарка возвратиться к прежней роли — друга России, а Биконсфильда — быть осторожнее и больше прежнего оберегать Европу от войны. Порта, со своей стороны, продолжает заискивать благорасположение Европы заключением мира с Сербией и Черногорией, обещанием реформ и уверением о желании своем распустить войска, содержание которых становится слишком уже не по силам ей. Мир с Сербией уже почти заключен; черногорские делегаты придут завтра в Константинополь. Граф Шувалов уведомляет, что идет речь о посылке турецкого чрезвычайного посольства в Петербург. Все это такие факты, ко-

* результатом

** отчаянный наш враг

торые облегчают мирный исход восточного вопроса, и теперь я начинаю верить тому, что действительно мы избегнем войны, хотя и не достигнув никакого существенного обеспечения на будущее время. Мы демобилизуем армию, успокоимся на некоторое время, но никто не поручится за продолжительное спокойствие на Балканском полуострове, и восточный вопрос может вспыхнуть снова, при обстоятельствах, еще менее, чем ныне, благоприятных для нас. Сама Англия уже начинает предусматривать близкое распадение Турецкой империи; Биконсфильд уже заводит речь о необходимости соглашения между державами на такой случай. — Есть ли тут действительная перемена во взглядах первого британского туркофила, или же — только удочка, на которую он хочет поймать русскую дипломатию¹³⁸?

19-го февраля. Суббота. — Поездка Игнатьева в Лондон встревожила и нашего посла графа Шувалова, и самих министров английских. Уже прежде граф Шувалов телеграммой отклонял неудобное для него прибытие Игнатьева; теперь же сам Игнатьев пред выездом из Петербурга получил от лорда Салисбюри убедительную просьбу отказаться от приезда в Лондон, потому что, по мнению его, приезд этот может более повредить делу, чем уладить его. Вследствие такого опасения решено, чтобы Игнатьев из Берлина ехал не в Лондон, а в Париж, куда выедет граф Шувалов для личных с ним объяснений. — Канцлер наш торжествует. Я встретил его, выходя после доклада из государева кабинета.

Сегодня в приказе объявлено о сформировании штабов остальных корпусов: гренадерского и восьми армейских, в дополнение к сформированным уже в ноябре шести корпусам; также назначены и корпусные командиры. Выбор этих лиц показывает, до какой степени мы бедны хорошими, боевыми генералами; между этими лицами есть такие, которые едва годны и в начальники дивизии*.

20-го февраля. Воскресенье. — Утром был на выносе тела умершего генерала Аничкова. В свое время это был замечательно спо-

* *Первоначальный текст после слов «...до какой степени мы бедны хорошими, боевыми генералами»; «: между этими лицами есть такие, которые и дивизией не могли бы командовать. Я остаюсь при своем прежнем убеждении, что инстанция корпусного командира совершенно лишняя в мирное время, особенно при составе корпусов из двух только пехотных дивизий. Но делать нечего; рано или поздно приходилось привести в исполнение то, что было постановлено в 1873 году; и в настоящее время эта мера облегчается тем, что Военному министерству отпускается широкой рукой сверхсметные кредиты под предлогом военных обстоятельств».*

собный офицер, особенно отличный редактор. В первые годы моего управления Военным министерством он был одним из главных моих помощников в деле предпринятых реформ: на нем лежала преимущественно редакционная работа. К сожалению, он рано сошел с поприща: последние семь лет жил в отставке, в болезненном состоянии, близком к умопомешательству. Давно уже я не виделся с ним; сегодня, взглянув на него в гробу, перенесся мыслями за пятнадцать лет назад, к эпохе кипучей деятельности нашей военной администрации, к началу всего длинного ряда преобразований, приведшего к настоящему нашему военному устройству.

22-го февраля. Вторник. — В происходившем сегодня совещании у Государя читались сведения, полученные из Берлина и Вены. Игнатъев имел продолжительные разговоры с Бисмарком, который сулил полную поддержку свою России в восточном вопросе, не только дипломатическую, но и материальную: войском и деньгами, если только мы предоставим Германии беспрепятственно расправиться с Францией. Не остается никакого сомнения в том, что Бисмарк точит зубы на эту ненавистную для него Францию; ему хочется доконать ее, пока еще она не окрепла и пока в Германии еще не остыл воинственный пыл. Наш канцлер отвечал*, что Россия не может сочувствовать враждебным замыслам Германии против Франции, но, с другой стороны — и с Францией не входит ни в какие соглашения. После этого ответа неизвестно, захочет ли Бисмарк выполнить данное Игнатъеву обещание — принять на себя почин соглашения между державами относительно подписания общего протокола по восточному вопросу приблизительно в том виде, в каком он был проектирован нашей дипломатической канцелярией.

Из Вены получены ответы Андраши на предложения наши относительно некоторых изменений в проектированной политической конвенции между Россией и Австро-Венгрией на случай распада Турции. Перемены эти более касаются редакции, чем существа дела; но в этих диалектических тонкостях проглядывает задняя мысль венского кабинета — пользоваться всякими случайностями для захвата всей Боснии и Герцеговины. Австрия всегда любила чужими руками жар загребать.

Вместо того, чтобы ехать в заседание Комитета министров, я навестил больного Александра Аггеевича Абазу. Разговор наш от общих вопросов политических, естественно, перешел на финансы. Абаза,

* послу нашему в Берлине,

хотя дружный с Рейтерном, не скрывает, что наш министр финансов впал в какое-то нравственное расслабление; он в таком нервном состоянии, что не может серьезно заниматься делом. Когда я завел речь о том, что нет никого, кто мог бы быть предложен кандидатом для замещения Рейтерна, то из некоторых слов Александра Аггеевича заключил, что он сам не отказался бы от места министра финансов, если б его несколько настойчиво попросили.

24-го февраля. Четверг. — По окончании моего доклада Государь удержал меня и принял в моем присутствии министра юстиции графа Палена. Поводом к тому было желание Государя, чтобы все министры, в ведении которых имеются высшие учебные заведения, снова собрались для обсуждения мер, которые можно было бы принять против продолжающегося распространения так называемого «нигилизма» между учащейся молодежью; а как из всех министров я старший, то совещание должно быть под моим председательством. По этому поводу граф Пален доложил Государю о ходе происходящего в настоящее время судебного процесса о политической пропаганде¹³⁹. Я вполне присоединился к мнению министра юстиции, что гласность была бы лучшим средством для противудействия зловредному направлению нашей молодежи и антисоциальным учениям, увлекающим множество легкомысленных людей. Таинственность придает какой-то интерес и заманчивость самым нелепым и безобразным замыслам; полное раскрытие этих замыслов лучше всяких преследований* нанесет удар зловредным учениям.

5-го марта. Суббота. — Более недели не было ничего, стоившего внесения в дневник. Политическое положение дел мало изменилось. С одной стороны, английское правительство склоняется на подписание коллективного протокола, предложенного нашим кабинетом чрез генерала Игнатьева, — торгуются только из редакционных тонкостей, не имеющих существенного значения; с другой же стороны — в Константинополе положение дел обещает мало хорошего: хотя между Турцией и Сербией мир заключен¹⁴⁰, однако же с Черногорией переговоры не имели успеха; турки нахально заявляют, будто Черногория считается *partie intégrante de l'Empire Ottoman*** , и отказывают в уступках территориальных, выговоренных на конференции. В Боснии и Герцеговине возобновляется восстание; меридиты угрожают туркам. Правительство турецкое не считает себя прочным, и ежедневно ожидают какого-нибудь нового сюрприза в Константинополе.

* разоблачит

** составной частью Османской империи (фр.)

К. И. Пален

Истые мусульмане и софты грозят призыванием снова Митхада-паши из ссылки. При такой обстановке можно ли придавать какое-нибудь значение обещаниям Порты, даже если бы они были вполне искренни. Сегодня, при докладе канцлера, Государь выражал опасение свое, что, несмотря даже на подписание протокола шестью державами, восточные дела не разрешатся без кровопролития. Уже нет речи о близкой демобилизации нашей армии.

Сегодня в ночь скончался старший сын великого князя Владимира Александровича — Александр Владимирович, после продолжительной болезни. Хотя ребенку было всего 1¹/₂ года, однако ж Государь очень огорчен.

7-го марта. Понедельник. — Вчера вечером тело покойного великого князя перевезено с обычной церемонией в Петропавловскую крепость, а сегодня утром было погребение. Вся царская семья погружена в печаль. К тому же получены весьма тревожные сведения о болезни старшего брата императрицы, принца Карла Гессен-Дармштадтского. Императрица намерена даже немедленно отправиться в Дармштадт; к завтрашнему вечеру велено приготовить поезд для ее величества.

8-го марта. Вторник. — Императрица отменила свой отъезд за границу; больной брат ее в таком положении, что едва ли она застала бы его в живых.

После своего доклада я присутствовал при докладе канцлера. Из Вены получено известие, что конвенция подписана¹⁴¹; по этому случаю император Франц-Иосиф в трогательной телеграмме сообщает нашему Государю свою радость. — Из Лондона еще нет известия о том, как приняты предложенные нами редакционные поправки в протоколе. — В Константинополе вчера происходила комедия открытия парламента¹⁴². Турки более, чем когда-либо, нахальны; они заранее заявили английскому правительству, что не дадут своего согласия на какой бы то ни было протокол. И все это Англия переносит со стоическим* смирением.

Сегодня великий князь Николай Николаевич младший (только на днях приехавший из действующей армии) и генерал-адъютант Тотлебен отправились в Берлин для принесения поздравления императору Вильгельму по случаю наступления 81-го года его жизни.

Генерал-адъютант Пав[ел] Ник[олаевич] Игнатъев (отец) по случаю смерти дочери его, княгини Енгальчевой, не мог сегодня председательствовать в Комитете министров и в Кавказском комитете; я должен был, как старший, занять место председателя в обоих заседаниях.

9-го марта. Среда. — В то время, когда, возвратившись из утренней поездки моей в клинику Вилье и в военную тюрьму, я собирался ехать в заседание Военного совета, получил приглашение во дворец, к 1 часу, на совещание. Присутствовали все лица, участвовавшие в прежних совещаниях, в том числе Рейтерн и Валуев. Канцлер прочел последние полученные из Лондона и Берлина депеши, из которых видно, что ни берлинский кабинет, ни лондонский не действуют искренно и прямодушно в отношении к нам. Бисмарк, уверявший Игнатъева и продолжающий уверять Убри в полной готовности Германии помогать России как для достижения мирного исхода, так и в случае войны, между тем в своих инструкциях Мюнстеру (послу германскому в Лондоне) ни одним словом не побуждает его поддержать нашего посла в переговорах с английскими министрами о протоколе. В совещании сегодня опять высказана была мысль, что в образе действий германского канцлера по-прежнему проглядывает постоянное желание втянуть нас в войну с Турцией (желание это так велико, что Бисмарк даже предлагает помочь нам в заключении займа в 100 или 200 миллионов рублей в Германии; более того — обещает даже ссуду из германского военного фонда); поэтому он не сочувствует ничему, что предпринимается нами с целью миролюбивого разрешения дела.

* уничтожением.

Английские же министры думают только о том, как бы скорее склонить Россию к демобилизации армии, и в этих только видах соглашаются подписать предложенный нами протокол; но, имея в то же время твердое намерение не сделать ни одного шага, имеющего характер понуждения Порты к уступкам, английские министры торгуются из редакционных мелочей. Теперь* главная задача: определительно постановить те условия, на которых мы можем согласиться на демобилизацию армии. В этом отношении наш канцлер не имеет отчетливого плана; как он сам, так и его** орудия за границей, желая во что бы ни стало покончить дело мирным путем, ограничиваются в своих многоречивых объяснениях с английскими дипломатами лишь общими выражениями, не заключающими в себе никакой конкретной мысли. Вдобавок графу Шувалову крайне неприятен приезд Игнатьева в Англию; в последних своих депешах он взводит на Игнатьева прямо обвинение в ложном показании, будто он был приглашен в Англию лордом Салисбюри и Биконсфилдом.

Государь недоволен ходом дипломатического дела, видит настоящее положение вещей в мрачном цвете и начинает сомневаться в возможности мирного исхода. Он прямо и резко высказывал эти мысли канцлеру, который продолжает верить и надеяться.

Совещание кончилось в исходе третьего часа, так что я приехал в Военный совет только к концу заседания.

11-го марта. Пятница. — Сегодня опять было совещание, с участием Валуева, Рейтерна и Тимашева. Предметом суждений были условия, на которых мы можем обещать Англии приступить к демобилизации армии. Я должен был опять стать вразрез мнениям, высказанным князем Горчаковым, Валуевым, Рейтерном и Тимашевым; на сторону их стали также граф Адлерберг и великий князь Константин Николаевич; все они снова высказывали, какие бедственные последствия для России может иметь война с Турцией, и потому признавали необходимым согласиться безусловно на предложенную английскую редакцию протокола, с обязательством с нашей стороны демобилизовать войска. Мое же мнение — что мы не должны отнюдь обещать*** демобилизацию прежде достижения каких-либо положительных результатов, чего трудно ожидать при настоящем положении Турции. Мнение это вполне разделяют Государь и наследник цесаревич. То же мнение прекрасно выражено в письме, только что полученном от Не-

* представляется главное затруднение —

** представители за границей

*** преждевременную

лидова и прочитанном в совещании. Государь весьма сильно и горячо высказал свои опасения, что в случае демобилизации наших войск немедленно после подписания бесцветного, бессодержательного лондонского протокола мы очутимся совершенно в том же положении, в каком были в 1875 году и летом 1876-го, что чрез короткое время нам придется опять мобилизовать войска, опять нести те же громадные пожертвования, какие уже сделаны нами бесплодно, и тогда, быть может, придется вести войну при обстановке политической еще менее выгодной. Совещание, однако же, кончилось тем, что Государь утвердил проектированный канцлером телеграфический ответ графу Шувалову и Игнатьеву о согласии нашем на принятую в Лондоне редакцию протокола, равно как и на предположенные условия, на которых мы можем обещать приступить к демобилизации.

Откровенно говоря, я не придаю никакого существенного значения всем этим прениям о той или другой редакции протокола, о тех или других* соглашениях между кабинетами¹⁴³. Вся эта дипломатическая, бумажная кампания, уже так долго и так бесплодно продолжающаяся на позор Европы, не изменит рокового хода событий на Балканском полуострове; факты могут расстроить все тонкие соображения дипломатов. Лондонский протокол останется пустым клочком бумаги. История с равным презрением отзовется о двух фарсах, разыгранных в одно и то же время в Лондоне и Константинополе: подписание шестью большими державами протокола, ни к чему и никого не обязывающего, столь же комично, как и открытие турецкого парламента, законченное обращением Савфета-паши к дипломатической трибуне.

14-го марта. Понедельник. — В субботу и воскресенье не было получено ничего важного о ходе переговоров по восточному вопросу; ожидаемая от графа Шувалова разъяснительная телеграмма о придуманной им новой комбинации получена только вчера вечером, а сегодня утром прочитана в совещании у Государя (опять с участием министров финансов, государственных имуществ и внутренних дел). Предложение графа Шувалова заключается в том, чтобы в протоколе ничего не упоминать о демобилизации, а предоставить ему, русскому послу, при подписании протокола заявить лично, *par une note verbale***, без подписи, что если будет заключен мир Турции с Черногорией, «*si la Porte accepte les conseils des cabinets et se montre prête à se replacer sur le pied de paix et à entreprendre sérieusement les*

* условиях

** в виде устного заявления (фр.)

réformes mentionnées dans le protocole»*, то она *может* отправить в Петербург посла для переговоров по вопросу о разоружении с обеих сторон. — Такой оборот дела, если на него последует согласие англичан, конечно, был бы** благовиднее для чести и достоинства России. В таком смысле и высказались все участвовавшие в совещании. Но затем все-таки вопрос оставался бы за решением самой Турции, а при теперешнем ее настроении весьма мало можно рассчитывать на благоразумие и податливость с ее стороны. Примирение с Черногорией, кажется, не состоится, а без этого и протокол лондонский останется без последствий. — Вообще в последние дни у нас в публике распространилось мнение о безнадежном положении восточного вопроса: как прежде все уверовали, без всякого основания, в мирный результат, так ныне все, столь же безотчетно, заговорили о неизбежности войны. К тому же большое впечатление произвела нескромная речь, сказанная в Московском славянском комитете председателем его Ив[аном] Серг[еевичем] Аксаковым¹⁴⁴. В этой речи он осуждает весьма резко весь ход нашей внешней политики и опять бьет в набат для спасения русской чести. Речь эта, конечно, не нравится Государю и не может нравиться; она не только резка, но и несвоевременна. Жаль, что подобными нескромными речами Аксаков вредит и своему личному положению и кредиту представляемого им общества. Последствием будут, несомненно, новые административные меры для обуздания Славянского комитета.

Процесс пропагандистов в народе должен кончиться сегодня приговором суда.

В субботу был я на выставке картин в Академии художеств и смотрел, между прочим, новую картину Семирадского, изображающую мучеников-христиан во времена Нерона. Картина производит большой эффект, говорят о ней много.

Вчера был у меня сенатор Половцев, близкий человек великого князя Владимира Александровича и отчасти наследника цесаревича; он приехал в назначенный мною час, чтобы прочесть мне составленную им записку о нынешнем положении нашем в отношении порядка ведения*** государственных дел¹⁴⁵; основная его мысль — что все беды наши проистекают от единоличного решения дел Государем

* «если Порта примет советы кабинетов и выкажет готовность, став на мирную точку зрения, серьезно предпринять реформы, упомянутые в протоколе» (фр.)

** весьма благоприятен для сохранения чести и достоинства России, если бы только англичане согласились на предложение графа Шувалова.

*** высших административных дел;

А. А. Половцов

по докладам министров, что для устранения этого недостатка необходимо дать иную организацию и иное значение высшим правительственным органам: Государственному совету, Сенату, Комитету и Совету министров и проч. Основную мысль этой записки отвергать нельзя, но предлагаемые способы исправления выставляемых недостатков во многом можно оспаривать. Недоумеваю только, может ли в настоящее время подобная записка вести к какому-нибудь практическому результату. Сам автор сомневается в своевременности возбуждения подобного вопроса.

16-го марта. Среда. — Сегодня было замечательное заседание Совета министров. Государь собрал нас для личного объявления своей воли, чтобы обсужен был в особой комиссии вопрос о мерах, какие следует принять для* противодействия революционной пропаганде. Тимашев предложил образовать для этого комиссию из второстепенных лиц разных ведомств, с приглашением в совещания губернаторов, предводителей дворянства, жандармских чинов и проч. Граф Пален представил курьезный схематический чертеж,

* прекращения

изображающий на основании произведенных доселе судебных расследований, какими путями пропаганда идет из Петербурга как центра в разные местности России. Князь Горчаков попробовал поднять вопрос в высшую сферу политическую; но так как он по-русски говорить не умеет, то речь его не была понята; я, в свою очередь, развил мысль канцлера, объяснив, что для составления программы в руководство предложенной комиссии нужно сперва получить высочайшее указание относительно объема подлежащей задачи: имеется ли в виду только обсуждать еще раз одни репрессивные, так сказать, полицейские меры против пропагандистов, или угодно разобрать дело глубже, раскрыть самые причины, способствующие пропаганде, и указать меры к тому, чтобы враждебные влияния, приходящие извне, не находили у нас благоприятной почвы. Пока я говорил, казалось, и Государь, и некоторые другие лица слушали сочувственно, а принц Петр Георгиевич Ольденбургский и Пав[ел] Ник[олаевич] Игнатьев даже отозвались полным согласием с моим взглядом. Но со стороны наших истых консерваторов слова мои вызвали целый поток возражений: Тимашев нашел в моих указаниях опасность для всего государственного строя и даже вклеил слово — конституция; граф Толстой нашел, что ради «нескольких сот нигилистов» не стоит поднимать таких вопросов; к ним присоединился, конечно, и граф Пален, а Грейг пошел далее: он начал снова развивать ту мысль, что не следует всякого бедняка допускать к высшему образованию. Весь этот хор, конечно, произвел свое действие: Государь строго произнес приговор, что ему одному принадлежит право возбуждать важные государственные вопросы, а не какой-нибудь второстепенной комиссии, которая должна ограничиться только обсуждением тех мер, какие можно ныне же принять к прекращению пропаганды. Я решился, однако же, высказать еще раз, что подобной узкой постановкой вопроса невозможно разрешить задачу, что зло имеет корни глубоко и что органическая болезнь не излечивается наружными пластырями. Никакого нет сомнения в том, что и новая комиссия будет так же бесплодна, как была прежняя подобная комиссия, заседавшая несколько лет тому назад под председательством Валуева.

Из дворца я переехал в заседание Военного совета. И тут были продолжительные и горячие прения по вопросу об изменении разрядов, установленных для приема малолетних в военные гимназии. И тут нашли политическую сторону дела: сословные права дворянства и обязательность распространения благотворительного значения военно-учебных заведений на детей гражданских чинов. Проби-

до 5 часов — и мы еще не пришли к положительному результату, так что решили отложить дело до следующего заседания.

17-го марта. Четверг. — При докладе моем Государь прочел полученные вчера вечером телеграммы из Лондона: англичане согласились подписать протокол, принять заявление графа Шувалова относительно условий, на которых можем войти в прямые с Портой соглашения относительно обоюдной демобилизации, и в то же время со своей стороны заявить, что в случае разрыва между нами и Турцией протокол утратит свою силу. Последняя оговорка была предложена самим Шуваловым с той целью, чтобы успокоить опасения английского министерства, что на него, в случае безуспешности протокола, падут обвинения в напрасном подписании такого документа, а с другой стороны, чтоб и для России, в случае разрыва с Портой, протокол не связывал бы рук. Комбинация эта была вполне одобрена Государем; в 1 час пополудни было обычное совещание для прочтения новых телеграмм и депеш, так же как и заготовленного канцлером ответа графу Шувалову.

19-го марта. Суббота. — Генерал Игнатъев возвратился; он заехал ко мне и рассказывал с обычным самодовольствием о своих успехах во всех четырех столицах, глумился над промахами графа Шувалова, который, по словам Игнатъева, до его приезда в Англию чуть не испортил будто бы дела, допустив без крайней надобности изменения в редакции протокола и связав подписание его с условием о нашей демобилизации.

Сегодня вечером получена телеграмма из Лондона, что протокол подписан¹⁴⁶. Теперь развязка будет в Константинополе.

20-го марта. Воскресенье. — На прошедшей неделе в Берлине праздновался день рождения императора Вильгельма, которому минуло 80 лет. В этот день обыкновенно и у нас бывает торжественный обед во дворце, но на сей раз по случаю траура обед отложен был до нынешнего дня. Кроме обычного тоста в честь 80-летнего императора, обед ничем другим не ознаменовался.

28-го марта. Понедельник. — В продолжение всей страстной недели нечего было вписывать в дневник. Говение и некоторые семейные заботы отвлекали меня от обычных забот служебных. Впрочем, во все это время и не произошло ничего замечательного в ходе политических дел. Неделя прошла в ожидании известий о том, как приняты в Константинополе заявления представителей больших держав вследствие лондонского протокола и нашей декларации. Порта упорствует

* недоразумения

в отказе на все требования Черногории. Из Лондона получен вопрос: не согласится ли наш кабинет принять турецкого посла, не ожидая заключения мира между Портой и Черногорией. И на это наши дипломаты согласились. Но все уступки их ни к чему не ведут, а только более подстрекают нахальство и дерзость Порты. — Сегодня утром было у Государя обыкновенное совещание, в котором уже и сам канцлер признал, что на мирный исход дел мало надежды. Из полученных вчера телеграмм видно, что турки решительно готовятся к войне, намереваются атаковать меридитов и не иначе соглашаются прислать в Петербург посла, как одновременно с присылкой нашего посла в Константинополь. Государь выразил негодование свое на такую дерзость Порты и признал невозможным долее выносить тяжелое неопределенное положение, в котором мы находимся уже столько месяцев. Я обратил внимание Государя на необходимость такого расчета времени, чтобы в случае объявления войны можно было успеть предварительно сделать все распоряжения к переходу войск чрез границу одновременно с объявлением войны. Решено телеграфировать обоим главнокомандующим, чтобы они теперь же приступили ко всем приготовительным мерам, независимо от повеления, которое должно последовать особо о предположенной дополнительной мобилизации войск. Телеграммы эти уже отправлены мною в Кишинев и Тифлис.

Сегодня был семейный обед у Алекс[андра] Аггеев[ича] Абазы по случаю дня рождения и совершеннолетия племянника нашего, Юрия Милютина.

29-го марта. Вторник. — Полковой праздник лейб-гвардии Конного полка справлялся сегодня, вместо 25-го числа (так как день Благовещения пришелся в Страстную пятницу). Поэтому я провел большую часть дня в полной форме, а в промежутках между докладом и парадом, между парадом и обедом во дворце разбираю шифрованные телеграммы, полученные от обоих главнокомандующих в ответ на вчерашние мои телеграммы. В ответе из Кишинева великий князь Николай Николаевич уже торопится определить самый день перехода армии за границу; чрез 10 дней все готово к начатию действий. Великий князь Михаил Николаевич считает возможным начать* действия около 12 апреля, и то с оговорками: по его мнению, можно открыть наступательные действия только к стороне Кобулет; главные же силы в Александрополе и Эриванский отряд, хотя могли бы немедленно перейти чрез границу, но по времени года и по

* наступление

недостаточности сил* не могут пока действовать решительно. Кроме того, великий князь Николай Николаевич в телеграмме прямо на имя Государя снова настойчиво требует отпуска золотой монеты для заграничных расходов. По приказанию Государя я лично ездил к министру финансов и передал ему положительное повеление об отпуске 3-х миллионов золотом; однако ж Рейтерн и на этот раз попробовал отказать и прислал Государю записку о невозможности исполнения его повеления. Государь настоял, чтобы отпущено было хотя два миллиона. По этому предмету я имел довольно резкое объяснение с Грейгом после обеда во дворце. Грейг постоянно держит сторону Рейтерна, принимая с комической самонадеянностью вид знатока в финансовом деле.

В то время как главнокомандующие уже заботятся о немедленном назначении дня перехода чрез границу и когда в понятиях Государя война должна быть объявлена уже чрез несколько дней, наш маститый канцлер, вместо того, чтобы готовить по возможности благоприятную для открытия войны политическую обстановку и подвести дело к данному моменту таким образом, чтобы не поднять снова в Европе гвалта против России, продолжает по-прежнему замазывать и улаживать, как будто все еще надеясь на мирное решение вопроса. Вечером приехал ко мне барон Жомини, правая рука князя Горчакова; даже он возмущен образом действий своего шефа и ко мне же обратился, чтобы побудить канцлера действовать энергичнее в предвидении неизбежной войны. Князь Горчаков склоняет Черногорию к новым уступкам для заключения мира с Портой, в то время, когда мы собираемся объявить ей войну! Видно, мало еще того промаха, что мы допустили турок задавить Сербию и лишились подмоги с ее стороны для нашей армии; наш канцлер как будто нарочно делает все возможное, чтобы в случае войны поставить нас в невыгоднейшее положение.

30-го марта. Среда. — Совещание сегодня было в бóльшем составе, чем обыкновенно: к числу всегдашних участников присоединились Рейтерн, Валуев, Н. П. Игнатьев, Тимашев и князь Лобанов-Ростовский (исправлявший в продолжение нескольких дней должность министра внутренних дел по случаю смерти сына генерала Тимашева). Канцлер прочел полученный секретным путем циркуляр Порты ко всем большим державам по поводу лондонского протокола. Циркуляр этот, отлично и умно написанный, заключает в себе полное отрицание права Европы вмешиваться во внутренние дела Тур-

* как думает главнокомандующий Кавказской армией,

ции; Порта с негодованием отвергает протокол и декларацию графа Шувалова. Документ этот окончательно указывает невозможность мирного исхода дела; не остается более сомнения в том, что Порта решила на войну; поэтому и нам уже невозможно долее колебаться и уступать. Сам канцлер, который еще вчера хлопотал о примирении во что бы ни стало Черногории с Портой, который, вопреки мнению всех окружающих его, думал только об устранении войны, теперь вдруг ободрился и торжественно заявил, что, видя окончательно неизбежность войны, намеревается отныне вести политику энергично, без колебаний и без полумер! — Увидим, что будет на деле.

Государь*, решившись на войну, предложил на обсуждение вопрос о том, в какой срок и каким порядком должен совершиться разрыв. Положено начать с 3-го апреля дополнительную мобилизацию войск, заранее уже предположенную и подготовленную; затем отправить ко всем большим дворам циркулярную ноту, объясняющую причины разрыва; 12-е апреля назначено днем формального объявления войны; этим числом пометить манифест о войне; в тот же день одновременно во всех столицах предъявить означенную выше ноту, а войскам нашим перейти границу как в Бессарабии, так и в Закавказье. В заключение совещания прочитан проект манифеста, подготовленный общими силами графа Адлерберга, Валуева и князя Урусова.

Возвратившись домой из совещания, я должен был употребить большую часть дня на составление и шифровку телеграмм в Кишинев, Одессу, Тифлис и другие места для предварительного извещения начальствующих лиц о постановленном решении. Работа моя была прервана посещением Н. П. Игнатьева, Гирса и Ионина, которые, по-видимому, сговорились съехаться ко мне, чтобы чрез мое посредничество провести некоторые спешные распоряжения, от которых князь Горчаков уклонялся, как непослушный ребенок. Дело шло о некотором увеличении денежного пособия, назначенного Черногории, о доставке 10 тысяч ружей греческим инсургентам, о посылке военного агента в Персию, снабжении инструкциями нашего посланника в Тегеране и т. п. — Я должен был обещать им завтра же доложить обо всех этих предметах Государю, хотя и сознаю, что беру на себя чужое дело.

31-го марта. Четверг. — Государь объявил мне при моем докладе, что намерен выехать из Петербурга в действующую армию в половине будущей недели, так чтобы прибыть в Кишинев за день до пере-

* решив, что война неизбежна,

хода войск чрез границу. Там же будет подписан и манифест о войне. Я еду с Государем.

Обедал я у их величеств. Разговор почти исключительно вращался на исторических воспоминаниях. И Государь, и императрица обладают необыкновенной памятью и * любят припоминать прошлое. Головы их — живые хроники**.

Сегодня турецкий посланник передал Министерству иностранных дел полученный им от Порты циркуляр, содержание которого было уже вчера нам прочитано. Игнатьев опять заехал ко мне и передал несколько записок по таким предметам, которые князь Горчаков сваливает со своих плеч на Военное министерство. Наш канцлер, как говорят, ликует: он уверяет всех, что теперь дело его кончено и дальнейшие заботы переходят на Военное министерство. — Вот какой взгляд его на роль дипломатии.

5-го апреля. Вторник. — В последние дни было у меня много работы, так что не имел ни минуты свободной, чтобы заглянуть в свой дневник. Впрочем, и не было ничего замечательного за это время. С тех пор как война решена, всем как будто стало легче; в городе настроение довольно воинственное, хотя, разумеется, люди желчные ворчат. Сам Государь, хотя озабочен, но менее нервен, чем прежде. Отъезд его назначен в ночь с 7-го на 8-е апреля; смотры войскам действующей армии предположены 10, 11 и 12 апреля в Жмеринке, Бирзуле, Тирасполе, Кишиневе и Унгени.

По сведениям, полученным из Кишинева, о предположенном движении за границу, оказывается, что большая часть войск будет направлена пешим порядком, ввиду слабой провозоспособности румынских железных дорог. Но при этом выступление войск эшелонами растянуто на такое продолжительное время, что не могу не подивиться чрезмерной медлительности, зная энергичный характер нашего главнокомандующего. Я счел необходимым даже телеграфировать ему в этом смысле, но получил ответ, что сделанного расчета изменить уже невозможно. Крайне будет прискорбно, если с самого начала действий мы не покажем энергии и решительности. Сегодня я докладывал об этом Государю, но отсюда трудно направлять распоряжения главнокомандующего; приходится отложить разъяснение вопроса до прибытия нашего в Кишинев.

Сегодня получено известие, что конвенция с Румынией наконец подписана¹⁴⁷. — Со вчерашнего же дня началась дополнительная мо-

* страстно

** и дневники.

билизация наших войск. К сожалению, отовсюду получаются известия о прекращении сообщений то от разлива рек, то от повреждения железных дорог, ледохода и т. д.

12-го апреля. Вторник. Кишинев. — Сегодня совершилось историческое событие: объявлена война Порте, и в прошлую ночь войска наши уже перешли границу как европейскую, так и азиатскую. Подписанный сегодня, в Кишиневе, манифест появится в завтрашних газетах.

Государь с наследником цесаревичем выехал из Петербурга в ночь с 7 на 8 апреля (с четверга на пятницу). Сопровождали его в поезде, кроме меня, генерал-адъютанты граф Адлерберг, Игнатъев, Мезенцов, Рылеев, Воейков, граф Воронцов-Дашков, генерал-майор свиты Салтыков, из флигель-адъютантов князь Долгоруков, затем прусский и австрийский военные агенты (генерал-адъютант Вердер и флигель-адъютант барон Бехтольсгейм), два адъютанта наследника и чины военно-походной канцелярии. Независимо от этой свиты, отправлено вперед, в Кишинев, большое число флигель-адъютантов, генералов свиты и три генерал-адъютанта: князь Меншиков, Чертков (Михаил) и Левашов. Ехали мы безостановочно до самой Жмеринки, и почти на всем пути провожала нас сквернейшая погода: снег, вьюга. Первый смотр войскам был в Жмеринке, утром 10-го числа (воскресенье). Несмотря на холодную и сырую погоду, на невылазную грязь, 5-я пехотная дивизия представилась в превосходном виде. Точно так же и вечером в Бирзуле 31-я пехотная и 9-я кавалерийская дивизии показали себя в отличном состоянии. Даже прежние пессимисты, сомневавшиеся в существовании русской армии после всех реформ последних 10, 15 лет, должны были успокоиться. В особенности замечателен был бодрый, смелый вид теперешнего солдата сравнительно с прежним, забитым, запуганным страдальцем. Государь после каждого смотра собирал около себя офицеров, говорил им несколько слов, на которые они отвечали взрывом восторженных «ура!». Как на первых двух смотрах, так и на последующих, выказалось возбужденное состояние духа во всех войсках; тут не было ничего искусственного, поддельного, а выказывался на всех лицах искренний энтузиазм.

Вечером 10-го числа прибыли мы в Тирасполь. Здесь на станции железной дороги встретил Государя главнокомандующий армии великий князь Николай Николаевич с частью своего штаба и русский генеральный консул в Бухаресте барон Стюарт. Этот последний выехал навстречу Государю с той целью, чтобы убедить Его Величество, по просьбе румынского князя Карла, замедлить на

несколько дней объявление войны и открытие военных действий; князь Карл признавал это необходимым не столько потому, что Румыния вовсе не приготовилась к войне (да и не могла подготовиться, так как, по словам барона Стюарта, казначейство ее было совершенно пусто), сколько по соображениям внутренней политики: князь Карл, подписав конвенцию, убоился последствий нарушения конституции и решился собрать 15-го числа Сенат, чтобы легализовать заключенный акт. По этому предмету происходило в императорском вагоне совещание. Великий князь главнокомандующий и генерал Левицкий объяснили сделанные ими распоряжения на предстоящую ночь с 11-го на 12-е число; все было уже готово к переходу за границу; при этом было в особенности важно начать движение неожиданно для турок, дабы хотя передовым отрядам успеть занять Галац и Браилов и прикрыть Барбошский мост на Серете. Игнатьев и я старались отклонить мысль об отсрочке начала войны. Подобная перемена накануне дня, заранее назначенного, могла бы произвести крайне прискорбные замешательства, тем более, что кавказские войска на границе Азиатской Турции могли бы и не получить своевременно извещения об отсрочке. Во всяком случае, мы лишились бы выгоды внезапности нападения. По всем этим соображениям и несмотря на настойчивые убеждения барона Стюарта, Государь решился не изменять сделанных распоряжений, а барону Стюарту приказал немедленно отправиться обратно в Бухарест, объяснить князю Карлу невозможность исполнения его желания и вместе с тем вручить ему на первый раз миллион франков золотом, в счет той ссуды, которую он просил для покрытия самых неотложных расходов. Так и было сделано: барон Стюарт в ту же ночь уехал с экстренным поездом и проездом чрез Кишинев получил из полевого казначейства золото.

11-го числа, в понедельник, в 9 часов утра, происходил у самой станции Тираспольской смотр 9-й пехотной дивизии и 9-й бригаде 32-й дивизии. Погода была сносная; войсками Государь был очень доволен и немедленно после смотра продолжал путь далее, без остановки в Кишиневе, до Унгени, последней станции железной дороги по сю сторону Прута. Во время проезда чрез Кишинев Государь принял князя Гику, присланного румынским князем с подписанной конвенцией; ему же, князю Гике, было поручено войти в переговоры о займе. Румынский посланец остался в императорском поезде на всем пути до Унгени и обратно в Кишинев.

Во время этого переезда погода опять изменилась, термометр опустился ниже нуля, пошел снег, поднялся ветер, и потому смотр

войскам в Унгени происходил при самых неблагоприятных условиях. Тут были собраны 12-я пехотная и 8-я кавалерийская дивизии с 7-м саперным и железнодорожным батальонами. Войска эти стояли биваком, имея при себе только легкие походные палатки. Дождь и снег так и хлестали в лицо; на поле грязь была невообразимая. И все-таки войска были бодры, стройны и столько же одушевлены, сколько и все другие, бывшие до сих пор на смотрях; даже, кажется, еще несколько более других, может быть, под впечатлением местных условий: войска эти стояли на самой границе, первые переступят ее; железнодорожный батальон и саперы уже работали на самом мосту чрез Прут.

В Кишинев вернулись мы уже в двенадцатом часу ночи. Как обыкновенно, станция была переполнена начальствующими лицами, депутациями и публикой. Нас развезли по квартирам, отведенным в разных частных домах. Меня поместили в красивом доме некоего г-на Семиградова, по-видимому, богатого помещика Бендерского уезда и тамошнего предводителя дворянства. Г-жа Семиградова, как кажется, молдаванка или гречанка, очень любезно указала отведенные мне комнаты. Через несколько минут навестил меня мой сын, приехавший сюда за несколько дней ранее в числе присланных вперед флигель-адъютантов.

Сегодня, 12-го числа, в 9-м часу утра, приехав к Государю в губернаторский дом, я узнал, что манифест о войне подписан и дано знать по телеграфу о опубликовании его. Я также отправил известительные телеграммы в Одессу, Тифлис и Петербург. В 9 часов Государь поехал в собор; при входе встретил его архиерей Павел красноречивой речью, которая была бы очень хороша, если б была покороче и если б не попали в нее некоторые неуместные политические намеки. После краткого молебствия Государь поехал за город, на поляну, на которой выстроены были войска: 14-я пехотная и 11-я кавалерийская дивизии, с частью саперной бригады, собственным Е. В. конвоем и 2-мя только что сформированными болгарскими дружинами. Вся дорога к этой поляне, грязная и гористая, была запружена множеством еле тащившихся экипажей всякого рода и массами пешеходов. Моя тяжелая коляска, запряженная парой кляч, совсем завязла в грязи, так что подвезли меня ехавшие за мной добрые люди. Погода в это утро поправилась: выглянуло солнце и термометр поднялся до 10°. Пока Государь объезжал шагом обе длинные линии войск, пред фронтом их поставлен был налой и подоспело духовенство. Мы сошли с лошадей, и сам архиерей прочел пред войсками манифест, после чего началось молебствие с

коленипреклонением. Архиепископ Павел снова сказал речь, обращаясь уже «к воинам», и затем благословил образами как великого князя Николая Николаевича, «нашего архистратига», так и генерала Драгомирова, начальствовавшего расположенными в Кишиневе войсками. В этой церемонии было столько торжественности и глубокого значения, что многие из присутствовавших, начиная с самого Государя, были растроганы до слез; да и сам архиепископ едва договорил сквозь слезы последние слова. После того войска прошли мимо Государя, и в числе их обе болгарские дружины, имевшие вид весьма внушительный. Когда же Государь, проехав сквозь массу собранных войск, окруженный офицерами, высказал им несколько теплых, задушевных слов, то вся толпа и офицеров, и солдат одушевилась таким энтузиазмом, какого еще никогда не случилось мне видеть в наших войсках. Они кричали, бросали шапки вверх, многие, очень многие навзрыд плакали. Толпы народа бежали потом за Государем с криками «ура». — Очевидно, что нынешняя война с Турцией вполне популярна.

По возвращении в город у Государя была домашняя панихида, собственно для семьи, по случаю годовщины смерти покойного наследника Николая Александровича. Мне говорили, что 12-го же апреля была объявлена война с Турцией в 1828 году.

Во время завтрака у Государя я читал ему полученные утром телеграммы и дипломатические депеши. В Константинополь прибыл новый английский посол Лаярд с надеждой сделать еще попытку к устранению войны; он предлагал Порте послать в Кишинев посла для приветствования Государя. Турки отказались; Лаярд, как пишут, объявил им, чтоб они не ждали поддержки от Англии. 11-го числа, т. е. вчера, вечером, Нелидов объявил Порте, что прерывает все дипломатические с нею сношения, и все посольство наше выехало из Константинополя в Одессу, оставив дома в Пере и в Буюк-Дерэ на попечении германского посольства. В Европе окончательно убедились, что война между Россией и Портой сделалась неизбежной.

Сделав до обеда несколько визитов, я потом принимал у себя лиц полевого управления армии; обедал за свитским столом, а вечером занялся привезенными из Петербурга бумагами, писал письма к жене в Крым и дочерям в Петербург.

От жены получил телеграмму со станции Александровской с извещением о перерыве сообщения по Лозово-Севастопольской дороге. Она, бедная, должна ожидать на плохой станции исправления дороги, подмытой разливом Днестра. Отовсюду получают подобные же

прискорбные сведения: разлив рек и дожди прервали многие линии сообщений не только на железных дорогах, но и на простых, грунтовых. Так же, как и прошлой осенью, мобилизация производится при самых невыгодных условиях. Несмотря на то, из многих губерний получены известия, что сбор запасных и укомплектование войск производятся с полным успехом.

13-го апреля. Среда. — Утром имел доклад у Государя; потом сделал визит архиерею, заехал опять к великому князю главнокомандующему, к румынскому агенту князю Гике; а в 6 часов большой обед у Государя.

Получены известия от передовых отрядов: казаки, перейдя границу около 5 часов утра по направлению от Кубеи к Рени, были уже в 6 часов вечера в Галаце и у Барбошского моста; вслед за ними пошла к Галацу и пехота, сделав в одни сутки более 70 верст. Другие отряды дошли до Ясс, и хотя румынское железнодорожное управление отказывалось дать поезда для войск, однако ж сегодня движение продолжается к Галацу. Князь Гика сказал мне, что румынское правительство крайне оскорблено нашим внезапным вступлением в пределы Румынии, без предварения князя и местных властей; не менее обижены и прокламацией, сочиненной в Министерстве иностранных дел и разосланной к румынскому населению от имени великого князя главнокомандующего. Чтобы несколько сгладить это невыгодное для нас впечатление в Румынии, решено послать в Бухарест письма от Государя и от великого князя с флигель-адъютантом князем Ник[олаем] Долгоруким.

Из Тифлиса получено известие о переходе наших войск чрез границу**. Турецкие пограничные посты захвачены врасплох. На иных пунктах были ничтожные перестрелки.

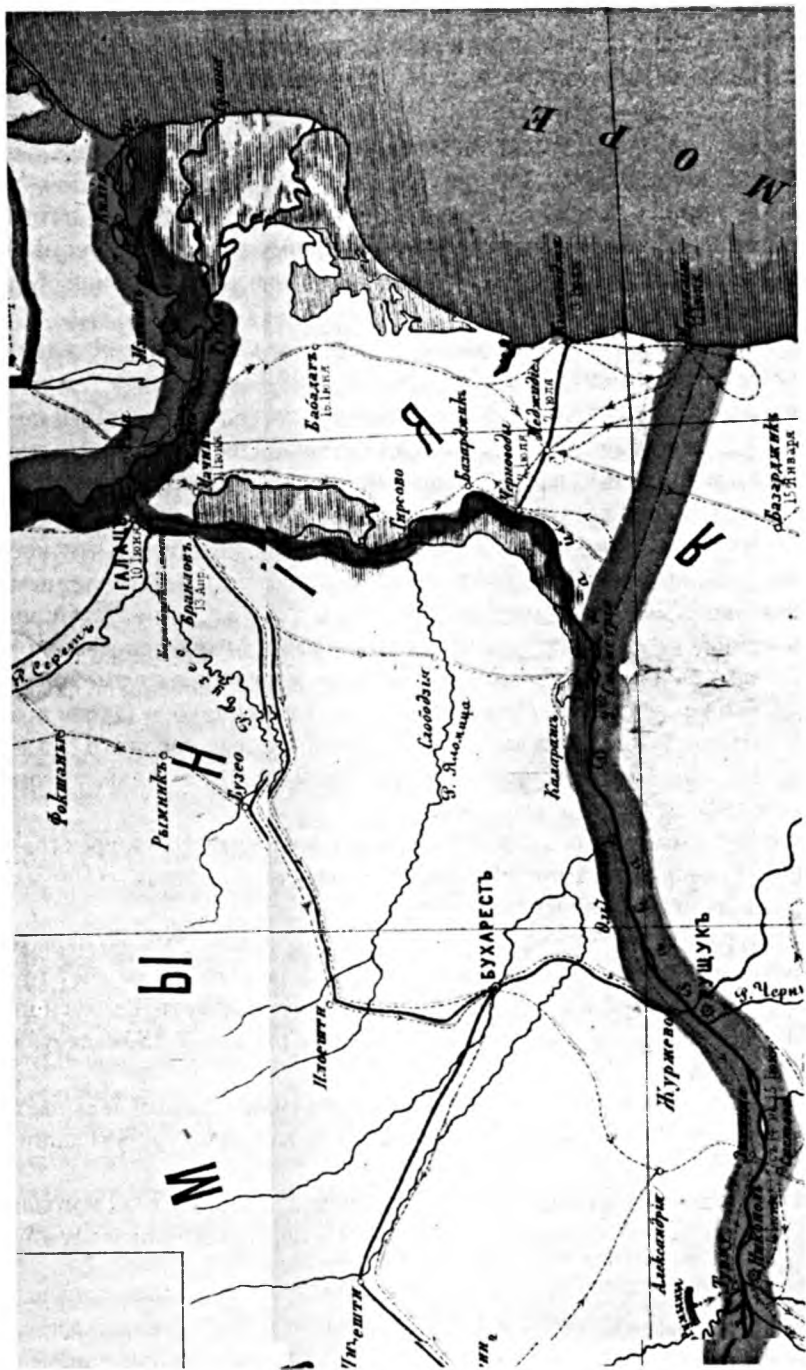
Телеграмма из Москвы извещает, что Городская дума, по первому известию об объявлении войны, положила открыть на счет города 1000 кроватей для раненых и сверх того поднести 1 миллион рублей в распоряжение Ее Величества для расходов по обществу Красного Креста.

К сожалению, погода сегодня опять испортилась: целый день льет дождь; дороги и улицы опять обратились в какую-то густую кашу. Какое затруднение для движения войск.

15-го апреля. Пятница. — Вчера продолжалась ненастная погода; сегодня дождя нет, но холодно и ветрено. От передовых войск нет ни-

* как будто нарочно

** на всех пунктах.

Карта театра войны в Европейской Турции в 1877—1878 г. Фрагмент

чего нового. В Измаиле приняли их с восторгом. На азиатском театре войны еще были стычки, на границе Аджарии. Вчера два турецкие броненосца бомбардировали пост Св. Николая.

Сегодня приехал сюда действительный статский советник Нелидов, остававшийся в Константинополе после отъезда Игнатьева в качестве поверенного в делах. Государь принял его в присутствии Игнатьева, графа Адлерберга и моем. По рассказам его, турки никак не ожидали такого скорого и внезапного открытия военных действий. При выезде посольства из Константинополя толпы народа провожали его сочувственно и почтительно, а когда поверенный в делах отчалил от берега на каике, многие христиане в толпе сняли шапки и крестились. Можно ожидать еще больших переворотов в Константинополе; положение нынешнего султана непрочно, он живет в постоянном страхе, окруженный вооруженной стражей.

Между тем получены из Парижа телеграммы о том, будто Порта уже заявила желание принять лондонский протокол, но ей отвечали: *troppo tardi**.

Московское купечество еще пожертвовало миллион рублей на раненых и семейства убитых.

16-го апреля. Суббота. — По случаю завтрашнего дня рождения своего Государь приказал мне приготовить рескрипт на имя великого князя Николая Николаевича и приказ о назначении его шефом Волынского пехотного полка, а также приказ о назначении генерал-адъютанта Непокойчицкого шефом Минского пехотного полка; генерал-адъютанту графу Адлербергу предназначена награда — орден Св. Владимира 1 степени, которого он еще не имеет, хотя уже несколько лет тому назад получил орден Св. Андрея Первозванного. — Пред обедом, после смотра вступившим в Кишинев войскам 9-й пехотной дивизии, я поднес все приготовленные приказы, рескрипт и грамоту на высочайшее утверждение. За обедом же Государь, совершенно неожиданно для нас, провозгласил тост за трех новых шефов полков: в числе этих троих — поздравил и меня шефом 121-го пехотного Пензенского полка и при этом сказал, что выбрал этот полк на том основании, что это первый полк 31-й пехотной дивизии, — одной из новых, сформированных уже в мое управление Военным министерством, и блестящим образом представившейся на первом высочайшем смотре в Бирзуле. Назначение шефом полка считается самой почетной и высшей наградой, особенно когда полку придается название по имени шефа.

* слишком поздно (*ит.*)

На днях приехал сюда, в Кишинев, генерал Черняев. Изумляет меня оказываемая ему необыкновенная снисходительность: Государь все прощает ему и как будто сам желает, чтобы этот самодур был снова на службе. Сегодня утром Государь сказал мне, что согласен на определение Черняева, но^{*} полагает отправить его в Кавказскую армию. Я просил позволение предварительно телеграфировать об этом великому князю Михаилу Николаевичу, от которого вечером же получил ответ, что ему нежелательно назначение Черняева на Кавказ. Между тем получаю сейчас записку от Государя, чтобы внести в завтрашний же приказ определение Черняева на службу, с зачислением по Генеральному штабу.

17-го апреля. Воскресенье. — По случаю торжественного дня рождения Государя была служба в соборе и большой парадный обед в зале клуба. Перед обедом Государь смотрел еще одну проходящую чрез Кишинев пехотную бригаду. Вечером город иллюминирован.

Получено известие из Бухареста, что палата огромным большинством голосов одобрила заключенную конвенцию между Румынией и Россией. Сегодня должно происходить по тому же предмету заседание Сената.

Других замечательных новостей не получено. Турецкие броненосцы вторично обстреливали пост Св. Николая.

Относительно Черняева Государь решил отправить его на Кавказ, несмотря на нежелание великого князя Михаила Николаевича¹⁴⁸. Говорят, что приехал сюда и Ростислав Фадеев.

26-го апреля. Вторник. Петербург. — В последние два дня пребывания в Кишиневе и в продолжение всего путешествия чрез Одессу, Киев и Москву до Петербурга не было ни минуты свободной, чтобы заглянуть в дневник. А между тем неделя эта была обильна фактами и впечатлениями.

18-го числа Государь смотрел еще один проходивший чрез Кишинев эшелон войск. Из Бухареста получены были удовлетворительные сведения о решении Сената относительно нашей конвенции. Однако ж князь румынский все-таки не решился сам приехать в Кишинев, а прислал депутацию, которая прибыла только вечером 19-го числа, когда Государь уже входил в вагон. — В этот последний день пребывания Государя в Кишиневе был обед у великого князя главнокомандующего. К полуночи мы все съехались на станцию железной дороги, где Государя провожали толпы народа с нескончаемыми криками «ура».

* что разделяет мое мнение о назначении его на службу в Кавказскую армию.

Еще накануне отъезда из Кишинева я имел неожиданное посещение моей невестки, Фредерики Михайловны Понсэ, которая приехала в Кишинев на несколько часов из своей усадьбы под Бендерами. Сын мой отдал ей визит в среду: он доехал до Бендер вместе со мною и предполагал, пробыв у тетки несколько часов, проехать потом в Одессу для некоторых закупок пред отправлением в поход.

Князь сербский Милан прислал в Кишинев полковника Катаржи, своего дядю, чтобы получить указание Государя относительно образа действий Сербии в предстоящую войну; вместе с тем князь Милан снова просил субсидии в один миллион¹⁴⁹. Предположено было немедленно командировать в Белград генерал-майора свиты Е. В. князя Имеретинского, чтобы разъяснить действительное состояние Сербии и определить, насколько можно рассчитывать на ее содействие. Однако ж впоследствии командировка эта была отменена; признано было более удобным, по крайней мере на первое время, чтобы Сербия оставалась нейтральной полосой, как условлено конвенцией с Австрией, чем избегалось то неудобство, что венский двор наверное был бы крайне встревожен и недоволен* возобновлением вооружений Сербии при открытом нашем содействии. Да к тому же нет у нас и лишних денег. Румыния настоятельно просит субсидии в 5 миллионов франков, в виде аванса в счет будущих наших расплат за все, что будет необходимо для армии во время прохода ее чрез румынскую территорию. Дело это должно было решиться в Петербурге, куда и уехал генерал Гика.

20-го апреля, в среду, приехали мы в Одессу; погода разгулялась, и в первый раз мы почувствовали теплый весенний воздух. У самой станции железной дороги, на Куликовом поле, Государь осмотрел два полка 15-й пехотной дивизии, с артиллерией, двумя дивизионами кавалерии, местный полк и запасный батальон. Войска эти представились в отличном виде; только что сформированный местный полк, так же как и запасный батальон, ничем не отличались от полевых войск. — После смотра проехали мы вдоль берега морского для осмотра батарей, возведенных прошлой осенью для защиты Одессы. Батареи эти имели грозный вид, с огромными 9-ти и 11-дюймовыми орудиями. Спустившись к гавани, Государь переехал на катере на «Поповку», вооруженную двумя 12-дюймовыми орудиями, и по данному сигналу открыта была пальба со всех

* нашим влиянием и образом действий. Австрии неприятно будет видеть, что Сербия снова вооружается при нашем содействии.

батарей; миноносные пароходы двинулись вперед к линии минного заграждения. При ярком солнце, огромном стечении народа на покатоности одесского бульвара к гавани зрелище было внушительное. Одесса вовсе не имела вида города, ожидающего бомбардирования; паника, сначала овладевшая населением, преимущественно еврейским, скоро прошла; улицы, по которым проезжал Государь, кишели народом.

Пробыв в Одессе всего 2¹/₂ часа, мы поехали далее на Киев, куда прибыли на другой день, 21-го числа, в полдень, и также пробыли там 2¹/₂ часа. Здесь Государь был встречен еще большими толпами народа, одушевленными неподдельным энтузиазмом. Погода была ясная, хотя холодная. Сначала Государь заехал в лавру, а потом произвел на эспланаде смотр войскам, которыми остался чрезвычайно доволен, так же как и во всех других пунктах, где происходили смотры. Присутствовавшие на этом смотре были особенно поражены отличным составом лошадей в приходивших за войсками обозах и парках. Во время всего путешествия Государь много раз выражал, какое удовольствие доставляет ему превосходное состояние, до которого доведена армия.

Во время пути до Москвы получались частые известия политические и военные. Из Вены, Берлина, Парижа, Рима сведения были вполне благоприятные. Неприятно было Государю только решение германского правительства теперь же отправить в Константинополь послом принца Рёйсс, бывшего посла в Петербурге. Австрия сочла необходимым последовать примеру Германии, отправив послом в Константинополь графа Зичи. Берлинский кабинет оправдывал свое распоряжение тем, что прибытие германского посла в Константинополь принесет пользу как для действительного покровительства русским подданным, оставшимся в Турции, так и для противудействия британскому послу Лаярду, который, оставаясь в Константинополе единственным представителем Европы, имел полный простор в своих туркофильских происках*.

Вопрос о принятии под покровительство Германии русских подданных, оставшихся в Турции, и под покровительство Англии ту-

* Первоначальный текст после слов «...Австрия сочла необходимым последовать примеру Германии,»: «и хотя император Вильгельм, в угождение русскому императору, и выразил намерение повременить отправлением принца Рёйсса, однако ж, неизвестно почему, скоро отступился от этого обещания, и ныне уже есть сведение, что как германский посол, так вслед за ним и австро-венгерский (Зичи) отправились в Константинополь».

рецких подданных в России был предметом переписки в течение двух-трех дней. Сначала Порты объявила, что вовсе не дозволит русским подданным оставаться в Турции; но потом, вероятно, по совету той же Англии, уступила и согласилась на протекторат Германии. Новый британский посол в Константинополе, хотя гласно заявлял, что Англия не намерена поддерживать Турцию в начатой войне, а в разговоре с Нелидовым (перед отъездом его из Константинополя)* выражался в том смысле, что Англия в восточном вопросе преследует собственные свои интересы, а не турецкие, однако же в действительности поддерживает по-прежнему самоуверенность Порты. На последний циркуляр князя Горчакова до сих пор ответила одна Англия; ответ этот неприязненный и резкий¹⁵⁰. Хотя в то же время британский кабинет официально объявил, что намерен сохранять строгий нейтралитет, однако ж английский флот усиливается в Средиземном море, собирается эскадра у Корфу; по-видимому, что-то замышляется относительно ли Египта, Дарданелл или Греции. Лондонский двор проникнут нерасположением к России; королева противится предполагавшейся поездке великой княгини Марии Александровны в Петербург, что причиняет крайнее огорчение Государю и императрице.

22-го апреля, в 10 часов вечера, прибыли мы в Москву. На всем пути преследовала нас ненастная и холодная погода; по сторонам дороги видны были следы недавних разливов и наводнений; во многих местах еще лежали глыбы снега. Москва встретила Государя, как и надобно было ожидать, с неописанным энтузиазмом. Несмотря на накрапывавший дождь, все улицы, до самого Кремлевского дворца, были запружены массаами народа. Но что было на другой день утром в залах дворца и на площади между соборами, — трудно описать. Когда в Александровской зале Государь, выслушав приветственные речи дворянского предводителя и городского головы, отвечал им в кратких, но полных значения и чувства словах, то вся толпа, наполнявшая залу, пришла в какое-то восторженное состояние; все бросилось к Государю, так что с большим трудом можно было оградить его, императрицу, наследника и цесаревну; бóльшая же часть свиты была оттиснута. Когда Государь вышел на Красное крыльцо, вся площадь огласилась громкими криками неподдельного энтузиазма. Обычным порядком Государь прошел в Успенский собор, оттуда в Чудов монастырь и чрез Николаевский дворец возвратился к себе. Экипаж его едва мог двигаться среди густой толпы.

* даже

В час пополудни назначен был смотр войскам московского гарнизона на Театральной площади; Государь со всей свитой проехал верхом от Кремлевского дворца и до места смотра. Опять несметные толпы народа встречали и провожали его громкими криками. Войсками Государь был очень доволен.

Между смотром и обедом во дворце я сделал несколько визитов и побывал в 3-м военном Александровском училище. — Вечером был раут у генерал-губернатора князя Долгорукова.

На другой день, 24-го числа, после обедни в дворцовой церкви Государь с прочими членами царской семьи и частью свиты отправился в Троицко-Сергиеву лавру. К сожалению, опять погода была дождливая. Мне пришлось в первый раз быть в лавре, но не удалось осмотреть как бы следовало ее достопримечательности. Возвратились из лавры прямо на станцию Николаевской железной дороги, и в 6 часов вечера тронулся поезд.

25-го апреля, в 10 часов утра, прибыли в Петербург. И здесь весь Невский проспект до Зимнего дворца был запружен толпами народа; на всем протяжении стояли войска шпалерами. Но какая разница между этим приемом и теми встречами, которые так недавно видели в Москве, Киеве, даже в Одессе. Все чинно, сдержанно, смиренно.

В тот же день, в час пополудни, было молебствие во дворце. Затем весь остальной день провел я частью в приеме начальствующих лиц министерства, частью в разборке накопившейся массы бумаг.

Сегодня явился я к докладу в мундире Пензенского пехотного полка. Государь с удовольствием увидел меня в этой форме и снова благодарил за все, что видел в армии и на пути. Не в первый раз уже высказывал он мне, в присутствии наследника, а иногда и других лиц, что теперь я должен быть вполне удовлетворен за все несправедливые суждения и порицания, которые столько времени слышались в публике и даже в среде военных, по поводу реформ, произведенных в мое управление Военным министерством. Успешная мобилизация значительной части армии, превосходное состояние войск, приведенных в военный состав, обильно снабженных по всем частям материального устройства, — все это казалось чем-то неожиданным и служило фактическим, очевидным опровержением распущенных насчет нашей армии зловещих толков, которые до того уже успели укорениться в массе публики, что слухи о блестящем состоянии действующей армии произвели всеобщее удивление. Мне случалось много раз слышать поздрав-

ления с успехом*^{*}; говорили, что Военное министерство выдержало блистательно экзамен; отъявленные враги замолкли, а некоторые даже покаялись и признали себя неправыми. Наконец, и европейская дипломатия выведена была из того заблуждения, в которое ввели ее неосновательные донесения некоторых легкомысленных агентов, передававших, подобно англичанину Велеслею, отголоски фрондеров петербургского яхт-клуба или статей «Русского мира».

После доклада моего было у Государя совещание с канцлером и министром финансов. Тут решен был вопрос о предстоящем образе действий Сербии, о просимой Румынией ссуде и, наконец, об отпуске золотой монеты для заграничных расходов действующей армии.

Работы так много, что и в несколько дней не справлюсь с накопившимися бумагами. Нечего было и думать о заседании Комитета министров. Я заперся в своем кабинете и никого не видел из посторонних.

27-го апреля. Среда. — Утром ездил в Аничковский дворец с поздравлением по случаю дня рождения маленького Георгия Александровича. Потом было длинное заседание Военного совета. Телеграммы, полученные с обоих театров войны, не представляют ничего важного.

Сегодня утром приехал ко мне сербский агент Протич, чтобы вручить мне рескрипт князя Милана и грамоту на орден Такова 1 степени. — До сих пор наше правительство не признавало этого ордена и получившим его русским офицерам не разрешалось носить его. Теперь же, когда Россия в открытой войне с Портой, кажется, не существуют уже те политические соображения, по которым наше Министерство иностранных дел воздерживалось от формального признания за князем сербским права учреждать и жаловать ордена.

28-го апреля. Четверг. — Большой парад — удался блестящим образом; погода ясная, теплая. Лишь кончился смотр, снова дождь и слякоть.

29-го апреля. Пятница. — По случаю совершеннолетия великого князя Сергея Александровича происходила обычная торжественная церемония присяги. После того было у Государя совещание относительно находящейся ныне в американских портах нашей флотилии. Еще в прошлом году, осенью, флотилия эта была отправлена туда из Средиземного моря с той целью, чтобы в случае войны с Англией угрожать ее торговле посредством крейсе-

* остряки выражались

ров. Ныне, по-видимому, смелый этот план оставлен, так же как и намерение нашего генерал-адмирала идти с балтийской эскадрой в Средиземное море. Появление наших судов в океане, конечно, не испугало бы Великобританию, а, напротив того, послужило бы ей лакомой приманкой, которая могла бы даже ускорить объявление войны с ее стороны. — Между тем из Америки получено сведение, что суда наши не могут рассчитывать на безопасное убежище в американских портах; правительство Соединенных Штатов заявило уже, что пребывание военных наших судов в портах Союза было бы нарушением нейтралитета. Таким образом, разлетелись надежды наши и на заатлантических наших друзей. После некоторых объяснений канцлера, великого князя Константина Николаевича и генерал-адъютанта Лесовского, Государь решил, чтобы эскадра наша из Америки немедленно возвратилась в Балтийское море, в надежде, что она успеет дойти до Кронштадта, пока Англия еще остается нейтральной. Судам же, находящимся в Сан-Франциско, повелено идти в сибирские гавани Восточного океана. Решение это не нравилось только наследнику цесаревичу, который с досадой высказывал, что таким образом мы отказываемся от единственного остававшегося нам способа употребить в дело наши морские силы и нанести вред или, по крайней мере, угрожать Англии. Не берусь судить, в какой мере он прав в таком суждении; но так или иначе, во всяком случае выходит, что мы вовсе бессильны на море и что имеющиеся у нас кое-какие плавучие средства скорее составляют для нас обузу, чем подмогу.

Кроме того, решено сегодня же произвести великого князя Алексея Александровича в контр-адмиралы и приказать ему немедленно покинуть фрегат «Светлана», ввиду предполагаемого назначения его на Дунай.

Вечером получено по телеграфу известие, что на Дунае один из крупных турецких броненосцев взорван выстрелами нашей батареи и пошел ко дну¹⁵¹.

30-го апреля. Суббота. — Сегодня при докладе Государь сказал, что вчерашнее решение относительно великого князя Алексея Александровича отменено; он остается на эскадре и возвращается в Россию на своем фрегате.

Телеграммы из армии поясняют вчерашнее радостное известие об уничтожении турецкого броненосца: он погиб от бомбы 6-дюймовой мортиры с береговой батареи.

3-го мая. Вторник. — После доклада ездил я на станцию Николаевской железной дороги, чтоб осмотреть первый устроенный санитарный поезд.

А. Ш. Э. Лефло

Решено, что Государь около 21-го числа едет в Дунайскую армию; я сопровождаю Его Величество. Делаются большие приготовления: для конвоя при императорской Главной квартире формируются сборный батальон и сборный эскадрон из команд от всех гвардейских полков; кроме того, отправляются на театр войны 4 эскадрона гвардейских казачьих полков*. Опасаюсь, что пребывание Государя в армии с огромной свитой, обозом, конвоем будет большим стеснением для главнокомандующего и затруднит его распоряжения.

4-го мая. Среда. — Заехал в Пажеский корпус на экзамены, потом председательствовал в Военном совете. Туда приехал граф Адлерберг для некоторых совещаний со мною относительно предстоящей поездки Государя в армию. — Обедал у их величеств.

5-го мая. Четверг. — Осмотр Государем топографических работ военного ведомства. Перед обедом был у меня французский посол Лефло с целью** оправдать английского военного агента Велеслея, которого петербургская публика обвиняет в ложных и враждебных донесениях своему правительству о состоянии нашей армии. Распустили в городе слух, будто бы генерал Лефло, как всегдашний приверженец России, имел крупное объяснение по этому поводу с Ве-

* Крайне сожалею об этих излишних прихотливых распоряжениях.

** поправить репутацию

леслеем и лордом Лофтус; узнав об этом, Велеслей просил генерала Лефло опровергнуть распущенный слух.

6-го мая. Пятница. — Утром Государь потребовал меня во дворец по тому поводу, что министр финансов докладывал о сделанных им новых распоряжениях вследствие требований главнокомандующего действующей армией относительно размера отпуска золотой монеты. На днях было секретное совещание у Государя по поводу сделанной Рейтерном странной финансовой операции. Несмотря на сильные возражения Абазы, решившегося наконец прямо отступить от солидарности с Рейтерном, несмотря и на то, что Абаза был поддержан Валуевым, предложенная Рейтерном операция, почти унижительная для России, была утверждена¹⁵².

Из Зимнего дворца заехал в Аничковский дворец по случаю дня именин старшего сына наследника цесаревича. Позже был на смотре части артиллерийских парков, отправляемых отсюда в Киевский округ.

Был у меня граф Шувалов, только что приехавший из Лондона. По его словам, раздражение англичан теперь несколько уменьшилось; он даже считает возможным, по прошествии еще некоторого времени, войти с ними в соглашение относительно возможных результатов нашей войны с Турцией. Он думает, что только этим путем возможно устранить вмешательство Великобритании в эту войну.

Сегодня получены с Кавказа два известия: одно — благоприятное — об удачной атаке наших войск на два передовые укрепления Ардагана, другое — весьма прискорбное — об отступлении наших войск из Сухума и занятии его турками¹⁵³. Курьер привез наконец некоторые письменные объяснения кавказского начальства, которое до сих пор ограничивалось одними телеграммами. Но и полученные ныне объяснения крайне поверхностны; видно одно — неуверенность и трусливость как в самом главнокомандующем, так и в помощнике его, князе Мирском. Оба они только видят одни затруднения, жалуются на недостаточность сил (теперь на Кавказе всего до 212 тысяч человек) и, как по всему видно, помышляют* более о самоохранении, чем о решительных действиях в Азиатской Турции.

7-го мая. Суббота. — По случаю двух успешно исполненных операций мобилизации, Государь поручил мне редактировать благодарственный рескрипт министру внутренних дел. Когда сегодня я поднес проект рескрипта на подпись Государю, он объявил мне, что уже под-

* только о самоохранении, а вовсе не о решительных действиях в Азиатской Турции.

писал также рескрипт на мое имя. Через несколько времени рескрипт этот и получен мною чрез графа Адлерберга.

Доклад мой сегодня был прерван совещанием, назначенным с государственным канцлером и с графом Шуваловым. Последний прочел ноту, полученную им пред отъездом из Лондона от лорда Дерби; в ней изложены* условия, при которых Великобритания может воздержаться от вооруженного вмешательства. Заявление это я нахожу весьма важным и** разделяю мнение графа Шувалова, что оно может быть принято исходной точкой для дальнейших объяснений с С.-Джемским кабинетом, в видах успокоения его подозрений и устранения вмешательства Англии в нашу войну с Турцией. Из всех пунктов означенной ноты только один имеет для нас действительное значение: это*** сохранение status quo относительно проливов и Константинополя; все остальное — как, например, вопросы о Суэцком канале, о Персидском заливе и прочее — не имеет для нас в настоящее время ровно никакого значения, и непонятно, как английские государственные люди могут предполагать какие-нибудь с нашей стороны посягательства на эти отдаленные, недостижимые для нас точки. Видно, у страха глаза велики и что у кого болит, тот о том и говорит. — Канцлер не дал высказаться графу Шувалову и начал было речь об автономии Болгарии, об устьях Дуная и проч.; Государь перебивал его и горячо высказывал, что не хочет принять на себя никаких обязательств пред Англией в отношении к Константинополю и проливам иначе, как, разве, при взаимном обязательстве Англии не вводить своего флота в проливы. Впрочем, в этом продолжительном разговоре не было существенного разномыслия; но, к сожалению, не было и логической системы; оттого разговор и остался без заключения.

После этого дипломатического совещания я продолжал свой доклад и окончил его так поздно, что опоздал не только к встрече жены на железной дороге (по возвращении ее из Крыма), но и в заседание Департамента законов, куда я был приглашен по трем делам, между прочим по давнишнему делу — о правилах призыва войск для усмирения народных волнений и беспорядков.

После вчерашнего прискорбного известия с Кавказа о занятии турками Сухума сегодня мы были порадованы известием о взятии

* довольно в умеренной форме те

** вполне

*** вопрос о том, чтобы проливы и Константинополь остались в том status quo, которое установлено было последними трактатами;

Э. Г. Стенли, лорд Дерби

нашими войсками Ардагана¹⁵⁴. Занятие этого укрепленного пункта весьма облегчает наше положение на театре войны и дает возможность усилить главный корпус, направленный к Карсу.

8-го мая. Воскресенье. — Во дворце после обедни было благодарственное молебствие по случаю взятия Ардагана, с пушечной пальбой из крепости; потом развод на площадке пред дворцом, а затем у Государя совещание с князем Горчаковым и Рейтерном. Предметом совещания были новые требования румынского правительства о субсидиях и разных с нашей стороны гарантиях. Решено было все подобные домогательства отклонить. Затем канцлер прочел проект ответной ноты на привезенные графом Шуваловым заявления британского кабинета.

В 3 часа их величества, вся царская фамилия и многочисленная публика собрались на станции* Николаевской железной дороги по случаю отправления санитарного поезда, устроенного попечениями дам общества Красного Креста, под руководством Н. Н. Мальцовой. Поезд этот (который я видел уже на прошлой неделе) был осмотрен их величествами и после молебствия отправился на театр войны.

* Московской

16-го мая. Понедельник. — Работа у меня так усилилась, что в продолжение целой недели не имел я возможности заглянуть в свой дневник. К тому же с переездом в прошлое воскресенье царской фамилии в Царское Село приходится мне опять ездить туда через день и возвращаться только к 3-м часам.

В субботу, после моего доклада, было опять у Государя совещание с канцлером и с графом Шуваловым. Читался проект ответной ноты английскому министерству и инструкции нашему послу в Лондоне для дальнейших объяснений по поводу заявленных лордом Дерби условий, на которых Англия может остаться нейтральной. Теперь главная забота канцлера состоит в том, чтоб успокоить великобританскую щекотливость и раздражительность, а для этого князь Горчаков вместе с графом Шуваловым готовы наложить строгую узду на собственные наши действия. Государь, напротив того, ревниво противится давать какое-либо обещание**, которое преждевременно связало бы наши военные действия и лишило бы нас всякой надежды на плоды наших успехов. При этих совещаниях каждый раз выказывается, как смутно канцлер понимает вопросы восточной политики и как мало выработаны планы Министерства иностранных дел.

С обоих театров войны получаются сведения довольно благоприятные; однако ж и не без теней. На Дунае удалось взорвать еще один турецкий монитор; моряки наши показали себя*** молодцами; войска подвигаются, хотя медленно; но продолжающиеся сильные дожди причиняют повсюду громадные повреждения; мосты на румынской железной дороге рушатся, движение по этой дороге беспрестанно прерывается. — С Кавказского театра войны после взятия Ардагана получены только сведения о возвращении главных сил Лорис-Меликова к Карсу; но в то же время весьма грустные известия из Абхазии и Черноморского округа. Отряд генерал-майора Кравченко с трудом открыл себе путь отступления, понес**** потери и перешел на левый берег Кодора у Наа. Тут уже присоединился он к подошедшим подкреплениям. Несколько тысяч черкес, прежних выселенцев с Кавказа, вышли на берег около Адлера; стоявший тут пластунский батальон с большим трудом отступил горами на соединение с отрядом полковника Шелковникова на Соче. Из Кубанской области вы-

* виды и

** или условие

*** героями;

**** некоторые

двинуты части войск для преграждения неприятелю путей на северную сторону Кавказского хребта.

18-го мая. Среда. — Рассчитывая иметь сегодня все утро в своем распоряжении, я поехал в военные училища, чтобы проститься с выпускными воспитанниками. Среди этих разъездов случайно наткнулся на фельдъегеря, который объявил мне, что меня ищут по всему городу и что Государь ждет меня во дворце. Я вспомнил, что Государь имел намерение приехать в город, но не был предупрежден, что будет совещание по политическим делам. Приехав во дворец, я нашел уже там в кабинете, за большим столом, кроме Государя, канцлера и трех послов: графа Шувалова, Новикова и Убри. Читалась опять инструкция, составленная для руководства графу Шувалову в предстоящих ему объяснениях с британским министерством. Государь очень горячо восставал против некоторых мест проекта, находя, что мы слишком уже уступчивы и, начиная войну, связываем себе руки только ради успокоения Англии. Места эти были изменены, хотя граф Шувалов очень упорно отстаивал необходимость некоторых ограничений в наших планах и предположениях. Государь очень сильно высказал* упрек тем из наших государственных людей, которые доводили боязнь войны до того, что сами прокричали о нашем бессилии; он прямо указал на министра финансов и припомнил записку, поданную им в Ливадии прошлой осенью. Толки и пересуды в петербургских салонах сделали нам немало вреда, и чем более мы показывали смирения и кротости пред иностранцами, тем они становились нахальнее. Те же слова повторил Государь, когда по окончании совещания мы остались вдвоем в кабинете; он прибавил, что высказанное им в совещании послужит полезным уроком для наших трех послов.

26-го мая. Четверг. Плоешти. — В прошедшую субботу, 21 числа, было в Царском Селе напутственное молебствие, после которого я возвратился в город, распростился со своей семьей, а в 9 часов вечера опять выехал в императорском поезде по Варшавской железной дороге. До Царского Села доехал я со старшей дочерью Лизой. Государь с наследником цесаревичем и с великим князем Сергеем Александровичем сели в поезд в 11 часов вечера. В свите были, кроме графа Адлерберга, князь Горчаков, князь Суворов, Гамбургер, Посьет (до границы) и затем чины военно-походной канцелярии. Доктор Боткин заболел, и вместо него ехал с нами доктор Головин.

* то, что уже не раз прежде мы слышали от него — это упрек некоторым нашим государственным людям

Путешествие совершилось обычным порядком. Попеременно присоединялись к поезду местные генерал-губернаторы и командующие войсками (Альбединский, граф Коцебу, князь Дондуков-Корсаков, Дрентельн, Семека). Чем далее подвигались к югу, тем становилось жарче, так что в последние дни мы совсем раскисли.

24 мая вечером переехали границу в Унгени. Здесь Государя встретил румынский министр иностранных дел Когольничано. Сам князь Карл намеревался выехать на границу, но Государь отклонил эту встречу, и условлено было, что князь румынский приедет в Плоешти на другой день по приезде туда Государя. Первая встреча на румынской земле, в Яссах, была блистательна: толпа народа приветствовала криками «ура»; военная музыка — русская и румынская — гремела «Боже, царя храни», ей вторил хор певчих; митрополит говорил речь; затем в зале станционного дома, украшенной на этот случай лучшими картинами из ясской галереи, представились Государю прибывшие для встречи Его Величества первый министр Братиано, бывший военный министр, а ныне начальник Главного штаба полковник Сланичано и генерал Флореско (бывший 2 года тому назад в Петербурге), также местные власти и иностранные консулы.

Отъезд из Ясс сопровождался трагическим случаем. При выходе на платформу, чтобы сесть в вагон, Государь заметил в толпе русского раненого офицера Кузминского*, известного многими своими беспутными проделками: несколько раз был он под судом, разжалован, снова выслуживался, получил в Туркестане Георгиевский крест, и напоследок, в прошлом году, снова попав под суд, бежал** в Сербию и не являлся в полк, так что наконец последовало повеление отыскать его и арестованного прислать в Варшаву, к суду. Судьба хотела, чтобы он попал прямо на глаза Государю, который, узнав его, сейчас же приказал арестовать и отправить в Кишинев. Едва Государь отошел к вагону, когда общее внимание было обращено на отходивший царский поезд, сумасбродный Кузминский тут же на месте заколол себя кинжалом и мгновенно кончил жизнь***.

Из Ясс выехали мы в 11 часов вечера, — ровно чрез трое суток по отъезде из Царского Села. На следующий день, 25-го числа, подъез-

* который много на своей короткой жизни накутил,

** первоначально: «ушел просто из полка»

*** В Яссах встретили Государя прибывшие для встречи Его Величества первый министр Братиано, бывший военный министр, а ныне начальник Главного штаба <князь> полковник Сланичано, генерал Флорино (бывший два года тому назад в Петербурге).

жая утром к Барбошскому мосту на Серете, мы увидели следы опустошений, причиненных в стране разливом вод; железная дорога во многих местах была совсем затоплена; сообщение восстановлено только усиленными трудами наших войск.

На станции Барбошской была опять шумная встреча; тут в толпе большинство составляли уже русские генералы и офицеры. В числе их встретился я с моим сыном, который прикомандирован к казачьему отряду в Галаце. Тут только я узнал, что ему довелось быть в смелом поиске за Дунай для осмотра дорог на правой стороне реки. Он и несколько других офицеров были посланы с небольшим числом казаков. Турки, заметив их, выдвинули войска из Матчина; мониторы стреляли по ним при обратной переправе. Наши смельчаки поплатились только тем, что выкупались, как говорят, по пояс в водах Дуная.

В Браилове — опять блистательная встреча Государя. Здесь ожидал великий князь главнокомандующий со своим начальником штаба и некоторыми близкими лицами.

Далее на всем пути, почти на всех станциях такие же встречи, с музыкой, с почетными румынскими караулами, букетами, спичами и проч. День был невыносимо жаркий. Мы все порядочно осовели и рады были радехоньки, когда добрались до Плоешти. Здесь мы немедленно разбрелись по отведенным квартирам. Меня поместили в нескольких шагах от дома, занятого Государем; встретили меня приехавшие вперед адъютант мой полковник Лярский и Генерального штаба полковник Лобко*.

Сегодня утром, несколько отдохнув и оправившись от вчерашнего утомительного дня, пошел я к Государю и попал прямо к молебствию, после которого имел короткий доклад, а в полдень приехал князь Карл Румынский. У крыльца дома, занятого Государем, выставлен был почетный караул от гвардейских казаков. Тут же Его Величество встретил князя Карла весьма дружелюбно, представил ему находившихся при этом лиц своей свиты и вместе с князем вошел в свои покои. Но свидание их было непродолжительное: в то самое время вступал в город только что прибывший по железной дороге гвардейский отряд. Государь и князь румынский сели верхом, с частью свиты, и выехали на встречу гвардейцев. После завтрака румынский князь уехал обратно в Бухарест.

* Я был изнурен и до такой степени, что долго не мог заснуть, даже на мягкой постели.

*Князь Румынский
Карл Гогенцоллерн*

Потом Государь говорил, что разговором своим с князем Карлом остался вполне доволен и убедился, что не он, а его министры придумывают разные затруднения и каверзы, начавшиеся с первого нашего шага в Румынии*.

Великий князь Николай Николаевич заехал ко мне и пробыл с полчаса. Его очень озабочивает приезд Государя и неизвестность намерений Его Величества. Оказывается, что в одном из собственноручных писем к великому князю Государь упомянул о предположении своем вступить лично в командование армией, с предоставлением в таком случае великому князю роли начальника штаба. Предположение это, разумеется, встревожило не одного великого князя, но и его штаб и всех окружающих его. В действительности это было бы крайне неудобной, даже несчастной комбинацией. Я советовал Его Высочеству не заговаривать самому об этом щекотливом вопросе и ожидать разъяснения от инициативы Государя.

* Первоначальный текст после слов «...После завтрака румынский князь уехал обратно в Бухарест.»: «Потом Государь говорил, что в разговоре с князем Карлом остался вполне доволен его настроением и взглядом на настоящее положение дел. Государь убедился, что не он, а его министры придумывают разные затруднения и недоразумения с самого нашего вступления в Румынию».

Обедал я у Государя; после обеда пили кофе в саду, под тенью большого орешника. — Получены две приятные телеграммы: одна — о благополучном прибытии нашей эскадры и с нею великого князя Алексея Александровича из Америки в Брест, а другая — об успешных действиях наших войск в Азиатской Турции. Последняя эта телеграмма подтвердила полученные еще утром частные телеграммы из Константинополя о полном отчаянии Мухтара-паши и расстройстве его войск.

Сегодня, 26-го числа, вечером, отправлен отсюда первый фельдъегерь в Петербург. Писал с ним к жене.

27-го мая. Пятница*. — В 10 часов утра Государь, со всеми здесь находящимися членами царской семьи, отправился в Бухарест; сопровождали его князь Горчаков, граф Адлерберг, генерал-адъютанты Мезенцов и Стюрлер и я. День был очень жаркий. На пути, на нескольких станциях, крестьянские девушки осыпали императорский вагон массой цветов, особенно роз. В Бухарест прибыли в 11^{3/4} часа; на станции встретили Государя князь и княгиня румынские с многочисленной свитой, министрами и другими высшими чинами. Митрополит сказал приветственное слово; городской голова (мэр) произнес весьма сочувственную речь, называя Россию освободительницей Румынии, что было особенно замечено в устах одного из корифеев ультралиберальной партии. Со станции провезли нас в придворных экипажах по лучшим улицам города до дворца; эскорт, экипажи, ливреи, — все было более великолепно, чем можно было ожидать от такого маленького двора. Улицы были переполнены народом, и прием был самый радушный. С балконов и окон сыпались цветы; всюду флаги, гирлянды, крики «ура». У дворца выставлен был почетный караул от стрелкового батальона, обмундированного по образцу итальянских берсальеров. Во дворце, после непродолжительного представления князю и княгине лиц императорской свиты, нас пригласили к завтраку, за гофмаршальским столом, а в 2 часа мы уже ехали обратно на станцию железной дороги, с той же торжественной обстановкой. Вообще прием в Бухаресте произвел на нас приятное впечатление. Государь по-прежнему остался вполне доволен беседами своими с князем Карлом. Княгиня, рожденная принцесса Нейвид, близкая к нашему царскому дому, жила даже некоторое время в Петербурге, у покойной великой княгини Елены Павловны, и сохранила благоговение к своей тетке. Увидев меня, она сейчас [же] вспомнила, что видела меня у великой княгини и

* Плоешти.

что я был тогда в числе лиц, пользовавшихся особенным ее благоволением. Фрейлина княгини, девица Розетти, рядом с которой пришлось мне сидеть за завтраком, также подтвердила мне, что не слышала обо мне от княгини, которая всегда вспоминает с удовольствием о своем пребывании в Петербурге.

На возвратном пути, в вагоне, я читал вслух Государю реляцию о взятии Ардагана¹⁵⁵, только что привезенную офицером Нижегородского драгунского полка Панчулидзевым.

Возвратились мы в Плоешти к 4-м часам, порядочно утомленные. Сегодня утром приехал из Галаца мой сын, чтоб навестить меня. Вечером собрались у меня несколько лиц: начальник болгарского ополчения генерал-майор Столетов, командующий 2-й бригадой ополчения флигель-адъютант князь Леонид Дм[итриевич] Вяземский и состоящий при ополчении, пока без должности, подполковник Пав[ел] Ник[олаевич] Попов.

30-го мая. Понедельник*. — После поездки в Бухарест живем мы неподвижно в Плоешти, в постоянной транспирации от жара¹⁵⁶. Вчера только были порадованы хорошим летним дождем. Жизнь наша однообразна. Каждый день по утрам Государь встречает один из проходящих эшелонов войск; вчера, в воскресенье, кроме того, были у обедни в одной из городских церквей, а к обеду приехали князь и княгиня румынские. Но посещение их было совершенно семейное; никто из нас даже не был при встрече, и к царскому столу никто, кроме императорской семьи, приглашен не был; прибывшие с князем два гофмаршала и два флигель-адъютанта обедали с русской свитой за гофмаршалским столом.

В последние дни окончательно обдуман план переправы чрез Дунай. Чтобы вернее скрыть истинный пункт переправы, предположено сперва сделать ложную переправу около Браилова, куда намерен ехать и сам Государь. Вода в Дунае еще очень высока; все нужное для настоящей переправы может быть подвезено не ранее 15-го июня, поэтому и демонстрацию у Браилова положено произвести не ранее 6-го числа.

Генерал Игнатъев поднял весьма щекотливый вопрос по поводу данной графу Шувалову секретной инструкции, в которой заключалось несколько пунктов, крайне неудобных для ведения предстоящей кампании. Игнатъев указал на эти пункты великому князю главнокомандующему, который вследствие этого вчера приехал советоваться со мной. Я подал мысль, чтобы Его Высоче-

* Плоешти

Дом Александра II в Плоешти

ство предложил Государю собрать совещание, что и было сделано сегодня утром. Бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о будущей участи Болгарии. Уже при совещаниях в Царском Селе и Петербурге, в присутствии графа Шувалова, я не раз настойчиво объяснял невозможность разделения Болгарии на Придунайскую и Забалканскую и постановки, в случае мира, совершенно различных условий для той и другой части. Мне казалось, что со мною соглашался и Государь; граф Шувалов и канцлер не оспаривали, а между тем в окончательной редакции инструкции оказалось резкое различие* в предполагаемых условиях относительно двух половин той же страны. Против этого преимущественно и восстали сегодня князь Черкасский и Игнатъев; в особенности первый высказал свой взгляд весьма положительно и настойчиво. Дело было так ясно, что наш престарелый канцлер вынужден был сделать уступку и тут же проектировал телеграмму к графу Шувалову об изменении означенного пункта инструкции.

* в предлагаемых нами самими условиях

Поразительно, как подобные важные вопросы трактуются легко и поверхностно нашим канцлером. И кто знает, не сделан ли уже графом Шуваловым промах в его многоглаголивых беседах с британскими министрами. По донесению Убри, в Берлине не могли скрыть удивления, услышав от него о наших скромных заявлениях, которыми мы при самом начале войны заранее и добровольно связываем себе руки.

3-го июня. Пятница. — Продолжаем свое однообразное житье в Плоешти. Князь Карл еще раз приезжал сюда повидаться с Государем, совершенно частным образом. В последние дни были опять политические совещания, в которых, кроме обычных лиц, принимали участие генерал Игнатьев, Непокойчицкий и князь Черкасский. — Телеграмма, отправленная в понедельник к графу Шувалову вследствие принятого в тот день решения относительно будущего устройства судьбы Болгарии, поставила, конечно, весьма в затруднительное положение нашего посла в Лондоне, который, как оказалось, по приезде туда не замедлил выболтать лорду Дерби все, что было сказано в секретной инструкции. Поэтому граф Шувалов ответил, что затрудняется отменить сделанное уже им заявление и предпочитает по поводу какого-нибудь другого пункта прервать переговоры. Поэтому во вчерашнем совещании положено было подтвердить графу Шувалову, что мы, не желая прерывать начатых объяснений с лондонским двором, но, с другой стороны, и не придавая им значения формальных негоциаций, находим, однако же, необходимым заранее заявить наши соображения в отношении Болгарии, дабы потом не вышло опять каких-нибудь сомнений насчет нашей искренности и честности. Сегодня получен на это ответ Шувалова, что лорд Дерби, выслушав новое наше заявление, полагает, что оно* не будет принято Портой и что *поэтому* не было бы теперь никакой цели продолжать обмен мыслей по этому вопросу. — Все участвовавшие в совещании, не исключая и самого канцлера, нашли такой ответ благоприятным: стало быть, лондонский кабинет сам устраняется от предварительного решения вопроса о Болгарии, предоставляя это соглашению нашему с Портой, и на этом начатые переговоры могут быть прерваны.

Конечно, не того желали канцлер и граф Шувалов. Они надеялись уладить дело с Англией так, чтобы избежать войны, не допустив

* ни в каком случае не может быть принято Портой

даже перехода нашей армии за Дунай*. В таком смысле заговорили во всех петербургских салонах; в таком же смысле говорюны в военных мундирах распространили слух в самой армии; наконец, в таком же смысле начали толковать и в Константинополе, где вообразили себе, что мы вовсе и не намерены переходить за Дунай, еще менее за Балканы, и ограничимся наступательными действиями в Азиатской Турции. Вследствие этого, как пишут, велено прекратить работы по укреплению Адрианополя и балканских проходов.

Между тем наши войска почти уже все дошли до назначенных им пунктов; перевозятся еще по железной дороге понтонные парки и другие тяжести, а затем ожидаются войска 4-го корпуса. Главнокомандующий надеется совершить переправу чрез Дунай 12-го числа; место переправы держится в строгой тайне, хотя в иностранных газетах и указываются разные пункты в средней части течения. К сожалению, до сих пор вода в низовьях Дуная не спадает, стоит на 16 футов выше ординара; поэтому мысль о демонстрации в Браилове прежде настоящей переправы уже оставлена. Сегодня были рассуждения о поездке Государя на место переправы; вопрос этот крайне озабочивает Е. В. главнокомандующего. Нелегко Государю перемещаться с громадной свитой и обозом. Поэтому предполагается, что на первый раз Государь отправится только с небольшой частью свиты, налегке; но понятия эти относительные: по расчету выходит все-таки 10 экипажей, которые должны быть заблаговременно отправлены по железной дороге в Слатину. Графу Адлербергу приходится ломать голову, как уладить дело так, чтобы никто не жаловался на отсутствие привычного комфорта. При этом он мне сказал, что императорская Главная квартира ныне состоит из 600 лиц, не считая конвоя и гвардейского отряда.

Из Главной же квартиры главнокомандующего многие начали уже разъезжаться.

Несколько дней тому назад получены были по телеграфу известия о новых попытках парохода «Константин» взорвать минами турецкие

* *Первоначальный текст после слов «...продолжать обмен мыслей по этому вопросу»:* «Все участвовавшие в совещании, не исключая и самого канцлера, нашли такой ответ довольно благоприятным: значит, решение вопроса о Болгарии Англия предоставляет соглашению нашему с Портой; значит, в этом вопросе, так же как и во всех прочих, возбужденных самой Англией, нет пока повода к активному вмешательству ее в восточный вопрос и на этом начатые переговоры могут быть прекращены.

Конечно, не того желали канцлер и граф Шувалов. Они так желали уладить дело с Англией, что не в шутку надеялись покончить с войной, не допустив даже нашу армию за Дунай».

броненосцы в Сулинском устье. Но, кажется, опять неудача. Пароход «Константин» возвратился в Одессу благополучно, но не досчитался одного катера (лейтенанта Пущина), для разыскания которого послан пароход «Аргонавт»; однако же никаких следов не найдено.

4-го июня. Суббота*. — Сегодня приехал князь сербский Милан с многочисленной свитой; в числе ее были Ристич (министр иностранных дел), Протич, Хорватович, Лешанин (тот самый, который был в 1875 г. в Красносельском лагере и чуть было не наделал страшное *imbroglio*** ради плохого знания французского и русского языков), затем полковник Катаржи (тот же, который приезжал уже в Кишинев) и друг. Князь Милан приехал в полдень по железной дороге; великий князь Николай Николаевич встретил его на станции и привез к Государю. Свита государева собралась у подъезда; мы были запросто, в сюртуках и фуражках, но в шарфах. Государь встретил князя в первой комнате и сейчас же представил ему всю свою свиту, а затем князь Милан представил свою. Государь с князем Миланом и великим князем Николаем Николаевичем вошли в кабинет, а обе свиты отправились к завтраку, в дом префектуры. — Встреча была холодная; князь Милан видимо чувствовал себя неловко; Государь даже не подал руки Ристичу. О разговоре Его Величества с князем узнал я позже от самого Государя: с первых же слов князь Милан заявил, что предоставляет себя и свое княжество в полное распоряжение императора и просит у него указаний, как сын у отца. Государь отвечал, что будет говорить с ним с такой же откровенностью, как отец с сыном; что, доверяя*** чистосердечию и честности самого князя Милана, напротив того, не имеет никакого доверия к его министерству и, в особенности, к Ристичу. Князь Милан не защищал Ристича, но сознался, что держал его и держит единственно потому, что не имеет**** другой личности, которая могла бы его заменить. Затем, оставив в стороне всякие укоры за прошлое, Государь объяснил князю Милану настоящее положение дел и тот образ действий, который предстоит Сербии: на первое время — держаться спокойно и смирно, но готовиться к тому, чтобы по переходе нашей армии за Дунай примкнуть к нашему правому флангу и тогда действовать не иначе, как по указаниям нашего главнокомандующего. — Князь Милан принял все эти наставле-

* Плошты

** недоразумение, путаница (*фр.*)

*** вполне

**** решительно ни одной личности

*Князь Сербский
Милан Обренович*

ния беспрекословно, но* вышел из кабинета государева видимо смущенным. — Государь сказал мне, что увидит пред обедом и Ристича и намерен высказать ему строго всю правду. В чем именно заключался этот разговор, я пока не знаю; но за обедом, к которому были, разумеется, приглашены все сербские гости, я видел, что Ристич сидел, как приговоренный к смерти. После обеда я возобновил знакомство свое с Ристичем, Протичем и Лешапиным, которые все трое бывали в Петербурге, а также познакомился с прочими; но не было ни времени, ни случая завести с ними какие бы то ни было разговоры. Некоторые из них даже затрудняются говорить на иностранных языках, а по-русски или сербски разговор не совсем удобопонятен для обеих сторон.

После обеда Игнатъев (который всегда очень охотно издевается над своим начальством) рассказывал мне, что князь Милан постав-

* говорят,

Й. Рустич

лен в большое затруднение и недоумение: будто бы канцлер в разговоре с ним говорил ему совершенно другое, чем то, что слышал он от Государя. — Дело странное, но вполне возможное¹⁵⁷.

Сербские наши гости остаются и на завтрашний день. Сам князь и его свита заезжали ко мне, и, конечно, я отдал им визиты.

Сегодня же утром, во время утреннего чая, Государь обсуждал свои предположения о поездке к месту переправы. Несмотря на попытки великого князя Николая Николаевича, граф Адлерберга, Непокойчицкого и мои отклонить Государя от преждевременного прибытия к месту переправы, он все-таки остался при своем решении — приехать туда 11-го числа, к самому началу действий, т. е. к открытию огня с батареей, а прежде того сделать поездку в Браилов и Галац. Завтра утром уже отправляется передовой легкой обоз. Остальная часть Главной квартиры двинется отсюда только по отъезде уже Государя, прямо к Журжеву (по железной дороге).

7-го июня. Вторник. — Отъезд Государя отсюда сначала в Галац и Браилов, а затем чрез Бухарест и Слатину к месту главной переправы откладывается день за днем по причине задержек в приготовлениях к переправам. Сегодня от генерала Циммермана из Браилова получена

телеграмма, что он может начать действия в Галаце и Браилове только в пятницу и субботу, поэтому предположенный на завтра отъезд Государя отложен до четверга. К тому же ожидают в четверг приезда великого князя Алексея Александровича. Главнокомандующий намерен завтра же отправиться к месту главной переправы.

Между тем дипломатия наша не перестает копошиться и противодействовать военным планам. Граф Шувалов, недовольный последними повелениями Государя относительно Болгарии, извещает, будто эта именно перемена в инструкциях его возбудила снова воинственное настроение в великобританском кабинете и будто в Англии решено приготовить десантный корпус. Дипломаты наши делают как будто нарочно все, что может преждевременно и совершенно напрасно тревожить другие кабинеты. В английской ноте нас спрашивали только о тех вопросах, которые специально затрагивают морские интересы Англии и в которых мы, со своей стороны, могли вполне успокоить опасения ее, не делая даже никаких уступок; мы же в ответ на это выложили всю нашу программу и затронули вопросы о будущем устройстве христианских областей Турции. Мало того, те соображения, которые после долгих суждений заявлены были, собственно, для сведения нашего посла в Лондоне, в *секретной* инструкции, — немедленно же и целиком объявлены английским министрам и в то же время берлинскому и венскому кабинетам. — Клевреты нашего канцлера разгласили, будто Россия вовсе и не намерена вести серьезную войну, что канцлер для того и сопровождает Государя, чтобы заключить мир при первой возможности, во всяком случае, не переходя Балканов, и что все дело разыграется в течение лета конгрессом где-нибудь в Швейцарии. — Весьма правдоподобно предположение, что, действительно, у нашего престарелого канцлера преобладает давнишняя мечта о конгрессе и что он даже во сне видит, какую роль будет он сам играть на этом конгрессе, чтобы закончить с блеском свое дипломатическое поприще**.

От своей семьи получил я известия, что все разъехались в разные стороны: жена с двумя дочерьми (Надеждой и Еленой) на Друскеникские воды, дочь Ольга — в подмосковную к графине Олсуфьевой, Маруся с племянницей Понсэ — в Бессарабию, в имение Евгения Михайловича Понсэ; осталась в Царском Селе только старшая дочь Елизавета.

* старательно

** Такое предположение оправдывается вполне безграничным тщеславием и эгоизмом нашего канцлера.

А. Э. Циммерман

9-го июня. Четверг. — Отъезд отсюда опять отложен на один день. Утром, во время моего доклада, приехал из Браилова прикомандированный к Генеральному штабу поручик Гершельман, курьером от командира 14-го корпуса генерал-лейтенанта Циммермана, который уведомляет начальника штаба армии, что, по недостатку в средствах к переправе и, в особенности, продолжающемуся обширному разливу он должен исполнить предположенные действия в Галаце и Браилове сутками позже и притом считает все это предприятие крайне рискованным. За отъездом начальника штаба генерал-адъютанта Непокойчицкого вместе с главнокомандующим, конверт был распечатан самим Государем, который немедленно приказал отложить наш отъезд.

В последние дни несколько раз являлись ко мне известные* аферисты-евреи: Варшавский и Поляков с предложением быстрой, в 3 месяца, постройки военной железной дороги от Бендер до Галаца, сокращающей наш путь сообщения чуть не на 250 верст. Дело само по себе полезное; Государь сочувствует ему и приказал спросить мнение министров финансов и путей сообщения. По вызову моему сегодня приехал сюда заведывающий военными** сообщениями армии инженер Горчаков; с его помощью надеюсь привести дело в такой вид, чтобы можно было отправить проектированный договор на обсуждение названных министров.

* аферисты-жиды

** дорогами

11-го июня. Суббота. — Полученные в течение вчерашнего дня телеграммы от генерала Циммермана показывают, что он не имеет окончательного плана действий и находится в колебании. Одной из этих телеграмм он извещал, что решил уже в ночь с 9-го на 10-е произвести переправу на судах в Галац, а предприятие из Браилова в Мачин отлагает до воскресенья; другой же — что переправа у Галаца исполнена удачно, хотя с потерями; переправу же в Браилове не может произвести и в воскресенье. Государь уже колебался, ехать ли ему туда или совсем отказаться от этой поездки; однако же решил все-таки ехать, и вчера, в 9 часов вечера, мы отправились по железной дороге, а сегодня, еще до свету, прибыли в Браилов, где не нашли генерала Циммермана. Расспросив кого нашли там из военного начальства, продолжали путь до Галаца, куда приехали около 5 часов утра. Оказалось, что мы разъехались с генералом Циммерманом, который в то же время проехал на пароходе в Браилов. Оставалось только взглянуть на раненых, привезенных с поля сражения в галацкий госпиталь; их было уже до 90 человек, но прибывали еще вновь привозимые. Из привезенного капитаном Гершельманом донесения генерал-майора Жукова видно, что бой накануне был горячий. Государь обошел все палаты, ободряя раненых ласковым словом, одного офицера наградил Георгиевским крестом, потом осмотрел лагерь Московского пехотного полка и затем поехал обратно в Браилов, куда мы прибыли около 9 часов утра. В Браилове осмотрели бивак расположенных тут войск, потом батарею, построенную против выхода из Мачинского рукава, ту самую, с которой выстрелы потопили первый турецкий броненосец. С этой батареи отлично видна вся местность за Дунаем до Мачина и возвышенности, на которых занята вчера позиция бригадой генерал-майора Жукова. Против того места, где мы стояли, на возвышенном берегу Дуная, наведен мост на козлах. К сожалению, мостом этим еще невозможно пользоваться, так как на правом берегу Дуная местность до гор и Мачина еще под водой на несколько футов. Вот почему генерал Циммерман и находит большие затруднения в исполнении предположенной тут переправы*. А между тем положение отряда Жукова за Дунаем не совсем безопасно. — В самом Браилове не было положительных сведений о том, занят ли Мачин турками или оставлен**; кто-то утверждал, будто этот городок уже занят нашими войсками; но откуда же они могли

* которая должна помочь Жукову и выручить его.

** были вестовщики, утверждавшие даже, будто Мачин уже занят нашими войсками;

взяться*? Сам генерал Циммерман сознался, что ничего наверное не знает и** только намеревался еще произвести разведку, а затем сообразит, можно ли исполнить предположенное движение к Мачину по камышам, или же придется совсем отложить его. В таком положении оставили мы дело в Браилове, уехав оттуда в 11 часов утра. В Плоешти возвратились к 4¹/₂ часам.

В Галаце видел я несколько только минут своего сына, для которого приезд наш был совершенным сюрпризом.

Поздно вечером получена от генерала Циммермана телеграмма о том, что он, узнав об очищении Мачина турками, прибыл туда на судах с Бородинским пехотным полком и занял город без выстрела. Духовенство и жители-христиане вышли навстречу с иконами, хоругвями, с пением по-русски многолетия русскому царю. Бородинский полк расположился в городе; генералу Жукову приказано двинуться туда же. Известие это*** успокоило Государя, который был доволен тем, что первый неприятельский город за Дунаем занят полком имени Его Величества.

13-го июня. Понедельник. — Вчера и ночью получено несколько телеграмм с разных пунктов Дуная. Турки, по-видимому, очистили весь правый берег нижнего Дуная; генерал Циммерман уже занимает Тульчу, Исакчу, посылает отряды к Бабадагу и намеревается вводить управление в Бабадагской области. На среднем Дунае предпринято было нашими моряками несколько новых попыток против турецких пароходов; но теперь эти смелые предприятия как-то не удаются; мины не действуют; несколько офицеров и художник Верещагин ранены.

Сегодня утром было довольно хлопот и суеты: надобно было телеграфировать Циммерману, великому князю главнокомандующему, в то же время разбирать и докладывать Государю бумаги, привезенные срочным курьером из Петербурга, а в промежутках — смотреть проходившей колонны 13-го корпуса и приезд дон Карлоса, который, впрочем, должен сейчас же уехать обратно в Бухарест.

Мы выезжаем сегодня же в 4 часа дня чрез Бухарест в Слатину, где ночью пересаживаемся в экипажи для дальнейшей поездки к Дунаю.

15-го июня. Среда. Драча (Драцца). — Около полуночи с 13-го на 14-е доехали по железной дороге до Слатины и здесь простояли почти

* и как же самому начальнику не знать об этом!

** сказал Государю, что намерен еще сделать разведку

*** очень обрадовало Государя

до 3¹/₂ часов утра в ожидании прибытия экипажей, перекладки вещей и вдобавок — разборки полученной от князя Горчакова из Бухареста зашифрованной телеграммы. Канцлер выехал из Плоешти в одном поезде с Государем, но вагон его отцепили на последней станции пред Бухарестом, где он и должен остаться. С Государем поехал из дипломатов один Амбургер, который и разобрал телеграмму; она оказалась довольно важной: Новиков сообщает, что венское правительство, не считая себя вправе ныне вмешаться в борьбу между Черногорией и Турцией, объявит, однако же, что в случае, если б турки угрожали независимости Черногории или позволили себе жестокости с населением края, Австро-Венгрия сочтет своим долгом действовать не только дипломатически, но и оружием. Вместе с тем, по донесению Новикова, венский кабинет, в ответ на английскую ноту, советовал лондонскому кабинету признать удовлетворительными заявленные графом Шуваловым условия, на которых Россия согласилась бы заключить мир с Турцией, не исключая даже и предположения нашего о срытии крепостей между Дунаем и Балканами. Австрия признает невозможным при самом начале войны установить для русской армии крайний предел наступлению*.

От Слатины помчались мы в десяти экипажах по дороге, ведущей вдоль левого берега Алуты (Ольты) к Турну и Никополу. Не доезжая до этих пунктов, от сел. Segarcia повернули влево, к высокому кургану Magura della Grapani, с которого открывается обширный вид на всю долину Дуная от устья Алуты до Систова и далее. На этом-то протяжении должны совершиться главные действия перехода чрез Дунай. На кургане была уже заранее разбита государева палатка; здесь встретил его великий князь Николай Николаевич со своим штабом и присланной заранее частью императорского конвоя. С высоты этого кургана Государь мог видеть действие наших батарей, устроенных от устья Алуты до Фламунды и еще накануне открывших сильный огонь против Никополя и турецких батарей, под огнем которых должны проходить наши понтоны, суда, паромы и мостовые материалы, приготовленные на реке Алуте. Часть понтонов уже прошла в ночь с 13-го на 14-е, несмотря на присутствие двух неприятельских канонерок у Никополя. В то же время производились демонстрации в Ольтенице, где несколько уже дней показывали вид приготовлений к переправе.

* Первоначальный текст после слов «...о срытии крепостей между Дунаем и Балканами.»: «Австрия признает невозможным положить для России при самом начале войны преграду движению ее армии к столице Турции».

Пробыв на кургане часа три или более, Государь и за ним вся свита продолжали путь к селению Драча. Здесь приготовлено было в простеньком доме помещение для Государя*, для нас уже разбиты палатки; обед был готов в обыкновенное время; вся обстановка более напоминала красносельские маневры, чем настоящую войну. Сам Государь, окруженный почти всей своей семьей, сделал то же замечание. Однако ж в душе он не был так спокоен, как на маневрах: бóльшую часть ночи не спал от волнения в ожидании решительных действий на следующее утро.

Сегодня поднялись мы ранее 5 часов; Государь потребовал меня к себе**; пришел и сам главнокомандующий. Государь сознавался в своем тревожном состоянии духа и сказал, что несколько раз уже случилось ему накануне важных событий видеть во сне отца своего; он видел такой сон в ночь с 11-го на 12-е апреля, т. е. пред объявлением войны, и тот же сон видел опять в эту ночь: покойный отец, император Николай, нежно прижимал к груди своего сына и благословлял его. Государь прослезился и был так растроган, что мы вышли из комнаты, чтобы дать ему успокоиться.

Вслед затем мы все опять помчались в экипажах на вчерашний курган, хотя знали, что уже в прошлую ночь должна была начаться настоящая переправа в другом пункте — от Зимницы к Систову. План этот держался в такой тайне, что даже никто из свиты не подозревал его. Демонстрации, производимые в разных пунктах, в особенности у Никополя и Ольтеницы, по-видимому, ввели в обман и турок. Лишь только прибыли мы на курган, там же, в карете полевого телеграфа, получена была телеграмма, что генерал-майор Драгомиров с большей частью 14-й дивизии уже переправился успешно на судах и после небольшой перестрелки занял высоты правого берега Дуная, к востоку от Систова.

Мы оставались на кургане насупротив Никополя с 7 часов утра до 2 часов дня, и пока смотрели на действие наших батарей, бомбардировавших Никополь, пока пред нашими глазами загорелся этот город***, получались беспрестанно телеграммы из Зимницы о продолжавшейся переправе. Часть переправившихся войск двинута влево, для прикрытия переправы со стороны Рушука, а с другой частью генерал Драгомиров обратился на Систово, но, кажется, еще не овладел городом, поджидая прибытия полевой артиллерии, так как с передо-

* где уже приготовлено было место для Главной квартиры.

** и сообщил мне план действий.

*** и почти весь выгорел.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 г.

выми войсками переправились только две горные батареи*. Известия эти видимо успокоили и Государя, и главнокомандующего. Очевидно, турки не ожидали переправы в этом пункте. Между тем все почти понтоны и суда из Алуты уже успели в прошлую ночь пройти в виду никопольских батарей. Полагают, что батареи эти сбиты нашими выстрелами; но можно думать, что турки потеряли голову и поспешат очистить весь правый берег Дуная, кроме крепостей.

В 4-м часу возвратились мы в Драчу. С переправы получались частые телеграммы об успешном ходе дела. Во время обеда у Государя пришло известие, что почти вся 14-я дивизия уже переправилась, что город Систово занят и турки окончательно ушли. При этом известии Государь, подняв бокал, возгласил «ура» главнокомандующему и тут же надел на него орден Св. Георгия 2-й степени. Крики «ура» повторились в лагере, а после обеда к домику Государя прибежала вся ватага, составляющая штаб и свиту Его Высочества. Раздались оглушительные крики «ура», принялись качать главнокомандующего, а затем сам Государь с новым кавалером Св. Георгия пошел** к его ставке. По пути чрез весь лагерь те же крики, бросание шапок и проч. Бывшие тут два иностранные корреспондента были изумлены этими свободными, безыскусственными изъявлениями энтузиазма и привязанности к великому князю, который умел, действительно, приобрести любовь всех своих подчиненных.

* (из них 2 орудия с батарейным командиром и 2 офицерами утонули при переправе).

** по всему лагерю

М. И. Драгомиров

Поздно вечером приехал с переправы начальник штаба генерал Непокойчицкий. Государь надел на него собственноручно орден Св. Георгия 3-й степени. Тот же орден назначен командиру 8-го корпуса Радецкому и начальнику 14-й дивизии Драгомирову.

16-го июня. Четверг. Зимница. — В 6 часов утра выехали в экипажах из Драчи. Проездом чрез Пиатру Государь осматривал госпиталь, в котором было до 300 раненых, привезенных с переправы. В числе их был командир гвардейского отряда полковник Озеров. По собранным доселе сведениям, во вчерашнем бою потеря наша состояла приблизительно из 150 убитых и до 400 раненых. Главная потеря была в Волынском полку, а затем в Минском. Гвардейцы не уступали армейцам в рукопашном бою. Один солдат гвардейского Павловского полка, замечательно здоровый и сильный, поднял на штык 6 турок и жаловался, что рана в руку помешала ему покончить еще с седьмым. В числе раненых в госпитале было и несколько турок, но, кажется, вообще их не щадили; солдаты наши дерутся с каким-то озлоблением*. Рассказывают, что один тяжело раненый турецкий солдат, к которо-

* Раненые наши солдаты рассказывали,

му подошел фельдшер, чтобы подать помощь, застрелил его в упор. Госпиталь в Пиатре устроен хорошо; все врачебные пособия и уход за больными вполне удовлетворительны.

Из Пиатры отправились далее в Зимницу, где расположен 12-й корпус. Государь начал с осмотра главного перевязочного пункта, где еще находилось до сотни раненых, которых еще нельзя было перевезти в Пиатру. Здесь же устроен маленький лазарет от Красного Креста. Государь поместился в хорошем доме, расположенном над обрывом левого берега Дуная, откуда открывается вид на Систово, на место переправы и на значительное протяжение вправо и влево. Переправа войск продолжается; приступлено к постройке моста. Около 3 часов Государь сел верхом и поехал на переправу. Чрез Дунай перевозили нас на двух понтонах; на противоположном берегу выстроена была гвардейская команда, участвовавшая во вчерашнем деле. Отсюда до Систова около 5 верст. Мы поехали туда верхом, между двумя сплошными стенами войск. Волынский и Минский полки и стрелковая бригада пропустили нас с непритворными выражениями восторга и радости. На всех лицах видно было одушевление. Встречая начальников частей, Государь благодарил их и лично роздал Георгиевские кресты как Радецкому и Драгомирову, так и бригадным командирам Иолшину и Петрушевскому, а позже и полковым командирам.

С приближением к городу увидели мы толпы вышедших из него жителей; у самого же въезда в город Государя встретило духовенство с евангелием, крестом и хоругвями. Государь объявил намерение свое прямо проехать в православный храм. Духовенство пошло впереди русского царя; на всем пути Государя и ехавшую за ним свиту осыпали цветами; женщины и дети радушно и радостно улыбались, старики и старухи крестились. Государь вошел в церковь, набитую толпой народа; иные целовали ему руки, другие, по местному обычаю, аплодировали. Из церкви Государь поехал в квартиру, занятую командиром корпуса Радецким; опять толпы народа, восторженные возгласы и выражения радости. Некоторые дома на пути нашем стояли полуразрушенными, с выбитыми стеклами, пустые: это дома, принадлежавшие туркам, которые все бежали с приближением наших войск. Около мечети улица была усыпана обрывками мусульманских книг.

Пробыв несколько минут в доме, с балкона которого открывается обширный вид на Дунай, освежившись тут легким местным вином, похожим более на квасок, мы продолжали путь за город на позицию, занятую к западу Подольским пехотным полком и батареей*. Между

* Батарея стояла на выгодной позиции.

тем послано было приказание, чтобы к городской пристани прибыл паровой катер с понтоном, дабы Государь мог переправиться прямо из Систова к Зимнице, не возвращаясь на прежнее место переправы. В ожидании прибытия судов Государь вошел в дом Австрийского пароходного агентства на пристани, и здесь пришлось оставаться часа два. Нас развлекали хозяин дома (агент Общества), выдававший себя за болгарина*, а еще более семья его. Старшая дочь, красивая блондинка, одетая по-европейски, кокетничала с Государем и великими князьями, угощала вином, вареньем и разговорами то по-болгарски, то по-немецки. — Вообще физиономия города более европейская, чем азиатская.

Наконец прибыли катера и баркасы, и мы переправились обратно на левую сторону Дуная. Все были очень утомлены, оставаясь весь день без пищи, в постоянном движении, под жгучим солнцем. Возвратившись в Зимницу, сели за обед уже в девятом часу вечера; палатки были уже разбиты, и все поспешили на покой.

День этот был полон разнообразных ощущений. Государь, несмотря на** усталость, был в отличном расположении духа. Нельзя было ожидать более счастливого и удачного исполнения трудного дела — переправы армии чрез Дунай. Оно обошлось нам необыкновенно дешево, особенно, если сравнить с теми потерями, которые, к несчастью, понесены в последних делах в Азиатской Турции, о которых сегодня же вечером получены телеграммы¹⁵⁸.

17-го июня. Пятница. — Сегодня мы имели отдых, однако ж не полный: в 3 часа было благодарственное молебствие за победу 15-го числа. Почти весь 12-й корпус, гвардейская рота и болгарские дружины были построены огромным*** квадратом, в середине которого, на кургане, совершен церковный обряд, а потом Государь раздавал Георгиевские кресты и другие награды.

21-го июня. Вторник. — Почти ежедневно Государь делает поездки то на переправу, то в лазареты. Постройка моста весьма замедлилась бурей в ночь с 17-го на 18-е число; ветер сорвал несколько понтонов, так что переправа по мостам могла начаться только в ночь с 19-го на 20-е. Прежде всего нужно было переправить обозы находившихся уже на правом берегу Дуная частей войск, также несколько кавалерии. Вчера Государь и за ним вся свита сделали довольно дальнюю и утомительную поездку: переехав по мосту за Дунай, взяли

* но имеющий физиономию и все ухватки жида

** чрезвычайную

*** кареем

налево к деревне Вардин — месту расположения 9-й пехотной дивизии. От страшной пыли, мешавшей видеть под ногами лошади, я был опрокинут вместе с лошастью и мог быть растоптан скакавшими сзади, в той же пыли. Отделался счастливо, ни одна лошадь не коснулась меня, но сильно чувствую лом во всех костях.

Между тем, в ожидании перехода большего числа войск за Дунай, составляются предположения о дальнейшем направлении и распределении их. При этом, к сожалению, руководствуются не совсем похвальными видами. Раздробили две кавалерийские дивизии на 4 отдельные бригады для того, чтобы две из них поручить под команду двум братьям Лейхтенбергским: Николаю и Евгению Максимилиановичам. Первый из них никогда в строю не служил, а последние 10, 12 лет жил спокойно за границей и позабыл даже то, что мог знать в юности. Евгений Максимилианович — *bon vivant*^{*}, ни в чем не показавший своих военных способностей. Затем предполагается дать назначения^{**} наследнику цесаревичу и великому князю Владимиру Александровичу. — Опять вспомнишь красносельские маневры.

Между тем последние сведения с Кавказа не совсем благоприятны. Турки получили значительные подкрепления, и нашим войскам пришлось на всех путях остановить наступление и даже отступить. Великий князь Михаил Николаевич снова требует присылки дивизии; делать нечего: сегодня решено направить на Кавказ 40-ю пехотную дивизию, только что приведенную на военное положение и собиравшуюся в лагерь под Чугуевом.

Вчера пришел сюда весь обоз императорской Главной квартиры и с ним явилась вся толпа праздного люда, составляющего свиту Государя.

23-го июня. Четверг. — Вчера Государь с частью свиты ездил опять в Систово показать город принцу Гессенскому, присланному сюда для объявления о восшествии на престол нового великого герцога Гессен-Дармштадтского. В поездке этой я не участвовал, чувствуя себя не совсем здоровым от усталости, жара и образа нашей жизни. Во время обеда послышался в соседней румынской церкви похоронный звон. Государь, узнав, что принесли в эту церковь тело утонувшего при переправе чрез Дунай молодого офицера гвардейской артиллерии Тюрберта, встал из-за стола и пошел в церковь; разумеется, и все пошли за ним. Погребение было трогательное: в ветхой, полуразвалившейся,

* кутила, весельчак (*фр.*)

** даже

И. В. Гурко

темной церкви служил старик священник; гвардейские саперы, по приказанию Государя, во время отпевания выкопали могилу под самым перистилем церкви. — Возвратившись с печальной церемонии, dokonчили обед. В это время привели пленных турок, человек до 40; в числе их было несколько здоровых, обмундированных, принадлежавших к низаму; прочие — оборванцы, башибузуки; двое или трое даже переселенцы из Крыма.

Сегодня же, после обеда, принесли в лазарет Красного Креста двух изувеченных турками болгар. Государь пошел взглянуть на них и повел с собой английского агента Велеслея, сказав ему, чтобы он сам видел образ действий «les protégés de votre gouvernement». Когда мы пришли в лазарет, один из болгар уже кончил жизнь, его несли в церковь хоронить; бедная вдова стояла тут же со свечей и рыдая.

Кавалерия наша ушла уже далеко от Дуная и встретила только небольшую шайку черкесов, с которыми и посчиталась. Вчера приехал

сюда генерал-лейтенант Гурко, начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, вытребованный сюда для начальствования всей кавалерией, пущенной вперед на поиск к Балканам. Он имеет репутацию наиболее способного и разумного из кавалерийских генералов.

27-го июня. Понедельник. — Государь рвется вперед за Дунай; он в большом волнении и сердится, когда ему доказывают, что присутствие его при передовых войсках неуместно, что оно стеснит главнокомандующего, что перемещения с громоздким обозом Главной квартиры сделаются невозможны в Балканах. С тех пор как великие князья: главнокомандующий, наследник цесаревич и Владимир Александрович переместились вперед, Государь ежедневно собирается сам переехать туда, но великий князь Николай Николаевич под разными предложениями отклоняет его намерение. Вчера генерал Непокойчицкий прислал графу Адлербергу длинное письмо по этому предмету. Последний сделал новую попытку уговорить Государя не ехать за Дунай*; но ему опять не удалось, а к тому же вечером получена от великого князя Николая Николаевича из Царевиты телеграмма о новом подвиге наших войск: 25-го числа одна кавалерия, т. е. драгуны и казаки с конной батареей, атаковали Тырнов, выбила из него до 3 тысяч турецкого низама и овладела городом. Государь пришел в восторг, созвал всю свою свиту и сам пошел в лагерь гвардейской конвойной роты, чтобы прочесть телеграмму. Я уже собирался лечь спать, когда услышал, что Государь зовет меня по имени. В деле отличился между прочими и гвардейский конвойный полуэскадрон; поэтому известие было принято с восторженными криками «ура». Сейчас же Государь телеграфировал великому князю главнокомандующему о награждении генерал-лейтенанта Гурко орденом Св. Георгия 3 степени, а Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского, которому поручено командование сводной драгунской бригадой, производит в генерал-майоры¹⁵⁹. Немного спустя опять зовут меня к Государю, который объявляет, что намерен завтра же, в 6 часов утра, отправиться за Дунай, в Царевиты. Между тем ночью приходит от великого князя главнокомандующего известие, что он выезжает из этого пункта на рассвете; Государь в первую минуту хотел было отменить поездку, но вслед затем снова решился ехать и телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он дождался приезда.

* Первоначальный текст после слов «...Вчера генерал Непокойчицкий прислал графу Адлербергу длинное письмо по этому предмету.»: «Граф Адлерберг, который желал бы, чтобы Государь совсем уехал в Петербург, сделал новую попытку уговорить Государя не ехать за Дунай;»

Сегодня мы выехали ровно в 6 часов утра, до переправы в экипажах, а потом верхом, и к 8 часам утра были уже в Царевце. Великий князь уже совсем был готов к отъезду; Государь вместе с ним вошел в домик, служивший до того помещением главнокомандующего, и тут в несколько минут переговорили они о дальнейшем плане действий. Я не был приглашен к этому свиданию и узнал только потом о результате его. Великий князь решается не останавливаясь идти вперед к Тырнову и далее чрез Балканы, не приступая* к осаде Рущука, как до сих пор предполагалось. Войска 12-го и 13-го корпусов, под начальством наследника цесаревича, будут пока удерживать позицию на р. Янтре, а 9-й корпус барона Криднера будет охранять правый фланг операционной линии. Совещание продолжалось с полчаса, после чего великий князь главнокомандующий со своей свитой уехал в Сиржали, а мы, позавтракав под открытым небом, возвратились в Зимницу, где было отслужено благодарственное молебствие по случаю победы 25-го числа. Великий князь, как оказалось, уговорил Государя не торопиться переездом за Дунай; условлено было исполнить это только 2-го июля, с последним эшелонном 11-го корпуса, который должен составить общий резерв за Дунаем, вместе с ожидаемым еще 4-м корпусом.

29-го июня. Среда. — Вчера Государь поехал верхом на бивак прибывших в Зимницу двух дивизий: 31-й пехотной и 13-й кавалерийской. Не поспев выехать с Государем, я спешил догнать его скорой рысью напрямик, по полю, изрытому ямами и рвами; лошадь моя споткнулась, упала, и я порядочно ушибся; однако ж сел опять на лошадь и подъехал к стоявшему на правом фланге 31-й дивизии Пензенскому пехотному полку, носящему мое имя. В первый раз с назначения меня шефом этого полка довелось мне видеть его. Встретил меня, как водится, полковой командир полковник Конаржевский; обычным порядком поздоровавшись с полком и сказав несколько приветственных слов, я проехал по фронту батальонов, после чего представлялись мне офицеры; все это заняло столько времени, что я не мог уже присоединиться к свите Государя и скорее возвратился в свою палатку, чтобы примочками и льдом отделаться от синяков и опухли.

По мере того как доходят до Главной квартиры частные сведения о тырновском деле, начинают все более понимать, что оно во все не имело той важности, которую ему сгоряча придали по первой телеграмме. Сам Государь остановился в назначении наград, уже

* даже

заявленных в ответной телеграмме главнокомандующему. — Поздно вечером я прочел Государю полученную от генерала Непокойчицкого записку, заключающую в себе расчет движения разных колонн и законченную собственноручной припиской его о том, что великий князь Николай Николаевич просит подкрепить его армию еще одной или двумя дивизиями. Заявление это совершенно неожиданное*. Я воспользовался случаем, чтобы представить Государю некоторые соображения относительно составленного великим князем плана действий, по моему мнению, крайне рискованного и даже безрассудного. Видно, мои объяснения произвели свое действие, потому что Государь вчера же поздно написал в этом смысле письмо к главнокомандующему. — В то же время получена прискорбная телеграмма от великого князя Михаила Николаевича о снятии осады Карса и общем отступлении всех колонн, доселе подвигавшихся победоносно вперед¹⁶⁰. Такой печальный оборот возможен и на Дунайском театре войны, если мы будем действовать очертя голову, пренебрегая противником и не соображаясь с расположением его сил. Сегодня, при утреннем докладе, я воспользовался случаем, чтобы еще раз объяснить Государю мои опасения. Государь вполне согласился с моими соображениями: безрассудно было бы идти за Балканы с частью армии, когда в тылу остаются справа и слева от пути сообщения огромные силы неприятельские. Известно, что Порта со всех сторон собирает войска на Дунайский театр действий. Она даже оставила в покое Черногорию, которую почти готова уже была раздавить; войска Сулеймана-паши, равно как и занимавшие Герцеговину, направлены против нашего правого фланга. Необходимо сперва нанести удар армии противника и, пользуясь нашим настоящим центральным расположением, стараться всеми силами разбить турок по частям, — и затем уже идти вперед в Балканы. При такой постановке вопроса я надеюсь при другом случае убедить Государя и в том, что в настоящее время, пока вовсе не разъяснились обстоятельства, когда еще только ожидаются серьезные встречи с противником, когда последний может сделать попытку действовать на единственный путь сообщения нашей армии, было бы преждевременно и неосторожно самому императору лично высунуться вперед, подвергая себя не только опасности в бою, но и еще гораздо худшему — необходимости поспешного возвращения на Дунай. Не знаю, удастся ли мне убедить в этом Государя после всех тщетных попыток графа Адлерберга и самого великого князя Николая Николаевича.

* и неисполнимое.

А. А. Тергукасов

Сегодня, пред обедом, приехал из Тырнова офицер лейб-гусарского полка Бенкендорф с донесением генерала Гурко о деле 25-го числа; он привез торжественно взятое при этом знамя. Но из самой реляции видно, что Тырнов занят почти без боя; потеря состояла у нас только из двух солдат конно-артиллерийской батареи. Турки очистили сами город и после первых выстрелов артиллерии бежали. Привезенное «знамя» оказалось простым значком башибузуков, найденным в их лагере. Однако ж Государь велел мне прочесть вслух привезенную реляцию пред всей собравшейся к обеду свитой и прибежавшими солдатами гвардейского конвоя.

Поздно вечером снова Государь призвал к себе меня и графа Адлерберга и с радостью прочел нам телеграмму, полученную с Кавказа, об освобождении генералом Тергукасовым блокированного толпами турок в продолжение 23 дней слабого нашего гарнизона Баязетской цитадели¹⁶¹. Тергукасов с 8 батальонами разбил 20 турецких батальонов, взял 4 пушки; но вывел из Баязета гарнизон, мотивируя тем, что город почти весь разрушен и потерял всякое значение. Известие это успокоило* Государя; но опять придана этому успеху излишняя

* наконец

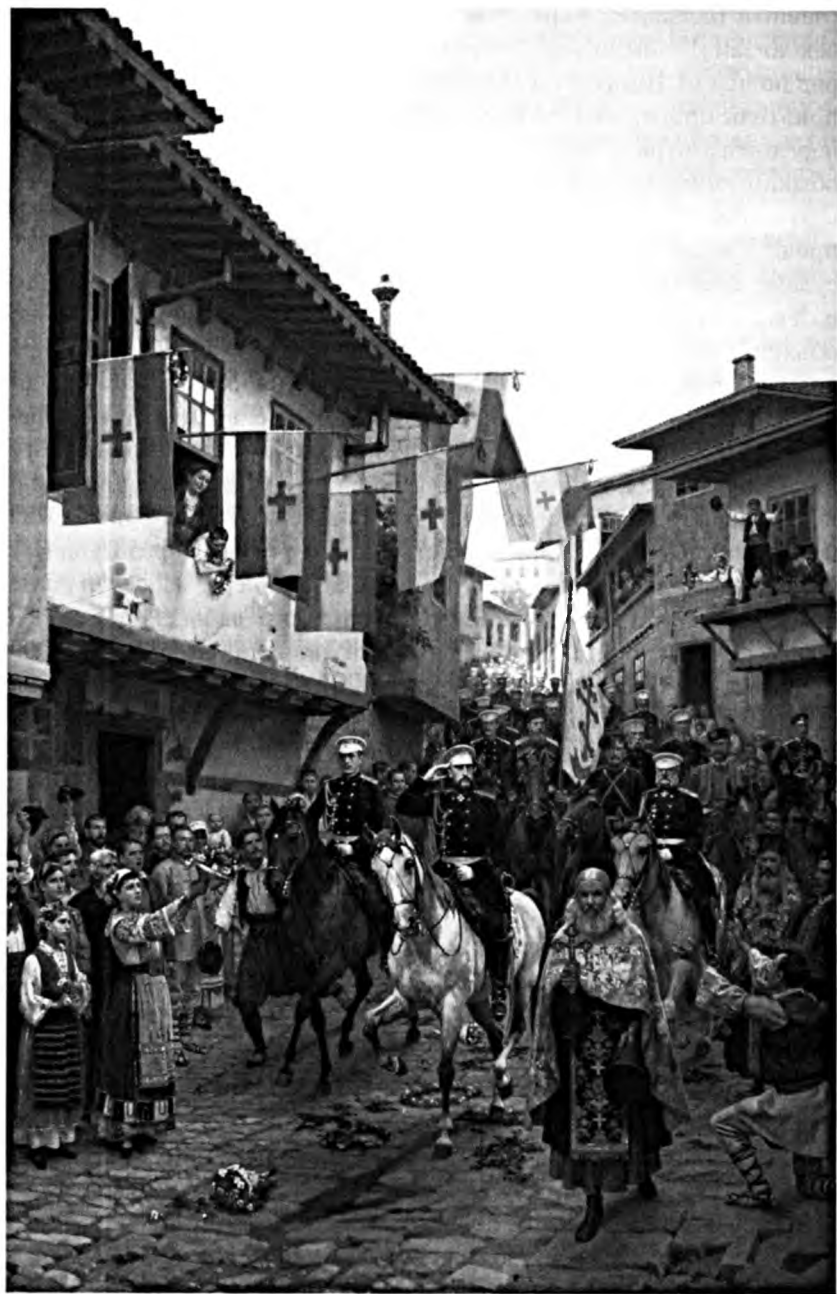
важность и торжественность. Сейчас же решено дать Тергукасову Георгия 3 степени и на завтрашний день назначено благодарственное молебствие.

30-го июня. Четверг. — Редкий день проходит без молебствий по тому или другому поводу. Сегодня утром пред строем государева конвоя я должен был громогласно прочесть телеграмму Тергукасова; затем обычные крики «ура» — и молебствие. После того ездил я за Государем на встречу прибывшей к Зимнице 11-й кавалерийской дивизии, а в заключение Государь обошел шатры открытого здесь военно-временного госпиталя.

Перед обедом получил я письмо от генерала Непокойчицкого, который, отвечая мне на некоторые вопросы, требовавшие разъяснения сделанных по армии распоряжений, снова выражал в *poste-scriptum'e* все затруднения и неудобства преждевременного прибытия Государя к передним частям армии. Я прочел это письмо Государю и попробовал подкрепить аргументы Непокойчицкого, но все было тщетно: Государь, как упрямый ребенок, резко закончил свои возражения: «Я так хочу — и так будет».

4-го июля. Понедельник. Село болгарское Павло. — В последние три дня нашего пребывания в Зимнице перешли чрез Дунай почти все эшелоны 11-го корпуса. С последним эшелонем 32-й пехотной дивизии назначено было 3-го июля идти и Главной императорской квартире. В этот день мы выехали из Зимницы в 5 часов утра и ранее 8 часов утра были уже в Царевце, где нашли разбитые палатки, в красивом местоположении, среди садов. Во время всего переезда и позже слышались дальние выстрелы со стороны Никополя. С трепетным вниманием прислушивались мы к каждому выстрелу, зная, что в этот день 9-й корпус (генерала барона Криднера) должен атаковать турок под Никополем. Еще накануне Государь выезжал чрез Систово к стороне Никополя, чтобы видеть, не начал ли генерал Криднер движения к Никополю; однако ж мы ничего не видели и не слышали; а вечером 2-го числа узнали, что генерал Криднер просил, чтобы с рассвета 3-го числа участить огонь с батареи левого берега Дуная против Никополя, дабы отвлечь внимание неприятеля. Понятно, что 3-го числа, прибыв в Царевцы, Государь ожидал с большим нетерпением известий от Криднера, но, ничего не получая до самой ночи, начинал уже беспокоиться. Взамен того получена была из Тырнова телеграмма Е. В. главнокомандующего о том, что генерал Гурко успел благополучно и без выстрела перейти

* крайним

*Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Въезд великого князя Николая Николаевича в
Тырново 30 июня 1877 г.*

главный Балканский хребет и опустился к Ханкию, где 300 человек низама¹⁶² были захвачены совершенно врасплох. Другой отряд пошел на Шипку, где, однако ж, по имеющимся сведениям, неприятель приготовил сильную оборону. Известие это о переходе передового отряда через Балканы очень обрадовало Государя; по обыкновению, он сам пошел возвестить эту радость своему конвою и гвардейской роте; раздались обычные «ура», поздравления и проч., — недоставало только молебствия. Кроме того, внимание Государя занял присланный от великого князя главнокомандующего из Тырнова генерал-майор князь Имеретинский, который подробно объяснил виды и предположения главнокомандующего. Государь долго разговаривал с ним и дал ему поручения к главнокомандующему, как потом я узнал*, в том самом смысле, в каком я не переставал убеждать Государя, — т. е. что необходимо, прежде всякого движения вперед, принять меры к прочному утверждению и охранению нашего тыла с обоих флангов. В особенности указывалось на недостаточное обеспечение единственной переправы чрез Дунай.

Не дождавшись донесения от генерала Криднера, мы легли спать с тем, чтобы завтра, в 5 часов утра, тронуться в дальнейший путь к Павло с той же бригадой 32-й пехотной дивизии. Но в 3 часа ночи прискакал из Систова казак с запиской от начальника телеграфной станции к генерал-майору Щелокову (военно-походному начальнику императорских телеграфов) следующего содержания: «Турки у Систова; в городе бьют тревогу, страшный хаос; действие телеграфа прекратилось; закрываю станцию». — Генерал-адъютант Рылеев (комендант императорской Главной квартиры) с этой запиской вбежал ко мне в палатку и, разбудив меня, спросил, что делать. Сказав ему, что следует немедленно разбудить Государя, я сам наскоро набросил на себя сюртук и пошел к Государю, который уже вставал с постели. Известие было крайне тревожное. Тут мгновенно обрисовалась в воображении каждого страшная картина той катастрофы, возможность которой постоянно пугала меня и заставляла уговаривать Государя не торопиться переездом за Дунай. Турки в Систове! Значит, Криднер имел неудачу, отбит от Никополя, отброшен; неприятель захватывает и уничтожает переправу и чрез несколько минут может настигнуть Главную квартиру императора! Можно ли вообразить себе что-либо более несчастное, более ужасное? — Тем не менее каждый чувствовал в эту минуту обязанность не терять голову. Государь в особенности старался выказать спокойствие и хладнокровие. Я вы-

* совершенно

шел из палатки его с приказанием послать немедленно за командиром 11-го корпуса князем Шаховским (Алексей Ив[анович]) с тем, чтобы приостановить движение всех эшелонов этого корпуса, а находившуюся в Царевнице бригаду с 2-мя эскадронами и 3-мя батареями двинуть вперед к Систову. Все эти распоряжения были немедленно же сделаны в темноте; всюду разосланы гонцы; полуэскадрон собственного государева конвоя двинут немедленно короткой дорогой к Систову, чтоб узнать, что там происходит. В 4 часа мы все были уже на конях. Странно было только, что со стороны Систова вовсе не было слышно выстрелов. Это* возбуждало некоторое сомнение в основательности дошедшего известия. Когда рассвело, посланные возвратились с донесением, что в Систове все спокойно. Государь решился сам продолжать путь к Павло со своим казачьим конвоем, а генерал-лейтенанту князю Шаховскому приказал все-таки пододвинуть бригаду ближе к Систову и выждать разъяснения обстоятельств. Еще смущало нас неполучение известий от барона Криднера. Было уже около 6 часов утра, когда мы двинулись большим шагом к Павло. На пути получены две записки от великого князя Алексея Александровича, оставшегося на переправе. Записки эти были вполне успокоительны; происшедшая в Систове тревога объяснялась тем, что ночью заведующий переправой генерал-майор Рихтер (начальник 3-й саперной бригады), вообразив себе, что бой, продолжавшийся целый день под Никоподем, будто бы начал приближаться к Систову и, стало быть, к мосту, дал знать об этом в Систово генерал-майору Брандту, который сейчас забил в барабан, вывел войска на позиции, а жители подняли страшную кутерьму, среди которой и телеграфист потерял голову. К утру увидели, что турок нет, и роты систовского гарнизона спокойно возвратились в свои места.

Когда таким образом вся тревога разъяснилась и все успокоились, Государь сказал мне: «Ты видишь, что я не теряю голову», на что я ответил, что уже не раз имел случай это видеть на деле.

Так доехали мы к 10-ти часам утра до Павло, где находилась Главная квартира наследника цесаревича. Там нашли мы полное спокойствие. Однако ж и оно ни на чем не было основано; от Криднера все-таки не было никаких известий. Около полудня, пока разбивались палатки и подтягивались обозы, мы были приглашены завтракать к наследнику цесаревичу. Жар был невыносимый; мы все были в мрачном расположении духа. Среди завтрака приносят наконец телеграмму от барона Криднера: «Никополь у ног Вашего Величе-

* значительно успокаивало всех нас и

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Сдача крепости Никополь 4 июля 1877 г.

ства. Упорный бой продолжался вчера с 4 часов утра до ночи; сегодня же на рассвете город сдался, с 2 пашами, 6 тысячами гарнизона, множеством пушек и запасов». — Можно представить себе, какой был взрыв «ура»; переход от отчаянного положения к блестящей победе был так быстр, так резок, как бывает только на сцене. Государь был в восторге; полетели всюду телеграммы; в лагере раздались крики «ура». — Вечером же приехал от генерал-майора Криднера со словесным донесением находившийся при его корпусе генерал-майор свиты Толстой (Илларион Ник[олаевич]). Он был так взволнован и нервен, что жаль было его видеть, когда он пытался рассказать подробности вчерашнего боя и нынешней сдачи города. С Толстым прислан был и один из взятых пашей.

5-го июля. Вторник. Павло. — В 10 часов утра Государь поехал в лагерь 1-й пехотной дивизии, впереди которой, на высоком холме, разбит шатер походной церкви. Кругом шатра, на скатах холма, расставлены все расположенные у Павло войска и отслужено молебенствие как по случаю дня Св. Сергия, так и благодарственное за победу при Никополе. Затем был завтрак у наследника цесаревича. Пред завтраком привели пленного турецкого пашу — ферику Гассанпашу. При этом вторичном представлении его Государю обстановка была несколько приличнее, чем вчера; пленный паша держал себя с достоинством, а ироническая его улыбка придавала даже несколько вид нахальства. Сегодня же он отправлен в Россию.

Посланный вчера из Царевицы для открытия сообщения с генералом Криднером генерал-майор свиты Е. В. Веймарн возвратился и привез сведения гораздо более ясные и положительные, чем привезенные вчера Толстым*. С другой стороны, от Е. В. главнокомандующего получены сведения об успешных действиях передовых отрядов генерала Гурко в Балканах и на южном спуске их между Сельви и Казанлыком¹⁶³. Главнокомандующим сделаны распоряжения для начатия наступательных действий войсками 11-го, 12-го и 13-го корпусов к стороне Лома и Осман-Базара. Поэтому наследник цесаревич должен завтра же двинуться вперед за р. Янтру, а князь Шаховской с 11-м корпусом идет от Ивановца в направлении к Осман-Базару. Государь** намерен остаться здесь, в Павло, до прибытия 4-го корпуса (генерала Зотова), который должен составлять общий резерв в Беле. С прибытием его Государь предполагает переехать в Тырнов.

8-го июля. Пятница. Бела (на р. Янтре). — В Павло пробыли мы всего два дня; оставаться долее на месте не было терпения. Утром 7-го числа Государь*** объявил, что на другой день переедет в Белу, вместо Тырнова. Сегодня мы поднялись с места в 6 часов утра и двинулись под прикрытием бригады 1-й пехотной дивизии. На пути получено несколько известий из Тырнова от главнокомандующего: одно — о лихом наезде казаков на Сельви и Ловчу, другое — об успехах генерала Гурко в Балканах. В то время, когда князь Мирский, начальник 9-й пехотной дивизии, с Орловским пехотным полком пытался безуспешно пробиться чрез Шипкинский проход, сильно занятый и укрепленный турками, Гурко, после нескольких стычек на южном склоне Балкан, овладел Казанлыком и, заняв дер. Шипку, взял в тыл турецкие войска, защищавшие горный проход. Войска эти, взятые между двух огней, бежали, побросав оружие, знамена и пушки. Государь был в восторге и послал генералу Гурко орден Св. Георгия 3 степени, несмотря на полученную так недавно высокую награду (звание генерал-адъютанта).

Дорога от Павло в Белу довольно живописна; она переходит чрез Янтру прекрасным каменным мостом. По сию сторону моста, в Караван-сараяе, нашли нескольких раненых гусар, офицеров и солдат, следовавших из передовых отрядов в госпиталь, открытый в Павло. Государь остановился, осмотрел раненых, говорил с ними и

* приехавшим в каком-то нервном, возбужденном состоянии.

** решает

*** вдруг

Князь Н. И. Святополк-Мирский (четвертый справа во втором ряду) с офицерами Орловского пехотного полка

потом переехал чрез мост, у которого встречен был духовенством с крестом и хоругвями и толпой жителей местечка Бела. Предшествуемый этой духовной процессией, он поехал прямо в церковь, где пропето было несколько молитв, гнусливыми голосами, а затем какой-то школьный учитель вздумал было произнести длинный спич. Государь, не дождавшись конца его речи, вышел из церкви.

Помещение Государю и части свиты отвели в полуразрушенном доме богатого турка, бежавшего, разумеется, из города с прочим мусульманским населением. Везде, куда вступали наши войска, все принадлежавшие туркам дома были уже пусты, разорены, с выбитыми стеклами и отбитыми дверьми. Во дворе означенного турецкого дома разбиты были палатки для Государя и некоторых лиц свиты; некоторые же предпочли поместиться в самом доме*. Несмотря на полученные радостные вести, почему-то все общество — не в веселом настроении. Свита Государя значительно уменьшилась в числе. Некоторые из флигель-адъютантов и генералов свиты были распределены по корпусам и отрядам; в числе их и все лица царской фамилии. Последним уехал вчера великий князь Сергей Александрович к наследнику цесаревичу, который перешел к Обертнику, а сегодня

* Первоначальный текст после слов «...с выбитыми стеклами и отбитыми дверьми.»: «Мы поместились в палатках, разбитых на дворах турецкого дома; в самом же доме поместились немногие лица, предпочитающие грязную, разоренную комнату помещению в палатке».

еще далее вперед, ближе к Рущуку. Присоединение к свите графа Вл[адимира] Соллогуба, явившегося вдруг в самый день переезда нашего из Зимницы в Царевицы, не оживило общества; присутствие этого * красная, так же как и другого фарсера — князя Эмиля Витгенштейна, не клеилось с общей обстановкой. Шутовство их было как бы фальшивой нотой в хоре. Граф Соллогуб навязался, чтобы писать** дневник похода государева; он уже читает вслух начало своего творения, такого же пустозвонного, как и*** большая часть литературных его произведений¹⁶⁴.

Главкомандующий прислал своего адъютанта Попова для доклада Государю о плане наступательного движения войск 12-го и 13-го корпусов (т. е. подчиненных наследнику цесаревичу) к р. Лому и Рущуку. Но приведение этого плана в исполнение могло начаться только по разъяснении расположения неприятельских сил, о которых нет до сих пор никаких верных сведений. К тому же безрассудно было бы искать решительного боя, не дождавшись войск 4-го корпуса, голова которого уже подходит к Зимнице.

Сегодня граф Адлерберг еще раз попробовал заговорить с Государем о дальнейших намерениях его и неуместности его**** стремления вперед, к войскам передовой линии. Государь опять рассердился и на этот раз уже не скрыл своего намерения принять личное участие в***** бою. Все доводы графа Адлерберга против подобного намерения, не оправдываемого никакой пользой, остались без последствий*****. И какой же***** аргумент против этих доводов? — что принимал же участие в бою император Вильгельм!

Если суждено нам на днях иметь решительную битву с неприятельскими силами, битву, которая может повлиять на весь ход кампании, а следовательно, на разрешение всего восточного вопроса, то нельзя не пугаться, когда подумаешь, в чьих руках теперь это решение: бой ведут наследник цесаревич и великий князь Владимир

* фигляра и шалоная

** будто бы

*** все прочие его произведения.

**** порыва

***** самом

***** *Первоначальный текст после слов «...не скрыл своего намерения принять личное участие в бою.»: «Все доводы графа Адлерберга против подобного намерения <не вызываемого необходимостью, но> без всякой пользы подвергать случайности боя личность императора всяя России — остались без последствий».*

***** главный

Александрович — оба неопытные* в военном деле, генералы Ган и князь Шаховской — хорошие люди, но не заявившие ничем своих военных способностей, и затем прочие столь же мало надежные генералы, начальствующие дивизиями! — Присутствие же самого Государя не только не устраняет опасений, но даже усиливает их.

Остается одна надежда на то, что мы имеем против себя турок, предводимых еще более бездарными вождами.

10-го июля. Воскресенье. — Вчера утром на грязном дворе турецкого дома, занятого Главной императорской квартирой, происходило опять молебствие по случаю одной из последних побед, — не знаю даже которой. На сей раз менее, чем когда-либо, можем мы торжествовать: в одно время с неважными успехами передовых отрядов в балканских проходах войска наши (три полка 5-й пехотной дивизии генерала Шильдер-Шульднера) потерпели неудачу под Плевной и понесли большую потерю. После молебствия Государь со всей свитой ездил верхом на место bivачного расположения бригады, охраняющей Главную квартиру**.

Вчера приехал Гершельман с первым после перехода через Дунай*** донесением генерал-лейтенанта Циммермана. Только теперь мы узнали официально о занятии 14-м корпусом Бабадагской области и Добруджи до Троянова вала. Сегодня же возвратился из Тырнова подполковник Лавров, приезжавший из Одессы с поручениями от генерал-адъютанта Себеки; затем приезжали один за другим Генерального штаба полковник князь Кантакузен с приказами войскам 4-го корпуса, великий князь Николай Николаевич младший, адъютант главнокомандующего Струков и конно-гренадерского полка офицер Карандеев с рассказами о подробностях перехода чрез Балканы. Из Тырнова возвратился генерал-майор князь Имеретинский со словесным докладом о новых планах и соображениях главнокомандующего и, наконец, от наследника цесаревича получено донесение о поиске, произведенном войсками 12-го корпуса за рекой Лом, близ Рушука, причем великий князь Владимир Александрович был в первый раз в огне.

Кровопролитный бой 3-го числа под Никоподем, затем неудача под Плевной, а вместе с тем получаемые известия о прибывающих со всех сторон турецких силах отрезвили нашего молодого главнокоман-

* даже вовсе не понимающие военного дела,

** Затем и вчера, и сегодня приходили один за другим известия и донесения о бывших действиях и битвах.

*** у Галаца.

Великий князь Михаил Николаевич

дующего; он увидел, что успех нашей армии вовсе не так обеспечен, как с первого взгляда казалось, что надобно вести дело осторожнее. Поэтому он нашел нужным сделать некоторые изменения в направлении 11-го и 4-го корпусов и приостановить слишком рискованное, эксцентрическое наступление, а вместе с тем, чрез князя Имеретинского, возобновил речь об усилении армии новыми войсками. На сей раз желание главнокомандующего уже предупреждено: еще утром я вторично предложил Государю направить на присоединение к армии войска Киевского округа — 2-ю и 3-ю пехотные и 2-ю Донскую казачью дивизии и 3-ю стрелковую бригаду. Все эти части уже вполне мобилизованы. Государь одобрил эту мысль, и шифрованные телеграммы были уже отправлены в Петербург и Тырново, когда начали приезжать один за другим посланцы главнокомандующего, беспрестанно отрывавшие меня от работы*. Вместе с тем Государь собственной инициативой телеграфировал главнокомандующему, что, находя неудобным отдельное пребывание двух главных квартир, предоставляет ему выбрать место для совместного пребывания, притом более центральное, чем Тырново. В ответ на эту телеграмму главнокоман-

* Первоначальный текст после слов «...Все эти части уже вполне мобилизованы.»:
«Государь одобрил эту мысль, и я уже шифровал телеграммы в Петербург и Тырново, когда начали приезжать один за другим посланцы главнокомандующего, беспрестанно отрывавшие меня от работы».

дующий уведомил, что пришлет сюда самого начальника штаба Непокойчицкого для личных объяснений. Желательно, чтобы соединение двух главных квартир, несмотря на представляемые неудобства, осуществилось. Опыт показал, что отдельное пребывание Государя представляет еще большие неудобства.

Сегодня же прибыли два фельдъегеря: один — из Петербурга, другой — с Кавказа, с письмом великого князя Михаила Николаевича к Государю. Главнокомандующий Кавказской армией объясняет неблагоприятный оборот дел на Азиатском театре войны; но в объяснениях этих нет ничего для нас нового. Замечательно в этом письме лишь то место, где великий князь, как бы оправдывая свой отъезд из действующего корпуса, выставляет разные неудобства и невыгоды своего личного пребывания при войсках. Все, что пишет он, буквально применяется и к пребыванию Государя при здешней армии.

12-го июля. Вторник. — Сегодня я ездил с Государем в Обертник — место пребывания наследника цесаревича, верстах в 18 от Белы. В то же время бывший адъютант великого князя Николая Николаевича (а с вчерашнего дня генерал-майор свиты Е. В.) Струков привез от главнокомандующего предписание наследнику цесаревичу действовать энергичически против Рущука. Такое предписание вовсе не согласовалось ни с настоящим положением дел, ни с предшествующими соображениями самого главнокомандующего. После краткого совещания в палатке наследника цесаревича (Государь, наследник цесаревич, генерал Ванновский и я) пришли к заключению, что теперь было бы крайне неосторожно что-либо предпринять против крепости, не имея никакого резерва, ни особого наблюдательного корпуса против неприятельской армии, расположенной между Шумлой, Силистрией и Разградом. Решено было в таком смысле написать главнокомандующему. Но когда, позавтракав, мы выехали в обратный путь, встретили казака из Белы с телеграммой от главнокомандующего, который сам отменяет вчерашнее свое предписание и признает необходимым повременить всякими наступательными предприятиями до окончания дела под Плевной и до сосредоточения 11-го и 4-го корпусов на предназначенных им местах.

Возвратились мы в Белу около 4 часов. Получены известия об удачных действиях наших береговых батарей на Дунае и катеров против турецких пароходов и мониторов, а вечером телеграмма от генерал-адъютанта Аркаса извещала о неравном бое в море нашего парохода «Веста» с большим турецким броненосцем, который принужден был спасаться от нашего плохого пассажирского судна¹⁶⁵.

Вопрос о переезде Государя в Тырново все еще не решается. Выжидают окончания дела под Плевной.

Ю. И. Шильдер-Шульднер и Н. П. Криденер с офицерами штаба 3-й гвардейской дивизии

14-го июля. Четверг. — Вчера приехали в Белу два ординарца с известиями: один — от генерала Криднера, другой — от Циммермана. Оказывается, что неудача наша под Плевной была серьезнее, чем сначала думали: потеря простирается до 2800 человек; некоторые полки совсем расстроены, Костромской — потерял все свои ранцы. Криднер думает, что теперь в Плевне до 50 тысяч турок. Для поддержания Криднера назначена целая 30-я дивизия из 4-го корпуса и 1-я бригада из 11-го корпуса.

От Циммермана известия заключаются в том, что по занятии линии Кюстенжи — Черноводы посланы передовые отряды к стороне Силистрии и к Мангалии. К последнему этому пункту послан сын мой с тремя сотнями Донского № 29 полка.

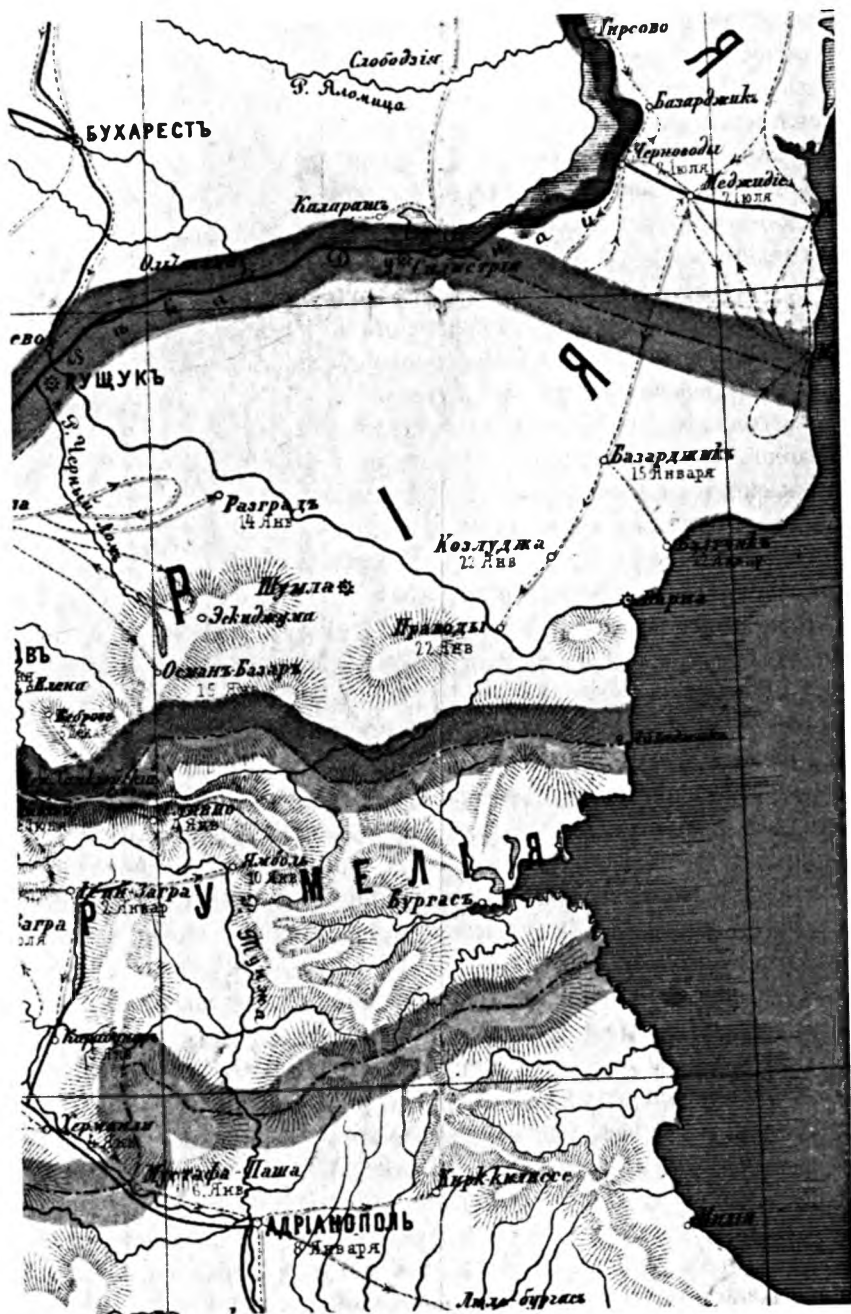
Великий князь главнокомандующий наконец сам начал смотреть с опасением* за свои фланги. Он дал приказание наследнику цесаревичу передвинуть 13-й корпус к Церковице с тем, чтобы в случае движения турок от Осман-Базара к Тырнову напасть на правый их фланг. С этим перемещением восстановится связь между войсками, расположенными в Тырнове, и 12-м корпусом, направленным к Руццуку.

18-го июля. Понедельник. — Граф Воронцов-Дашков, которому великий князь наследник поручил командование передовыми его

* на свой левый фланг.

Карта театра войны в Европейской Турции в 1877–1878 гг. Фрагмент

кавалерийскими частями, 14-го числа ввязался в дело близ Разграда и понес порядочную потерю. Сегодня привезено в здешний госпиталь до 160 раненых, в том числе несколько тяжелых. Потеря турок неизвестна, но в числе убитых найден труп Азис-паши, который, по словам Игнатьева, считался у турок одним из способных и образованных генералов и был начальником штаба Дунайской армии. Надобно полагать, что он выдвинулся к Разграду с отрядом для рекогносцировки.

С трепетом ожидаем нового дела под Плевной; до сих пор приходилось ждать подхода подкреплений к 9-му корпусу (Криднера). Наконец сегодня должно было произойти сражение, но о результате узнаем, разве, ночью или завтра утром¹⁶⁶.

Сегодня австрийский и английский военные агенты уехали из Главной квартиры. Барон Бехтольсгейм получил, как он говорит, приказание от своего правительства приехать в Вену всего дня на 2 или 3, для каких-то личных объяснений. Велеслей, напротив того, сам поднял вопрос о поездке в Лондон. Вчера, после обедни, он завел со мною разговор о политическом положении, выразил готовность свою оказать всякую услугу, какую наш Государь признал бы возможной, и между прочим предложил съездить в Лондон для личного разъяснения некоторых обстоятельств, по которым, может быть, правительство английское имеет неточные сведения. Я доложил об этом разговоре Государю, который сегодня призвал к себе Велеслея и изъявил согласие на предположенную им поездку. Не знаю, выйдет ли из нее какой-нибудь прок. Между тем в иностранных газетах англо-турецкая партия продолжает разглашать самые нелепые клеветы на русские войска*, приписывая им небывалые жестокости с мусульманским населением. Возмутительная подобная бессовестная ложь.

19-го июля. Вторник. — С нетерпением ожидая известий из-под Плевны, я просыпался несколько раз в прошлую ночь при малейшем шуме. Около 3-х часов ночи приехал — не из Плевны, а от наследника цесаревича — адъютант князь Оболенский с конвертом на имя Е. В. главнокомандующего, переданным на аванпостах парламентаром от имени нового турецкого главнокомандующего Мехмет-Али. Немедленно я оделся, разбудил Государя, который и распечатал конверт; но в нем оказалось не более как заявление паши об установлении у турок, взамен «красного креста», своего особого знака — «красного полумесяца» и предложение обоюдного соблюдения Женевской кон-

* и на мнимые их жестокости

А. А. Непокойчицкий

венции. Бумага эта казалась смешной шуткой со стороны турок после того, как поступали они с попадавшимися им нашими санитарями и носильщиками и после всех бесчеловечных жестокостей с нашими ранеными, пленными и мирными жителями.

Известие от генерала Криднера пришло только в 10-м часу утра, в виде короткой телеграммы, извещавшей, что после упорного боя, продолжавшегося целый день, ввиду огромного превосходства противника в силах, он опять отступил к Булгарени¹⁶⁷. Известие это поразило нас и огорчило; Государь на этот раз не мог скрыть своего смущения. Он телеграфировал великому князю главнокомандующему, который ответил (из Тырнова), что решается сам ехать к войскам генерала Криднера и, подкрепив их некоторыми новыми частями, в третий раз повторит атаку. Великий князь обещал на пути в Булгарени захватить в Белу.

Немедленно Государь написал наследнику цесаревичу, чтобы он также прибыл в Белу. К вечеру оба великие князя съехались здесь; приехал и генерал Непокойчицкий. Вчерашняя неудача под Плевной, по-видимому, не смутила их; они по-прежнему судят о положе-

нии дел с самоуверенностью, однако ж распоряжения их уже менее рискованны. Великий князь даже согласился не предпринимать новой атаки ранее прибытия, по крайней мере, головных эшелонов ожидаемых новых подкреплений, именно 3-й стрелковой бригады. Я высказал великому князю сколько умел то, что требовало его внимания; Непокойчицкий же, по обыкновению своему, замкнулся в свое флегматическое молчание.

Наследник цесаревич вечером же уехал к себе в Обертник, а главнокомандующий остался здесь переночевать.

20-го июля. Среда. — Государем решено двинуть на подкрепление Дунайской армии всю гвардию, за исключением лишь Кирасирской дивизии. В тот же день Его Величество телеграфировал об этом в Петербург, а я сделал (также по телеграфу) надлежащие распоряжения.

21-го июля. Четверг. — В ночь с 20-го на 21-е июля приехали в Белу два ординарца от барона Криднера: Козлов и Лярский; рассказы их, хотя крайне несвязные, произвели самое печальное впечатление. Оказывается, что бой 18-го числа был вестен крайне бестолково, как бы для истребления войска, кончился полным поражением и с громадными потерями¹⁶⁸. Только по выслушании этих рассказов великий князь Николай Николаевич понял, до какой степени дело становится серьезным, и поспешил уехать из Белы в Булгарени. Вскоре после отъезда его приехал генерал-майор свиты князь Имеретинский; несмотря на усталость и волнение, он рассказал весьма толково все, что происходило под Плевной, и этот рассказ еще усилил тяжкое впечатление, произведенное первыми известиями. По словам князя Имеретинского, от всех войск, бывших под Плевной под начальством барона Криднера и князя Шаховского (до 38 батальонов при 180 орудиях), уцелело только несколько батальонов, прибывших после боя, ночью, или не успевших ввязаться в бой; от всех же остальных частей сохранились лишь кучки людей. Хотя не потеряно ни одного орудия, ни одного знамени, однако ж в течение целых суток после боя еще нельзя было собрать и разобрать уцелевших людей, приходивших поодиночке на места расположения войск.

Невыразимо тягостны были вчерашний и нынешний дни. Утром отслужена панихида по убитым, вместе с панихидой по императрице Марии Федоровне, великим княгиням Марии Павловне и Марии Николаевне. — Я занимался все утро составлением записки о настоящем положении дел на театре войны и предстоящем образе действий. Государь одобрил мои соображения и взял у меня записку для пересылки ее главнокомандующему¹⁶⁹.

Между тем со всех сторон получают самые тревожные сведения о намерении турок перейти в наступление. Силы их видимо возрастают.

22-го июля. Пятница. — По случаю царского дня была обедня в здешней деревенской церкви; я остался в палатке, чтобы разбирать полученные шифрованные телеграммы. Великий князь главнокомандующий по приезде к войскам генерала Криднера телеграфирует, что нашел эти войска в отличном настроении духа и в порядке; что в несчастном бое 18-го числа не потеряно ни одного знамени, ни одного орудия; что потеря еще неизвестна, но полагают, что простирается от 5 до 6 тысяч человек. Как ни велика эта цифра, все-таки телеграмма великого князя успокоительна; неприятель пока не трогался из Плевны, так что наши кавалерийские посты почти остаются на самом поле бывшего сражения.

Во время обедни приехали из Обертника великие князья наследник цесаревич и Сергей Александрович. Государь приказал мне прочесть наследнику вчерашнюю мою записку, вследствие которой завязался спор: наследник высказывал свои соображения, показывавшие, что он не понимает всей опасности настоящего нашего критического положения. После завтрака он уехал, но вечером приехали от него генерал Ванновский, исправляющий при нем должность начальника штаба, и генерал Депп, начальник инженеров армии. С ними легче было разъяснить дело и прийти к положительным заключениям о предстоящем расположении и образе действий 12-го и 13-го корпусов. Я настаивал, чтобы особенное внимание обратить на устройство переправы чрез Дунай, ближе к Руццуку.

Вечером же приехал адъютант главнокомандующего Бибииков с донесениями от генерала Гурко. Он обстоятельно рассказал последние действия наших войск за Балканами, оставление ими Эски-Загры и Казанлыка.

После обеда Государь со всей свитой ходил смотреть деревенский праздник болгар. Огромный хоровод топтался на месте под скрип двух музыкантов; несколько девок вышли вперед и пред Государем пропели монотонную, заунывную песню. Вообще народ здесь некрасивый и неграциозный¹⁷⁰.

27-го июля. Среда. — Все последние дни мы оставались в томительном ожидании прибытия сюда, в Белу, главнокомандующего, чтобы решить, какие меры принять для ограждения нашего левого фланга, угрожаемого главной турецкой армией от Шумлы. Но великий князь Николай Николаевич не торопится: продолжает заниматься устройством дел на западе и даже не дает сведений о том, как именно

распорядился он с той стороны; а что касается до войск, растянутых на огромном протяжении от устья Лома до осман-базарской дороги, малыми частями, без определенных инструкций, то главнокомандующему как будто нет и дела до них. Государь надеялся, что великий князь приедет сюда в день рождения своего и императрицы (т. е. сегодня); но он дал знать, что не успеет, и теперь ожидают его только 29-го числа. А между тем каждый день можно опасаться нападения со стороны турок, которые, куда бы ни бросились, везде будут иметь громадный перевес в силах над нашими отрядами. Одно, что может сколько-нибудь успокаивать нас — это неспособность турок драться в открытом бою и боязнь их атаковать нас. Вероятно, они считают наши войска сильнее действительной их силы; иначе давно уже они могли бы сбить их и прорвать нашу линию обороны. Приезжавший сегодня из-под Рущука великий князь Владимир Александрович высказывал резко жалобы на несообразность получаемых из Главной квартиры распоряжений, на совершенное бездействие интендантской части и опасение за будущий ход дел. Я нашел нужным уговорить великого князя высказать все это самому Государю, чтобы вывести его из* пассивного спокойствия, с которым он остается в ожидании событий. — Мы продолжаем вести обычную жизнь точно так же регулярно, как если б мы были в Красном Селе. Каждый день все делается в определенные часы, не отступая от привычек и обычаев; в праздничные дни присутствуем у обедни, в особых случаях служим молебствия; ездим гулять; а сегодня по случаю торжественного дня присутствовали вторично на народном празднике, показывая вид, что забавляемся монотонными хороводами и песнями болгарской молодежи.

Доктор Боткин каждый день заводит речь о необходимости перемещения отсюда в какое бы ни было другое место; продолжительное бивакирование среди селения, в долине, стесненной со всех сторон высотами, должно вредно действовать на здоровье. Этому местному влиянию С. П. Боткин приписывает появление в последнее время лихорадок; число больных в самой свите Государя и среди прислуги все увеличивается¹⁷¹. Но перемещение наше отлагается до приезда главнокомандующего, который предполагает обе главные квартиры расположить у Горнего Студеня, верстах в 35 отсюда, по дороге в Плевну. Там же предполагается сосредоточивать и прибывающие постепенно к армии подкрепления.

30-го июля. Суббота. — Наконец вчера приехал сюда наш главнокомандующий, которого ожидали с величайшим нетерпением, в

* фаталического спокойствия.

надежде, что личное с ним объяснение выведет нас из тревожного опасения каких-нибудь новых катастроф. К приезду главнокомандующего прибыл сюда и наследник цесаревич, который, впрочем, вчера же до обеда уехал обратно к себе в Широкое (на р. Ломе). Главнокомандующий со своим начальником штаба и его помощником (генерал-майором Левицким) переночевал здесь и уехал сегодня утром обратно в Горний Студень. Не знаю, вышло ли что-нибудь серьезное из разговоров великого князя с Государем наедине¹⁷²; но тот разговор, который происходил в моем присутствии, не привел ни к какому положительному заключению. Мы останемся и впредь в том же ежедневном опасении за наш левый фланг, где в случае нападения неприятельской армии, сосредоточивающейся и усиливающейся ежедневно, мы встретим ее не более, как одной дивизией или тремя бригадами. Главнокомандующий намерен сперва покончить с Плевной, дождавшись для этого прибытия 2-й пехотной дивизии. Пройдет довольно времени, пока можно будет чего-либо достигнуть с этой стороны, а между тем на левом фланге, откуда мы должны ожидать главные силы противника, мы останемся в том же раздробленном и слабом расположении. Когда я заметил это в разговоре с главнокомандующим и Непокойчицким, то получил два ответа: во-первых, что турки не решатся перейти в наступление; во-вторых, что никаких нет свободных войск для подкрепления левого фланга. — Казалось бы, прежде всего следовало бы отправить на позицию при Папкио по крайней мере ту бригаду, которая отделена от 1-й дивизии и остается здесь, в Беле*; для этого стоило бы только императорской Главной квартире переместиться как можно скорее на новое избранное для нее место; почему бы не перейти туда немедленно, хоть бы сегодня или завтра; но нет: переход отложен до вторника. Спрашивается: для чего? — Завтра — воскресенье, ergo необходимо выстоять обедню; на другой день — понедельник, дурной день, да к тому же 1-е августа, а следовательно, надобно опять молиться и вывести гвардейскую роту в церковный парад! — И вот из-за каких пустых поводов отлагается день за днем столь** необходимое подкрепление войск, на позиции, которая ежедневно может быть атакована несравненно превосходными силами противника.

Вчера в первый раз пошел сильный дождь с грозой; зной сменился сыростью и грязью; в палатках все измокло, а для перехода от одной палатки к другой, соседней, пришлось прибегнуть к доскам, камням и

* только для охранения Императорской Главной квартиры;

** крайне

т. д. Государь перебрался из своей палатки в дом, в котором до сих пор помещались некоторые лица свиты и прислуга.

2-го августа. Вторник. — Наконец сегодня покинули Белу и верхом прибыли к Горнему Студеню, где Государь был встречен войсками, расставленными шпалерами, а именно: прибывшей вновь 3-й стрелковой бригадой и частями 11-го корпуса (1-й бригадой 11-й кавалерийской дивизии и 1-й бригадой 32-й пехотной), участвовавшими в бывшем сражении под Плевной. Бригада 32-й пехотной дивизии понесла в этом сражении большие потери, но теперь совсем оправилась, солдаты смотрят бодро. Завтра эти войска (11-го корпуса) выступают к стороне Осман-Базара, к Чаркиюю, где войдут в непосредственную связь с 11-й пехотной дивизией. Завтра же подойдет к войскам, занимающим передовую позицию у Папкиоя, 2-я бригада 1-й дивизии, находившаяся в Беле для охранения императорской Главной квартиры. Таким образом, с перемещением нашим сюда войска левого крыла получают в подкрепление целую пехотную дивизию и бригаду кавалерийскую. — Я начинаю смотреть спокойнее на положение дел: если до сих пор турки не успели воспользоваться нашей слабостью и раздроблением, то можно надеяться, что мы выйдем из этого опасного положения, как бы они ни усиливались войсками, прибывающими (по газетным известиям) в Шумлу и Разград. Есть известия, что турки должны были отделить войска на юг, ввиду разрыва с Грецией и готовящегося восстания в Фессалии и Эпире. Сербия, получив от нас миллион рублей, обещала начать наступательные действия сообразно с указаниями, данными нашим главнокомандующим. Туда опять едет наш пресловутый агитатор Ростислав Фадеев; ему разрешено отправиться совершенно частным лицом; но он все-таки счел нужным побывать сперва в Беле и на днях являлся ко мне¹⁷³.

По прибытии в Горний Студень мы расположились вне деревни (занятой уже Главной квартирой главнокомандующего): на открытой площадке, отделенной от деревни оврагом, нашелся небольшой дом-особняк, бывший, по-видимому, корчмой; в нем Государь занял три маленькие комнатки, а в других трех поместились граф Адлерберг, князь Суворов и я. Комнатку в подвале занял доктор Боткин, а вся остальная громадная свита разместилась частью в сараях и под навесами около самого дома, частью же в палатках, разбитых на открытом поле. Вид нашего расположения, с огромным обозом и целым табуном лошадей, совершенно напоминает деревенские ярмарки. Сегодня мы все обедали у главнокомандующего. Вечером сделалось свежо, почти холодно. Я доволен своим помещением, несмотря на то, что окна без рам. Без малого два месяца я провел в палатке, так что успел уже отвыкнуть от комнаты.

6-го августа. Суббота. — Несмотря на открытую, возвышенную местность нашего нового бивака, число больных у нас не уменьшается; почти все страдают расстройством желудка, не исключая и самого Государя¹⁷⁴. Сегодня ему сделалось дурно во время обедни в походной церкви (по случаю праздника Преображенского полка и гвардейской артиллерии), так что он удалился до окончания службы.

Совместное пребывание обеих главных квартир уже выказывает свое успокоительное влияние. Есть возможность неотлагательно разяснять всякие сомнения, опасения, недоумения. К сожалению, однако же, и слабые стороны полевого управления армии еще заметнее вблизи. За что ни возьмись, с кем ни заговори — одна общая жалоба на бессвязность распоряжений, инерцию и бессилие главного начальства, у которого, по-видимому, не хватает сил, чтобы обнять весь служебный механизм большой армии. Под видом секрета полевой штаб ни о чем и никому не дает указаний; ни один из главных органов полевого управления не знает плана действий и намерений главнокомандующего*. Начальник полевого штаба глубокомысленно отмалчивается.

Сегодня** приехал сюда первый министр румынский Братиано вместе с полковником Сланичано. Их ожидали уже несколько дней. После обедни и завтрака Братиано представился Государю, который, побеседовав с ним недолго на балконе, под моими окнами, затем привел его в мою комнату с тем, чтобы я переговорил с ним окончательно. Братиано долго изливал мне претензии румынского правительства на действия наши. Кроме невыдачи тех сумм, которые Румыния просила в ссуду на*** военные расходы (до сих пор выдано всего 3 миллиона франков вместо просимых 5 миллионов), дело шло о патронах, о торпедах и проч. Во всех этих нуждах румын было отказываемо; вдобавок случались частые и личные неловкости в обращении с ними; самолюбие их терпело беспрестанные**** уколы. Румынам хотелось выказать свою самостоятельность, и для этого начать военные действия совершенно особняком; мы же заставляли их служить для наших целей. Они вынуждены были одну из трех своих дивизий расположить гарнизоном в Никополе, под начальством генерала Сто-

* Сам главнокомандующий, озабоченный нынешним днем, не имеет времени соображать будущее, а начальник штаба глубокомысленно отмалчивается.

** наконец,

*** расходы по мобилизации армии

**** оскорбления

лыпина, который держал себя пред румынами высокомерно и даже позволил себе одного румынского сержанта наказать плетью, вопреки не только румынских, но и наших постановлений. Другой генерал (Лошкарев) имел глупость написать прямо от себя письмо князю Карлу, для извещения его о том, что два полка румынской кавалерии поступили под начальство его, Лошкарева. Письмо было отредактировано так неловко, что князь обиделся. Подобных жалоб было немало, и, к сожалению, нельзя не признать их основательными. Русский человек не умеет щадить щекогливость других; то он унижается пред иностранцем и подделывается к нему; то обращается с презрением и дерзостью. Наши генералы и офицеры смотрят на румын как на полуобразованных азиатцев* и не скрывают этого взгляда пред ними; румыны же, напротив того, воображают, что они опередили русских в цивилизации, как государство конституционное; они тяготеют** к Западу; к России оборачиваются спиной. Отсюда, естественно, беспрестанные поводы к взаимным неудовольствиям и жалобам.

Со своей стороны, я старался сколько можно успокоить первого румынского министра, выражая ему глубокое сожаление о случившихся со стороны наших генералов и офицеров неловкостях, и когда мы расстались, доложил обо всем Государю. Мне удалось получить разрешение на два главные пункта: выдать еще один миллион франков и просимое количество патронов. Румынские министры были приглашены к обеду***, за которым Государь возгласил тост в честь императора австрийского (по случаю дня его рождения), а потом Преображенского полка и гвардейской артиллерии. После обеда, по обыкновению, собрались под галереей занимаемого Государем дома и слушали пение солдат и казаков. Тут я объявил румынскому министру о полученных от Государя разрешениях и предоставил ему об остальном прямо объясниться с великим князем главнокомандующим. Не знаю, уедет ли он вполне довольным, но, во всяком случае, уедет**** менее недовольным, чем приехав сюда.

8-го августа. Понедельник. — Сегодня неожиданно***** приехал сюда мой сын, курьером от генерала Циммермана, который встревожен получаемыми сведениями о намерении турок атаковать Кюстенджи с моря и сухого пути. Генерал Циммерман уже помышляет об очищении Добруджи и отступлении 14-го корпуса на левый бе-

* как на азиатское племя полуобразованное

** сочувствуют

*** первоначально: «К обеду были приглашены в числе многих других Братнано и Сланичано»

**** более довольным

***** для меня

*Ф. Ф. Радецкий и Н. И. Святополк-Мирский с георгиевскими кавалерами
8-го корпуса*

рег Дуная¹⁷⁵. Известие это, конечно, было весьма неприятно и для Государя, и для главнокомандующего. Немедленно была отправлена к Циммерману телеграмма, чтобы он держался и не отступал иначе, как, разве, после сильного боя.

С другой стороны получаются тревожные сведения о начале наступательных действий турок: значительные силы их показались у Шипки; горные проходы балканские охраняются небольшими нашими отрядами, которые необходимо подкрепить. В то же время передовые наши посты оттеснены к Беброву. По газетным известиям, часть войск Сулейман-паши прошла на северную сторону Балкан для совместного наступления с армией Мехмета-Али к Тырнову. План этот начинает подтверждаться полученными сегодня донесениями с передовых постов. Государь и великий князь главнокомандующий встревожены. Решено 2-ю пехотную дивизию немедленно выдвинуть от Акчаира к Мардеге, откуда она может подоспеть и к Тырнову, и к Сельви. Дивизия эта прошла сегодня чрез Горний Студень, и здесь Государь сделал ей смотр, после которого она продолжала свое движение. Немедленно после смотра начальство дивизией принял генерал-майор свиты Е. В. князь Имеретинский, который сменил генерал-майора Мацнева, назначенного начальником 1-й резервной дивизии, расположенной на пути сообщения армии.

10-го августа. Среда. — Вчера Сулейман-паша сильно атаковал нашу позицию на Шипке. Турецкие войска с необыкновенной на-

А. Д. Кившенко. Сражение на Шипкинском перевале 11 августа 1877 г.

стойчивостью возобновляли атаки до ночи и даже ночью при свете полной луны. Весь день мы были в трепетном ожидании известий с Шипки; между тем 2-я дивизия поспешно направлена против турецких войск, вышедших из Ловчи против Сельви. Государь, сильно взволнованный, с нетерпением ожидал телеграмм из Габрова. Однако ж сегодня уже несколько спокойнее, чем вчера: атаки турок на Шипку хотя и возобновлялись, но уже гораздо слабее; видно, они сильно потерпели. Радецкий с последним своим резервом из 8 батальонов сам пошел на помощь передовому отряду, но придет на перевал не ранее завтрашнего дня. Между тем войска, занимающие передовую позицию, третью ночь не спят, остаются почти без воды и горячей пищи. Со стороны же Сельви получено известие, что приблизившаяся от Ловчи турецкая колонна отбита еще до прихода 2-й пехотной дивизии. Надобно полагать, что наступление турок с этой стороны не более, как демонстрация.

14-го августа. Воскресенье. — Бой на Шипке все еще продолжается. Вот уже шестой день прошел, и обе стороны держатся приблизительно на одних и тех же позициях. К нашим передовым войскам постепенно подходили подкрепления, которые, по-видимому, сейчас же вводились в дело и таяли от большой потери. Убит генерал-майор Дерожинский, ранены генерал-майор Драгомиров и большое число офицеров, в том числе* флигель-адъютант князь Вяземский**. — Донесения от генерала Радецкого получаются лако-

* близкий к нашей семье

** впрочем, говорят, легко, в ногу навыйлет.

Майор фон Лигниц

нические и редко; мы знали бы еще менее, если б не было в Габрове смышленного начальника телеграфной станции, беспрестанно передающего сюда все, что до него доходит с Шипки. Вчера приехал оттуда англичанин Форбес, корреспондент газеты «Daily-News»; он рассказал Государю, что видел, и отзывался о русских войсках с восторгом. Сегодня же приехал оттуда прусский офицер Лигниц; этот очевидец представляет дело несколько в новом свете. Оказывается, что наши войска не только не имеют преимуществ сильной, укрепленной позиции, но, напротив того, сами находятся под перекрестным огнем неприятеля, занимающего командующую и гораздо более выгодную позицию. Мы до сих пор имели совершенно неверное понятие о положении обеих сторон, — и как не подивиться тому, что ни главнокомандующий, ни его начальник штаба не позаботились разузнать точнее, какова наша позиция, как она укреплена. Сам Государь, день и ночь ожидающий с трепетным волнением телеграмм из Габрова, до сих пор не отдавал себе ясного отчета о положении дел на Шипке. Сегодня вечером я не мог воздержаться от откровенного выражения моего удивления: каким образом в течение целого месяца главное начальство армии не позаботилось о том, чтобы обеспечить оборону занятых нами балканских проходов, и даже не по-

любопытствовало узнать, как именно заняты эти проходы. — Но не в первый уже раз приходится убеждаться в полной инерции и неспособности полевого штаба армии.

Прискорбно, что и в самой армии начинают понимать слабую сторону начальства, относятся к нему с осуждением и ропотом. Не говорю уже о свите государевой: досадно слышать ежедневно, с утра до вечера, самонадеянные толки людей, не занимавшихся во всю жизнь ничем серьезным и ничего не понимающих в военном деле*. Когда эти люди пристают ко мне со своими вопросами, мнениями, советами, я не отвечаю им или говорю, что армией командуем не мы, а великий князь Николай Николаевич. Как ни худо он распоряжается, а все-таки будет еще хуже, если начнут распоряжаться многие.

15-го августа. Понедельник. — Положение дел на Шипке начинает разъясняться; относительное расположение наших и турецких войск представляется совсем в ином виде, чем прежде воображали. Только приезжающие с поля битвы дали несколько более ясное понятие об этом упорном бое и Государю, и самому главнокомандующему, и его штабу. Наконец сегодня утром Государь признал необходимость более серьезного обсуждения наших дальнейших действий. Генерал Радецкий дал знать, что единственный способ сбить турок состоит в обходном движении большими силами, например, целым корпусом, направленным по которому-либо из балканских проходов. Легко сказать — целым корпусом; но где его взять, когда мы разбросали наши силы и оказываемся везде слабыми. Боимся и за положение наследника, в случае наступления Мехмет-Али-паши; боимся и ослабить войска, наблюдающие за Плевной и Ловчей. В центре же, под Тырновом, уже нет более ничего, кроме стрелковой бригады. В совещании, бывшем сегодня утром, решено, чтобы гене-

* *Первоначальный текст после слов «...и даже не полюбпытствовало узнать, как именно заняты эти проходы.»: «Но не в первый уже раз приходится мне убеждаться в полной инерции и неспособности полевого штаба армии. Непокойчицкий под видом сдержанного молчания прикрывает свою бездарность и <бездействию> апатию; помощник его, генерал-майор Левицкий, оказывается вовсе не стоящим той репутации, которой пользовался в гвардии и в Академии Генерального штаба; сам же великий князь — не в силах своим умом обнять такую сложную задачу, каково командование армией на войне.*

Прискорбно, что и в самой армии начинают понимать слабую сторону начальства. Везде начинаются критика, упреки и ропот. Не говорю уже о свите Государя: не становится тошно слышать ежедневно, и с утра до вечера, самонадеянные толки между людьми, не занимавшимися всю жизнь ничем серьезным, и менее всего военным делом».

рал Непокойчицкий сам поехал к генералу Радецкому для решения вместе с ним вопроса: какие войска и по какому направлению еще возможно направить так, чтобы заставить Сулеймана-пашу сняться с занятой им сильной позиции, обстреливающей даже тыл нашей позиции. Непокойчицкий уехал вечером; между тем части 3-й пехотной дивизии, только еще подходящей сюда, будут направляемы на Сельви, дабы освободить всю 2-ю пехотную дивизию для движения на Шипку.

Румыны начали строить мост на Дунае, выше Никополя; кавалерия румынская уже переправилась на правый берег. Завтра ожидаем приезда сюда князя Карла.

17-го августа. Среда. — С Шипки доносят, что в последние три дня неприятель ничего не предпринимал и даже прекратил стрельбу; заключает из этого, не двинулся ли он к какому-либо другому из балканских проходов. Между тем от Непокойчицкого и Радецкого еще нет никаких предположений о дальнейших действиях. До сих пор потерю нашу на Шипке в течение 8 дней полагают до 90 офицеров и 2600 нижних чинов¹⁷⁶.

Князь Карл румынский приехал вчера вечером с довольно большой свитой, а сегодня после завтрака уехал обратно. Здесь решено было для единства действий к стороне Плевны на первое время, пока сам великий князь главнокомандующий не примет непосредственно начальства над войсками 4-го и 9-го корпусов и румынскими войсками, поручить общее над ними начальство князю Карлу с тем, чтобы генерал Зотов (командир 4-го корпуса) считался его начальником штаба: комбинация крайне неудачная; начальство над значительной частью армии и на важнейшем стратегическом пункте возлагается на иностранного принца, вовсе неопытного в военном деле, окруженного своими мелкими честолюбцами, вроде полковника Сланичано, желающими разыграть исторические роли**! В довершение странности, князю Карлу придан негласным ментором французский военный агент — полковник Гальяр. Что из этого всего выйдет — трудно предвидеть.

* весь

** *Первоначальный текст после слов «...с тем, чтобы генерал Зотов (командир 4-го корпуса) считался его начальником штаба»: «Это повторение такой же странной комбинации, как в Рушукском отряде; но там общее начальство возложено на наследника русского престола, а здесь на иностранного принца, не знающего ничего и неопытного в военном деле и окруженного своими мелкими честолюбцами, вроде полковника Сланичано, желающими разыграть исторические роли!»*

Князь Карл изъявил желание видетсья и поговорить со мной наедине; по приглашению его я пришел к нему в палатку в 9-м часу утра; разговор был очень поверхностный, в том же роде, в каком обыкновенно принцы ведут разговоры, когда желают с кем-нибудь быть любезными.

20-го августа. Суббота. — Дела на Шипке окончились благополучно; неприятель прекратил свои настойчивые атаки, и генерал Непокойчицкий, прибыв 18-го числа на позицию наших войск, нашел уже полное спокойствие. Таким образом, нашим войскам удалось отстоять этот проход, опять-таки благодаря своему самоотвержению и стойкости, но отнюдь не искусству своих вождей. 2-я пехотная дивизия возвращена к Сельви; опять начали заниматься приготовлениями к атаке Османа-паши в Плевне. Между тем турки в последние дни начали тревожить наши боковые отряды и с западной стороны, и с восточной. Вчера, в годовщину восшествия на престол нынешнего султана, Мехмет-Али-паша атаковал войска наследника цесаревича, а Осман-паша предпринял из-за укреплений Плевны внезапное нападение на войска генерала Зотова. Все утро мы были в трепетном ожидании. Только вечером и даже ночью узнали, что с одной стороны турки, сбив наши отряды с передовых позиций на правой стороне Черного Лома, прекратили свои действия и, по своему обыкновению, сейчас начали укрепляться на занятых пунктах; со стороны же Плевны, по донесению Зотова, вылазка произведена турками в числе около 25-ти тысяч и, несмотря на превосходство наше в силах на этом пункте, бой длился с 6 часов утра до 4 пополудни, причем мы потеряли до 600 человек и одно подбитое орудие. Таким образом, и на этот раз, когда неприятель осмелился наткнуться с 25 тысячами на наши два корпуса, наши стратеги не умели воспользоваться благоприятным случаем побить противника, а удовольствовались тем, что *отбили* его нападение.

Пропустив случай, чтоб нанести поражение Осману-паше в поле, наш главнокомандующий должен будет в третий раз брать лбом укрепления, значительно усиленные после 18-го июля. Приготовления к новому бою делаются секретно; однако ж многие из иностранных офицеров, видно, обладая чутьем, устремились к войскам Зотова. Великому князю Сергею Александровичу приказано было вчера отправиться обратно в Рушукский отряд.

Нынешний день везде прошел спокойно.

21-го августа. Воскресенье. — Оказывается, однако же, что вчерашний день не прошел так спокойно, как мы думали. Турки снова сделали попытку обойти шипкинскую позицию со стороны Зелена-древа, но подошедшие своевременно войска наши заставили их отсту-

пить. С другой стороны получено сведение, будто бы турки построили мост от Силистрии к Каларашу. Известие это встревожило генерал-адъютанта Дрентельна, который, вступив в должность начальника военных сообщений армии и находясь в Бухаресте, уже распорядился было приостановить проходящие по железной дороге эшелоны. Однако же в середине дня, когда мы возвратились от обедни, получено было новое донесение, что турки сняли мост. Дело это требует еще разъяснения: как могли они так скоро навести мост, что стоящие в Калараше казаки не успели заблаговременно известить, и почему опять мгновенно развели? — Во всяком случае, войскам,двигающимся по железной дороге, приказано продолжать следование безостановочно.

В штабе главнокомандующего занимаются приготовлениями к атаке Плевны, но по разным причинам вынуждены отсрочивать, так что теперь предполагается 23-го числа предпринять атаку на Ловчу, 2-й дивизией князя Имеретинского, а затем уже 25-го числа — на самую Плевну. Генерал-майор Левицкий поехал к Зотову для совещаний о плане атаки. Никто не имеет доверия к искусству и распоряжениям этих двух личностей. В армии и в Главной квартире говорят о Левицком не иначе, как с негодованием и раздражением*.

23-го августа. Вторник. — Князь Имеретинский нашел возможным двинуться к Ловче уже 21 числа и атаковать турецкую позицию 22-го. Вчера целый день мы были в тревожном ожидании известий о результате; но только сегодня, в 8-м часу утра, получена лаконическая телеграмма генерала Зотова из Порадима, что Ловча взята. Уже позже начали получать постепенно более обстоятельные сведения, и наконец в 7-м часу вечера приехали флигель-адъютант граф Голенищев-Кутузов и ординарец главнокомандующего Андреевский, которые рассказали некоторые подробности вчерашнего дела. На сей раз, по крайней мере, не было ребяческих ликований; на успех под Ловчей смотрят, как на предисловие предстоящего гораздо более серьезного дела против главных сил Османа-паши под Плевной. К этому предприятию делаются** приготовления, и генерал Зотов уже просил разрешение начать наступательные действия сегодня же; однако сам отказался от этой мысли, видя утомление войск как бывших в бою под Ловчей, так и участвовавших сегодня же в рекогносцировке под Плевной. Князь Карл румынский прибыл лично в Порадим, но войска его, перешедшие Дунай в Никополе (а не у Корабии, как предполагали румыны), еще не подтянулись и не вступили в линию с русскими войсками.

* Репутация ученого тактика совершенно поколеблена, а вдобавок его самонадеянность и вполне польский характер ставят его ко всем в отношении враждебные.

** все

Великий князь Николай Николаевич

Вчера я имел продолжительный и откровенный разговор с главнокомандующим, в присутствии его начальника штаба, по поводу бездействия и беспечности полевой администрации армии¹⁷⁷. Великий князь, не отрицая справедливости упреков, приводил только отговорку, что трудно сделать все, как было бы желательно. Разговор коснулся предполагаемого осенью похода за Балканы; главнокомандующий настаивал на необходимости этого движения, сознавая в то же время, что до сих пор не делалось ничего для подготовки к нему*.

24-го августа. Среда. Бивак в Чауш-Магале. — Сегодня утром Государь, вместе с великим князем главнокомандующим, выехал из Горнего Студеня в экипаже, а за ними последовал и я. Императорская Главная квартира переместилась в Чауш-Магалу, верстах в 15 или 20 от Горнего Студеня по направлению к Плевне, а Главная

* Первоначальный текст после слов «...по поводу бездействия и беспечности полевой администрации армии»: «Великий князь возражал только в том смысле, что трудно сделать все, как бы хотелось. Я же стоял на том, что не следует и предпринимать дела, если не можешь или не умеешь исполнить его. Разговор коснулся предполагаемого осенью похода за Балканы; главнокомандующий сам сознавался, что до сих пор ничего не делалось для приготовления к этому трудному движению, а между тем настаивал на необходимости его. “Стало быть, — сказал я ему, — Ваше Высочество, если и будете сознавать, что <положите> погубите всю армию за Балканами — и все-таки пойдете?” Категорического ответа я не получил».

квартира главнокомандующего — несколько верст далее, в Раденицу. Погода изменилась, гроза освежила воздух; к концу дня сделалось даже свежо.

По приезде в Чауш-Магалу было совещание в палатке Государя. Сведения из-под Ловчи весьма неопределительны и загадочны. Вчера слышны были выстрелы с той стороны; в ночь с 22-го на 23-е турецкая колонна прошла из Плевны к Ловче; можно догадываться, что князь Имеретинский был неожиданно встречен этими войсками. Никаких нет донесений от него самого. При таком положении дел признано неосторожным сегодня же приступить к наступательным действиям против Плевны. Поэтому решено не торопиться; великий князь главнокомандующий отправился вперед до Порадима, чтобы узнать там от Зотова, нет ли каких-нибудь известий о положении дел под Ловчей и о силах неприятельских в Плевне. Государь предоставил великому князю самому решить, когда и в каком порядке начать действия под Плевной.

Бивак наш здесь расположен среди самой деревни, помещение нельзя признать приятным. Над деревней возвышаются горы, с вершин которых открывается обширный вид. Но сегодня нельзя пользоваться этой панорамой, так как все кругом заволочло густыми тучами.

Между тем в Рушукском отряде ежедневно происходят столкновения с турецкими войсками, пробующими то в одном месте, то в другом оттеснить наши войска на Ломе. Вчера было довольно горячее дело у Кадикиоя, под Рушуком. По-видимому, турки желали бы что-нибудь сделать с этой стороны, но не осмеливаются действовать решительно.

29-го августа. Понедельник. Раденица. — Главнокомандующий, прибыв 24-го числа в Раденицу, имел там совещание с принцем Карлом румынским и генералом Зотовым. От князя Имеретинского получены наконец сведения вполне благоприятные об исходе боя под Ловчей. Несмотря на посланные из Плевны подкрепления к туркам, Ловча осталась в наших руках, занята одной бригадой, а с остальными силами князь Имеретинский двинулся на Плевну и 25-го прибыл в Богот. Таким образом, не было уже причины отлагать долее атаку неприятеля под Плевной и решено 25-го числа сделать все нужные приготовления, чтобы в ночь на 26-е приступить к постройке и вооружению батарей, назначенных для обстреливания неприятельских укреплений, сооруженных на высотах кругом города Плевны.

Получив об этом известие 25-го же числа в Чауш-Магале, Государь решил перенести свою Главную квартиру в Раденицу на все

время действий под Плевной. 26-го числа, выехав из Чауш-Магалы в 6 часов утра, прибыли в Раденицу около 10 часов утра и вскоре отправились далее к Плевне, вместе с главнокомандующим. От Раденицы до Плевны около 30 верст. На этом пути мы видели по сторонам дороги множество болгарских семейств, выбежавших из разных мест, занятых турками, и кочевавших живописными таборами, в ожидании исхода предстоящего боя.

На пути узнали мы, что первые действия наши против плевенской позиции начались успешно: неприятель не препятствовал постройке в течение ночи батарей и вооружению их. С рассветом 26-го открыт* с них огонь. Северную сторону нашего расположения занимают румынские войска, южную — 4-й и 9-й корпуса, 2-я дивизия (генерала князя Имеретинского) и летучий отряд генерал-майора Скобелева; большая же часть кавалерии нашей и румынской, под начальством генерала Лошкарева, направлена на левую сторону р. Вида, чтобы угрожать пути сообщения и отступления Османа-паши на Софию.

Государь и великий князь главнокомандующий со свитами своими расположились на горе, возвышающейся к востоку от Плевны, несколько южнее селения Гривицы**, отсюда можно было хорошо видеть всю южную сторону нашей и неприятельской позиций; видны были и некоторые части северной позиции, а в фоне панорамы виднелись возвышения левого берега Вида.

Так просидели мы на нашей обсерватории до 5-го часа вечера и к обеду возвратились в Раденицу. В продолжение дня получены*** тревожные известия от наследника цесаревича, который**** доносил о своем отступлении от Лома на Янтру. Первые эти телеграммы очень встревожили и огорчили Государя; можно было полагать, что Рушукский отряд сбит неприятелем и потерпел поражение; опасались, чтобы великий князь Владимир Александрович с 12-й дивизией не был отрезан и приперт к Дунаю; недоумевали, что будет с осадной артиллерией, часть которой была подвезена к Пиргосу. — По приезде в Раденицу Государь собрал в своей палатке для совещания великого князя главнокомандующего, его начальника штаба Непокойчицкого, помощника его генерал-майора Левицкого и меня. Полученные вечером телеграммы несколько ослабили

* огонь со всех батарей.

** «Впоследствии это место было названо Царским курганом». *Примиска Д. А. Милютина на полях текста.*

*** весьма

**** в первых своих телеграммах

первоначальное впечатление; видно было, что наследник цесаревич решил отвести свои войска от Лома не вследствие напора неприятеля, а по своим соображениям, именно из опасения, что турки при многочисленности своей могли обойти оба фланга позиции 13-го корпуса на Ломе. Получена также телеграмма от князя Шаховского, который со своим 11-м корпусом оставался спокойно на прежних позициях по дорогам от Тырнова на Осман-Базар. — В совещании нашем я старался обратить внимание главнокомандующего на то, что с отступлением Рущукского отряда от Лома открывается неприятелю путь к Тырнову и что при слабости войск у князя Шаховского наступление турок в этом направлении представляет для нас наибольшую опасность. Того же мнения был и Государь. Решено было прибывающие новые войска, 26-ю пехотную и* Донскую казачью дивизии, стягивать на пути между Белой и Тырновом с тем, чтобы, смотря по надобности, поддержать или войска 12-го и 13-го корпусов на низовьях Янтры (для прикрытия систовской переправы), или 11-й корпус — для прикрытия Тырнова.

27-го августа снова отправились мы на позицию под Плевной; опять сидели долго на той же горе, которую уже окрестили названием «Царского кургана»; объезжали расположение некоторых резервов и перевязочных пунктов и возвратились в Раденицу около 8 часов вечера, когда было уже совсем темно. Главнокомандующий остался в Порадимае вместе с принцем Карлом, чтобы находиться ближе к месту боя.

Сведения от наследника цесаревича продолжали быть успокоительными. Неприятель не преследовал отступавшие войска, которые остановились на полпути от Лома к Янтре.

28-го и 29-го числа опять ездили на позицию. Дело подвигается медленно; выпускают множество снарядов, а результат незаметный. Вчера румынские войска дебютировали на военном поприще удачным движением вперед и занятием позиции ближе к неприятельским укреплениям. Государь послал флигель-адъютанта благодарить румынские войска и отвезти им несколько солдатских крестов военного ордена. Князь Имеретинский имел горячее дело при атаке трех неприятельских батарей на оконечности правого фланга турецкой позиции. Две батареи были успешно взяты, но против третьей атака была отражена с потерей около 600 человек. Кавалерия генерала Лошкарева преградила выход из Плевны по дороге к Софии. Но турки держатся стойко; по ночам исправляют поврежденные укрепления и даже возво-

* сводную

дят новые. Хотя наши батареи подвинулись вперед и действуют вообще удачно, однако ж положительного результата еще не заметно, а между тем начальник артиллерии князь Масальский уже жалуется на неумеренное* расхождение зарядов и затруднительность своевременного их пополнения. Летучие и подвижные парки едва успевают подвозить.

Крайне утомительно ежедневно ездить отсюда на позицию и обратно и там сидеть целый день под палящими лучами солнца, без всякого дела. Но Государя как будто тянет туда; может быть даже он спокойнее, находясь в виду войск и батарей. Ему хотелось бы** самому быть под выстрелами. Говорят, что вчера и сегодня просвистело несколько пуль картечной гранаты близко от нашего места наблюдения, но я не заметил их; да и рассудительно ли повелителю восьмидесяти или ста миллионов народа подвергать себя подобной случайности без всякой надобности и пользы.

31-го августа. Среда. — Вчерашний день 30-го августа не был днем торжества и радости. Назначено было произвести решительную атаку на позицию пред Плевной¹⁷⁸. К полудню Государь приехал на*** Царский курган и здесь, при громе пушек с батареями наших и турецких, совершено молебствие. Не дождавшись 3 часов — времени, назначенного для общего наступательного движения, — некоторые войска преждевременно завязали дело и пошли в атаку. Мы следили за их движениями и с замиранием сердца выслушивали привозимые адъютантами донесения. С правой стороны получались неутешительные сведения: самые настойчивые атаки наших войск (1-й бригады 5-й пехотной дивизии) и румынских на главный редут над дер. Гривицы были три раза отбиты турками; на левом фланге генерал Скобелев имел первоначально успех, выдвинулся вперед, но атака 30-й дивизии на редут также была отбита; на обоих пунктах потери наши были громадные. Когда уже совсем стемнело и бой, по-видимому, затих, мы возвратились в Раденицу в самом грустном настроении. На Государя жаль было смотреть.

Однако ж сегодня рано утром приехал с позиции флигель-адъютант Чингис с известием, что вчера, в самый час отъезда Госу-

* истребление

** сказать, что он сам был под выстрелами.

*** прежний пункт нашей позиции

М. Д. Скобелев с офицерами 4-й стрелковой бригады

даря с позиции, Гривицкий редут наконец был взят совокупными силами 5-й дивизии и румын. Известие это возродило в нас новые надежды и бодрость, так как редут этот считался ключом позиции. Но когда приехали мы снова на позицию, были несколько удивлены, увидев длинные лица главнокомандующего и его свиты. Они не радовались взятию редута, как оказалось, потому, что после понесенных огромных потерь признавали невозможным продолжать атаку неприятельской позиции. Целый день опять просидели мы на горе, смотря в бинокли вдаль, на левое наше крыло, где все время кипел жестокий бой. Турки сами перешли в наступление; пять раз возобновляли нападения на Скобелева и пять раз были отражаемы; но в шестой раз им удалось оттеснить наше левое крыло. Гривицкий редут оставался за нами; но турки успели возвести против него новые укрепления, тогда как наши, засев в редут, во весь день ничего не сделали, чтобы прочно в нем утвердиться, и даже не ввезли в него артиллерии. Во все время Государь сидел рядом с главнокомандующим, по временам подзывал к себе начальника штаба Непокойчицкого; я же держался в стороне, поодаль. Душевная скорбь моя усугублялась лихорадочным состоянием, головной болью и упадком сил. Я прилег на траву, под

*Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Взятие Гривицкого редута под Плевной
30 августа 1877 г.*

деревом. Уже близко было к закату солнца, когда кто-то подошел ко мне и сказал, что Государь спрашивает меня. Я встал и подошел к Государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить...». Пораженный как громом таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что ж делать, — сказал Государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам». — «Но ведь подходят уже подкрепления», — сказал я. На это главнокомандующий возразил, что пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться пред Плевной, и с горячностью прибавил: «Если считаете это возможным, то и принимайте команду; а я прошу меня уволить». — Однако ж после этой бутады, благодаря благодушию Государя, начали обсуждать дело спокойнее. «Кто знает, — заметил я, — в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками». Кажется, этот аргумент подействовал более всех других. Решено было, чтобы войска оставались пока на занятых ими позициях, прикрылись укреплениями и не предпринимали новых

наступательных действий. В таком смысле разосланы были приказания. — Мы возвратились в Раденицу к 8 часам вечера, в настроении еще более мрачном, чем накануне. Никогда еще не видал я Государя в таком глубоком огорчении: у него изменилось даже выражение лица^{*179}.

1-го сентября. Четверг. — Сегодня мы оставались недолго на позиции пред Плевной. Никаких действий не предпринималось ни с нашей стороны, ни турками; раздавались только редкие выстрелы, преимущественно с наших батарей. Убыль в наших войсках в последние три дня была огромная, но еще не приведена в точную известность¹⁸⁰. Некоторые полки обратились в батальоны, а от стрелковой бригады осталось, как говорят, всего от 200 до 300 человек^{**}. Когда ехали мы утром на позицию, а потом обратно, то встречали и обгоняли вереницы раненых, частью на повозках, частью пешком.

Во время пребывания нашего на обычном наблюдательном пункте, Государь пожелал еще обсудить вопрос о предстоящем нам образе действий. На совещание призваны были, кроме великого князя главнокомандующего, его начальника штаба Непокойчицкого и меня, еще начальник артиллерии армии генерал-адъютант

* *Первоначальный текст после слов «...я же держался в стороне, поодаль.»: «Незадолго уже до захождения солнца Государь подозвал меня и при них обоих вполголоса сказал: “Приходится отказаться от взятия Плевны и отступить...”.* Я был поражен этим неожиданным решением и горячо встал против немедленного его исполнения, напомнив неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. “Что ж делать, — сказал Государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась”. — “Но ведь приходят уже подкрепления”, — сказал я. Главнокомандующий возражал, что хотя на нем более, чем на ком-нибудь, лежит ответственность, однако ж он заявляет, что ничего не может более придумать, чтобы удержаться пред Плевной. “Если считаете это возможным, то и принимайте команду; а я прошу меня уволить”. — Однако ж после этой бутады начали обсуждать дело спокойнее и пришли к заключению, чтобы не решать теперь же вопроса и приказать войскам сильно укрепиться на занятых ими позициях, не предпринимая уже никаких наступательных действий. В этом смысле разосланы были приказания. — Кто знает, в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками. Кажется, этот аргумент мой более всех других подействовал. — Мы возвратились в Раденицу к 8 часам вечера, в таком же мрачном настроении, как и накануне. Никогда еще не видал я Государя так убитого духом: у него изменилось даже выражение лица».

** *Далее Д. А. Милютин делает примечание: «Впоследствии оказалось гораздо более: собралось до 1600 человек».*

К. В. Левицкий

князь Масальский, генерал-лейтенант Зотов и генерал-майор Левицкий. Все мы собрались кругом Государя и поочередно должны были высказывать свое мнение. Великий князь и Непокойчицкий по-прежнему признавали невозможным удержаться на занятых позициях под Плевной; князь Масальский и Зотов склонялись к тому же мнению; только Левицкий имел мужество высказаться в противном смысле и весьма дельно привел доводы в пользу того мнения, которое было вчера выражено мною. Выслушав всех, Государь очень положительно объявил свое решение — держаться и укрепиться на прежних позициях до прибытия ожидаемых подкреплений и затем предпринять систематически постепенную атаку неприятельских укреплений. Предоставив великому князю обсудить вместе с главными его помощниками все подробности первоначальных распоряжений, Государь вместе с тем решил вы-

требовать сюда генерала Тотлебена, которому я и телеграфировал немедленно по возвращении нашем в Раденицу*¹⁸¹.

3-го сентября. Суббота. — Вчера и сегодня все тихо около Плевны, изредка только постреливают наши батареи; а турки сделали ночью попытку против занятого нашими войсками редута, но, кажется, не очень серьезную. Сегодня утром приехали сюда, в Раденицу, великий князь главнокомандующий и принц Карл румынский, чтобы отдать отчет Государю о результате своих совещаний относительно предполагаемых изменений в расположении войск, блокирующих Плевну. Меня не пригласили выслушать их доклад, — и, таким образом, я снова умываю себе руки во всем, что делается в нашей несчастной армии. Государь, по своему счастливому характеру, уже смотрит на дело с благодушным спокойствием, раздает награды, оказывает большое внимание и заботливость раненым, провозимым из-под Плевны. Вчера и сегодня роздано множество крестов и золотых сабель, в том числе большей части флигель-адъютантов, которых вся заслуга ограничивается тем, что им случалось проскакать в сфере неприятельских выстрелов. Государю приятно видеть пред собою довольные лица. Самому князю румынскому пожалован крест Св. Георгия 3-й степени. Вчера Государь ездил в Булгарени, где открыт военно-временный госпиталь. Обгоняя по дороге раненых, он некоторых из них, шедших пешком, посадил к себе в коляску и довез до госпиталя. Крайне грустное впечатление произвел на Государя вид огромного числа скопившихся тут стра-

* *Первоначальный текст после слов «...а от стрелковой бригады осталось, как говорят, всего от 200 до 300 человек.»: «Когда ехали мы утром на позицию, а потом обратно, мы встречали и обгоняли вереницы раненых, отправлявшихся кто в повозках, кто пешком. Государь пожелал еще раз выслушать мнения о том, что предстоит нам делать; около него на кургане уселись главнокомандующий, его начальник штаба Непокойчицкий, начальник артиллерии армии генерал-адъютант князь Масальский, генерал-лейтенант Зотов, генерал-майор Левицкий и я. Главнокомандующий и его начальник штаба опять представляли все затруднения удержания за нами позиции; князь Масальский и Зотов более склонялись на их сторону; Левицкий же очень дельно объяснил свои соображения о возможности оборонительного занятия позиции пред Плевной даже и при настоящем ослабленном состоянии армии, по крайней мере, до прибытия подкреплений. Государь очень положительно высказался в этом же смысле, согласном с вчерашними моими доводами, и в заключение объявил главнокомандующему, что поручает ему немедленно обсудить вместе с названными лицами все подробности исполнения; при этом особенно было обращено внимание на необходимость возведения серьезных укреплений. Решено было даже вытребовать сюда генерала Тотлебена, которому я и телеграфировал по возвращении нашем в Раденицу».*

В. В. Верещагин. После атаки. Перевязочный пункт под Плевной

дальцев*. Госпиталь, устроенный всего на 600 кроватей, не имел, конечно, достаточных средств, чтобы удовлетворить потребности свезенных в него нескольких тысяч раненых. Отвезить их далее назад также было затруднительно по недостатку потребного для того непомерного числа подвод¹⁸².

5-го сентября. Понедельник. Горний Студень. — Вчера Государь и вся свита его возвратились в Горний Студень. По дороге посетили вторично военно-временный госпиталь в Булгарени. Здесь нашли еще большее, чем в первую нашу поездку, число раненых, не имевших помещения в шатрах и ожидавших дальнейшего отправления. Многие из них лежали на земле, открыто, под палящими лучами солнца, ожидая очереди для перевязки или операции. Государь раздавал офицерам присланные императрицей мелкие подарки.

Подъезжая к Горнему Студеню, Государь остановился у бивака только что прибывшей гвардейской стрелковой бригады.

* *Первоначальный текст после слов «...я снова умываю себе руки во всем, что делается в нашей несчастной армии.»: «Государь, по своему счастливому характеру, уже смотрит на дело с благодушным спокойствием; его менее занимают стратегические и тактические соображения наших военачальников, сколько раздача наград и заботы о раненых, случайно провозимых под его глазами. Вчера и сегодня роздано множество крестов, золотых сабель и проч. Государю приятно видеть пред собою довольные лица. Самому князю румынскому пожалован крест Св. Георгия 3-й степени. Большой части флигель-адъютантов роздано золотое оружие только за то, что им случилось проскакать в сфере неприятельских выстрелов. Вчера Государь ездил в Булгарени, где разбит военно-временный госпиталь. Обгоняя на дороге раненых, он некоторых из них посадил к себе в коляску и довез до госпиталя. Это внимание к раненым трогательно, но иногда оно переходит за черту, жаль только, что оно обращается иногда в произвольную раздачу Георгиевских крестов случайно попавшим на глаза людям. Однако ж вид огромного числа раненых, скопившихся в госпитале, оставил в нем грустное впечатление».*

Сегодня и главнокомандующий со своим штабом переехал также в Горний Студень. Говорят, что под Плевной строятся укрепления и нами, и турками. Перед обедом получена телеграмма от генерала Радецкого о том, что турки возобновили нападение на Шипку. После 9-часового упорного боя атаки неприятеля были отбиты, с большим уроном с обеих сторон.

В Горнем Студене я занял прежнюю свою комнату рядом с помещением Государя. Перемещение под крышу оказалось очень кстати, потому что весь вчерашний вечер я пролежал в пароксизме лихорадки, обнаружившейся у меня еще 31-го числа на позиции пред Плевной.

7-го сентября. Среда. — Вчера под Плевной румыны сделали попытку выйти из своих траншей, чтоб овладеть неприятельским укреплением, беспокоящим войска в занятом нами большом редуте. Атака была отбита, с уроном до 200 человек.

Сегодня отслужена панихида в память покойного наследника Николая Александровича и по убитым в последнее время трем флигель-адъютантам: Шлиттере, Териеве и князе Мещерском. Последний убит два дня тому назад на Шипке.

Потом был смотр гвардейской стрелковой бригады.

Вчера было у Государя совещание с великим князем главнокомандующим, в присутствии генерала Непокойчицкого, Левицкого и меня. Оно еще раз подтвердило, что у начальства армии нет плана для будущих действий, даже и по прибытии всех подкреплений. Разговор более касался распоряжений на ближайшее время, так сказать, на завтрашний день; решено, чтобы генерал-майор Левицкий съездил в отряд наследника цесаревича, чтобы разъяснить расположение этих войск и положение дел на левом нашем крыле. Но когда Государь возбудил вопрос о зиме, то ни у кого не оказалось * определенной мысли о том, что нам предстоит. Вытребованный сюда из Петербурга главный интендант генерал-адъютант Кауфман (Михаил Петрович) старается выяснить потребности армии на будущее время, собственно по интендантской части, на которую все в армии жалуются; но едва ли удастся ему в несколько дней исправить и направить эту крайне** расстроенную часть полевого управления армии.

10-го сентября. Суббота. — Вчера получены были с двух сторон тревожные сведения: из-под Плевны телеграфируют, будто

* определенного понятия

** запущенную

Сулейман-паша с 40 тысячами войска идет на выручку Османа-паши и находится уже в 3 часах пути от Плевны; с левого же крыла — что Мехмет-Али-паша атаковал войска Рушукского отряда на Баничском Ломе и в Чаркиое. Атака эта была отбита, но она подтвердила постоянное мое мнение о важности дороги от Новаче чрез Чаркиой к Тырнову. Генерал-майор Левицкий, ездивший к наследнику цесаревичу, чтобы разъяснить соображения, на основании которых стоявшая у Чаркиоя бригада 11-го корпуса (князя Шаховского) была притянута к Церковне, возвратился с объяснениями, не вполне убедительными. Сегодня неприятель не возобновлял атаки, — и у нас несколько отлегло. Известие о близости Сулеймана-паши не подтвердилось, хотя, по телеграмме, полученной сегодня, кавалерия наша на левой стороне Вида имела дело; слышны были выстрелы.

Дня два холодной и дождливой погоды расстроили здоровье Государя, он опять без голоса. Однако ж это не помешало ему сделать сегодня смотр прибывшей в Акчаир бригаде 3-й гвардейской пехотной дивизии, а потом съездить в здешний госпиталь и снова раздавать раненым присланные из Петербурга, от имени императрицы, подарки.

11-го сентября. Воскресенье. — За утренним кофеем, на галерее, Государь, по обыкновению прочитав мне и графу Адлербергу полученные новые телеграммы, сказал нам, под условием хранения в тайне, что получил письмо от наследника цесаревича, который со всей откровенностью высказывает существующее в армии неудовольствие на главное начальство, потерявшее всякое доверие войск. Наследник* убеждает Государя принять лично командование армией, назначив меня своим начальником штаба. Государь, читая это письмо**, прослезился. Мысль не новая; она высказывалась уже многими и доходила до самого Государя. Казалось даже, что мысль эта улыбалась ему. Однако ж мы оба, граф Адлерберг и я, сочли долгом совести откровенно представить невыгодные стороны предположения, чтобы Государь принял на себя лично исправление испорченного дела и всю нравственную ответственность за дальнейший ход кампании. Да и на чем основано предположение, что дело пойдет лучше с переменой главного начальства армии? — Вопрос этот, конечно, не мог быть приведен в числе высказанных Государю доводов; но я уверен, что в глуби-

* прямо

** несколько раз

Граф А. В. Адлерберг

не мыслей графа Адлерберга не менее, чем у меня, лежало сильное сомнение^{*}.

Государь был очень смущен^{**} и расстроен^{***}. За обедней он не мог стоять и часто садился, чего никогда до сих пор не бывало. После завтрака приехал великий князь Владимир Александрович из Абла-нова; он имел с отцом продолжительный разговор. Догадываюсь, что речь была опять о личных вопросах^{****}. По крайней мере, после

** Первоначальный текст после слов «...она высказывалась уже многими и доходила до самого Государя.»: «Даже заметно было, что мысль эта улыбалась ему. Однако ж мы оба, граф Адлерберг и я, сочли долгом откровенно представить невыгодную сторону предположения. Кроме тех соображений, которые относятся прямо к личности Государя и по которым для него, собственно, нежелательно принять на себя прямую ответственность за дальнейший ход кампании, я со своей стороны имею убеждение (которое, однако ж, не мог выставить в числе своих аргументов), что для успеха самого дела предполагаемая перемена личности главнокомандующего едва ли представляла бы какое-либо ручательство. Напротив того, насколько мне известен характер Государя, я уверен, что он не может командовать армией. Во всяком случае, я с своей стороны не взял бы на себя трудной обязанности начальника штаба при таком главнокомандующем».*

^{**} духом

^{***} здоровьем.

^{****} касающихся командования армией.

*Великий князь
Владимир Александрович*

обеда, когда Государь сел на свое обычное место под галереей* и никого не было около него, кроме графа Адлерберга и меня, он сказал нам вполголоса, что наследник цесаревич примет начальство гвардейским корпусом, а великий князь Владимир Александрович — 1-й гвардейской пехотной дивизией, и что, вместо генерала Гана, предполагается назначить командиром 13-го корпуса генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, который по старшинству своему примет и общее начальство Рушукским отрядом. Вследствие этого возник вопрос о временном замещении князя Дондукова-Корсакова в Киеве; я указал на генерал-адъютанта Черткова, остающегося здесь в свите в полном бездействии.

К вечернему чаю Государь не вышел в большую палатку.

12-го сентября. Понедельник. — За утренним кофеем, в присутствии великого князя Владимира Александровича, Государь снова завел речь о принятии им на себя командования армией. Видно было, что великий князь с тем и приехал сюда, чтобы словесными убеждениями подкрепить письменное заявление наследника цесаревича. Мне пришлось опять возражать против мнения обоих царевичей, будто

* под балконом занимаемого им дома

стоит только Государю облечься титулом главнокомандующего, чтобы все пошло как по маслу. Великие князья легко смотрят на вещи и не сознают всей затруднительности настоящего нашего положения. По их мнению, нетрудно будет отбросить Мехмета-Али к Шумле и в нынешнюю же осень покончить кампанию. Государь, однако же, не поддается пока соблазнительным* убеждениям своих сыновей; он не отверг их окончательно, но сказал, прощаясь с сыном, что до прихода всех подкреплений еще более месяца, что еще есть время подумать и сообразить.

Сегодня же окончательно решено вызвать сюда князя Дондукова-Корсакова, киевского генерал-губернатора, чтобы поручить ему командование 13-м корпусом, вместо Гана, чувствующего свою старость и бессилие; он же, князь Дондуков-Корсаков, примет и начальство Руцукским отрядом, как старший из корпусных командиров. Исправление должности его в Киеве временно поручается генерал-адъютанту Черткову.

Государь чувствует себя хуже прежнего; у него был настоящий пароксизм лихорадки, так что после утреннего кофея он лег в постель и уже не выходил в течение дня.

17-го сентября. Суббота. — По возвращении великого князя Владимира Александровича в Главную квартиру Руцукского отряда, наследник цесаревич снова написал длинное письмо Государю, доказывая опять необходимость решительных действий; по письму видно, что Владимир Александрович не совсем верно передал старшему брату соображения Государя, дав повод наследнику заключить, что на всю осень предполагается армии оставаться в пассивном положении. Наследник повторял, что берет на свою ответственность покончить с Мехмет-Али-пашой, если только ему дадут гвардейский корпус. Государь не ответил на это письмо, а вызвал сюда лично наследника. Его ожидали в среду (14-го числа); но в это утро получена была странная телеграмма от полковника Бискупского, начальника штаба 11-го корпуса, из-под Чаркиоя, что армия Мехмет-Али вдруг отступила со всех занятых ею позиций, по-видимому за р. Черный Лом, и притом так поспешно, что даже не сняла своей телеграфной проволоки и побросала ящики с патронами. Мы ломали себе голову, чтоб объяснить себе причину такого неожиданного отступления турок. Вслед затем получено известие, что наследник отложил свой приезд в Горный Студень до другого дня. Мы приписывали это решение неожиданному отступлению турок и желанию наследника разъяснить, куда

* уговорам

и почему они отступили; однако ж потом оказалось, что отсрочка эта вызвана была просто дурной погодой и грязной дорогой.

Между тем из-под Плевны также приходили странные известия. Генерал Зотов доносил, что уже несколько дней не имел он известий от генерала Крылова, который действовал с кавалерией на левой стороне Вида. Не раз слышны были выстрелы по софийской дороге; но потом все утихло. Телеграмма эта дала повод к предположению, что кавалерия наша имела встречи с турецкими колоннами и транспортами на пути к Плевне и что, по всем вероятностям, мы ошибались, воображая себе, что блокируем Плевну кругом, что отрезали Османа-пашу от его сообщений*. Теперь оказывается, что, действительно, колонна из 20 таборов, откинув нашу кавалерию, прошла в Плевну и провезла туда транспорт с продовольственными и военными запасами, — а Крылов со своей многочисленной конницей занялся рекогносцировками к стороне Рахова.

Еще получены известия, что в Силистрии турки снова наводят мост, хотя очень медленно. Телеграмма из Вены предупреждала, будто они намерены переправить чрез Дунай несколько тысяч башибузуков и черкесов, чтобы действовать на сообщения нашей армии и навести страх в Румынии. С Шипки получались также сведения неутешительные: наши войска там бедствовали, не только от неудобной позиции, на которой они находились постоянно под неприятельскими выстрелами со всех сторон, но также и от холода и непогоды; в горах уже выпал снег, а наши бедные солдаты совершенно оборваны.

В четверг, 15-го числа, около полудня, приехал наследник с великим князем Сергеем Александровичем. В этот же день прибыли в Горний Студень генерал-адъютанты Мещеринов и Тотлебен. Государь, не совсем еще оправившись от болезни, так устал от разных разговоров с приезжими, что отложил предположенное совещание до следующего дня. — Приезд начальника Рушукского отряда с начальником его штаба генералом Ванновским несколько не разъяснил нам причин и обстоятельств неожиданного отступления Мехмет-Али-паши.

В пятницу, 16-го числа, утром, Государь сел верхом пред занимаемым им домом и пропустил всю 3-ю гвардейскую пехотную дивизию. В это же утро приехал ко мне с бивака гвардейской кавалерии пле-

* *Первоначальный текст после слов «...Не раз слышны были выстрелы по софийской дороге;»:* «но потом все утихло, а между тем, по всем признакам, туркам удалось ввести в Плевну войска и, по-видимому, транспорты. Телеграмма Зотова опять встревожила Государя; очевидно, мы ошибались, воображая себе, что блокируем Плевну кругом и отрезали Османа-пашу от его сообщений».

Э. И. Тотлебен

мянник мой Юрий Милютин, поступивший вольноопределяющимся в гвардейский Уланский полк.

В 4 часа было у Государя совещание, в котором участвовали, кроме великих князей Николая Николаевича и наследника, генералы Непокойчицкий, Тотлебен, Ванновский, Левицкий и я. Государь изложил весьма разумно настоящее положение дел и поставил вопрос, с чего нам выгоднее начать действовать по прибытии подкреплений: с выручки ли отряда, бедствующего столько уже времени на Шипке, с довершения ли атаки Плевны и нанесения поражения Осман-паше или, наконец, с нападения на Мехмет-Али-пашу? — Великий князь главнокомандующий изложил весьма дельно свои соображения в том смысле, чтобы прежде всего покончить на правом фланге с Осман-пашой; соображения эти дополнил Непокойчицкий; затем Тотлебен пустился в подробности, мало разъясняющие поставленный вопрос. Я, со своей стороны, просил позволения сперва выслушать мнение великого князя наследника и его начальника штаба, не разделявших мнения главнокомандующего и желавших прежде всего покончить с Мехметом-Али-пашой. Тогда Ванновский высказал свои соображения, весьма шаткие и неубедительные, а сам наследник почти ничего не прибавил в подтверждение своего плана. Не оставалось сомнения в том, что при настоящих обстоятельствах, особенно после загадочного отступления Мехмета-Али, всего важнее для нас разрешение вопроса на правом нашем крыле — в Плевне. Поэтому я не мог колебаться и присоединился к мнению великого

князя главнокомандующего, но присовокупил, что для окончательного решения самого плана действий против Османа-паши необходимо выждать результата подробных рекогносцировок и соображений генерала Тотлебена, имея в виду, что и с большими силами нелегко будет выбить Османа-пашу из созданного им под нашими глазами нового Севастополя. Окончательно принят план главнокомандующего с теми дополнениями, которые должны выясниться после рекогносцировки Тотлебена.

Сегодня утром наследник и великий князь Сергей Александрович уехали к себе в Дальний монастырь. — Государь сделал смотр гвардейской кавалерии, проходившей чрез Горный Студень на Липницу, где ей назначено пробыть некоторое время до разъяснения обстоятельств.

Завтра утром сам главнокомандующий отправляется под Плевну вместе с генералом Тотлебенем.

Погода поправилась, но свежо, особенно по ночам.

21-го сентября. Среда. — Великий князь главнокомандующий вместе с Тотлебенем осматривает местность под Плевной. Между тем Государь озабочен сведениями о постройке турками моста чрез Дунай у Силистрии. К Каларашу направлена одна бригада 24-й дивизии, следующей пешим порядком к Зимнице. По желанию Государя главнокомандующий сегодня дал приказание удержать временно на левой стороне Дуная всю эту дивизию и 1-ю кавалерийскую. От наследника получены сведения, что армия Мехмет-Али-паши расположилась за Черным Ломом, главными силами, по-видимому, ближе к Рушуку.

Сегодня утром приехал сюда из Петербурга великий князь Павел Александрович, как раз в день своего рождения. Великий князь Сергей Александрович также приехал из Главной квартиры Рушукского отряда, чтобы повидаться со своим братом.

24-го сентября. Суббота. — Вчера Государь выезжал встречать гвардейский Финский стрелковый батальон и вместе с ним доехал до бивака гвардейской стрелковой бригады, где по обыкновению был окружен массой офицеров и солдат, бежавших за ним с криками «ура». Сегодня выступила к Плевне и 1-я гвардейская пехотная дивизия, вместе со стрелковой бригадой. Государь, пропустив мимо себя эти войска, прощался с начальниками, говоря всем «до скорого свидания». Погода отвратительная, холодная, с резким ветром, а к ночи пошел дождь и термометр чуть не спустился до нуля.

Вчера возвратился из-под Плевны великий князь главнокомандующий. Он объяснил Государю настоящее положение дел и свои

П. Д. Зотов

предположения. Решено 1-ю и 3-ю гвардейские пехотные дивизии расположить на линии, занимаемой ныне 4-м корпусом, который должен перейти за р. Вид и вместе с кавалерией преграждать пути к Плевне неприятельским подкреплениям и транспортам. Таким образом, отказываясь от атаки укрепленной позиции турок, мы вынуждены довольствоваться блокадой Османа-паши, пока он в состоянии держаться в своем укрепленном лагере. С переходом 4-го корпуса за р. Вид решено вместо генерала Зотова назначить генерала Тотлебена ментором к князю Карлу, с титулом помощника его, а начальником штаба — генерал-майора князя Имеретинского. Перемену эту нельзя не одобрить; князь Карл не сходился с Зотовым, назначение которого с самого начала меня удивило, так как я знаю его с молодых лет, еще с Кавказа; при всех его достоинствах, он наименее пригоден для той щекотливой роли, которая была на него возложена. Тотлебен хотя крайне тяжел и едва ли будет приятен для князя Карла, но, по крайней мере, будет иметь авторитет как по своей боевой репутации, так и по опытности в том именно деле, к которому теперь призван. Молодой же князь Имеретинский, раз-

витой и бойкий офицер, с большим тактом, сумеет ладить и с князем румынским, и с Тотлебенем, и с окружающими их*.

Что касается Руцукского отряда, то решено в отмену прежнего предположения, чтобы наследник цесаревич остался еще некоторое время командующим этим отрядом, пока приехавший вчера князь Дондуков-Корсаков, по вступлении в должность командира 13-го корпуса (вместо генерала Гана), успеет осмотреться и освоиться с новым делом, от которого давно уже отстал, занимая около 20 лет административные должности. Об этом просил сам князь Дондуков. К тому же признается не совсем благовидным для наследника цесаревича покинуть Руцукский отряд и принять начальство над двумя гвардейскими дивизиями именно в то время, когда, по всем признакам, турки готовятся к решительному бою на Ломе. Великому же князю Владимиру Александровичу предназначается принять начальство своей 1-й гвардейской пехотной дивизией и вместе с тем временно всем гвардейским корпусом.

Что выйдет из всех этих личных перестановок? Произведет ли прибытие гвардии благоприятный перелом в ходе военных действий? — Это вопросы будущего; а между тем осеннее время уже и теперь дает себя чувствовать. Войска не падают духом; однако ж слышится отовсюду ропот на начальство. В России же этот ропот принимает характер общего неудовольствия; громко порицают и начальство армии, и самого Государя. Не скрывают негодования на то, что должности в армии розданы великим князьям и принцам, как будто вся кампания ведется для того только, чтобы доставить случай членам царского дома украситься Георгиевскими крестами. Этот боевой почетный знак, так высоко ценившийся в общественном мнении, раздается теперь с такой щедростью, достается так легко, что начинает

* *Первоначальный текст после слов «...пока он в состоянии держаться в своем укрепленном лагере.»: «Вместе с тем решено, чтобы наследник цесаревич пока не принимал начальства над гвардейским корпусом; неловко было бы подчинить его румынскому князю. Генерал Зотов пойдет с своим корпусом за р. Вид; вместо него назначается ментором к князю Карлу, с титулом помощника его, генерал Тотлебен, а начальником штаба — генерал-майор князь Имеретинский. Перемену эту нельзя не одобрить; князь Карл не сходил с Зотовым, назначение которого с самого начала меня удивило, так как я знаю Зотова с молодых лет, еще с Кавказа, и считаю его не только по характеру и манерам не соответствующим щекотливой роли, на него возложенной, но и просто неспособным в военном деле. Тотлебен также бездарен, крайне тяжел, но, по крайней мере, весьма опытен в своем специальном деле и принесет пользу собственно при настоящих действиях против укреплений Плевны. Молодой же князь Имеретинский, развитой и бойкий человек; можно надеяться, что он сумеет ладить с князем румынским и его окружающими».*

терять прежнее высокое значение. Злые языки, даже в свите Государя, громко говорят, что война ведется по образцу красносельских маневров. Ходят слухи, будто в России, в самом Петербурге, намереваются подать Государю адрес для убеждения его возвратиться в свою столицу¹⁸³.

Князь Дондуков-Корсаков уехал сегодня в Рушукский отряд, вместе с моим сыном, приезжавшим сюда на два дня с казачьих аванпостов, выставленных вдоль Черного Лома.

27-го сентября. Вторник. — Продолжается сквернейшая погода; по ночам термометр спускается чуть не до нуля; сильный ветер с дождем, страшная грязь; — а войска все еще не получают теплой одежды, не исключая и отряда на Шипке, который бедствует в лохмотьях, без крова и даже без огня на позиции. Гвардейские дивизии с трудом дотащились до Порадима, откуда предполагается направить их уже не на плевненскую позицию, для замещения 4-го корпуса, а прямо за р. Вид. Оказывается, что войска 4-го корпуса чуть не босые. Перевозка по железным дорогам и далее передвижение по грязным румынским и болгарским дорогам сопряжены с крайними затруднениями.

В газетах пишут, что Мехмет-Али-паша смнен, что на место его назначен Сулейман-паша, как человек известный своей энергией и решительностью. Отсюда выводят предположение, что в скором времени турки начнут решительную атаку со стороны Черного Лома на войска наследника цесаревича. Главные силы их видимо стянулись ближе к Рушуку и, стало быть, намерены перейти Лом в низовьях его. Наследник также стянул свои силы ближе к Дунаю.

Вчера приехал сюда молодой баварский принц Арнульф, племянник короля. Удачно выбрал время! Вместе с ним приехал и адъютант мой Арапов, на смену уехавшего из армии Лярского.

Сделано распоряжение об осмотре и приготовлении квартир в Систове для размещения обеих главных квартир.

30-го сентября. Пятница. — По-прежнему отвратительная погода; в моей сквозной комнате не только холодно, но протекает сквозь потолок, так что среди комнаты поставлены лохани¹⁸⁴. Гвардейские дивизии с трудом двигаются чрез Ласкар к р. Виду.

Получены по телеграфу два известия: одно о смелом наступлении нашей речной флотилии, совместно с сухопутными войсками, по Сулинскому рукаву Дуная к самому Сулину, причем один большой турецкий военный пароход потоплен минами, а у броненосца взорван паровой котел; другая телеграмма извещает о проходе чрез австрийскую границу в Малую Валахию шайки в 1500 вооружен-

ных людей. — Несколько дней тому назад австрийской полиции удалось расстроить подобное же покушение в другом пункте границы — около Кронштадта; на сей раз, видно, полиция австрийская прозевала. Трудно, однако же, предположить, чтобы подобная шайка могла предпринять что-нибудь значительное.

Нелидов представил Государю записку, в которой излагает свой взгляд на положение дел в настоящий момент и ведет к тому заключению, что нам следовало бы, в случае предложения посредничества со стороны других держав, согласиться на мир, хотя бы на самых скромных условиях¹⁸⁵. Прочитав эту записку, я высказал Государю свое мнение, что прежде всего было бы необходимо нам самим точнее формулировать, в чем именно состоит тот *minimum* уступок со стороны Турции, при котором возможен для нас мир; только после того можно будет судить о том, есть ли вероятность, что Турция, которая еще до начала войны отвергла с такой самонадеянностью предложенные ей от имени всех шести держав крайне умеренные условия, согласится теперь на какие-либо уступки, при настоящем положении дел на театре войны*.

Государь вполне согласился с этим мнением и сказал, что по переезде в Систово можно будет пригласить туда канцлера для** совещания с ним. На это я позволил себе заметить, что было бы желательно, чтобы инициатива этих совещаний шла не от главнокомандующего (при котором Нелидов занимает пост начальника дипломатической канцелярии), дабы не подать повода к новым толкам о нашем военном бессилии, будто бы вынуждающем призвать дипломатию на выручку. Странным покажется такое соображение: как будто военная сила стоит в антагонизме с дипломатией, вместо того, чтобы служить ей орудием. Но, к сожалению, таков взгляд нашего канцлера, у которого всегда на первом плане его собственное «я». Тщеславие его заслоняет даже государственные

* *Первоначальный текст после слов «...согласиться на мир, хотя бы на самых скромных условиях.»:* «Прочитав эту записку, я высказал Государю свое мнение, что, не возражая по существу на основную мысль, я полагаю, что необходимо было бы нам самим точнее формулировать, в чем именно состоит тот *minimum* уступок со стороны Турции, при котором мы можем согласиться на мир, не унижительный для нас; что только тогда можно будет судить о том, есть ли вероятность, что Турция при теперешнем положении всех дел на театре войны, при теперешнем самонадеянном и фанатическом ее настроении согласится на подобные уступки после того, что она еще до начала войны отвергла предложенные ей от имени всех шести больших держав крайне примирительные условия».

** личных объяснений с ним.

интересы*. Во всяком случае, едва ли можно ожидать какой-либо пользы от приезда канцлера в Систово. Не придется ли опять вызывать сюда Игнатьева, который еще из Белы, где он схватил сильную лихорадку, уехал в свое киевское имение**.

1-го октября. Суббота. — Телеграммы с разных пунктов театра войны неутешительны. Теперь удостоверились, что и после 10-го сентября Осман-паша получал в Плевне подкрепления и транспорты, которых не могла остановить*** наша кавалерия. Есть сведения, будто бы на днях прошло даже до 50 таборов; трудно доверять подобному показанию. Между тем Тотлебен дал знать, что он опасается двинуть еще две гвардейские дивизии на другую сторону Вида, пока не подойдут еще две дивизии (2-я гвардейская и 3-я гренадерская); но дивизий этих пришлось бы дожидаться чуть не до 20 октября, дав во все это время Осману-паше полную свободу получать новые подкрепления и транспорты. Притом ожидаемые дивизии прежде всего необходимы для поддержания Рушукского отряда, который ежедневно ожидает нападения гораздо превосходных сил Сулеймана-паши. Государь очень тревожится за левое наше крыло. Однако ж сегодня же приказал великому князю Сергею Александровичу возвратиться в Главную квартиру

* Далее Д. А. Милютиным сделано примечание: «Здесь будет уместно приложить слышанный мною впоследствии любопытный рассказ Ник[олая] Карл[овича] Гирса, который за все время пребывания князя Горчакова [в Бухаресте] оставался в Петербурге для ведения текущих дел Министерства иностранных дел». *Изложение рассказа Гирса, вложенное Милютиным в дневник, см.: Приложение VI.*

** *Первоначальный текст после слов «...можно будет пригласить туда канцлера для совещания с ним.»*: «На это я позволил себе заметить, что было бы желательнее, чтобы инициатива этих совещаний шла не от главнокомандующего (при котором Нелидов занимает пост начальника дипломатической канцелярии), чтобы не подать снова повода нашим дипломатам видеть в этом подтверждение хвастливых их предсказаний, что военное ведомство рано или поздно <будет принуждено> увидит себя в необходимости обратиться к вмешательству дипломатии. К сожалению, у нашего канцлера всегда на первом плане — его личность; она заслоняет от него все интересы государственные и национальные. Станный взгляд: как будто дипломатия и военная сила стоят в каком-то антагонизме. Можно ли ожидать чего-нибудь хорошего, если государственный человек, стоящий во главе дипломатии, не признает, что военная сила есть орудие к его же услугам. Притом же <сам> князь Горчаков впал в старческое бессилие, окружают же его ничтожества, и среди их на первом месте барон Жомини — человек без всяких убеждений, легкомысленный космополит, совершенно чуждый России и способный из-за «красного словца» проводить какие угодно взгляды. Это бойкий редактор, которого настоящее призвание было бы писать по заказу газетные статьи. Сам канцлер, так же, как и главный его советчик, вовсе не знают дел, касающихся внутренних вопросов Турции, и поэтому приезд их в Систово не приведет ни к чему серьезному. Постараюсь при первом случае высказать это Государю. Думаю, что выпишут Игнатьева из его киевской деревни».

*** одна

наследника цесаревича. — Вчера вечером и сегодня у Государя вырвались выражения: «я сам распоряжусь», «я сам туда поеду». По всему видно, что у него поколебалось доверие к главнокомандующему и его начальнику штаба; он видит ясно их несостоятельность и, к крайнему прискорбию своему, не находит уже возможности поправить дело. Сегодня пред завтраком и после него были у Государя совещания с ними, в моем присутствии. Между прочим зашла речь о записке Нелидова, которую великий князь намеревался препроводить при своем письме к канцлеру. Государь, согласно с высказанным мною вчера мнением, признал неудобным, чтобы инициатива обращения к дипломатическому вмешательству шла от главнокомандующего. После ухода великого князя и генерала Непокойчицкого, оставшись наедине с Государем, я высказал ему со всей откровенностью мои соображения относительно ведения этого щекотливого дела: объяснив некомпетентность князя Горчакова и его ближайших советников, без участия Игнатьева, я позволил себе прямо заявить мое^{*} убеждение, что наши дипломаты не справятся с задачей, что вообще такое дело вести официальным дипломатическим путем невыгодно для нас и что в настоящий момент, более чем когда-либо, представляется нам случай воспользоваться существующими личными отношениями дружбы и родства между двумя императорами, чтобы вызвать на помощь нам императора Вильгельма и его энергичного канцлера. Как нельзя более кстати, приехал в Главную квартиру из Берлина состоящий в качестве нашего военного агента генерал-адъютант Рейтерн, под тем предлогом, что император Вильгельм желает ближе узнать истинное положение дел на театре войны^{**}. Такое поручение как раз нам в руку: почему бы не поручить Рейтерну

* глубокое

** *Первоначальный текст после слов «...признал неудобным, чтобы инициатива обращения к дипломатическому вмешательству шла от главнокомандующего.»:* «Когда великий князь и генерал Непокойчицкий вышли, я наедине высказал Государю мои соображения относительно ведения этого щекотливого дела: со всей откровенностью объяснив некомпетентность в <этих> делах князя Горчакова и его ближайших советников, напоминая, что в обсуждении вопроса они не могут обойтись без Игнатьева, я, однако же, позволил себе прямо заявить мое задушевное мнение, что наши дипломаты не сладят с этим вопросом и могут совсем испортить пути к успешному результату переговоров. Мне кажется, — сказал я, — что один только человек <в Европе> мог бы распутать этот узел и притом <с некоторой выгодой> безобидно для нас — князь Бисмарк; притом я полагал бы не начинать дела официальным обращением к дипломатии, а воспользоваться установившимися личными отношениями между двумя императорами, чтобы вызвать императора Вильгельма и его даровитого и энергичного канцлера на помощь нам. В настоящее время здесь находится генерал-адъютант Рейтерн, приехавший из Берлина под тем предлогом, будто император Вильгельм желает узнать чрез него истинное положение дел на театре войны».

привезти в Берлин словесное заявление от имени нашего императора, что настало время, когда Германия может оказать нам дружескую услугу. Государь заметил, что вмешательство дипломатии может быть допущено только с нашего официального вызова; я же думаю, наоборот, что официальный призыв к нам на помощь дипломатического вмешательства более унизителен, выказывая явно бессилие наше справиться с Портой силой оружия. Государь заключил разговор словами: «Я подумаю еще об этом»*.

3-го октября. Понедельник. — Ничего замечательного; все то же томительное ожидание нападения турок со стороны Русука, то же бездействие под Плевной, то же тяжкое положение войск на Шипке. Подошедшие первые два полка 2-й гвардейской и один полк 3-й гренадерской дивизий прибыли в Павло; наследник цесаревич требует, чтобы эти полки, не ожидая хвоста дивизий, придвинуты были к Беле. — Погода поправилась, и дороги быстро высыхают.

В Главную квартиру приехал государственный контролер Грейг, — не знаю, с какой целью.

4-го октября. Вторник. — Наконец первая значительная победа: утром получена с Кавказа телеграмма о совершенном поражении армии Мухтара-паши в ее сильной позиции на горе Аладжа¹⁸⁶. Первая краткая телеграмма была дополнена вечерней, более подробной. Из нее можно заключить, что успех был полный, какого только можно желать: сам Мухтар едва ушел в Карс с небольшой частью левого своего крыла; все же правое крыло, состоявшее из трех дивизий, положило оружие с 7 пашами и 36 орудиями. Известие это произвело, конечно, большую радость у нас в Главной квартире. Государь, по своему обыкновению, сейчас же вышел на крыльцо своего дома и пред случившимися тут лицами свиты прочел вслух телеграмму. Затем отправился в лагерь лейб-гвардии Казачьего полка, празднующего сегодня свой полковой праздник. Объехав фронт полка, Государь приказал мне пред полком прочесть телеграмму. По обыкновению, отслужено молебствие в походной церкви, оригинально устроенной из дубовых ветвей; потом все офицеры полка были приглашены к завтраку и при этом снова прокричали «ура» кавказским победителям.

* Далее Д. А. Милютин вновь делает примечание, аналогичное тому, которым сопровождается запись 30 сентября: «Здесь будет вполне уместно приложить слышанный мною впоследствии любопытный рассказ Ник[олая] Карл[овича] Гирса, который во все время пребывания канцлера <в Бухаресте> в его Капуе, оставался в Петербурге для ведения текущих дел министерства». См. Приложение VI.

Карта театра войны в Малой Азии в 1877–1878 гг. Фрагмент

5-го октября. Среда. — По случаю дня рождения великой княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской, — опять были у обедни, а после завтрака встречали и провожали сперва два полка 2-й гвардейской пехотной дивизии (Павловский и Финляндский), проходившие от Павло к Плевне, а потом третий полк той же дивизии — Гренадерский, направленный туда же прямо из Царевницы. Все три полка имели вид бодрый, молодцеватый, несмотря на дальний поход.

Вчерашнее известие с Кавказа было общим предметом разговора. Поражение Мухтара представляется как бы первым признаком поворота в ходе кампании. Всякому приходит мысль — что, если б теперь и на здешнем театре войны совершилось что-нибудь подобное! Почему бы Осман-паше не испытать судьбы Мухтара!

Между тем по сведениям с левого крыла (от наследника) видно, что и Сулейман-паша, несмотря на прославленную энергию его и решимость, после произведенной 3-го числа рекогносцировки на левый берег Лома, не решился, однако же, атаковать нас. Говорят, будто часть его войск потянулась к югу.

8-го октября. Суббота. — Вчера вечером, за чаем у Государя, мы были обрадованы телеграммой принца Карла румынского, извещавшего, что второй турецкий редут взят румынами; вслед затем и генерал Тотлебен телеграфировал о мерах, принимаемых для удержания редута. Каково было наше разочарование, когда вслед затем другая телеграмма Тотлебена известила, что турки отняли опять редут у румын.

Делаются приготовления к начатию 11-го числа наступательных действий гвардейских войск за Видом. Великий князь главнокомандующий намерен туда отправиться, но боится, что вслед за ним поедет туда же и сам Государь. Сегодня великий князь прямо жаловался на свое стесненное положение, лишаящее его свободы распоряжений. И действительно, сегодня же, вопреки предположениям главнокомандующего, Государь *приказал* прибывшие уже полки 3-й гренадерской дивизии, не ожидая хвоста, отправить за Янтру в распоряжение наследника цесаревича. Трудно сказать, кто теперь настоящий главнокомандующий и на ком лежит ответственность.

10-го октября. Понедельник. — Великий князь главнокомандующий отложил до завтрашнего дня свою поездку под Плевно, вследствие просьбы генерала Тотлебена, который опасается, что приезд Его Высочества и самого Государя укажет туркам намерение наше возобновить решительные действия. Понятно, что генерал Тотлебен желает иметь простор в своих приготовлениях и распоряжениях.

Присутствие Государя неизбежно стеснило бы его и даже отняло бы у него много времени. Сколько ни представляли Государю все затруднения и неудобства его переезда под Плевно, намерение его не поколебалось. Свиты генерал-майор Тучков послан для осмотра и приготовления помещений, где именно — неизвестно.

13-го октября. Четверг. — Решено, что мы перемещаемся завтра в Порадим, где помещение для Государя назначено в доме, занимаемом до сего принцем Карлом румынским. Великий князь главнокомандующий отправился под Плевно 11-го числа и оттуда прислал телеграмму, в которой объяснил план действий на следующий день. Войска должны начать движение ночью, одновременно и за р. Вид, под начальством генерала Гурко, и на высоты левее Кришинского редута, и, наконец, с севера румыны должны от Рибена поддержать нашу кавалерию за Видом. Телеграмма эта получена Государем только вчера утром, т. е. когда движения уже начались. Целый день он был в тревожном ожидании известий из-под Плевны; но получено было только с левого нашего крыла, от наследника цесаревича, печальное известие о смерти князя Лейхтенбергского Сергея Максимилиановича, который в одной из рекогносцировок на Ломе убит пулей наповал.

Только сегодня утром наконец получены известия о вчерашних действиях под Плевной; сначала пришли неясные телеграммы, а позже приехал Генерального штаба полковник Фрезе со словесным донесением. Оказывается, что предположенное Тотлебеню по сю сторону Вида занятие высот и устройство новых батарей исполнено было успешно и почти без сопротивления. Возведенная ночью сильная батарея заставила турок покинуть редут, выдвинутый ими в недавнее время на так называемой Зеленой горе. На левой же стороне Вида было кровопролитное сражение: две гвардейские пехотные дивизии (1-я и 2-я) со стрелковой бригадой и гвардейской кавалерией атаковали укрепленную позицию турок у Горнего Дубняка и Телиша; после 10-часового упорного боя турецкие войска у Горнего Дубняка были сбиты, окружены и забраны в плен с пашой и 4-мя орудиями; также взят в плен целый кавалерийский полк. Из другой же позиции у Телиша выбить турок не удалось. В этом первом бое гвардия понесла очень большие потери, в особенности много раненых начальников: командиры бригад генералы барон Зедделер и Розенбах, полковые командиры Лавров, Любовицкий и другие. Государь был глубоко опечален этим известием, так что несколько раз наворачивались у него слезы. Отслужена панихида по князе Сергее Максимилиановиче и по всем другим убитым.

*Князь Сергей Максимилианович
Романовский,
герцог Лейхтенбергский*

Великий князь главнокомандующий признал необходимым притянуть к Плевне еще одну дивизию и просил обратить туда 3-ю гренадерскую, уже поступившую в распоряжение наследника цесаревича. Государь предпочитает направить к Плевне 2-ю гренадерскую, но так как она приходит позже, то спросил наследника, находит ли он возможным до прихода этой дивизии отделить от себя 3-ю гренадерскую дивизию в том соображении, что Сулейман-паша, как заметно, не намерен пока действовать наступательно.

14-го октября. Пятница. Порадим. — Переехав сюда, расположились по плохим избам и землянкам. Государь занял дом, где жил доселе князь Карл, который переселился в другой домик, весьма неказистый. Мне отвели помещение в бывшем кабаке: не нарядно, но близко от Государя и со вставленными стеклами, хотя отчасти и разбитыми. Часам к 3-м приехал из Богота великий князь главнокомандующий; он рассказал подробно ход сражения 12-го числа. По всему видно, что гвардия в этом первом своем бою поплатилась за увлечение и неопытность. Более всех пострадал лейб-гвардии Егерский полк, тогда как его назначение состояло лишь в том, чтобы наблюдать за неприятельской позицией у Телиша, а вовсе не брать укрепления. Другие полки бросались на штурм большого редута у Горнего Дубняка открыто, не дав артиллерии времени подготовить атаку. Великий князь прочел список убитых и раненых офицеров; Государь заплакал,

слыша имена стольких людей, которых привык видеть пред полками и ротами своей гвардии. Полагают, что вся потеря убитыми и ранеными простирается от 2 до 3 тысяч человек¹⁸⁷. Говорят, что потеря у турок громадная; взятые редуты были завалены трупами. В шести таборах пехоты и полку кавалерии, защищавших позицию, должно было состоять по крайней мере 5 или 6 тысяч человек; в плен взято около 2 тысяч; стало быть, остальные 3 или 4 тысячи погибли. К сожалению, впереди предстоят не менее кровопролитные дела. В тылу занятой нами и укрепленной новой позиции у Горнего Дубняка мы имеем неприятеля еще в более сильной позиции — у Телиша; тут турки могут каждый день получать подкрепления из Орхание. Уже в последние два-три дня, на глазах наших, позиция у Телиша значительно усилена вновь возведенными укреплениями. Таким образом, наши две гвардейские дивизии будут иметь неприятеля и спереди, и сзади. Главнокомандующий сделал распоряжение о поддержании их частью 3-й гвардейской пехотной дивизии и повторяет свою просьбу о скорейшем отправлении туда же 3-й гренадерской. По расчету его, дивизия эта, хотя и находится уже между Янтрой и Ломом, может, однако же, прибыть под Плевну днями 4-мя или 5-ю ранее хвоста 2-й гренадерской.

Великий князь главнокомандующий не остался к обеду в Порадими и уехал обратно в Богот. К обеду у Государя приглашен был князь Карл с его генерал-адъютантами.

Погода среди дня была прекрасная, даже жаркая, но утро и вечер — холодные. Слышен по временам гул плевненских батарей.

15-го октября. Суббота. — Государь ездил сегодня из Порадими в дер. Сгалевица, где осмотрел военно-временный госпиталь, а потом чрез Пелишат в Богот, где находится Главная квартира великого князя главнокомандующего, военно-временный госпиталь и лазарет, устроенный под покровительством великой княгини цесаревны. Государь прежде всего навестил двух раненых генералов — Зедделера и Розенбаха (оба бригадные командиры во 2-й гвардейской пехотной дивизии); они лежали в войлочной кибитке (юрте) в ожидании отправления их* в Систово. Тут был знаменитый наш хирург Н. И. Пирогов, только что приехавший сюда из своего киевского поместья. После завтрака у великого князя происходило в палатке его совещание о дальнейших действиях. Все были одного мнения — что следует всячески избегать новых

* в Бухарест.

открытых атак на турецкие укрепления, и потому предположено завтра попробовать действие против позиции турок у Телиша исключительно сильным артиллерийским огнем. Так как наследник цесаревич согласился на отправление 3-й гренадерской дивизии под Плевну, то решено направить ее за Вид с северной стороны, дабы усилить блокадную линию с той стороны, именно в Дольнем и Горнем Нетрополе, занятых теперь только 8-ю румынскими батальонами и кавалерией. Впрочем, 3-я гренадерская дивизия может прибыть сюда не ранее 22-го числа.

После совещания Государь обошел шатры, наполненные ранеными гвардейцами. По обыкновению, он разговаривал с ними и некоторым солдатам навесил Георгиевские кресты.

Возвратились в Порадим в 6-м часу вечера.

16-го октября. Воскресенье. — С утра отправились на плевненскую позицию. Проехав в экипажах чрез дер. Тученица, сели верхом и приехали на крайнюю левофланговую батарею 4-го корпуса, влево от Радишева. Отсюда, несмотря на туманную и серую погоду, видна была значительная часть наших и неприятельских позиций. По сделанному заранее общему распоряжению с целью отвлечь внимание турок от действий гвардии за р. Видом, открыта была усиленная пальба со всех наших батарей. Турецкие батареи почти не отвечали. Государь просидел сперва на одной, а потом на другой батарее, смотря в зрительную трубу, до 3 часов, и затем возвратились мы в Порадим.

17-го октября. Понедельник. — Рано утром, прежде чем я встал, пришел ко мне по приказанию Государя молодой поручик гвардейской артиллерии Воронович со словесным донесением о вчерашнем деле под Телишем. После двухчасового сильного бомбардирования неприятельских укреплений 72 орудиями гвардейской артиллерии предложено было туркам сдаться. Они приняли предложение и, таким образом, позиция у Телиша, стоившая так дорого лейб-Егерскому полку 12-го числа, теперь занята почти без потерь. Говорю — почти, потому что и тут не обошлось без увлечения. Гвардейские уланы наткнулись на пехоту, засевшую в кукурузе, и даром потеряли до 50 человек. Не знаю, не попал ли в это число мой юный племянник. Известие о занятии Телиша Государь принял с особенной радостью именно потому, что на сей раз, по его настоянию, цель достигнута без атаки открытой силой, а потому и без потери. Государь оставался сегодня дома, был весел и спокоен; к завтраку пришел принц румынский, чтобы поздравить с успехом. Узнав, что чрез Порадим провозят раненых гвардейцев, Государь выехал встретить их.

В. Мазуровский. Дело при селении Телише в 1877 г.

20-го октября. Четверг. — Дождь снова испортил дороги, и потому предполагавшаяся вчера поездка на позицию была отменена. Государь, однако же, ежедневно выезжает то в госпиталь в Сгалевицы, то навстречу полкам 3-й гренадерской дивизии, проходившим верстах в 12 отсюда по направлению на Вербицу и Рибен.

На нынешний день назначено было обложить неприятельскую позицию у Дольнего Дубняка и с утра открыть по укреплениям огонь артиллерии; но турки, увидев с вечера приближение наших гвардейских войск, сами в ночь очистили позицию и ушли в Плевну. Таким образом позиция эта досталась нам совсем даром; на левой стороне Вида уже нет турок.

Сегодня утром была в здешней деревенской церкви заупокойная обедня по случаю годовщины смерти императрицы Александры Федоровны. Принц румынский присутствовал со своим штабом. — К обеду приехали великие князья Сергей Александрович и Константин Константинович. Погода поправилась; ветер скоро высушивает дороги.

24-го октября. Понедельник. — В прошедшую пятницу великий князь главнокомандующий приезжал сюда, в Порадим, чтобы объяснить Государю настоящее положение дел, и между прочим заявил, что теперь и Государю возможно предпринять поездку за Вид, чтобы видеть гвардейские войска и лично поблагодарить их за боевые их подвиги. Несмотря на дождливую погоду, сделаны были все приго-

товления к этой поездке на 23-е число, т. е. на вчерашний день. К счастью нашему, погода в этот день прояснилась, и хотя дороги очень грязны, однако ж предположенная поездка была исполнена вполне удачно.

Выехав из Порадима в 8 часов утра и проехав Богот, прибыли к полудню в Медован — деревню, лежащую в долине Вида. Здесь нашли главнокомандующего с его штабом, позавтракали и затем, переехав чрез Вид вброд в экипажах, поднялись к лагерю 2-й гвардейской пехотной дивизии впереди Горнего Дубняка. Здесь были приготовлены верховые лошади. Само собою разумеется, что Государь был встречен гвардией с восторженными криками «ура»^{*}; он останавливался у каждого батальона, разговаривал с офицерами; затем поехал далее чрез Дольний Дубняк к биваку 1-й гвардейской пехотной дивизии. Здесь опять те же крики «ура», те же приветствия, — и в заключение благодарственное молебствие, среди поля, в виду турок, высыпавших из Плевны на ближайшие к р. Виду высоты, откуда они могли ясно видеть диковинное для них зрелище. Возвратились мы в Медован около 5 часов; тут был приготовлен для нас ночлег. Для Государя нашлась в одном домике порядочная, теплая комната; примыкавшие к дому конюшни и сараи для скота были обращены в общую столовую и буфет. Небольшая свита Государя разместилась в плохих крестьянских избах, в которых окнами служат небольшие отверстия без стекол и ставен, а широкая, прямая труба над очагом^{**} открывает доступ во внутрь дома холоду, дождю, снегу и т. д.

Переночевав в этих примитивных помещениях, сегодня утром поехали опять за Вид, к биваку стоящей у самого берега реки 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии, откуда возвратились в Медован и далее, вчерашней дорогой, в Порадим. На пути позавтракали в Боготе у главнокомандующего, который, однако же, сам отсутствовал: он поехал осмотреть позиции, вновь занятые на высотах к югу от Плевны бригадой генерала Бремзена и войсками генерала Скобелева.

Пока мы находились вчера за Видом, видели оттуда происходившую на означенных высотах перестрелку и потом узнали, что небольшая часть турецкой пехоты попробовала подойти к нашим батареям, но была прогнана и рассеяна огнем нашей артиллерии.

Сегодня, на возвратном пути в Порадим, мы обогнали большую колонну пленных турок. Они составляли пеструю, разнообразную

* как водится

** среди дома, сквозь соломенную крышу

толпу. За завтраком в Боготе читалось вслух только что полученное донесение от начальника 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Карцова об успешном набеге, исполненном небольшим отрядом, отправленным из ловчинского отряда к Тетевеню. Городок этот оказался укрепленным и занятым 600-ми турок. Атакованные внезапно с двух сторон, турки бросили свою позицию и рассеялись. Можно полагать, что последние действия наши за Видом произвели сильное нравственное впечатление на турок, которые везде при встрече с нашими войсками обращаются в бегство. Генерал Гурко, командуя всеми войсками за Видом, подстрекаемый этими легкими успехами, намерен сделать нападение на Орханию, где турки, как слышно, имеют укрепленный лагерь и склад запасов. Орхание есть как бы ворота для дебуширования турецких войск от Софии к Плевне. Конечно, было бы очень выгодно для нас запереть эти ворота, но потому именно надобно ожидать и со стороны турок упорного противудействия в этом пункте. Боюсь, чтобы опять Гурко не увлекся* и не наткнулся на новую Ени-Загру. Можно также опасаться излишнего разбрасывания сил: в то время, когда одни авангарды выдвинуты в горы к стороне Орхании, большая часть кавалерии опять брошена к Рахову. Гвардейская кавалерия будет столь же изнурена и расстроена, сколько и армейская кавалерия за время командования ею генерала Крылова.

26-го октября. Среда. — Вчера и сегодня получены известия о новых успехах на Азиатском театре войны: генералы Гейман и Тергукасов разбили Мухтара-пашу, соединившегося с Измаилопашой, под самым Эрзерумом¹⁸⁸; в то же время под Карсом несколько рот, отразив вылазку турок, бросились вперед и ворвались в один из передовых фортов, называемый Гафиз-паша-Табия. По этому случаю сегодня утром было молебствие пред конвойным гвардейским отрядом. Князь Карл присутствовал при молебствии и обедал у Государя. Великий князь главнокомандующий также был при молебствии; он приезжал со своим начальником штаба для получения разрешения Государя на предположенные генералом Гурко движения к стороне Орхание. Было непродолжительное совещание, после которого предоставлено генералу Гурко с двумя гвардейскими дивизиями и гвардейской стрелковой бригадой, частью 3-й пехотной дивизии и частью кавалерии произвести нападение на Орханию и, в случае успеха, перейти даже за Балканы, чтобы не дать собраться новой турецкой армии около Софии. Для блока-

* легкими успехами

И. В. Гурко с офицерами штаба

ды же Плевны с западной стороны положено притянуть сюда же последний резерв — 2-ю гренадерскую дивизию. План весьма смелый, несколько даже рискованный.

Вечером получена от генерала Гурко телеграмма о том, что передовые его отряды уже заняли оба выхода из ущелья р. Верхнего Искера: Яблоницу и Осиково; один из отрядов подошел даже к Правцу, верстах в 10 от Орхании. Можно полагать, что завтра будет что-нибудь решительное около этого пункта. Говорят, будто во всем крае к западу от Вида мусульманское население в паническом страхе бежит за Балканы.

Между тем расспросы плевненских дезертиров не подтверждают предположения, будто бы в войсках Османа-паши продовольственные запасы истощены; надежда на скорую сдачу Плевны колебалась¹⁸⁹.

30-го октября. Воскресенье. — Вчера вечером получена телеграмма об атаке, произведенной тремя полками гвардейской кавалерии на город Врацу, защищаемый 800-ми человек пехоты и двумя сотнями черкесов. Наша кавалерия, спешившись, выбила неприятеля из его траншей и захватила до 1000 повозок, нагруженных продовольствием и большими запасами разного рода.

Ночью, около 2 часов, Государь прислал за мной; меня разбудили и я застал Его Величество на балконе, слушающего с беспокойством сильную пальбу со стороны Плевны, не только артиллерийскую, но

и ружейную. Государя преследовала мысль, что турки сделают вылазку против румын, на стойкость которых нельзя слишком полагаться. В продолжение почти часа не умолкал грохот выстрелов и по временам черный горизонт освещался наподобие зарницы. В исходе 3-го часа все утихло, мы разошлись спать, а сегодня утром узнали, что поводом к ночной пальбе было, действительно, нападение турок на вновь занятую в предшествующий вечер генералом Скобелевым позицию на так называемой «Зеленой горе». Турки были отбиты ружейным и артиллерийским огнем; потери у нас вовсе не было.

Сегодня опять Государь ездил на позицию. Я не всегда сопровождаю его в этих ежедневных поездках, не имеющих другой цели, кроме прогулки. — Пред обедом приехал с Кавказа генерал Обручев. Государь украсил его Георгиевским крестом 3-й степени за участие в сражении 3-го октября. Можно было и прежде догадываться, что Обручеву принадлежит значительная доля влияния на тот блестящий оборот, который дела наши приняли в последнее время на Азиатском театре войны. Привезенные им бумаги подтверждают эту догадку. Мне остается радоваться тому, что пришла мне мысль командировать Обручева на Кавказ*¹⁹⁰.

1-го ноября. Вторник. — Вчера Государь со свитой своей ездил на позицию пред Плевной, на так называемые Радишевские батареи; ничего любопытного не видели. Сегодня же ездил в Богот и версты на 4 далее для смотра 2-й гренадерской дивизии на пути ее за р. Вид. В Боготе нашли всех в некотором волнении по случаю ожидаемого от Османа-паши ответа на сделанное ему вчера предложение сдаться. Чиновник Министерства иностранных дел Мокеев был послан с письмом к турецкому полководцу, который по прошествии некоторого времени объявил, что на другой день (т. е. сегодня), в 2 часа, пришлет ответ или приедет сам. Однако ж весь день прошел, и никакого еще нет известия о том, получен ли ответ и в каком смысле.

Присланная из Бухареста телеграмма извещает, будто собранный в Константинополе военный совет решил послать к Осману-паше приказание уйти из Плевны. Из Лондона граф Шувалов уведомляет, что Порта обращалась к английскому послу Ляярду с вопросом: не

* Первоначальный текст после слов «...Пред обедом приехал с Кавказа генерал Обручев.»: «Государь надел на него Георгиевский крест 3-й степени за участие его в сражении 3-го октября. Можно было и прежде приписывать его влиянию тот блистательный оборот, который дела наши на Азиатском театре войны приняли в последнее время. Рассказы его подтверждают эту догадку. Они обрисовывают бесхарактерность великого князя Михаила Николаевича, вредное влияние на него князя Святополк-Мирского, интриги между разными партиями: грузинской, армянской и польской. Мне остается радоваться тому, что пришла мне мысль командировать Обручева на Кавказ».

Осман-паша

примет ли Англия на себя посредничество для заключения мира, на что английское министерство ответило, что до решения дел под Плевной было бы несвоевременно возбуждать вопрос о мире. На такое же предложение турок принцу Рейсс берлинский кабинет ответил, что Порта, если желает мира, может прямо обратиться с предложениями к русскому главнокомандующему. По всем получаемым сведениям, в Константинополе большое волнение и недоумение; партии мира и войны борются между собой. Особенно сильное впечатление произвели успехи наши в Азиатской Турции.

2-го ноября. Среда. — Осман-паша в ответном своем письме на сделанное ему предложение сдаться отказался наотрез, объявив, что намерен драться до последней крайности.

3-го ноября. Четверг. — Утром получена телеграмма, что в эту ночь была довольно сильная схватка с турками на позиции Скобелева. Турки атаковали наши траншеи, были отбиты, но потеря у нас до 100 человек, и сам Скобелев слегка контужен. Известие это встревожило Государя; он сейчас же телеграфировал главнокомандующему, что приедет к нему в Богот. В 10 часов утра все экипажи заложены, и мы покатали по знакомой дороге, которая после ночного дождя оказалась очень тяжелой. Здешняя почва мгновенно разжижается: еще вчера мы любовались, как дороги были укатаны проходящими по ним бесконечными обозами и парками. Целый день тянутся они в несколько рядов. — В Боготе мы ничего не узнали нового. На позициях

все смолкло; но у Государя и у главнокомандующего запала мысль, что Осман-паша после вчерашнего своего отказа в сдаче Плевны вознамерится прорваться чрез нашу линию обложения. Несколько времени они вдвоем совещались, призывали к себе Непокойчицко-го; я же, к удовольствию моему, оставался в стороне. Хотя я и слышал уже упреки в том, что устраняюсь от влияния на распоряжения военными действиями, однако ж упреки эти едва ли основательны. Командовать армией должен кто-нибудь один; у семи нянек дитя без глаза; вмешательство самого Государя слагает ответственность с главнокомандующего, и если я не могу помешать этому вмешательству, то, по крайней мере, сам желал бы не быть соучастником его.

После завтрака, когда мы собирались уже в обратный путь в Порадим, Государь вспомнил, что я не был призван к совещанию и спросил у великого князя, сообщал ли он мне состоявшееся решение. Разумеется, сообщать мне что-либо не было времени; только в ту минуту, когда мы садились уже в экипажи, Его Высочество что-то сказал мне вскользь и вполголоса о предположенных действиях генерала Гурко, в таких неопределительных словах, что, в сущности, я остался в таком же неведении, как и прежде. Одно, что мог разобрать, — что генералу Гурко будет приказано не предпринимать атаки на Орханию, если там собрались значительные турецкие силы.

По возвращении в Порадим Государь объявил о своем намерении «завтра ехать на позицию». Видимо, он волнуется в ожидании чего-нибудь решительного.

4-го ноября. Пятница. — Утром получена телеграмма, что в ночь была опять сильная перестрелка на Зеленой горе, причем Скобелев ранен, впрочем, легко. После завтрака Государь отправился на прежнюю позицию — на батарею у Радишева. При нас сделано было несколько залпов с наших батарей, и больше ничего не видели. Погода пасмурная, слегка моросит. Все толкуют о намерении Османа-паши покинуть Плевну.

В течение дня два раза был у меня румынский первый министр Братиано. Мы имели длинный разговор о том, какие выгоды Румыния может для себя ожидать от нынешней войны. На днях открывается сессия румынской палаты; министерство ожидает бурных прений и затруднительных запросов со стороны оппозиции. Братиано объяснял мне, что для него необходимо, чтобы вывернуться, указать палате на какие-нибудь осязательные успехи оружия, обещающие выгодные условия при замирении. С самого начала войны его план состоял в том, чтобы употребить румынские войска для постепенно-го овладения турецкими укрепленными пунктами на правом берегу

Дуная: Никополем, Раховом, Лом-Паланкой, а впоследствии даже и Видином. Эти пункты были бы в руках румын материальным залогом для достижения желаемых уступок от Порты. К сожалению, до сих пор ничего не удалось сделать в этом отношении, вследствие упорного сопротивления со стороны великого князя главнокомандующего. Хотя теперь он согласился на отдельные наступательные действия румынских войск против Рахова, но румынский министр желал бы получить удостоверение, что и впредь не будут препятствовать дальнейшему выполнению его плана. При этом Братиано снова выражал, хотя весьма в мягких и дружелюбных формах, жалобы на обращение русского военного начальства (не исключая и самого главнокомандующего) с румынами, на фальшивое положение, в которое поставлен князь Карл, на самодурство генерала Столыпина в Никополе и проч. и проч.* Разговор коснулся возвращения под власть России отторгнутой от нее в 1856 г. южной части Бессарабии, с вознаграждением Румынии участком на правой стороне Дуная. Разумеется, я не раз напоминал, что мы ведем эту беседу совершенно как частные лица, «академически», что я высказываю только личные свои мнения, причем заметил, что отторжение от России в 1856 году означенного клочка Бессарабии составляет для всякого русского человека чувствительную рану, которую настоящая война должна залечить. Братиано отвечал на это очень уклончиво, что лично он несколько бы не сожалел о возвращении нам этого клочка земли, с населением**, не сочувствующим Румынии; но что иначе судит большинство нации; что подобное со стороны России требование может произвести в крае весьма тяжелое впечатление, тогда как для самой России всего важнее привязать к себе население Румынии. Вообще утверждение нравственного влияния России на христианское население Балканского полуострова гораздо важнее для существенных интересов России, чем приобретение какого-либо клочка земли. — Мы касались еще многих других вопросов и разошлись*** совершенно дружелюбно.

Вслед за этой политической беседой мы опять сошлись с Братиано за обедом у Государя; также приглашен был и князь Карл. После обеда я счел долгом передать весь свой разговор Государю; это было тем необходимее, что утром Братиано, представляясь Государю, коснулся было тех же предметов, но так поверхностно и кратко, что Государь понял его совсем превратно. Опасаюсь, чтобы не вышло

* Я навел разговор на возвращение России

** не симпатизирующим Румынии

*** как и прежде, весьма дружелюбно.

впоследствии каких-либо недоразумений: главнокомандующий и его штаб будут продолжать вести дело в отношении наших союзников так же неловко, как и до сих пор*. Братиано между прочим подтвердил мне, что канцлер наш, со своей стороны, наотрез отказал ему войти в какие-либо объяснения, повторяя, что не хочет вмешиваться в дело, пока оно в руках военных**.

6-го ноября. Воскресенье. — Сегодня великая радость: телеграмма великого князя Михаила Николаевича о взятии Карса¹⁹¹! Это весьма важный результат победы 3-го октября. В краткой телеграмме сказано только, что бой длился с 8 часов вчерашнего вечера до 8 часов утра сегодня; стало быть, атака начата была с вечера, при свете луны. Других подробностей пока нет. Теперь можно надеяться и на сдачу Арзерума, хотя вчера еще была телеграмма о том, что генерал Гейман, за дурной погодой и поздним временем года, признал необходимым отказаться от дальнейших наступательных действий и расположиться на зимовку, укрепив позицию свою на Деве-Бойну. Государь еще до получения известия о взятии Карса отвечал великому князю Михаилу Николаевичу, что сожалеет о таком решении, опасаясь, что наше бездействие под Арзерумом даст возможность туркам собрать новую армию и поставить в большое затруднение наш отряд, так смело бросившийся вперед к Арзеруму. — С падением Карса все дело принимает новый оборот; погода и время года не остановят наших войск, воодушевленных таким успехом, тогда как можно рассчитывать на*** сильный упадок духа в турецких войсках и панический страх в населении. Если б вслед за падением Карса удалось овладеть и Арзерумом, то можно бы надеяться****, что такой чувствительный удар отрезвил бы Турцию, сломил бы ее самонадеянность и высокомерие¹⁹².

Газетные толки о***** наклонности султана к миру, о попытках его прибегнуть к посредничеству Англии, Германии и других кабинетов все более усиливаются. Но султан и министры его находятся под по-

* Первоначальный текст после слов «...Государь понял его совсем превратно.»: «Это заметил и сам Братиано из слов Государя, и это потом оказалось положительно, когда он на батарее... Все мысли и суждения румынского министра были одобрены Государем, который нашел возможным вполне удовлетворить желания его; но я опасаюсь, что из этого объяснения ничего не выйдет и что главнокомандующий и его штаб будут продолжать вести дело в отношении наших союзников так же неловко и нерасчетливо, как и до сих пор».

** Вот и патриот.

*** окончательный упадок духа

**** что Турции будет нанесен такой чувствительный удар, что она отрезвится от своего высокомерия и паглости.

***** желании

*Великий князь
Михаил Николаевич,
Д. И. Святополк-Мирский
и М. Т. Лорис-Меликов
под Карсом*

стоянной угрозой нового переворота. Интриги серая и фанатизм толпы не позволяют еще партии мира действовать открыто.

Не раз я имел разговор с Нелидовым о том, что было бы необходимо с нашей стороны подготовить, хотя в общих чертах, соображения об основных условиях, на которых мы могли бы при первом удобном случае войти в переговоры о мире; мы оба * того мнения, что было бы желательно в этом отношении сговориться с берлинским кабинетом. Приступ к этому должен быть сделан теперь же, ранее, чем наступит момент, когда нам придется уже формально дать ответ на предложения противника. Тут, конечно, дело прямо подлежало бы компетенции государственного канцлера; но если этот выживший из ума эгоист продолжает артачиться, объявляя во всеуслышание, что не хочет ни во что вмешиваться, пока продолжаются военные действия, то по необходимости приходится приступить к делу помимо Министерства иностранных дел. Я просил Нелидова составить записку в смысле наших неоднократных бесед, чтобы представить ее Государю. Быть может, письменное мнение будет иметь более силы, чем неоднократные словесные мои напоминания.

* даже

Еще сегодня я имел случай возобновить этот вопрос при докладе Государю присланного Фадеевым из Черногории плана совместных наступательных действий черногорцев и сербов в районе Старой Сербии. План этот, крайне поверхностный, составлен Фадеевым, очевидно, с личной целью — найти себе самому какую-либо роль в настоящей войне. Однако же план этот читан им князю Николаю черногорскому и нашему консулу Ионину, и обоими ими одобрен. Князь Николай снова выказал полную готовность подчиниться воле русского императора, как он сам выражается — действовать в качестве русского корпусного командира. В этом и нельзя сомневаться; но другой вопрос — можно ли рассчитывать на единодушное содействие сербов с черногорцами. Конечно, не такому авантюристу и пройдохе, каков Фадеев, удастся служить соединительным между ними звеном. Впрочем, предположения о наступательных действиях сербов и черногорцев ныне преждевременны; если суждено войне продолжаться в будущем году, то подобные действия можно иметь в виду к весне. Так и решено отвечать. Затем остается все-таки неразрешенным вопрос о личности самого Фадеева: какое можно дать ему безвредное положение?

7-го ноября. Понедельник. — В 1-м часу было совершено благодарственное молебствие по случаю взятия Карса, на высотах пред Плевной, при залпах всех наших батарей боевыми зарядами. Обстановка была грандиозная. Вероятно, турки приняли этот адский огонь за предтечу новой атаки. Некоторые из их фортов отвечали, но слабо. С наших же батарей залпы продолжались и после отъезда Государя с позиций. Они слышны отсюда до позднего вечера. Ночь светлая, лунная, хотя холодная. Днем же была восхитительная погода.

Утром приходил ко мне австрийский военный агент барон Бехтольсгейм с объяснениями по поводу возбужденной дипломатической переписки о нейтрализации Сулинского рукава Дуная. Когда Австрия и Англия встревожились тем, что в этом рукаве сделаны были генералом Циммерманом заграждения посредством затопленных барок с камнями, то мы же первые предложили мысль о нейтрализации этого рукава с тем, чтобы никакое военное судно не могло уже входить в Сулинское гирло. Англичане подхватили это предложение, но с переменой, по-видимому незначительной, а в сущности весьма важной для нас: они предлагают нейтрализовать часть рукава только выше Сулина. Венский кабинет, со своей стороны, прикинулся непонимающим важности этого изменения. Однако ж я объяснил Бехтольсгейму, что предложение английское клонится к тому, чтобы дать туркам, а, может быть, впоследствии и самим англичанам,

пользоваться спокойно сулинским портом под защитой международной комиссии, а нам связать руки, так чтобы мы больше уже не могли угрожать Сулину и стоящей там турецкой броненосной эскадре. Вопрос этот обсуждался и позже, на позиции, с великим князем главнокомандующим и Нелидовым; решено наотрез отвергнуть предложенную англичанами перемену.

Во время обеда получена дополнительная телеграмма о взятии Карса. Оказывается, что взято нами до 300 орудий и 10 тысяч пленных, не считая найденных в госпитале 4500 раненых и больных. Наша потеря около 2500 человек. В то же время получены и неутешительные известия о восстании в Южном Дагестане, где оно приняло даже более значительные размеры, чем в других частях края. Мятеж распространился и на Закатальский округ. Остается надеяться не столько на укрощение восстания оружием, сколько на нравственное влияние, которое должны произвести в крае наши успехи над турками. Желательно, чтобы на сей раз по усмирении мятежа не сделали новой ошибки и не упустили случая окончательно обезоружить горцев.

8-го ноября. Вторник. — По случаю Михайлова дня опять было молебствие пред фронтом гвардейского отряда (царского конвоя); князь румынский и принц баварский присутствовали при молебствии и потом за завтраком у Государя.

Вчера было довольно жаркое дело в Рушукском отряде: в то время как торжественно открывали вновь построенный мост чрез Дунай у Петрошана или Батина, турки со стороны Рушук атаковали наш левый фланг у Пиргоса и сожгли эту деревню, но потом были оттеснены обратно за Лом.

9-го ноября. Среда. — Румынам удалось овладеть Раховом; хотя атака их была отбита с большим для них уроном, однако ж в ночь турки сами* ушли из города, и сегодня утром румынские войска заняли его.

Утром приезжал сюда великий князь главнокомандующий. Он предупрежден о газетных известиях, что Мехмет-Али-паша намерен наступать от Софии чрез Берковицу к Плевне, между тем как большая часть нашей гвардии притянута к стороне Орхание и расположена в горном ущелье от Яблоницы до Осикова. Однако ж разъезды наши, доходившие почти до Берковицы, до сих пор никакого движения турецких войск оттуда не замечали. Не будет ли вынужден Мехмет-Али обратиться против сербов, которые обещают чрез 10 дней сосредоточить до 68 батальонов частью на Тимоке, частью у Алексинаца. Ру-

* бежали

мыны также намерены продолжать свои действия вверх по правому берегу Дуная к Лом-Паланке и Видину.

11-го ноября. Пятница. — Несмотря на густой туман, не позволявший видеть что-либо в 10 шагах, все-таки назначено было утром ехать «на позицию». Конечно, мы ничего не видели, да нечего было и смотреть, так что поездка эта была названа пикником: позавтракали на батарее с главнокомандующим и его свитой и затем разъехались по своим местам. Толки усиливаются о близкой сдаче Плевны. Два офицера 3-й гвардейской пехотной дивизии, заблудившиеся в тумане, наткнулись на турецкие аванпосты; не потеряв присутствия духа, они вынули белый платок и выдали себя за парламентаров. Их приняли очень учтиво, даже любезно, проводили далеко в середину расположения турок, без завязанных глаз, и отпустили назад. Офицеры уверяют, будто в говоре окружавших их турецких солдат и офицеров они слышали слова: «царь», «мир» и проч. Турки спрашивали, что такое происходило 8-го числа на позициях наших. Офицеры не решились сказать правду — что праздновали взятие Карса.

Нелидов представил записку, составленную им вследствие неоднократных наших с ним разговоров; в ней развивается мысль, что теперь было бы полезно заявить * негласно императору Вильгельму и Бисмарку условия, на которых мы могли бы трактовать о мире с Портой, дабы тем предупредить ** инициативу со стороны лондонского кабинета¹⁹³. Нелидов очень хорошо изложил как соображения, приводящие к такому заключению, так и самые основания возможного примирения. Мы с Нелидовым полагали передать это заявление помимо официальных дипломатических органов, чрез находящегося здесь временно генерал-адъютанта Рейтерна. Но Государь, позвав меня после обеда в кабинет свой, чтобы переговорить о записке Нелидова, сказал мне, что, одобряя вообще содержание записки, находит, однако же, невозможным в таком важном деле обойти канцлера и нашего посла в Берлине. Я выразил опасение, что, в случае направления дела обычным дипломатическим путем, оно получит уже совсем другой характер и притом не только разгласится ранее, чем дойдет до ушей императора Вильгельма, но даже, по всем вероятностям, будет встречено неприязненно самим князем Горчаковым только потому, что инициатива идет из Главной квартиры армии, а не от него. Тем не менее трудно мне было и настаивать на оставлении в стороне государственного канцлера и его клеветов. Государь решил пригласить

* секретно

** всякую

Граф П. А. Шувалов с офицерами лейб-гвардии Гренадерского полка

сюда Нелидова, чтобы еще посоветоваться с ним и затем отправить его самого с запиской в Бухарест, куда вызвать к тому же времени и Игнатьева. Я немедленно же телеграфировал и тому, и другому — в Богот и Казатин.

12-го ноября. Суббота. — В совещании у Государя по записке Нелидова участвовали, кроме его самого, граф Адлерберг, Амбургер и я. Решено, чтобы Нелидов отправился в Бухарест под видом* передачи канцлеру словесных приказаний самого Государя; по соглашению с Игнатьевым и под руководством князя Горчакова должны быть отредактированы проекты писем от имени Его Величества к обоим императорам. Нелидову поручено передать при этом желание Государя, чтобы это дело велось в строгой тайне и не приняло характера официального дипломатического сношения. Нелидов предполагает выехать в понедельник.

Получено от генерала Гурко донесение о двухдневных делах, происходивших у Правца, на пути к Орхании. Наша гвардия сбила наконец турок с крепкой позиции посредством обхода с фланга по едва доступной горной тропе. Говорят, что потери незначительны.

Известие это, при всей маловажности нашего успеха**, обрадовало Государя. Он сам пошел пешком на бивак гвардейского конвойно-

* личной

** очень

го отряда, чтоб объявить новую «радость». Услышав издали крики «ура», я вообразил себе, что в самом деле случилось что-нибудь важное, но скоро разочаровался и не имел духа поздравить Государя с «новой победой». Я ограничился поздравлением его с новорожденным внуком — Борисом Владимировичем.

13-го ноября. Воскресенье. — Еще победа, такая же, как и вчерашняя: гвардейские войска выбили турок из Этрополя. После обедни и завтрака назначено было благодарственное молебствие пред гвардейским конвойным отрядом. Князь Карл румынский присутствовал как у обедни, так и за завтраком и у молебствия. Во время обедни приехал великий князь главнокомандующий. Он доложил Государю, в присутствии князя румынского и моем, о сделанных распоряжениях с целью открытия и задержания неприятеля в случае его движения со стороны Берковицы. Румынский отряд из Рахова должен продолжать движение к Лом-Паланке, под прикрытием кавалерии, выдвинутой в направлении к Берковице.

Во время обеда адъютант главнокомандующего Дерфельден привез подробное донесение о действиях при Правеце. К концу обеда Государь позвал гвардейских офицеров, обедавших в общей столовой (в шатре), для выслушания реляции, которую я прочел вслух. Реляция подтвердила мое предположение, что в этом деле не было никакой важности; главный подвиг заключался в том, что обходная колонна генерала Рауха должна была преодолеть большие природные трудности, разрабатывая себе дорогу чрез горы. В реляции вовсе не упомянуто о силе неприятельского отряда.

16-го ноября. Среда. — Турки ежедневно тревожат войска Рушукского отряда и 11-го корпуса. 14-го числа они повели серьезную атаку на 12-й корпус у Мечки и Тростеника. Бой продолжался с 9 часов утра до темноты. Турки отражены с уроном, но и с нашей стороны потеря от 600 до 700 человек. Командующий корпусом — великий князь Владимир Александрович награжден орденом Св. Георгия 3 степени. С этим орденом отправлен вчера в Главную квартиру 12-го корпуса великий князь Сергей Александрович.

Получены более, чем прежде, подробные сведения о действиях генерала Гурко в горах к Орхание и Этрополю. Войска преодолевали чрезвычайные затруднения местные; каковы же были против них силы неприятеля — и теперь не разъяснено. Оказывается, что не на всех пунктах обошлось благополучно. Часть гвардейского драгунского полка, направленная от Врацы к стороне Орхание, встретила у Новачина сильный отпор от черкесов и, попав в чрезвычайно гористую местность, едва спаслась, бросив с кручи два конные орудия и

потеряв до половины всего числа людей. Если гвардейскую кавалерию будут так безжалостно расточать в горных трущобах, без крайней необходимости*, то можно опасаться, что вскоре не будет у нас ни армейской, ни гвардейской кавалерии.

Сегодня опять ездил завтракать «на позицию». После дождей дорога очень тяжелая, но погода ясная. Никто не может понять цели этих поездок. Сведения, получаемые из Плевны чрез турецких дезертиров, весьма** противуречивы. Прежде мы верили безнадежному положению Османа-паши и считали, сколько дней может он еще продержаться; теперь как-то менее*** доверяем этим расчетам. Сам Государь, так недавно еще выражавший возможность празднования георгиевского праздника (26-го ноября) в Петербурге, теперь уже говорит о том, что и столетний юбилей со дня рождения императора Александра I, вместо 12 декабря, придется *может быть* отпраздновать в Рождество; а кто поручится, что и к новому году не удастся нам возвратиться восвояси. Вообще настроение у нас в Главной квартире подавленное; никто уже не предается розовым надеждам, и все завидуют доктору Боткину, который прямо объявил, что не в силах долее выносить нашу здешнюю жизнь, и отпросился уехать в Петербург.

18-го ноября. Пятница. — Вчера приехал мой сын из Рушукского отряда; он привез словесные объяснения бывшего 14-го числа боя у Мечки и Тростеника. Говорят, что турки атаковали в числе до 40 таборов и оставили на поле сражения от 1500 до 2000 тел. Но замечательно, что почти все начальство, не исключая и самого корпусного командира, не участвовало в деле: все были за завтраком в Брестовце у наследника цесаревича, по случаю дня рождения цесаревны, — и прискакали на место боя только к концу.

Получено сведение, будто турки отошли от Берковицы за Балканы, также очистили Лом-Паланку, которую и заняли румыны. С нетерпением ожидаем известий от генерала Гурко.

20-го ноября. Воскресенье. — От Гурко получены сведения, что турки не только отступили от Берковицы, но очистили и Орханию. Части гвардии вышли по дороге от Этрополя на Стриглу и заняли перевал чрез Балканы, угрожая отступлению неприятельских войск, занимавших Орханию. Передовые наши разъезды нигде не встречали турецких войск по сю сторону Балкан. Между тем сегодня утром Государь получил телеграмму от главнокомандующего о том, что

* и на местности вовсе для нас не пригодной

** разнообразны.

*** утешаемся этими розовыми надеждами.

вчера вечером замечены были какие-то движения турок к стороне Вида. Ночью и утром слышны были громче и чаще обыкновенного выстрелы наших батарей*. Государь**, занятый мыслью, что Осман-паша намерен пробиться сквозь наши линии, приказал, идя к обедне, приготовить экипажи для поездки в Богот. Однако ж выстрелы утихли, и поездка была отменена.

24-го ноября. Четверг. — Во вторник вечером, когда все разошлись уже по домам на*** покой, пришло тревожное известие, что турки в больших силах наступают частью по осман-базарской дороге, частью от Беброва на Елену и на Златорицу; что князь Мирский, со слабым отрядом впереди Елены, окружен с трех сторон и не может держаться. На беду телеграфное сообщение с Тырновом прервано.

Положение опасное. Резервов нет. Однако ж наследник цесаревич уже сделал распоряжение о передвижении войск 12-го и 13-го корпусов вправо, на подкрепление 11-го корпуса, которым временно командует генерал-лейтенант Деллингсгаузен, за болезнью князя Шаховского. Из Тырнова послана на подкрепление князя Мирского стрелковая бригада.

Само собой разумеется, что плохо спалось в ночь с 22 на 23-е число. На другой день, т.е. вчера, все утро прошло без известий со стороны Тырнова. Только к вечеру получена телеграмма, что турки возобновили настойчивые атаки, что Якутский полк едва держится у Златорицы, а Мирский отступил от Елены на укрепленную позицию у Яковицы, что войска наши понесли уже сильные потери. Однако ж подкрепления подходят.

Только сегодня наконец мы успокоились: по донесениям Деллингсгаузена, турки окончательно отбиты и, угрожаемые с фланга, начали быстро отступать к Беброву. Таким образом, и на этот раз попытка Сулеймана-паши прорвать нашу оборонительную линию — не удалась.

С другой стороны генерал Гурко доносит, что занял высоты, с которых обстреливает позицию Мехмета-Али у Араб-Конака, т.е. на южном спуске Балкан. Колонна, посланная от Этрополя по дороге к Златице, также заняла южный спуск с гор.

* Первоначальный текст после слов «...замечены были какие-то движения турок к стороне Вида.»: «Случайно это известие совпало с другими сведениями о том, будто ночью и утром слышны были громче и чаще обыкновенного выстрелы наших батарей».

** вообразил себе

*** ночлег

Князь
Н. И. Святополк-Мирский

Дезертиры из Плевны продолжают показывать, что бежали от голода, что в последние дни еще убавили дневную порцию хлеба и перестали выдавать мясо. Один из выбежавших уверяет даже, будто Осман-паша объявил своим войскам, чтобы потерпели еще только до мусульманского праздника Курбан-байрама: если до того времени не получат помощи извне, то сами пробьются сквозь наши линии.

Сегодня утром, когда я пришел с докладом, Государь сказал мне, что Нелидов возвратился из Бухареста и привез от князя Горчакова проекты писем к императорам Вильгельму и Францу-Иосифу, с приложением статей, на основании которых Россия могла бы согласиться открыть переговоры о мире¹⁹⁴. Государь прочел мне эти проекты и сказал, что после завтрака намерен еще раз прочитать их в присутствии Нелидова. Между тем приехал и Игнатьев, участвовавший в совещаниях в Бухаресте и в составлении означенных проектов. Предварительно Государь позвал в кабинет одного Нелидова и спросил его, в каком настроении нашел он канцлера. Нелидов откровенно отвечал, что нашел канцлера почти в детском состоянии, что он сначала даже вовсе не хотел входить в существо дела, порученного Нелидову, и что проекты были редактированы втроем: бароном Жомини, Игнатьевым и Нелидовым.

После завтрака происходило совещание. Кроме Нелидова и меня, присутствовали Игнатьев, граф Адлерберг и Гамбургер. Привезенный Нелидовым проект мало отличался от составленного им первоначально. Государь одобрил с некоторыми весьма незначительными редакционными поправками и приказал приготовить все к отправлению с генерал-адъютантом Рейтерном, который проедет в Берлин через Вену.

Погода опять испортилась: утром сильный туман, а потом стало моросить и пошел дождь; на дорогах опять страшная слякоть.

26-го ноября. Суббота. — Бой под Еленой еще не совсем прекратился*. Еще вчера слышна была перестрелка на яковицкой позиции. Полученные вчера телеграммы навели снова грустное настроение: только теперь узнали, что в бою 22 числа князь Мирский потерял 11 орудий и гораздо более людей, чем прежде полагали.

Сдругой стороны Гурко держится на позиции пред Араб-Конаком, имея пред собой, по-видимому, главные силы Мехмета-Али.

На нынешний день готовилось торжество на высотах у Радишева по случаю праздника ордена Св. Георгия. Приказано было все приготовить к завтраку на обычном месте, в редуте, названном в шутку «Закусочным» редутом. Однако ж, к общему удовольствию, это неуместное торжество было отменено по случаю дурной погоды и страшной грязи. Тем не менее день Св. Георгия мы все-таки отпраздновали завтраком в общей (столовой) палатке, с тостами и криками «ура»**. К обеду были приглашены князь Карл и все наличные георгиевские кавалеры, которые сидели за столом на почетных местах.

27-го ноября. Воскресенье. — Утром, как обыкновенно, были у обедни в деревенской церкви. Сегодня генерал-адъютант Рейтерн уехал в Берлин через Вену с письмами Государя к обоим императорам, с заявлением основных условий, на которых, при желании Порты заключить мир, могли бы быть ведены переговоры.

После завтрака Государь пригласил к себе в кабинет генерала Обручева и меня, чтобы узнать его взгляд на предстоящий образ действий на здешнем театре войны. Все согласны в том, что после падения Плевны лучший для нас путь наступательных действий будет от Софии на Филиппополь и т.д.; но мнение Обручева расходилось с нашим, когда вопрос коснулся настоящего момента войны. Он находит, что генералу Гурко следует продолжать наступление за Балканы,

* как мы полагали.

** К завтраку был приглашен и принц Карл румынский.

чтобы нанести поражение Мехмету-Али-паше. Государь и я того мнения, что Гурко не довольно силен, чтобы предпринять самостоятельные наступательные действия за Балканы, пока держится еще Плевна и пока мы не можем считать вполне обеспеченным наш правый фланг со стороны Берковицы или Видина.

Положение дел около Елены вовсе не успокоительно. В течение вчерашнего и нынешнего дня известия от Деллингсгаузена заключались только в том, что «все спокойно», — т. е. что наши войска продолжают стоять на своих позициях у Яковицы и Златорицы, лицом к лицу с турками, по временам перестреливаясь с ними. Такое положение, в нескольких часах расстояния от Тырнова, не может долго продолжаться. Турки по всем вероятностям укрепляются, поджидая подкреплений; мы же не можем уже ничем подкрепить войска на этих пунктах. Наследник цесаревич, отделив вправо все, что было возможно из войск Рушукского отряда, доносит, что с остающимися у него войсками растянутая позиция занята очень слабо и что он считает свое положение не безопасным.

Авось дурная погода и невылазная грязь опять помешают туркам продолжать энергически начатое наступление.

28-го ноября. Понедельник. — Наконец дожили мы до счастливой развязки нашего долгого и томительного выжидания — падения Плевны! Повсюду слышны возгласы «ура»!

Рано утром получена была из Богота телеграмма о том, что, по слухам, Осман-паша намерен сегодня прорваться сквозь наши линии, а вслед затем пришло известие, что турки устраивают переправы чрез Вид, что в течение ночи они очистили главные свои редуты — Кришинский и на северном фронте. Немедленно Государь собрался ехать на позицию. Приехав на обычное место*, на редут, увидели мы, что все наши войска, занимавшие линию блокады, уже двинулись вперед; Кришинский редут занят нами; продолжавшаяся все утро пальба прекратилась. Из телеграмм, приходивших одна за другой с разных пунктов на главную станцию полевого телеграфа, узнали, что Осман-паша, действительно, перешел было за Вид и сильно атаковал гренадер, но был отбит и отброшен обратно на Плевну. Государь сел верхом и выехал вперед на высоты, с которых Плевна выказалась как на ладони; нигде уже не слышно было перестрелки.

Нетерпеливо ожидая более обстоятельных известий, Государь возвратился на прежнее свое место, на редут, куда направлялись один

* (так называемый «Закусочный» редут)

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Последний бой под Плевной 28 ноября 1877 г.

за другим желанные вестники. Первым прискакал флигель-адъютант Милорадович; запыхавшись, в сильном волнении, он рассказал, как проехал чрез Плевну, что там видел и слышал; после него приехал с северной стороны генерал-майор князь Витгенштейн, а за ним полковник Моравский, рассказавший, как он сам был очевидцем сдачи раненного Османа-паши, со всей его армией, генералу Ганецкому*. По мере того как разъяснялось дело, все лица также прояснились; все** ободрились, поздравляли Государя со счастливым концом. Сам Государь как будто помолодел, тут же поздравил князя Витгенштейна генерал-адъютантом, а Моравского — флигель-адъютантом.

Когда еще мы ехали верхом к редуту, Государь подозвал меня и очень любезно, протянув мне руку, спросил: «А кому обязаны мы, что не бросили Плевну и теперь овладели ею? — Кто 31-го августа, после неудачных атак, подал первый голос против отступления?»***. Такой неожиданный вопрос несколько озадачил меня; но Госу-

* Первоначальный текст после слов «...что там видел и слышал;»: «после него приехал генерал-майор князь Витгенштейн, бывший на северной стороне, а потом полковник Моравский, рассказавший, как он сам, вместе с генералом Ганецким, был у Османа-паши, сдавшегося безусловно со всей его армией и раненного».

** развеселились и поздравляли Государя

*** Я несколько смутился от такого неожиданного вопроса;

дарь прибавил: «Я не забыл этой заслуги твоей; тебе мы обязаны нынешним нашим успехом». Глубоко был я тронут таким вниманием Государя; но еще более тронуло меня несколько спустя, уже на редуте, когда я стоял и разговаривал с генералом Обручевым и некоторыми другими лицами свиты, и Государь, подойдя к нам, повторил при них сказанное мне прежде одному*, а затем поздравил меня кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени. — Тут начались обычные поздравления и лобзания. Я протестовал сколько мог и со всей искренностью, что не считаю себя заслужившим такую награду, что мне совестно будет носить этот высокий знак боевых заслуг. Государь весьма любезно возразил: «Нет, я признаю, что ты заслужил вполне». Затем** с улыбкой спросил: «А считает ли военный министр, что и я заслужил георгиевский темляк?»*** 195 Восхищенные благодушием Государя, все мы, окружавшие его, прокричали ему с неподдельным одушевлением «ура»****.

На возвратном пути с позиции в Порадим, вместе с князем Суворовым, я припоминал, что уже в третий раз в жизни приходится мне после продолжительного и тягостного обложения неприятельской укрепленной позиции испытывать впечатление резкого перехода от томительного выжидания к счастливой развязке: в 1839 г. — под Ахульго, в 1859 г. — под Гунибом и теперь — под Плевной. Гул орудий и перестрелка, постоянно слышанные в течение месяцев, вдруг умолкают; все войска, прятавшиеся осторожно от неприятельских выстрелов в траншеях, за насыпями, за естественными складками местности, бросили свои норы и уже впереди, занимают места, так долго остававшиеся для них недоступными; биваки, на которых еще вчера стояли наши резервы — теперь опустели; наши штыки блестят там, где еще вчера держался неприятель*****.

* прибавив, что он нарочно повторяет при свидетелях; и вслед затем, к пушему моему изумлению и смущению, объявил меня кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени.

** он, улыбаясь добродушно, спросил:

*** Я был растроган до слез благодушием Его Величества.

**** По возвращении в Порадим я немедленно вошел в кабинет Государя, чтобы еще раз поблагодарить его и вместе с тем повторить мое искреннее убеждение, что считаю пожалованную мне награду выше моих заслуг. И в самом деле, я так мало ожидал подобного выражения отличия и такого признания принесенных мною услуг, что почел бы за насмешку, если б кто-нибудь прежде вздумал бы пророчить мне.

***** Уже поздно было ехать сегодня же в самую Плевну; надобно было засветло возвратиться в Порадим.

Немедленно по возвращении в Порадим Государь призвал меня к себе и, вручив орденские знаки Св. Георгия 2-й степени, обнял меня и снова благодарил в самых задушевных выражениях.

29-го ноября. Вторник. — В 11 часов утра Государь со всей свитой поехал в Плевну. Любопытно было проезжать мимо опустевших батарей и редутов как наших, так и турецких. Нас изумляли произведенные нашими противниками гигантские работы. Подъезжая к Плевне, Государь был встречен великим князем главнокомандующим со всей его свитой. Оба брата обнялись сердечно; Государь надел на великого князя ленту Георгиевского ордена, тут же объявил о наградах генералам Непокойчицкому, Тотлебену, князю Имеретинскому, Левицкому, князю Масальскому и послал Георгиевские кресты главным начальствующим лицам гренадерского корпуса, которому досталась главная роль во вчерашнем бое. Тут же, на высоте, в виду Плевны, отслужено было молебствие. Погода поправилась, даже выглянуло солнце. К молебствию подошли некоторые из ближайших частей войск. Они провели более суток в поле, почти без пищи; несмотря на то, шли бодро и имели воинственный вид.

После молебствия мы въехали в самый город по узким, грязным улицам, более похожим на канавы для стока нечистот. Многие кварталы были в развалинах; в иных домах выбиты стекла; но вообще город мало потерпел. Жителей было очень немного; попадавшиеся небольшими кучками болгары смотрели приветливо; но гораздо более видели мы угрюмых, диких лиц пленных турок. Мы наткнулись на целую колонну турецких пленных, препровождаемых под конвоем румынских войск. В одном из лучших домов города приготовлен был завтрак. Здесь мы сошли с лошадей, а после завтрака представился Государю пленный Осман-паша. Он ранен в ногу, и потому его поддерживали под руки. Он держал себя с достоинством, отвечал на вопросы Государя вежливо, но без унижения, и лицо его заметно оживилось, когда Государь объявил, что оставляет ему оружие, в уважение мужественной его защиты.

После того Государь, проезжая верхом по грязной улице, остановился у православной церкви, в которую вход был более похож на вход в какой-нибудь кабак. Он встречен был духовенством с крестом и хоругвями; после короткого молебствия сел в экипаж и выехал из города, по дороге к мосту на Виде; за ним и мы все, составлявшие свиту; ехали мимо огромной массы пленных и турецких семейств, занимавших долину по обеим сторонам дороги. Разноцветная эта толпа*

* с повозками, волами, детьми

*Дом в Плевне,
в котором
Александр II
принял
Осман-пашу*

с повозками и волами покрывала сплошь все скаты возвышений. Вид был живописный, но вместе с тем раздирающий сердце. Много израненных, изувеченных; многие из них тут же в наших глазах умирали; все имели истощенные лица, оборванную одежду. Повсюду разбросаны патроны, обломки, скелеты давно уже палых лошадей и волов. Да и тела человеческие едва были засыпаны* землей; тут и там торчали** руки и ноги. Мы подъезжали довольно близко к мосту на Виде, за которым ожидали Государя обе выстроенные в линию гренадерские дивизии; но по какому-то недоразумению экипаж Государя повернул назад, и мы все возвратились в Порадим. Государь, узнав потом об этом *qui pro quo****, очень сожалел, что не видел гренадер.

Вечером получено от наследника цесаревича известие, что турки опять переходили на левую сторону Лома и оттеснили было наши передовые посты между Пиргосом и Чифликом, но к вечеру сами отошли.

30-го ноября. Среда. — Утром мы были удивлены телеграммой от наследника цесаревича о том, что турки снова наступают от нижнего Лома на позиции 12-го корпуса и притом гораздо в больших силах, чем прежде (т. е. 14-го ноября). Вторая телеграмма, полученная в середине дня, сильно встревожила Государя. Однако ж к вечеру он был не только успокоен, но и обрадован известием о полном поражении турок, которые были опрокинуты и сильно преследуемы до самого Лома. Государь был в восхищении и объявил, что намерен наградить

* еще свежей

** из-под земли

*** недоразумении (лат.)

наследника орденом Св. Георгия 2 степени, а великого князя Владимира Александровича — брильянтовой шпагой с надписью: «14 и 30 ноября 1877 года».

К завтраку приезжал великий князь главнокомандующий со своим начальником штаба. Было у Государя совещание относительно предстоящего плана действий. Кроме самого главнокомандующего и генерал-адъютанта Непокойчицкого, участвовали в совещании князь Карл румынский, генерал Обручев и я. Оказалось, что все единогласно признают за лучшее, оставаясь на Ломе в оборонительном положении, сосредоточить возможно лучшие силы на нашем правом фланге, для наступательных действий к стороне Софии и оттуда, смотря по обстоятельствам, к Адрианополю или к Казанлыку. Последнее направление, как второстепенное, имело бы целью открыть выход войскам нашим, охраняющим балканские горные проходы (Шипку и другие). Затем предметом совещания были преимущественно подробности самого исполнения, как-то: распределение сил, назначение линий сообщения, употребление румынских и сербских войск. В заключение главнокомандующий поставил вопрос о том, как поступить ему в том случае, если бы турки заявили желание прекратить войну или заключить перемирие. Положено было, что в таком случае главнокомандующий предъявит прежде всего постановленные нами главные основания, на которых могут начаться переговоры о мире; только в случае утверждения этих оснований Портой, можно будет приступить к переговорам о перемирии и приостановить военные действия*. Игнатьев взялся проектировать означенные основные условия мира. Завтра же приглашен сюда и Нелидов из Богота.

Князь Карл румынский заехал ко мне пред обедом и лично вручил мне орден румынской звезды 1 степени. Князь очень любезен и обходителен.

Между тем вся Главная квартира занята более всего приготовлениями к отъезду. Все суетятся и хлопочут о средствах переезда отсюда до первой станции железной дороги. Надеются, что подоспеет и поляковская железная дорога от Фратешти до Зимницы. Отъезд Государя назначен в субботу, 3-го декабря, а приезд в Петербург — 10-го.

1-го декабря. Четверг. — Утренняя телеграмма от наследника цесаревича дополнила вчерашние известия о блистательной победе, одержанной войсками 12-го корпуса. По этому случаю после за-

* На этом основании вечером мы совещались с Игнатьевым, который взялся проектировать означенные основные условия мира.

втрака отслужено молебствие пред выстроенными войсками. Погода приятная, хотя сырая. После молебствия приглашены были к Государю генерал Игнатъев, Нелидов, Обручев, Гамбургер и я. Игнатъев прочел проектированные им основания для открытия мирных переговоров¹⁹⁶; по некоторым пунктам пришлось поспорить и сделать кое-какие изменения. Однако ж Государь признал нужным отложить окончательное утверждение этих условий до свидания с князем Горчаковым в Бухаресте. — После Игнатъева прочел Обручев свои соображения относительно проливов: Босфора и Дарданелл. Записка эта, отличаясь логичным построением аргументации, как все работы Обручева, носит характер академической диссертации; поэтому положено передать ее в Министерство иностранных дел для соображений в свое время.

Генерал-майор свиты Е. В. Протасов-Бахметьев приехал из отряда, действовавшего под Еленой; он рассказал подробности последних дел, с пояснением их на составленных им самим кроки местности. Только теперь можем несколько понять эти действия, казавшиеся нам загадочными*.

В Главной квартире только и слышишь толки об отъезде. Общая радость и общее желание — как бы скорее уехать.

2-го декабря. Пятница. — Сегодня ездили за р. Вид для смотра войск, участвовавших в бое 28-го ноября. Опять проезжали мимо той же толпы турок, которую видели 29-го числа, с женщинами, детьми, телегами и скотом; но пленных уже не было, их увели по направлению к Никополу. На всем пространстве от Плевны до Вида, а еще более за Видом, мы видели еще свежие следы недавнего кровопролитного сражения. Повсюду разбросаны патроны, оружие, амуниция, трупы людей и лошадей; в иных местах еще лужи крови и даже некоторые раненые турки, которых не успели еще прибрать и призреть. На самом поле сражения выстроены были в три линии наши и румынские войска (3-я гвардейская пехотная, 2-я и 3-я гренадерские дивизии, полторы дивизии румынской пехоты и несколько полков кавалерии). Вид этой массы войск, стройно выровненных, производил** внушительное впечатление, ввиду разбросанных пред фронтом немых следов недавнего боя. Говорят, что потеря турок в этот день дошла до 6 тысяч человек. — Государь объехал шагом все три линии, благодарил войска***, роздал несколько Георгиевских крестов и затем

* по кратким телеграфическим известиям.

** какое-то грозное впечатление

*** особенно полки, более отличившиеся.

П. С. Ванновский

возвратился уже в 4-м часу в Плевну, где приготовлен был завтрак в том же самом доме, что и в первое посещение. На этот раз город был уже более оживлен; во многих местах, на пути Государя, были толпы народа; видны были и женщины высшего слоя; депутация от города приветствовала речью. — Все это заняло так много времени, что мы не могли уже засветло доехать до Порадима. Притом же во весь день стоял густой туман; дорога грязная, тяжелая; лошади наши стали и пришлось перепрягать их. Таким образом, домой дотащились мы с князем Суворовым только в 8-м часу, так что едва успели к обеду, назначенному в 8 часов. К столу государеву опять был приглашен князь Карл. Тотчас после обеда разошлись, чтобы приготовиться к завтрашнему раннему выезду.

3-го декабря. Суббота. Брестовец. — Выехав в 7 часов утра из Порадима, Государь и за ним небольшая часть свиты прибыли к 4 часам в Брестовец — Главную квартиру наследника цесаревича. Государь благодарил Его Высочество, так же как и великого князя Владимира Александровича, за недавнюю их победу и поздравил новых георгиевских кавалеров: наследника — 2-й степени, а Владимира Александровича — 3-й. Также пожалован орден Св. Георгия 3-й степени начальнику штаба Рушукского отряда генерал-лейтенанту Ванновскому, который выказал много умения, благоразумия и такта в трудном положении, в которое он был поставлен. Оставаясь пять

Наследник Цесаревич великий князь Александр Александрович

месяцев в оборонительном положении и занимая растянутую линию против значительно превосходящего в силах противника, Рущукский отряд* выполнил свою задачу, ни разу не потерпев поражения.

В Брестовце отвели мне теплое и довольно удобное помещение в маленькой болгарской хате. В 6 часов собралось в общую столовую многочисленное общество. Домашняя обстановка у наследника цесаревича отличается** радушием и непринужденностью, хотя обычное распределение дня довольно странное. Наследник цесаревич не любит рано вставать; поэтому и в штабе его день начинается поздно; обед летом в 8 часов, а теперь в 7; после обеда долго сидят и ложатся очень поздно. Часа в 2 ночи и даже позже бывает ужин. Цесаревич обходителен и внимателен к своим подчиненным. Ванновский очень хвалил мне его служебные отношения; напротив того, жаловался на резкий и порывистый тон великого князя Владимира Александровича.

В 9 часов вечера опять все собрались в столовую к чаю, и многие взяли за карты.

12-го декабря. Понедельник. Петербург. — Более недели не имел возможности заглянуть в свой дневник; да и теперь нет досуга, чтобы

* благодаря распорядительности Ванновского,

** большой про[стотой?]

записать подробности переезда от Брестовца до Петербурга. Постараюсь припомнить хотя в главных чертах:

Воскресенье — 4 декабря — у наследника цесаревича — утром чтение реляций с Кавказа; завтрак; выезд из Брестовца. — Прекрасная дорога и спуск к переправе у Батина и Петрошан. — Обед в Петрошане у великого князя Алексея Александровича. — Близ Петрошан станция новой железной дороги, построенной Поляковым до Зимницы. Здесь уже ожидал нас императорский заграничный поезд, в котором и переночевали на месте.

5-го декабря — понедельник: — приезд в Бухарест к 11 часам утра; торжественная и блестящая встреча; город чрезвычайно оживлен. — Завтрак во дворце; возобновление знакомства с Когольничано, некоторыми другими румынскими министрами и двумя придворными дамами: m-me Mavroyani и m-lle Rossetti. — Мне отвели помещение в Grand-Hôtel du Boulevard. — В 6 часов обед во дворце, а после обеда разыграна любителями театра маленькая французская пьеска. — Принцесса Елизавета очень мила и радушна. — В 11 часов вечера, проехав по иллюминированным улицам Бухареста, сели в вагоны и выехали в 11¹/₂ часов.

6 декабря — вторник: — проехали чрез всю Румынию; везде крики «ура», флаги, гирлянды. — В Яссах Государь обошел бараки общества Красного Креста.

7, 8 и 9 декабря: — проезд от Ясс чрез Брест-Литовск, Вильну, Динабург до Петербурга. Мороз до 18°Р. — Поочередно сопровождало местное начальство: Чертков, граф Коцебу, Альбединский.

10 декабря — суббота: — в Гатчине встретили Государя великие князья Константин Ник[олаевич], Павел Алекс[андрович], принцы Алекс[андр] Гессенский и Мекленбург-Шверинский. — В 10 часов утра приезд в Петербург. — Многолюдная встреча с обычными криками «ура». — В 1 час пополудни в Зимнем дворце молебствие: мы, путешественники, — в походной форме. Получаю бесчисленные поздравления.

Вчера, 11 декабря: — утро провел в разъездах. Родственный обед и обычный воскресный вечер. — Утром приехала дочь Надя из Воронежской губернии (от М. Н. Вельяминовой), а вечером — сын, с Дуная.

Сегодня, 12-го числа, — утром торжество по случаю 100-летнего юбилея рождения императора Александра I: в 10 часов утра панихида в Петропавловском соборе; в 1 час — выход в Зимнем дворце, с войсками и духовенством.

В продолжение всей истекшей недели телеграммы с театра войны ограничивались известиями о сильных морозах, снегах и вьюгах, поч-

ти прекративших все движения войск и обозов. По-видимому, армия Сулеймана за Ломом ослаблена отделением войск на южную сторону Балкан. — Сербы объявили войну Турции и начали наступательные действия к стороне Ниша и прохода Св. Николая¹⁹⁷. — Сулейман и Мехмет-Али оба в Константинополе для совещаний. — Слухи о наклонности их ко вступлению в переговоры о мире.

19-го декабря. Понедельник. — Опять целую неделю не мог взглянуть в свой дневник; едва успевал ежедневно справляться с текущими бумагами. В дополнение к торжеству 12-го числа в память императора Александра I происходил на другой день, во вторник, смотр всем войскам, расположенным в Петербурге и окрестностях. Войска эти проходили церемониальным маршем мимо Александровской колонны. После смотра обычный завтрак во дворце для начальников частей.

Государь после этого смотра* почувствовал себя нездоровым и с тех пор не выезжает. Снова тревожат его политические дела: Англия затевает что-то против нас; парламент созван ранее обыкновенного срока. При последнем моем докладе, в субботу, Государь передал мне утвержденные им основные условия, которые предполагается заявить туркам в том случае, если они попросят мира и обратятся прямо к одному из главнокомандующих¹⁹⁸. Однако ж, прежде чем отправить эти условия к главнокомандующим, я нашел более осторожным переговорить с товарищем министра иностранных дел Н. К. Гирсом. Следовало обсудить: будет ли удобно заявить означенные требования наши прежде, чем получены ответы из Вены и Берлина на посланные с генерал-адъютантом Рейтерном собственноручные письма Государя; тем более, что со стороны венского кабинета, как уже нам известно**, готовятся по некоторым пунктам возражения. — Гирс ничего не берет на себя; он поспешил доложить канцлеру о нашем разговоре и сей же час приехал ко мне просить, чтобы я сам повидался с князем Горчаковым. Гирс*** сознает, что канцлер почти впал в детство, но убеждал меня отнестись снисходительно к его старческим слабостям! Уступая этим убеждениям, я на другой день, в воскресенье утром, поехал к князю Горчакову и нашел его в более скромном и серьезном настроении, чем он бывал обыкновенно в последнее время. Мы переговорили о настоящем положении дел, в присутствии Гирса, и условились быть вместе у Государя во вторник, то есть завтра. Канцлер рассказал мне вчерашний свой разговор с лордом Лофтусом

* опять

** уже есть предупреждение, что по некоторым пунктам встречаются возражения.

*** мне глаз на глаз сознавался,

Н. К. Гурко

и показал телеграммы графа Шувалова, равно как и ответы на них по поводу поползновений лондонского кабинета принять на себя посредничество между нами и Портой.

Вчера же имел я довольно продолжительный разговор с Грейгом о настоящем политическом положении.

С Дунайского театра войны получают сведения о морозах, снегах и метелях. Несмотря на то, войска наши спустились с Балкан на Софийскую равнину. Турки собирают новую армию впереди Адрианополя. За Ломом силы их значительно сократились.

27-го декабря. Вторник. — Опять прошло более недели напряженной работы и разнородных забот, не позволявших мне и вспомнить о своем дневнике. Да и теперь не имею лишнего времени, чтобы записать обстоятельно все, что осталось в памяти моей от этого калейдоскопа разнообразных предметов. Должен ограничиться одним перечнем.

С театра войны за Дунаем сведения хорошие. Действия генерала Гурко приняли характер решительный: несмотря на страшные преграды местные, морозы и снега, колонны наши спустились с Балкан по нескольким направлениям, обошли сильную неприятельскую позицию у Араб-Конака; 19 декабря выдержали горячий бой у Ташкисена; 20-го — турки бежали от Араб-Конака; 22-го — незначительная перестрелка на Искере близ Софии, а 23-го — вступление наших войск

в Софию. По всем известиям, турки в большом смятении; Сулейман-паша с значительной частью дунайской армии поспешил за Балканы, чтобы приготовить новую систему обороны в Румелии; но едва ли успеет он в этом. Новая армия в Адрианополе образуется из всякого сброда. В Константинополе продолжается колебание, борьба между партией мира и партией войны. Турки, по-видимому, начинают терять веру в поддержку Англии, которая попыталась было обратиться к нашему правительству с запросами, избегая, однако же, слова «посредничество»; но получила ответ, что Россия не иначе заявит свои мирные условия, как в случае прямого к ней обращения Порты.

От великого князя Николая Николаевича получено Государем письменное изложение сделанных по армии распоряжений и дальнейшего плана действий. Решено распределить всю армию на три группы: западный отряд, под начальством наследника цесаревича; средний — генерала Радецкого и восточный — генерала Тотлебена. По случаю такого перемещения наследник цесаревич телеграфировал Государю, что просит себе в начальники штаба генерала Обручева. Выбор этот вполне одобряется всеми; Государь призывал к себе Обручева, и дело казалось решенным. Однако ж сегодня, когда я приехал во дворец к обеду, Государь сказал мне, что получил от наследника шифрованную телеграмму, которая еще не разобрана, но что по некоторым прописанным в телеграмме словам можно догадываться, что выбор Обручева не одобряется главнокомандующим. И действительно, во время обеда подали Государю разобранную телеграмму, в которой наследник пишет, что великий князь Николай Николаевич ни за что не соглашается на выбор Обручева; а другого начальника штаба наследник не желает, и если выбор его не состоится, то сам он не считает возможным остаться в армии. Государь с видом досады передал эту телеграмму императрице и вполголоса сказал ей: «Если так, то я прикажу наследнику приехать сюда, а чрез несколько времени и сам, вместе с ним, отправлюсь в армию». — Слова эти, вырвавшиеся у Государя, несмотря на присутствие посторонних свидетелей (граф Гейден, Баранцов, генерал Бистром и члены семьи — принц Александр Гессенский, сын его принц Баттенберг и младшие великие князья), смутили императрицу. Когда вышли от стола, она подошла ко мне и заговорила о своих опасениях насчет здоровья Государя и новой поездки его в армию. Между тем подали Государю две шифрованные телеграммы от великого князя Николая Николаевича. Государь передал их мне, чтобы разобрать, сказав при этом: «Вероятно, о том же с другой стороны». — И действительно, возвратившись домой, я разо-

брал телеграммы и сейчас послал их к Государю. В одной из них великий князь прямо просит не назначать Обручева, который, по его мнению, «неподходящий начальник штаба для наследника», и прибавляет, что с «давних времен» он (великий князь) имел *личное* неудовольствие на Обручева¹⁹⁹.

28-го декабря. Среда. — Хотя среда не мой день доклада, однако ж, по множеству накопившихся дел, Государь приказал мне приехать с некоторыми, более серьезными докладами. Прежде всего Государь заговорил с досадой о возникшем по поводу генерала Обручева столкновении между главнокомандующим и наследником цесаревичем. «Я полагаю настоять на своем решении», — сказал Государь, но прибавил, что прежде ответа обоим великим князьям желал узнать мое мнение и причины неудовольствия великого князя Николая Николаевича на Обручева. Я ответил, что не могу придумать, какие могли быть «с давних времен» неприятные «личные» отношения между ними; просил разрешения прямо спросить о том самого Обручева, но, во всяком случае, мне кажется, что едва ли можно ожидать выгодных последствий от присылки Обручева в армию вопреки желанию главнокомандующего. Мнение это взяло верх. Через несколько времени после моего доклада Государь прислал мне для передачи шифром свои телеграммы к обоим великим князьям: приказано главнокомандующему отпустить наследника цесаревича (а также и великого князя Владимира Александровича) в Петербург на несколько недель, а вместе с тем объяснить причины неудовольствия на Обручева. — Что касается до этих причин, то я не мог пока открыть их: прямо с доклада захав к Обручеву, я переговорил с ним откровенно об этом странном и неожиданном обороте дела, заставляющем приостановить отъезд Обручева. По словам последнего, не было никогда ни единого повода к неудовольствию со стороны великого князя Николая Николаевича, который притом постоянно был с ним, Обручевым, очень любезен, даже до последнего свидания их в Боготе.

Доклад мой сегодня касался многих довольно важных предметов: между прочим я прочел Государю присланную мне князем Черкасским записку о необходимости заранее определить порядок ведения дел в Болгарии в том случае, если мы, кончив войну с благоприятным результатом, должны будем некоторое время занимать эту страну и организовать в ней новое управление²⁰⁰. Вопрос, конечно, очень важный сам по себе; но в записке явственно проглядывают заботы личные князя Черкасского: какое будет его положение? Будет ли он поставлен в подчиненные отношения к военному начальству или же ему будет подчинен военный начальник? — Ко-

нечно, сам князь Черкасский, при всем своем самолюбии*, не может надеяться на эту вторую постановку, а вместе с тем не желает играть роль второстепенную и служить простым чиновником для гражданских дел при каком-нибудь генерале. — Государь прямо сказал, что необходимо выбрать лицо из военных генералов, знакомых с вопросами гражданской администрации, — и указал двух кандидатов: князя Дондукова-Корсакова и генерала Игнатьева 2 (позабыл прибавить новый графский титул его). Соображаясь с этим указанием, я ответил князю Черкасскому так, чтобы не оставлять его в напрасных иллюзиях.

Граф Шувалов из Лондона предупредил наше Министерство иностранных дел, что английский кабинет советует Порте войти в прямые переговоры с Россией, предупреждая будто бы Порту, что она не должна рассчитывать на помощь Англии, и что вследствие этого заявления турки намерены просить *перемирия*, причем наивно добавлено: «необходимого по соображениям стратегическим». — И действительно, сегодня, почти одновременно, оба главнокомандующие наши, и в Европе, и в Азии, телеграфируют, что получены ими из Константинополя вопросы: с кем и где могут они вести переговоры о перемирии. — Великий князь Николай Николаевич, имевший уже лично от Государя указания на этот случай, прямо дал ответ, что перемирие может быть заключено не иначе, как по принятии Портой основных условий мира, для чего и предложено прислать уполномоченного в Главную квартиру армии.

К сожалению, наше Министерство иностранных дел продолжает бездействовать. Сам товарищ министра Гирс опять приезжал ко мне на днях с жалобами на инерцию государственного канцлера, который ищет всякого предлога, чтобы устраниться от участия в делах, сколько-нибудь имеющих связь с настоящей войной, и все сваливает на военного министра или, как он выражается — на министра «военных сил». — Так, по возбужденным мною разным вопросам — о том, например, чтобы теперь же дружелюбно сговориться с Румынией, чтобы отвлечь албанцев от содействия туркам, чтобы подготовить отправление генерала Игнатьева в тот пункт, где могут открыться переговоры о мире, и проч. и проч. — по всем этим не терпящим отлагательства вопросам князь Горчаков на все настояния Гирса отвечал ему, что они до него не касаются. Гирс признался, что канцлер делает все возможное, чтобы стушевать Игнатьева, а сам не в силах заняться сколько-нибудь серьезными делами. У него сохраняются только

* и самоуверенности

А. Д. Кившенко. Сражение у Шипки-Шейново 28 декабря 1877 г.

как бы проблески прежнего блестящего дипломата, но старческая голова уже бессильна для связной работы.

29-го декабря. Четверг. — Рано утром получена телеграмма о новой блестящей победе: вчера турецкая армия на Шипке в числе 41 табора, с 10 батареями, положила оружие. Таким образом, войскам генерала Радецкого удалось не только благополучно перейти чрез Балканы, несмотря на трудности суровой зимы, но и окружить неприятельскую армию, державшую в продолжение почти пяти месяцев, можно сказать, в блокаде наши несчастные войска на Шипке. Успех, действительно, блестящий. Государь в восторге. Когда пришел я к нему с докладом, тут только узнал, что сегодня же назначен съезд ко двору для торжественного молебствия в большой церкви Зимнего дворца. Государь приказал мне прочесть в самой церкви, пред началом молебствия, полученную телеграмму с кратким обзором предшествовавших военных действий со времени сдачи Плевны. Я должен был наскоро редактировать этот обзор, так что едва-едва успел во дворец к назначенному часу. Съезд был многочисленный и не было конца поздравлениям.

Во время моего доклада приглашен был князь Горчаков, чтобы переговорить об ответах, которые нужно дать обоим главнокомандующим по поводу сделанных Портой предложений о перемирии. Мне поручено было редактировать телеграммы и шифровать их, что отняло у меня много времени. Между тем мне пришлось высидеть до 5-ти часов в Государственном совете, в экстренном заседании, назначенном для утверждения финансовых смет на будущий год. Еже-

Ф. Ф. Радецкий

годно в этих заседаниях разыгрывается пародия на парламентские прения о бюджете. Каждый раз приходится выслушивать длинный монолог А. В. Головнина, — как кажется, единственного члена Совета, имеющего довольно досуга и терпения, чтобы перечитывать и изучать сопровождающие сметы громадные кипы печатных объяснительных записок*. Для соблюдения приличия некоторые из задетых министров** отвечают несколькими словами, в полном сознании бесплодности разыгрываемой комедии, и после нескольких часов сидения подносится на подпись членов готовый уже журнал Совета.

Нынешнее торжество несколько сократило заседание Совета, открывшееся после молебствия, уже часу в третьем. По той же причине было мало присутствующих при погребении генерала Гринвальда.

31-го декабря. Суббота. — Сегодня доклад мой Государю был особенно продолжителен; значительную часть времени мне пришлось присутствовать при докладе князя Горчакова по предмету полученного наконец от императора Франца-Иосифа собственноручного ответа на письмо Государя, отправленное из Порадима, с изложением предполагаемых основных условий мира с Турцией. В этом ответе явно проглядывает неудовольствие венского кабинета, которому

* сопровождающих рассмотрение сметы в Департаменте экономии.

** дают свои объяснения

прискорбно отказаться от той добычи, на которую он рассчитывал в случае распада Турецкой империи. Теряя ныне надежду на присоединение Боснии и Герцеговины, Австрия протестует против нашего желания возвратить утраченную часть Бессарабии, и в этих видах император Франц-Иосиф при своем письме препровождает записку графа Андраши, напоминающую весь ход соглашений, начиная с Рейхенбергского свидания. — Ответ этот произвел крайне неприятное впечатление на Государя, который сделал на письме надпись: «Je suis outré»... «с'est détestable»* и пр. Его Величество предположил назначить по этому поводу особое совещание, но встретил неожиданные возражения со стороны канцлера, который сегодня был особенно раздражителен и не в духе. Между Государем и князем Горчаковым опять вышло довольно резкое пререкание: канцлер в особенности горячо возражал против участия Игнатьева в совещании, а взамен его советовал пригласить министра финансов. Однако ж дело под конец обошлось. Когда князь Горчаков вышел из кабинета, Государь заметил, что он сегодня в каком-то странном настроении и как будто понимает в превратном смысле что ему говорят. И действительно, без видимой причины он горячился и краснел до ушей; например, с негодованием отзывался о присланной главнокомандующим записке Нелидова по вопросу о проливах, назвав ее бессмысленной, и т. п. — В числе вопросов, подлежащих еще общему обсуждению с канцлером, было возбужденное главнокомандующим сомнение относительно пределов предоставленного сербам района действий. Надобно было решить: могут ли сербы действовать на юг к Митровице, или не будет ли это направление действий противуречить нашей конвенции с Австрией. — На сделанный мне по этому предмету письменный запрос я вчера же вечером отвечал, что движение сербов в так называемую Старую Сербию вовсе не противуречит конвенции; канцлер сначала выражал сомнение, однако ж не спорил, и так было решено Государем.

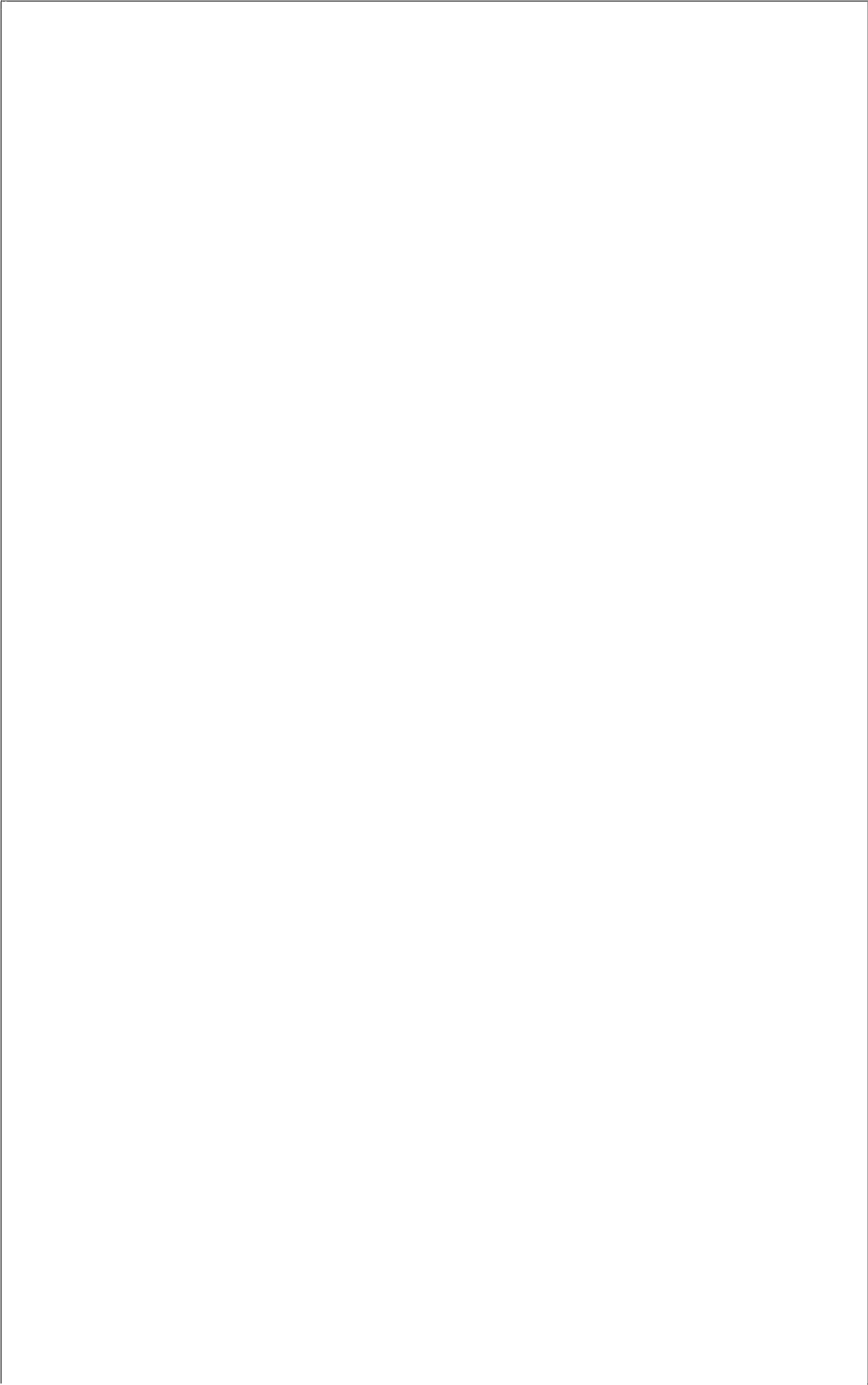
В течение последних дней получены телеграммы, поясняющие действия на Шипке; сам великий князь Николай Николаевич собирается переехать из Сельви за Балканы. Оба главнокомандующие наши получили из Константинополя предложения о перемирии. Лондонский кабинет торопит нас, делая запросы: посланы ли главнокомандующим нужные инструкции.

Таким образом, мы заканчиваем 1877-й год надеждами на восстановление мира. Но осуществятся ли скоро эти надежды? Достаточ-

* «я возмущен»... «это отвратительно» (фр.)

ны ли нанесенные туркам поражения, чтобы заставить их смириться и действительно желать мира, или же они еще пробуют морочить нас в надежде получить только перемирие, необходимое им, чтобы оправиться, выждать решения английского парламента и собраться с новыми силами. Парламент открывается 5 / 17-го января; чрез неделю выкажется, к чему Англия ведет дело и суждено ли восточному вопросу получить вскоре благоприятное разрешение.

1878-й год

2-го января. Понедельник. — Первый день года провел я так же, как и в другие годы: утро в разъездах по дворцам, затем среди семьи и родных. После обедни во дворце и завтрака Государь позвал меня в кабинет и прочел полученные телеграммы с театра войны. Сегодня же, хотя и не мой день доклада, я приглашен был во дворец вместе с канцлером, который прочел редактированные им ответные письма от имени Государя к обоим другим императорам²⁰¹. Государь был очень доволен этими проектами и благодарил князя Горчакова, который как-то был бодрее и свежее, чем обыкновенно. Кроме того обсуждалось какой дать ответ на полученный вчера по телеграфу запрос лондонского кабинета о том, можем ли мы удостоверить, что не займем ни в каком случае полуострова Галлиполийского и берега Дарданелл. В этом вопросе князь Горчаков видит как бы косвенный ответ на последний наш меморандум, в котором наш канцлер спрашивал: в чем же, наконец, заключаются «интересы Англии», нарушения которых, по-видимому, так опасается лондонский кабинет. Князь Горчаков хотел было отвечать безусловным обещанием, что Галлиполи и Дарданеллы вовсе не входят в наши соображения. Однако ж я счел нужным сделать оговорку: «à moins que les troupes turques ne se concentrent sur ce point»^{**}. Я указал на карте, что, в случае отступления турецкой армии от Адрианополя на Галлиполи, наша армия не могла бы идти прямо на Константинополь, оставив у себя на фланге неприятеля в сильнейшей укрепленной позиции²⁰².

Вечером получена прямо из Константинополя телеграмма от самого султана Абдул-Гамида к Государю²⁰³. Повелитель мусульман убеждает императора склониться на мир, уведомляет о посланных в Казанлык уполномоченных и^{***} умоляет, чтобы немедленно же были остановлены все наступательные движения наших войск. На телеграмме этой Государь написал, что мы все-таки должны неуклонно

* хотя некото[рую]

** если только турецкие войска не сконцентрируются в этом пункте (фр.).

*** просит

держаться принятого нами плана, т. е. не прежде начинать переговоры о перемирии, как по получении от Порты положительного соглашения на заявленные нами основания мира.

3-го января. Вторник. — После моего доклада** вошли в кабинет Государя князь Горчаков и граф Н. П. Игнатьев. Вопрос был о том, не следует ли Игнатьеву теперь же ехать в Бухарест, чтобы предварительно сговориться с румынским правительством. Канцлер противился и желал задержать отъезд Игнатьева. Мне сдается, что он сомневается в успехе начатых переговоров и в этом случае может быть он прав. Государь настоятельно требовал, чтобы все вопросы относительно предстоящих переговоров о мире были теперь же подробно разобраны и разъяснены государственным канцлером вместе с графом Игнатьевым. В помощь последнему избран Влангали, бывший посланник наш в Китае, а ныне живущий за границей в отставке. На вчерашнюю телеграмму султана сочинен ответ, крайне лаконический и сухой²⁰⁴. Государь прочел нам полученную им телеграмму от королевы Виктории, которая также убеждает Государя согласиться на просимое Портою перемирие. Личное вмешательство королевы в политику есть явление новое для Англии; оно начинает уже возбуждать в стране*** недовольствие. По донесениям графа Шувалова, там продолжается сильная агитация; кажется в среде самого министерства еще нет ничего решенного. Воинственный первый министр выходит из себя, придумывает всякие уловки, чтобы запастись оружием в предстоящей парламентской борьбе. До сих пор ему не удается вызвать какой-нибудь с нашей стороны предлог к воспламенению воинственности в британской публике; хотелось бы ему до открытия парламента выведать наши условия мира. Сегодня**** в заседании английского Совета министров решено заявить нам, что Англия не может***** допустить заключения отдельного мирного договора между Россией и Портой.

* обыкновенного

** я решился заговорить с Государем о семейных делах, по поводу вступления во второй брак моей невестки (вдовы покойного брата) с англичанином Стьюль. Давно я уже собирался разъяснить крайне неприятный для всей семьи вопрос о пенсии, назначенной вдове и детям. Тяжело было говорить о подобном деле и чувствую сам неловкость, с которою я вел разговор. Может быть поэтому он и не привел к решительному результату. Государь сказал, что подумает еще; на этом разговор и прекратился;

*** толки

**** первоначально: «Во вчерашнем заседании»

***** признать

Королева Виктория

После доклада я был в заседании Комитета министров. Обсуждалось представление министра путей сообщения об увеличении подвижного состава Одесской железной дороги; представление это вызвано заявлением Военного министерства; вероятно поэтому и встретило сильные возражения и отвергнуто.

Перед обедом заехал ко мне граф Н. П. Игнатьев, чтобы переговорить по некоторым вопросам, касающимся предстоящих переговоров о мире и требующим предварительного разъяснения. Он жалуется на бесплодное в продолжение нескольких часов совещание с князем Горчаковым, который не мог войти в серьезное рассмотрение ни одного из этих вопросов**.

5-го января. Четверг. — В происходившем сегодня у Государя, после моего доклада, совещании по делам иностранной политики присутствовали, кроме канцлера и меня, граф Н. П. Игнатьев, Н. К. Гирс и барон Жomini. Предметом совещания были вопросы касательно условий мира, изложенные Игнатьевым в форме проекта прелиминарий мирного договора²⁰⁵. Дело***, казалось бы, заслу-

* пунктам в особенности возбуждающим его недоумение

** Далее Д. А. Милютин делает примечание: «Дополнением к этому месту дневника может служить прилагаемый при сем в отдельной записке рассказ Н. К. Гирса, записанный мною с его слов в позднейшее время, именно в 1886 году». См. Приложение VII.

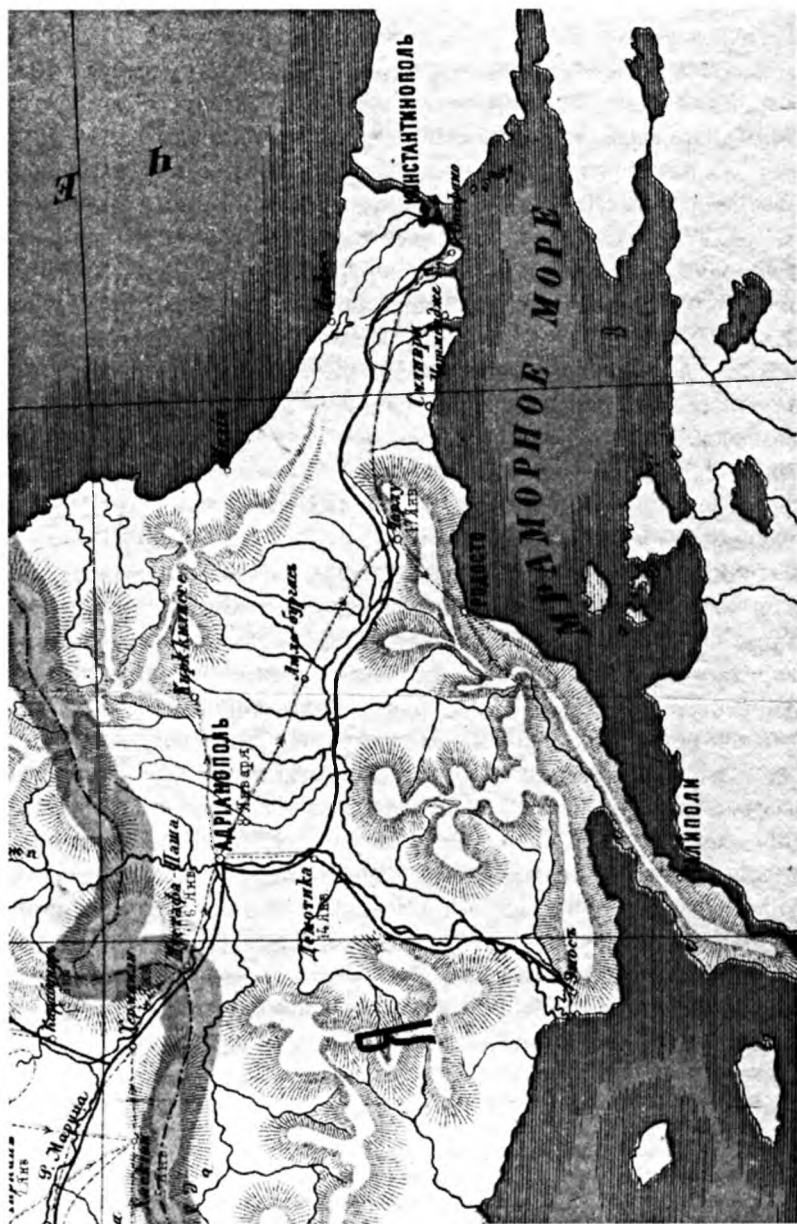
*** кажется, требовало

живало самого серьезного обсуждения; однако ж чтение Игнатьева было выслушано почти без всяких замечаний и большая часть поставленных им вопросов осталась без категорического разрешения. Взамен того сочинена тут же князем Горчаковым телеграмма к главнокомандующему действующей армией: ему подтверждается прежнее указание стараться протянуть переговоры и по возможности долее не объявлять турецким уполномоченным наших условий²⁰⁶. Теперь главная цель этой проволочки состоит в том, чтобы сперва сойтись с Австрией, которая уже начинает портить нам дело. Граф Шувалов извещает из Лондона, что Андраши даже побуждает англичан противудействовать отдельным переговорам нашим с Турцией, обещая им поддержку Австрии. Сомнительно, чтоб ответное письмо Государя к императору Францу-Иосифу (отправленное только сегодня) могло произвести благоприятный оборот в эгоистической политике венского кабинета: для этого нужны не одни только фразы, не искусная только редакция, но какие-нибудь более существенные, реальные удовлетворения; говоря попросту, нужно подкупить Австрию, нужна ей взятка; а мы все* требуем бескорыстной платонической дружбы.

12-го января. Четверг. — Опять целую неделю не имел возможности заглянуть в свой журнал, а между тем в течение этой недели много произошло заслуживающего внимания. Но именно потому я и не имел ни минуты досуга, что ежедневно были экстренные занятия, совещания; приходилось по целым часам сидеть над разборкою шифрованных телеграмм и над шифровкой ответов. Дела военные и политические пошли с такою быстротой, что опередили самые смелые наши предположения. Решительное поражение Сулеймана-паши под Филиппополем, занятие Адрианополя, между тем прибытие турецких уполномоченных в Казанлык — все это шло одно за другим, так что не успевали опомниться и соображать²⁰⁷.

В прошедший вторник я был приглашен к обеду в Зимний дворец вместе с князем Горчаковым. По окончании обеда Государь принял нас обоих в своем кабинете и предложил нам обсудить, как далее вести дело, ввиду быстрых успехов нашего оружия. Мое мнение состояло в том, чтобы, во-первых, местом переговоров о мире, вместо Одессы или Севастополя, назначить Адрианополь; а во-вторых, в случае, если начатые в Казанлыке предварительные переговоры окажутся безуспешными, продолжать безостановочно наступление к Константинополю и вести уже дело к радикальному разрешению восточного

* хотим отделяться платонической дружбою.

Карта театра войны в Европейской Турции в 1877–1878 гг. Фрагмент

вопроса, сообща со всею Европой*. К удивлению моему князь Горчаков не возражал, и Государь, отпуская нас, сказал, что каждый из нас еще подумает о возникших новых соображениях.

Но вслед затем получены телеграммы от великого князя Николая Николаевича о том, что турецкие уполномоченные затруднились принять наши условия²⁰⁸ и запросили новые инструкции из Константинополя. Главкомандующий сам извещает о своем намерении идти прямо** на Константинополь, в надежде под самыми стенами его решить вопрос, и на этот случай спрашивает некоторые категорические указания. Телеграммы эти пришлось совершенно кстати. Вчера же, в среду, после церемонии крестин новорожденного великого князя Бориса Владимировича, Государь позвал нас троих: князя Горчакова, графа Н. П. Игнатьева и меня в свой кабинет, и вторично прислал за нами после обеда, в 7 часов вечера. Здесь окончательно обсуждалось, что отвечать великому князю Николаю Николаевичу. Прямо из Зимнего дворца мы втроем поехали к канцлеру и там общими силами сочинили длинную телеграмму, которую потом генерал Мещерин шифровал целую ночь. Сегодня утром телеграмма эта, одобренная Государем, отправлена по назначению²⁰⁹.

Сегодня, во время моего доклада, граф Игнатьев откланялся Государю и получил окончательные приказания Его Величества, а вечером уехал чрез Москву и Киев в Бухарест, где должен окончательно сговориться с румынским правительством и затем спешить далее в Главную квартиру армии. Там он будет в постоянной готовности начать переговоры при содействии Нелидова. При этом я снова настаивал на том, чтобы теперь же обратиться к Европе с предложением заняться сообща разрешением восточного вопроса. Однако ж все нашли это преждевременным. Само собою разумеется, что и в моих мыслях было дожидаться*** результата начатых переговоров в Казанлыке.

Пока я был сегодня в заседании Военного совета, приезжал ко мне великий князь Константин Николаевич; позже он прислал спросить, буду ли я дома в 9 часов вечера. Разумеется, я сам поехал к нему: он продержал меня около часа, развивая свои соображения относи-

* Первоначальный текст после слов «...ввиду быстрых успехов нашего оружия.»: «Я предложил две мысли: во-первых, чтобы переговоры, вместо Одессы или Севастополя вести в Адрианопле или там, где остановится наша армия; а во-вторых — в случае, если переговоры в Казанлыке не приведут к хорошему результату, продолжать безостановочно наступление к Константинополю и вести уже к радикальному разрешению восточного вопроса, сообща со всею Европой».

** до Константинополя.

*** известия об окончательном прервании переговоров в Казанлыке.

тельно радикального разрешения восточного вопроса. В сущности его идеи сходятся с теми, которые и я высказывал в последних со-
вещаниях у Государя. Но он берет дело шире и настаивает на пол-
ном изгнании турок из Европы, на обращении Константинополя в
вольный город и открытии проливов. Великий князь сознавался, что
он не имеет случая проводить свои мысли и потому передает их мне,
прибавив однако ж, что уже высказывал их графу Игнатьеву и графу
Адлербергу²¹⁰.

14-го января. Суббота. — Вчера получены были тревожные из-
вестия из Лондона. Первоначально из телеграмм графа Шувалова, а
вслед затем даже из газетных телеграмм видно, что английский пер-
вый министр опять взбеленился под тем предлогом, что мы не объяв-
ляем о наших условиях мира, а между тем войска наши все продол-
жают двигаться вперед. В Лондоне распустили ложные слухи о том,
будто мы идем на Галлиполи (хотя на днях еще было положительно
подтверждено, что мы не пойдем в ту сторону, если только англи-
чане не вздумают вмешаться); Лаярд сообщил из Константинопо-
ля наши условия в искаженном виде. Все это послужило поводом
воинственному Биконсфильду заявить наконец открыто намерение
внести в парламент билль об ассигновании экстраординарного кре-
дита на вооружения и дать приказание английскому флоту вступить
в Дарданеллы. Двое из влиятельнейших министров — лорд Дерби
и Карнарвон — подали в отставку. Между тем граф Шувалов успел
обнаружить мошеннические проделки Лаярда и объявил англий-
ским министрам настоящие наши условия. С другой стороны сам
султан воспротивился входу английского флота в Дарданеллы*,
опасаясь, чтобы вмешательство Англии не расстроило начавшихся
переговоров с Россией. Биконсфильд должен был отменить данное
флоту приказание и таким образом еще раз выказал свою опромет-
чивость**²¹¹.

Обо всем этом узнали мы только сегодня утром, а между тем
пришли известия из Константинополя чрез Берлин (от принца Рёйс-
са), будто Порты соглашается на заявленные нами условия. В сегод-
няшних газетных телеграммах говорится так, как будто перемирие
уже заключено. В формальном заключении перемирия можно со-

* Предвидя, однако же, что англичане, пожалуй, и не поцеремонятся все-таки вве-
сти свой флот в проливы, султан просил, чтобы в таком случае они по крайней
мере гласно заявили, что делают это вопреки желания Порты, дабы своим вме-
шательством не расстроить начавшиеся переговоры с Россией.

** и дурь. Об этом результате лондонских проделок мы узнали только сегодня
утром.

*Великий князь
Константин Николаевич*

мневаться потому, что великий князь Николай Николаевич, выехав из Казаньки 12-го числа, еще находится в пути вместе с турецкими уполномоченными и только завтра должен прибыть в Адрианополь, где, по всем вероятностям, и начнутся только переговоры об условиях перемирия²¹². Впрочем, надобно иметь в виду, что известия из Константинополя чрез Западную Европу должны доходить до нас ранее, чем от великого князя главнокомандующего, пока не устроено прямое с ним телеграфное сообщение.

Сегодня, после своего доклада, я опять присутствовал при докладе государственного канцлера. Государь спокоен и говорит, что видит в теперешнем обороте дел перст Божий. Доверие к венскому кабинету сильно поколебалось. Граф Андраши начинает сближаться с Англией. Даже и в отношении к императору германскому, другу и дяде*, возникают** уже сомнения: на днях он телеграфировал Государю, что отправил к нему собственноручное ответное письмо, а вслед затем, как обнаружилось из разбора шифрованной телеграммы на имя германского посла Швейница, приказал ему не представлять Государю отправленного письма, а дожидаться присылки другого, на перемену. Что значит эта замена одного письма другим, пока трудно объяснить.

* уже доверие поколебалось

** даже некоторые

Во всяком случае этот факт выказывает некоторую нетвердость, шаткость в настроении берлинского кабинета. — Канцлер был прав, сказав сегодня Государю, что ему не на кого возлагать надежд, кроме самого себя.

Вчера прибыл сюда из Бухареста румынский генерал князь Гика, тот самый, который во все время похода состоял при особе Государя. Наконец и князь Горчаков сознал необходимость категорических объяснений с румынами. Жаль, что несколько поздно²¹³.

Великий князь Константин Николаевич с горячностью преследует свою мысль, о которой говорил мне в четверг вечером. Вчера он приехал ко мне прямо от князя Горчакова, которому также развивал свой план, с присоединением еще новой идеи, — обращения Государя к русскому народу манифестом, в котором заявить торжественно об изгнании турок из Европы и нашем бескорыстном желании устроить судьбу христианского населения Балканского полуострова. Великий князь говорил, что канцлер подается на эти мысли; намеревается доложить о них Государю и советовал самому великому князю заняться редакцией предположенного манифеста. Такая податливость канцлера показалась мне сомнительною. Сегодня утром, когда мы вышли вместе из кабинета Государя, я спросил князя Горчакова — почему же он умолчал о проектах великого князя Константина Николаевича*. Тогда канцлер, с обычною своею горячностью, восстал против этого проекта и сказал мне, что** «вовсе не обещал великому князю доложить Государю о такой бессмыслице». Вечером получил я от великого князя приглашение заехать к нему на несколько минут. Я нашел у него Сольского, которому он поручил было проектировать манифест. До входа в кабинет великого князя мы успели обменяться с Сольским несколькими словами, из которых мог заметить, что он совершенно не разделяет мнений великого князя и желал бы отклонить его от задуманного проекта***. Очевидно, что если известия о согласии Порты на условия мира справедливы, то не может уже быть и речи об изгнании турок из Европы****. Великий князь рассказал нам, что сегодня же утром он имел случай развить

* К удивлению моему

** никогда

*** Но великий князь и сам уже понял, что этот проект несвоевременен: он с сожалением заговорил о полученных известиях.

**** и стало быть о торжественном манифесте. Дело опять сводится на узкую почву дипломатических препирательств.

свои предположения самому Государю, который*, выслушав его, не высказал однако же никакого заключения. Иначе и быть не могло: кто знает характер и приемы Государя, тот мог предсказать великому князю, что фантастические его проекты будут встречены одним молчанием. Впрочем, и сам великий князь, при изменившихся теперь обстоятельствах, уже и не настаивает на своем проекте манифеста, а только высказывал желание, чтобы наша дипломатия взяла инициативу в приглашении Европы к общему** соглашению относительно решения восточного вопроса. Такого рода мнение и я вполне разделяю. Тут даже и спора нет²¹⁴.

15-го января. Воскресенье. — Надеюсь я воспользоваться свободным утром, чтобы заняться дома некоторыми отложенными делами; но ошибся в своем расчете: Государь потребовал меня к себе вместе с государственным канцлером. Случайно был и великий князь Константин Николаевич. Однако ж о его предположениях не было речи, а дело шло о полученном из Берлина ответном письме императора Вильгельма и о депешах из Вены. Государь находит последние несколько более успокоительными; Новиков старается смягчить разлад с графом Андраши. Письмо же императора Вильгельма вовсе не таково, как ожидали: оно сухо и*** бесцветно²¹⁵.

Иностранные газеты продолжают утверждать, что мирные условия подписаны. Правильнее надобно сказать, что предъявленные нами основные пункты будущих переговоров приняты султаном; подписание же этих основных пунктов**** может последовать разве только сегодня, т. е. по приезде великого князя главнокомандующего и вместе с ним турецких уполномоченных в Адрианополь. Полученная же сегодня от великого князя телеграмма помечена только 12-м числом из Ески-Загры²¹⁶.

18-го января. Среда. — До сих пор нет известия от великого князя Николая Николаевича о том, приняты ли действительно Портою наши предложения. Полученные сегодня от него телеграммы помечены 14-м числом, 9 часами вечера, из Адрианополя; только в этот день и приехал он туда; о переговорах нет ни слова²¹⁷. Между тем сегодня Государь получил вновь телеграмму прямо от самого султана, который почти выражает удивление, что до сих пор не получает ответа от

* выслушал его терпеливо, внимательно, однако же в заключение смолчал, не высказав вовсе своего заключения.

** коренному

*** неопределенно.

**** (еще даже и не персмирия)

нашего главнокомандующего и что военные действия не приостанавливаются²¹⁸.

Из Вены и Бухареста сведения весьма неудовлетворительные. Австрия все более и более принимает враждебное к нам положение и сближается с Англией. Румынское министерство протестует против предполагаемого нами возвращения отторгнутой от России в 1856 году части Бессарабии и вместе с тем жалуется на бесцеремонное с Румынией обращение наших военных властей²¹⁹. В Англии министерство решило просить у парламента экстраординарный кредит. Все это похоже на собирающиеся тучи*. Государь опять очень озабочен. Сегодня он три раза присылал за мной: раз утром и два раза вечером. Между прочими поводами к тому была полученная от великого князя Николая Николаевича странная телеграмма, которою он просит приготовить одну пехотную дивизию 10-го корпуса к амбаркации в Севастополе. Куда и зачем намерен он отправить эту дивизию — ни слова; да и как же решиться на такое рискованное предприятие, когда Черное море во власти турецкого флота. Великий князь Константин Николаевич, которого Государь пригласил для этого дела вместе со мною, также находит предположение его брата несообразным²²⁰. Думаю, что оно и не состоится.

Сегодня же утром я посетил клинический госпиталь, где лежат** многие раненые и больные, привезенные из действующей армии. Обедали у меня Боголюбов и Соболев, приехавшие на короткое время: один из Черногории, другой — с Балкан. Боголюбов рассказывал нам дивные похождения черногорских богатырей, а Соболев — последние необычайные усилия наших войск на Шипке²²¹. К сожалению, я должен был два раза оставлять своих гостей, уезжая во дворец.

21-го января. Суббота. — Все последние дни прошли в лихорадочном ожидании известий из Адрианополя о ходе переговоров. Каждый день мне приходилось быть у Государя вместе с князем Горчаковым. Подозреваю, что великий князь Николай Николаевич нарочно тянет переговоры с тою целью, чтобы продолжать подвигаться все вперед и иметь наслаждение*** вступить в Константинополь. Вчера я высказал эту мысль Государю и по его приказанию отправил вчера же вечером телеграмму к великому князю с повелением ускорить заключение перемирия, коль скоро Порты действительно примет заявленные нами основания мира²²². Еще сегодня утром Государь был очень озабочен

* на горизонте.

** очень

*** взять

тем, что замедление в переговорах подает новый повод к враждебным против нас толкованиям и недоверию. В Вене и Лондоне эксплуатируют это неловкое положение. Полученные вновь Государем собственноручные письма императоров австрийского и германского не удовлетворили ожидания и надежды нашего Государя; князь Горчаков готовит им ответы, а между тем им заявлено уже согласие наше на собрание конференции. Теперь идет переписка только о месте, где соберутся уполномоченные²²³. Наш канцлер настаивает, чтобы в конференции участвовали *les chefs des cabinets*^{**}, разумеется для того, чтобы самому играть роль и рисоваться пред Европой. Видно, он все еще не чувствует своего старческого^{***} упадка.

Наконец сегодня вечером получена радостная телеграмма от великого князя Николая Николаевича от 19-го числа, в 6 часов вечера о подписании как основных пунктов предстоящих переговоров о мире, так и условий перемирия. Нашим уполномоченным удалось выговорить очищение турками крепостей придунайских и Эрзерума. Странно только, что в телеграмме ничего не упомянуто о сроке перемирия²²⁴.

Такой результат во всяком случае нельзя не признать^{****} блестящим, превышающим далеко те ожидания, на которые мы имели право даже и по сдаче Османа-паши. Каково бы ни было дальнейшее направление дипломатического вопроса мы можем все-таки сказать, что военная кампания закончилась великолепно. Невольно припоминаешь, в каком положении мы были в августе и сентябре; да и позже, не далее двух месяцев тому назад. Могли ли мы 19-го ноября мечтать, что 19-го января, среди глубокой и холодной зимы, наша армия будет угрожать Константинополю и принудит султана подчиниться всем нашим требованиям.

Вчера я обедал во дворце, вместе с генералом Обручевым и прибывшими с театра войны полковниками Генерального штаба Боголюбовым и Соболевым. Их величества были очень любезны и внимательны к ним; но мне было жаль, что им не дали побольше рассказывать о том, чему они были свидетелями. В особенности Боголюбов мог бы порассказать о Черногории много интересного^{*****} для императрицы.

Вчера же были получены две не совсем приятные телеграммы: одна с Кавказа о неудачном деле 18-го января под Батумом (ата-

* даже

** главы правительств

*** распадаения

**** блистательным

***** особенно

ка позиции у Цихис-дзири)²²⁵, другая — из Адрианополя о пожаре в деревянной казарме, в которой только что расположился лейб-гвардии Московский полк. Пожар случился ночью так быстро, что не успели даже спасти знамя, и бывшие при нем в карауле 11 солдат* погибли²²⁶.

23-го января. Понедельник. — Вчера, пред обедней, Государь потребовал меня вместе с князем Горчаковым. Мы поздравили Государя с успешным заключением перемирия²²⁷; но он не обольщает себя преждевременною радостью и видит черные тучи впереди, на дипломатическом горизонте. Теперь идет обмен мыслей относительно выбора пункта для конференций, а с этим вопросом тесно связывается и выбор лиц, уполномоченных от заинтересованных держав. Государь намерен опять писать императору Вильгельму и напомнить ему об обязанностях, взаимно принятых на себя тремя союзными императорами²²⁸. Государь высказал нам свое убеждение, что, несмотря на подписание оснований мира с Турцией и на перемирие, мы отнюдь не должны ослаблять наших военных мероприятий, а, напротив того, следует держаться в полной готовности к возобновлению и даже развитию борьбы. Только при этом условии возможно еще ожидать успешного результата предстоящих конференций.

После обедни в Малой церкви Зимнего дворца было благодарственное молебствие по случаю перемирия, с пушечною пальбою. Улицы разукрашены флагами. После того был развод, по окончании которого Государь подозвал к себе всех присутствовавших генералов и офицеров и произнес им несколько слов, заканчивавшихся тою же мыслью, что, несмотря на перемирие, мы должны быть в полной готовности оружием добиться прочного и достойного нас мира. Манеж огласился неумолкаемыми криками «ура». Очевидно, что слова эти адресованы были не столько к наличной военной публике, сколько к целой Европе.

Сегодня я обедал у австрийского посла барона Лангенау. После обеда был у меня разговор *à part*** с хозяином. Он прикинулся добродушным и выражал уверенность в том, что между нами и Австрией дело уладится как нельзя лучше.

24-го января. Вторник. — Приехав утром во дворец к докладу, я узнал о случившемся за четверть часа пред тем происшествии с генералом Треповым. В обычный час приема просителей какая-то стриженная девица (одна из так называемых «нигилисток») выстрелила в

* сгорели

** наедине (фр.)

Ф. Ф. Трепов

Трепова из револьвера и нанесла ему серьезную рану в бок. Генерал Мезенцов приехал доложить Государю, что поступок этот объясняют мстостью за какого-то студента Боголюбова, которого Трепов высек еще в прошлое лето, когда тот содержался в тюрьме²²⁹. После доклада я сейчас же поехал навестить раненого и нашел его лежащим на кушетке среди нескольких хирургов, ощупывавших рану и пропускавших дренаж; все двери были настежь; множество народа в комнатах: ходили, разговаривали, не похоже было вовсе, что мы у постели больного, только что раненого. Он говорил со мною, хотя на лице видны были физические страдания. Говорят, рана тяжелая и небезопасная²³⁰.

Среди доклада моего, по обыкновению, Государь принял канцлера. Речь была о выборе места для предстоящих конференций. Граф Андраши уже предложил всем кабинетам назначить конференции в Вене. Почти все уже приняли это предложение; только берлинский кабинет воздержался пока от принятия этого предложения, в ожидании согласия с нашей стороны. Князь Горчаков находится в большом затруднении: если конференция будет в Вене, то, по принятому обычаю, председательствовать будет Андраши, и тогда уполномоченным нашим никто не может быть другой, кроме Новикова. Но канцлер сам признает невозможным положиться на него, а между тем не хочет его обидеть назначением другого представителя России. Теперь возбуждено предположение о предварительном интимном соглашении в Вене между представителями трех императоров. Если б уста-

новилось между ними твердое соглашение, то можно было бы смелее выступить на общую конференцию, где бы ни было решено ей осуществиться.

Сегодня в Комитете министров было продолжительное прение по вопросу о соединении в одних руках трех железных дорог: Одесской, Киево-Брестской и Бресто-Граевской.

28-го января. Суббота. — Положение политическое все более и более усложняется; отказ наш на предложенный графом Андраши съезд в Вене усиливает охлаждение между нами и Австрией; в Англии министерство берет верх и разжигает страсти, распуская всякие ложные известия и клеветы на наш счет. Палата, под этим впечатлением, вотировала огромным большинством просимый министерством кредит в 6 миллионов фунтов стерлингов. На Германию мало надежд; она держится как-то нейтрально и повторяет, что должна шадить Австрию. Даже Франция начинает поддакивать Англии. Таким образом опять вся Европа поднимается против нас, и ради чего? — За то, что нам посчастливилось иметь решительные успехи над Турцией и заставить ее подписать очень выгодные для нас условия перемирия.

Сегодня, кроме обыкновенного утреннего доклада у Государя вместе с князем Горчаковым, мы оба вторично приглашены были во дворец в 8-м часу вечера. Мы нашли Государя в крайне возбужденном состоянии. Причиною тому было формальное заявление лондонского кабинета о вступлении английской эскадры в Босфор, под предлогом защиты британских подданных в Константинополе²³¹. Государь называет этот акт пощечиной нам; с горячностью говорил он, что честь России ставит ему в обязанность принять решительную меру — ввести наши войска в Константинополь. Хотя мы оба, и князь Горчаков и я, старались обсудить это решение несколько хладнокровнее, опасаясь испортить дело излишнею поспешностью, однако ж Государь сказал, что принимает на одного себя всю ответственность пред Богом, и тут же продиктовал мне телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу.

Возвратившись домой, я немедленно же занялся шифрованием телеграммы; но, посылая ее на подпись Государю, счел долгом напомнить ему, что, вероятно, условие об очищении турками дунайских крепостей еще не приведено в исполнение и что мы лишимся очень важной выгоды, если принятое ныне решение прервет условия перемирия. Государь, возвратив мне мою записку, нашел мое замеча-

* части

ние справедливым и разрешил сделать в телеграмме добавление²³². Шифрованная телеграмма отправлена только в 12-м часу ночи.

29-го января. Воскресенье. — Опять я был сегодня утром приглашен во дворец вместе с князем Горчаковым. Получено извещение, что к английской эскадре в Босфоре присоединятся суда и некоторых других государств. Известие же о вступлении английского флота в Босфор уже напечатано даже в здешних газетах. Государя крайне озабочивает — что скажет Россия; он находит необходимым неотлагательно объявить о своем решении вступить в Константинополь. Но приказание, отправленное только в прошлую ночь, дойдет до великого князя Николая Николаевича не ранее, как на 4-й день. Несмотря на это решено сегодня же по телеграфу объявить чрез послов наших о вчерашнем решении и послать телеграмму прямо самому султану. В то время, как мы обсуждали все невыгоды нашего положения, вошла в кабинет императрица и приняла участие в совещании. Она вполне понимает затруднение, в которое будет поставлен наш главнокомандующий, если решение о вступлении наших войск в Константинополь сделается известным всей Европе и самому султану прежде, чем узнает об этом наш главнокомандующий. Я* настаивал, чтобы по крайней мере в самой редакции нашего заявления не было характера положительного решения. Князь Горчаков, выходя из кабинета, обещал мне еще подумать, как изменить первоначальную, набросанную им карандашом, редакцию²³³. Тем не менее я все-таки опасаюсь, что произойдет серьезное недоразумение ради того, что до сих пор не устроено телеграфное сообщение с Адрианополем. Некоторые из последних телеграмм шли из армии чрез Константинополь и Вену. Таким путем пришло и сегодня извещение Игнатьева о прибытии его в Адрианополь. К сожалению, турецкие уполномоченные уже уехали из Главной квартиры в Константинополь.

Государь отменил сегодня развод, мотивируя тем, что при разводе не мог бы ничего не сказать по поводу настоящего положения дел и принятого важного решения, а между тем сказать о том было бы преждевременно. Признаюсь, я не думал, чтоб** Государь придавал такое значение общественному мнению нашей публики²³⁴.

30-го января. Понедельник. — Утром был приглашен во дворец (хотя это не день моего доклада) с великим князем Константином Ник[олаевичем] и князем Горчаковым²³⁵. Одобрена и отправлена телеграмма Государя к султану с извещением о намерении ввести рус-

* старался по возможности

** Государя могло в такой степени озабочивать

ские войска в Константинополь²³⁶. Князь Горчаков предложил, как мне кажется, удачную мысль: заявить Германии, что, в случае собрания конференции в одном из городов Германии, председательство должно по праву принадлежать князю Бисмарку. Германского канцлера ожидают в Берлин завтра или в среду. Государь в хорошем расположении духа. Послана мною телеграмма к великому князю Николаю Николаевичу о том, что, в случае высадки англичан где-либо на турецкий берег, войска наши должны неотлагательно вступить в Константинополь²³⁷.

Сегодня большой парадный обед в Белой зале в честь приехавшего на днях итальянского чрезвычайного посланника графа Де-Лонэ с извещением о вступлении нового короля на престол²³⁸.

Папа Пий IX наконец оставил этот мир; давно пора²³⁹. Конклав соберется в Риме, несмотря на сильную партию в католическом мире, настаивавшую на выборе другого пункта.

31-го января. Вторник. — Каждый день что-нибудь новое, изменяющее политическое положение. Султан противится вступлению английской эскадры в Босфор, может быть именно вследствие нашего заявления о том, что оно заставит нас ввести войска в Константинополь²⁴⁰. Другие морские державы приостановились спрашивать султанский фирман**.

3-го февраля. Пятница. — Со вторника оставался я дома по болезни, что представляло немало затруднений, потому что каждый день Государь присылал за мной и я должен был письменно сообщать ему свои мнения и соображения по поводу ежедневно получаемых телеграмм весьма тревожного свойства. Сегодня же Государь сам удостоил меня своим посещением и просидел у меня около получаса. Его беспокоит нахальное вторжение английской эскадры в Мраморное море, вопреки протестов и просьб султана²⁴¹. Сегодня, согласно с поданным мною мнением, еще раз сделана уступка пред Англией: несмотря на нарушение с ее стороны нейтралитета, снова сделано заявление в Лондоне, что мы все-таки не займем Галлиполи, если только англичане не высадутся ни на одном пункте берега ни европейского, ни азиатского. Впрочем, не думаю, чтоб и эта уступка укротила бы воинственный азарт Биконсфильда²⁴².

4-го февраля. Суббота. — Здоровье мое позволило мне выехать сегодня к докладу. По обыкновению был и князь Горчаков. Читали

* небольших

** Таким образом, англичане опять в дураках и, конечно, будут еще более вымещать на нас свою злобу.

вслух донесение великого князя Николая Николаевича о переговорах и подписании конвенций; выговоренные условия в некоторых пунктах оказываются еще выгоднее для нас, чем было предположено²⁴³. Между прочим в статье о будущей автономии Болгарии вовсе исключено допущение пребывания турецких войск в некоторых пунктах этой страны. Видно, что Порта признала себя вполне и окончательно побитою. Теперь ежедневно продолжается телеграфическая переписка между нашим Государем и султаном²⁴⁴. Последний поставлен англичанами в* безвыходное затруднение. Он все еще надеется, что королева Виктория снизойдет к его мольбам и выведет эскадру из Мраморного моря; но отсюда ему беспощадно отвечают: тщетны твои надежды; английские суда не уйдут, а потому и мы вступим во что бы ни стало в твою столицу.

11-го февраля. Суббота. — В течение целой недели продолжались по-прежнему ежедневные совещания у Государя с князем Горчаковым; но кроме его и меня еще прибавились наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович, приехавшие с Дуная 6-го числа. С каждым днем дела политические принимают все более мрачный вид; Англия лезет на** драку и, несмотря на нашу уступчивость, придумывает все новые предлоги для разрыва. Лаярд доставляет в Лондон ложные известия, которыми Биконсфильд пользуется, чтобы возбуждать общественное мнение против России. Хотя в Адрианополе продолжают переговоры между Игнатьевым и Савфет-пашой, а между тем турки, исполняя добросовестно условия перемирия, очищают крепости на Дунае и Эрзерум, султан, подстрекаемый Лаярдом, ищет помощи Англии для возобновления борьбы с нами. Великий князь Николай Николаевич до сих пор не решается переступить демаркационную линию, несмотря на повторенные телеграммы Государя о вступлении в Константинополь²⁴⁵. Я нахожу, что он делает благоразумно, отдаляя по возможности катастрофу. Вступление наших войск в Цареград несомненно послужит сигналом для англичан и турок к возобновлению войны и, таким образом, мы сами отречемся от громадных выгод, которые приобрели заключением предварительных условий мира и перемирия. Вместо того, чтобы ускорять сколь возможно созыв конференции, наш старец, князь Горчаков, тянет дело и, решившись сам не ехать в Баден²⁴⁶, до сих пор остается в недоумении, кого назначить представителем России. Преимущественно имеется в виду граф Шувалов; но в то же время

* страшное

** войну

опасаются его удаления из Лондона при настоящих натянутых отношениях. Из Лондона ожидается новый меморандум, который, по-видимому, имеет угрожающий характер, и может поэтому ускорить неизбежный разрыв с Англией, а вслед затем и с Австрией²⁴⁷.

18-го февраля. Суббота. — Еще прошла целая неделя и несколько не разъяснился политический горизонт. Войска наши, с согласия султана, перешли чрез условленную демаркационную линию и сам главнокомандующий переехал в Сан-Стефано, под самые почти стены Константинополя²⁴⁸. Там продолжают переговоры Игнатьева с Савфет-пашой; но турки тянут дело, рассчитывая на конференции и на подмогу Англии²⁴⁹. Им объявлено, что Россия не согласится приступить к конференции, пока не подписан мирный договор между Россией и Портой. Игнатьеву дано знать, чтобы он не настаивал на уступке нам турецких броненосцев, так как это требование более всего встревожило не только Порту, но и англичан. В Англии продолжают усиленно работы по вооружению. В Австрии также шевелятся; Совет министров намерен просить у палат экстраординарный кредит в 60 миллионов гульденов.

Князь Горчаков заболел; я видел его раз в постели; очень слаб и телом и головой. Сегодня вместо него был с докладом у Государя Гирс. Наш канцлер все еще не теряет надежды поправиться и опять мечтает* ехать на конгресс, который уже предлагает собрать в Берлине под председательством Бисмарка.

19-го февраля. Воскресенье. — Мир с Турцией подписан в Сан-Стефано! Общая радость и ликование!

Еще вчера вечером была телеграмма от великого князя Николая Николаевича о том, что турки, по наущению Лаярда, поддерживаемого послами австро-венгерским и даже французским, нарочно затягивают переговоры и что главное затруднение встречается в определении азиатской границы и денежного вознаграждения. Прочитав эту телеграмму, я уже приготовил было проект ответа в том смысле, чтобы разрешить Игнатьеву согласиться на некоторые уступки; но**, встав сегодня утром, нашел на своем столе зашифрованную телеграмму великого князя и немедленно разобрав ее, прочел следующие эксцентрические строки: «Крупно поговорив вечером с уполномоченными, переговоры пошли хорошо на лад»; а вслед затем получил от Государя телеграммы Игнатьева, извещавшие вчера же, что турки уступи-

* уже об открытии конгресса.

** каково было мое удивление, когда едва нашел на своем столе зашифрованную телеграмму великого князя

ли нам все, что предположено было приобрести на азиатской нашей границе, со включением и всего Баязетского санджака. В 11-м часу утра поехал я во дворец и нашел Государя в* отличном настроении. Он прочел мне несколько телеграмм, из которых видно, что Бисмарк склонился на перенесение конгресса в Берлин, о чем сделано уже от нас предложение графу Андраши.

По поручению Государя я заехал к канцлеру; нашел его уже сидящим в кресле; но голова так слаба, что совсем уже не может связать двух идей. Тем не менее старик** толкует о поездке своей в Берлин. «Je serai coulant»***, говорит он; «но потребую самых широких полномочий».

От князя Горчакова успел еще вовремя возвратиться во дворец до конца обедни; а после завтрака во дворце отправился к разводу. Пред окончанием развода Государь сказал мне, что получил новую телеграмму от великого князя Николая Николаевича, который сообщает, что переговоры пошли успешно и что есть надежда на подписание мира в течение дня.

Действительно, в 7-м часу вечера, когда мы только что кончили обед среди собравшегося по обыкновению воскресного нашего кружка, вдруг вбегает мой сын — дежурный сегодня флигель-адъютант — и объявляет, что приехал из дворца по приказанию Государя, чтобы объявить мне о подписании мира. Вслед затем фельдъегерь привез мне от Государя телеграммы великого князя и графа Игнатьева. Возвращая их Государю, я приложил письменное поздравление, которое возвратилось ко мне с отметкою карандашом: «Спасибо от души тебе; ибо твоему усердию мы обязаны многим в достигнутых результатах»²⁵⁰. Пушечные выстрелы из крепости возвестили городу радостную новость; улицы и без того были уже иллюминированы и украшены флагами (по случаю праздника вступления на престол), к тому же сегодня первый день Масленицы и потому на улицах толпы народа и большое оживление.

20-го февраля. Понедельник. — Сегодня был во дворце выход и благодарственный молебен по случаю заключения мира. Пред выходом я был у Государя, который показал мне полученную вчера от султана турецкого телеграмму и ответ на нее; а также телеграмму Государя к императору Вильгельму и его ответ. Граф Игнатьев телегра-

* хорошо

** очень

*** «Я буду сговорчив» (фр.)

Граф Н. П. Игнатъев

фирует, что* подписанный договор весьма близко подходит к проектированному им в Петербурге, с некоторыми лишь частными вариантами; что территория будущего княжества Болгарского прикасается к Эгейскому морю и что денежное вознаграждение определено в 300 миллионов рублей²⁵¹.

На выходе не было конца поздравлениям. Однако ж общая радость парализуется опасениями враждебных действий со стороны Англии и Австрии. Счастливый мир, подписанный у ворот Константинополя, и все плоды блестящей кампании могут быть опрокинуты на предстоящих конференциях. Поэтому Государь согласился с моим мнением, что следует несколько выждать, прежде чем приступить к возвращению наших войск из Турции. Если б в самом деле Англия серьезно замышляла войну с нами, то для нас весьма важно удержать в своих руках Босфор, как вход в Черное море. Подписанный вчера в Сан-Стефано договор назван «предварительным», «*раix préliminaire*»; требуется еще санкция Европы; и утвердит ли она беспрекословно все подписанные условия — еще неизвестно. Между прочим, весьма щекотливый вопрос представляет отторжение от Румынии клочка Бессарабии, отнятого у нас в 1856 году. Государь так решительно выска-

* ему удалось заключить мир

зался по этому предмету, что не допускает и возражений; а между тем румынская палата единогласно постановила не уступать добровольно этого клочка, несмотря на предлагаемый выгодный обмен. Как же выйти из этого затруднения? Неужели силою оторвать клочок территории у* своего союзника, кичливо напоминающего, что румыны проливали кровь рядом с нами, за одно общее дело. Вот в какое неловкое положение поставлены мы, благодаря непростительной беспечности** наших дипломатов и*** конечно, более всех — самого канцлера²⁵².

От великого князя Николая Николаевича получено прискорбное известие, что вчера скоропостижно умер князь Черкасский, как сказано в телеграмме, — от апоплексии мозга. Пред этим он выдержал сильный тиф; он начал было поправляться и уже занимался делами, так что кончина его последовала совершенно неожиданно. Жаль человека умного и способного. Он имел свои недостатки, навлекшие на него, особенно в последнее время, сильные нападки со всех сторон. Но при нашей бедности в людях, обладающих государственными способностями, потеря такого человека крайне прискорбна²⁵³.

25-го февраля. Суббота. — Подписанный в Сан-Стефано мирный договор, как кажется, ратификован султаном; граф Игнатъев собирается завтра выехать из Константинополя вместе с турецким военным министром Реуф-пашой, отправляемым сюда в качестве чрезвычайного посла для окончательного размена ратификаций. Между тем ведется деятельная дипломатическая переписка уже не о конференции в Бадене, а конгрессе в Берлине. Почти все кабинеты уже изъявили согласие на это новое предложение; венский кабинет принял даже с удовольствием. Вообще отношения наши с Австро-Венгрией сделались в последние дни несколько мягче****, любезнее; но в газетах венских и пештских уже заговорили о занятии Боснии и Герцеговины*****. В Лондоне перенесение конференций в Берлин принято с гримасой, с оговорками*****.

В течение минувшей недели завязалась по телеграфу переписка с главнокомандующим действующею армией относительно возвращения части войск в Россию и предстоящего распределения сил²⁵⁴. Го-

* нашего

** и безответствию

*** в особенности лично

**** даже

***** а это было бы лучшим признаком желания венского кабинета возвратиться к прежнему секретному соглашению с нами.

***** Англия как будто хочет оставаться в изолированном положении и высказывает свой *mauvaise humeur* (плохое настроение — *фр.*).

сударь безусловно одобрил предложенные мною соображения; но сам еще не высказывает никаких определительных мнений. Я настаиваю на том, чтобы Его Величество собрал у себя некоторых компетентных лиц для совещания о стратегическом нашем положении в случае войны с Австрией и Англией.

Канцлер наш несколько поправился, начал снова приезжать во дворец и доволен перспективой конгресса в Берлине, где он готовится пускать громкие фразы перед другими «Chefs de cabinet». Кажется, только от Англии будет просто уполномоченный, именно — лорд Лайонс.

26-го февраля. Воскресенье. — В первый раз день рождения наследника цесаревича празднуется с особою торжественностью — большим выходом при дворе. Для объяснения этого нововведения ожидали какого-нибудь знаменательного обращения Государя к дипломатическому корпусу; однако ж ничего подобного не было: Государь, проходя чрез тронную залу, поговорил вполголоса с каждым из дипломатов поочередно, начиная с лорда Лофтуса, с которым, как говорят, был любезен, и кончая князем Гикой, которого, говорят, резко оборвал.

28-го февраля. Вторник. — Несмотря на первую неделю Великого поста я был приглашен к обеду во дворец с князем Суворовым и графом Адлербергом. Поводом к этому приглашению было то, что 50 лет тому назад в этот день князь Суворов был назначен флигель-адъютантом*.

1-го марта. Среда. — У Государя было совещание касательно распределения сил и образа действий в случае новой войны с Англией и Австрией. Принимали участие великие князья — наследник, Владимир Александрович и Константин Николаевич, граф Ф. Л. Гейден, Лесовский, Обручев и я. Тотлебен не мог приехать по болезни. Чем более обсуждаем наше будущее военное положение, тем более оно представляется в** неприглядном виде. Как ни желательно удержать за собой Босфор и не впустить неприятельские флоты в Черное море, остается сомнение***, возможно ли это при имеющихся силах²⁵⁵.

Вечером получил я от Государя для прочтения копию подписанного в Сан-Стефано договора. Чтение этого акта оставило во мне впечатление чего-то недоконченного, непрочного, сделки насиль-

* Обедали во дворце в самом малом обществе: приглашены были только князь Суворов, граф Адлерберг и я, — и собственно по тому поводу, что пятьдесят лет тому назад князь Суворов был назначен флигель-адъютантом.

** в мрачном

*** есть ли возможность исполнить это без риска

ственной, скороспешной. Каждый пункт договора подаст повод к придиркам и возражениям со стороны наших недоброжелателей на конгрессе²⁵⁶.

2-го марта. Четверг. — Государь доволен договором, хотя я указывал на кажущиеся мне в этом акте недомолвки и неудобства. Тем не менее он сознает угрожающую нам опасность в случае разрыва с Англией и Австрией. Канцлер сегодня прямо заявил, что не ручается за сохранение мира и что надобно быть готовым на все. Англия так и лезет на неприятности, как будто ищет поводов к размолвке.

Около 3-х часов пополудни приехал в Петербург граф Н. П. Игнатьев вместе с Реуф-пашой, турецким военным министром, присланным в качестве чрезвычайного посла для обмена ратификаций. Игнатьев заехал ко мне вечером и мы успели о многом с ним переговорить. По-видимому, он мало еще ознакомлен с общим политическим положением. Так как решено, что он едет вместе с князем Горчаковым на конгресс, то я стараюсь расположить его к примирительному ведению дела в будущем. После наших военных успехов, после такого удачного исхода кампании, мы можем быть уступчивы и великодушны.

3-го марта. Пятница. — Утром, по своему обыкновению, объезжал я военно-учебные заведения; но должен был поспешить во дворец к совещанию, назначенному в 1¹/₂ часа. На этот раз, кроме канцлера, великих князей и меня, участвовали граф Н. П. Игнатьев и граф Адлерберг (последний, вероятно, случайно, как находившийся во дворце). И Государь, и канцлер видят положение дел в черном цвете; князю Горчакову не нравится предложение князя Бисмарка, чтобы, прежде съезда министров на конгресс, состоялось предварительное совещание между посланниками шести больших держав в Берлине для установления программы подлежащих обсуждению конгресса вопросов. Наш канцлер отвергал** эту мысль; я подал голос, чтобы безусловно противиться предложению Бисмарка, и Государь согласился с этим мнением, что видимо было неприятно князю Горчакову. Он бодрится и, вместе с Игнатьевым, показывает вид равнодушия к тому, состоится ли конгресс или нет. Но ведь отмена конгресса есть война и, может быть, не с одною Англией, а с половиною Европы. А какое ему дело до того, можно ли надеяться на счастливый исход подобной войны при настоящей обстановке, когда военные наши силы и средства чувствительно потрачены, потрясены. По-прежнему

* придумывает поводы

** безусловно

Э. И. Тотлебен и Реуф-паша

он будет с цинизмом* отговариваться, что война не касается его; пожалуй ему будут даже приятны наши военные неудачи. Лишь бы ему сохранить свой ореол!

В 4 часа приехал ко мне с визитом Реуф-паша. Мы имели длинный разговор. Это человек лет 50, высокий, сухощавый, с европейскими формами и весьма порядочно объясняющийся по-французски. Он говорил скромно, с оттенком грусти, что Турция подавлена, обессилена; что единственное ее спасение заключается в дружеских отношениях с Россией**, даже были намеки на оборонительный и наступательный союз. Реуф уверяет, что дело решено между Россией и Портою окончательно, и до Европы не касается; что конгресс не может ничего прибавить, ни убавить, и т. д. Не знаю, в какой степени было чистосердечно это заявление; но когда я клонил речь к тому, чтобы принять общими силами меры к*** защите Босфора и преграждению пути английскому флоту, Реуф как будто не понимал меня, говорил о другом и даже, позабыв сказанное прежде, хвастливо уверял, что Турция имеет еще до 250 тысяч войска и все материальные средства для защиты не только Босфора, но и Дарда-

* признаваться

** он даже произносил выражение оборонительный и наступательный союз.

*** заграждению

нелл. Главным же предметом нашего разговора был вопрос о возвращении турецких пленных. Мы расстались весьма дружелюбно, а чрез полчаса после его отъезда я отдал ему визит. Адъютант мой Арапов назначен мною состоять при Реуфе на время его пребывания в Петербурге.

4-го марта. Суббота. — В начале моего доклада Государю присутствовал граф Н. П. Игнатьев для разъяснения некоторых сомнений, встреченных в трактате относительно наших распоряжений по военной части. Опять рассуждали о возможности удержания Босфора в случае войны с Англией. К сожалению, предложенное по этому предмету совещание не может состояться по болезни Тотлебена. Я очень боюсь, что мы теряем время и не успеем ничего приготовить к неизбежной, по-видимому, войне. Великий князь Николай Николаевич, который всегда торопится в распоряжениях, заботится уже о перевозке морем гвардии и гренадер, вместо того, чтобы заняться прежде всего восстановлением благоустройства в своей армии, весьма дезорганизованной и* не готовой к новой войне.

Сегодня Реуф-паша имел аудиенцию у Государя. Она продолжалась около получаса и по всему видно, что турецкий посол очень доволен приемом. Пока не знаю еще, какие были разговоры; слышал только от моего адъютанта, что Реуф выпросил разрешение Государя теперь же отпустить с ним пленного Османа-пашу. Завтра Реуф представится императрице.

6-го марта. Понедельник. — Вчера после обедни и пред разводом было у Государя совещание, в котором присутствовал и великий князь Константин Николаевич. Англия делает новые затруднения относительно конгресса; очевидно, она вовсе не хочет, чтобы дело уладилось, а напротив того, решилась** во что бы ни стало на разрыв с нами. Государь и канцлер потеряли уже надежду на мирный исход дела; положено телеграфировать великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он принял меры к занятию Босфора и сосредоточивал свои силы.

После совещания был развод, на котором присутствовал Реуф-паша. Перед обедом получил я приказание Государя приехать вечером во дворец. Было опять совещание с канцлером и великим князем Константином Николаевичем по поводу полученных от великого князя Николая Николаевича двух телеграмм о том, что турки делают

* вовсе

** по-видимому

затруднения к посадке наших войск на суда у Буюкдере, и что англичане объявили Порте о решении своем, в случае приближения русских войск к Босфору, ввести в проливы свою эскадру. Сведение это сильно встревожило Государя. Приехав домой, я приготовил телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он приостановил отправку гвардии и гренадер и готовил все на случай войны с Англией²⁵⁷.

Сегодня, после обычного своего приема в канцелярии Военного министерства, я был у Государя для доклада о том, к каким распоряжениям следовало бы ныне же приступить для усиления нашего военного положения. Вместе с тем Государь прочел мне полученные новые телеграммы из Берлина и Лондона. Князь Бисмарк разъясняет свое предложение о предварительном совещании несколько в ином смысле, чем в прежнем заявлении генерала Швейница, — в смысле более для нас удобном²⁵⁸.

Вечером получена шифрованная телеграмма от великого князя Николая Николаевича к Государю. Не видя возможности разобрать эту телеграмму нашим военным шифром*, я посылал ее для разбора к графу Адлербергу и к Гирсу (в Министерство иностранных дел); оба они также не признали этот шифр своим. В первом часу ночи ко мне приехал граф Адлерберг от Государя с тою же несчастною телеграммой и нам удалось, после долгих попыток, работая вместе, добиться толка; оказалось, что телеграмма написана военным шифром, но в совершенно искаженном виде. Содержание телеграммы относится к вопросу о занятии Босфора** и подтверждает прежнее сведение, что турки затрудняются допустить посадку наших войск на суда в Буюкдере, вследствие угрозы англичан ввести в Босфор свою эскадру.

7-го марта. Вторник. — Совещание у Государя происходило в два приема по поводу полученных телеграмм о нахальстве англичан, угрожающих вступлением в Босфор. Государь раздражен и крайне нервен. Между ним и князем Горчаковым была горячая схватка; оба разгорячились из-за пустяков: Государь, подстрекаемый членами семьи, желал, чтобы заявлено было не только в Лондоне, но и пред Европой, о новых нахальствах англичан; канцлер находил это неуместным, бесцельным. Он дошел до того, что отказался положительно подписать всякое подобное заявление и готов был сказатьсь больным. Сцена эта происходила при втором нашем совещании, назначенном в 3¹/₄ часа, в присутствии великого князя Константина

* первоначально: «шифр был так перевран»

** но не заключает в себе ничего важного.

Николаевича и графа Игнатьева. Спор кончился ничем. Мне поручено было проектировать телеграмму к великому князю Николаю Николаевичу. Шифровка и разборка телеграмм отняли у меня большую часть дня²⁵⁹.

В 3 часа, по условию, был у меня Реуф-паша, чтобы проститься. Он уезжает сегодня же вечером. По-прежнему он дает самые дружественные заверения и вчера, в разговоре с Игнатьевым, почти дал положительное обещание уладить дело Босфора. Игнатьев изложил весь этот разговор на бумаге и прочел самому Реуфу, который пожелал оставить себе копию. Быть может, он и чистосердечен; но сможет ли привести в исполнение даваемые обещания, когда в голове турецкого министерства стоит отъявленный приверженец англичан, а все пружины в Порте в руках Лаярда.

Канцлер настоял, чтобы мне поручено было объявить Реуфу, что в случае вполне добросовестного исполнения Портою всех условий договора и дружественного ее поведения при предстоящих осложнениях политических, Государь готов оказать великодушное возвращением Порте южной части уступленной ею территории в Азии, именно Алашкертской и Баязитской долины. Турки придают большое значение этой территории, а для нас она не имеет никакой цены, скорее даже* обуза. Реуф очень благодарил за это обещание; но я прибавил, что Государь желает, чтоб в виде взаимности, Порта также приняла на себя окончательно обязанность уступить в пользу Персии спорный участок около Котура. Вопрос этот, по-видимому, мало был знаком Реуфу; он счел нужным записать это название в своей записной книжке. Мы распростились совершенно приятно. Адъютант мой Арапов провожает его до Москвы. В Харькове присоединятся к нему Осман-паша и Тевфик-паша, которые теперь же освобождены из плена. Если суждено войне возобновиться, — то чего доброго, Осман опять явится нашим противником и напомнит о Плевне.

Генерал Гика предъявил сегодня канцлеру меморию, с которою румынское правительство обращается к европейскому конгрессу, протестуя против требуемой Россией уступки Южной Бессарабии взамен Добруджи. Наговорено много, но серьезного мало. Между тем, Стюарт телеграфирует из Бухареста, будто румыны начинают подаваться на предложенный им обмен, но только намерены торговаться.

11-го марта. Суббота. — Вчера во дворце был большой парадный обед по случаю дня рождения императора Вильгельма.

* почти

В последние дни политические дела мало подвинулись вперед. Англия продолжает заявлять какие-то свои условия для участия в конгрессе, но в таких выражениях, что трудно даже понять, в чем заключается различие в мнениях обоих кабинетов. Это какой-то диалектический спор**, основанный на обоюдных недоразумениях и темноте выражений, а из-за этого остановка в созыве конгресса. По-видимому, Англия сама не знает, под каким благовидным предлогом расстроить конгресс.

Из Вены же последние сведения были как будто несколько успокоительнее. Принц Александр Гессенский был приглашен в Вену и имел знаменательные разговоры с императором Францем-Иосифом и с графом Андраши. Вчера на совещании у Государя было прочитано письмо принца²⁶⁰. Из него видно, что в Австрии нашли не довольно любезным последнее письмо Государя и вообще остались недовольны всем ведением дела с Турциею без соучастия Австро-Венгрии. Ясно, что в Вене желали бы иметь более осязательный повод к занятию Боснии и Герцеговины. Государь, по соглашению с канцлером, решился послать в Вену Игнатьева, чтобы разъяснить возникшие недоразумения и постараться уладить их. С ним посылается новое собственноручное письмо Государя к императору Францу-Иосифу. По мнению многих выбор Игнатьева для этого поручения очень неудачен; Игнатьева не любят в Вене; он в личной вражде с Андраши. Но канцлер прямо признает, что другого нет, кто мог бы исполнить подобное поручение. Граф Игнатьев выезжает завтра. Ему дана *carte blanche* придумать*** возможные для нас изменения в условиях договора с Турцией, чтобы только успокоить Австро-Венгрию****²⁶¹.

18-го марта. Суббота. — Целую неделю не выхожу из комнаты по болезни; первые дни не мог вовсе заниматься делами; можно было опасаться тифа. Сегодня намеревался выехать с докладом; но врачи не пустили и, действительно, было бы преждевременно; чувствую себя еще очень слабым.

Граф Гейден, после доклада у Государя, приехал ко мне, чтобы передать мне приказание Его Величества. В эту неделю политиче-

* требования

** игра слов

*** всякие

**** Далее Д. А. Милютин делает примечание: «Прилагается здесь в отдельной записке еще один эпизод из слышанного мною в апреле 1886 года рассказа Н. К. Гирса». См. Приложение VIII.

Граф Ф. Л. Гейден

ское положение еще мрачнее, чем прежде; лорд Дерби вышел из министерства; в Англии призывают резервы; о конгрессе уже нет и речи. Телеграммы от графа Н. П. Игнатьева из Вены еще не заключают в себе ничего определительного. Государь встревожен, видит необходимость разрыва с Англией; а канцлер все по-прежнему чего-то выжидает и только рассылает ответные телеграммы в стиле древних авгуров. Граф Гейден рассказал мне, что сегодня опять была в его присутствии сцена между Государем и канцлером, который при чтении записки, составленной по моему поручению генералом Обручевым о настоящем положении дел²⁶², не хотел даже входить в суждения, повторяя, что теперь дело до него не касается. Государь с горячностью опроверг этот взгляд канцлера, высказав ему, что в настоящих обстоятельствах политику нельзя так отделять от военных вопросов; Государь приказал графу Гейдену передать мне приказание составить проект телеграммы к великому князю Николаю Николаевичу относительно предстоящего образа действий, а князю Горчакову приказал побывать у меня, чтобы сговориться относительно редакции телеграммы.

В то время, как мы с графом Гейденом сочиняли телеграмму, приехал ко мне генерал Обручев, а вслед за ним неожиданно влетел в мой кабинет сам канцлер с бароном Жомини. Мы прочли ему толь-

ко что сочиненную телеграмму; но и тут он устранил себя от всяких рассуждений, повторяя только свою обычную фразу, что он умывает себе руки, так как уже полтора года не следуют его советам и мнениям. Я пробовал поставить категорический вопрос: да что же, по его мнению, можно бы теперь нам делать? Имеет ли он что-либо предложить, чтобы избежать войны? Канцлер не давал прямого ответа на эти вопросы. Бросив несколько бойких фраз, он удалился в сопровождении неразлучного своего наперсника.

Сочиненная мною телеграмма была переписана, и прежде чем я успел отослать ее на высочайшее утверждение, приехал ко мне сам Государь. Он пробыл у меня с полчаса; разумеется, разговор был исключительно о теперешнем натянутом положении дел, о новых нечестивых проделках английского кабинета, причем Государь повторил слышанное мною уже не раз его замечание: что «когда честный человек ведет дело честно с человеком бесчестным, то всегда останется в дураках». Проектированная телеграмма была вполне одобрена и отправлена²⁶³.

В то время, когда у меня в кабинете велись все эти серьезные разговоры сперва с канцлером, потом и с самим Государем, внизу молодежь моя беззаботно веселилась: шла репетиция домашнего спектакля.

Перед обедом же навестил меня Грейг. И он уже перестал заступаться за британцев.

21-го марта. Вторник. — Вчера выехал в первый раз из дому. К часу дня был приглашен во дворец вместе с князем Горчаковым, а потом ездил в манеж для предварительного осмотра новых орудий, вводимых в нашей артиллерии. Сегодня был во дворце с обычным своим докладом, по окончании которого присутствовал при докладе канцлера. Ожидают сегодня вечером возвращения графа Игнатьева из Вены и по разным признакам полагают, что он не привезет нам ничего утешительного. Из Лондона** ожидается циркуляр ко всем большим дворам, но какого содержания неизвестно. Государь очень озабочен известиями, доходящими из армии о здоровье и в особенности о нравственном настроении великого князя Николая Николаевича, который, по-видимому, был в полном очаровании относительно окончания войны и в твердом уповании на возвращение в Россию. Теперь, когда он начал получать настоятельные повеления о приготовлениях к занятию Босфора, как кажется, он совсем потерял бо-

* корнака

** также

дрость духа и находит во всем затруднения. Государь очень недоволен вялым его образом действий и неисполнением повелений; даже идет речь о том, чтобы заместить великого князя другим лицом, и по этому случаю мне было поручено переговорить с генералом Тотлебенем, хотя он еще не оправился от болезни. Вчера, когда я представлялся императрице, чтобы выразить мою признательность за участие, с которым она наведывалась ежедневно о моей болезни, она также завела разговор о замещении великого князя Николая Николаевича. Я упомянул в числе кандидатов о великом князе цесаревиче; но императрица резко восстала против этой кандидатуры: «non, de grâces, c'est impossible»*.

Сегодня Государь смотрел новые орудия в инженерном манеже при большом числе присутствующих. Всем понравилось более всего скорострельное орудие Барановского (калибра 2, 5 д.). По общему желанию артиллеристов Государь разрешил переменить цвет окраски артиллерийских лафетов и зарядных ящиков: вместо яркой зеленой будет введена темно-зеленая краска, более практичная во всех отношениях.

22-го марта. Среда. — В 11 часов утра собрались у Государя, кроме двух великих князей, князь Горчаков, граф Н. П. Игнатъев, граф Адлерберг и я. Посольство Игнатъева оказалось решительно безуспешным; привезенные им сведения о настроении Австрии и требованиях, заявляемых графом Андраши, превосходят все, что можно было ожидать худшего. Венский кабинет уже** не довольствуется условиями Рейхенбергского²⁶⁴ соглашения. Между тем в газетах напечатано содержание циркулярной ноты лондонского кабинета к представителям Англии в главных государствах²⁶⁵. Циркуляр этот является в газетах ранее, чем предъявлен официально кабинетам. Поразительна наглость, с которою англичане извращают факты и толкуют по-своему условия Сан-Стефанского договора.

Государь, конечно, раздражен и взволнован; он снова выражал неудовольствие на действия главнокомандующего, в особенности за недостаточно энергичные распоряжения для занятия Босфора. Князь Горчаков по-прежнему не хочет ничего отвечать на циркуляр английский, повторяя, что всякие новые объяснения будут напрасны. Я решился высказать противное мнение: что нам нет никакой выгоды

* «Нет, помилуйте, это невозможно» (*фр.*).

** отрывается даже от буквальных условий заключенной Рейхштадтской конвенции

ускорять разрыв, а напротив того, если война неизбежна, то лучше протянуть долее переговоры. Во всяком случае нельзя оставить английский циркуляр без ответа; молчание наше будет принято Европой за сознание нашей неправоты**, а нахальства английские послужат к обвинению России в действительных честолюбивых замыслах. Я доказывал, что при каких бы невыгодных условиях не состоялся теперь конгресс, он все-таки мог бы привести дело к более благоприятному разрешению, чем может во всяком случае привести новая война, угрожающая нам самыми губительными последствиями. Государь во многом соглашался с моим мнением; но канцлер упорно оставался при своем поп possumus*** и предлагал мне взять на себя редакцию ответного циркуляра. Спор кончился, как обыкновенно, ничем: положено было дожидаться получения, с одной стороны, английского циркуляра официальным путем, с другой — ответного письма от императора Франца-Иосифа****, которое может придти дня через два.

Страшно подумать, что в такой критический момент, когда может быть решается будущность России, политика ее в таких бессильных, старческих руках. У князя Горчакова не только нет никакой инициативы в ведении дела (что было и прежде главным его недостатком), но даже нет мысли; он исключительно отделяется редакцией коротких ответных телеграмм, в которых большею частью одни неопределенные фразы без конкретного содержания*****.

23-го марта. Четверг. — Еще не получены ни английский циркуляр, ни письмо австрийского императора; поэтому сегодня князь Горчаков и не был во дворце. Государь потребовал к себе генерала Тотлебена и предварил его о намерении своем послать его в действующую армию, первоначально в помощь главнокомандующему, а потом и для замещения его, в случае болезни. Генерал Тотлебен откровенно высказал Государю, в каких натянутых отношениях он с давних времен находится к великому князю Николаю Николаевичу.

Пред обедом заезжал ко мне граф Н. П. Игнатьев; говорил о том, что в Министерстве иностранных дел нет ровно никакой руководящей программы*****. Я убеждал его изложить свой взгляд письменно для представления Государю.

* даже

** а английские нахальные обвинения против нас

*** не возможно (лат.)

**** обещанного дня через два.

***** Дипломатическим противникам его открыто просторное поле беззащитного гаерства.

***** для ведения политики.

24-го марта. Пятница. — У Государя было совещание опять о мерах против распространения социалистической пропаганды. Участвовали Валуев, Тимашев, Мезенцов, граф Толстой, граф Пален и я. — Говорили* много, но большею частью все давно известное и пережеванное; ничего, конечно, не придумали; решено только, чтобы названные лица (кроме меня) снова собрались и потолковали между собою. Вперед можно предвидеть, что и на этот раз дело окончится одними** бессодержательными фразами²⁶⁶.

Граф Н. П. Игнатъев опять был у меня и сказал, что ему удалось наконец убедить канцлера приготовить ответ на ожидаемый английский циркуляр; но и тут, по словам Игнатъева, проектированный бароном Жомини ответ, так же как и все прежние телеграммы и ноты князя Горчакова, заключается в одних пустых фразах. Снова я убеждал графа Игнатъева набросать, хотя бы в виде конспекта, содержание того ответа, которого заслуживает нахальство английского циркуляра^{***}. Не знаю, исполнит ли он обещание; ему не хочется раздражать против себя князя Горчакова, который и без того уже злобствует и на графа Игнатъева и на меня. Тщеславию его и эгоизму нет предела.

25-го марта. Суббота. — По случаю дня Благовещения и полкового праздника конной гвардии, утренний мой доклад и следовавший затем доклад канцлера были прерваны, можно сказать, на половине слова; притом же канцлер заявил, что необходимо присутствие графа Игнатъева. Поэтому суждения по вопросам политическим были назначены вечером в 8¹/₂ часов. Потеряв много времени на поздравление двух юбиляров — генерал-адъютантов Бистрома и Глинки-Маврина, а потом на полковой парад конной гвардии, я отпросился у Государя не быть на обеде во дворце, и чрез то успел набросать наскоро программу того ответа, который, по моим понятиям, следовало бы дать на английский циркуляр маркиза Салисбюри. Утром я представил Государю записку, составленную по тому же предмету графом Игнатъевым²⁶⁷; записку эту Государь удержал у себя, так как

* довольно

** риторическими

*** *Первоначальный текст после слов «...окончится одними бессодержательными фразами»: «Граф Н. П. Игнатъев опять был у меня и сказал, что ему удалось, наконец, убедить канцлера приготовить ответ на ожидаемый английский циркуляр; но и тут ничего серьезного не сумели сделать; по словам Игнатъева, проектированный бароном Жомини ответ, так же как и все прежние телеграммы и ноты князя Горчакова, заключается в одних пустых фразах без внутреннего содержания. Я убеждал опять графа Игнатъева набросать хоть род конспекта того, что по нашему мнению, должно бы заключаться в нашем ответе на английский нахальный циркуляр».*

граф Игнатъев не желал становиться в препирательство с канцлером и уже уговорил его, при проектированном им кратком циркулярном ответе, приложить в виде отдельной записки подробное разъяснение всех затронутых в английском циркуляре вопросов, для восстановления в истинном свете условий Сан-Стефанского договора. Когда мы собрались вечером у Государя — канцлер, великий князь Константин Николаевич, граф Игнатъев и я, то Государь, предваренный мною заранее, сказал князю Горчакову о подготовленном мною проекте ответа. Я прочел этот проект, предварительно объяснив, что он составлен на тот случай, если мы еще желаем возобновить предположения о созвании конгресса; ибо главная развиваемая мною тема заключается именно в том, чтобы выставить пред Европою, что не мы* отказываемся от обсуждения вопросов общей политики в Европейском ареопаге, а напротив того, считаем откровенное соглашение между всеми заинтересованными державами единственным средством для установления окончательного мира и удовлетворительного разрешения восточного вопроса. По прочтении моего проекта Государь, великий князь Константин Николаевич и граф Игнатъев отозвались сочувственно; но князь Горчаков, хотя и не выказал неудовольствия и раздражения, которых я ожидал, однако ж объявил, что он не согласен с общим духом моего проекта и считает возможным только разве воспользоваться некоторыми местами его. Он взял мой проект в свой портфель и затем совещание обратилось в простую беседу²⁶⁸. Когда мы вышли из государева кабинета и обменялись несколькими словами, то я еще раз удостоверился, что** канцлер наш уже охладел к предположению о конгрессе, видя, что ему не удастся играть на нем роль победителя или, как некоторые выражаются, не удастся «kozyрять». В этом мнении поддерживает его граф Шувалов, который в своих депешах твердит о возможности и преимуществах отдельного соглашения с Англией. Он уверяет, будто со времени выхода лорда Дерби из министерства, в Англии*** заметно более прежнего мирное настроение. Министры королевы даже спрашивали у графа Шувалова: правда ли, что граф Игнатъев, в бытность свою в Вене, в разговоре с каким-то корреспондентом газеты «Daily-Telegraph» высказал, что Россия не воспротивилась бы занятию англичанами какого-либо острова архипелага в виду Дарданелл, хоть, например, Митилена. Многие думают, что виды лон-

* избегаем общего обсуждения

** канцлеру нашему уже не хочется воскресить предположение о конгрессе.

*** некоторый более мирный тон.

донского кабинета в том и заключаются, чтобы при настоящем раздроблении Турции, которому она вовремя не воспрепятствовала, поживиться каким-нибудь приобретением для усиления своего положения в Средиземном море. Граф Игнатъев выразился сегодня, что по его мнению Россия могла бы подарить Англии хоть два или три таких островка, лишь бы покончить дело без войны. Как ни прискорбны для нас всякие подобные уступки после победоносной кампании, не могу однако же не признать, что еще прискорбнее будет рисковать новой войной против половины Европы. Все благоразумные люди понимают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас бедствием; во всяком случае она не могла бы доставить нам более, чем теперь выгодный мир и более поддержать «достоинство» России. Один только наш канцлер, в постоянной заботе о своей популярности, продолжает «kozyрять» и под влиянием газетного quasi-патриотизма мечет громы на всю Европу, конечно, только на словах и в телеграммах. Он опять разглашает в петербургских «салонах», что проучил бы Европу, если б «министр военных сил» (sic) не заявлял о неготовности армии к войне*.

26-го марта. Воскресенье. — В 10¹/₂ часов утра была торжественная встреча на станции Николаевской железной дороги приехавшего с Кавказа великого князя Михаила Николаевича со всем его семейством. К 1 часу, т. е. между обеднею и разводом, было у Государя совещание (князь Горчаков, граф Игнатъев и я), в котором присутствовал и великий князь Михаил Николаевич. Канцлер прочел составленный бароном Жомини проект объяснительной записки, которая должна быть приложена к ответному циркуляру на английский циркуляр. Записка эта составлена по материалам, данным Игнатъевым; многое

* *Первоначальный текст после слов «...лишь бы покончить дело без войны»:* «Не могу не сказать с своей стороны, что я нахожу во всяком случае гибельным для России рисковать новою войной против половины Европы, из-за того только, чтобы самодовольно сказать, что мы не хотим уронить своего достоинства какими бы то ни было уступками. Все благоразумные люди понимают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для России бедствием и во всяком случае не могла бы привести нас к лучшему политическому положению, чем то, в котором мы теперь находимся после победоносной кампании. Новая война не обещает нам никаких успехов оружия, которые могли бы повести к заключению более выгодного для нас мира и более возможности поддержать «достоинство» России. Один только наш канцлер, в постоянной заботливости только о своей собственной личности и своей популярности, продолжает «kozyрять» и под влиянием резких газетных статей, quasi-патриотизма, мечет перуны на всю Европу, конечно, только на словах и в телеграммах. Он опять кричит во всех петербургских «салонах», что он хочет проучить Европу, что на это «министр военных сил» (sic) заявляет о неготовности армии к войне».

заимствовано из моего вчерашнего проекта. Вообще записка эта оказалась мне удовлетворительною; по крайней мере в ней в первый раз наше Министерство иностранных дел дает себе труд войти в объяснения по самому существу дела, не ограничиваясь одними бессодержательными фразами²⁶⁹.

27-го марта. Понедельник. — После обыкновенного моего приема в Министерстве представляющихся и просителей я должен был к 11^{1/2} часам быть во дворце. Назначено было совещание в двух актах: сначала политическое, при участии канцлера, а потом военное с генералом Тотлебенем и адмиралом Лесовским; в обоих участвовали великие князья Константин и Михаил Николаевичи, Владимир Александрович, граф Игнатъев, граф Адлерберг и я. Оба совещания продолжались более 4-х часов. Вследствие полученных от великого князя Николая Николаевича письменных объяснений настоящего положения дел, Государь заметно изменил свой взгляд на занятие Босфора; он * видит теперь, что ** задача эта не легкая, что приведение в исполнение тех требований, которые Государь много раз выражал относительно скорейшего занятия берега Босфора, повело бы неминуемо к разрыву с Англиею, а может быть и с Турцией²⁷⁰. В то же время получена из Берлина телеграмма о предложении, сделанном князем Бисмарком, войти в переговоры с лондонским кабинетом об удалении английского флота из Мраморного моря с условием, чтоб и мы отвели наши войска от Константинополя так, чтобы они были в стольких же часах пути от турецкой столицы, как и флот английский²⁷¹. Предложение это *** единогласно одобрено; однако ж и тут канцлер хотел вернуть свои дополнительные условия, которые имели бы непременно последствием, что **** предложение Бисмарка сделалось бы неисполнимым. Старик долго и горячо спорил; но должен был, наконец, редактировать ответную телеграмму согласно требованию Государя, т. е. в смысле безусловного согласия на предложение. Впрочем, мы все заметили, что при более точном определении условий должно оказаться недоразумение: если английский флот выйдет даже из Дарданелл, например, к Безике, то все-таки он будет от Босфора в каких-нибудь 30 или 36 часах пути; наши же войска и в теперешних позициях находятся от берега Босфора в 40 часах; следовательно им не пришлось бы вовсе отходить назад.

* понял

** предприятие это

*** обрадовало всех

**** предложенная Бисмарком сделка

Были еще другие предметы суждений, вызвавшие упорные возражения со стороны канцлера. Он был сегодня особенно раздражителен и упрям, так что Государь вышел из себя и высказал старику довольно колкие упреки. Между прочим дело шло о том, чтобы несколько смягчить наши отношения к Румынии и войти с нею в переговоры о новой военной конвенции. Канцлер упорно отказывался от всякого участия в этом деле, повторяя, что оно касается Военного министерства, и что для заключения означенной конвенции достаточно послать военное лицо. Пришлось уступить его капризу и решено было возложить это поручение на полковника Боголюбова, так хорошо показавшего себя в Черногории. Под конец совещания Государь ласково протянул руку князю Горчакову, как бы в виде примирения; старик был тронут и* сказал: «J'ai déjà dit bien de fois, Sire, que Vous êtes une sirène»**.

Во втором совещании, военном, обсуждался собственно вопрос о занятии Босфора с точки зрения исполнения. Генерал Тотлебен высказал свой план действий, хотя и признает также операцию эту весьма трудною и*** рискованною. Государь прочел письмо, полученное от великого князя Николая Николаевича в ответ на сделанный ему Государем вопрос о состоянии здоровья. Великий князь главнокомандующий сознавался в полном расстройстве своем и выражал потребность отдохновения²⁷². Вследствие этого Государь объявил генералу Тотлебену намерение свое возложить на него командование армией, но выждав прибытия генерал-майора князя Имеретинского, посланного великим князем Николаем Николаевичем для дополнительных словесных разъяснений. Его же, князя Имеретинского, прочит генерал Тотлебен в начальники штаба.

Четырехчасовое совещание очень утомило меня; после последней болезни силы мои еще не вполне восстановились. Тем не менее я должен был еще ехать в Государственный совет, где великий князь Константин Николаевич назначил мне свидание для объяснений по какому-то делу; но я приехал туда, когда все уже разъехались.

28-го марта. Вторник. — При докладе моем и потом при совещании с государственным канцлером присутствовали наследник цесаревич (в первый раз после болезни), великие князья Михаил Николаевич и Владимир Александрович; при совещании же кроме того и граф Игнатъев.

* повторил свою фразу

** «Я уже много раз говорил, Ваше Величество, что Вы — сирена» (фр.).

*** неверною.

Князь О. фон Бисмарк

Совещание было сегодня непродолжительное и не заключало в себе ничего важного, кроме разве прочитанной телеграммы великого князя Николая Николаевича, который еще до получения извещения о предложении князя Бисмарка узнал уже от турецких министров, что султан на просьбу о выходе английского флота из Мраморного моря получил от королевы ответ, что она и рада бы исполнить это желание своего друга с условием, чтоб и русские войска отошли на соответственное расстояние от Константинополя, но что не решается сама* предложить это России, опасаясь, чтобы последняя не обиделась таким заявлением²⁷³. Известие это подтверждает догадку, что самое предложение князя Бисмарка внушено ему из Лондона.

После совещания я продолжал еще свой доклад и представил расчет наших сил и распределение их на случай войны.

После доклада был у великого князя Константина Николаевича, который желал переговорить со мной о предположенном образовании в случае войны особого вида каперства, посредством частных судов русских с некоторыми только атрибутами военными, под названием «морского ополчения»²⁷⁴.

* заявить об этом

Был на панихиде по умершем генерал-лейтенанте Леонтьеве, начальнике Академии Генерального штаба. Жаль этого человека, — дельного и добросовестного труженика. Он много принес пользы Академии и Генеральному штабу. Предполагается на его место назначить Драгомирова, который вследствие раны едва ли когда-нибудь может возвратиться к полевой службе.

Наконец успел я быть и в Комитете министров, где рассматривалось представление министра путей сообщения о выдаче концессии* банкиру Блюху на постройку железной дороги в Царстве Польском от Ивангорода до Домброва с ветвью к Колюшки (на Лодзь). Комитет нашел** это представление несвоевременным²⁷⁵.

30-го марта. Четверг. — Вчера присутствовал я на отпевании покойного генерала Леонтьева. Потом происходило опять двойное совещание во дворце. Сперва собственно по военному вопросу, с участием генерала Тотлебена и адмирала Лесовского, о действиях на берегах Босфора, а потом по вопросам политическим, с князем Горчаковым и графом Игнатьевым. Из всех соображений и расчетов убедились, что предложение, сделанное будто бы князем Бисмарком об удалении как английской эскадры, так и наших войск от Константинополя, будет иметь для нас более невыгодных, чем выгодных результатов. Решено, по предложению Тотлебена, сделать распоряжение, чтобы нужные для защиты Босфора мортиры и мины были немедленно погружены на суда и держались в готовности к отплытию из наших портов по первому приказанию.

Во втором акте совещания князь Горчаков прочел проект депеши к послу нашему в Вене Новикову, в виде инструкции по поводу наглых заявлений графа Андраши. Малейшее замечание кого-либо из присутствующих, не исключая*** и самого Государя, раздражало канцлера. Я настоял, чтобы не делать уступки Австрии по вопросу о распространении ее в глубь Старой Сербии до Митровицы. Князь Горчаков****, чуждающийся всяких географических данных, хотел было и тут, по своему обыкновению, отделаться вспышкой; но Государь, молча, взял карандаш и собственноручно изменил то место, о котором шла речь²⁷⁶.

Сегодня, после моего доклада, опять совещание и опять канцлер выходил из себя. Поводом к тому было желание Государя, чтобы

* знаменитому еврею

** несвоевременным теперь выдавать подобную концессию.

*** даже

**** не имеющий никакого понятия о географических данных

граф Игнатъев теперь же, пока еще не решен вопрос о сборе конгресса, поехал в Константинополь чрезвычайным послан, чтобы побороть влияние Лаярда. Князь Горчаков и слышать об этом не хотел; повторял несколько раз одно и то же — что не может ехать один на конгресс и что вынужден будет сказаться больным. Как ни объяснял Государь, что в случае созыва конгресса Игнатъев успеет приехать в Берлин, старик как будто не понимал и все твердил свое. Мы, присутствующие, дивились терпению Государя, который на сей раз сохранил спокойствие, что было нелегко. С князем Горчаковым нет возможности обсуждать дело; он не слушает, не усваивает себе того, что ему говорят, и привык перебивать своего собеседника на первых словах, не входя вовсе в существо предмета. Можно ли ожидать чего-нибудь хорошего для России от такого представителя ее интересов на конгрессе?

Из дворца я заехал к великому князю Михаилу Николаевичу. И он и великая княгиня Ольга Федоровна* были со мной очень любезны.

В числе многих лиц, бывших у меня сегодня (это день докладов начальников главных управлений), посетил меня во второй раз приехавший из Константинополя армянский архиепископ Хорен де Нарбей. Я имел с ним продолжительный разговор; он говорил о желаньях армянского населения Малой Азии получить также некоторую автономию; предлагал в случае возобновления войны формировать из армян милицию; но в особенности просил поддержки со стороны России вооруженному восстанию среди небольшого армянского населения, обитающего в горах Тавра, близ залива Александретского (около Адана). По словам архиепископа, здесь живет около 50 тысяч армян, сохранивших воинственность и пользующихся до сих пор некоторою автономией. Это-то небольшое население и должно служить ядром предположенного восстания против турецкого владычества. Архиепископ прежде всего просит о присылке туда кого-либо из наших офицеров, армянской национальности, для руководства и организации вооруженного восстания. Я обещал ему подумать и переговорить с кем следует; но не думаю, чтоб из этого что-нибудь вышло. Армяне хитрят и заискивают в Англии, которая поддерживает их в видах нам враждебных.

2-го апреля. Воскресенье. — Ежедневно продолжают наши со-
вещания по делам политическим. Предложение князя Бисмарка принято обеими сторонами; но Англия заявила, что выведет свой флот из Дарданелл только в том случае, если мы отведем наши войска до

* на сей раз

Князь А. К. Имеретинский

Адрианополя. Подобное условие, конечно, не можем мы принять; в таком смысле и дан сегодня ответ князю Бисмарку, причем, по предложению моему, добавлено, что всякое наше движение назад из теперешних наших позиций поставит нас в невозможность предупредить английский флот в Босфоре, а потому необходимо придумать какие-нибудь другие гарантии, взамен предположенного первоначально основания расчета — равенство расстояний *по времени* пути. В этом смысле я уже говорил и прежде, при встрече с германским послом Швейницем, который вполне понимает несообразность английского предложения и всю неравномерность обоюдных уступок.

Вчера вечером приехал князь Имеретинский с поручением от великого князя Николая Николаевича словесно объяснить Государю положение дел, состояние армии и состояние самого главнокомандующего. Князь Имеретинский умеет хорошо и дельно говорить; рассказ его произвел сильное впечатление на Государя. Сегодня утром, когда мы собрались в кабинете Его Величества (князь Горчаков, Тотлебен, князь Имеретинский и я), Государь говорил уже совсем иначе о возможности захвата нами Босфора. Он увидел, что дело это не только не легкое, но даже едва ли возможное при настоящих обстоятельствах. В случае же, если отойдем хотя на шаг назад, мы должны совсем уже отказаться от этого предположения и, впусив англичан в Черное море, едва ли будем в состоянии удержаться и за Балканами.

Тотleben справедливо заметил, что в случае малейшей нашей неудачи под стенами Константинополя (где турецкая армия быстро формируется и умножается) положение наше может сделаться критическим. А неудача весьма возможна, ввиду сильных укреплений, воздвигнутых турками пред нашими глазами, при крайне трудной местности, необеспеченности сухопутных и морских сообщений, а главное ввиду расстройств армии. Князь Имеретинский вполне подтвердил то, что уже нам было известно, — что, в продолжение более двух месяцев спокойной стоянки за Балканами, начальством армии ничего почти не сделано для восстановления материального и нравственного ее благоустройства; между тем как со стороны турок, после понесенного страшного погрома, кипела и кипит деятельность для восстановления военных сил Порты. Турки все время морочили нашего наивного главнокомандующего, который убаюкивался как ребенок почетными и радушными приемами, льстивыми уверениями министров, а в особенности Реуфа-паши, прикинувшимся приверженцем союза с Россией. На деле же, как по всему видно, турки* не потеряли еще надежд: лишь только решится разрыв наш с Англией, Порты, без сомнения, разорвет Сан-Стефанский договор и пойдет вместе с англичанами против нас. Как же нам помышлять о захвате Босфора**!

Государь должен был идти к обедне; прервав наше совещание, приказал нам остаться, чтобы возобновить его после обедни и завтрака, пред разводом. Князь Горчаков удалился; остались только Тотleben, князь Имеретинский и я, да присоединился еще граф Адлерберг. Государь сам высказал сомнение в возможности захвата Босфора, а вследствие того опасение, что армия наша за Балканами может быть поставлена в весьма трудное положение. Я воспользовался случаем, чтобы поставить вопрос: если при таком обороте дел можно опасаться, что мы будем *принуждены* отступить к Балканам***, то не лучше ли заблаговременно и по собственному нашему почину отвести войска, дав этому отступлению значение политической уступки с тем, чтобы иметь право требовать и от Англии более надежных гарантий, чем одно удаление ее флота в Безику. Государь принял эту мысль сочувственно и выразил желание, чтобы я переговорил с князем Горчаковым; но я просил избавить меня от объяснений с ним, сказав прямо, что говорить с ним спокойно о деле нет возможности. Впрочем, заметил я, заявленное мною предположение найдет себе место в бли-

* даже не останутся и нейтральными, лишь только будет разрыв наш с Англией.

** Первоначально: «Где же тут нам захватить Босфор».

*** быть может, даже вследствие поражения от неприятеля,

жайших совещаниях, когда будут получены ответы из Берлина и Лондона на сегодняшней наш отказ; тогда само собою представится вопрос: что же мы можем предложить взамен высказанного Англией предположения.

Вчера и сегодня в городе нет другого разговора, как только о скандале, случившемся в пятницу по окончании судебного процесса г-жи Засулич, выстрелившей в генерала Трепова и ранившей его. К общему удивлению суд оправдал, а, вследствие этого, собравшаяся на улице толпа произвела демонстрацию в честь преступницы и ее защитника. Уличный беспорядок кончился несколькими выстрелами из толпы, которая после того разбежалась, а на месте остался убитый молодой человек и раненая девушка. Сама преступница, освобожденная уже судом, скрылась. Такой странный конец дела подал повод к самым нелепым толкам. Вся публика разделилась на два лагеря: весьма многие*, если не большинство, пришли в восторг от оправдательного решения суда; другие же скорбели о подобном направлении общественного мнения. Всякое подобное дело возбуждает в обществе толки и протесты, с одной стороны против нового нашего судопроизводства и в особенности против института присяжных, а с другой стороны против произвола и самодурства административных властей** 277.

3-го апреля. Понедельник. — В 11 часов утра назначено было собрание Совета министров под личным председательством Государя. Предметом совещания было обсуждение тех экстренных мер для устранения случаев, подобных делу девицы Засулич, т. е. чтобы не оставались безнаказанными преступления против должностных лиц, обязанных по своим должностям ограждать общество от покушений политических пропагандистов. Министр юстиции прочел записку, приготовленную им по предварительному соглашению с некоторыми другими министрами***: граф Пален не нашел другого средства помочь беде, как только взвалить дела подобного рода на военные суды, хотя сам же предполагает исключить женский пол из подсудности военному суду. Я вынужден был сильно возражать; поддержали меня многие из присутствовавших; сам Государь отверг проект министра юстиции. Казалось взяло верх другое мнение, чтобы дела означенного рода изъять из общего порядка судопроиз-

* даже большинство и в том числе многие дамы высшего общества и саповники

** *Первоначальный текст после слов «...другие же скорбели о подобном направлении общественного мнения»: «и незрелости нашего судопроизводства с присяжными. Всякое подобное дело дает новый повод к выражению со стороны общества протеста против произвола и самодурства административных властей».*

*** но без моего ведома.

водства с присяжными, а производить в особых присутствиях, установленных собственно для дел по государственным преступлениям*. Такое решение вопроса было бы самое простое и логичное; но вдруг явилась оппозиция со стороны великого князя Константина Николаевича**, который начал горячо доказывать, что предлагаемая мера не может быть проведена второпях и, как весьма важное изменение существующего судебного устава, подлежит внесению в Государственный совет. Дело еще усложнилось заявлением великого князя Михаила Николаевича о необходимости изменения состава и военных судов; спор дошел до того, что у графа Палена вырвалось странное для министра юстиции мнение о необходимости такого суда, который решал бы «по приказанию начальства». У других же родилось кровожадное желание применения смертной казни. Наконец сам Государь в порыве нетерпения и не находя исхода вспылил, упрекнув всех своих министров гуртом в нежелании или неумении принять какие-либо решительные меры, и, в заключение, строго потребовал, чтобы граф Пален, Валуев и я непременно сговорились втроем и немедленно представили какое-либо окончательное предположение. Тем и закончилось собрание²⁷⁸.

После того князь Горчаков и я приглашены были в кабинет Государя, так же как и великие князья, для прочтения новых телеграмм из Берлина и Лондона по поводу переговоров о выступлении британского флота из Мраморного моря***. Государь спросил у канцлера мнение его о том, не следует ли теперь же начать мобилизацию наших войск по поводу созыва в Англии резервов. Вместо серьезного обсуждения столь важного вопроса, князь Горчаков ответил в двух словах, что он ничего не имеет против мобилизации, как будто вопрос вовсе до него и не касается; а Государь, столь же легко, обратившись ко мне, сказал: «Так надобно исполнить». Само собою разумеется, что такое внезапное, сказанное налету заключение нельзя принять за положительное повеление и, конечно, я возобновлю вопрос завтра или при первом удобном случае.

* Первоначальный текст после слов «сам Государь»: «настолько убедился моими доводами, что потом, в продолжение прений, несколько раз выражался в том смысле, что мысль о передаче дел в военные суды уже устранена. Казалось, что взяло решительный верх то мнение, чтобы искомая экстренная мера заключалась в том, чтобы только дела означенного рода изъять из общего порядка подсудности с присяжными, а производить в особых присутствиях, какое предполагалось и для дел по государственным преступлениям».

** в качестве председателя Государственного совета

*** и мною

Из дворца мы все отправились в Государственный совет, где после общего собрания было заседание особого присутствия по делам о воинской повинности. Обсуждали предположение Морского министерства об учреждении крейсерства посредством частных судов, под видом «морского ополчения»*. Великий князь Константин Николаевич намеревался уже опубликовать составленное положение в таком виде, как** будто правительство уже решило приступить к самому снаряжению крейсеров. Мне удалось, однако же, приостановить неосторожную меру, объяснив, что гласное снаряжение крейсеров в то самое время, когда мы ведем переговоры в Берлине, было бы противуречием и неуместным вызовом Англии на войну. Решено было дать несколько иную форму публикации²⁷⁹.

По возвращении домой я немедленно пригласил к себе статс-секретаря Философова (главного военного прокурора), объяснил ему дело, обсуждавшееся сегодня в Совете министров и поручил ему съездить к графу Палену для личных с ним объяснений. Философов совершенно разделяет мой взгляд на вопрос. Он застал графа Палена вместе с его товарищем сенатором Фришем. Объяснение с ними имело результатом, что они оба должны были согласиться с правильностью наших доводов и отказаться от своего предположения о передаче в военные суды тех дел, которые затрудняют судебное ведомство. Сенатор Фриш взялся приготовить в короткое время предположение на тех именно основаниях, которые указывались и в Совете министров***, — именно в том смысле, чтобы означенные дела подлежали суду в особом присутствии судебных палат без участия присяжных²⁸⁰.

4-го апреля. Вторник. — После моего доклада было обычное совещание с канцлером; но довольно короткое, так как Государь торопился к молебствию в Малую дворцовую церковь. Я также остался к молебствию, после которого был завтрак и затем совещание по азиатским делам. Участвовали кроме великих князей (в числе их и Михаил Николаевич), генерал-адъютант Крыжановский, граф Игнатьев, Гирс и я. Поводом к этому совещанию была представленная Государю фельдмаршалом князем Барятинским записка сенатора барона Торнау. В этой записке и в письме самого князя Барятинского предлагается фантастический проект похода к Герату и чрез Авганистан в Индию. После этой записки прочитаны были мнения Гирса (от Ми-

* И тут выказалось удивительное легкомыслие

** как разрешение правительства приступить уже к самому снаряжению крейсеров.

*** многими министрами

нистерства иностранных дел) и генерала Крыжановского; оба опровергли проект барона Торнау и князя Барятинского; великий князь Михаил Николаевич и я подали тоже мнение, и таким образом мечты скерневицкого боярина были рассеяны. Государь согласился вполне с нашими доводами в пользу действий более осмотрительных, сообразных с нашими силами и средствами²⁸¹.

Из дворца я отправился в Комитет министров, а потом председательствовал в комитете по делам польским. Тут мы объяснились с графом Паленом, Валуевым и Мезенцовым и пришли все к соглашению относительно задачи, возложенной на нас Государем во вчерашнем совещании: положено отказаться от предположения графа Палена о передаче в военные суды дел по преступлениям против должностных лиц; а вместо того производить этого рода дела в судебных палатах без участия присяжных.

5-го апреля. Среда. — В 11 часов утра назначено совещание у Государя; кроме великих князей, князя Горчакова и меня приглашены генерал Тотлебен, граф Игнатъев, князь Дондуков-Корсаков и князь Имеретинский. Долго обсуждали вопрос о возможности занятия Босфора. Приехавший только вчера вечером из Сан-Стефано генерал-лейтенант Анненков был призван в заседание для личного доклада о настоящем положении дел в армии. Анненков смотрит на вещи менее в черном виде, чем князь Имеретинский; однако ж и по его словам занятие Босфора с каждым днем делается все более затруднительным* и рискованным. Приняв эту исходную точку, мы перешли к обсуждению вопроса об условиях, на которых могли бы согласиться на предложения, сделанные Англией чрез посредство Бисмарка. Я старался по-прежнему объяснить, что, отказываясь от занятия Босфора и соглашаясь отвести нашу армию до Адрианополя, мы должны придать сколь можно большую цену этой уступке нашей и выторговать себе возможные выгоды. Но прежде всего мы должны сговориться с Портой и обязать ее: 1) не выдвигать войск далее ныне занимаемых ими позиций; 2) не укреплять их и 3) очистить крепости Шумлу, Варну и Батум. В самом ответе лондонского кабинета упоминается о предварительном нашем соглашении с Портой. Но канцлер не мог никак понять и это простое дело; он, по обыкновению, разгорячился, спорил долго, повторяя все одно и то же и, наконец, подsunул предо мной свой портфель и бумагу, чтобы я сам проектировал ответную телеграмму на английские предложения. Все присутствовавшие переглядывались между собой, не скрывая своего удивления; те, которые

* даже

видели нашего канцлера в первый раз в таком совещании, были поражены его старческим слабоумием. Только после долгих объяснений и с помощью самого Государя удалось, наконец, сочинить телеграмму в несколько строк²⁸². Затем были еще кое-какие разговоры; но терпение Государя уже начинало истощаться, подошел час завтрака, а между тем в приемной комнате ожидал аудиенции английский полковник Велеслей, приехавший в Петербург только на несколько дней, чтобы забрать свое имущество и совсем распротиться с Россией. Выходя из государева кабинета, я обменялся с англичанином несколькими словами и затем, заехав домой переодеться, поспешил к 2 часам в манеж.

Здесь был смотр только что прибывшим из Сан-Стефано гвардейской роте и полуэскадрону, составлявшим почетный конвой Государя во время прошлогоднего похода. Сама императрица и цесаревна проехали пред фронтом в коляске.

После смотра просидел до 6-го часа в Военном совете.

6-го апреля. Четверг. — После моего доклада было у Государя два совещания. Одно по политическим и военным делам, в присутствии князя Горчакова и генерала Тотлебена, другое с участием графа Палена и генерала Мезенцова, по вопросу о порядке судебного преследования виновных в насильственных действиях против должностных лиц. В первом совещании решены были два вопроса: 1) повременить мобилизацией армии (пришлось толковать канцлеру, что мобилизация вовсе не значит пополнение убыли в действующей армии) и 2) переговоры с турками по поводу предположенного отвода нашей армии одновременно с английским флотом от Константинополя начать только по прибытии генерала Тотлебена к армии. Кроме того прочитаны были заготовленные мною инструкции генералам Тотлебену и Дрентельну. Во втором же совещании граф Пален доложил о соглашении нашем по данной нам задаче и решено было провести составленное предположение чрез Государственный совет. Великий князь Константин Николаевич на сей раз не возражал²⁸³.

На завтрашний день назначался высочайший осмотр разложенных в залах дворца картографических работ; сегодня я обошел и осмотрел эти работы; но осмотр их Государем отложен до Фоминой недели.

Генерал Тотлебен выехал вечером в армию. С тем же поездом отправился мой сын навстречу персидскому шаху.

7-го апреля. Пятница. — Сегодня в совещании наш канцлер показал себя уже совсем выжившим из ума. Дело шло опять об ответе на предложения князя Бисмарка и англичан относительно обоюдных условий для выступления английского флота из Мраморного моря

и нашей армии от Константинополя. Князь Горчаков ничего не понимал, все перепутал и вдобавок горячился и сердился, считая себя правым. Точно так же мало понимал он и вопрос о требованиях Австрии относительно территориальных разграничений на Балканском полуострове. Мы все дивились долготерпению и спокойствию Государя.

Вчера и сегодня были у меня особые совещания касательно составления инструкции генерал-адъютанту князю Дондукову-Корсакову, по случаю назначения его императорским комиссаром в Болгарии. Вчерашнее совещание было употреблено преимущественно на рассмотрение общей инструкции по делам политическим и гражданским; а сегодняшнее — почти исключительно предположениями об организации болгарской военной силы²⁸⁴.

Во дворце происходил большой обед для офицеров возвратившегося из похода государева гвардейского конвоя. Мы были все в походной форме.

8-го апреля. Суббота. — После доклада моего* обычное совещание. Сначала дело шло опять об ответе на предложения князя Бисмарка. Читались депеши нашего посланника в Берлине; из них ясно, что и на берлинских друзей наших нечего слишком рассчитывать. Бисмарк положительно уклоняется от участия в наших недоразумениях с Австрией; видимо, бережет более свои отношения к Вене, чем к нам. После общих вопросов политических перешли к вопросу азиатскому. Я прочел составленный протокол первого по этому предмету совещания. Протокол этот был одобрен и утвержден²⁸⁵.

Из дворца ездил я в технический комитет интендантства²⁸⁶. Показывали мне разные образцы и проекты по части обмундирования и снаряжения войск.

15-го апреля. Суббота. — Вся страстная неделя прошла однообразно и нечего было отмечать в дневнике. Князь Горчаков заболел; в ежедневных совещаниях политических участвовал товарищ его Гирс, и чрез это дело шло** лучше, потому что можно было каждый вопрос обсуждать спокойно, не горячася. Сегодня были приглашены, сверх обыкновенного состава совещания, еще барон Жомини, великие князья Константин и Михаил Николаевичи и граф Адлерберг. В первый раз, можно сказать, занялись существом дела, а не одною формальною стороною дипломатических сношений; именно дело шло о том, на какие именно уступки можем мы согласиться для того, чтобы

* опять

** не хуже

успокоить непомерный аппетит Австрии и чтоб оторвать ее от союза с Англией. Тут, как говорю, в первый раз раскрыли карту, сличили границы по разным проектам, начиная с проекта Константинопольской конференции и пришли к заключению, что мы должны пожертвовать единством Болгарии и согласиться на разделение ее на две области, лишь бы обе были одинаково самобытны. По моему настоянию положено противиться до крайности присоединению к Австрии узкой полосы Старой Сербии, оставляемой в виде барьера между княжествами сербским и черногорским, дабы не допустить непосредственное соприкосновение территорий Австрии и Болгарии (у Митровицы). В таком смысле и решено дать инструкцию послу Новикову²⁸⁷.

Обсуждался также и ответ графу Шувалову, которому поручается войти в прямые переговоры с маркизом Салисбюри, выразившим не раз согласие на сделку с нами. Князь Бисмарк, очевидно, желает устраниться от роли посредника и повторяет совет, чтобы мы старались сойтись с Веной и Лондоном, помимо Берлина. Это было бы легко сделать, если бы мы могли послушаться советов Бисмарка и уступить на всех статьях нахальным требованиям обоих наших противников. Сегодня в совещании я прямо высказал, что совет Бисмарка уступить Австрии все, что она желает приобрести на западной половине Балканского полуострова есть совет предательский, в интересах одной Германии. Чего же хочет Англия мы даже еще и не знаем. Удастся ли графу Шувалову выпытать это у маркиза Салисбюри прежде, чем разразится какой-нибудь неожиданный для нас катаклизм — это вопрос.

Всю истекшую неделю я был завален работой: ко всем обычным делам прибавились награды на Пасху, приготовление инструкций для князя Дондукова-Корсакова, разговоры с приезжими начальниками округов и проч. и проч.

16-го апреля. Светлое Воскресение. — По обычаю, ночь Светлого Воскресения проведена во дворце, в толках о наградах, производствах, назначениях и других новостях. Производство двух великих князей главнокомандующих в фельдмаршалы, увольнение великого князя Николая Николаевича от командования армией, вместе с его начальником штаба Непокойчицким, назначение главнокомандующим генерала Тотлебена, затем бесчисленное производство в полные генералы и в генерал-лейтенанты занимало общее внимание, так что позабыли почти о трудном нашем политическом положении и собирающихся грозных тучах.

17-го апреля. Понедельник. — Несмотря на торжественный день рождения Государя императора и сегодня, после обедни, происходи-

ли продолжительные совещания: одно по внешним делам политическим, другое по вопросам внутренним*. В первом совещании участвовали кроме Гирса (канцлер все еще болен), граф Н. П. Игнатъев и граф Адлерберг. Государь снова поднял вопрос о выборе лица для назначения представителем России в Константинополе: Игнатъев, все еще ожидавший этого назначения, окончательно устранен и решено обратиться к князю Лобанову-Ростовскому, бывшему некогда посланником в Константинополе, а теперь товарищу министра внутренних дел. Выбор этот поддерживал всегда наследник цесаревич; но прежде канцлер противился тому, а теперь, по-видимому, сам предлагает князя Лобанова. Государь намерен завтра предложить ему пост чрезвычайного посла в Константинополе (*en mission extraordinaire*)**.

В совещании же по внутренним делам участвовали министры внутренних дел, юстиции и государственных имуществ. Дело шло опять о принятии решительных мер против проявлений революционных замыслов, все более и более принимающих дерзкий*** характер. Рассказывались разные факты, читались тайные воззвания; между прочим встревожили Государя рассказом о каком-то офицере резервного батальона, формируемого в Петербурге (Энгельгардте), который в эту ночь, на попойке с товарищами, высказал будто бы намерение стать на сторону бунтовщиков при предполагаемом на нынешний день восстании. Батальонный адъютант, ночью же, прискакал к шефу жандармов с этим донесением, а между тем Энгельгардт в испуге бежал и скрылся. Затем свернули опять речь на студентов вообще и в особенности на Медико-хирургическую академию, Московское техническое училище, Женские медицинские курсы и проч. Мне пришлось, против всякого желания, выступить в роли защитника этих учреждений. Государь, в мрачном и тревожном настроении, заметил: «Вот как приходится мне проводить день моего рождения». Предлагались разные крутые меры: усиление и систематизирование административной высылки (Мезенцов), закрытие некоторых учебных заведений (граф Пален), усиление и вооружение полиции (Тимашев); дошло даже до того, что произнесено было слово: объявить Петербург на военном положении!! К счастью все ограничилось разговором, который под конец свернулся на личный вопрос о Трепове и на нынешнее состоя-

* Первоначальный текст начала записи за 17 апреля: «После обеда во дворце и обычных поздравлений по случаю дня рождения Государя были продолжительные совещания по предмету и внешних политических дел и внутренних болезненных симптомов».

** с чрезвычайной миссией (*фр.*)

*** и смелый

ние петербургской полиции. Тимашев не пощадил Трепова, за что получил резкий упрек от Государя и вышел из собрания с длинным лицом. Тем не менее решено приискать преемника Трепову, так как и* помощник его генерал-майор Козлов объявил сегодня Государю, что не может оставаться долее в этой должности при Трепове. Тут неожиданно граф Пален указал кандидата для замещения должности Трепова — на князя Голицына, бывшего командира лейб-гвардии Финляндского полка, а ныне атамана Уральского казачьего войска. Государь приказал мне вызвать его сюда по телеграфу²⁸⁸.

18-го апреля. Вторник. — После моего доклада было обычное совещание по делам политическим. На этот раз участвовал и князь Лобанов-Ростовский, которому только пред самым совещанием Государь предложил временный пост посла в Константинополе. Сегодня не было никаких важных новостей; прочитаны некоторые телеграммы, показывающие только, что ни в Константинополе, ни в Лондоне нет надежды на благоприятный оборот дел. Хотя вчера еще была приготовлена бароном Жомини, при участии Игнатьева, записка (pro memoria) для нашего посла в Вене, с приложением всех уступок, какие только можем мы сделать в угоду Австрии, однако же записка эта не могла быть прочитана сегодня. Притом в совещании не присутствовал граф Игнатьев и потому чтение важного этого документа отложено на завтра²⁸⁹.

В 2 часа было у меня совещание по поводу предложения генерал-адъютанта графа Баранова построить *временную* железную дорогу к Мемельскому порту для того, чтобы на время войны открыть лишний** исток для нашей торговли к нейтральному порту. В этом совещании участвовали, кроме самого графа Баранова, Рейтерн, Посьет и Гирс. Окончательное решение вопроса отложено до другого совещания, для предварительного сбора нужных справок.

Вчерашняя история об офицере резервного батальона разъяснилась довольно пошлым образом: оказалось, что этот несчастный пьет запоем и прежде уже лечился в госпитале от delirium tremens***.

22-го апреля. Суббота. — Новые предложения Англии относительно условий для одновременного отвода наших войск и английского флота от Константинополя решительно невозможно принять; они просто нахальны. Берлинский же кабинет только передает обоюдные заявления, как телеграфист; пользы мало от такого посредничества. В Константинополе дела наши идут все хуже; турки возобновили

* теперешний

** путь

*** белой горячки (*лат.*).

работы по укреплению окрестностей Константинополя. Тотлебен не может добиться очищения крепостей, мало того, теперь турки уже прямо отказываются от исполнения этого требования, заявляя, что предварительный договор Сан-Стефанский не есть окончательный, и что Европа может изменить его условия. В то же время Дервиш-паша протестует против движения наших войск даже к Артвину (в Азиатской Турции). Все ясно показывает, что турки ожидают войны.

Между тем в Министерстве иностранных дел, с помощью графа Игнатьева, заготовлены новые инструкции Новикову; они отправлены в Вену с полковником Боголюбовым с тем, чтобы последний помог послу нашему в вопросах географических и этнографических, затронутых в инструкции. С другой стороны в Лондоне начались прямые сношения графа Шувалова с маркизом Салисбюри, который выразил готовность открыть виды и требования Англии, если только граф Шувалов возьмется лично привезти эти заявления в Петербург и объяснить их русскому правительству²⁹⁰. На это дано графу Шувалову разрешение с предоставлением ему, проездом чрез Берлин, заехать в Фридрихсруэ для свидания с князем Бисмарком. Соответственно этому положению дел в Лондоне и Вене, даны инструкции и послу нашему в Берлине. Кроме того Государь написал собственноручное письмо к императору Вильгельму по поводу присланных им крестов и медалей для раздачи по усмотрению нашего Государя*.

Вообще в последнее время, благодаря болезни князя Горчакова, работа в Министерстве иностранных дел пошла с большею энергией и с большим смыслом. Князь Лобанов-Ростовский уже совсем готов к отъезду в Константинополь; а сюда едет послом турецким Шакир-паша, командовавший турецкими войсками в Орхани. Князь Дондуков-Корсаков уехал в Болгарию. Давно ему пора приняться за устройство администрации в этой** злополучной стране.

Сегодня, в 2 часа, была встреча великого князя Николая Николаевича на станции Варшавской железной дороги. Все обошлось заведенным, обычным порядком. Толки, ходившие прежде о том, будто бы готовится бывшему главнокомандующему Забалканской армией неприятный прием, оказались вздором. Однако ж надобно сказать, что не было и восторгов.

27-го апреля. Четверг. — В понедельник все наличные в Петербурге военные чины представлялись новому фельдмаршалу, великому князю Михаилу Николаевичу, а вчера, в среду, было такое же

* отличившимся в последнюю кампанию.

** жалкой

представление другому фельдмаршалу, великому князю Николаю Николаевичу. Вчера же Государь осматривал картографические и топографические работы Военного и Морского министерств.

Политические дела мало подвинулись вперед. Вот уже более четырех дней ни от графа Шувалова, ни от Новикова нет телеграмм и потому неизвестны ни результат последнего совещания нашего посла в Лондоне, ни впечатление, произведенное в Вене нашими последними, категорическими заявлениями. Между тем граф Шувалов выехал уже из Лондона, сегодня должен быть у князя Бисмарка в Фридрихсруэ, а завтра в Берлине у императора Вильгельма.

По известиям от генерала Тотлебена и от Ону турки подаются на очищение Шумлы и Варны, но противятся сдаче Батума и ставят новое условие — дозволение войскам их, по удалении нашей армии к Адрианополю, занять прежнюю Чатаджанскую позицию. В бывшем вчера совещании Государь решил отказать в этом требовании турок, так как в первых предложениях князя Бисмарка, принятых и Англиею, было положительно выражено, что, при определении нейтральной полосы после удаления русской армии от Константинополя, должно быть выговорено условие, чтобы турецкие войска не выходили вперед из занимаемых ныне позиций под самым Константинополем.

29-го апреля. Суббота. — Вчера получена телеграмма от Новикова, весьма неутешительная. Андраши решительно отвергает наши примирительные предложения, находя их не только недостаточными, но даже еще более для Австрии невыгодными, чем самые условия Сан-Стефанского договора. Таким образом, все более и более исчезает надежда на сближение с Австрией²⁹¹. Можно ли ожидать чего-либо более благоприятного из Лондона? Завтра вечером ожидают сюда графа Шувалова; не думаю, чтобы он привез нам оливковую ветвь.

Государь, к удивлению, сохраняет полное спокойствие. Сегодня после моего доклада, он принял, в моем присутствии, Гирса, а потом пошел по обыкновению в церковь, по случаю дня рождения великого князя Сергея Александровича. После завтрака Государь раздавал знаки для ношения на груди всем офицерам почетного конвоя, состоявшего при нем во время прошлогоднего похода. Все идет своим порядком и нельзя было бы догадаться, что мы накануне грозной и опасной для нас войны.

2-го мая. Вторник. — В воскресенье был развод на площадке пред Зимним дворцом. Приказано было на разводе быть в парадной форме для приветствования криком «ура» вновь приехавшего фельдмаршала, великого князя Николая Николаевича.

После развода оба брата, фельдмаршалы, пошли к Государю и просили его принять также звание фельдмаршала. Признаюсь, я полагал, что это странное предложение будет отвергнуто, но, к удивлению моему, в тот же день Государь приказал наложить на свои погоны и эполеты — знак фельдмаршальских жезлов.

Не менее странно было отданное на разводе приказание, чтобы с завтрашнего дня все войска петербургского гарнизона и чины свиты носили походную форму*. Не могу объяснить себе логический повод к такому распоряжению. Невольно у каждого рождается предположение — уж не объявлена ли война?

Между тем в воскресенье же вечером приехал граф Шувалов с таинственным поручением от лондонского кабинета. На другой день его приезда, т. е. вчера, в понедельник, не было другого разговора, как об этом приезде: что привез граф Шувалов? — Мир или войну? Разумеется, всякий толковал по-своему, а газеты глубокомысленно обсуждали всякие возможные гипотезы. Мне не удалось вчера видеть графа Шувалова: он заехал ко мне в то время, пока я был в Государственном совете, где обсуждалось между прочим предположение Морского министерства о «добровольном морском ополчении», придуманном для развития крейсерства в случае войны с Англией. Многие из членов Государственного совета высказали опасение, чтобы учреждение крейсерства на предположенных основаниях не было признано нарушением международного права и чтобы наши добровольные крейсера не были признаны простыми каперами или даже пиратами. Скептики же полагают, не без основания, что все затеи о крейсерах окажутся на деле ничтожною попыткою, над которою Англия будет смеяться; гора родит мышь²⁹².

Сегодня, при моем докладе, Государь заговорил об английских условиях, привезенных графом Шуваловым; но не вошел в подробности, ввиду назначенного в час пополудни совещания по этому предмету и выразил только свое недоверие к твердости слова английских министров; вместе с тем указал необходимость сохранения в строгой тайне предстоящих сегодня суждений. Между докладом и совещанием я заехал с визитом к графу Шувалову, которого не застал дома и к графу Ник[олаю] Павл[овичу] Игнатьеву, которого нашел в постели в сильной лихорадке.

В час собрались в кабинете Государя великие князья: наследник, Константин, Николай и Михаил Николаевичи и Владимир Александрович, граф Адлерберг, граф Шувалов, Гирс и я. После чтения не-

* И теперь

Граф П. А. Шувалов

скольких новых депеш Новикова граф Шувалов прочел подробное изложение переговоров его с маркизом Салисбюри, происходивших в четыре приема пред отъездом нашего посла из Лондона. Чтение это и словесные объяснения графа Шувалова произвели на всех нас довольно благоприятное впечатление, может быть потому, что мы все ожидали от английских министров чего-нибудь очень скверного*. В сущности же требования Англии оказываются гораздо умереннее австрийских, так что все мы согласились с мнением графа Шувалова, что для нас выгоднее сделать уступки Англии, чтобы сойтись с нею, чем подчиняться непомерным, нахальным требованиям графа Андраши. Затем мы вошли в обсуждение вопроса, составляющего главный узел английских условий, именно — о границах Болгарии, разделении ее на две части и устройстве обеих ее половин. Конечно, для нас всего неприятнее настойчивое требование Англии, чтобы Болгария была разделена Балканами на северную и южную; зато англичане соглашались на весьма широкую автономию не только северной, но и южной

* невозможного для нас.

половины*. Все были согласны в том, что можно в крайности пойти и на такую уступку, если только Англия обяжется не противиться на конгрессе всем прочим статьям Сан-Стефанского договора** и не возьмет назад своего слова. В заключение решено снова собраться завтра и к тому времени граф Шувалов взялся изложить письменно сущность сегодняшнего совещания²⁹³.

5-го мая. Пятница. — В среду было второе совещание у Государя с участием графа Шувалова, который прочел протокол того, что было постановлено накануне. При этом дополнительно выяснились некоторые частные вопросы, относительно предстоящих графу Шувалову переговоров с английскими министрами²⁹⁴.

Вчера, в четверг, после моего доклада было опять совещание; но граф Шувалов не присутствовал; приглашение не застало его дома. Сегодня же было последнее с ним объяснение; завтра он выезжает обратно в Лондон; но намерен опять заехать в Фридрихсруэ к князю Бисмарку. Сегодня был уже затронут открыто щекотливый вопрос о личностях, которые предназначаются представителями России на конгрессе, в случае, если он состоится. Граф Игнатъев окончательно устранен; участие князя Горчакова сомнительно; в случае же, если он не будет в состоянии ехать на конгресс, первым представителем России будет граф Шувалов; вторым — Убри; а в помощь им за кулисами — Кумани (секретарь посольства в Париже) и полковник Генерального штаба Боголюбов. Граф Шувалов настаивает на том, чтобы назначен был Нелидов, в качестве третьего русского уполномоченного.

Вчера я был на большом обеде во дворце, данном для офицеров, возвратившегося из похода собственного Е. В. конвоя. Сегодня же происходил на площадке пред дворцом смотр прибывшего гвардейского экипажа, а после того прибавка новых знамен для 2, 3 и

* Я счел нужным высказать мое мнение, что было бы для нас желательно склонить английских министров к допущению меридиональной границы между двумя Болгариями: восточную и западную, хотя бы для этого пришлось отказаться от прежнего нашего требования полной политической автономии той и другой половины Болгарии. Я доказывал, что сами болгары предпочтут отказаться от предположенного нами «князя», лишь бы обе половины Болгарии пользовались одинаково степенью автономии и были разделены линией от севера к югу, а не по хребту Балканскому. Все согласились с этим взглядом, хотя граф Шувалов и выразил опасение, что английские министры не поддадутся на подобные <какие бы ни было> изменения заявленных ими требований.

** *Первоначальный текст после слов «Все были согласны в том»:* «что можно даже в крайности пойти и на полную уступку этим требованиям относительно Болгарии, если только можно быть уверенным, что Англия обяжется не противиться на конгрессе всем прочим статьям Сан-Стефанского договора».

4-го батальонов гвардейского резервного полка. Церемония эта происходила в Белой зале обычным порядком.

11-го мая. Четверг. — Сегодня была торжественная встреча шаха персидского. Крайне несимпатичная личность, так же как и вся свита его. От границы его сопровождали генерал-адъютант князь Вл[адимир] Ал[ександрович] Меншиков и сын мой.

В продолжение недели не было ничего замечательного в политическом отношении, кроме разве небольшого возмущения в Константинополе, имевшего, по-видимому, целью свергнуть султана Абдул-Гамида и возвести на престол Мурада. Попытка была подавлена²⁹⁵.

От графа Шувалова получена телеграмма из Берлина после свидания с князем Бисмарком в Фридрихсруэ. На сей раз граф Шувалов вынес более выгодное впечатление насчет настроения германского канцлера, который обещал, по первому извещению графа Шувалова из Лондона о благоприятном приеме нашего ответа, немедленно разослать приглашения на конгресс. Надеемся завтра получить от графа Шувалова столь нетерпеливо ожидаемое извещение, от которого зависит решение вопроса войны или мира.

Князь Горчаков все еще болен; ему хотелось отсрочить конгресс; но Государь не согласился на это, находя крайне невыгодною для нас потерю каждого лишнего дня. В душе Государь желал бы, чтобы болезнь помешала нашему канцлеру ехать в Берлин.

По вопросу об очищении турками крепостей Шумлы, Варны и Батума до сих пор нет никаких известий. Из Вены также ничего нового. Как будто везде пауза в ожидании сигнала из Лондона.

На этой неделе приехал в Петербург фельдмаршал князь Барятинский. Я увиделся с ним только сегодня на станции железной дороги в ожидании шаха. Он опять пробовал задобрить меня, уверяя, что никогда не изменял* приятных ко мне отношений и что нам нужно действовать заодно. С дозволения Государя я поручал генералу Обручеву объяснить князю Барятинскому все наши соображения на случай войны: Обручев был у него раза два и каждый раз в продолжение почти целого утра должен был выслушивать пустую болтовню, не имея возможности приступить к настоящему, серьезному делу. Тут вполне обрисовался человек таким, каким я всегда его знал: тщеславный, суетный**, исключительно занятый своею личностью***.

* своих прежних

** легкомысленный

*** и не способный ни к какому основательному, серьезному занятию.

12-го мая. Пятница. — Назначенный сегодня для шаха парад отложен на завтра, по случаю дождя. Утром прислал за мной Государь, так же как и за Гирсом. Прочитана была первая телеграмма графа Шувалова из Лондона, после двух его разговоров с маркизом Салисбюри. Известие это удовлетворительное^{*}; но решительного пока еще ничего: сегодня и завтра назначены совещания английских министров, так что граф Шувалов надеется сообщить что-нибудь более положительное только в воскресенье. Между тем Бисмарк нашел нужным несколько отсрочить открытие конгресса, — именно до 11 июня нового стиля, в угоду графу Андраши. Отсрочке этой очень обрадовался наш канцлер; он поручил Гирсу доложить Государю, что вполне надеется оправиться к началу конгресса. Государь сам посетил князя Горчакова; нашел его в удовлетворительном состоянии; но вслед затем ему сделалось хуже; явилось опасение — не есть ли это приступ водяной.

Из дворца я заехал к великому князю Михаилу Николаевичу, пригласившему меня к себе для некоторых объяснений по делам службы; завтракал у него в семейном кругу.

К обеду я был приглашен во дворец. Обед был в Белой зале; кроме царской фамилии было только небольшое число приглашенных. Шах явился в каком-то пестром архалуке, хотя увешанный бриллиантовыми украшениями; из свиты же его был только один садразам²⁹⁶, Гусейн-хан. Шах держит себя с комическою важностью, даже с^{**} некоторою надменностью; ему прощают, как дикарю, и смеются над ним. Нет конца анекдотам на его счет. Встав из-за стола и подав руку императрице, он объявил ей свое удовольствие: «*diné — bon*»^{***}.

13-го мая. Суббота. — После моего доклада Государь принял при мне Гирса, который доложил что князь Горчаков сам сознает уже, что едва ли будет в состоянии поправиться ко времени сбора конгресса. В полдень назначен был парад в присутствии шаха персидского. Несмотря на отсутствие гвардии все-таки весь Царицын луг был, как обыкновенно, уставлен войсками. Налицо представились 30 тысяч человек (43 батальона, 43 эскадрона и 80 орудий), в блистательном виде. Многие из присутствовавших высказывали удивление при виде такой массы войск в Петербурге; но только немногие понимали, что присутствие этих войск есть наглядный результат совершившихся в

* Салисбюри даже подается на отстаиваемое нами разделение Болгарии в меридиальном направлении.

** некоторым нахальством <дерзостью>

*** хорошо пообедал (*фр.*).

течение последнего десятилетия преобразований во всей нашей военной системе.

После завтра был завтрак в доме принца Ольденбургского, хотя сам принц Петр Георгиевич в отсутствии. Общее внимание было обращено на шаха, который непомерно много пьет вина за всеми завтраками и обедами, так что почти всегда выходит из-за стола навеселе.

Роскошный завтрак не помешал парадному обеду, назначенному в Зимнем дворце (в концертном зале). Пред обедом Государь сказал мне на ухо, что из Лондона получено довольно хорошее известие и приказал мне после обеда прийти в кабинет, так же как Гирсу и великим князьям.

Когда мы собрались, прочитана была телеграмма графа Шувалова, который извещает о результате происходивших вчера и сегодня совещаний между английскими министрами. Они соглашаются на большую часть пунктов данной графу Шувалову инструкции; предоставляют конгрессу решить вопрос о разграничении Болгарии на две половины; но делают какие-то новые оговорки относительно западной границы Болгарии, хотя в телеграмме остается неясным предлагаемое ими направление. Граф Шувалов надеется на подписание секретного протокола этих предварительных соглашений, с которыми Россия и Англия явятся на конгресс. Телеграмма графа Шувалова произвела на Государя благоприятное впечатление; однако ж для окончательного ответа положено опять собраться завтра после обеда; а между тем спросить у графа Шувалова пояснения некоторых пунктов его телеграммы.

14-е мая. Воскресенье. — К часу пополудни собрались опять у Государя те же лица, которые участвовали во вчерашнем совещании. Мы были порадованы новой телеграммой графа Шувалова, который извещает, что на запросы графа Андраши о том, будет ли Англия поддерживать притязание Австрии относительно Антивари, Боснии и Герцеговины, английское министерство дало категорический ответ, что оно признает вполне справедливым предоставить черногорцам доступ к морю и допустить занятие австрийскими войсками Боснии только на такой же срок, какой русские войска будут занимать Болгарию. Если это справедливо, то подобный оборот дел был бы для нас весьма благоприятен; Австрия осталась бы с носом.

Другая телеграмма графа Шувалова менее** приятная: он сообщает, что Англия настоятельно требует, чтобы до начала конгрес-

* в дураках

** успокоительна

са наша армия одновременно с английскою эскадрой удалилась от Константинополя, согласно с прежними переговорами по этому вопросу. Граф Шувалов от себя прибавляет, что считает крайне нужным согласиться на это предложение, не связывая его с очищением турками Шумлы, Варны и Батума. По обсуждении этого вопроса, решено отвечать графу Шувалову, что мы не можем отойти от Константинополя, не добившись очищения хотя бы двух первых из названных крепостей и что даны приказания князю Лобанову и генералу Тотлебену возобновить настояния по этому вопросу. Также сообщено графу Шувалову, чтоб он старался не связывать переговоров о конгрессе с вопросом об удалении наших войск и английского флота от Константинополя.

После совещания я ездил к директрисе Патриотического института²⁹⁷ Эмилии Антоновне Пущиной с печальным поручением от Государя по случаю смерти единственного ее сына, командира Киевского гренадерского полка, прежнего моего адъютанта, умершего близ Родосто от тифа. Государь принимает теплое участие в семействе Пушиных, в память покойного Николая Николаевича Пущина, долго занимавшего место директора бывшего некогда Дворянского полка²⁹⁸, преобразованного потом в Константиновское военное училище. Вчера, когда я доложил Государю о смерти молодого Пущина, он заплакал и поручил мне лично передать старушке, сколько он тронут ее несчастиями.

Сегодня был еще обед для шаха у наследника цесаревича. Шах опять пил не в меру и после обеда был навеселе.

15-е мая. Понедельник. — После обыкновенного моего приема в канцелярии Военного министерства было опять совещание во дворце в два приема — до завтрака и после завтрака. После того я сидел до 5 часов в Государственном совете и лишь только успел отобедать, снова был потребован во дворец. Поводом к этому внезапному собранию была вновь полученная телеграмма от графа Шувалова, который настоятельно просит разрешения Государя на неотлагательное подписание состоявшегося между ним и маркизом Салисбюри соглашения. Граф Шувалов, видя беспрестанные колебания английских министров, опасается, что всякое промедление в подписании предложенного акта может расстроить все дело. Между тем в телеграмме нет вовсе разъяснения недоумений наших по весьма существенным пунктам его прежней телеграммы от 12-го мая. Так, например, мы не могли найти ни на какой карте названия того пункта, которым

* требует

английские министры хотят определить заранее западную границу Болгарии. Настойчивое требование графа Шувалова поставило Государя* в трудное положение: утвердить на веру соглашение, не зная в точности условий, было бы крайне рискованно; отказать же графу Шувалову — и все дело конгресса, как он полагал, может рушиться. Решено отвечать в том смысле, что разрешается ему подписать составленный акт, с тем однако же, чтобы окончательное утверждение его последовало по получении здесь текста и по разъяснении сомнений, в особенности относительно определения западной границы Болгарии²⁹⁹.

Сегодня же обсуждался вопрос о том, выгодно ли нам сохранить и занимать Дунайские крепости (Силистрию, Рушук и Виддин), как предполагает генерал Тотлебен, и не лучше ли поспешить срытием их, как было прежде предположено. По приказанию Государя я телеграфировал генералу Тотлебену, что, в случае войны, занятие всех трех крепостей повело бы к опасному раздроблению наших сил и материальных средств, а потому полагалось бы укрепления Сидистрии и Виддина разрушить, сохранив временно только Рушук.

16-го мая. Вторник. — От графа Шувалова получена телеграмма, разъясняющая недоумение наше относительно западной границы Болгарии по заявлению английских министров. Выходит, что указанная ими линия та самая, которую требовал графа Андраши для отделения Болгарии от Македонии; но австро-венгерский канцлер допускал Болгарию до Эгейского моря и не требовал разделения Болгарии на две части. Таким образом английские условия, на которые мы теперь соглашаемся, еще невыгоднее австрийских требований в отношении Болгарии; но зато, по-видимому, Англия обещает поддержать во всем остальном наши условия Сан-Стефанского договора, не исключая распространения Черногории до морского берега и уступки нам Батума.

Канцлер наш сам сознает, что нечего ему думать об участии на конгрессе. Я думаю, что кроме болезни, есть и другая причина, по которой конгресс уже не так заманчив для него, как прежде: он видит, что представителю России на конгрессе придется играть не очень блистательную роль и что он должен будет сделать такие уступки, которые** отняли бы окончательно у маститого нашего канцлера последние остатки прежней его популярности.

Шах персидский со всею своею грязною свитой уехал на Варшаву

* весьма

** конечно

и далее в Берлин. Государь, проводив его до станции железной дороги, сам переехал в Царское Село. Вечером же простились мы на станции Московской железной дороги с великим князем Михаилом Николаевичем и его семейством.

20-го мая. Суббота. — В четверг отправился я в первый раз с докладом в Царское Село. В течение предыдущих двух дней накопилось несколько телеграмм и других известий; из них самые важные, конечно, из Лондона и Константинополя. Английские министры настаивают, чтобы наша армия отошла от Константинополя прежде собрания конгресса, а потому и не принимают еще приглашения на этот конгресс; мы же продолжаем настаивать, чтобы отступлению нашему предшествовало очищение турками, если не всех трех крепостей, то по крайней мере двух — Шумлы и Варны. Между тем по известиям из Константинополя видно, что сами англичане подстрекают турок не сдавать нам крепостей. Таким образом мы находимся dans un cercle vicieux*.

В среду, как я узнал, Государь был встревожен полученными телеграммами и выразил досаду на то, что в ту же минуту не были при нем ни министр иностранных дел, ни военный. Отсюда родилось желание, чтобы мы оба, Гирс и я, переселились в Царское Село. За Гирсом послали сейчас же; но он, несмотря на свою робкую натуру, решился объяснить Государю, что ему нет возможности жить в Царском, что дела министерства совсем останятся. Я не знал еще об этом, когда, в четверг, Государь выразил и мне то же желание, чтобы я жил в Царском. Случайно вышло, что я дал тот же ответ, объяснив, что живя в Царском, я все-таки должен буду ездить ежедневно в город, а потому нахожу более удобным, если уж признается нужным, приезжать из города в Царское ежедневно. На этом и остановились, хотя** Государю это было неприятно. Он даже упомянул, что в прежние времена ни военный министр, ни министр иностранных дел не встречали затруднения жить всегда там, где жил Государь.

Несмотря на эти не совсем приятные объяснения, я получил приглашение остаться к обеду; а потому решился на этот раз переночевать в Царском Селе. В пятницу Государь потребовал к себе Гирса и меня к 11 часам утра. Прочли телеграмму графа Шувалова, который извещал, что накануне протокол подписан им и маркизом Салисбюри³⁰⁰, но что все-таки окончательное решение вопроса о конгрессе зависит от удаления нашей армии из-под Константино-

* в прочном круге (фр.)

** было заметно, что

Р. Сесил, лорд Солсбери

поля. Вследствие этого решено было подтвердить князю Лобанову необходимость скорейшего очищения турецких крепостей, причем предоставлялось нашему послу, в случае крайности, уступить даже и требованию турок относительно предоставления им права занять укрепленную позицию Чаталжанскую. В то же время телеграфировано послу нашему в Берлине, чтобы склонил князя Бисмарка действовать на турок чрез принца Рёйсса, а графу Шувалову снова дано знать, что без очищения турками по крайней мере Шумлы и Варны, мы не можем отойти от Константинополя, как бы сами ни желали ускорить решение этого вопроса. В одной из последних телеграмм граф Шувалов писал, что Салисбюри не находит со своей стороны препятствий к исполнению турками нашего требования; но между тем, по всем сведениям, Лаярд всеми силами противится этому. Графу Шувалову приказано предложить маркизу Салисбюри оказать и со своей стороны содействие скорейшему* исполнению желанного обеими сторонами отвода от Константинополя и нашей армии и английского флота.

* решению вопроса.

В пятницу я оставался в Царском до 3-го часа и мы успели с Гирсом редактировать все телеграммы, назначенные к отправлению нашим послам в Лондоне, Берлине, Вене и Константинополе.

Сегодня я опять ездил в Царское с докладом. Никаких еще положительных ответов нет. Турецкие министры обещали князю Лобанову сегодня же решить вопрос об очищении крепостей. За неимением новостей, прочитаны были Гирсом отправленные вчера телеграммы, а также извещения графу Шувалову и Убри о назначении их представителями России на конгрессе. Оба они просят разрешения пред открытием конгресса приехать хоть на два дня в Петербург.

По случаю именин великого князя Алексея Александровича я должен был явиться на прием по окончании обедни и к завтраку; но к 3 часам опять был уже в Петербурге и, чтобы несколько рассеяться и отдохнуть нравственно, поехал прокатиться по островам с дочерью Ольгой. Погода была прекрасная и мы вполне насладились яркою свежеею зеленью островов.

21-го мая. Воскресенье. — По случаю именин великого князя Константина Николаевича ездил утром из Царского Села в Павловск, а потом вместе с Гирсом* сочиняли проекты** телеграмм к нашим послам, с уведомлением их о положении дел как в Лондоне, так и в Константинополе. Все утро прошло в ожидании назначения Государем общего нам обоим доклада. Государь принял нас только в 4-м часу и притом мы были приглашены к обеду, так что должны были оставаться в Царском до 9-го часа вечера.

Пред обедом получено из Берлина известие о новом покушении на жизнь императора Вильгельма³⁰¹. На этот раз не обошлось так благополучно, как прежде.

22-го мая. Понедельник. — Приехав в Царское Село, я узнал от Гирса о важной новости: граф Шувалов извещает, что Англия согласилась на конгресс, не связывая открытие его с вопросом об удалении нашей армии от Константинополя. Такой оборот дела в Лондоне может облегчить и решение вопроса об очищении турками крепостей. По этому предмету от генерала Тотлебена и князя Лобанова получены известия о продолжении переговоров с турками. Граф Шувалов сегодня же вечером выезжает из Лондона. На беду князь Горчаков, примирившийся уже с мыслью о том, что не будет участвовать на конгрессе, снова поднял вопрос о своей поездке в Берлин. Несмотря на болезненное свое состояние, старик все еще не теряет надежды

* и Капнистом

** ответных

порисоваться: в последнее время дело представлялось ему в таком черном цвете, что он, пожалуй, и рад был остаться в стороне, предоставив другим разыграть незавидную роль представителя России, в качестве подсудимого пред Европой; со вчерашнего же дня горизонт как будто начал проясняться — и вместе с тем наш престарелый канцлер снова увидел для себя луч надежды: хорошо пойдет дело на конгрессе — его имя украсит еще один из важных исторических актов нашего века; пойдет худо — ничто не помешает ему, ради болезни, уехать куда-нибудь на воды и отказаться от подписания позорного для России приговора.

Государь потребовал меня вместе с Гирсом в 11^{1/2} часов утра. Как всегда прочитаны были все полученные телеграммы и проецированные ответы. Между прочим было несколько телеграмм о вчерашнем прискорбном происшествии в Берлине. Оказывается, что раны императора Вильгельма серьезнее, чем полагали вчера. В его лета можно опасаться неблагоприятного исхода, а кончина его может иметь чрезвычайно важное влияние на ход всей европейской политики. Трудно предвидеть, какие могут быть последствия, особенно для России.

К 3-м часам я возвратился из Царского в Петербург.

24-го мая. Среда. — Вчера, после моего доклада, Государь поехал из Царского Села в Петербург и потому доклад по дипломатической части принял уже в вагоне, во время пути. Подъезжая к городу, он сказал нам (Гирсу и мне), что ему предстоят две неприятные задачи: навестить двух больных подагриков — князя Горчакова и князя Барятинского и отклонить одного от намерения ехать на конгресс, а другого от желания командовать армиями. Государь, как я потом узнал, исполнил эту тяжелую для него двойную обязанность. Однако ж князя Горчакова он нашел в лучшем положении, чем ожидал, хотя все еще в постели. Старик так настойчиво доказывал необходимость личного участия его в предстоящем решении восточного вопроса, что Государь должен был уступить и согласиться на назначение от России трех представителей: князя Горчакова, графа Шувалова и Убри. Этот триумвират оправдывается назначением также и от Англии трех уполномоченных: Биконсфильда, Салисбюри и Одо Россея. Наш канцлер опять восторжен и снова увлекся радужными мечтами о роли, которую он разыграет на конгрессе³⁰².

Иначе кончилось дело с князем Барятинским. Он все утро ожидал к себе императора в полном разгаре самообольщения: готовился к приему у себя Государя, составлял в соображении своем целый план беседы о стратегии и политике. Генерал Обручев, от которого я потом

и узнал эти подробности, должен был на этот раз выслушивать еще более, чем в другие дни, фантастические бредни фельдмаршала: что он скажет Государю, какие даст ему советы и т. д. По словам Обручева, князь Барятинский высказывал такие странные, ультралиберальные теории, что ему, Обручеву, даже было как-то неловко слушать. Фельдмаршал все ждал, что по приезде в Петербург, Государь прикажет подать завтрак в помещение, занятое во дворце князем Барятинским и что представится удобный случай к продолжительной беседе глаз на глаз. Но какое было его разочарование: Государь, позавтракав у себя в комнатах, ездил потом в разные места по городу и только около 3-х часов зашел к князю Барятинскому; вместо длинных политических разговоров, прямо объявил* фельдмаршалу, что при болезненном его положении невозможно и думать ему о командовании армиями; пробыл у него всего с четверть часа и уехал обратно в Царское Село. В продолжение этого короткого посещения Его Величества, Обручев ожидал в приемной комнате; прошло еще несколько времени; наконец он был снова приглашен фельдмаршалом, который с видом покорности судьбе объявил о результате свидания с императором. Таким образом все продолжавшиеся так долго ежедневные совещания князя Барятинского с Обручевым и другими лицами о военных приготовлениях, о планах кампании и прочем остались без последствий; фельдмаршал намерен чрез несколько дней уехать обратно в свой скит — в Скерневицы и снова погрузиться в свое безотрадное бездействие.

Князь Барятинский, имея ежедневные и продолжительные свидания с Обручевым, говорил ему, разумеется, о многом, вовсе и не касающемся военных дел. Между прочим, несколько раз он заводил речь обо мне, очевидно, для того, чтобы слова его были мне переданы. Он уверял, что ссора между нами произошла просто от недоразумений, что он никогда не переменался в отношении ко мне и крайне сожалеет о том, что с моей стороны осталось такое злопамятство³⁰³. Впрочем, он говорил отчасти в таком же смысле и мне самому, когда мы случайно сошлись с ним на станции железной дороги. Ему, конечно, должно быть неприятно, что я не был ни разу у него, кроме официального визита в первый день его приезда. Ввиду скорого его отъезда постараюсь заехать к нему на прощание.

Сегодня, приехав в Царское Село, я был приглашен к Государю вместе с Гирсом. Тут услышал я от самого Государя о результате обоих его вчерашних визитов. Он объявил, что возвращается к прежнему

* своему

предположению относительно распределения командования армиями в случае войны, т. е. что командование юго-западной или средней армией будет поручено наследнику цесаревичу; что начальником его штаба будет Обручев. Затем Государь прибавил: «А я предоставляю себе самому руководствоваться действиями всех трех армий для связи между ними и ты будешь у меня как начальник штаба, по званию военного министра».

Не знаю, радоваться ли или скорбеть о том, что князь Барятинский снова сошел со сцены. С ним было бы, конечно, много хлопот; но не менее неудобств и трудностей предвижу и при новой комбинации. Чем более вдумываешься в ожидающее нас положение в случае войны, тем страшнее становится перспектива и тем сильнее желаешь избежать войны. При настоящей обстановке война была бы губельна для России.

Полученные вчера и сегодня телеграммы из Лондона и Константинополя не заключают в себе ничего рельефного. Салисбюри объявил Бартоломею (оставшемуся в голове посольства нашего по выезде графа Шувалова), что Лаярду приказано только воздержаться от противудействия очищению турками крепостей. В Константинополе же новая перемена в личном составе правительства: едва только был назначен Мехмед-Рюшди-паша верховным визирем, и вот уже он свергнут, а на место его назначен Савфет-паша, оставшийся и министром иностранных дел. Вопрос об очищении крепостей, ради этих беспрестанных перемен и колебаний, не подвигается вперед. Ежедневно можно ожидать новой катастрофы в Константинополе.

25-го мая. Четверг. — Сегодня после своего доклада я, по обыкновению, присутствовал при докладе Гирса. Читались новые телеграммы о состоянии здоровья императора Вильгельма; управление государством принял временно наследный принц германский. Современное положение дел представляется Государю в мрачном виде. Он не полагается на мирный исход конгресса и подозревает английский кабинет в затаенном намерении только протянуть время, дабы лучше подготовиться к войне. На этот раз уже пришлось мне несколько успокаивать Государя: если б Англия прямо вела дело к войне, то не было ей надобности забавляться комедией конгресса; протянуть время* она могла бы и без конгресса; а если Англия не** желает, что-

* зависело бы от нее

** совсем равнодушно смотрит на наши домогательства занять Шумлу и особенно Варну, то и в этом едва ли можно видеть безусловное подго[товление к войне?].

бы Шумла и особенно Варна были заняты нами, то едва ли потому, что она считает войну неизбежною, а просто в том расчете, что всякое усиление нашего положения на театре войны может сделать нас менее уступчивыми на конгрессе.

После доклада у Государя мы с Гирсом вместе читали приготовленный бароном Жомини проект инструкции уполномоченным нашим на конгрессе. Проект этот будет обсуждаться в субботу в совещании, для которого Государь намерен приехать в Петербург.

Сегодня, в отсутствие мое, приезжал ко мне с визитом фельдмаршал князь Барятинский.

26-го мая. Пятница. — Ездил я в Царское без доклада, но по обыкновению присутствовал при докладе Гирса*. Турки продолжают тянуть дело об очищении крепостей. Государь в мрачном настроении, тем более, что императрица заболела серьезно. Прибывшие вчера вечером послы — граф Шувалов и Убри — представлялись Государю.

В час пополудни на Софийском плаце (в Царском Селе) был смотр двух прибывших с Дона вновь сформированных казачьих полков третьей очереди.

Возвратившись в Петербург я счел долгом учтивости посетить фельдмаршала князя Барятинского. Он продержал меня часа два и столько наговорил всякой всячины, переходя с одного предмета на другой, что я устал слушать. Всеми силами старается он задобрить меня и восстановить прежние хорошие между нами отношения; рассказывал не без** горечи о последнем своем свидании с Государем***; но главной темой его рассказней, по обыкновению, были разные личности и сплетни.

Вечером был у меня граф Шувалов. Мы имели с ним продолжительный и интересный разговор по вопросам, касающимся предстоящего конгресса. Он не отчаивается в успехе конгресса и мирном исходе; но не скрывает от себя и больших трудностей, а потому готовится ко всякого рода каверзам. Мы перебирали все вопросы, которые могут возникнуть и все уступки, которые могут от нас потребоваться.

27-го мая. Суббота. — После доклада моего в Царском Селе Государь отправился в 11 часов утра в Петербург и в пути читались некоторые полученные депеши. В час пополудни назначено было совещание у князя Горчакова. Приняли в нем участие: Государь, на-

* Нового ничего нет особенного, но

** досады

*** не без досады на такой неожиданный для него оборот дела

следник цесаревич, великий князь Владимир Александрович, князь Горчаков, оба приехавшие посла (граф Шувалов и Убри), Гирс, барон Жомини, граф Адлерберг и я. Соповещание продолжалось более 2¹/₂ часов. Граф Шувалов прочел меморандум своего соглашения с маркизом Салисбюри и по каждому пункту были более или менее продолжительные прения. В особенности много говорено было о требовании Англии, чтобы наша армия отошла от Константинополя еще до начала конгресса, не обусловливая очищением турками дунайских крепостей*. Государь говорил** с некоторым раздражением***, когда речь шла о требуемых от нас новых уступках. Но граф Шувалов с твердостью и спокойствием ставил вопрос за вопросом и должно отдать ему справедливость, что он один вник в подробности дела и развивал свои соображения систематически. Он даже решился, под конец совещания, затронуть предположение, которое я высказал ему вчера вечером, в виде мечты несбыточной, именно — о переустройстве Турецкой империи на федеративном начале. Князь Горчаков, не выждав даже конца изложения, хотел было живо похоронить нашу комбинацию; однако ж Государь поддержал нас, сказав, что высказанная мысль с давних пор была любимой мечтой не только его самого, но и покойного императора Николая. В заключение Государь сказал графу Шувалову, что он может попытаться, при удобном случае, пустить в ход эту мысль, хотя бы в виде частного разговора. Если она и не будет иметь практических последствий, то все-таки самая постановка вопроса на широкие, рациональные основы, чуждая всякой односторонности, равномерно распространенная на все национальности Оттоманской империи, придавала бы русской политике на конгрессе неизмеримо высшее достоинство, чем**** преследование узких, эгоистических интересов, какие будут, конечно, отстаивать другие соучастники Европейского ареопага.

Что касается князя Горчакова, то совещание нынешнего дня окончательно показало, что он человек отживший. Он говорил мало и всякий раз, когда пробовал что-нибудь сказать, выходило как-то невпопад. Он уже не в состоянии схватывать мысли; не может вникать в сущность дела*****; голова его перестала работать. Как же будет он

* Шумлы и Варны.

** сам более других и не совсем спокойно

*** особенно

**** узкое отстаивание, как другими членами ареопага, каких-либо своих частных эгоистических «интересов».

***** просто не понимает его

разыгрывать на конгрессе роль первого представителя России? Граф Шувалов не скрывает своей досады* на поездку канцлера в Берлин и не без основания опасается, что неуместные его выходки могут весьма повредить ходу дела.

Во все время совещания ни Убри, ни Гирс, ни граф Адлерберг, ни** великие князья не открывали ртов.

В совещании между прочим решено, чтобы при уполномоченных на конгрессе находилось несколько лиц для доставления им нужных справок и сведений относительно малознакомых им местностей и обстоятельств: собственно по дипломатической части — Нелидов (взамен Кумани, который был нарочно выписан из Парижа, но оказался мало подготовленным), а по военной — генералы Анучин (состоявший все время при покойном князя Черкасском в Болгарии), Бобриков (много ездивший по Турции, а в последнее время состоявший при сербских войсках) и полковник Боголюбов (долго находившийся в Черногории, а в последнее время ездивший с поручениями в Вену и Лондон). Выбор этих личностей*** предохранит конгресс от невольных ошибок и недоразумений. С Бобриковым и Боголюбовым я успел сегодня же переговорить; но Анучин, недавно только возвратившийся из Турции, уже уехал вчера из Петербурга к своему месту в Радом (куда он назначен на должность губернатора). Ему послана телеграмма.

28-го мая. Воскресенье. — Утром был по обыкновению в Царском Селе. После обедни и завтрака Государь позвал к себе в кабинет графа Шувалова, Гирса и меня и тут окончательно были выяснены некоторые вопросы, оставшиеся нетронутыми во вчерашнем совещании³⁰⁴. На возвратном пути из Царского в Петербург ехал я вдвоем с графом Шуваловым и тут еще раз мы с ним обменялись мыслями относительно**** федеративной организации турецкой империи, а также***** по вопросу о будущем разграничении разных областей и владений на Балканском полуострове³⁰⁵.

Сегодня же был вызван в Царское Село статс-секретарь Набоков, по случаю назначения его на место графа Палена министром юсти-

* и опасения

** оба

*** вполне обеспечивает решения конгресса.

**** заявленного нами предположения о

***** старались выяснить некоторые подробности, которых может коснуться конгресс при суждениях

ции. Пост этот нелегкий при настоящих обстоятельствах и мне кажется, что Набоков едва ли будет в состоянии справиться с выпавшею на его долю задачей: отстоять либеральные начала нового нашего судоустройства и в то же время удовлетворить требования полицейского произвола* 306.

Болезнь императрицы со вчерашнего дня возбуждает тревожные опасения. Плеврит усилился и превратился в сильное воспаление легких. Доктор Боткин не ручается за исход этой болезни, особенно ввиду непомерной слабости больной.

29-го мая. Понедельник. — Хотя и сегодня я ездил в Царское, однако ж на этот раз напрасно; Государь меня не потребовал к себе и по-видимому со вчерашнего дня ничего нет нового в политике. Сегодня утром князь Горчаков уехал в Берлин с бароном Жомини и бароном Фредериксом. Оба посла — граф Шувалов и Убри — уехали еще вчера.

В Царском Селе все озабочены болезнью императрицы: состояние ее не хуже вчерашнего, но общая слабость** продолжается.

31-го мая. Среда. — Вчера утром был я, по обыкновению, в Царском Селе; после моего доклада присутствовал при докладе Гирса. Ничего важного или нового нет в политике.

Сегодня не ездил в Царское Село; в первый раз со времени переезда туда царской фамилии остался в Петербурге по случаю 50-летнего юбилея товарища моего, члена Военного совета, Сергея Ивановича Волкова. Юбилей не помешал обычному заседанию Военного совета; но, по окончании его, весь Совет переселился в ресторан Бореля, где давали обед в честь юбиляра.

Вчера были сведения о некотором улучшении в состоянии здоровья императрицы. Сегодня приехала в Царское из Кобурга великая княгиня Мария Александровна, принцесса Эдинбургская.

2-го июня. Пятница. — Здоровье императрицы продолжает поправляться; по крайней мере считают ее уже вне опасности. Вчера я нашел Государя более прежнего в спокойном расположении духа. Сегодня получена телеграмма о происходившем вчера первом заседании Берлинского конгресса. Биконсфильд не мог воздержаться от неприятных объяснений насчет пребывания нашей армии под Константинополем; этою выходкой открылись совещания. Наш канцлер

* По моему мнению, ни физическое состояние здоровья Набокова, ни силы умственные его не соответствуют такой задаче.

** тоже усилилась.

пустил, по своему обыкновению, букет риторический, ограничившись общими фразами; граф Шувалов вошел в некоторые подробности; но князь Бисмарк совсем устранил вопрос об удалении нашей армии и английского флота от Константинополя, объявив, что вопрос этот не подлежит конгрессу³⁰⁷. Следующее заседание отложено до понедельника и положено приступить к делу, начав с вопроса болгарского. Таким образом несколько дней пройдет еще прежде, чем обрисуетя настроение конгресса.

Возвратившись в Петербург, я имел* длинный разговор с приехавшим в Петербург ирландцем — Мак-Адарас (Mac-Adaras), который просил свидания со мной, для передачи одного весьма важного, секретного предложения русскому правительству. Он называет себя «ancien général de brigade». По его объяснению, чин этот был дан ему во французской армии, во время франко-прусской войны; но прежде служил он в Ост-Индии.

Теперь он считает себя свободным от всяких обязательств в отношении Англии и поставил себе задачей жизни — освободить свою родину Ирландию от тяжелого гнета британского владычества. Ввиду могущего быть разрыва между Россией и Англией, он приехал с предложением нам своих услуг, уверяя, что держит в руках нити обширного заговора. По данному сигналу он надеется погубить британский флот, так как нет почти судна, на котором не было бы ирландцев, в качестве ли машинистов, кочегаров или матросов. Точно так же и в войсках английских служит множество офицеров и солдат ирландской национальности: большая часть их дезертирует при первом удобном случае. В таком смысле Мак-Адарас** говорил более часа; я же слушал, большею частию молча. Личность эта не внушает мне доверия; но я закончил нашу беседу, посоветовав ему несколько обождать, пока не выкажется на конгрессе, чего можно ожидать в ближайшем будущем.

6-го июня. Вторник. — Сегодня получены с курьером из Берлина письменные донесения князя Горчакова и графа Шувалова как о первом заседании конгресса, так и о последующих затем особых совещаниях графа Шувалова с Биконсфильдом, маркизом Салисбюри и графом Андраши. Донесения эти произвели на Государя тяжелое впечатление. Английский первый министр заметно переменял тон со времени бывших в Лондоне соглашений с графом Шуваловым; он почти уже отступает от тех условий, которые были подписаны

* странное свидание

** распространялся

Б. Дизраэли, лорд Биконсфилд

маркизом Салисбюри и, чтобы сколько-нибудь оправдать такое нечестное поведение, берет предлогом то невыгодное впечатление, которое будто бы произвело на английскую публику напечатание в английских газетах самого акта, подписанного графом Шуваловым и маркизом Салисбюри. Это нарушение тайны, о сохранении которой так заботились сами министры английские, Биконсфильд приписывает какому-то мнимому корреспонденту одной лондонской газеты из Петербурга (!); эта очевидная выдумка служит только для прикрытия собственных нескромностей английского министерства³⁰⁸. Как бы то ни было, но во вчерашнем, втором заседании конгресса, в котором на очереди поставлен был вопрос о Болгарии, Биконсфильд, со свойственною ему резкостью, поддерживал необходимость турецкого владычества в южной Болгарии, где, по мнению англичан, может быть допущена только административная автономия, с оставлением за Портою права держать там войска свои, вопреки тому, что было положительно условлено в Лондоне. К сожалению, председатель князь Бисмарк, как кажется, принял за правило не допускать в общих заседаниях прений по существу

дела, а предоставлять разрешение главных затруднений частному соглашению между заинтересованными сторонами. Так и болгарский вопрос остался пока нерешенным: графу Шувалову предстоит снова вести единоборство с Биконсфильдом³⁰⁹. Третье же заседание конгресса назначено на завтра (среду). Что касается вопроса об отводе нашей армии и английского флота от Константинополя и связанного с этим вопросом очищения турками Шумлы и Варны, то вопросы эти как будто отложены в сторону; не только не занимают ими в заседаниях конгресса, но и сами англичане перестали настаивать.

А между тем сегодня же под Константинополем чуть было не дошло до возобновления военных действий. Фуад-паша, исполняющий должность главнокомандующего Константинопольской армией, вздумал было потребовать от начальников наших передовых войск снятия каких-то построенных ими наблюдательных вышек. Для поддержания этого дерзкого требования выдвинуты были турецкие войска; генерал Тотлебен также приказал нашим войскам занять боевую позицию, но князь Лобанов успел вовремя объяснить с турецкими министрами и дело на этот раз уладилось благополучно. Но является невольное подозрение: не желают ли турки нарочно вызвать нас на столкновение, чтобы* помешать мирному исходу дела.

На возвратном пути из Царского Села в Петербург мне пришлось ехать в одном вагоне с турецким послом Шакир-пашой и свитой его. Тут мы познакомились и беседовали дружелюбно.

8-го июня. Четверг. — Вчера не был я в Царском. После заседания Военного совета намеревался ехать на обед к французскому послу Лефлю; но неожиданно получил по телеграфу приказание Государя приехать в Царское Село к 9 часам вечера.

Приехав к назначенному часу, я прямо отправился в государев кабинет, куда собрались в то же время великие князья — наследник цесаревич и Владимир Александрович, Гирс и граф Адлерберг. Мы нашли Государя взволнованным и озабоченным; он прочел нам полученные телеграммы из Берлина: граф Шувалов извещает о горячих прениях, которые он выдержал с английским и австрийским первыми министрами. Требования их относительно Болгарии возмутительны;

* расстроить дело конгресса.

Биконсфильд нисколько не считает себя связанным условиями, под-писанными в Лондоне маркизом Салисбюри³¹⁰. Вместе с тем граф Шувалов предваряет об отправлении в Петербург полковника Боголюбова со словесным докладом и просит немедленного разрешения по некоторым вопросам, которые должны обсуждаться в предстоящем в пятницу заседании.

Вышедши из государева кабинета, мы с Гирсом проектировали ответную телеграмму графу Шувалову, не давая однако же* категорического разрешения до приезда Боголюбова.

Я остался ночевать в Царском. Сегодня, после моего доклада, Гирс доложил Государю некоторые вновь полученные телеграммы, а затем происходило особое совещание по делу совсем другого рода: именно по поводу новых проделок великого князя Николая Константиновича, который** еще в феврале месяце обвенчался тайно с некою девицей Дрейер (дочерью оренбургского полицеймейстера) обманным образом, сделав подложную подпись и выдав себя за какого-то отставного полковника. Государь был крайне*** затруднен решением вопроса, как поступить в таком случае: смотреть ли на великого князя**** на основании прежнего акта, которым он признан был в ненормальном состоянии рассудка, или поступить с ним по всей строгости законов? К совещанию приглашен был в качестве эксперта-юриста князь Серг[ей] Ник[олаевич] Урусов. Говорили долго, но ни к какому окончательному решению не пришли.

В Петербург возвратился я в обыкновенное время. Вечером у меня съехались Гирс и, только что приехавший, Боголюбов. Государь пожелал, чтобы мы предварительно выслушали привезенные им известия и, обдумав их, приехали все трое завтра утром в Царское Село. Из рассказов Боголюбова видно, что положение графа Шувалова весьма тяжелое и трудное, в особенности затрудняет его присутствие князя Горчакова. Боголюбов рассказал несколько анекдотических случаев, показывающих до очевидности, что наш маститый канцлер совершенно***** невменяем.

9-го июня. Пятница. — Полковник Боголюбов лично доложил Государю при Гирсе и при мне все то, что было ему поручено графом

* положительного

** как недавно только узнали

*** озабочен и

**** как на сумасшедшего

***** выжил из ума

Шуваловым. После того, оставшись один у Государя, я счел необходимым передать ему, что слышал от Боголюбова относительно князя Горчакова; я счел себя даже обязанным это сделать потому, что Боголюбову было поручено графом Шуваловым объяснить мне крайне затруднительное положение, в которое ставит его безотчетная болтовня нашего канцлера.

10-го июня. Суббота. — После своего доклада остался я по обыкновению и при докладе Гирса. Читались полученные письма от графа Шувалова и князя Лобанова. Положение дел представляется Государю весьма в черном виде; он уже не рассчитывает на успешный исход конгресса; а между тем все еще возлагает надежды на слово императора Вильгельма, который будто бы *обязан* взяться за оружие заодно с нами в том случае, если б Австрия вздумала объявить нам войну. Я прочел полученные мною три письма генерал-майора Горлова из Парижа; он сообщает сведения, переданные ему тайным его корреспондентом из Лондона, сведения, еще усилившие мрачное наше настроение³¹¹.

К тому же и болезнь императрицы опять возбуждает опасения.

Был у меня вторично** ирландец Мак-Адарас. Он торопит решением вопроса; но, конечно, я должен был ему объявить, что с первого нашего свидания политическая обстановка несколько не разъяснилась и что нет решительно возможности предвидеть, что ожидает нас: мир или война.

11-го июня. Воскресенье. — Сегодня утром я не ездил в Царское Село, что было очень кстати, потому что чувствовал довольно сильную простуду. Однако ж пред обедом получил приказание приехать в Царское вечером. В 9 часов собрались у Государя наследник цесаревич, великий князь Владимир Александрович, граф Адлерберг, Гирс и я. Прочли полученную телеграмму о вчерашнем заседании конгресса, протокол предыдущего (2-го) заседания и некоторые записки графа Шувалова с вопросами, требовавшими разрешения к завтрашнему дню. Все эти известия малоутешительны; Государь раздражен, не в духе, продолжает говорить о неизбежности войны. При всяком случае я стараюсь напоминать, что как бы ни были для нас невыгодны условия настоящего конгресса, они все-таки будут несравненно менее тяжелы и унизительны для России, чем то, что ожидает нас в

* <вовсе не верит> <потерял надежду>

** сегодня

случае войны, после неизбежного поражения. Наши военные силы так расстроены войной, так разбросаны, что не предвидится никакого вероятия успеха.

С последним вечерним поездом возвратился я в Петербург. Поездка эта не повредила моему здоровью: даже чувствую себя несколько лучше, чем утром.

13-го июня. Вторник. — Читанные сегодня у Государя телеграммы из Берлина о вчерашнем заседании конгресса несколько успокоительнее прежних. Важнейшие пункты Сан-Стефанского договора касательно Болгарии прошли довольно удачно: самостоятельность *Княжества* Болгарского (хотя и в стесненных границах), очищение турками Шумлы и Варны, оставление русских войск в обеих частях Болгарии в течение годичного срока — все это вместе составляет уже веский результат войны. Что касается до спорных вопросов относительно южной Болгарии (которой полагают присвоить наименование «Восточной Румелии»), — именно об ограничении права турок держать войска свои на границах и вводить их во внутрь области, то после долгих споров не могли еще сойтиться на предложенной французскими уполномоченными редакции и решено отложить окончательное постановление по этому предмету на завтрашнее заседание.

Утверждение конгрессом статьи договора об очищении турками Шумлы и Варны доставляет нам благовидный предлог, чтобы ускорить отвод нашей забалканской армии из-под стен Константинополя. Князю Лобанову предписано возобновить переговоры с Портою о крепостях и, в случае невозможности добиться неотлагательного очищения их турками, по крайней мере настоять на назначении положительного срока*.

14-го июня. Среда. — Сегодня предполагал остаться в городе для заседания Военного совета; но утром получил телеграмму, чтобы приехать в Царское Село с часовым поездом. Приехав туда, я узнал, что Государь уже присылал за мной; когда пришел я в приемную Государя, там уже ожидали меня великие князья, граф Ад-

* Первоначальный текст после слов «Князю Лобанову предписано возобновить переговоры с Портою»: «о назначении срока для исполнения постановления конгресса с тем, чтобы удовольствоваться хотя бы только этим обещанием и начать отводить наши войска от Константинополя, даже прежде самого исполнения <очищения крепостей> турками этого обязательства».

лерберг и Гирс. Последний предупредил меня, что Государь встревожен полученными от графа Шувалова известиями. Однако ж в прочитанных телеграммах о вчерашнем совещании, так же как и в прежних письменных донесениях, я не нашел ничего тревожного. Конгрессом предположено предоставить туркам право держать войска свои в южной Болгарии (или Восточной Румелии); такое решение*, конечно, несогласно с нашими видами; но существенного значения оно не имеет и может остаться вовсе без применения на практике. При этом я счел уместным снова высказать свой взгляд на те уступки, к которым мы ныне вынуждены пред целою Европой: как бы ни были** они для нас неприятны, все-таки нельзя никак сказать, что война ведена нами без результата. Если достигнем хоть только того, что теперь*** уже конгрессом постановлено, то и в таком случае**** огромный шаг будет сделан в историческом ходе восточного вопроса. Ужели в самом деле мы могли рассчитывать на полное и окончательное решение векового вопроса одною удачною кампанией? Ужели можно было надеяться, что Европа даст нам полную волю распорядиться судьбой Оттоманской империи? Да мы и сами, начиная войну, отнюдь не имели такого притязания; если ж осуществляются те изменения в политическом и гражданском устройстве христианских областей Турции, на которые Европа уже соглашается, то результат будет громадный и России можно будет гордиться достигнутыми успехами. Начатое нами дело несомненно довершится самою силою вещей. Какие бы ни были теперь постановлены европейскою дипломатиею ограничения в самостоятельности южной Болгарии, какие бы тесные границы не были ей назначены, можно иметь уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство. Точно так же и в других христианских областях Турции будет положено начало будущей автономии. В этом отношении весьма важно не позволить Австро-Венгрии запустить свою немецко-мадыарскую лапу

* хотя и несогласно с нашими желаниями, но к этому мы уже подготовлены и лучшего ожидать не могли.

** чувствительны для нас эти уступки,

*** по-видимому

**** это будет самый большой шаг, какой только был когда-либо сделан

во внутрь Балканского полуострова и вот почему я не перестаю, при каждом случае, напоминать, что всего опаснее для будущего благоприятного разрешения славянского вопроса на Балканском полуострове настойчивое домогательство Австрии присвоить себе не только Боснию и Герцеговину, но даже и часть Старой Сербии до Митровицы. Против такого бессовестного, наглого притязания должны быть направлены главные усилия нашей дипломатии на конгрессе*.

15-го июня. Четверг. — Сегодня в Царском Селе праздновалась годовщина перехода наших войск чрез Дунай у Зимницы. В саду, пред памятником Екатерины II, были выстроены команды бывшего при Государе в походе почетного гвардейского конвоя и гвардейского морского экипажа; после молебствия дан был нижним чинам завтрак, а в 6 часов обед во дворце для всех лиц, находившихся при Государе в день перехода за Дунай. Торжество это было ознаменовано новыми наградами: генерал Радецкий назначен шефом полка, генерал Драгомиров — генерал-адъютантом, морской офицер Тудер — флигель-адъютантом.

По окончании обеда Государь приказал сойти к нему в кабинет всем участвующим обыкновенно при докладах Гирса по дипломатической части и сверх того великому князю Константину Николаевичу. Поводом к этому совещанию в неурочный час была, полученная от графа Шувалова, телеграмма о горячем споре, который он имел

* *Первоначальный текст после слов «...распорядиться судьбою Оттоманской империи?»:* «Да мы и сами не имели притязаний совсем низвергнуть власть султана, если ж осуществить на деле те изменения, на которые Еврона уже соглашается в политическом и гражданском устройстве христианских областей Турции, то результат будет достигнут существенный и России можно будет гордиться достигнутыми успехами. Если на этот раз и не удастся нам довершить начатое дело, то нет сомнения, что оно довершится самою силою вещей, по непререкаемому закону истории. Какие бы ни постановлены были теперь европейскою дипломатиею ограничения в самостоятельности южной Болгарии, какие бы тесные границы ни были ей назначены, положенное на севере Балкан зерно самостоятельного государства болгарского разовьется, притянет к себе все силы болгарской народности и рано или поздно народ болгарский объединится и составит одно самостоятельное тело. Точно так же и в других христианских областях Турции будет положено начало будущей автономии. В этом отношении теперь весьма важно не допустить Австро-Венгрии запустить свою немецко-мадыарскую лапу во внутрь Балканского полуострова и вот почему я не перестаю указывать на настойчивое требование Австрии присвоить себе не только Боснию и Герцеговину, но даже и часть Старой Сербии до Митровицы — как на самую опасную и самую бедственную для будущности славянства из всех уступок, какие могли бы от нас потребовать на конгрессе. Все усилия нашей дипломатии должны быть направлены преимущественно на то, чтобы не допустить этого воюющего...» (фраза не дописана).

Д. Андраши

с графом Андраши по поводу настояний его о присоединении к Австрии клочка Старой Сербии до Митровицы. Теперь австрийский канцлер уже делает как бы уступку: он не требует *неотлагательного присоединения* этого участка (который принято почему-то называть «enclave»)*; но желает, чтобы на первый раз предоставлено было Австрии занять только «*военную позицию*» у Митровицы с тем, что впоследствии мы не воспротивимся отдельному соглашению между Австрией и Турцией относительно полной уступки означенного участка (enclave). По выражению графа Шувалова, Андраши торгуется: если б мы поддержали его в этом предположении, то он в свою очередь обещает поддержать нас в вопросах о Бессарабии, об азиатской границе и не противиться присоединению Антивари, Спицы и Дульчино к Черногории. Если граф Андраши так настаивает на

* торгуется, чтобы мы не противились тому, чтобы на первый раз австрийцы заняли только «*военную позицию*» у Митровицы.

нашей поддержке в вопросе о так называемой *enclave*, то можно догадываться, что он пока не заручился еще по этому вопросу со стороны других уполномоченных на конгрессе. Но может ли Австрия ожидать именно от России поддержки в таком вопиющем притязании, которое нанесло бы удар всей будущности славянского вопроса на Балканском полуострове? И добросовестно ли со стороны австрийских дипломатов домогаться нового возмездия за поддержку тех требований наших, относительно которых уже ранее состоялось обоюдное соглашение в секретной конвенции, заключенной в начале прошлого года. В этом случае австрийская дипломатия действует как торгаш, который после заключения договора требует для исполнения принятого на себя обязательства еще добавочной приплаты*. С такой точки зрения и последовало решение Государя отвечать графу Шувалову, чтоб он не входил ни в какие новые обязательства с графом Андраши, а оставался твердо на почве прежней конвенции³¹².

16-го июня. Пятница. — Государь сегодня приезжал в город; а потому я не ездил в Царское Село и получил приказание быть в Зимнем дворце. Но со вчерашнего вечера никаких новых известий не получено ни из Берлина, ни из Константинополя.

Ирландец Мак-Адарас был у меня в последний раз перед отъездом за границу. Так как и теперь я не мог сказать ему ничего положительного касательно цели его приезда в Петербург, то мы условились о том, чрез кого могу я войти снова в сношение с ним, когда обстоятельства приведут нас к разрыву с Англией. Для этого указал он мне на посредство одного банкирского дома в Париже и американского консула в Неаполе.

17-го июня. Суббота. — По случаю приезда действительного статского советника Нелидова из Берлина со словесными поручениями от графа Шувалова совещание у Государя по делам политическим продолжалось сегодня с 10 часов утра до 12^{1/2}, так что мой

* *Первоначальный текст после слов «Если граф Андраши так настаивает на нашей поддержке в вопросе о так называемой enclave»: «то можно догадываться, что он опасается сопротивления со стороны других представителей на конгрессе и значит он пока не заручился с других сторон. Странно было бы, если б в таком вопиющем деле, которым нанесен бы был удар всей будущности славянского вопроса на Балканском полуострове, Австрия получила поддержку именно от России! Да и на каком же основании Австрия могла бы требовать от нас поддержки в таком неумеренном с ее стороны притязании, когда она обязалась на основании заключенной в начале прошлого года секретной конвенции и без этой новой с нашей стороны уступки, на все те территориальные изменения, которые мы теперь требуем. Это торгаш, который после заключения договора не исполняет его и требует новой приплаты».*

доклад пришлось отложить до часа пополудни и значительно сократить его. Нелидов подробно объяснил ход* происходивших до сих пор переговоров на конгрессе. Главная цель его приезда, как кажется, заключается в том, чтобы высказать пред Государем всю трудность задачи, возложенной на графа Шувалова, который всеми силами старается выторговать все, что только возможно. К сожалению, он имеет против себя отчаянных и злых противников; не только приходится ему ежедневно бороться с нахальными и дерзкими представителями Англии и Австрии, но и со стороны всех остальных членов встречает он сопротивление; даже князь Бисмарк, с которым граф Шувалов был прежде в самых** лучших отношениях, не доставляет ему той поддержки, которой мы вправе были ожидать. Германский канцлер до крайности нервен, нетерпелив; при малейшем возмущении угрожает, в случае долгих споров, прервать конгресс и уехать в Киссинген³¹³. Андраши, Биконсфильд*** открыто, цинически заявляют, что им решительно все равно, какая судьба постигнет тот или другой христианский народ, лишь бы отстоять собственные**** интересы своей страны.

Телеграммы, полученные вчера вечером и сегодня утром (т. е. уже после выезда Нелидова из Берлина), очень неутешительны. Вся Европа оказывается против нас, даже в таких вопросах, в которых мы с уверенностью рассчитывали на поддержку других, как например, в притязаниях Австрии на завладение Боснией, Герцеговиной и частью Старой Сербии до Митровицы*****. Нахальные требования Австрии возмущают меня до глубины души. К удивле-

* прений графа Шувалова по разным вопросам до сих пор занимавшим конгресс

** близких

*** также думают только о своем личном удобстве

**** их политические домогательства.

***** Правда, что Андраши несколько ускорился; речь идет уже только о военном «заявлении» Боснии и Герцеговины; он уже не настаивает на немедленном присоединении к Австрии так называемой «enclave», а желает только иметь около Митровицы «une position militaire, pour protéger la ligne de communication pour le commerce autrichien» (опорный пункт для охраны австрийских торговых путей — *фр.*). Однако ж Европа находит такое домогательство законным; ни один голос не противится подобному вторжению Австрии в самый центр европейской Турции. Мало того: Андраши требует от нас письменного обязательства, что (мы не будем противиться сделке Австрии с Турцией), если бы впоследствии Австрия нашла возможным войти в прямую сделку с Турцией относительно уступки означенной территории, то Россия не будет тому противиться. За подобное обязательство Андраши сулит нам поддержку в вопросах о Бессарабии и об азиатской границе; а Черногория уступает порт Антивари, хотя до крайности стесняет новые пределы ее границы со всех сторон.

нию моему, Государь принял эти вопиющие требования* спокойно и снисходительно**, сверх всякого ожидания, без дальних рассуждений приказано Гирсу телеграфировать графу Шувалову, чтобы он изъявил согласие на последнее предложение графа Андраши³¹⁴. Конечно, отказ в этом случае неизбежно повел бы к закрытию конгресса и к войне; уже вполне очевидно, что мы имеем против себя не одну Англию***, а всю Европу и что**** ни от кого поддержки ожидать не можем. При такой постановке вопроса нет выбора: приходится на все соглашаться, во всем уступить*****!

20-го июня. Вторник. — Известия из Берлина о вчерашнем заседании конгресса***** довольно благоприятны. Несмотря на жалобные заявления румынских министров (Братиану и Когольничану), допущенных в начале заседания, присоединение Южной Бессарабии к России решено единогласно; выговорено только в пользу Румынии ничтожное изменение южной границы участка Добруджи, предназначенного в обмен на Южную Бессарабию. Решение это видимо успокоило Государя; камень***** с плеч упал. Остается еще сомнительная точка — Батум; но и в отношении этого вопроса, кажется, уже последовало предварительное соглашение. Англичане только выговаривают условие, чтобы Батум обращен был в порто-франко. Против этого, конечно, спорить не будем³¹⁵.

Из Константинополя телеграфируют, что Порта подается на немедленное отправление комиссии в Шумлу и Варну и просит только подтверждения данного уже обещания, что немедленно по очищении этих крепостей, наши войска начнут отходить от Константинополя и что вместе с тем начнется передача турецких пленных.

После обычного дипломатического совещания и продолжительного моего доклада, было еще совещание опять о великом князе Николае Константиновиче. Приглашен был и полковник Ростовцев, приставленный к нему в виде ментора и опекуна. Решено уже, что, по существующим законоположениям, брак великого князя с девицею Дрейер не может быть признан законным и будет расторгнут;

* весьма

** я даже <никогда> не ожидал, чтобы он так легко дал согласие на уступку в столь вопиющем вопросе.

*** и не с Австриею только

**** никакой поддержки от Германии ожидать нельзя.

***** и даже должны будем благодарить Бога, что если не будем <принуждены> вынуждены к большим еще уступкам.

***** весьма удовлетворительны.

***** гора

но затем все-таки вопрос, как поступить лично относительно самого Николая Константиновича. Государь полагал лишить его звания флигель-адъютанта. Я высказал мнение, что такое распоряжение будет иметь явно значение карательной меры и притом наказания оскорбительного; если же смотреть на великого князя, как на человека психически больного, то логичнее было бы совсем его уволить от службы и поставить в положение больного, требующего ухода и лечения. Так и решено Государем. Полковник Ростовцев того же мнения³¹⁶.

21-го июня. Среда. — Все утро должен был провести в Красном Селе: сначала объезд лагеря, потом церковный парад Кирасирскому Его Величества полку, по случаю полкового его праздника; затем учение учебному кавалерийскому эскадрону и, наконец, завтрак для офицеров Кирасирского полка с приглашенными начальствующими лицами. Все это проделано по стереотипному шаблону, с пунктуальностью религиозного обряда.

Пред тем, как садиться на лошадь, я был у Государя, который прочел мне телеграмму из Берлина о вчерашнем заседании конгресса. По-видимому, дело пошло удовлетворительно; но со стороны турок все более и более замечается склонность к тому, чтобы не подчиниться постановлениям конгресса. Порта не дала еще согласия на вступление австрийских войск в Боснию и Герцеговину; тянет дело очищения Шумлы и Варны; усиливает свои позиции под Константинополем; а с азиатской границы получено известие, что против аванпостов нашего отряда у Артвина были даже выстрелы. В Батуме и окрестной стране кипят приготовления к возобновлению военных действий. Вообще можно опасаться еще больших осложнений.

25-го июня. Воскресенье. — Работы на конгрессе пошли, на мой взгляд, удовлетворительно. Во вчерашнем заседании почти решен вопрос об азиатской границе, со включением Батума. Конгресс* принял сочувственно заявление князя Горчакова об уступке туркам Баязетской долины и намерении обратить Батум в *porto-franco***.

Но тут же возникло новое черное пятно: англичане заговорили о срытии укреплений Батума и поставили в зависимость от этого вопроса решение другой более важной статьи, — о проливах. На этом дело пока остановилось. Сведения об этом получено только ночью.

* показал вид полного удовлетворения заявлением

** чем и признал уже решенным вопрос о самом Батуме.

Сегодня утром получил я телеграмму от Государя с приказанием приехать на Царскосельскую станцию с поездом, отходящим в 12¹/₂ часов, с тем, чтобы заняться делами политическими на пути из Царского в Петербург. Однако же мне не удалось исполнить это приказание: на железной дороге мне объявили, что поезд, с которым я должен был ехать, не может подойти к Царскосельской станции прежде отхода от нее императорского поезда; поэтому я должен был дожидаться Государя на здешней станции. Государь, не вникнув в объяснение, почему мне было физически невозможно приехать в Царское Село, выказал неудовольствие. По необходимости пришлось остаться несколько минут в вагоне на станции и здесь прочитаны были полученные телеграммы в присутствии наследника, великого князя Константина Николаевича и Гирса. На меня телеграммы эти подействовали успокоительно, быть может потому, что я ожидал чего-нибудь худшего от вчерашнего заседания конгресса; Государь же опять был в раздражительном настроении и повторял, что не верит в мирный исход дел, что Англия* действует с предвзятым намерением втянуть нас в войну. Относительно Батума решено дать нашим уполномоченным на конгрессе указание, чтобы в случае новых требований Англии** относительно укреплений Батума, отвечать, что, хотя мы вовсе не имеем намерения укреплять этот пункт, но не можем допустить включение в трактат какого-либо ограничения державных прав монарха в пределах*** его империи. Если бы вследствие такого ответа английские уполномоченные подняли вопрос о проливах, то нашим уполномоченным предписано не противиться свободному обсуждению предположения об открытии проливов военным судам. В таком смысле приказано Гирсу заготовить телеграмму в Берлин. Все это решено было так поспешно, что не было возможности сколько-нибудь обсудить этот новый оборот дела о проливах****. А кажется, вопрос довольно важен, чтобы не решать его экспромтом.

Со станции железной дороги Государь с прочими членами царской семьи поехал в крепость на панихиду, по случаю годовщины дня рождения императора Николая I, а я поспешил в Зимний дворец, где назначено было в 2 часа представление Государю офицеров,

* только затягивает дело с предрешенным желанием втянуть нас в войну.

** чтобы Россия обязалась не укреплять Батума

*** уступаемой нам территории.

**** я не смог даже высказать какое-нибудь мнение.

кончивших курс в Академии Генерального штаба, тут же представлялись многие из находящихся в Петербурге раненых офицеров. Представление это кончилось почти в 3 часа, на полчаса позже часа, назначенного для съезда в дом Министерства двора, по случаю 50-летнего юбилея в генеральских чинах старика графа Владимира Федоровича Адлерберга. Государь приехал туда уже около 3¹/₂ часов; залы были набиты битком чинами свиты, придворными и офицерами Выборгского полка (носящего имя графа). Слепого юбиляра водил под руку сын его граф Александр Владимирович, называя ему всех собравшихся для поздравления. Сам Государь также сопровождал слепого старца. Грустно было смотреть на этого отжившего царедворца: в этом почете было что-то*, напоминавшее погребальный обряд.

27-го июня. Вторник. — Приехав сегодня в Царское Село к докладу, опять нашел Государя в раздражительном настроении по поводу полученного известия о новой неожиданности со стороны англичан, о новом нахальстве их. В то время, когда конгресс спорил и рядил о разных подробностях устройства судеб Турецкой империи, Англия тайком, под сурдинку, заключила оборонительный союз с Портой и за то приобрела остров Кипр³¹⁷. Первое полученное Государем известие по телеграфу встревожило его своею неясною редакцией: можно было предположить, что Англия гарантирует Порте теперешние ее азиатские границы и, следовательно, как бы восстает против условленного уже присоединения к России части турецкой территории. Но Гирс и я постарались успокоить Государя, объяснив, что гарантия дается Англией только на будущее время и, следовательно, новый договор равносителен прежнему требованию Англии, чтобы Россия обязалась не покушаться впредь на дальнейшее распространение своих владений на счет Турции. При этом я высказал мнение, что захват Кипра англичанами представляет для нас, в некотором отношении, даже успокоительную сторону, так как можно было ожидать от нахальства британских министров еще более неприятных для нас притязаний: отрешаясь от заветного своего принципа охранения неприкосновенности и целостности империи Оттоманской, Англия могла бы заявить теперь свои права на более крупную добычу. Мы сами, в своих прежних соображениях, уже мирились с мыслью о предоставлении на долю англичан одного из больших островов архипелага, что было бы гораздо для нас неудобнее заня-

* невольню

тия ими Кипра. Что же касается до новых наших границ азиатских, то для достоинства русского правительства даже предпочтительнее, чтобы неприкосновенность их была гарантирована непосредственным договором между Англией и Портой, чем каким-либо данным нами формальным обязательством*.

Все эти соображения несколько успокоили Государя; однако ж вопрос о Батуме все еще не решен окончательно; он отложен на завтрашнее заседание конгресса.

30-го июня. Пятница. — Продолжаю ездить каждый день в Царское Село. Известия из Берлина обнадеживают в скором окончании конгресса; завтра должен быть окончательно подписан протокол. Заявление наших уполномоченных о необходимости определения на самом конгрессе порядка приведения в исполнение его постановлений не привело ни к какому результату, как впрочем и можно было предвидеть. Что же касается до новой проделки Англии, выхватившей себе от Турции остров Кипр, под носом европейского конгресса, то до сих пор об этом не было** заявлено конгрессу и вероятно*** эта возмутительная проделка пройдет бесследно; все молчат, хотя во Франции и в Италии очень недовольны.

Вчера приехал из Берлина генерал-майор Бобриков; сегодня утром он докладывал Государю о результате работ Особой военной комиссии, которой поручено было конгрессом обсуждение подробностей нового разграничения областей на Балканском полуострове. Рассказы Бобрикова рельефно выказывают**** крайнюю недобросовестность английских и австрийских офицеров и пассивное подчи-

* Первоначальный текст после слов «...против условленного уже присоединения к России части турецкой территории.»: «Но Гирс и я постарались успокоить Государя, объяснив, что гарантия дается Англиєю на будущее время и, следовательно, договор этот равносильен тому обещанию, которое Англия требовала от нас, что Россия не будет впредь покушаться на дальнейшее распространение своих владений на счет Турции. Я даже прибавил, что присвоение Кипра Англией не только не огорчило меня, но скорее успокоило, так как можно было ожидать со стороны Англии еще более неприятных для нас требований для удовлетворения собственных ее интересов, при настоящем разрешении восточного вопроса. Уже гораздо ранее мы <были готовы> примирились с мыслью о занятии англичанами какого-либо острова в архипелаге; занятие Кипра даже менее неудобно для нас, чем другого какого-нибудь пункта, лежащего ближе к Дарданеллам. Что же касается до гарантии границ азиатских, то для достоинства русского правительства даже <выгоднее> удобнее, чтобы неприкосновенность их была гарантирована непосредственным договором между Англией и Портой, чем каким-либо взятым от нас формальным обязательством пред Англией».

** вовсе

*** это вопиющее дело

**** крайнее нахальство и бессовестность

Г. И. Бобриков

нение им французских и итальянских. Как ни горячо представители наши генерал-лейтенант Анучин, генерал-майор Бобриков и полковник Боголюбов, все трое Генерального штаба, отстаивали интересы освобождаемых христианских областей, как ни отличались они перед всеми другими превосходством своих знаний и искусством аргументации, во всех вопросах брало верх большинство, покорное заранее полученной инструкции держаться заодно с англичанами³¹⁸.

От князя Лобанова и генерала Тотлебена получено сведение, что наконец комиссары турецкие вчера отправились, вместе с русскими, на пароходе «Константин» в Варну для совместных распоряжений по очищению турками Шумлы и Варны.

4-го июля. Вторник. — В последние дни ничего нового, кроме известий о подписании трактата в Берлине, о прощальном обеде у наследного принца германского и толков о возмутительном нахальстве англичан. Биконсфильд не присутствовал в последних заседаниях конгресса под предлогом болезни. Получена копия с трактата; но единственный этот экземпляр у Государя, который не успел еще рассмотреть этого объемистого документа. Сегодня вечером ожидают приезда графа Шувалова, а завтра князя Горчакова.

* передаче

Несмотря на подписание трактата, никто* еще не верит в мирный исход дела. До сих пор нет известий об очищении Шумлы и Варны. Только в Румынии дела приняли благоприятный оборот: Братиану официально заявил и Стурарту и Дрентельну, что румынское правительство вынуждено покориться решению Европы и не будет противиться отторжению южной Бессарабии. Сегодня получено известие, что в официальной бухарестской газете уже объявлено о приведении румынской армии на мирное положение и роспуске резервов. Вследствие этого известия предполагается и наши войска (11-й корпус) отодвинуть от Бухареста к Пруту³¹⁹.

5-го июля. Среда. — Вчера вечером были у меня только что приехавшие из Берлина граф Шувалов, генерал-лейтенант Анучин и полковник Боголюбов. Первый из них пробыл несколько часов и рассказывал о подробностях конгресса, между прочим, о неловких промахах старого нашего канцлера, который несколько раз портил дело³²⁰. Граф Шувалов верит в действительность заключенного трактата и удивляется скептицизму, найденному им в Петербурге. Однако ж сам же он слышал от маркиза Салисбюри предположение, что турки могут уклониться от передачи нам Батума.

Сегодня утром я ездил в Царское Село, как по случаю царского дня (именины великого князя Сергея Александровича), так и для того, чтобы присутствовать при докладе графа Шувалова. Государь принял его только после обедни и завтрака и, как кажется, довольно холодно. Около получаса граф Шувалов оставался вдвоем с Государем, а потом приглашены были в кабинет наследник цесаревич, великий князь Владимир Александрович, граф Адлерберг, Гирс и я. Государь по-прежнему в дурном расположении духа; полагаю, что на него имеют влияние выходки наших газет, бабьи толки и** дерзкие нападки истых русофилов по поводу сделанных на конгрессе нашими уполномоченными уступок. Хотя все эти уступки разрешались верховною властью и притом признавались неизбежными, однако ж Государь, по-видимому, недоволен результатом и чувствует себя как бы оскорбленным, униженным. Генерал-лейтенант Анучин и полковник Боголюбов показывали Государю карты с нанесенными новыми границами. Графу Шувалову будет назначен впоследствии особый доклад о тех распоряжениях, которые он считает нужными с нашей стороны для постепенного осуществления условий Берлинского трактата.

* почти

** глупы[e]

С. А. Грейг

8-го июля. Суббота. — Князь Горчаков, приехав из Берлина в четверг вечером, явился в пятницу утром в Царское Село и представился Государю бодрым и с довольным видом; *il fait bonne mine à mauvais jeu**. Однако ж Государь нашел его невыносимым; отозвался, что с ним «трудно говорить»; одни громкие фразы, витают в пространстве, не касаясь почвы. Об успокоении его старых костей нет и речи.

Между тем произошла смена другого, не столь устаревшего министра. Рейтерн наконец решился покинуть пост министра финансов, к чему он уже давно готовился³²¹. Несмотря на данный ему по этому случаю похвальный рескрипт с приложением Андреевского ордена, Россия едва ли должна печалиться об его удалении. Но к сожалению замена его очень неудачная: министром финансов назначен Грейг, который едва ли поправит финансы России, а может, ради своей самонадеянности, наделать много бед. *Il ne doute de rien***, как говорят французы. Притом он находится в близких связях с некоторыми тузами финансового мира, в чем впрочем и Рейтерн был не безгрешен³²². На место Грейга государственным контролером назначен Сольский,

* делая хорошую мину при плохой игре (фр.)

** он не сомневается ни в чем (фр.)

человек способный, ловкий в делах чиновник*. Государственным же секретарем назначен Перетц, весьма способный делец и хороший редактор**.

Вчера в Красном Селе назначена была лагерная заря***. Как всегда съехалось немало дам и любопытных петербуржцев, чтобы потолкаться в толпе около царской ставки, пока хор из нескольких сот музыкантов разыграет три-четыре музыкальные пьесы и закончит молитвой, после чего все расходятся и разъезжаются. Я был приглашен к чаю за императорский стол в палатке. Государь показал только что полученную от генерала Тотлебена телеграмму о вступлении наших войск в Шумлу. Известию этому можно порадоваться, как бы важной победе, одержанной без пролития крови. Камень свалился с плеч. Теперь**** есть надежда, что турки очистят вскоре и Варну, и тогда, по крайней мере в европейской Турции, можно будет перейти на мирное положение. Затем останется вопрос о Батуме. Есть много поводов опасаться, что там дело уладится не так скоро; а пока Батум не в наших руках мы должны занимать Эрзерум и быть готовыми постоянно к какому-нибудь новому усложнению дел.

Сегодня утром я имел доклад у Государя, и потом уже был общий смотр войскам Красносельского лагеря. Недавно только сформированные части — резервный полк, учебный полк, резервные артиллерийские бригады, запасные гвардейские батальоны — представились все в прекрасном виде, как старые войска. По окончании смотра был по обыкновению завтрак под навесом, на вершине так называемого Царского валика. Возвратился я в Петербург в 6-м часу.

15-го июля. Суббота. — Всю неделю провел в переездах между Петербургом и Красным Селом; погода была отвратительная. Вчера происходил последний общий маневр, после которого окончательно распростились с Красным Селом. Сегодня же ездил в Царское Село с докладом и по случаю именин великого князя Владимира Александровича.

Дела политические мало подвинулись вперед. Очищение турками Шумлы производится крайне медленно; об очищении же Варны, а подавно Батума еще нет и речи. Поэтому невозможно приступить к отводу наших войск от Константинополя и возвращению их в Россию. Никто не верит в полное прекращение войны и по всем призна-

* в высшем смысле слова

** с изворотливостью и физиономиею потомка Израилева

*** я отправился туда, прямо встав от обеда

**** еще

Князь А. М. Горчаков

кам можно опасаться больших смут среди самого населения Турции. В Европе же продолжается глухой ропот на Англию за ее секретную сделку с Портой.

На днях были у меня вместе граф Шувалов и Убри. Не только первый, но и второй с насмешкой рассказывают анекдоты о князе Горчакове. Я имел случай два раза видеть его при докладах у Государя: он бодрится, принимает позы победителя, но умственные способности его в полном упадке; все признаки старческого маразма. Он употребляет самые наивные ухищрения, чтобы устранять графа Шувалова от обсуждения пред Государем общих политических вопросов и хочет уверить всех, что все дело должно быть выработано в частных совещаниях между графом Шуваловым, Гирсом и мною. Однако ж мы добились того, что Государь назначил сегодня совещание, в котором, кроме канцлера и двух великих князей, участвовали граф Шувалов, Убри, Гирс и я. Совещание продолжалось почти полтора часа. Несмотря на все старания князя Горчакова не допустить обсуждения общих вопросов политики, графу Шувалову удалось прочесть приготовленный им ряд вопросов, касающихся приведения в исполнение постановлений Берлинского конгресса, и таким образом хотя кое-что было разъяснено; по крайней мере установлены были главные нача-

ла, на которых уже можно будет разработать подробные инструкции и частности исполнения. Коснулись и вопроса о кандидатуре в князья Болгарии и на место генерал-губернатора Восточной Румелии. И тут канцлер доказывал, что вовсе не следует затрагивать этот вопрос. Если б слушать его, то пришлось бы сложить руки и предать* всю будущность естественному течению случайных обстоятельств. Крайне грустно и прискорбно, что в такую важную эпоху политика России в таких немощных руках.

Граф Шувалов обращается с канцлером с явным пренебрежением, почти не говорит с ним. Гирс совершенно парализован присутствием канцлера. Что касается до Убри, то это вполне безгласная личность. Завтра он уезжает обратно в Берлин.

17-го июля. Понедельник. — Вчера и сегодня не ездил в Царское Село и оба дня оставался дома за делами. Воспользовался свободным утром, чтобы заняться с генералом Мещериновым и Величко постановкою основных начал будущей организации резервных войск. Затем съехались ко мне граф Шувалов и Гирс, чтобы вместе, общими силами, разработать новую инструкцию императорскому комиссару в Болгарии, князю Дондукову-Корсакову, соответственно постановлениям Берлинского конгресса³²³.

Сегодня Государь ездил в Кронштадт для смотра флота.

20-го июля. Четверг. — Вчера опять было у меня продолжительное совещание с графом Шуваловым и Гирсом по предмету составления новой инструкции князю Дондукову. Работа эта кончена и сегодня представлена Государю.

Вчера получены телеграммы из Константинополя не совсем согласные между собою. Князь Лобанов извещает, со слов Савфета-паши, что в Варну посланы приказания о сдаче этой крепости; между тем генерал Тотлебен передает свой разговор с Осман-пашой, который оправдывал замедление вывода турецкого гарнизона из Варны неимением для него помещения на зиму**. Тотлебен предложил Осману-паше на первое время поделить Варну и укрепления ее пополам между войсками русскими и турецкими. Сераскир обещал обсудить это предложение в Совете. Такова обычная уловка турок, чтоб уклониться от положительного ответа.

* все течение дел

** Первоначальный текст после слов «...между тем генерал Тотлебен передает свой разговор с Осман-пашой»: «который имел нахальство сказать, что в числе причин отказа турок очистить Варну, опасение, что войскам гарнизона негде будет поместиться зимой».

После моего доклада Государю приглашены были к Его Величеству князь Горчаков и барон Жomini. Речь была о статье, составленной бароном Жomini для газет, об инструкции князю Дондукову; затем обратились к предположению о том, чтобы купленные в Америке для крейсерства три большие парохода употребить для ускорения перевозки наших войск из Турции в Россию. Решено отправить эти пароходы под купеческим флагом. Князь Горчаков хотел непременно вступить по этому предмету в объяснения с турками и обещать им, что пароходы не останутся в Черном море. Он так упрямо настаивал на этом мнении, что Государь вышел из обычного своего терпения и произошла опять маленькая сцена между ним и канцлером.

На днях решено, что царская фамилия едет в Крым; Государь предложил мне сопровождать его и пробить при нем в Ливадии.

22-го июля. Суббота. — Вчерашний день провел в Кронштадте, вместе с наличными членами моей семьи. Смотрели некоторые форты, действие артиллерии, некоторые суда нашего флота и между прочим большие пароходы, только что купленные в Америке для крейсерства, а ныне обращаемые в транспортные суда для перевозки наших войск из Турции в Россию.

Сегодня был в Царском Селе. Императрица все еще слишком слаба и не принимала поздравлений. После обедни и завтрака происходило небольшое совещание, в котором, кроме всегдашних лиц, участвовал и граф Шувалов. Он уезжает в отпуск на воды; князь Горчаков также заявил о своем намерении уехать на будущей неделе.

Получен наконец от султана ответ на телеграмму Государя: извещает, что послано в Варну приказание немедленно передать русским войскам некоторые из передовых укреплений этой крепости; что вслед за сим будет сделано такое же распоряжение относительно Батума; затем несколько фраз о желании восстановления мирных отношений. Государь не совсем удовлетворен этим ответом; но полагаю, что по занятии хотя лишь нескольких фортов Варны, будет приказано начать вывод наших войск из-под Константинополя. Все на этот случай подготавливается; даны приказания расформировать некоторые части войск и управления, сформированные собственно на случай разрыва с Англией и Австрией; предписано остановить и распустить отряды, собранные на границе Туркестанского округа и на Атреке, в видах демонстративных действий к стороне Индии и проч.³²⁴

* о приостановлении некоторых военных приготовлений и даже о расформировании

И. С. Аксаков

Общественное мнение в России настроено крайне враждебно правительству, особенно в Москве. Берлинский трактат возбуждает почти общее неудовольствие. Причиной тому можно считать разочарование. Ожидали чего-то колоссального и когда мечты идеалистов не осуществлялись, когда явилась практическая действительность, все возопили на нашу дипломатию и на все правительство. Запевалой постоянно является в Москве Иван Сергеевич Аксаков; несколько крайних сторонников его вторят ему. Сумасбродная речь Аксакова в Славянском обществе повела к тому, что сначала повелено было Аксакову сложить с себя звание председателя Общества, а затем и совсем Общество закрыто. Факт прискорбный. Он неминуемо произведет невыгодное для нас впечатление в славянских землях, где смотрели на Московское славянское общество как на орган, чрез который само правительство русское проявляло свое сочувствие и покровительство славянщине. Жаль, что наши немногочисленные деятели общественные редко обладают политическим тактом; они почти всегда своими увлечениями портят дело, которому служат³²⁵.

26-го июля. Среда. — Вчера, по обыкновению, после моего доклада был в моем же присутствии доклад князя Горчакова. На сей раз

был приглашен и Гирс, по случаю передачи ему временно управления Министерством иностранных дел; канцлер* простился с Государем, переехал из Царского Села в город и намерен завтра уехать в Вильдбад. Но об оставлении места старик вовсе перестал говорить; он едет** для того, чтоб «отдохнуть» от своих подвигов.

Вчера я был на дипломатическом обеде у французского посла Леффло, в честь приехавшего в Петербург бывшего президента Северо-Американских Соединенных Штатов Гранта. Еще в понедельник, в его же честь, был обед у американского посланника; я уклонился от приглашения и потом узнал, что хозяин дома и его почетный гость так усердно наливали в себя бокалы шампанского, что к концу обеда сделались совсем неприличными. Вчерашний обед сравнительно был чинный; Грант по обыкновению своему все молчал и только на тост хозяина ответил краткою речью в честь Франции. Зато американский посланник во весь обед острил и отпускал шуточки, хотя и довольно*** пошлые, однако ж возбуждавшие смех в соседях. Это личность довольно оригинальная****; имеет репутацию хорошего адвоката*****.

29-го июля. Суббота. — Вчера было у меня совещание, по особому высочайшему повелению, для обсуждения вопроса о том, какие меры следует принять для противудействия тайным революционным и социалистическим кружкам, группирующимся преимущественно в университетских городах, а в особенности — в Киеве, Одессе и Харькове. В этом совещании участвовали: Валуев, Мезенцов, Набоков (новый министр юстиции) и Маков (товарищ министра внутренних дел). Результатом нашего совещания было признание совершенной необходимости усилить средства полиции и жандармской части и затем принятия некоторых мер второстепенных³²⁶.

Сегодня получено наконец известие о вступлении наших войск в Варну. 27-го числа Бутырский и Московский пехотные полки заняли 4 передовых форта и часть города. Теперь открывается возможность начать отправление наших войск из-под Константинополя и выдачу турецких пленных. Государь однако же приказал Гирсу напомнить кому следует, что отвод наших войск от Константинополя должен быть начат одновременно с удалением английской эскадры. Что же

* оконча[тельно]

** только

*** плоские

**** говорят, что он

***** что касается до Гранта, то наружность его ничего не выражает.

касается до Батума, то все еще продолжается обмен телеграмм; но кажется турки начинают подаваться и на уступку этого пункта. Кавказское начальство уже сделало приготовления к направлению туда войск несколькими колоннами, частью морем.

Сегодня при общем докладе нашем с Гирсом, Государь объявил ему, что берет и его с собою в Ливадию. Как ни старался бедный Гирс^{*} уклониться от этой поездки, выставя вперед барона Жомини, однако ж Государь выразил неперменное свое решение, а относительно барона Жомини объявил, что не считает возможным иметь его при себе в Крыму, ни оставить здесь за старшего в Министерстве иностранных дел. Уже прежде князь Горчаков просил Государя взять барона Жомини в Крым; но ему было отказано наотрез. Государь вспомнил недавно высказанное самим князем Горчаковым мнение о бароне, которого он сравнил с хорошим адвокатом, умеющим с необычайною легкостью и красноречием доказывать и да и нет. Действительно, барон Жомини отличный редактор; но без всяких убеждений, совершенный космополит, ко всему равнодушный; притом же очень болтливый^{**}.

31-го июля. Понедельник. — Сегодня я был приглашен Государем сопровождать его в поездке в Кронштадт. Главною целью этой вторичной поездки Государя был осмотр мин Уайтхеда сперва в мастерской, а потом при спуске на воде. Кроме того осматривали вновь построенный броненосец «Генерал-адмирал» и наконец Государь посетил цесаревну на ее собственной яхте «Царевна».

На пути в Кронштадт Государь принял доклад Гирса в моем присутствии. Положение дел в Турции все более возбуждает^{***} опасений в будущем. Австрийцы наткнулись в Боснии на серьезные затруднения. Конечно, нам нечего жалеть о том; но дурно то, что, по всем признакам, турецкое правительство приняло коварный план действий: оно по наружности как бы держит себя в стороне, а между тем закулисными распоряжениями везде поднимает местное мусульманское население. Так рука Порты видна ясно и в Боснии против австрийцев; точно так же надобно ожидать ее тайного противодействия и нам в Лазистане.

4-го августа. Пятница. — В последние дни было много толков по случаю происшествий в Одессе, где производилось в военно-окружном суде дело по политическому преступлению, именно о во-

* отвертеться

** до чрезмерности

*** сомнения

оруженном сопротивлении, оказанном полиции и жандармам при арестовании подозрительных личностей. 24-го июля вечером военный суд постановил строгий приговор: главный виновник Ковальский приговорен к смертной казни, другие к каторжным работам и ссылке. Объявление этого приговора подало повод к уличному беспорядку; пришлось вывести войска; из толпы раздались выстрелы, которыми убиты два человека в толпе и ранены 4 солдата. При этом полиция действовала непростительно вяло и неразумно; градоначальник граф Левашов, облеченный званием военного губернатора при объявленном в городе военном положении, совсем не показался ни в суде, ни во время беспорядков, несмотря на то, что беспорядки эти заранее предусматривались, даже назначены были части войск в распоряжение военного губернатора. На месте происшествия никто арестован не был; только уже в ночь и на другой день начались аресты по домам. Вся эта история возбудила большое неудовольствие Государя; приказано было вести дело самым решительным образом и привести приговор суда в исполнение неотлагательно. Казнь совершена 2-го августа³²⁷.

По поводу одесских происшествий получены были некоторыми лицами и здесь в Петербурге анонимные письма с угрозою убийства, в случае приведения в исполнение смертного приговора над Ковальским. Такое письмо получил и я. Но первую жертвою мщения пал генерал Мезенцов, как шеф жандармов.

Сегодня утром в 10-м часу я был удивлен приходом ко мне некоего Бодиско, с которым некогда случилось мне познакомиться за границей. В смущении рассказал он мне, что был свидетелем только что совершившегося пред окнами его квартиры (на Михайловской площади) покушения на жизнь Мезенцова, который имел привычку по утрам гулять пешком в этой части города, вместе с приятелем своим Макаровым. Два неизвестных человека, подъехав в дрожках, бросились на Мезенцова и Макарова; один нанес кинжалом рану в грудь Мезенцову, другой выстрелил из револьвера в Макарова, но промахнулся и оба, вскочив опять на дрожки, ускакали. Не случилось тут ни полицейского, ни даже извозчика, так что едва отыскивали экипаж, чтобы довести раненого домой³²⁸.

Я поспешил навестить бедного Мезенцова; нашел его окруженным врачами и подчиненными. Он был очень бледен; пульс слаб; показал мне свою рану, которая не казалась очень опасною; кровоизлияние было уже остановлено. Врачи обнадеживали, что рана не опасна. Однако ж в 6-м часу приехал ко мне адъютант Мезенцова, молодой граф Гейден, с известием о кончине его.

Н. В. Мезенцов

Убийство Мезенцова произведет еще более тяжелое впечатление, чем недавнее покушение на Трепова. Тогда кончилось только поранением, теперь же смертью; тогда преступница была налицо, предана суду и предлогом к преступлению была месть за грубое обращение Трепова с одним из политических арестантов в тюрьме; теперь же преступники скрылись и вероятно останутся безнаказанными; преступление не извиняется никаким поводом со стороны жертвы: Мезенцов вел дела гуманно, не имел личных столкновений с преступниками. Мне даже всегда казалось, что он, по своей натуре, совсем непригоден для своего «emploi». С молодых лет он был un bon vivant** и в то же время набожен. Убийство подобного человека не может быть иначе объяснено, как сатанинским планом тайного общества навести террор на всю администрацию. И план этот начинает удаваться. Малодушные люди, подобные, например, графу Левашову в Одессе, прячутся, бездействуют и потакают самым опасным для общественного спокойствия преступлениям.

* довольно

** повеса (фр.)

6-го августа. Воскресенье. — Вчера при докладе моем Государю была, конечно, речь о несчастном происшествии с Мезенцовым. Государь очень озабочен положением дел. Решено ехать в Крым не чрез Одессу, а чрез Николаев. Была также речь о замещении Мезенцова: Государь назвал князя Дмитрия Мирского (помощника наместника Кавказского); но наследник цесаревич высказался не в пользу этой кандидатуры и предложил своего кандидата — генерал-майора Черевина. По-моему оба эти кандидата одинаково не соответствуют условиям должности. Генерал-лейтенант Селиверстов, нынешний товарищ шефа жандармов, на пути из Петербурга в Царское Село, рассуждая со мною о настоящем трудном положении дел, представлял в самом жалком виде все устройство у нас полицейской части. Он указывал на недостаток способных личностей и на скудость отпускаемых денежных средств. То же самое высказал он и Государю. На обратном пути в Петербург Селиверстов сказал мне, что Государь приказал ему вступить в должность шефа жандармов и главноначальствующего III-м отделением, не выяснив однако же, в виде ли временного только исправления должности или в ожидании предположенного назначения его на открывшееся место³²⁹.

Вчера же, при докладе вместе с Гирсом, я счел нужным обратить внимание Государя на предстоящее вступление наших войск в Батум. Государем назначено крайним сроком — 15-е августа; о чем и объявлено Порте. Если последняя будет продолжать отделяться двусмысленными ответами нашему послу и не даст положительного повеления Дервиш-паше передать Батум нашим войскам, то можно опасаться вооруженного столкновения и какой-нибудь катастрофы. По предложению моему Государь приказал Гирсу телеграфировать и князю Лобанову для объявления Порте и другим державам, что неисполнение турками обязательств, возложенных на них Берлинским трактатом, может повести к весьма прискорбным последствиям, которые падут на ответственность Порты. Кроме того я счел полезным на всякий случай, для облегчения задачи, предстоящей нашим кавказским войскам, послать к берегам Аджарии наши три военные парохода, вооруженные пушками большого калибра. С этим предложением поехал я, по возвращении в город, к адмиралу Лесовскому и мы с ним вместе сочинили телеграмму к адмиралу Аркасу.

Сегодня я опять ездил в Царское Село, по случаю праздника Преображенского полка и гвардейской артиллерии. На дворе Царско-сельского дворца был обычный парад запасному батальону и запасным батареям, после чего был завтрак с обычными тостами.

7-го августа. Понедельник. — Хотя понедельник не день моего доклада, однако же я получил с вечера приказание приехать в Царское Село вместе с Гирсом и Лесовским. Поводом к этому совещанию послужили некоторые полученные вчера телеграммы. Между прочим князь Лобанов сообщает, что турки просят продлить назначенный Государем срок очищения Батума хотя бы на 10 дней, т. е. до 25-го августа. Решено согласиться на эту отсрочку, которая и нам доставляет более времени, чтобы принять меры на тот случай, если б вступление войск в Батум встретило вооруженное сопротивление. В этих видах делаются распоряжения об отправлении из Николаева к берегам Аджарии двух вооруженных пароходов. После совещания у Государя мы с Лесовским и флигель-адъютантом Барановым сочинили инструкцию командиру этой импровизованной эскадры; а с Гирсом проектировали несколько телеграмм, как по вопросу о Батуме, так и о передаче пленных турок. Этот последний вопрос очень интересует Порту, но до сих пор не может уладиться.

8-го августа. Вторник. — Сегодня доклад мой был частью в Царском Селе, частью в вагоне на пути из Царского в Петербург. Государь приезжал сюда на погребальную церемонию покойного Мезенцова. Стечение народа было большое. Происшествие 4-го августа возбудило в публике сильное негодование. В III-м отделении говорят, будто напали на след преступника*. Замещение должности шефа жандармов еще не решено: Государь предлагал это место графу Баранову (Эдуарду Трофимовичу), который однако ж уклоняется.

Прямо с погребальной церемонии все министры съехались в Зимний дворец в заседание Совета министров. Предметом совещания были опять меры против развития дерзких попыток тайного революционного кружка. Прочитан был протокол совещания, бывшего у меня 28-го июля, потом Валуевым прочитана лично им составленная записка; затем записка, поданная за двойной подписью Макова и Селиверстова (управляющего Министерством внутренних дел и исправляющего должность шефа жандармов); наконец предложение министра юстиции Набокова. Все изложенное в этих четырех записках было одобрено Государем, несмотря на то, что некоторые из затронутых вопросов возбудили продолжительные и горячие прения. Отличился в них преимущественно Валуев, который с несвойственною ему резкостью опрокинул на нового министра финансов Грейга. Министр юстиции защищал прокуратуру, но произвел довольно жалкий эффект. В конце концов предположен це-

* но еще сомнительно

П. А. Черевин

лый ряд разнородных мер; но кто и как выполнит их — это еще вопрос впереди³³⁰.

В нынешнем нашем заседании удивляло многих присутствие графа Баранова и генерал-майора Черевина; кроме наследника и меня, никто не мог объяснить себе, по какому поводу эти лица тут находились.

Я продолжаю получать анонимные предостережения и угрозы³³¹. Сегодня адъютант мой Чичерин принес мне полученное им такое же письмо. Из III отделения дали мне знать, что вчера во время панихиды по Мезенцову, какой-то подозрительный человек у подъезда выспрашивал, который из проходивших генералов военный министр. Этого же человека заметили и сегодня суетившимся на пути Государя от станции железной дороги к дому III отделения, так что наконец его арестовали.

Тяжелое чувство испытываешь в этой атмосфере, как бы пропитанной миазмами тайных замыслов и преступных попыток подпольной шайки невидимых врагов общества, посягающих не только на нынешние государственные порядки, но на весь общественный и даже семейный строй. До сих пор еще не выяснено вполне: есть ли эта шайка доморощенное проявление крайних политических** уче-

* гражданский

** мнений

ний, доведенных до фанатизма и абсурда, или тут действуют органы внешней, интернациональной организации. Во всяком случае нет сомнения, что наши домашние злоумышленники находятся в тесной связи с заграничными руководителями³³².

13-го августа. Воскресение. — В последние пять дней не произошло ничего заслуживающего особенного внимания. С 10-го числа началась посадка наших войск на суда в Сан-Стефано и в других портах Мраморного моря. Переговоры о Батуме продолжаются: вчера князь Святополк-Мирский должен был съехаться в Кутаисе с турецким комиссаром для обсуждения подробностей передачи Батума нашим войскам. Два турецкие парохода пришли в Севастополь за пленными турками и первый эшелон посажен на суда вчера же, 12-го числа.

Сегодня ездил я в Царское Село собственно для того, чтобы откланяться императрице, которую не видал с самого начала ее болезни. Грустно было видеть, как императрица* изменилась; худоба чрезвычайная, старческое лицо. Откланялся также и цесаревне. Завтра остаюсь весь день дома, чтоб успеть приготовиться в дорогу.

21-го августа. Понедельник. Ливадия. — Ровно неделю провел в пути. В прошлый понедельник вечером приехал в Царское Село, откуда в полночь тронулся императорский поезд на Вильну, Брест и утром 16-го числа остановился у станции Киверцы. Отсюда Государь и за ним вся свита отправились в экипажах к городу Луцку (15 верст), при котором расположен лагерь 8-й пехотной дивизии с несколькими казачьими полками. Смотр был непродолжителен и вся поездка от железной дороги в Луцк и обратно заняла менее 4-х часов времени. Точно так же и на другой день, 17-го числа, от станции Дерожни ездили в лагерь у Межибужья, где собрано до 25 батальонов с целою кавалерийскою дивизией и несколькими казачьими полками. 18-го числа, в 8 часов утра, прибыли в Одессу и прямо со станции поехали в экипажах на место смотра, позади лагеря; тут, кроме армейских войск, находились и первые перевезенные из-под Константинополя части гвардии, именно лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, гвардии Волынский и часть Петербургского гренадерского полка. Все опасения относительно посещения Государем Одессы оказались, как и следовало ожидать, совершенно пустыми страхами: с места смотра Государь приказал, неожиданно для одесской публики, ехать прямо чрез город в гавань, вместо того, чтобы объезжать кругом города по железной дороге, как предна-

* страшно

значалось по маршруту. Разумеется, улицы, по которым мы проскакали, были пусты; но на пристани собралась густая толпа народа. Пароход «Ливадия» отчалил от Одессы ровно в полдень, а вечером того же дня подошел к Николаеву. Пристань была иллюминирована разноцветными огнями и переполнена народом. Государь сошел с парохода и прямо вошел в толпу*. По обеим сторонам его пути были выставлены непрерывными шпалерами разные учебные заведения, попеременно с полицейскими; следовательно, меры предосторожности были приняты. Государь переночевал на пароходе и на другой день утром отправился в экипаже чрез весь город к адмиралтейству; на пути останавливался у собора, а после осмотра адмиралтейства проехал за город на место смотра. Там выстроена была вся 34-я пехотная дивизия и некоторые прибывшие с Мраморного моря части гвардии (2-й гвардейской пехотной дивизии и лейб-гвардии Гусарский полк). В полдень смотр был окончен и мы снова отплыли на пароходе «Ливадия»; останавливались у Очаковских укреплений, осматривали их, а к утру следующего дня пристали к Графской пристани в Севастополе. Здесь был смотр 13-й пехотной дивизии и еще некоторых частей гвардии (лейб-егерский полк и часть Измайловского). Это был последний из предположенных смотров. Везде Государь был очень доволен войсками; резервные дивизии, насколько сформированные, представились не хуже старых войск (конечно только в общем строевом виде). К гвардейским же частям, как и следовало ожидать, Государь был особенно** внимателен и благосклонен; вызывал офицеров, всех солдат, украшенных знаком военного ордена; разговаривал с ними и много раз благодарил.

Когда мы возвратились со смотра в Севастополь, то нашли уже наш пароход у станции железной дороги, куда только что прибыла императрица. Переезд выдержала она весьма хорошо, имела вид несравненно менее болезненный, чем в то время, когда я откланивался Ее Величеству неделю тому назад в Царском Селе. В полдень пароход «Ливадия» вышел из Южной бухты и к 4-м часам мы были уже в Ялте. Во все время нашего путешествия погода была прекрасная; море совершенно тихое. Снова увидел я с удовольствием прелестный южный берег Крыма.

Я водворился в Ливадии; но не теряю надежды отлучаться отсюда в*** свой безмятежный уголок, по прибытии туда моей семьи.

* Впрочем

** любезен

*** Симеис

22-го августа. Вторник. — Жизнь в Ливадии заведена совершенно в том же строгом и единообразном порядке, как и в прежние годы. Те же часы завтрака, прогулки, обеда, вечернего собрания. Все делается как по уставу и не допускается ни для кого из живущих здесь какое-либо покушение на независимость. Однообразие этой жизни прерывается только какими-либо торжественными днями, молебствиями или смотрами. Так сегодня была отпразднована годовщина занятия Ловчи. Гвардейская конвойная рота, после молебствия пред дворцом, угощалась обедом под тенью деревьев; офицеры же были все приглашены к царскому завтраку и потом к обеду.

Вечером ездил я в Ялту встречать мою семью. Пароход очень запоздал, так что пришлось мне дожидаться его до 9-го часа вечера. Из Ливадии же моя семья отправилась в Симеис только в 11-м часу.

Полученные в последние дни политические известия несколько успокоительнее прежних. Дело о передаче нам Батума, кажется, улажено; войска наши уже подвинулись на всех путях и 25-го числа должны вступить в самый Батум. Со стороны туземного населения вовсе не встречается* сопротивления, которым так пугали нас**. С другой стороны, в европейской Турции, международная комиссия, собиравшая в Родопских горах материалы для обвинительного акта против русских войск и русского управления, по-видимому, слишком уже пересолила, так что взведенным ею гнусным клеветам никто*** не верит³³³. Генерал Тотлебен вместе с князем Лобановым имел горячие объяснения с Савфет-пашой и с Османом; по-видимому, они достигли соглашения о мерах к прекращению искусственно возбужденной агитации. Вследствие полученного сегодня письма от генерала Тотлебена, приостановленную амбаркацию наших войск**** снова разрешено продолжать.

Прибывший сюда с поручениями от князя Дондукова-Корсакова управляющий его гражданскою канцелярией генерал-майор Домонтович изображает положение дел в Болгарии и Румелии вовсе не в тех черных красках, в каких оно представлялось нам по письменным донесениям и газетным известиям. По словам его, болгары, даже в Забалканском крае, уже довольно оперились, чтобы не бояться новой реакции со стороны мусульманской части населения. Устройство

* вооруженного

** прежде

*** уже и

**** и отвод их от Константинополя, которые Государь приказал было приостановить,

земского войска, местной полиции, судебной части, школ идет, как видно, весьма успешно.

25-го августа. Пятница. — В среду, после доклада, я отправился навестить мою семью в Симеисе и пробыл там до 4-х часов следующего дня. К вечеру четверга мне следовало возвратиться в Ливадию, чтоб успеть пересмотреть привезенные фельдъегерем из Петербурга бумаги прежде часа, назначенного для отплытия Государя с ялтинского рейда в Севастополь. Яхта «Ливадия» тронулась в 11^{1/2} часов вечера и сегодня рано утром мы прибыли в Севастополь, где находились уже полки Преображенский и Семеновский в полном составе. Полкам этим назначен был смотр в 9 часов утра. Разумеется Государь отнесся к ним еще благосклоннее и задушевнее, чем ко всем другим; много раз благодарил, поздравлял, назначил разом четырех новых флигель-адъютантов (полковника графа Граббе, капитанов Рейтерна, Рокасовского и Попова). Смотр окончился ранее 11 часов и немедленно же мы отчалили от Графской пристани, а к 4 часам дня были уже снова на ялтинском рейде.

Во время вечернего собрания подали Государю, сидевшему за карточным столом, телеграмму великого князя Михаила Николаевича с известием о занятии Батума нашими войсками. В 11 часов утра (сегодня), как было условлено, генерал-адъютант князь Святополк-Мирский вступил в город с несколькими батальонами*. Все совершилось** спокойно и в порядке. Известие это, конечно, весьма обрадовало и Государя и всех присутствующих. До сих пор Батум оставался у нас чем-то вроде кошмара; теперь, кажется, должны устраниваться и последние наши опасения неисполнения турками условий Берлинского трактата. Можно надеяться, что и в Европейской Турции улягутся пугавшие нас смуты; по крайней мере замыслы гнусной комиссии по родопским делам обратились уже в пух. Заключительный ее протокол подписан только делегатами Турции и Англии, да самим сочинителем этого памфлета французом Шалле. Прочим же делегатам было запрещено послами подписывать эту бессовестную*** белиберду.

30-го августа. Среда. — Провел в Симеисе воскресенье и утро понедельника; вечером того же дня возвратился в Ливадию; нашел груду бумаг, привезенных фельдъегерями из разных мест. Вчера имел

* и принял от Дервиша-паши управление городом и странюю. Нечего и говорить, что

** совершенно

*** и смешную

обычный свой доклад, а потом совместно с Гирсом читались полученные дипломатические известия.

Вечером того же дня полковник Фуллон принес мне конверт с высочайшим рескриптом о пожаловании мне графского достоинства. Эта новая награда была для меня совершенною неожиданностью; откровенно говоря, она не доставила мне особенного удовольствия. Тем не менее я почел долгом немедленно явиться к Государю для принесения благодарности. Рескрипт написан в самых лестных выражениях; полагаю, что редактором его был граф Адлерберг³³⁴.

Сегодня в Ливадии большой съезд для поздравления Государя. Приехали многие из начальников гвардейских войск, высаженных в Севастополе. Государь снова собирается туда, чтобы видеть эти войска.

3-го сентября. Воскресенье. Симеис. — В последние дни я завален массою поздравительных телеграмм, на которые с трудом успеваю отвечать: одни полуофициальные от разных начальствующих лиц и подчиненных, другие — частные от приятелей и знакомых. Можно подумать, что те и другие более радуются моему новому титулу, чем я сам и моя семья.

В четверг и в пятницу доклады Гирса по иностранной политике или, вернее, обычное чтение полученных телеграмм и депеш происходили не в кабинете государевом, а на балконе императрицы*. При этом бывает и граф Адлерберг, который, отчасти, исполняет обязанность чтеца; я же присутствую в качестве слушателя. Здоровье императрицы все еще очень непрочное; она слаба, кашляет и, вдобавок, начала чувствовать лихорадочные явления. В четверг, кроме утреннего чтения, я приглашен был и к обеду в собственные покои императрицы.

В политике не произошло ничего замечательного; продолжают все те же проделки англичан, которые решительно забрали Турцию под свою опеку. Из всех больших держав одна лишь Англия и теперь дала уклончивый ответ на предложение берлинского кабинета понудить общими силами Турцию к исполнению постановлений Берлинского конгресса. Лондонский кабинет находит преждевременным подобное вмешательство западных держав. Дело в том, что Англия теперь проводит собственные свои планы, которые, конечно, ближе ей к сердцу, чем интересы Греции или Австрии, или хри-

* которая постоянно следит за внешней политикой и прочитывает обыкновенно дипломатическую переписку. Теперь признано более удобным, чтобы она лично присутствовала при докладах и чтениях Гирса.

стианского населения Турции. Чтобы провести свои собственные цели, особенно в отношении Малой Азии, лондонский кабинет не только не поперечит Порте в других вопросах, но даже поддерживает и поощряет ее к пассивному сопротивлению. Однако ж Англии не удалось воспрепятствовать уступке нам Батума, собственно только ради нашего энергического образа действий. Дела наши в том крае пока обошлись** благополучно; со стороны местного населения, даже магометанского, вовсе не видно того враждебного к нам расположения, которым нас пугали. Теперь приступлено к отводу войск из Эрзерума и Алашкартской долины. Затруднение встречается только в том, что христианское население очищаемых нами областей Турции неудержимо стремится к переселению в наши пределы³³⁵.

В пятницу на ночь мы отправились на пароходе «Ливадия» в Севастополь, где утром 2-го сентября представились на смотр Государя гвардейские полки уланский и драгунский, гвардейская Донская батарея, а также Орловский пехотный полк и один батальон Елецкого полка, геройски выдержавшие страшную стоянку на Шипке. К 4 часам того же дня мы возвратились в Ливадию и я поспешил уехать оттуда в свой тихий приют Симеисский.

10-го сентября. Воскресенье. — Опять пишу в своем Симеисе. Вся неделя прошла без всяких замечательных фактов. В Ливадию приезжали генералы Радецкий и Никитин: первого принимали при дворе особенно любезно, как героя Шипки; а второй приехал за получением инструкций, по случаю назначения его в Бухарест вместо генерала Дрентельна. Последнего предполагается назначить главным начальником III отделения, т. е. шефом жандармов. Назначение это решено вопреки моего мнения, не раз выраженного о том, что генерал Дрентельн, при несомненных достоинствах***, не будет по своему характеру соответствовать условиям предназначаемой ему должности. Увидим, что будет.

Войска продолжают прибывать из портов Мраморного моря в Одессу, Николаев и Севастополь. Государь собирается опять ехать в последний из этих портов для смотра прибывших туда трех полков 9-й дивизии и ожидаемых гренадер. Между тем в Ливадию ожидают прибытия самого главнокомандующего генерала Тотлебена вместе с послом князем Лобановым. Смуты в западной ча-

* ободряет

** весьма

*** как генерал и как человек

А. Р. Дрентельн

сти Балканского полуострова и двуличная политика Порты, подстрекаемой Лаярдом, заставляют нас приостановить дальнейшее возвращение наших войск из Турции. Опасно было бы при таких обстоятельствах оставить там только 50 тысяч человек на мирном положении. Генералу Тотлебену разрешено удержать, до разъяснения положения дел, 12-й, 13-й и 14-й корпуса. Распоряжение это вызывает новые огромные расходы и, несомненно, подаст опять повод к запросам со стороны западных держав, даже к новым обвинениям в нарушении Берлинского трактата. Англия опять отказалась от предложения берлинского кабинета принять совместные меры для побуждения Порты к исполнению договора*, лондонский кабинет не находит основания к подобным побудительным мерам и понятно: может ли Англия осуждать образ действий Порты, которая все исполняет, что подсказывает ей Лаярд. Дело другое, когда поднимется гвалт против России, что она не исполняет своих

* Первоначальный текст после слов «...в нарушении Берлинского трактата»: «Англия опять отказалась от предложенного берлинским кабинетом и всеми другими принятого совместного побуждения Порты к исполнению договора».

обязательств относительно Турции; тогда Англия первая будет возмущаться неисполнением Берлинского трактата.

Новым поводом к раздражению Англии против России служат дела авганские. В Лондоне не могут переварить, что Шир-Али, не допуская к себе британского посольства, принял чрезвычайно радушно русское посольство Столетова. Но какой еще поднимется крик, когда узнают, что сам авганский владетель прислал свое посольство в Ташкент с просьбой о принятии Авганистана под покровительство России и с заявлением, что он не примет англичан в Кабуле без «разрешения» генерала Кауфмана. Такой неожиданный для нас самих оборот дела, которому мы и не придавали особенного значения, может повести к большим осложнениям, как в наших отношениях к Англии, так и вообще в положении дел в Средней Азии. Генерал Кауфман не решился сам дать направление завязавшимся сношениям с авганским владетелем и просил разрешения прислать в Ливадию генерала Столетова для личного доклада и получения инструкций³³⁶.

12-го сентября. Вторник. — Вчера вечером возвратился я из Симеиса в Ливадию вместе со старшей дочерью. В пути она открыла мне причины замечаемого уже несколько времени печального ее настроения и свое намерение удалиться от света. Решение ее крайне опечалило меня, так что и до сих пор не могу прийти в себя. Между тем вчера же, по возвращении в Ливадию, я должен был отправиться на пароход по случаю новой поездки Государя в Севастополь. Сегодня утром там происходил осмотр прибывшим двум полкам 2-й гренадерской дивизии и двум же полкам девятой. На этот раз погода не совсем благоприятствовала: шел довольно сильный дождь. В поездке нашей участвовал наследный принц Мекленбург-Шверинский, приехавший только вчера в Ливадию, на пути в Тифлис к своей невесте великой княжне Анастасии Михайловне.

Когда мы возвратились в Ливадию (около 4 часов дня), я узнал от дочери, что она уже имела разговор о своих планах с императрицей. Стало быть дело решенное бесповоротно и на днях она уже собирается в путь.

13-го сентября. Среда. — Сегодня приехали из Константинополя генерал Тотлебен, посол князь Лобанов-Ростовский и посланник наш в Афинах Сабуров. В два приема мы собирались в кабинете Государя: Тотлебен, князь Лобанов, Гирс и я. Князь Лобанов доложил Государю о любопытных разговорах своих в последние дни с одним из приближенных к султану лиц. По поручению последнего он завел речь о желании Порты сблизиться с Россией

будто бы для того, чтобы освободиться от английского гнета. Но в таком неожиданном заявлении можно заподозрить одну азиатскую уловку*. Между тем дела в Албании и Македонии возбуждают серьезные опасения; само правительство турецкое бессильно в тех областях**337. Князь Лобанов и генерал Тотлебен не доверяют мирному осуществлению условий Берлинского трактата и вот почему они, по соглашению между собой, признают необходимым усилить войска наши за Балканами. На мое замечание, что мера эта вызовет упреки и протесты со стороны других держав, князь Лобанов приискал весьма утонченное объяснение для оправдания неисполнения нами условия Берлинского трактата, который будто бы определяет срок только *оккупации* Болгарии и силу *оккупационного* корпуса, а не касается действующей армии, выступление которой определяется лишь Сан-Стефанским договором, обязательная сила которого начнется для нас не прежде, как по подписании *окончательного* мирного договора между Россией и Турцией; между тем договор этот еще не заключен и от нас самих зависит отсрочить заключение его на неопределенное время. Такая иезуитская аргументация приводила бы к странному выводу: что с одной стороны мы не вправе иметь за Дунаем более 50 тысяч человек войска и то лишь до определенного срока, а с другой можем иметь целую армию на неопределенное время***.

С Сабуровым (Петром Александровичем) познакомился я впервые; мы сидели рядом за столом и вели разговор во все продолжение обеда****.

14-го сентября. Четверг. — Утром после моего доклада опять происходило совещание по делам политическим с генералом Тотле-

* *Первоначальный текст после слов «...Тотлебен, князь Лобанов, Гирс и я»:* «Князь Лобанов доложил Государю о любопытных разговорах, которые он имел в последние дни с одним из близких людей султана, по поручению которого он будто бы и завел речь о сближении Порты с Россией для освобождения ее от гнета английского влияния. Но все эти предложения не более, как турецкие хитрости, шитые белыми нитками».

** Кажется и

*** *Первоначальный текст после слов «...отсрочить заключение его на неопределенное время»:* «Такое объяснение очень хитрое, иезуитское, но оно приводит к тому практическому заключению, что в одно и то же время мы не можем иметь за Дунаем более 50 тысяч человек войска и то до определенного срока и можем иметь какую угодно армию на неопределенный срок».

**** Он не переставал говорить. Однако ж я немного услышал от него нового для меня, чего не было уже в его депешах. Я знал его лучше на бумаге, чем теперь узнал лично.

беном и послом князем Лобановым. Оба они уезжают отсюда завтра вечером.

Дочь моя Лиза уехала сегодня вечером; я проводил ее до Орианды; она переночует в Симеисе, а завтра жена проводит ее до Севастополя. Императрица, сам император, молодые великие князья и, можно сказать, все ливадское общество выказали ей при этом случае много сочувствия и сердечной доброты. В особенности* задушевно было прощание императрицы.

15-го сентября. Пятница. — Сегодня я приглашен был к столу их величеств с генералом Тотлебенем и князем Лобановым. После вечернего собрания они оба отправились на пароход и едут вместе до Севастополя, откуда Тотлебен направится на Бургас, а князь Лобанов прямо в Константинополь.

22-го сентября. Пятница. — Прошла целая неделя довольно однообразно и спокойно. В прошлую субботу, по заведенному порядку, ездил я в Симеис; но пробыл там только одни сутки: в воскресенье на ночь предполагалось ехать опять в Севастополь, где находилась полная бригада прибывших из Турции гренадер. Приехав вечером в Ливадию я узнал, что по случаю бурной погоды поездка отменена, и что впредь новых поездок уже не имеется в виду.

По части политики никаких выдающихся известий не было. Главным предметом на очереди ожидаемый разрыв между Англией и авганским эмиром. Англия серьезно готовится к войне. Для нас было бы невыгодно дать предлог британцам утвердиться в Авганистане; поэтому телеграфировано генералу Кауфману, чтобы он вывел эмира из заблуждения, если он рассчитывает на материальную нашу поддержку.

На этой неделе я был три раза приглашаем к столу их величеств.

25-го сентября. Понедельник. — В субботу, после доклада и завтрака в Ливадии, я, по заведенному порядку, отправился на два дня в Симеис. Но мне не удалось вполне воспользоваться этим отпуском. В ночь с воскресенья на понедельник я был разбужен фельдъегерем, присланным с приказанием быть у Государя в 11 часов утра. Поэтому сегодня утром я должен был возвратиться в Ливадию. Явившись к Государю вместе с Гирсом и графом Адлербергом, узнал, что причиною моего внезапного требования были** полученные от генерала Тотлебена известия, что едва наши войска начали отходить от Константинополя, как в покинутых ими местах начались уже насилия и

* Императрица рассталась с моей Лизой с нежностью доброй любящей матери.

** телеграммы

убийства*. Тотлебен счел необходимым остановить обратное движение войск, приказал 13-му корпусу двинуться за Балканы и просит приготовить в Одесском округе целый корпус на случай, если понадобится сменить 12-й корпус в** Болгарии. Дешеш и письма от князя Лобанова также представляют положение дел в черном цвете. Государь озабочен. При чтении дешеш в кабинете Государя присутствовала императрица. По моему предложению решено было предоставить в распоряжение генерала Тотлебена на означенный случай 15-ю и 36-ю пехотные дивизии (8-го корпуса, генерала Ганецкого 2-го), которые и не предполагалось пока приводить на мирное положение***.

13-го октября. Пятница. — Почти три недели не открывал я своего дневника****. В Ливадии жизнь течет однообразно; ничего выдающегося не случилось. По субботам уезжал я в свой мирный Сименс и возвращался по понедельникам вечером. Погода чудная и все, как говорится, обстоит благополучно. Тем не менее ежедневные наши совещания у Государя с Гирсом, а иногда и с графом Адлербергом, продолжаются по-прежнему. В последнее время они большею частью обратились в чтение полученных с разных сторон дешеш и телеграмм, часто в кабинете императрицы.

В ходе политических дел не случилось ничего замечательного; все темные, запутанные вопросы остаются пока нерешенными. Наши войска в Румелии остановлены на линии Адрианополя и усилены уже подошедшими 13-м и 14-м корпусами. Под прикрытием их продолжается переселение болгар массами и теперь наши власти уже не противятся этому переселению, а, напротив того, покровительствуют ему, в видах усиления в южной Болгарии национального элемента. Международная европейская комиссия по устройству Восточной Румелии после нескольких заседаний в Константинополе переместилась в Филиппополь; первые попытки английского делегата (Друммонд-Вольфа), в смысле враждебном нам и болгарам, отражены искусно нашими делегатами полковником Шепелевым и князем Цертелевым, так что на первых порах ничего дурного не произошло. Тем не менее присутствие комиссии в Филиппополе крайне неприятно для князя Дондукова-Корсакова, который и поспешил перенести свое пребы-

* турок против христиан

** восточной

*** Первоначальный текст после слов «... (8-го корпуса генерала Ганецкого 2-го)»: «который и предназначено было по заранее задуманному плану не приводить еще на мирное положение».

**** потому что в течение этого времени не было ничего такого, что стоило бы записать.

вание и центральное управление княжества Болгарского в Софию (10-го октября). В Румелии началась сильная агитация против европейской международной комиссии. Агитация эта, направленная против основных положений Берлинского конгресса, не принесет делу болгарскому никакой пользы, а скорее повредит ему. Уж и теперь распространяют слухи о болгарских бандах, образуемых в Македонии, будто бы под предводительством русских офицеров. Впрочем, брожение в том крае не подлежит сомнению. История так называемой «лиги албанской» и до сих пор кажется загадочной. Мне сдается, что вся эта лига выдумана, как маска для прикрытия противудействия Порты постановлениям Европы, в особенности в отношении Черногории, Боснии и Герцеговины³³⁸. Турецкое правительство уже открыто заявило протест против дальнейшего движения австрийских войск к Новому-Базару и Митровице. В этих местах сосредоточиваются, как говорят, значительные турецкие силы. Хотя циркуляр турецкий по этому предмету произвел во всей Европе невыгодное для Порты впечатление и даже помог австрийскому правительству в серьезном внутреннем кризисе, угрожавшем всей политике графа Андраши, однако ж Австрия все-таки объявила, что *на сей раз* она не намерена еще занять Новобазарский округ. Чем^{*} натянутее становились отношения Австрии к Порте, тем снисходительнее и милостивее венское правительство относилось к Черногории и Сербии. Не только оно обещало содействовать скорейшей передаче Подгорицы и Спужа черногорцам, но даже разрешило провоз в Черногорию оружия и патронов. Тем не менее Подгорицу все-таки турки не сдают и делимитационная комиссия для Черногории не собирается. Другие делимитационные комиссии хотя собрались, но неохотно приступают к делу. Только на днях пришли наконец к соглашению о том, чтобы независимо от болгарской комиссии образовать Особую комиссию для Восточной Румелии и чтобы все комиссии подчинить ведению послов в Константинополе, однако ж^{**} на это не получено еще согласия Франции.

Напротив того, дела наши с Румынией пошли на лад. 5-го октября совершилась формальная передача южной Бессарабии в русское управление. Теперь идут переговоры о передаче Добруджи румынам. Но тут встречается задержка оттого, что признается необходимым предварительно установить условия для полного обеспечения тыла и сообщений наших войск на время оккупации. Переговоры по этому предмету ведутся по указаниям, получаемым генералом Никитиным

* Первоначально: «Замечательно, чем хуже становились».

** и теперь

(только что заступившем место генерала Дрентельна) от главнокомандующего.

Главным предметом, обращавшим на себя внимание Европы в последнее время, были дела авганские. Англия серьезно готовится к войне; печать европейская смотрит на это дело, как на прямой повод к войне между Англией и Россией. Генерал Столетов все еще ожидает приезда графа Шувалова, который, как видно, не торопится приездом. Он должен быть завтра.

[Пересмотрев дневник за последнее время, замечаю, что я все ничего не упомянул о приезде сюда генерал-майора Столетова, ездившего в Кабул посланцем от генерала Кауфмана и вызванного сюда в Ливадию для личных объяснений по делам Авганистана. Столетов привез весьма интересные сведения о существующем в том крае враждебном настроении против Англии и чрезвычайно дружественном приеме в Кабуле русского посольства. По этому предмету происходили у Государя два раза совещания, результатом которых было решение вызвать сюда графа Шувалова* и познакомить его с вопросом авганским, при содействии Столетова. По возвращении графа Шувалова в Лондон, предполагается сделать попытку к восстановлению прежних полюбовных соглашений с Англией по делам Средней Азии в тех видах, чтобы, по возможности, отклонить какое-либо решительное со стороны Англии предприятие против Авганистана, независимость которого существенно необходима для поддержания в Азии равновесия в политическом положении России и Англии]**³³⁹.

17-го октября. Вторник. — Граф Шувалов приехал в Ливадию в субботу утром; но не мог представиться Государю потому, что приехал он в партикулярном одеянии, а багаж его остался назади. Я имел с ним непродолжительное свидание и уехал в свой обычный час в Симеис, где пробыл воскресенье и часть понедельника. Возвратившись сюда вчера к вечеру, я попал на спектакль, устроенный для развлечения молодых великих князей Сергея и Павла Александровичей. Оба они играли в двух пьесах: русской (сцены из «Ревизора» Гоголя) и французской; спектакль вообще удался, как нельзя лучше.

После спектакля я имел вторично разговор с графом Шуваловым до позднего часа ночи, а сегодня, после моего доклада, были мы втроем у Государя: граф Шувалов, Гирс и я. Однако ж на сей раз не

* (который во всяком случае должен возвратиться, хотя на время, к своему посту в Лондоне)

** *Абзац помещен Д. А. Милутиным в квадратные скобки.*

коснулись авганских дел; читались (у императрицы) депеши из Константинополя, привезенные вчера на пароходе «Веста». Возникает новый и совершенно неожиданный для нас предмет забот: оказывается, что болгарские* шайки, производящие набеги на пограничные с Болгарией части Македонии, формировались в крае, занятом нашими войсками и состоящем в нашем управлении; в голове этих шаек, как говорят, есть отставные русские офицеры. Местное наше начальство не могло не знать о формировании этих шаек, так же как о ходившей по всей Болгарии подписке на дело болгарского восстания в Македонии. Можно с некоторой достоверностью предполагать, что все это делалось даже с ведома самого князя Дондукова-Корсакова. Государь крайне этим недоволен**. Недоброжелатели наши, конечно, воспользуются случаем, чтобы опять поднять крик против наших интриг, нашей двуличности и недобросовестности. Между тем начавшееся движение не обещает ничего хорошего для славянского дела, а, напротив того, может иметь самые невыгодные последствия. Это повторение прежних проделок московских славянофилов во время сербского восстания; те же добровольцы, то же безрассудство в предприятиях, тот же расчет волею-неволею втянуть русское правительство в новую войну. Необходимо остановить движение в самом начале; в таком смысле даны повеления генералу Тотлебену и князю Лобанову.

18-го октября. Среда. — После чтения, в кабинете императрицы, вновь полученных дипломатических депеш, было совещание по авганским делам. Участвовали в нем, кроме Гирса и меня, граф Шувалов и генерал-майор Столетов. По полученным из секретных источников сведениям, англичане намерены сделать попытку мирного разрешения дела с авганским эмиром. Тем лучше для нас. Поэтому решено, чтобы генерал Кауфман присоветовал эмиру действовать примирительно для избежания войны, но вместе с тем приказано, на всякий случай, собрать, где удобнее, все игольчатое оружие, которое останется за перевооружением войск Туркестанского округа малокалиберными винтовками, дабы можно было, когда окажется нужным снабдить авганцев означенным игольчатым оружием.

Граф Шувалов принял на себя войти в переговоры в Лондоне, с целью отклонить войну между Англией и Авганистаном, возобновив прежнее наше с Англией соглашение, основанное на сохранении независимости Авганистана.

* банды

** и озабочен

Обедал я, как и вчера, в комнатах императрицы, а вечером был в спектакле, в котором актерами были солдаты конвойной гвардейской роты.

20-го октября. Пятница. — Утром происходило у Государя не продолжительное совещание: Гирс прочел проект инструкции графу Шувалову для объяснений его с графом Андраши, в проезд чрез Вену и с князем Бисмарком в Берлине. Граф Шувалов получил сверх того словесные пояснения от самого Государя. Главную цель предстоящих свиданий графа Шувалова с обоими канцлерами поставлено ощупать настоящее настроение австро-венгерского кабинета, чтобы убедиться в том, есть ли в самом деле возможность восстановить желаемое князем Бисмарком прежнее единство в действиях трех империй в отношении Турции, дабы побудить ее к скорейшему исполнению всех условий Берлинского трактата и тем устранить причины, заставляющие нас, против воли, держать значительные силы за Балканами.

Перед завтраком была панихида по случаю годовщины смерти императрицы Александры Федоровны; а после завтрака все ливадское общество было приглашено великими князьями на чай, на Эрекликке, в виде последней прощальной прогулки пред отъездом их. Я не участвовал в этой прогулке, по случаю приезда сюда из Симеиса жены моей и сына.

24-го октября. Вторник. — В субботу, 21-го числа, великие князья Сергей и Павел Александровичи отправились около полудня на пароходе «Ливадия»; первый — чрез Одессу в Кобург (к сестре своей великой княгине Марии Александровне Эдинбургской), а второй — чрез Севастополь в Петербург. В Ялте проводы были великолепные. С ними же отправились и граф Шувалов и генерал-майор Столетов (получивший отпуск за границу).

После доклада и завтрака отправился я в Симеис вместе с сыном и провел там воскресенье и понедельник. От приезжих гостей узнал о несчастии, постигшем яхту «Ливадия». В ночь с 21 на 22-е число, в сильный туман, яхта наткнулась на подводный риф у Тарханкутского маяка и, поднявшимся сильным волнением, поставлена была в опасность. Великий князь Сергей Александрович, все другие пассажиры и экипаж успели добраться до берега в катерах; но вещи перетаскивали уже с большим трудом по канатам. Посланные на помощь пароходы из Севастополя и Одессы не могли подойти к пострадавшей яхте, которая все еще и теперь бьется о камень. Великий князь и прочие пассажиры должны были ехать на лошадях чрез Евпаторию в Симферополь, где сегодня вечером и сели на железнодорожный по-

езд. Жаль прекрасную яхту, которая во всяком случае должна сильно пострадать.

По известиям, полученным от Тотлебена, вся поднятая тревога о болгарских шайках и болгарском восстании оказывается новою выдумкой наших друзей турок и англичан. Если и появились шайки, то вне пределов занятого нашими войсками пространства и состоят они преимущественно из мусульман, нападающих на христианское население. Нельзя хладнокровно переносить такую постоянную, систематическую ложь и клевету.

Между тем делимитационная болгарская комиссия прибыла в Силистрию и приступает к проведению новой границы Румынии к югу от Добруджи. Полковник Боголюбов доносит, что румыны сильно интригуют, чтобы им уступлена была Силистрия или, по крайней мере, чтобы граница их начиналась при Дунае от самой крепости. Боголюбов настаивает на точном выполнении постановления Берлинского конгресса; все же прочие члены комиссии против него поддерживают притязания румын. Сами министры Братиану и Когольничану прибыли в Силистрию, чтобы действительнее повлиять на комиссию.

31-го октября. Вторник. — В течение недели ничего не случилось замечательного. Политическое положение, по-прежнему, неопределенно; переговоры с Портой о** передаче Подгорицы черногорцам не подвинулись ни на шаг. Князь Дондуков-Корсаков получил разрешение прибыть в Ливадию.

8-го ноября. Среда. — В истекшую неделю прежний застой в политике и прежнее однообразие в нашей ливадской жизни. В воскресенье возвратился из Петербурга граф Адлерберг и приехал доктор Боткин, которого ожидали с нетерпением для решения вопроса о том, куда императрице ехать на зиму — в Петербург или за границу. Боткин, как умный человек, решил ехать в Петербург, к великому удовольствию самой императрицы и окружающих ее, за исключением, однако же, А. Н. Мальцевой, которая сильно интриговала, чтобы уехать с императрицей за границу.

Вернувшись в понедельник вечером из Симеиса в Ливадию, я узнал, что уже назначены дни выезда отсюда Государя — 17-го числа, приезда в Москву — 19-го, а в Петербург — 22-го. Императрица же продлит свое пребывание здесь еще несколько дней после отъезда Государя и прибудет в Петербург только к 1-му декабря. Большая часть ливадского общества радуется предстоящему отъезду из Крыма, а я

* интриговать и влиять

** заключении окончательного приговора

чуть не плачу, покидая этот благодатный климат. Осень стоит чудесная: 5-го и 6-го ноября я гулял с дочерьми по горам около Симеиса в летнем кителе до 6 часов вечера!

Вчера, рано утром, приехал сюда князь Дондуков-Корсаков. Можно было ожидать, что ему достанется сильная головомойка за* безрассудную его болтовню, наделавшую нам много хлопот и возбудившую общее недоверие к нашим политическим видам. Однако ж, по-видимому, все** ограничилось мягким упреком: Дондуков вышел от Государя со всегдашнею своею улыбкой и веселою развязностью. Он так же много говорит, как и прежде, и нисколько не кажется смущенным. Это человек более «салонный», чем деловой***. Он все еще не может переварить Берлинского трактата и продолжает сомневаться в возможности приведения его в исполнение относительно болгарского вопроса. С ним приехал генерал-майор Домонтович, управляющий его гражданской канцелярией. Это человек дельный, с хорошим направлением, но с узким взглядом политическим. Из разговоров, которые я имел с обоими вчера и сегодня, можно заключить, что они считают**** вопрос о Южной Болгарии (так называемой «Восточной Румелии») неразрешимым.

Оба дня князь Дондуков обедал у их величеств; за обедом рассказывал много анекдотического; но серьезного совещания по делам еще не было. Сегодня утром Государь позвал нас (т. е. Гирса, графа Адлерберга и меня) довольно поздно и времени едва достало только на прочтение (в присутствии императрицы) депеш, полученных из Вены от графа Шувалова и Новикова. Первый описывает свои разговоры с графом Андраши в Пеште и подтверждает то, что мы уже знали в общих выражениях из телеграммы: именно, что положение графа Андраши пред палатами, особенно венгерскими, так поколеблено, что он не смеет даже показать открыто свое желание действовать заодно с нами. Рядом с уверениями его, равно как и самого императора Франца-Иосифа, о дружественном расположении к нам, мы встречаем от Австро-Венгрии только затруднения по всем вопросам и никакой действительной подмоги. Андраши не хочет понять затруднительности нашего положения, заставляющего нас, против воли, отсрочивать возвращение нашей армии из-за Балкан. Он, вместе с английскими министрами, видит неисполне-

* глупую

** обошлось деликатным

*** более легкомысленный, чем <способный> даровитый.

**** положение в Южной Болгарии

*Князь
А. М. Дондуков-Корсаков*

ние Берлинского трактата только с нашей стороны, не признавая причины тому в неисполнении Портой условий того же договора. В особенности упорно отвергают наше требование от Порты заключить отдельный акт об окончательном утверждении тех условий Сан-Стефанского договора, которых не коснулся Берлинский конгресс. Мы знаем секретными путями, что английский посол в Константинополе имеет инструкции настойчиво отклонять Порту от подписания этого отдельного с нами договора, без которого мы со своей стороны не можем считать мир с Турцией окончательно заключенным.

Точно так же английское влияние в Бухаресте противудействует соглашению нашему с Румынией относительно передачи ей Добруджи. Когольничану, подстрекаемый английскими дипломатическими агентами, не подается ни на какие* уступки; дело тянется в диалектических препирательствах. Сегодня, пред обедом, Гирс пришел ко мне, вместе с генералом князем Гика (румынским уполномоченным в Петербурге), чтобы общими силами прийти к какому-нибудь соглашению. Я старался вразумить князя Гику, что

* наши

мы, передавая Румынии Добруджу, ничего другого не хотим, как только сохранить сообщения нашим войскам, остающимся в Турции в силу Берлинского трактата; что при этом никаких задних мыслей у нас нет; но что с другой стороны, мы не можем согласиться на предлагаемую румынскими министрами редакцию потому именно, что она может подать повод к новым пререканиям и недоразумениям. После долгих споров князь Гика редактировал, под диктовку Гирса, проект обоюдного заявления, в таких общих эластичных выражениях, что, кажется, и румынские министры должны бы вполне удовлетвориться. Увидим, не выдумают ли они новых изворотов.

На днях получено известие о покушении на жизнь итальянского короля в Неаполе. Король Гумберт отделался легкою раной; но министр Кайроли, как кажется, ранен довольно тяжело. Сегодня же телеграмма извещает о взрыве орсиньевской бомбы, брошенной среди толпы народа, собравшейся на одной из площадей Флоренции, в виде сочувственной королю демонстрации³⁴⁰.

9-го ноября. Четверг. — После моего доклада было у Государя совещание в присутствии князя Дондукова. По всем его вопросам относительно дел северной и южной Болгарии — даны ему указания. Была между прочим речь и о кандидате на княжеский престол; но вопрос этот не разрешен категорически. Заметно, что Государь клонит выбор на принца Баттенберга, того самого, который участвовал в прошлогоднем походе и находился большую часть времени при императорской главной квартире; но, по словам князя Дондукова, этот выбор был бы принят болгарами несочувственно. Во всяком случае положено объявить заранее болгарам, что не будет допущен выбор никого из русских подданных.

Кроме совещания собственно по болгарским делам, обсуждался и общий вопрос о дальнейшем ведении дела в отношении Порты. Вследствие полученных от графа Шувалова сведений о настроении графа Андраши, необходимо теперь дать положительные указания князю Лобанову и Новикову. Положено категорически заявить Порте, что армия наша снова начнет обратное движение не иначе, как при двух условиях: по заключении предъявленного Порте мирного договора и по передаче Подгорицы черногорцам. Что же касается обеспечения участи христианского населения, остающегося под властью Порты, то, по моему предложению, решено: не ставить этого сложного вопроса в число условий, от которых зависит отвод нашей

* допустить

армии от занимаемых ныне позиций, и не настаивать на каких-либо по этому предмету взаимных соглашениях, но просто объявить Порте, что, если она ничего не сделает для действительного успокоения христианского населения, и тем побудит его к переселению вместе с нашей армией в пределы Болгарии, то мы вынуждены будем озаботиться исключительно водворением этой массы переселенцев и * воспротивимся возвращению в Болгарию (северную и южную) мусульманских беженцев.

Между завтраком и обедом все ливадское общество было приглашено на прощальный праздник в гвардейской конвойной роте, по случаю отправления ее в Петербург. Государь и императрица также приехали взглянуть на приготовленное на плацу казармы представление нескольких сцен, разыгранных солдатами. После этой забавы офицеры роты угощали гостей в павильоне. К обеду они все были приглашены во дворец и Государь обедал за общим столом.

Во время обеда получена телеграмма о том, что Англия, не получив от эмира авганского в назначенный срок ответа на посланный ему ультиматум, решила объявить ему войну и начать военные действия³⁴¹.

20-го ноября. Понедельник. Москва. — В течение последней недели пребывания в Крыму не произошло в политике ничего замечательного. Продолжалась прежняя игра в жмурки: князь Лобанов безуспешно домогается заключения с Портой окончательного мирного договора; Англия продолжает чрез Лаярда подстрекать турок к сопротивлению: Австро-Венгрия продолжает вести двуличную игру, ради неловкого положения графа Андраши пред венгерским сеймом и делегациями. Одно новое, что с румынами, наконец, добились соглашения относительно Добруджи, хотя и тут мы должны были удовольствоваться обменом нот, составленных в самых общих, неопределенных выражениях, и, положившись на «авось», впустить в Добруджу румынские войска и румынские власти. Войска их, в присутствии самого князя Карла, перешли на правую сторону Дуная 14, 15 и 16 ноября.

17-го ноября, в пятницу, Государь выехал из Ливадии сухопутно, чрез Алушту в Симферополь. Часть свиты отправилась морем чрез Севастополь. Я проехал в первый раз по живописной дороге чрез Алушту. Императрица осталась еще на некоторое время в Ливадии. Моя семья также проживет еще несколько недель в Симеисе, пользуясь восхитительною осенью.

* в таком случае уже положительно

19-го числа, в воскресенье вечером, приехали мы в Белокаменную. Встреча была, как всегда, восторженная. Сегодня утром происходили обычный большой выход* во дворце и шествие по соборам, а потом Государь ездил по разным заведениям и между прочим посетил 1-ю и 2-ю военные гимназии, в которых я встретил Его Величество; после того заезжал я в 4-ю военную гимназию, в юнкерское училище и учительскую семинарию военного ведомства. Разъезды эти заняли все утро; во дворце был большой обед, а вечером раут у генерал-губернатора князя Долгорукова. Везде толпы народа, несмотря на слякоть и сырую погоду**.

Завтра назначен смотр войскам московского гарнизона, а после обеда от города офицерам и солдатам в манеже (экзерциргаузе).

Раут в Москве есть для меня одно из самых тяжелых испытаний. Встречаю сотни лиц, которых должен знать и которых не узнаю. Каждому надобно что-нибудь сказать и приходится изобретать фразы без содержания. Бывают, конечно, и весьма неловкие *qui pro quo*.

25-го ноября. Суббота. Петербург. — С прибытия в Петербург, утром 22-го числа, снова потекла тяжелая*** моя петербургская официальная жизнь****. В первый же день объехал я все дворцы, а вечером***** встречал на станции железной дороги приехавшего фельд-маршала великого князя Михаила Николаевича с его семейством. В тот же вечер пушечные выстрелы с крепости возвестили городу рождение нового великого князя — Михаила Александровича.

В четверг, после доклада моего, был смотр всем войскам петербургского гарнизона и затем большой завтрак у принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

В пятницу съезд в Зимний дворец на молебствие, по случаю новорожденного великого князя; затем визиты.

Наконец сегодня после доклада была опять церемония прибавки новых георгиевских знамен, вновь пожалованных некоторым частям гвардии. Впереди предстоит еще такой же ряд ежедневных торжеств, церемоний и выездов. При таком образе жизни дела отходят на второй план; не успеваешь даже справляться с обычными текущими занятиями. Наши общие доклады с Гирсом, в четверг и сегодня, были

* потом обычная церемония перехода

** Москва остается все та же.

*** невыносимая

**** ни одного дня без каких-нибудь церемоний, приемов, поздравлений и при этом пестрая смесь всяких личностей, — настоящий калейдоскоп.

***** пришлось ехать опять

крайне спешны и коротки; а между тем политика идет своим ходом. В Лондоне открылись заседания парламента; в Константинополе перемена министерства. Еще не знаем, какое направление примут дела и в Лондоне и в Константинополе. При новых объяснениях графа Шувалова с маркизом Салисбюри и с* графом Биконсфильдом, английские министры были необычно кротки и любезны, так что граф Шувалов даже убоился, не готовят ли они нам какую-нибудь ловушку, новый сюрприз. Перемена же турецкого министерства во всяком случае вновь затормозит начатые князем Лобановым переговоры с Савфетом.

6-го декабря. Среда. — Более десяти дней не открывал своего дневника. День за днем проходил среди суеты, празднеств, визитов. 26-го ноября, воскресенье, Георгиевский праздник, отличавшийся от прежних огромным числом наличных георгиевских кавалеров. В тот же день обед у Государя для некоторых старших кавалеров. 27-го ноября, понедельник, угощение нижних чинов — кавалеров, в Михайловском манеже, а потом в Зимнем дворце большой парадный обед для всех генералов и офицеров, кавалеров Св. Георгия. 28-го ноября, вторник, годовщина взятия Плевны, — молебствие во дворце и обед у великого князя Николая Николаевича. Этим закончились собственно торжества; но гости и до сих пор еще не разъехались, а потому все еще много движения.

Преобладающим предметом забот правительства и городских толков были опять волнения учащейся молодежи. Сходки в Медико-хирургической академии, в Университете и Технологическом институте приняли значительные размеры и резкий характер. 29-го ноября, в среду, толпа студентов, несмотря на противодействие полиции, прошла по улицам от Воскресенского моста до Аничковского дворца, чтобы подать адрес наследнику цесаревичу. Градоначальник, генерал-майор Зуров, успокоил толпу, приняв от нее адрес, и толпа спокойно разошлась. Но на другой день, 30-го ноября, сотни две студентов собрались на одном из дворов Медико-хирургической академии, с требованием от академического начальства объявления о результате поданного адреса и освобождения нескольких студентов, арестованных накануне по распоряжению полиции. Сам** градоначальник заехал в Академию и, после объяснений с начальством Академии, собирався уже уехать, как неожиданно для всех наткнулся он на собравшуюся

* самим

** Случайно сам градоначальник

толпу студентов. Сначала он* предложил им разойтись; но, вскоре, выведенный из терпения дерзостью и нахальством толпы, решился расправиться силой: жандармы и казаки окружили студентов, арестовали их и всех повели под конвоем в казармы лейб-гвардии Московского полка, где они и до сих пор остаются под арестом. Случай этот, разразившийся совершенно неожиданно для самих студентов, подал повод к новым сходкам и волнениям. Каждый день студенты в Академии, Университете и Технологическом институте собираются в большом числе, заявляя свои требования. Полиции разрешено отныне распоряжаться не только во дворах заведений, но и внутри зданий, что в свою очередь производит сильное неудовольствие не только в массе учащихся, но и в среде профессоров³⁴².

Между тем, в прошлую пятницу (1-го декабря) происходило у Государя, во дворце, совещание о мерах к прекращению беспорядков. Решено было опубликовать** объявление о том, что всякие сходки положительно воспрещаются и что, в случае неповиновения учащихся, восстановление порядка*** в стенах самого заведения возлагается на полицию. Объявление это должно быть напечатано завтра. Для приведения в исполнение этого общего правительственного распоряжения положено в каждом из заведений установить новые****, строгие дисциплинарные правила с тем, чтобы твердостью и строгостью сломить самоволие молодежи и восстановить авторитет начальства. К сожалению, все принимаемые меры оказываются бессильными против козней агитаторов, искусно завладевших из-за кулис легкомысленною молодежью, которую употребляют как орудие своих злодейских замыслов. Подметные, печатные листки***** разжигают страсти юношей и заглушают все благоразумные советы и внушения начальства³⁴³.

В политике все тот же застой, как и прежде. Князь Горчаков, приехав из-за границы, вступил в свою должность; однако же Гирс продолжает ездить вместе с ним к докладу. Наш маститый канцлер приободрился на вид; но так же, как и прежде*****, слаб умственно. Во все три раза, что я присутствовал при докладах князя Горчакова и Гирса,

* уговаривал

** в газетах

*** даже

**** дополнительные

***** читаются студентами

***** поверхностен и

не было ничего*, что стоило бы занести в дневник. Упомяну разве только о том, что, вследствие полученных известий от графа Шувалова, решено было послать генералу Кауфману повеление отозвать наше посольство из Кабула, заявив Шир-Али-хану о полученном от английского правительства заверении относительно сохранения и на будущее время независимости авганского владения. Удовольствуется ли эмир этим успокоительным заявлением сомнительно. Но если он ожидал от нас чего-нибудь другого, то это с его стороны** прискорбное заблуждение. Материальной помощи ни в каком случае мы не могли ему подать³⁴⁴.

20-го декабря. Среда. — Опять длинный*** пробел в моем дневнике за целые две недели. Постараюсь сколько могу припомнить, что было в течение этого времени выдающегося****.

В политике тот же застой, что и прежде; выжидательное положение. В Западной Европе начинают сильно толковать о необходимости занятия южной Болгарии смешанными силами (occupation mixte); в румелийской международной комиссии (в Филиппополе) тянут дело, теряя время на бесполезные споры; сами комиссары не верят в практическую прочность своей работы. В Константинополе новые турецкие министры расточают пред русским послом медоточивые речи, а между тем заключение окончательного мирного договора все откладывается день за днем. Возникает опять мысль о том, чтобы уплата наложенной на Турцию 300-миллионной контрибуции была обращена в зачет дани с княжества Болгарского. Мысль эта была высказываема еще во время Берлинского конгресса; но мы устранили ее, понимая вполне затаенную цель наших врагов — поставить Россию в неловкие отношения к созданному ею княжеству. Вероятно и теперь предположение это будет отклонено.

Из Авганистана нет верных сведений: английские телеграфические известия не всегда подтверждаются; а те, которые доходят чрез Ташкент, весьма запаздывают. Из последней телеграммы генерала Кауфмана от 14-го декабря видно, что в конце ноября Шир-Али был еще в Кабуле. Следовательно, английские известия о его бегстве, свержении и о возведении сына его Якуба, оказались ложными или, по крайней мере, преждевременными³⁴⁵.

Студенческие волнения в Петербурге несколько притихли в по-

* нового в ходе и

** напрасное

*** антракт

**** Трудно даже и припомнить, о чем стоило бы за это время записать

следние дни. Министр народного просвещения опять выступил было в поход против Военного министерства: вчера он пришел жаловаться Государю на распоряжение, сделанное по Медико-хирургической академии и будто бы противуречащее общим распоряжениям по университетам. К счастью я был еще во дворце после моего доклада; Государь позвал меня и я имел возможность опровергнуть новые каверзы графа Дм[итрия] Толстого.

Вчера праздновалась годовщина боя под Ташкисеном. Утром происходило молебствие в Соборе Преображения, а в 6 часов большой обед во дворце на 320 приглашенных. Государь произнес речь, в которой благодарил гвардию в самых теплых выражениях. Он был сам растроган до слез.

Получено прискорбное известие из Астрахани о появлении в одной из станиц астраханского казачьего войска пятнистого тифа, похожего на чуму. Станица оцеплена; приняты карантинные меры³⁴⁶.

22-го декабря. Пятница. — От князя Лобанова из Константинополя получено известие, что вчера происходило первое совещание с турецкими министрами об окончательном русско-турецком мирном договоре. Первые статьи нашего проекта прошли с некоторыми лишь изменениями в редакции. Остановились пока на вопросе о том, по какому курсу считать рубль для уплаты Турцией определенных в Сан-Стефано 300 миллионов контрибуции.

Известия о появлении чумы в Астраханской губернии оказываются преувеличенными; кажется эпидемия в Ветлянской станице уже прекратилась.

Вчера прибыло в Петербург китайское посольство.

24-го декабря. Воскресенье. — Вчера поздно вечером получил я шифрованную телеграмму от генерала Кауфмана о том, что эмир авганский выехал из Кабула и просит разрешения приехать в Петербург, чтобы представить на суд русского императора свое столкновение с англичанами. По поводу этого неожиданного известия, сегодня мы с Гирсом были приглашены пред обедней во дворец. Решено дать ответ генералу Кауфману в том смысле, чтобы отклонить Шир-Али от его намерения, дабы не усложнить еще более наших отношений, и без того уже натянутых, с англичанами.

31-го декабря. Воскресенье. — Истекшая неделя, последняя в настоящем году, не представляла ничего замечательного ни в делах политических, ни в обыденной жизни. Переговоры князя Лобанова с турецкими министрами приведены благополучно к окончанию по-

* ни нового

средством некоторых неважных уступок, преимущественно редакционных; но турки не решились еще подписать формальный акт; приняли «ad referendum»*, т. е., говоря попросту, не смели подписать без окончательного позволения султана и Лаярда. Точно так же и по вопросу о передаче Подгорицы черногорцам пока все еще ничего не приведено в исполнение. Между тем сами турки или, лучше сказать, пособники их в румелийской комиссии сделали предложение продлить еще на 3 месяца действия этой комиссии, на что все державы охотно дали согласие. Мы согласились с оговоркой, что и впредь наша администрация останется в Восточной Румелии до окончательного утверждения и введения выработанной комиссией организации.

В надежде на скорый конец всех проволочек со стороны Порты, генерал Тотлебен серьезно готовится вывести остающуюся часть армии из Турции, оставив в Болгарии и Восточной Румелии только «оккупационные» войска. Князю Дондукову даны указания относительно отделения румелийского земского войска от болгарского и заблаговременной замены в первом русских кадров туземными.

На днях получены сведения не совсем утешительные о положении дел в Закаспийском крае. Движения Красноводского отряда в минувшее лето, по-видимому, не произвели выгодного для нас впечатления на кочевое туркменское население. Большие скопища текинцев дерзко подошли даже к нашему Чикишлярскому приморскому посту. Приехавший на днях полковник Генерального штаба Гродеков, отважно проехавший из Ташкента чрез Маймане и Герат до Астрабада, рассказывает, что соседние с Хорасаном туркменские племена сделались крайне дерзкими относительно русских и недавно захватили в плен некоторых наших солдат в самых окрестностях нового укрепления Чат, основанного Ломакиным при слиянии Сумбара с Атреком.

По поводу этих известий вчера, в субботу, было совещание у великого князя Михаила Николаевича. Кроме меня приглашен был Гирс и затем специалисты наши, близко знакомые с азиатскими странами: генерал-майор Глуховский, полковники Куропаткин и Гродеков, — все трое Генерального штаба. Пока еще не пришли ни к какому конкретному заключению и положили выждать обещанных Зиновьевым (посланником нашим в Тегеране) обстоятельных сведений, собранных в прошлое лето во время поездки нашего консула Бакулина по северной окраине Хорасана.

Предполагавшееся в прошлую среду совещание по студенческим делам не состоялось, по случаю внезапной болезни Валуева. Первая

* к сведению (лат.)

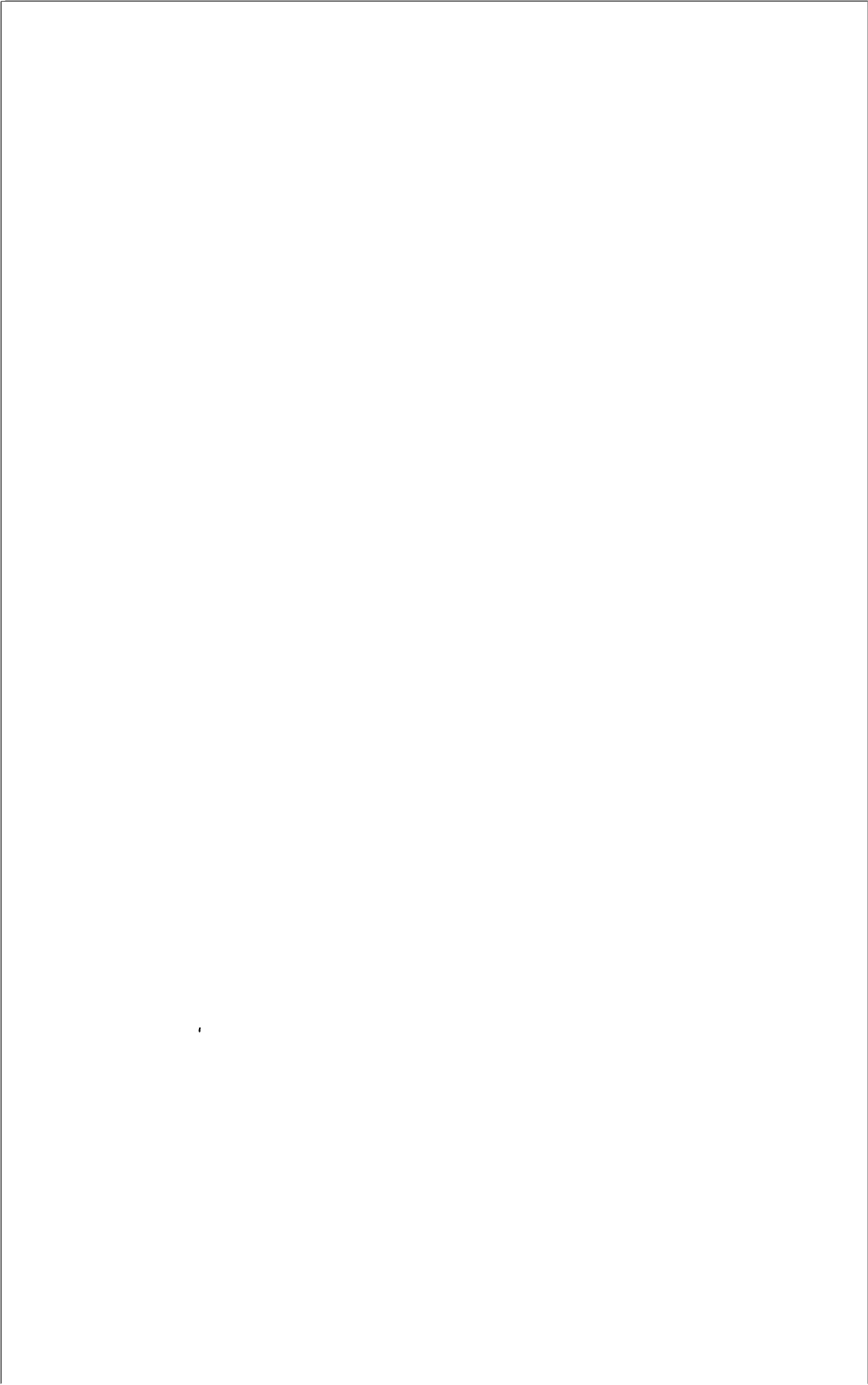
неделя рождественских праздников прошла довольно тихо, по крайней мере* в нашем доме, чему отчасти причиной была болезнь дочерей. Только вчера, в субботу вечером, заехал я на полчаса в 3-ю военную гимназию взглянуть, как молодежь чистосердечно веселилась, а сегодня проведем вечер в семейном кругу и будем наслаждаться пением Прянишникова. Так простимся со старым 1878-м годом.

* у меня в доме

Комментарии

-
- ¹ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1875 г. см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 31, д. 4. 28 января 1876 г. Д. А. Милютин представил Александру II доклад «По исполнению сметы 1875 г. и по предположениям о распределении денежных средств на новые преобразования в 1876 г.». См.: ОР РГБ, ф. 169, к. 28, д. 12.
- ² Ср. запись в дневнике П. А. Валуева: «Потом у кн. Суворова, праздновавшего 50-летний служебный юбилей. Людно, блистательно, большую часть искренно. Князю пожалован портрет. Удостоили его посещением государь и вел. князя, кроме, кажется, ген.-адмирала, который еще хромает от ушиба. Разные депутации читали адреса и подносили или заявляли testimonials [свидетельства своего уважения, — *англ.*]. Кн. Суворов собственно ничего крупного не сделал, как он сам добродушно сказал сегодня, но он всегда принимал к сердцу то, что делал, и то, чем управлял. Он добр и благороден настолько, насколько ему не мешал его amour propre [самолюбие, — *фр.*]. Ему помогали личные любезные формы и свойства, prestige имени и prestige близости к государю и к императорскому дому. Общим результатом — нечто вроде общей полубессознательной популярности» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 320).
- ³ Граф М. А. Корф скончался 2 января, а Н. К. Краббе — 3 января 1876 г.
- ⁴ «... Отличительная черта его, которой он главным образом обязан своему успеху и возвышению, — балагурство, — писал в январе 1876 г. в своих записках кн. Д. А. Оболенский, знавший Н. К. Краббе еще по службе в Морском министерстве в 1850-е гг. — Этим он угождал князю Меншикову и этим также успел он и впоследствии поставить себя в интимные отношения и к великому князю, и к государю. Специальность его состояла в собрании коллекций всяких неприличных вещей, рисунков и книг. Говорил он постоянно шутками и циническими выражениями, называя этот язык “языком будущности”. В Государственном совете он, разумеется, никогда не говорил, но и не имел малейшей претензии на государственного человека, а сознавал и не скрывал от других своей ловкости, шуточками и балагурством обделывая разного рода дела и делишки. Хотя он никогда ничем во флоте не командовал, но его во флоте любили за доброе сердце и

простоту» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 384–385).

5 «... Он обладал порядочным запасом знаний и несомненными деловыми способностями, — 3 января 1876 г. писал о гр. М. А. Корфе П. А. Валуев. — Думаю, что недостатки характера помешали ему употребить те и другие с большою пользою, чем та посредственная и даже сомнительная польза, которую он в свое время принес. Лучшим его произведением должны быть оставленные им записки, (*mémoires*), которые он вел аккуратно и за многие годы. Судя по сообщенному им мне когда-то отрывку, они писаны метко и заключают много интересных подробностей» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 321–322).

«... Прилагая за мерило для оценки государственных людей только положительные результаты их деятельности, я кладу в актив графа Корфа только одно дело — это устройство Императорской Публичной библиотеки, — тогда же отметил кн. Д. А. Оболенский. — Вся его остальная деятельность сводится на нет. Он принадлежал к школе государственных грамотных деятелей прошедшего царствования. Эта школа выработала так называемую официальную редакцию, заменившую ясный и точный слог правительственных актов гладким, бесстрастным и лишенным содержания словотечением. Это искусство редакции, впрочем, не было случайным явлением. Оно было естественным последствием отсутствия содержания, бесстрастности и вицемундирной выправки, составлявших отличительную черту деятельности высших правительственных сфер в последней половине царствования Николая I. Граф Блудов, Бутков, барон Корф, Суковкин были представителями этой школы. Все внимание обращалось на редакцию, чтобы она была *гладка и красна* (это технические выражения). Сущность дела оставлялась совершенно без внимания.... Про Корфа обыкновенно говорили, что он отлично владеет пером. Справедливее было бы сказать, что перо им владело. Никакой своей мысли он не выразил этим пером, а перо в руках его получало силу нанизывать фразы закругленные, гладкие, приличные и скромно бесцветные. В рескрипте при пожаловании его в графы упомянуто в числе достоинств, что он умел с большою находчивостью приводить к соглашению различные мнения в Государственном совете. Это действительно отличительная черта деятелей подобных Корфу. Им легко дается эта способность соглашать различные мнения, потому что ни одним мнением они не дорожат, совершенно безучастно относятся к вопросу, как бы он ни был решен. При этом, изучив характер лиц, с которыми имеют дело, чуя инстинктом, куда дует ветер, они без труда и без всякого насилия своим убеждениям направляют дела» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 381–382).

«...Барон М. А. Корф представлял тип даровитого бюрократа, — вспоминал в конце 1880-х гг. сенатор М. П. Веселовский, в 1867–1882 гг. служивший в Государственной канцелярии. — Очень умный, отлично образованный, с необыкновенною способностью ловко писать, с большим умением председательствовать и руководить прениями, он (подобно многим людям этой школы) избегал высказываться, редко заявлял свое самостоятельное мнение, больше наблюдал, высматривал, что может выйти из дебатов, и присоединялся к такому заключению, которое, по его расчетам, могло встретить одобрение в высших сферах. В делах особенно щекотливых, с политическим оттенком, он, чтобы не сделать промаха, даже устранялся (например, под предлогом болезни) от окончательного голосования. Когда предстояло рассматривать сложное дело, обещавшее много хлопот, но не дававшее возможности отличиться, он с редким искусством подготавливал почву к тому, чтобы «спустить» проект, т. е. возратить его в министерство, для «дополнения» или «соображения», или же, чтобы потребовать таких дополнительных сведений и справок, доставление которых могло бы затянуться *ad calendas graecos* (до греческих календ, т. е. на неопределенное время, — *лат.*). По отношению к канцелярскому делопроизводству он проявлял необыкновенную быстроту и исполнительность». На рассмотрение обширных журналов заседаний Государственного совета у Корфа уходило обычно всего 3–4 часа, причем, «поправки он делал умеренно, но очень удачно; где переставит слова, где вставит или заменит слово, но его редакция всегда выигрывала в ясности, рельефности» (ОР РНБ, ф. 550, F IV 861, л. 632–633).

Подобные характеристики, при всей их односторонности, по-видимому, отражали отношение к М. А. Корфу в правительственных сферах. Совершенно иначе на него смотрели те, кто близко знал Корфа по службе в Публичной библиотеке, см.: *Грот Я. К., Стасов В. В.* Гр. М. А. Корф (1800–1876). СПб., 1876. Подробнее о его деятельности см.: *Ружицкая И. В.* М. А. Корф в государственной и культурной жизни России // *Отечественная история.* 1998. № 2.

- ⁶ Над курсом военной истории Д. А. Милютин работал в 1838 г. Впоследствии под редакцией кн. Н. С. Голицына была издана «Военная история (курс, читанный в академии Генерального штаба)» (Т. 1–4. СПб., 1840–1845).
- ⁷ К этому времени кн. Н. С. Голицыным были составлены и изданы: Всеобщая военная история древних времен. Ч. 1–5. СПб., 1872–1876; Всеобщая военная история новых времен. Ч. 1–3. СПб., 1872–1874; Всеобщая военная история новейших времен. Ч. 1–2. СПб., 1874–1875. Затем вышли: Всеобщая военная история средних веков. Ч. 1–2. СПб., 1876; Ч. 3. СПб., 1878; Русская военная история. Ч. 1. СПб., 1877; Ч. 2. СПб., 1879. Изло-

жение военной истории Европы было доведено до XIX в., а России — до времени Петра I. Кроме того, кн. Н. С. Голицын тогда же выпустил книгу «Великие полководцы истории» (Ч. 1–2. СПб., 1875).

- 8 Согласно воспоминаниям Д. А. Милютин, в работе над курсом военной истории под руководством кн. Н. С. Голицына в конце 1830-х гг., помимо Ф. И. Горемыкина, А. П. Кузминского, Л. Л. Штюмера и самого автора, участвовали М. И. Богданович, И. В. Вуич и др. См.: *Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 184, 190.*
- 9 В своих воспоминаниях Д. А. Милютин давал кн. Н. С. Голицыну следующую характеристику: «...Это был человек строгих нравов, набожный, серьезный, никогда не улыбающийся, но добрый, сердечный. Не одаренный блестящими способностями, он возмещал их усидчивым трудолюбием и добросовестностью в ученой работе. Подполковник князь Голицын читал лекции только в теоретическом отделении». См.: *Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 148.*
- 10 Речь идет об обсуждении проектов «Положения о найме рабочих», «Правил о найме прислуги», и «Правил об отдаче и приеме в обучение ремеслам, мастерствам и техническим производствам», которые предварительно рассматривались в особой комиссии под председательством П. А. Валуева. В ее состав, помимо председателя и 8 чиновников от различных ведомств (министерств внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ, путей сообщения, 2-го и 3-го отделений Собственной Е. И. В. канцелярии), входили 11 предводителей дворянства, 14 председателей губернских земских управ, две городских головы, а также 6 заводчиков. Участие в работе комиссии общественных деятелей воспринималось современниками как очередной шаг в сторону развития представительных учреждений. Для этого действительно имелись определенные основания, т.к. в правительственных сферах создание данной комиссии изначально рассматривалось как первый опыт нового порядка подготовки законопроектов с участием «лиц, знакомых с местными обстоятельствами». Решение об образовании комиссии было принято Комитетом министров по инициативе гр. П. А. Шувалова 26 февраля 1874 г. и одобрено Александром II 9 марта. Шувалов и впоследствии, уже будучи послом в Лондоне, продолжал следить за деятельностью комиссии, принимая ее близко к сердцу. Подробнее см.: *Чертуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 96–118.*

Поскольку предполагалось, что комиссия будет обсуждать уже готовые законопроекты, Валуев осенью 1874 г., находясь в баварских Альпах, собственноручно «пересоставил» подготовленный в 1870–1871 гг. комиссией под председательством П. Н. Игнатьева Устав о личном найме рабочих и прислуги и встречный проект по тому же вопросу, разработанный

в Министерстве внутренних дел. В частности, он исключил все статьи, допускавшие, хотя и при строгой регламентации, организацию артелей, и перенес центр тяжести на введение «рабочих книжек» для регулирования отношений нанимателей и нанимаемых, что соответствовало пожеланиям Министерства внутренних дел (по мнению А. Е. Тимашева, «существование рабочих книжек во всех видах найма как документа на право работы должно быть... поставлено в основание всех по этому предмету предположений»). С 17 января до 18 марта 1875 г. составленные Валуевым проекты обсуждались и дополнялись в возглавляемой им комиссии, после чего были внесены в Государственный совет. Подробнее см.: РГИА, ф. 1149, оп. 9, 1880, д. 31, ч. 1–2; Материалы по проекту правил о найме рабочих и прислуги. Т. 1–3. СПб., 1872–1875; *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 32–54; *Шенелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 118–120; *Куприянова Л. В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 1999. С. 351–354.

24 октября 1875 г. вел. кн. Константин Николаевич, Валуев, Тимашев, кн. С. Н. Урусов, А. А. Абаза и Д. М. Сольский договорились о порядке рассмотрения законопроекта в соединенных департаментах законов и государственной экономии Государственного совета, в том числе и о приглашении на их заседания «экспертов» из числа членов комиссии. При этом вел. кн. Константин Николаевич не сочувствовал законодательной регламентации экономических отношений и выступал против введения рабочей книжки в качестве документа, обязательного при найме. 10 января 1876 г. он записал в дневнике: «...В 1 ч. в Совет в собрание Соединенных департаментов по рабочему вопросу. Это было только предварительное собрание для постановки вопросов для экспертов, и потому продолжалось недолго. Но потом долго говорил с Урусовым и разъяснял ему, как мне все это дело не по сердцу, и как бы я все это хотел уменьшить и упростить, и кажется, что мне удалось его в этом убедить» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 4, 46–47). Валуеву, также присутствовавшему 10 января «в Государственном совете (соединенное присутствие) на прологе рассмотрения дела о правилах для найма рабочих», заседание показалось «вроде фарса»: «...Кн. Урусов, очевидно, не знает, чего хочет и даже чего ему хотеть». Тем не менее Валуев изложил ход этого заседания в особой заметке. См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 325–326.

¹¹ Обсуждение в Государственном совете законопроекта о найме рабочих в 1876 г. растянулось на 14 заседаний (с 10 января по 22 апреля), однако так и не было закончено.

- ¹² Данная телеграмма в архиве Д. А. Милютин (ОР РГБ, ф. 169) не обнаружена. 31 декабря 1875 г. М. Д. Скобелев разгромил 20 тыс. кокандцев при Балыкчанских Завалах, а 4 января 1876 г. взял приступом Андижан.
- ¹³ Этот совместный всеподданнейший доклад Александру II о среднеазиатских делах произвел на К. П. фон Кауфмана самое благоприятное впечатление, хотя перед тем он намеревался оставить должность по болезни: «...После милостивого приема, сделанного мне Государем императором, и соизволения Его Величества на посылку войск для занятия Коканда, — писал Кауфман Милютину 20 января, — я не считаю себя вправе отказать от поездки в Ташкент, каково бы ни было мое здоровье. Всякий новый человек на моем месте употребит много времени для ознакомления со всеми обстоятельствами. Мне как солдату нельзя уходить с поля сражения. Таков мой взгляд на дело и потому, если Его Величеству благоугодно, я готов буду ехать и быть в Ташкенте к тому времени, когда мое присутствие будет там необходимо. Прошу лишь милости назначить мне преемника с таким расчетом во времени, чтобы к концу августа он мог быть в Ташкенте. Я бы желал сам ввести его в азиатские дела» (ОР РГБ, ф. 169, к. 65, д. 26, л. 5–6).
- ¹⁴ Письмо вел. кн. Михаила Николаевича Александру II 15 декабря 1875 г. см.: ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 807, л. 117–118.
- ¹⁵ «...В 1 ч. в Совет в первое соединенное присутствие по рабочему вопросу вместе с экспертами, — записал 15 января 1876 г. в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Продолжалось до 5 и было, по-моему, весьма интересно по объяснениям экспертам. Для меня все более и более разъясняется, что это вопрос не столько законодательный, как экономический» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 49). П. А. Валуев осветил ход заседания 15 января в «особой заметке» (второй и последней по счету), приложенной к дневнику. «...По делу о рабочих, — отмечал он еще 12 января, — кн. Урусов теперь придумал комбинацию новую. Сперва мы будем слушать так называемых экспертов по «общим» вопросам. Наконец, мы снова при экспертах будем обсуждать частности. Все это происходит по предварительным сговариваниям с вел. князем и, кажется, по наталкиванию Перетца и Сольского. Между тем как бы случайно и незаметно вводится на практике, но в безобразной форме, то самое начало призыва посторонних участников в делах Государственного совета, о котором я возбуждал вопрос в 1863 году» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 327–329).

В качестве экспертов в Государственный совет были приглашены петербургский, московский и харьковский губернские предводители дворянства — гр. А. П. Шувалов, гр. А. В. Бобринский, А. Р. Шидловский, председатели петербургской, московской и рязанской губернских зем-

ских управ — бар. П. Л. Корф, Д. А. Наумов, кн. С. В. Волконский, а также московский фабрикант купец 1-й гильдии Н. А. Найденов и А. Е. Струве. 13 января эксперты представлялись председателю Государственного совета. «...Вернувшись домой, — писал вел. кн. Константин Николаевич, — принимал в течение двух часов экспертов, приглашенных для рабочего вопроса. 1) Шувалов, болтун и доктринер. Пользы от него не будет, а большая потеря времени. 2) Бобринский, московский предводитель, очень симпатичный. Хотя он на стороне большинства [имеется в виду большинство комиссии 1875 г., высказавшееся в пользу введения рабочей книжки как документа, необходимого при найме, — А. М.], но не слепо, и я думаю, не трудно будет его получить на нашу сторону. 3) Шидловский очень умен и довольно симпатичен, но парадоксален. 4) Волконский, самый симпатичный и главный столп нашей стороны...» (Характеристика остальных в дневнике отсутствует) См.: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 48. См. также коммент. 10.

¹⁶ Военная реформа, вводившая принцип всеобщей воинской повинности в Финляндии, была проведена в 1878 г. Подробнее о разногласиях, возникших в ходе ее подготовки, см.: Сборник материалов по составлению и пересмотру устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899. С. 1–22; *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006.

¹⁷ В журнале Комитета министров спор о подрядах в Виленском военном округе не получил освещения (РГИА, ф. 1263, оп. 1, 1876, д. 3831, л. 286–453).

«... Был в Комитете министров, — записал 20 января 1876 г. в дневнике П. А. Валуев. — Не разрешенное окончательно дело о разномыслии или по разномыслию между военным министром и государственным контролером. Есть что-то недостаточно определенное или разъясненное в атрибутах контролера» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 331).

¹⁸ 19 января 1876 г., во время доклада П. А. Валуева, «Государь заговорил о затруднении, в котором он находится для назначения преемника кн. Багратиону. Я никого не мог назвать ему чистосердечно от себя, но сказал, кого прочтат другие, и прибавил, что министр внутренних дел едва ли не помышляет об упразднении вместо нового назначения. Государь сказал: “Je crois que cela sera difficile” [«я думаю, что это будет трудно», — *фр.*].» См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 330.

¹⁹ Подробнее см.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 296–298

²⁰ По мнению вел. кн. Константина Николаевича, «заседание было совершенно бесполезное» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 53). П. А. Валуев

в дневнике уже с трудом сдерживал раздражение: «...Не продолжаю моих заметок во время этих заседаний. Вышло бы монотонно и притом безобразно. Состав присутствия ниже всякого государственного уровня. Председательствующему кн. Урусову трудно с ним справляться. Но он и со своей стороны грешит тем, что ведет дело совершенно тенденциозно. Он вызывает тех или других, предъявляет то или другое, выводит то или другое на справку всегда в таком направлении и по возможности в такой форме, которые соответствуют его взгляду pour le quart d'heure [на четверть часа, — *фр.*]» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 331).

- 21 «...Кавалердгардам и конной гвардии сделана тревога, — писал П. А. Валуев, сын которого служил в л.-гв. Конном полку. — Выехали быстро (конечно, приготовились по догадке) и прошли хорошо» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 332).
- 22 Ср. запись в дневнике вел. кн. Константина Николаевича (24 января): «Тимашев мне сказал, что Государь согласился на упразднение Прибалтийского генерал-губернаторства, чему мы все крайне обрадовались» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 54). С одобрением отнесся к упразднению рижского генерал-губернаторства и П. А. Валуев, на котором после назначения гр. П. А. Шувалова послом в Великобританию лежало «особое попечение о прибалтийских делах». «...Сегодня же решилось, по-видимому, упразднение остзейского ген.-губернаторства, — писал он в дневнике 23 января. — Как мысль государственная, оно правильно. Нет повода искусственно объединять три губернии с особливими, но неодинаковыми чертами и схожими только в том, в чем они отличаются от губерний русских. При данных условиях оно, быть может, даже выгодно для края. Министр внутренних дел его не знает и тамошних дел не понимает, но антагонизм преимущественно огуречного свойства в нем жив. “Поприжать немцев” — невелика мудрость, но она ему кажется немалою и притом приятною. Ген.-губернаторы последнего времени все жаловались на край и потому огуречный антагонизм раззадоривали. Эст-лиф-курляндцы легче сживутся с губернаторами. Тогда и в Большой Морской стихнет» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 332).
- 23 Остзейцы действительно пытались добиться изменения принятого императором решения. 3 февраля 1876 г. предводители дворянства Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний гр. Г. К. фон Кайзерлинг, Г. Г. фон Бок и бар. Э. А. Майдель получили аудиенцию у Александра II, но повлиять на него им не удалось. См.: *Духанов М. М. Остзейцы: политика остзейского дворянства в 50–70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии.* Рига, 1978. С. 213.

24 «...От 1 ч. до 5 в заседание по рабочему вопросу, — писал 24 января 1876 г. в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Все время происходили разъяснения экспертов по вопросу о рабочих книжках. Дело очень разъяснилось, видно, что редакция большинства не передает его мысли, что и оно не понимает обязательности книжек в таком узком смысле. Потому у меня явилась надежда, что, может быть, обойдемся без разногласия...» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 54).

П. А. Валуев, вероятно, понимая, что его проект разваливается на глазах, смотрел на дело более пессимистично: «...Невозможное заседание в Государственном совете. Невозможное в том смысле, что по крайней мере в присутствии так называемых экспертов нужно обнаруживать приличную меру понятливости. В своих вопросах, замечаниях, во всех приемах члены Государственного совета, принимавшие участие в совещании, походили на тупых китайских мандаринов. Толки все шли о так называемой обязательности рабочей книжки. Чтобы понять, в какой мере эта обязательность обязательна, стоило только заглянуть в текст проекта или пробежать приложенные к нему мои по званию председателя краткие объяснения» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 332).

25 Указанные телеграммы в архиве Д. А. Милютинна (ОР РГБ, ф. 169) не сохранились. По-видимому, речь идет об изъявлении покорности русским войскам Оша и Маргелана.

26 Судя по дневнику вел. кн. Константина Николаевича, к «единогласному заключению» члены Соединенных департаментов пришли не совсем «неожиданно», как это представлялось Д. А. Милютину. «...В 12 у меня конференция по рабочему вопросу, — писал 29 января 1876 г. великий князь. — Были Урусов, Валуев, Тимашев, Абаза, Сольский и Перетц. Я желал добыть соглашение по вопросу об обязательности рабочих книжек, надеясь на объяснение Валуева и большинства экспертов в последнем заседании. Но сперва Тимашев был ужасно крут, и ни за что не хотел отойти от толкования действительной, безусловной обязательности. Ни Валуев, ни Урусов не могли его с этого сбить. Наконец, однако, это мне удалось при помощи Абазы. После больших трудов удалось согласиться на среднем пути, т. е. сделать книжки необязательными по закону, но обставить их такими практическими удобствами и преимуществами, чтоб на практике их действительно бы стали предпочитать всем остальным формам. В 2 в заседание в Совет. Там именно шла речь по этому вопросу. К моему великому удивлению Николай долго и прекрасно говорил именно как будто он подслушал наше утреннее совещание. Абаза говорил тоже очень ловко и умно. Тимашев хорошо на это ответил, и результат был, что наше утреннее соглашение стало достоянием всего собрания

единогласно. Я ужасно рад этому результату. Кончилось в 4 ч.» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 57–58). См. также: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 334.

- 27 После целого ряда поражений Пулат-бек пытался вступить в переговоры с русскими властями. 19 января 1876 г. его послы прибыли в Ходжент с просьбою о мире. Однако ген. Г. А. Колпаковский, согласно инструкциям, полученным от К. П. фон Кауфмана, пропустив посольство в Ташкент, отказался вступать в переговоры и предложил переслать письма Пулат-бека в Петербург и дожидаться возвращения генерал-губернатора. Одновременно Колпаковскому следовало «прибытие посольства с просьбою о пощаде сделать из-под руки известным в крае» (ОР РГБ, ф. 169, к. 65, л. 26, л. 5–6), что должно было окончательно скомпрометировать Пулат-бека в глазах местного населения. Вскоре после разгрома отряда Пулат-бека он был повешен за жестокое обращение с русскими военнопленными.
- 28 О русско-британских отношениях в связи с покорением Средней Азии подробнее см.: *Кияпина Н. С., Блиев М. И., Дегоев В. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.
- 29 Сербский князь Милан Обренович и черногорский князь Николай Негош первоначально весьма сдержанно отнеслись к восстанию, начавшемуся в июне 1875 г. в Герцеговине. Поддержка восстания не вписывалась в проводимую ими тогда политику. Князь Милан после начала восстания отправился в Вену, где ему настойчиво рекомендовали строго придерживаться нейтралитета. Князь Николай, надеявшийся уже дипломатическим путем добиться от Турции признания независимости Черногории и предоставления ей выхода к Адриатическому морю, запретил черногорцам участвовать в восстании и призвал повстанцев избегать кровопролития, обещая ходатайствовать за них перед великими державами. Однако уже в августе оба князя вынуждены были уступить начавшемуся национальному движению и принять в нем руководящее участие. 9 (21) октября 1875 г. сербское правительство Л. Кальевича направило в Цетинье Ф. Христича для ведения переговоров о совместных действиях обоих княжеств. В ходе переговоров было решено не начинать военных действий до весны 1876 г. Князь Николай выразил согласие подписать политический договор и военную конвенцию с Сербией, однако настаивал на том, чтобы черногорская армия сохранила самостоятельное командование. По окончании войны Герцеговина должна была отойти к Черногории, а Босния и другие сербские территории — к Сербии. В конце февраля 1876 г. для продолжения переговоров в Цетинье прибыл сербский генерал Р. Алимпич, однако князь Николай заявил, что подпишет договор только в случае начала войны. Подробнее см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией

(1876–1878 гг.) // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 43–76.

- 30 Имеется в виду «нота Андраши», опубликованная 18 (30) декабря 1875 г. и содержавшая проект преобразований, которые Османской империи рекомендовалось провести в Боснии и Герцеговине. В этих провинциях предполагалось провозгласить свободу вероисповедания, провести аграрную реформу, отменить откупную систему взимания податей и допустить расходование прямых налогов, собираемых с населения, лишь на местные нужды; для наблюдения за ходом преобразований следовало создать специальную комиссию из христиан и мусульман. Кн. А. М. Горчаков в конце 1875 г. полностью разделял положения «ноты Андраши» и заявил С. С. Татищеву в Веве: «Вот уже 20 лет, как я утверждаю, что Порта может сохранить своих христианских подданных лишь на тех самых условиях, которые сформулировал Андраши, или должна лишиться их». Программа получила одобрение Александра II, а затем была сообщена правительствам Великобритании, Франции и Италии, официально одоббившим предложенные меры (Франция и Италия — сразу, Великобритания — в январе 1876 г. после дискуссии в парламенте). 19 (31) января 1876 г. «нота Андраши» была предъявлена Турции от имени Австро-Венгрии, Германии и России. Порта приняла условия ноты, отклонив лишь требование тратить собираемые в Боснии и Герцеговине налоги на местные нужды. В феврале 1876 г. султаном было издано ирадэ, провозглашавшее реформы в духе «ноты Андраши». Весной 1876 г. в Суторине (Герцеговина) состоялась встреча наместника в Далмации бар. Г. Родича с руководителями восстания. В ответ на предложение поддержать реформы, намеченные в «ноте Андраши», повстанцы выдвинули свои требования: вывод турецких войск (за исключением гарнизонов в 6 городах), разоружение мусульманского населения, возвращение беженцев, передача христианам в собственность не менее трети земель (абсолютное большинство землевладельцев были мусульманами), восстановление разрушенных домов и церквей, освобождение населения на три года от налогов и податей. Кроме того, восставшие подняли вопрос о гарантиях предполагаемых реформ (создание европейской комиссии, контролирующей расходование средств в Боснии и Герцеговине, учреждение австрийского и русского консульств во всех 6 герцеговинских городах и их контроль за проведением преобразований) и настаивали на предоставлении провинциям автономии. Фактически это означало отказ от прекращения восстания на австрийских условиях. Со своей стороны, Д. Андраши считал удовлетворение требований, выдвинутых повстанцами в Суторине, несовместимым с интересами Австро-Венгрии. См.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 652–661.; *Виноградов К. В.* Русско-австрийские

отношения в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине // *Meotunarodni nau ni skup povodom 100-godi nice usyanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i isto noj krizi 1875–1878 godini*. Sarajevo, 1977. Т. 2. С. 113–126; *Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.)*. М., 1986. С. 255–258; *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николаи Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 224–229.

- 31 «...В 1 ч. в заседание о рабочих, — писал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Кончилось только после 4-х и успели пройти с ужасными спорами только три или четыре параграфа. Ясно, что этак дело продолжаться не может, а то ему конца не будет. Придется у меня отдельно обсудить, какое ему дать новое направление, о чем и толковал после конца с Сольским и Абазой» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 63). По мнению П. А. Валуева, 7 февраля 1876 г. «было самое безобразное заседание соединенного присутствия». «...При моем первом настроении, — негодовал он, — я не в силах противопоставлять должное хладнокровие всем толчкам, которым подвергается дело, против моей воли мне навязанное» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 336).
- 32 Описывая 9 февраля 1876 г. «траурный раут» в Маринском дворце, П. А. Валуев отметит: «...Нет возгласов о прискорбном событии. Оно так долго ожидалось, что случившееся не могло произвести никакого сильного впечатления» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 336).
- 33 Под впечатлением от заседания 7 февраля 1876 г. вел. кн. Константин Николаевич 11 февраля полтора часа обсуждал с кн. С. Н. Урусовым, М. Х. Рейтерном и А. А. Абазой (при Д. М. Сольском и Е. А. Перетце) способы дальнейшего ведения дела. 13 февраля обсуждение вопроса продолжилось в том же составе, но уже при участии П. А. Валуева и А. Е. Тимашева. «...Старый порядок ни к какому результату привести не может, — констатировал великий князь. — Поэтому решили в будущий [понедельник] поставить вопросы: 1) писать ли полный компендиум или ограничиться только специальными дополнениями и улучшениями существующего законодательства; 2) писать ли закон для всех видов найма или только для некоторых, как то сельских, фабричных и строительных (железниц [железных дорог, — А. М.]). Между собою пришли к полному соглашению, хотя Валуев сперва к этому враждебно относился, и потому у меня полная надежда, что в [понедельник] в этом смысле дело и будет решено, и я очень счастлив этому результату» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 67–68).

Валуев также признавал, что «далее идти прежним порядком дело не могло». «С моей же стороны, — рассуждал он, — бесполезно тратить вре-

мя и силы для препирательства с гг. Стояновским, Мансуровым, бароном Николаи и пр. было бы нерассудительно.... Министр внутренних дел заявил, что он не настаивает на проведении всего проекта и пр... Отныне я буду защищать то, что считаю действительно полезным или нужным, а все остальное предоставлять усмотрению большинства. Одним словом, я возвращусь к базису моего сводного проекта, с тем изъятием, что не буду настаивать на придатках, вроде правил об обучении, о мурманском берегу, о судорабочих и т. п. Я при этом случае, однако же, заявил, что сожалею о том, что пять лет дело было ведено по другому направлению, что прошлогодняя комиссия была созвана и пущена по тому же направлению и что подобная непоследовательность правительственных распоряжений не может не вредить правительственному prestige». По свидетельству Валуева, 16 февраля, перед заседанием, вел. кн. Константин Николаевич «уговорил ген. Игнатьева не протестовать» против существенного сокращения законопроекта. «...Все обошлось как по писанному, — отмечал Валуев. — Решили ограничиться самомуужнейшим отрывочным законодательством. Поручено государственной канцелярии составить в этом смысле выборку из проекта. Затем эта выборка должна быть подвергнута апробации министров внутренних дел, финансов, юстиции и моей. Думают, что выйдет нечто весьма необъемистое. Ошибаются, если думают, что может выйти что-нибудь полезное. Из прежних проектов можно откинуть целые части, например, о прислуге, о судорабочих и т. д., но существенные постановления об исполнении и прекращении договоров, об обеспечении исполнения, о фабричных рабочих и о работах строительных должны сохраниться». См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 338–339, 340.

³⁴ Ср. запись в дневнике П. А. Валуева: «19 февраля. Восшествие на престол. Годовщина 19 февраля 1861 г. Тихо по случаю 1-й недели поста и вообще тихо. На небосклоне тускло. В центре есть ощущение затаенной болезни. Как будто биение сердца стало слабее...» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 341).

³⁵ Н. П. Игнатьев возражал против присоединения России к «ноте Андраши», находя выдвинутую австрийцами программу оскорбительной для Турции и недостаточной для восставших. Игнатьев полагал, что в случае прямых переговоров с султаном, Россия сможет добиться от него больших уступок. Кроме того, присоединение к «ноте Андраши», по мнению Игнатьева, вело к усилению влияния Австрии за счет позиций России (и лично ее посла, которого не устраивали вторые роли). «...С подачей ноты Андраши, — вспоминал он в своих "Записках", — я утратил первенствующее положение в Царьграде, обратившись в помощника австро-венгерского посла и предоставив английскому послу роль защитника турок и совет-

ника Порты» (*Игнатъев Н. П. Записки // Исторический вестник. 1914. № 4. С. 53*). Подробнее см.: *Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 219–232.*

Со своей стороны, кн. А. М. Горчаков исходил из необходимости «не допускать никакого расхождения между нами и гр. Андраши, потому что очень многие поспешили бы превратить такое расхождение в разрыв» (*Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 347*).

³⁶ См. коммент. 30.

³⁷ Ср. запись в дневнике наследника цесаревича вел. кн. Александра Александровича, сделанную 23 февраля 1876 г.: «...Восточный вопрос начинает все более и более запутываться, и Бог знает, чем все это кончится!? Турки на все согласны и ничего не могут исполнить, а инсургенты ни на что не соглашаются и слышать не хотят о предложениях турок, и хорошо делают, что не верят уверениям Порты, которая достаточно их обманывала и никогда не исполняла своих обещаний. Посмотрим?!» (ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 306, л. 71).

³⁸ См. коммент. 29. Сообщения А. Н. Карцова кн. А. М. Горчакову см.: АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 16.

³⁹ Речь идет о зачетных квитанциях, освобождавших от службы в армии. Они существовали до введения всесословной воинской повинности. Эти квитанции продавались правительством по числу вступивших в армию охотников. Кроме того, зачетные рекрутские квитанции выдавались как отдельным лицам, так и целым обществам в следующих случаях: во-первых — за ратников ополчения, остававшихся на военной службе или погибших в рядах ополчения; во-вторых — за сданных в рекруты сверх объявленной нормы набора. С введением всесословной воинской повинности оставшиеся на руках зачетные квитанции не утратили своей силы, но подлежали обмену на квитанции нового образца. В Особом о воинской повинности присутствии обсуждался вопрос об условиях выкупа этих квитанций казной. Было принято решение определить цену зачетной рекрутской квитанции в 485 руб. Материалы о выкупе рекрутских квитанций см.: РГИА, ф. 1246, оп. 1, д. 17. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

⁴⁰ Персонаж произведения Вольтера «Кандид». *Коммент. П. А. Зайончковского.*

⁴¹ См. также запись в дневнике вел. кн. Константина Николаевича (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 110, л. 85–86).

⁴² 27 марта 1876 г. Милютинным было направлено письмо главнокомандующему Кавказской армией вел. кн. Михаилу Николаевичу, в котором указывалось на недопустимость какого-либо движения на юг. «Несмотря на все доводы генерал-майора Франкини, — писал Милютин, — Государь

император соизволил остаться при своем прежнем решении и повелел мне довести до сведения Вашего Высочества, чтобы войскам Закаспийского края не было разрешаемо ни под каким предлогом предпринимать движение к верховьям Атрека и в земли ахал-текинцев по направлению к Асхабаду». «Взамен сего, — указывал Милютин, — его величество изволил признать весьма полезным обратить внимание на пути, ведущие от Красноводска к Сорыкамышу с тою целью, чтобы окончательно обеспечить сообщение и торговое движение караванов от берегов Каспийского моря к Аральскому бассейну и Туркестанскому краю...». См.: РГВИА, ф. 846 (ВУА), д. 6889, л. 57. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

- ⁴³ Схожим образом характеризовал положение Д. Андраши в 1875–1876 гг. активный деятель Славянского комитета Н. А. Киреев, весной 1876 г. побывавший в Вене. Подробно изложив в письме к брату (А. А. Кирееву) 11 мая 1876 г. взгляды русского посла в Вене Е. П. Новикова, он продолжал: «...Того же самого, т. е. затушения восстания, хотел бы достать и Андраши, конечно, из других опасений, которых у него в настоящее время два: 1) неурядица в отношениях между Венгрией и Австрией, которая каждую минуту может возобновиться, и 2) славянский федерализм австрийских славян, могущий желать воспользоваться теперешними неурядицами для усиления себя славянами балканскими. Что касается до его опасений, основанных на непрочности союза между Австрией и Венгрией, то они разделяются почти всеми в лоскутной империи Габсбургов, и партии венгерской (Андраши) надо во что бы то ни стало сохранить мир на несколько времени, чтобы дать венграм окрепнуть настолько, чтобы ко времени распада империи (в которое все верят не только в Венгрии, но и в Австрии) можно было бы быть уверенным, что никто уже и не будет помышлять о возможности стереть венгерское королевство с европейской карты. Следовательно, мир ему необходим. Что касается его опасений славянского федерализма, то они вовсе не так призрачны, как кажутся с первого раза, и имеют след[ующие] основания и последствия. Славянская партия очень сильна в империи, и в случае если бы она взяла верх, то на должность премьера имеет даже своего кандидата — барона Родича, который как общий министр (н[а]пр[имер], военный) точно также может сделаться премьером, и его выставляют как кандидата на случай смены Андраши. При этом опасения Андраши, кроме характера политического (очень ему близкого), тоже получают характер личный. Кроме того, тогда против вопроса венгерского, хотя и с трудом, но все-таки может быть выставлен вопрос угорских русских. По всем этим соображениям ему необходимы: 1) мир и 2) сохранность, хотя бы только на бумаге, целостности Оттоманской империи, и потому даже если Австрии предлагали бы Боснию и Герцеговину, то его партия

в состоянии была бы отказаться только уже для того, чтобы славянская партия не приобретала более и более почвы. Кроме того, это распадение для него опасно как antecedent, а напротив, автономия каждой национальности есть de l'eau pour son moulin Hongrois [вода на его венгерскую мельницу, — фр.]. Кроме личного желания Родича сделаться премьером, у него имеется в виду от присоединения Боснии и Герцеговины, на случай неудачи в низвержении Андраши, во всяком случае его Далматское генерал-губернаторство (так!). Его (Родича) поддерживают партии славянская, федеральная и клерикальная (думающая забрать в свои руки не малое количество славян)». См.: Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 г. // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. М., 1968. С. 106–107.

44 На этом совещании обсуждался вопрос об условиях возвращения Кульджи Китаю, а также о позиции России в предстоящем столкновении Китая с кашгарским владельцем Якуб-беком, ставленником английского правительства. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

45 Ю. Ф. Самарин скончался 19 марта 1876 г. от заражения крови. В декабре 1875 г. он выехал из Москвы в Берлин, готовя к изданию шестой выпуск своей книги «Окраины России». Из Берлина он на несколько дней заезжал в Париж для встречи с кн. В. А. и Е. А. Черкасскими, после чего вернулся в Берлин. «...Тут он занемог, — вспоминал А. И. Кошелев, — и нашедши неудобным лежать больным в гостинице, он переселился в один известный Krankenhaus [больница, — нем.], где и скончался. Грустно было для нас лишиться такого прекрасного человека и такого полезного даровитого деятеля; но трагичность его кончины нас особенно поразила. Имея огромную семью — мать, братьев, сестру — и состоя в дружбе и приятности с весьма многими, он умирает в полном одиночестве, посреди людей чужих; сердечно и глубоко любя Россию и ее народ, он оканчивает жизнь на чужбине; воевавши постоянно и горячо против немцев, он в последние свои дни и часы окружен только немцами; известный не только в России, но и в Европе, он умирает в немецкой Krankenhaus'e под чужим именем; наконец, православный христианин и ревностный поборник православия, он не имеет утешения веры при последних страданиях (священник приезжает, но находит его уже в беспамятстве), и церковь православная при русском посольстве не впускает к себе тело усопшего, и он отпевается в протестантской церкви! Это ужасно!». См.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 гг.). М., 2002. С. 148.

О Ю. Ф. Самарине подробнее см.: *Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время. М., 2003.

46 См.: *Самарин Ю. Ф.* Окраины России. Вып. 6. Крестьянский вопрос в Лифляндии. Berlin, 1876.

- 47 В своих воспоминаниях Д. А. Милютин об этом эпизоде не упоминает.
- 48 На заседаниях Комитета министров 2, 9, 23 и 30 марта 1876 г. обсуждался вопрос о деятельности «Русского общества пароходства, торговли и Одесской железной дороги по предприятию пароходства». Комитет министров вынес пространное решение об эксплуатации пароходных линий в Черном и Азовском морях, изменил существующую тарифную плату, а также рассмотрел вопрос о субсидиях правительства обществу. Комитет министров высказал мнение о необходимости отделить Одесскую железную дорогу от общества, т. к. в результате подобного соединения деятельность одесского порта искусственно увеличивалась за счет севастопольского, николаевского, таганрогского и других черноморских портов (РГИА, ф. 1263, оп. 1, 1876, журнал № 159). *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- 49 Какой-либо записки, составленной Н. Н. Обручевым в марте 1876 г., исследователями не обнаружено. По-видимому, имеется в виду стратегическая записка «Соображения об обороне России», подготовленная Обручевым еще в январе 1873 г. См.: ОР РГБ, ф. 169, к. 37, д. 4, л. 1–33. Подробнее о записке см.: *Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России.* М., 1952. С. 280–288; *Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»:* Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 127–128. Впрочем, О. Р. Айрапетов на основании данной записки в дневнике Д. А. Милютина делает вывод, что «Обручевым была составлена соответствующая записка» и в марте 1876 г. (Там же. С. 142).
- 50 По-видимому, Милютин все же не удержался и записал на полях этой же страницы дневника некоторые детали из рассказа Александра II, однако потом зачеркнул написанное, густо замазав строки чернилами. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- 51 Кн. А. М. Горчаков 18 марта 1876 г. говорил П. А. Валуеву, «что при проезде гр. Шувалова через Берлин кн. Бисмарк поручил передать ему, кн. Горчакову, что Германия (или Пруссия) никогда не забудет 1866 и 1870 годов и что мы можем рассчитывать даже на немецкую армию (?) (против Австрии?) — в чем дает слово не канцлер, а кн. Бисмарк *comme gentilhomme* [как благородный человек, — *фр.*].» См.: *Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* Т. 2. М., 1961. С. 347. Подробнее о политике кн. О. фон Бисмарка см.: *Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза.* М., 1974. С. 35–80.
- 52 Ср. запись, сделанную П. А. Валуевым 18 марта 1876 г.: «...О гр. Шувалове кн. Горчаков сказал: “Il fait bien à Londres, et politiquement et socialement” [Он хорошо действует в Лондоне, и в политике, и в обществе, — *фр.*]. Думает ли он это? Сомневаюсь» (*Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* Т. 2. М., 1961. С. 347).

53 О газете «Русский мир» и ее выступлениях против Военного министерства подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 131–132.

54 В архиве Д. А. Милютин (ОР РГБ, ф. 169) данная записка Н. В. Исакова не сохранилась.

55 См.: В память Юрия Федоровича Самарина: Речи, произнесенные в Петербурге и в Москве по поводу его кончины. СПб., 1876.

А. И. Кошелев вспоминал: «...По случаю кончины Самарина едва ли не в первый раз общество живо высказало сочувствие к скончавшемуся общественному деятелю; а печать забыла прежние распри и разногласия и соединилась в воздаянии покойному заслуженной похвалы». См.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 гг.). М., 2002. С. 148–149.

По свидетельству кн. Д. А. Оболенского, «замеченное всеми отсутствие на похоронах в Москве генерал-губернатора получило значение манифестации, противной общему настроению» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 388).

«...Говорят, — писал Кошелев, — что он из Петербурга получил телеграмму, воспрещавшую ему быть на похоронах» (Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 148).

56 Обсуждение сокращенного законопроекта о найме рабочих возобновилось 29 марта, однако оно по-прежнему шло медленно и вызывало постоянные споры. «...Был в департаментах Государственного совета по делу о найме рабочих. Все та же Вавилонская башня. И это Совет! И это верхи русского государства! И эта бестолковая кутерьма называется обсуждением законов!», — 15 апреля восклицал в дневнике Валуев. Наконец, 22 апреля члены Государственного совета решили отложить обсуждение законопроекта до осени. Поводом послужило отсутствие статей о санкциях за нарушение договоров о найме, их разработка была передана в Министерство юстиции, которое представило свои предложения лишь весной 1879 г. См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 349–358, 507–508.

Законопроект вновь рассматривался Соединенными департаментами 23 февраля 1880 г., однако в сложившейся тогда обстановке введение рабочих книжек было признано несвоевременным (поскольку оно могло бы «вести к взаимному раздражению» и недоразумениям между рабочими и нанимателями), а при сохранении паспортной системы даже излишним. См.: РГИА, ф. 1143, оп. 9, 1880, д. 31, ч. 1–2.

«... Летом или осенью Государь повелел рассмотреть его в нынешнюю сессию, — писал 23 февраля 1880 г. Валуев о злополучном проекте. — Но, конечно, не до рассмотрения теперь. Нужно было придумать похоронный

прием. Он придуман. Вместо проекта, в итоге, предоставляется мини-страм двинуть его в раздробь, как то уже прежде было предложено». См.: *Валуев П. А. Дневник (1877–1884)*. Пг., 1919. С. 69–70.

57 Переписку Д. А. Милютина с А. Г. Жомини по этому вопросу и «Projet d'une Convention international concernant les lois et coutumes de la guerre. Principes généraux» см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 38, д. 3–4.

58 О деятельности И. К. Кишельского в 1875–1876 гг. подробнее см.: *Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах*. М., 1960. С. 288–290.

59 Студент-медик Павел Феоктистович Чернышев, организатор революционных кружков молодежи и участник «хождения в народ», был арестован за пропаганду среди крестьян Самарской губернии. Тяжелые условия заключения вызвали заболевание Чернышева туберкулезом. Будучи в безнадежном состоянии, он был выпущен из дома предварительного заключения на поруки за 2 недели до смерти. Умер Чернышев в Михайловской клинической больнице 26-го марта 1876 г. Похороны П. Ф. Чернышева 30 марта на Волковом кладбище превратились в крупную политическую демонстрацию. По донесению чинов с.-петербургской полиции, на Волковом кладбище присутствовало около 400 человек, причем ведущую роль играли студенты Медико-хирургической академии. По поводу смерти П. Ф. Чернышева поэтом и беллетристом Г. А. Мачтетом, близким к революционным кругам, было написано стихотворение «Последнее прости», вскоре ставшее популярной революционной песней «Замучен тяжелой неволей».

Материалы о похоронах П. Ф. Чернышева хранятся в фонде Д. А. Милютина (ОР РГБ, ф. 169, к. 40, д. 51–52). *Коммент. П. А. Зайончковского*.

60 10 апреля 1876 г. кн. А. М. Горчаков собрал представителей великих держав и от имени Александра II просил их правительства поддержать протесты русского посла в Константинополе против предполагаемого нападения Турции на Черногорию. Узнав о намерении Порты нанести превентивный удар по Черногории, Н. П. Игнатьев убедил иностранных послов отправиться к великому визирю Махмуд-паше с протестом против подобной меры. Султан уступил, заверив послов в своем миролюбии.

Подробнее см.: *Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование*. М., 2006. С. 661–662; *Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев*. М., 2004. С. 231.

61 По-видимому, речь идет о проекте меморандума, который был подготовлен кн. А. М. Горчаковым к встрече трех императоров в Берлине (АВПРИ, ф. Канцелярия, 1876, д. 86). Основная идея проекта сводилась к тому, чтобы принять требования восставших и предоставить Боснии

и Герцеговине широкую автономию. Подробнее см.: *Вяземская Е. К.* Вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. и российская дипломатия // Советское славяноведение. 1984. № 1. С. 21–26.

- 62 Германский и французский консулы в Салониках были убиты толпой фанатично настроенных мусульман. Поводом послужило бегство болгарской девушки, насильно обращенной в ислам, в американское консульство. В ответ мусульмане напали на консулов Германии и Франции, случайно проходивших мимо мечети. См.: *Теплов В.* Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе. СПб., 1897. С. 16–19.
- 63 «...На востоке дела идут плохо, — писал в дневнике 29 апреля 1876 г. вел. кн. Александр Александрович, — восстание христиан идет все дальше и больше; турки слабы, неэнергичны и их войска постоянно биты инсургентами. В Салониках чернь умертвила 2-х консулов: француза и немца и туда посланы военные суда всех наций... В Берлине темперь идет конференция и переговоры между Горчаковым, Бисмарком и Андраши. Каков будет результат увидим?! Я думаю, что никакого, потому что ни к чему иному прийти нельзя, как предоставить самим христианам разделаться с турками, а главное, на что надо настаивать, это чтобы никакая нация не вмешивалась в их дела, а потом уже вопрос выяснится сам по себе так или иначе. Я вполне уверен, что это единственный и лучший результат, который можно желать. Увидим» (ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 306, л. 98).
- 64 Кн. Е. Э. Трубецкая создала в начале 1870-х гг. в Париже (куда она вернулась в 1872 г.) влиятельный политический салон. Княгиня с давних пор поддерживала доверительные отношения с кн. А. М. Горчаковым и А. Л. Тьером, одновременно находясь в оживленной переписке с герцогами Брольо и Деказом, Л. Гамбетой, О. А. Новиковой и целым рядом европейских политических деятелей и дипломатов. Подробнее см.: *Манфред А. З.* Внешняя политика Франции 1871–1891 годов. М., 1952. С. 93–96, 113.
- 65 Выехав 27 апреля 1876 г. из Петербурга в Эмс, Александр II прибыл 29 апреля в Берлин. 29–30 апреля и 1 мая здесь проходили переговоры между кн. А. М. Горчаковым, кн. О. фон Бисмарком и гр. Д. Андраши. «...Замечательно то, — писал 11 мая Н. А. Киреев брату, — что Горчаков (по сведениям весьма верным) надеялся очень решительно действовать на конференциях, и Андраши, зная это вперед, сказал, что он ни на йоту не изменит того, что он сказал; после первого разговора все стали делать то, что Андраши захотел, и все от него остались в восторге». См.: Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 г. // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. М., 1968. С. 107.

Действительно, Андраши удалось снять вопрос о возможности предоставления Боснии и Герцеговине автономии. Результатом переговоров 1 (13) мая явился «Меморандум России, Германии и Австро-Венгрии по балканским делам». Фактически в нем шла речь о гарантиях реализации реформ, намеченных в «ноте Андраши» 18 (30) декабря 1875 г. (см. коммент. 30). Порте рекомендовалось приостановить на два месяца военные действия и вступить в прямые переговоры с «боснийскими и герцеговинскими делегатами на основе выраженных последними пожеланий». При этом «пожелания» повстанцев очерчивались достаточно скромно (возвращение и обеспечение беженцев под наблюдением консулов держав; распределение пособий турецким комиссаром под контролем комиссии, состоящей из местных мусульман и христиан под председательством герцеговинца-христианина; сохранение оружия у христиан; «успокоение умов» в Константинополе вплоть до применения военной силы). «...Если бы, — говорилось в заключении меморандума, — при доброжелательной и горячей поддержке великих держав и при помощи перемирия, на этих основаниях, могло бы быть достигнуто соглашение и немедленно проведено в жизнь путем возвращения беженцев и избрания смешанной комиссии, это явилось бы важным шагом по пути к умиротворению. Если бы, однако, срок перемирия истек, прежде чем усилия держав достигли намеченной цели, три императорские двора сочли бы необходимым подкрепить их дипломатическое выступление санкцией соглашения о принятии действительных мер, которых в таком случае требовало бы положение вещей в интересах всеобщего мира и ради предотвращения дальнейшего развития зла». Текст меморандума см.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 140–143.

В то же время в частных беседах Андраши удалось получить согласие Горчакова на аннексию Австро-Венгрией Боснийской Крайны в случае распада Османской империи. «Вполне достаточно для начала», — сообщал в Вену австрийский канцлер.

Берлинский меморандум был поддержан правительствами Франции и Италии, но отклонен Великобританией, не желавшей присоединиться к документу, выработанному без ее участия и признающему право держав вмешиваться во внутренние дела Турции. Кроме того, как сообщал гр. П. А. Шувалов, Б. Дизраэли прямо указывал на бесперспективность действий в духе ноты Андраши (АВПРИ, ф. Посольство в Лондоне, 1876, д. 425, л. 198–200). Из-за произошедшего 18 мая 1876 г. переворота в Константинополе и свержения султана Абдул-Азиса предъявление меморандума Порте было отложено, а после начала войны Турции с Сербией и Черногорией он уже утратил всякое практическое значение.

Подробнее см.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 662–667; Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.). М., 1986. С. 259–264; *Bridge F. R.* From Sadowa to Sarajevo: The Foreign Policy of Austria-Hungary (1866–1914). London, 1972. P. 394–396.

- ⁶⁶ Данной фразы в Берлинском меморандуме не было. См.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 140–143.
- ⁶⁷ В ночь с 17 (29) на 18 (30) мая 1876 г. заговорщики, среди которых видную роль играли так называемые новые османы во главе с Мидхат-пашой, низложили султана Абдул-Азиса. переворот был организован при участии английского посла Г.-Д. Эллиота. 23 мая (4 июня) свергнутый султан был убит (по официальной версии, в 1881 г. официально опровергнутой, он «в припадке ипохондрии ножницами открыл себе вены»). 25 мая (6 июня) Мидхат-паша стал председателем Государственного совета и приступил к подготовке конституционной реформы. Вскоре, во время совещания в доме Мидхат-паши, были убиты министры, возражавшие против введения конституции (в том числе – военный министр Хусейн-Авни).

В Петербурге к перевороту отнеслись сравнительно спокойно: «...Игнатъев писал с неделю тому назад, – отметил 18 мая в дневнике Валуев, – qu'Elliot conspirait manifestement avec les ministres dans l'intérêt de Mourad [что Эллиот, очевидно, секретно договорился с министрами в пользу Мурада, – *фр.*]. Так говорил сегодня Гирс...» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 365–367). «...Известие о свержении султана с престола было принято нашим Министерством иностранных дел довольно сочувственно, – писал 24 мая Д. А. Милютину начальник Главного штаба (временно замещавший его во главе министерства) гр. Ф. Л. Гейден. – Не знаю, какие имеют к тому основания: на мой взгляд, это может усложнить дело, особенно если это произошло от влияния Англии и под давлением фанатической партии. Но, быть может, это было предвидено Игнатъевым, и приняты меры к извлечению наилучших выгод от этого переворота. Во всяком случае, это отстраняет на какое-то время представление ноты турецкому правительству. Пройдет, вероятно, несколько недель, пока признают нового султана, а потом уже представят ноту. Приезжие из Константинополя рассказывают, что там совершеннейший хаос...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 60, д. 49, л. 1–2).

Между тем новое правительство Турции было настроено резко антирусски. Младотурки не скрывали ненависти к Игнатъеву, и обсуждали возможность его убийства.

О перевороте в Константинополе см.: *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958. С. 95–104; *Хевро-*

лина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 233–234.

⁶⁸ В мае 1876 г. В. С. Семека сообщил Д. А. Милютину телеграммы Международного телеграфного агентства и газетные известия из Константинополя. См.: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 6. СПб., 1911. С. 9–22.

О переговорах в Берлине см. коммент. 63.

⁶⁹ «...У нас в министерстве ничего нового нет, — сообщил 24 мая Д. А. Милютину Ф. Л. Гейден, — текущие дела идут своим ходом. Я посылаю ежедневно доклады к Цесаревичу; Его Высочество постоянно отказывает в выдаче прогонов отправляющимся в отпуск в Пятигорск и за границу. Два раза даже отказал самому себе, т. е. командиру Гвардейского корпуса в ходатайстве за двух офицеров...». Гейден извещал министра об отъезде К. П. фон Кауфмана в Ташкент (по дороге он собирался осмотреть земли, пожалованные ему в Уфимской губернии), а Н. А. Крыжановского — в Эмс. «...Кауфман-2 также уезжает на днях, — продолжал он. — Философов отправился в Казань, а Исаков — в разные губернии. Сегодня уезжает Тотлебен. Мещеринов также уволен в отпуск и уехал в Курск. Гвардейские офицеры массами уехали за границу, [уехал] и начальник 1-й гвардейской п[ехотной] д[ивизии] великий князь Владимир. Если за границею следят за нашим военным ведомством, то должны убедиться в совершенно миролюбивом нашем положении. Военный министр, два главнокомандующих, два командующих войсками и большая часть начальников главных управлений в отсутствии». Характерно и то, что, как признавался начальник Главного штаба (временно управляющий министерством), «теперь, кроме политических дел, нет ничего особенного, и я знаю их из газет, следовательно, ничего нового написать не могу». Письмо завершалось описанием погоды и домашних будней. И это при том, что по городу ходили слухи, будто военный министр срочно вызван в Эмс к императору, и Гейдена спрашивали, насколько это соответствует действительности (ОР РГБ, ф. 169, к. 60, л. 49, л. 1–6).

По поводу обращения военного министра Сербии Д. А. Милютин писал кн. А. М. Горчакову 4 июня 1876 г.: «...Я ответил Николичу, что, находясь здесь на отдыхе, я не могу ничего сделать другого, как препроводить его письмо к Вашей светлости для доклада Государю императору, потому о последствиях он узнает от Вас». Ответ Милютина Николичу и письмо к канцлеру см.: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 6. СПб., 1911. С. 22–23.

⁷⁰ 22 июня (4 июля) 1876 г. Александр II записал в памятной книжке: «лег в 1 телегр[амма] о первой победе Черняева над турками» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, л. 330, л. 60). Император, вероятно, ожидал в ближайшем

будущем новых побед. Между тем, положение ген.-м. М. Г. Черняева, вопреки воле императора тайно переехавшего 9 апреля через Румынскую границу и отправившегося в Сербию (согласно паспорту, он ехал в Палестину), 3 (15) мая принявшего сербское подданство и вскоре назначенного главнокомандующим сербской армии, оставалось по меньшей мере странным. «...Черняева хотели вернуть, потом хотели наказать, потом предоставили самому себе, потом предоставили ему вербовать офицеров, наконец, объявили здесь офицерам разрешение ехать к Черняеву, — писал 5 августа П. А. Валуев. — Все это в 6 недель» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 365).

- 71 Сербия объявила войну Турции 18 (30) июня 1876 г., Черногория — 15 (27) июня. Боевые действия начались 20 июня (2 июля) наступлением сербской армии, первоначально имевшей численное превосходство над противником (около 100 тыс. сербов против 80 тыс. турок). Однако фактически это было плохо вооруженное и почти необученное народное ополчение, тогда как им противостояли регулярные войска с новейшим стрелковым оружием и артиллерией, закупленными на Западе. Участие в войне нескольких тысяч русских добровольцев не могло изменить соотношения сил. Вскоре после первых успехов наступление сербов было остановлено, уже 28 июня Черняев отвел войска к границам Сербии, после чего инициатива перешла к туркам. В августе-сентябре сербская армия с трудом сдерживала атаки турок под Алексинацем. Черногорская армия насчитывала около 20 тыс. человек (с герцеговинскими отрядами — 26–28 тыс.), вооруженных преимущественно ружьями старого образца. Сосредоточение турецких сил в Герцеговине и Албании заставило кн. Николая отказаться от наступления и перейти к обороне и ведению партизанских действий, что позволило нанести туркам целый ряд ощутимых поражений. Осенью турецкие войска в Албании были разбиты. Но к этому времени продовольственные запасы и боеприпасы Черногории практически истощились. Подробнее см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 59–67.
- 72 Восстание в Болгарии началось в конце апреля 1876 г. и уже к началу июня было подавлено турками с крайней жестокостью. Тем не менее, судя по данной записи, у Д. А. Милютина оставалась надежда на возобновление восстания. Подробнее об апрельском восстании 1876 г. в Болгарии см.: *Митев Й.* Апрельское восстание и европейская общественность. София, 1976.
- 73 Свидание Александра II и Франца-Иосифа происходило 28-го июня (8 июля) 1876 г. в замке Рейхштадт, находившемся на территории Чехии и входившем в состав округа Рейхенберг (Либерец). Милютин в своем

дневнике, говоря об этом свидании, называет его то Рейхштадтским, то Рейхенбергским. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

74 Никакого протокола в Рейхштадте составлено не было. Устные договоренности, достигнутые Александром II и Францем-Иосифом, были затем изложены русскими дипломатами в форме журнала. В Вене был тогда же составлен «австрийский вариант» Рейхштадтского соглашения, на подлиннике которого сохранилась собственноручная помета Д. Андраши: «Записано тотчас же после Рейхштадта под мою диктовку Новиковым и сообщено русскому кабинету». Как русский, так и австрийский варианты Рейхштадтских соглашений см.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 144–148. Характерно, что Милютин рассматривал Рейхштадтские соглашения как продолжение берлинской встречи (отсюда упоминание о трех императорах).

Яркое описание встречи Александра II и Франца-Иосифа в Рейхштадте дал в своем письме к Д. А. Милютину русский военный агент в Вене Ф. А. Фельдман. «...Вчера утром я возвратился из Рейхштадта, куда я ездил в свите австрийского императора, — сообщил он 28 июня (10 июля) 1876 г., — результаты свидания будут Вам лучше известны, чем мне, а потому я ограничусь изложением одной внешней стороны встречи обоих монархов. Австрийским двором были сделаны большие приготовления для приема Государя императора, замок Рейхштадт, доставшийся недавно императору в наследство от Фердинанда, был наново отделан, а серебро, столовое белье и экипажи доставлены из Вены; вообще не пожалели денег, которые, однако, не вполне окупились, потому что гости провели в Рейхштадте всего 3 часа и, кажется, ничего не видели, кроме столовой. Государь император прибыл в Баденбах в 10 часов утра и был встречен императором Францем-Иосифом, а также местным военным и гражданским начальством. После обычных приветствий, австрийский император вместе со своею свитою (наш посол, гр. Андраши, 2 генерал-адъютанта и 2 флигель-адъютанта) сел на русский поезд, который отправился в *Bohm-Leira*, находящуюся в расстоянии $\frac{3}{4}$ часа от Баденбаха. Во время пути оба императора оставались одни, а кн. Горчаков с гр. Андраши и Е. П. Новиковым. В Лейпе Государя императора встретил наследный принц Рудольф и почетный караул под командою 20-летнего эрцгерцога Фридриха — племянника и наследника эрцгерцога Альбрехта. Из Лейпы императоры поехали в экипаже в Рейхштадт по довольно живописной дороге, густо усеянной народом; тотчас после их приезда, т. е. в 12 часов, подали обед, а по окончании оного императоры, в сопровождении обоих министров иностранных дел, удалились в соседнюю комнату для совещаний, продолжавшихся не более 20 минут. За сим все возвратились прежним путем в Баденбах, где произошло прощание. За обедом не было ни

речей, ни тостов. Не знаю, в какой мере Государь император остался доволен результатами свидания, но Франц-Иосиф был на возвратном пути в самом лучшем расположении духа; когда австрийский поезд тронулся из Баденбаха, император пригласил к себе нашего посла и высказал ему свое удовольствие по поводу совещаний, дорогою он в том же смысле говорил с депутатами, представлявшимися ему на разных станциях, и прибавлял, что возвращается в Вену вполне спокойным...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 76, д. 74, л. 1–3).

75 О передаче записки Р. А. Фадеева цесаревичу Д. А. Милютин знал от гр. Ф. Л. Гейдена, который писал ему 24 мая: «...В настоящее время находится здесь генерал Фадеев, который будто бы приехал сюда не более как на 10 дней. Его видели у Наследника Цесаревича, которому он подал довольно обширную меморию» (ОР РГБ, ф. 169, к. 60, д. 49, л. 1–2).

76 «...Видел военного министра, — записал 1 июля в дневнике П. А. Валуев, — только что вернувшегося из отпуска, и *horribile dictu* [страшно сказать, — *лат.*], почти два месяца ни о чем не осведомлявшегося и ничем не заботившегося. Он сообщил мне насчет степени подготовленности нашей армии сведения, подтвердившие мои по этому предмету предположения. В деньгах дело, но в других отношениях (кроме лошадей) мы можем быть готовы в три-четыре недели». здесь же Валуев давал свою оценку внешней политики: «Государь сказал мне, что в Рейхштадте положено теперь соблюдать невмешательство, но что впоследствии, конечно, может быть другое. Это “другое” кн. Горчаков разумеет в смысле *entente et action collective des grandes puissance* [соглашения и совместного действия великих держав, — *фр.*]. Жаль, что так не думали до Берлина. Кн. Горчакова я в первый раз нашел умственно ослабевшим. При разговоре с ним очевидно, что он не проводит межи между словами и делом, и даже слова считает эквивалентом дел. Он читал мне риторским тоном какое-то письмо к гр. Шувалову, которое, по мнению кн. Г[орчакова], должно было бы поставить английских министров в затруднительное положение, если бы оно было предъявлено парламенту. В этом письме ничего, кроме фраз, и притом уже избитых. Я заметил также, что кн. Горчаков особенно озабочен тем, что о нем скажет славянофильствующая публика, которую он считает Россией. *Un autre à ma place aurait passé pour tra tre* [Другого на моем месте сочли бы изменником, — *фр.*] и пр. Этою озабоченностью, параллельною с обязанностью исполнять волю государя, объясняются разные колебания, непоследовательности и неясности в нашей политике. Идеи государя и его канцлера вовсе не тождественны. Канцлер иногда уловляет государя фразами. Решительно и ясно очерченных тезисов нет. Результатом те противоречия, которые бросаются в глаза при сравнении слов государя, слов канцлера, его денеш, действий ген. Игнатьева в Кон-

стантинполе, действий Общества Красного Креста и разных полуподдерживаемых или одобряемых правительством манифестаций здесь и в Москве. Опасная игра. Кто знает наше положение, как я, к несчастью, его знаю, тот не может ни на мгновение поколебаться в убеждении, что нам вести войну не следует, что рисковать ею безумно, а вводить в заблуждение славянские племена надеждою на наше содействие — преступно. Вчера я опять был в Петергофе по случаю обычной прогулки институток и опять видел кн. Горчакова. Он мне показался несколько приостывшим по случаю приезда сербского агента, который просит 6 миллионов, предвзяря, что если мы их не дадим, то все движение *рухнет через 3 недели*. И на такой-то шаткой основе вертится дело! Кн. Горчаков нашел более удобным вовсе не принимать агента. “Je n'ai rien à lui dire, je l'ai fait adresser à Jomini” [«Мне нечего ему сказать, я велел направить его к Жомини», — *фр.*]. Но рядом с этим продолжают лотерейные надежды. “J'ai dit à l'empereur que d'ici à quelques semaines Tscherniaieff pouvait être un personnage historique” [«Я сказал государю, что Черняев может через несколько недель стать исторической личностью», — *фр.*]» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 373–375).

- 77 В своих воспоминаниях об «обстоятельствах, приведших к Восточной войне», М. Х. Рейтерн об этом эпизоде не упоминает. См.: Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 181–188.
- 78 По-видимому, речь идет о записке Р. А. Фадеева по восточному вопросу, переданной им товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу 28 мая 1876 г. Эта записка опубликована в «Особом прибавлении к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове», вып. 1, СПб., 1890. *Коммент. П. А. Зайончковского*.
- 79 О деятельности Р. А. Фадеева в Египте в 1875–1876 гг. см.: Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 88–93.
- 80 Имеется в виду книга А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время» (Т. 1–4. СПб., 1882).
- 81 «...Придворные увеселения и торжества не отвлекают нас от грустных впечатлений современной политики, — писал 17 июля Д. А. Милютин дочери Ольге. — Здесь только и разговоров, что о несчастных сербах, черногорцах и булгарах. Дело их в незавидном положении, хотя и турки не в блестящем. Поведение Англии возбуждает общее негодование. Надя писала, что она начала заниматься политикой: если читаете хотя бы Journal de SPb., то бесполезно мне писать вам о политических новостях. Мы переживаем критический момент исторический. Никто теперь не может предсказать, как разыграется эта современная драма...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 30, л. 20).

- 82 «...Я помню радость иных, когда было разрешено вступать в сербские добровольцы, — вспоминал гр. С. Д. Шереметев (в 1876 г. — адъютант вел. кн. Александра Александровича). — Этим решением, по мнению многих весьма справедливому, предreshалась война... Известие это сообщалось окружающим цесаревича с торжеством, как признак неизбежности войны» (Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 590–591).
- 83 Письмо Д. А. Милютина к кн. А. М. Горчакову по поводу статьи «Россия прежде и теперь» («Новое время», 1876 г., 29 июля, № 149) опубликовано в кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 314. Черновик см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 51, д. 107.
- 84 О «славянском движении» в России в 1875–1876 гг. подробнее см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960. С. 269–330; *Хевролина В. М.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопросы истории. 1978. № 9; *Нарочницкая Л. И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах (1875–1878 гг.). М., 1979.
- 85 29 августа 1876 г. Д. А. Милютин разослал из Ливадии командующим войсками Финляндского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Харьковского, Московского и Казанского военных округов, а также помощнику главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа Р. Г. Бистрому и наказному атаману Войска Донского секретный циркуляр, в котором указывалось на нежелательность увольнения офицеров в отставку для участия в боевых действиях на Балканах, поскольку число офицеров в армии «далеко не соответствует потребности военного времени». Циркуляр предписывал «сделать распоряжение, чтобы офицерам, подавшим прошения об отставке, отнюдь не позволять уезжать под видом отпуска прежде получения испрашиваемой отставки». См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 366.
- 86 В конце августа 1876 г., опасаясь обхода своей армии турецкими войсками, занявшими к этому времени Княжевац и Зайчар, М. Г. Черняев вынужден был оставить Алексинац, уступив туркам левый берег Моравы.
- 87 О болезни А. Л. Потапова см.: ГА РФ, ф. 109, I экзп., оп. 106, д. 615.
- 88 Замечания Д. А. Милютина вызвали болезненную реакцию в Главном артиллерийском управлении. Но, оправдываясь в своих письмах военному министру, А. А. Баранцов не мог отрицать неудовлетворительного положения дел. «...Прискорбно подумать, — признавался он, — что мои 20-летние усилия на службе артиллерии привели к такому плачевному результату, что в должный момент не оказывается артиллерии там именно, где она необходима...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 57, д. 19, л. 5–8). В Главном штабе, напротив, приветствовали вмешательство военного министра. «...С осо-

бенным удовольствием, — 19 сентября писал Милютину гр. Ф. Л. Гейден, — прочитал я Вашу инструкцию для приведения Керчи в оборонительное положение. Мастерски повернули Вы дело и разбудили всех как следует. Дай Бог, чтобы все поспело вовремя. Мне кажется, что Одессу не следовало вооружать пушками, а ограничиться укладкой только мин...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 60, д. 49, л. 13–14).

- ⁸⁹ Турецкие зверства во время подавления апрельского восстания в Болгарии вызвали бурную реакцию в английском обществе. Митинги не утихали несколько месяцев (известно не менее 500 собраний). Большой успех имела брошюра В. Гладстона «Ужасы в Болгарии и восточный вопрос», резко критиковавшая политику кабинета министров. В сентябре-декабре 1876 г. Форин офис получил около 6 тыс. различных заявлений с протестами против поддержки действий турок, последовали и запросы в Палате общин. В июле к лорду Э. Дерби обратились 40 парламентариев во главе с Д. Брайтом, представившие петицию с 470 подписями, требовавшую отказаться даже от моральной поддержки Турции. В результате Б. Дизраэли вынужден был 31 июля официально признать, «что все зверства в Болгарии, о которых говорили в Палате, действительно имели место» и «совершены одной стороной». 30 июля (11 августа) Дерби сообщил гр. П. А. Шувалову, что он обратился к Порте с «дружеской угрозой»: «Мы будем вынуждены, под влиянием негодования английской общественности, лишить Турцию своего покровительства, и в этом случае, если какая-либо держава, руководимая своими славянскими симпатиями, возьмется за оружие и вмешается во имя прекращения этих жестокостей, мы не воспротивимся». Соответствующие указания 22 августа получил и британский посол в Константинополе. В начале сентября Дизраэли решил, что совместного русско-австрийского вмешательства в турецкие дела избежать невозможно, и писал Дерби, что «благоразумно будет взять руководство этим делом в свои руки». С этим, видимо, и был связан предпринятый им зондаж.

Подробнее см.: Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.). М., 1986. С. 271–274, 296–297; *Shanon R. T. Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876*. London, 1963.

- ⁹⁰ Князь Милан был провозглашен королем 4 сентября в ставке М. Г. Черняева в Делиграде. Однако Милан отказался поддержать действия Черняева, понимая, что это вызовет недовольство великих держав.
- ⁹¹ Письмо Д. А. Милютина М. Х. Рейтерну 14 сентября 1876 г. опубликовано в кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 396 – 397.
- ⁹² Письмо Д. А. Милютина вел. кн. Михаилу Николаевичу 15 сентября 1876 г. опубликовано в кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 397–398.

- ⁹³ Неловкость вскоре обернулась скандалом. Возвращаясь из Ливадии, А. А. Пороховщиков нескромно рассказывал всем желающим самые фантастические подробности о своей аудиенции у императора, писал в разные города, принимал депутации на железной дороге, срывал оваии. При этом большая часть его рассказов (о критике министров, 3-го отделения, финансовой политики и т. д.) представляла собой откровенный вымысел. Н. В. Мезенцов даже предлагал освидетельствовать Пороховщикова на предмет психического расстройства, но за того вступился начальник Московского главного жандармского управления И. Л. Слезкин. Пороховщикову лишь объявили о «крайнем неудовольствии» императора (разумеется, установив за ним наружное наблюдение). «...Он врет и выдумывает такие вещи, о которых и намека не было, — сообщал Александр II Мезенцову в начале октября. — После моего разговора с ним я сказал к. Горчакову, который спрашивал меня о моем впечатлении, что я вижу в нем тип вряля москов[ского] Англ[ийского] клуба, который, не понимая ничего, судит и критикует все, считая себя умнее всех» (См.: ГА РФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 4, д. 464, л. 25–52).
- ⁹⁴ Вел. кн. Александр Александрович в то время находился в Царском Селе, куда переехал 7 сентября 1876 г. по возвращении из Варшавы, где он был вместе с императором. «Поселившись в милом Царском Селе, — писал он в дневнике в середине сентября, — мы начали ту спокойную и приятную жизнь, которую я так люблю осенью. Каждый день ездим с моими борзыми по окрестностям, и погода стояла отличная и теплая. Одно, что нарушает нашу спокойную дачную жизнь, это политические дела, которые все более и более начинают запутываться и грозят чем-то нехорошим. Что из этого выйдет, увидим. Дай Бог благополучно выйти из этого тяжелого для России положения. Вся Россия говорит о войне и желает ее и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае она будет одной из самых популярных войн и вся Россия ей сочувствует. От папа ничего особенного я не получал». 21 сентября (в день рождения вел. кн. Павла Александровича) цесаревич получил от императора телеграмму: «По важности теперешних политических обстоятельств жду тебя немедленно сюда». «...Вот неожиданный сюрприз, — отметил он в дневнике. — Мини была очень расстроена этой новостью». Цесаревич отменил охоту, назначенную в Ропше, куда уже он собирался ехать, и 22 сентября отправился в Крым (см.: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 306, л. 117–118).
- ⁹⁵ Письмо Александра II и ответ Франца-Иосифа опубликованы в кн.: *Gorainov S. La question d'Orient à la veille du traité de Berlin (1870–1876)*. Paris, 1948. P. 123–134.
- ⁹⁶ В Главном штабе подготовка к войне заметно активизировалась после

письма, отправленного Д. А. Милютиним гр. Ф. Л. Гейдену 3 сентября. 8 сентября Ф. Л. Гейден, М. П. фон Кауфман и А. А. Якимович наметили в Варшавском, Киевском и Одесском военных округах «пункты, где бы следовало заготовить жизненные припасы». 19 сентября Гейден уточнил эти предварительные соображения и изложил свой взгляд на предстоящую кампанию: «...При более внимательном обсуждении я пришел к заключению, что в случае войны с Австриею главная наша армия должна действовать из Царства Польского, для чего нужно будет собрать там вместо 15 гораздо более пехотных дивизий, т. е. сколь возможно, примерно 25. Затем действия могут быть или по левому берегу Вислы, либо по правому (последнее осторожнее). Во всяком случае запасы продовольствия в Варшаве, Бресте, Замостье и Петрокове выбраны верно. База наша будет Варшава — Брест. Что же касается Юго-Западного края, где действия будут второстепенные, я полагаю единственно возможным путем направление на броды, а потому запасы продовольствия должны быть на Киево-Брестской железной дороге в Дубне и Киеве. Какой бы план действий не был избран, мне кажется необходимым устранить заранее два моста на Висле, один между Варшавою и Ивангородом, и другой, самый важный, между Ивангородом и границею; точно также необходимо устроить хорошую переправу на Буге в Устилуге...». «...Теперь, слава Богу, мы знаем, что и как делать, — сообщал Гейден 26 сентября. — Сегодня же будет сообщено министрам финансов и внутренних дел о предварительных распоряжениях, а также командующим войсками. Надеюсь, что все пойдет как следует, если местные органы будут действовать, как предписано. Генерал-лейтенант Обручев только что вернулся, и он отправится к вам завтра. Не мешало бы нам знать, какие дивизии пойдут на Дунай и в какие пункты сосредоточить войска Харьковского округа. Генералу Кауфману нужно бы также знать, в каких пунктах Киевского округа заготовить провиант и фураж. Лучше заранее все определить, и затем действовать спокойно. Впрочем, могу сказать, что у нас никакой суеты нет, но работаем много. Дай Бог успеха и Государю и Вам здоровья. Тяжелое время, надо надеяться, что если будет кампания, то мы не будем терять времени, а то будут только расходы и болезни...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 60, д. 49, л. 7–8, 13–16).

⁹⁷ Имеется в виду книга «Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 годов: Сочинение графа Мольтке: С немецкого перевел Н. Шильдер». Т. 1. СПб., 1876.

⁹⁸ О внешней политике Румынии в 1876 г. подробнее см.: Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.). М., 1986. С. 314–320; *Залышкин М. М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875–1878 гг. М., 1974.

99 См.: Приложение I настоящего издания.

100 См. Приложение II настоящего издания.

«... Государь меня тотчас принял, — 12 октября вспоминал М. Х. Рейтерн о своем пребывании в Ливадии, — и сказал мне, что, несмотря на его желание кончить дело мирным путем, это по всему вероятно не удастся, и что следует готовить средства для войны. Я начал было объяснять трудность вообще и в особенности в год, экономически неблагоприятный. Государь, против своего обыкновения, меня прервал словами, что нечего делать, приказал переговорить с другими и затем доложить ему. Из “других” я нашел князя Горчакова весьма воинственным, Милютина крайне озабоченным трудностями зимнего похода, графа Адлерберга весьма благоразумным, но сдержанным. Игнатьев говорил много, не всегда одинаково, но кажется клонился к войне. Общая атмосфера Ливадии была крайне воинственна. Тогда я счел своим долгом изложить письменно и представить Государю (3-го октября) свое убеждение, хотя и предвидел, что оно едва ли будет разделяемо. После обеда Государь меня подозвал и сказал мне с недовольным видом: “Твоя записка на меня произвела самое грустное впечатление, мы об ней переговорим завтра в совещании”. Зная, что на другой день предстоит мне выдержать неприятную сцену, я дал себе слово, чего бы ни было, не горячиться и не отказываться от своих убеждений. На другой день собрались у Государя: Наследник, Горчаков, Милютин, Адлерберг, Игнатьев и я. Записку мою, как оказалось, кроме Государя читал один Наследник. Государь сказал, что записка произвела на него самое грустное впечатление, что я порицаю все реформы его царствования, доказывая, что эти реформы ослабили Россию; что я вовсе не указываю на средства для ведения войны и предлагаю унижить Россию. Что этого ни он, ни сын его не допустят. На это я сказал, что на реформы, составляющие славу царствования Е. В., я положил не мало своего труда и даже своей инициативы и что считаю за величайшую честь и счастье. что мог это сделать; что реформы эти вызвали экономическое развитие, которое будет остановлено войною и что разорение будет громадное потому, что много начато и ничего еще не окрепло. О средствах к войне, я повторил вкратце сказанное в записке. На это мне Государь сказал: «Средства есть, но надобно уметь и хотеть их достать». За сим перешли к другим занятиям и в этом заседании было решено послать Игнатьева в Константинополь, мобилизовать часть армии 1-го ноября, а в начале декабря перейти границу, если на конференции не примут наших требований. После обеда Государь сказал мне несколько милостивых слов, и я отправился в СПб». См.: *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 158–159.

¹⁰¹ «Мобилизация решена в совете у Государя 4-го октября, — вспоминал в сентябре 1877 г. М. Х. Рейтерн, — произвести ее тогда же предполагалось 1-го ноября, с тем, чтобы быть готовым перейти границу в декабре. На замечание, что едва ли удобно начать войну в такое время года, отвечали, что напротив, зимою нет лихорадок и т.п. На поверку, однако, оказалось, что в декабре была в Бессарабии такая распутица, что поход был бы крайне затруднителен. Меру эту я считаю роковою. В дипломатическом отношении она окончательно закрыла возможность компромисса. В финансовом она имела последствием бесполезное израсходование 100 м. р. на содержание армии на военной ноге в течение шести месяцев и на столько уменьшила средства для ведения войны; наконец, в военном отношении это было предостережение, данное Турции, чтобы она готовилась к отпору на Дунае. Мы имели две выгоды перед Турциею: организацию, позволяющую скорее привести армию на военную ногу и железные дороги, дающие возможность скорее ее подвести к границе. От этих двух выгод мы без всякой пользы отказались. Если бы произвести мобилизацию с половины марта до половины апреля и тотчас перейти границу, то турки при их беспечности были бы взяты врасплох и едва ли бы имели в Болгарии превосходные силы, как теперь оказалось». См.: *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 186–187.

С мобилизацией торопил Главный штаб. «...Из представленной Вам таблицы по Главному штабу, — еще 13 сентября 1876 г. писал Д. А. Милютину гр. Ф. Л. Гейден, — Вы изволили, конечно, усмотреть, что сроки мобилизации и сроки перевозки войск довольно удовлетворительны, но осень уже наступила, а в декабре месяце перевозить войска в неотапленных вагонах будет неудобно, а в отапленных — может задержать перевозку, по неимению достаточного числа таковых. По Главному штабу нужно еще иметь в готовности списки личного состава новых управлений, что мною и сделано, но не полагаете ли нужным ныне же представить доклад о назначении корпусных командиров и начальников штабов с тем, чтобы по получении повеления о мобилизации, был уже готов и приказ о новых назначениях» (ОР РГБ, ф. 169, к. 60, д. 49, л. 9–10).

¹⁰² Письма А. А. Баранцова и гр. Ф. Л. Гейдена об укреплении черноморского побережья см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 57, д. 19, л. 9–17; к. 60, д. 49, л. 7–8.

¹⁰³ О деятельности Р. А. Фадеева по формированию болгарского ополчения см.: *Кузнецов О. В.* Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 95–100.

^{103а} Письмо и записку Христо Сербинова Врето Д. А. Милютину см.: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 6. СПб., 1911. С. 43–44.

¹⁰⁴ Еще 16 (28) октября 1876 г. Н. К. Гирс сообщил кн. А. М. Горчакову телеграмму министра иностранных дел Сербии И. Ристича: «...Признаем крайне необходимым неотложно заключить перемирие во что бы то ни стало... Медленность в этом отношении будет для нас гибельна! Действуйте и доведите об этом до сведения императора и канцлера». 17 (29) октября турецкая армия прорвала сербские позиции у селения Джунис (в 180 км от Белграда). Путь на Белград был открыт. 18 (30) октября Ристич телеграфировал: «Отечество в величайшей опасности, если перемирие не последует в течение 24 часов, турки, опустошив все в десять дней, возьмут и сам Белград... Необходимо остановить неприятельские действия, иначе катастрофа неизбежна. Не теряйте ни минуты». См.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах (1875–1878). М., 1978. С. 175–177.

В своих записках Н. П. Игнатъев утверждал, что добился от султана заключения перемирия еще 18 октября 1876 г., а телеграмму с ультиматумом получил лишь в ночь с 18-го на 19-е. Проверить это так же сложно, как и положиться на слова Игнатъева. См.: *Игнатъев Н. П.* Записки // Исторический вестник. 1914. № 5. С. 449.

¹⁰⁵ «...Князь Горчаков... миролюбив, — писал М. Х. Рейтерн. — В течение 20-ти лет в его политические соображения никогда не входила мысль об употреблении оружия... Но князь Горчаков самолюбив; удачно сказанное слово он считает успехом...». *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 181. Характерно, что объявление русского ультиматума Турции пришлось на 19 октября — памятную для Горчакова годовщину Царскосельского лица.

¹⁰⁶ «...В январе, — писал в сентябре 1876 г. И. С. Аксакову М. Г. Черняев, — меня призывали в III отделение и именем государя объявили, чтобы я не смел ехать к герцеговинским разбойникам. По уверению Потапова, это подлинные слова Государя...». Черняев ехал в Сербию через третьеклассную таможенную, опасаясь попасть в руки жандармов (ОР РНБ, ф. 14, д. 387, л. 20).

¹⁰⁷ О миссии Б. Вердера подробнее см.: *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 67–74.

¹⁰⁸ Имеются в виду деятели Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков, Пороховщиков и др. Московский славянский комитет, так же как и другие славянские комитеты, стоял на позициях реакционного великодержавного панславизма. Однако объективно деятельность этих комитетов в период балканского кризиса имела большое положительное значение — через комитеты русский народ оказывал свою помощь братским славянским народам в их борьбе за освобождение от турецкого ига. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

- ¹⁰⁹ «Благодарю вас, господа, — заявил император Александр II, — за чувства, которые вы желаете мне выразить по случаю настоящих политических обстоятельств. Они теперь более разъяснились, и потому я готов принять ваш адрес с удовольствием. Вам уже известно, что Турция покорилась моим требованиям о немедленном заключении перемирия, чтобы положить конец бесполезной резне в Сербии и Черногории. Черногорцы показали себя в этой неравной борьбе, как всегда, истинными героями. К сожалению, нельзя того же сказать про сербов, несмотря на присутствие в их рядах наших добровольцев, из коих многие поплатились кровью за славянское дело. Я знаю, что вся Россия, вместе со мною принимает живейшее участие в страданиях наших братьев по вере и по происхождению; но для меня истинные интересы России дороже всего, и я желал бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вот почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирным путем действительного улучшения быта всех христиан, населяющих Балканский полуостров. На днях должны начаться совещания в Константинополе между представителями шести великих держав для определения мирных условий. Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Ежели же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту это нужным, и честь России того требует, уверен также, что Москва, как всегда, подаст в том пример. Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание!» (*Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 687–688).
- ¹¹⁰ Письмо кн. В. А. Черкасского Д. А. Милютину см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 77, д. 40, л. 2–3.
- ¹¹¹ О деятельности Московского славянского комитета подробнее см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.
- ¹¹² Циркулярная депеша государственного канцлера кн. Горчакова представителям России при иностранных державах опубликована в «Правительственном вестнике» 2 ноября 1876 г. № 244. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- ¹¹³ Политическая и военная конвенция между Румынией и Россией были подписаны лишь 4 (16) апреля 1877 г.
- ¹¹⁴ Фактически это был ответ на воинственную программную речь, произнесенную Б. Дизраэли 28 октября 1876 г. в Гильдголе. Настаивая на том, что Константинопольская конференция должна укрепить «начало целостности и независимости Оттоманской империи», Дизраэли заявил: «...Мир составляет сущность политики Англии, но если Англия хочет мира, то ни

одна держава лучше ее не приготовлена к войне, и если Англия решится на войну, то только за правое дело, и, конечно, не прекратит ее, пока право не восторжествует» (*Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 687).

- 115 Имеются в виду военная конвенция с Германией, заключенная 24 апреля (6 мая) 1873 г., и военная конвенция с Австро-Венгрией — 25 мая (6 июня) того же года. Обе конвенции опубликованы в журнале «Красный архив» (№ 1, 1922 г.). *Коммент. П. А. Зайончковского.* См. также: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 124–128.
- 116 К этому начал склоняться в конце 1876 г. и Александр II. См.: *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн. Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 168.
- 117 Речь идет об известной революционной демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 г., в которой принимал участие Г. В. Плеханов, произнесший речь, направленную против самодержавия. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- В архиве Д. А. Милютина сохранились: «Список лиц, арестованных в декабре 1876 г.» и «Список лиц, назвавшихся студентами Медико-хирургической академии и женских врачебных курсов, арестованных 6 декабря» (ОР РГБ, ф. 169, к. 41, д. 8–9).
- 118 О ходе и решениях Константинопольской конференции подробнее см.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 691–696; *Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.).* М., 1986. С. 303–308; *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 239–246.
- 119 Эта секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией была подписана 3 (15) января 1877 г. в Будапеште. Она должна была обеспечить России благожелательное отношение со стороны Австро-Венгрии на случай русско-турецкой войны. Текст конвенции опубликован в журнале «Красный архив» (№ 1, 1922 г.) *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- 120 О первой турецкой конституции и ее провозглашении см.: *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958; *Он же.* Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 81–96.
- 121 О позиции министра финансов см.: *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 169–170; *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского.* СПб., 2005. С. 404–408.
- 122 См. Приложение III настоящего издания.

- ¹²³ Наследник престола Алескандр Александрович оказывал активную поддержку деятельности славянских комитетов. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- ¹²⁴ Письмо Д. А. Милютина к А. А. Непокойчицкому см.: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 6. СПб., 1911. С. 172–175.
- ¹²⁵ См. коммент. 73.
- ¹²⁶ Переговоры велись только с Сербией. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
Подробнее см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 67–70.
- ¹²⁷ Зимой 1876/77 гг. кн. О. Бисмарк всячески подталкивал Россию к решительным действиям. «...Теперь Россия должна действовать, — внушал он в декабре П. П. Убри. — Нельзя допустить, чтобы сказали, что она отступила перед турками... Что будет, если Россия не извлечет меча? Это отразится на внутреннем положении, потому что вопрос касается народной чести, и страна дорожит и имеет полное право дорожить законными своими преданиями. Она, конечно, примет всякое решение императора. В первый месяц его еще не будут осуждать, но вскоре посыплются насмешки и колкости, которые уронят правительство в общественном уважении. Это вызовет внутри страны положение беспокойное, и я первый буду скорбеть о том, потому что желаю видеть Россию довольною, не хочу, в интересах Европы, чтобы страна в 70 миллионов жителей являлась недовольною и оскорбленною. Я постоянно твержу императору: России нужно несколько бунчуков и победная пальба в Москве. Помоему, это необходимо... Политическое положение для вас благоприятно. Державы материка не могут вас стеснить. Со времени вашей сделки за вас стоит Австрия, а также и Германия, которая ради этой сделки может быть вам еще более полезною... Франция не должна внушать вам опасений. Даже Англия не выкажет вам враждебности ввиду такого поведения континентальных держав». «...Россия всегда была нашим искренним другом, — уверял Бисмарк Убри. — В продолжении минувших десяти лет дружественное расположение ее облегчило нам нашу политическую роль и наши успехи. Германия обязана принять это в расчет и облегчить ныне России политику ее и требования в национальном и народном вопросе. Вот почему я хочу, чтобы вы имели успех, чтобы восторжествовала ваша политика. Я хочу, чтобы Германия выплатила вам свой долг и чтобы у вас не могли сожалеть о содействии, оказанном вами в утверждении нынешнего нашего положения». При этом Бисмарк советовал не останавливаться перед неизбежными человеческими и материальными жертвами и всячески подчеркивал, что говорит «так, как если бы сам был русский»,

тогда как, оставаясь немцем, он может «лишь желать мира, более выгодного для нашей торговли и для экономического положения Германии, чем выигранное вами сражение». Зная о переговорах между Веной и Петербургом, Бисмарк несколько раз заявлял, что не станет поддерживать Австро-Венгрию, если она будет действовать враждебно по отношению к России и не выполнит своих обязательств (вместе с тем он оговаривал необходимость после войны «дать какое-нибудь удовлетворение, хорошее или дурное, также и Австрии»). Это не мешало Бисмарку предостерегать австрийцев от возможного нападения со стороны России (еще осенью 1876 г. он сообщил барону Мюнху о конфиденциальном запросе, сделанном Александром II через ген. Б. Вердера о том, останется ли Германия нейтральной в случае войны между Россией и Австрией. В январе 1877 г. Бисмарк все чаще рассуждал с Убри о последствиях неудачного исхода Константинопольской конференции, высказываясь в пользу совместного австро-русского вооруженного выступления и советуя заранее договориться с Румынией (впрочем, по мнению Бисмарка, особо считаться с нею не следовало: германский канцлер даже не настаивал на сохранении румынского престола за принцем Карлом). Подробнее см.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 696–709.

Подталкивая Россию к войне с Турцией, Бисмарк одновременно побуждал Англию к овладению Египтом. Тем временем в январе 1877 г. в немецкой печати началась кампания против Франции, а германские офицеры заговорили о предстоящей войне.

См.: *Манфред А. З.* Внешняя политика Франции 1871–1891 годов. М., 1952. С. 197–203; *Виноградов В. Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Новая и новейшая история. 1978. № 3. С. 117–118.

¹²⁸ О перевороте в Константинополе и падении Мидхат-паши подробнее см.: *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958; *Devereux R.* The first Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1963.

¹²⁹ Женские врачебные курсы были открыты при Медико-хирургической академии в 1872 г. по инициативе главного военно-медицинского инспектора Н. И. Козлова и профессоров Н. Ф. Здекауэра и А. Я. Красовского. Первоначально они предназначались для подготовки специалистов по акушерству, женским и детским болезням, но уже с 1875 г. давали полное медицинское образование. С 1877 г. слушательницам курсов, выдержавшим экзамен, присваивалось звание женщины-врача. В 1872–1881 гг. на курсах обучалось 959 слушательниц и было выпущено свыше 600 женщин-врачей. Подавляющее большинство слуша-

тельниц составляли девушки православного (реже — иудейского, католического или лютеранского) вероисповедания из привилегированных сословий, с гимназическим или институтским образованием. В 1881 г. курсы были закрыты. Подробнее см.: *Сущинский П.* Женщина-врач в России. СПб., 1883.

¹³⁰ 29 января 1827 г. при Морском кадетском корпусе был создан двухлетний (затем — трехлетний) офицерский класс, преобразованный в 1862 г. в «академический курс морских наук» с двухгодичным обучением и тремя отделениями (гидрографическим, кораблестроительным и механическим). Для зачисления на курс требовалось не менее двух лет прослужить в офицерских чинах в морском ведомстве. В 1877 г. курс переименован в Николаевскую морскую академию.

¹³¹ По-видимому, имеется в виду так называемая «карлистская война» в Испании в 1872–1876 гг., в ходе которой сторонники дона Карлоса Младшего боролись за его права на престол.

¹³² Записки «Наше военное положение в настоящее время» и «О чрезвычайных расходах по военным обстоятельствам» см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 37, ед. хр. 9, л. 1–11. Записку «Наше политическое положение в настоящее время» см.: Приложение IV. Характерно, что П. А. Валуев предполагал, будто записка о «политическом положении» России была написана при участии кн. В. А. Черкасского. См.: *Валуев П. А.* Дневник (1877–1884). Пг., 1919. С. 6.

¹³³ «...В 1 ч. к Государю на совещание, — записал 8 февраля в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — теперь на очереди самый важный вопрос, быть ли миру или войне, при видимом нежелании Европы что-либо делать. Горчаков сильно говорил за мир и читал записку, которая, однако, делает предложения недостаточно практические. Рейтерн очень толково и интересно, и дельно говорил за мир с точки зрения финансовой и экономической. Милютин читал длинную записку, которая начиналась за мир, а кончилась за войну. Игнатьев говорил конфузно и неубедительно. Я слушал и на этот раз ничего не говорил. Государь кончил заседание в 1/2 3, отложивши дальнейшие суждения до [субботы]. Итак, ничего пока не решено, но я все-таки имею теперь надежды на мир» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 112, л. 63).

¹³⁴ «...Сегодня утром, — записал П. А. Валуев в своем дневнике 11 февраля 1877 г., — государь прислал за мною. Он желал переговорить о записке военного министра и начал с того, что он разделяет его мнение. Я попросил дозволения мыслить вслух, и начав с того, что, если бы собрать в каком-нибудь иностранном посольстве всех явных или полуявных недругов России и спросить их, желают ли они, чтобы государь решился на войну, — то они ответили бы утвердительно, — а если бы затем со-

брать где-нибудь корреспондентов “Набата” и “Вперед”, — и спросить их о том же, — то и они дали бы такой ответ. Затем я старался изложить один за другим все аргументы в смысле необъявления ультиматума и войны, которые мне казались наиболее убедительными — от двуличия германских держав до вопроса, мог ли государь решиться из-за подданных султана объявить войну и решиться принести в жертву, быть может, 50 тысяч человек из своей армии? Разговор почти все время происходил на французском языке, потому что государь на этом языке его начал. Мне казалось, что он подавался; по крайней мере, он меня весьма терпеливо выслушивал. Между прочим он сообщил, что кн. Бисмарк предлагал Англии союз против Франции (?), и что это предложение произвело такое впечатление, что лорд Биконсфилд сказал гр. Шувалову, что он готов построить для России не только un pont d'or [золотой мост], но un pont de diamants et rubis [мост из бриллиантов и рубинов], чтобы она могла выйти из затруднения. Государь меня отпустил, сказав, что завтра обсуждение продолжится. От него я поехал к Рейтерну, и затем, по его желанию, к кн. Горчакову. Сей последний положительно надтреснут... Ко мне заходил Тимашев. Он также будет завтра во дворце, — и был “bouillonnant” [кипуч, — фр.]. Рано». См.: *Валуев П. А. Дневник (1877–1884)*. Пг., 1919. С. 6–7.

- ¹³⁵ Записка ген.-ад. Н. П. Игнатьева «О мерах, которые следует принять для понуждения Турции к исполнению наших требований» от 12 февраля 1877 г. опубликована в «Особом прибавлении к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове», вып. 1. СПб., 1899. *Коммент. П. А. Зайончковского*.

Подробнее о ней см.: *Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев*. М., 2004. С. 246–247. Записки М. Х. Рейтерна и Н. П. Игнатьева см.: Приложение V.

- ¹³⁶ Другим участникам совещания его итог виделся несколько иначе. «Утром совещание у государя, — записал 12 февраля в дневнике П. А. Валуев. — *Prise de bec* [перебранка] кн. Горчакова с Игнатьевым, совершенно неосновательная со стороны князя и остановленная государем. Игнатьев читал записку. Результат, пока выжидание — + —. Насколько могу судить, мои предчувствия сбываются. «Предчувствия» у Валуева были тогда самые мрачные. См.: *Валуев П. А. Дневник (1877–1884)*. Пг., 1919. С. 7.

Как отметил в дневнике вел. кн. Константин Николаевич, «государь, к моему великому удивлению, был несколько более в воинственном расположении, чем обыкновенно, и объявил, что он совершенно согласен с Милютиным». Тем не менее, по мнению великого князя, «заседание осталось без всякого результата» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 112, л. 66). См. также: *Валуев П. А. Дневник (1877–1884)*. Пг., 1919. С. 6–7.

- ¹³⁷ Речь идет о поездке Игнатъева с целью подписания протокола Константинопольской конференции. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
Подробнее см.: Поездка гр. Н. П. Игнатъева по европейским столицам перед войной 1877–1878 гг. СПб., 1914.
- ¹³⁸ Подробнее о позиции Великобритании в феврале 1877 г. и переговорах П. А. Шувалова с Б. Дизраэли см.: Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.). М., 1986. С. 308–310; *Виноградов В. Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Новая и новейшая история. 1978. № 2. С. 108–119; № 3. С. 104–123.
- ¹³⁹ Имеется в виду так называемый «Процесс 50-ти» по делу народнической «Всероссийской социально-революционной организации», возникшей в Москве в конце 1874 г. и просуществовавшей до апреля 1875 г. На этом процессе один из членов организации ткач Петр Алексеев произнес знаменитую речь, направленную против самодержавия; в ней указывалось на руководящую роль рабочего класса в дальнейшей революционной борьбе. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- ¹⁴⁰ Речь идет о ратификации Будапештской конвенции, подписанной 3 (15) января 1877 года. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
6 (18) марта 1877 г. гр. Д. Андранши и Е. П. Новиков подписали дополнение к Будапештской конвенции, в котором подтверждалось право России на возвращение Южной Бессарабии, а Австро-Венгрии — на оккупацию Боснии и Герцеговины. Официально «дополнительная конвенция», так же, как и основная, была помечена 3 (15) января. См.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 153–155.
- ¹⁴¹ Сербия заключила мир с Турцией 16 (28) февраля 1877 г., согласившись на возвращение к двоенному положению.
- ¹⁴² В турецкую Палату депутатов было избрано 119 человек, в том числе 71 мусульманин (в основном, отставные чиновники, улемы, землевладельцы и торговцы). Среди депутатов-немусульман были греки, армяне, евреи, болгары, сербы, босняки, арабы, курды. Поименный список см.: *Devereux R.* The first Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1963. P. 261–275. В целом депутаты были лояльны султану, однако критиковали систему управления и судопроизводства, злоупотребления чиновников и проч. 28 июня сессия была закрыта.
- ¹⁴³ Император, по-видимому, придавал достигнутым соглашениям большее значение. В эти же дни, как писал в дневнике А. А. Половцов, С. А. Грейг предлагал отправить в армию чиновников Государственного контроля для наблюдения за военными расходами. «Pourquoi faites vous cela, mon cher [Почему Вы это делаете, дорогой мой, — *фр.*], — сказал ему Государь, — ты знаешь, что на днях войска будут распушены, что мне удалось

отвратить войну, которой я никогда не желал» (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13, л. 41).

¹⁴⁴ Речь Аксакова, произнесенная 6 марта в Московском славянском благотворительной комитете, опубликована в сборнике статей И. С. Аксакова «Славянский вопрос 1860–1886». М., 1886. *Коммент. П. А. Зайончковского*. 24 марта 1877 г. кн. В. А. Черкасский писал И. С. Аксакову: «...Вам следует скорее и безвозвратно ликвидировать теперь Вашу политическую роль» (Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1968. С. 162).

¹⁴⁵ Записку А. А. Половцова см.: ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 653, л. 1–24 (автограф). В своей записке, составленной 20 декабря 1876 г. и получившей распространение в начале 1877 г. сенатор А. А. Половцов указывал на «обязанность призадуматься» над последними событиями, связанными со славянским движением. Говоря о восстании славян, Половцов признавал, что «сочувствие могло и должно было его встретить»; он отдавал должное и героизму «бескорыстных служителей святого дела» (отмечая, впрочем, «неудовлетворительность большого числа» добровольцев). «...Но какой политический смысл этого сочувствия, какими оно должно сопровождаться последствиями — вот вопросы, которые, без сомнения, следовало разрешить прежде, чем действовать», — считал сенатор. Поставив эти вопросы, он с жаром обрушивался на «проповедников» освобождения. Для них, по мнению Половцова, «достижение целей личных почти не переставало стоять на первом плане». «...Самолюбие, жажда популярности, интерес слова, связанного с кровью, ненависть к порядку, наконец, простая прибыль в деньгах или авторитете, все это, — писал Александр Александрович, — сливалось в один громкий хор с братолюбивым шепотом и крайне себялюбивым напевом. Журналисты, комитеты, говоруны всякого рода разом очутились повышенными в чине, если они не достигали еще “генерала от революции” то, во всяком случае, сделались командующими движения людей и денег». В результате, по словам Половцова, дело дошло до ультиматума, мобилизации и «приказания министру финансов найти средства для ведения войны, которой будто бы требовала честь оскорбленного отечества».

Последствия вмешательства в балканский конфликт описывались в записке Половцова весьма драматично: «...Петербургские министры после дачного сезона или заграничного отдохновения услышали, что России угрожает бедствие, железные дороги остановили движение в ожидании появления войск, курс и фонды упали донельзя, крайние финансовые меры приняты без законодательного обсуждения, торговля остановилась, бедному богатству страны нанесен тяжелый удар». «...Все жалуются, — утверждал Половцов, — все ждут чего-то еще горшего». Од-

нако сенатор уходил от скользкого вопроса, должна ли Россия воевать, и выдвигал другой. Подчеркивая, что «ничего нового, непредвиденного не произошло», так как состояние Турции и интересы держав в «восточном вопросе» давно известны, он задавался вопросом: «Почему же мы были захвачены врасплох?». Причину этого Половцов усматривает в том, что важнейшие государственные вопросы не находят в правительственных сферах правильного всестороннего обсуждения. В подтверждение этого в записке давалась резкая, почти уничтожительная характеристика деятельности Государственного совета, Совета и Комитета министров, Сената, из чего делался напрашивавшийся вывод о необходимости преобразования высших государственных учреждений. При этом Половцов сразу же оговаривался, что не принадлежит к числу тех, кто полагает, будто «конституционные формы составляют всемогущее средство для исцеления каких бы то ни было правительственных болезней». В «конституции» он видел «редкое растение», которое «веками выросло на своеобразной английской почве» и не пригодно для другой. «...Созданные сегодня, палаты русских пэров или общин позабавили бы на некоторое время любителей праздных зрелищ, — полагал Половцов, — но, конечно, не обогатили бы порядком и мудростью правильный ход государственного управления». «...Законодательная инициатива, охрана против административного произвола — вот цели, указываемые составителями конституций, — считал сенатор. — Эти же цели могут быть преследуемы и нашими отечественными, постоянно улучшающимися учреждениями». Такие цели, действительно, не требовали ни европейских форм, ни ограничения самодержавия. Половцов настаивал лишь на усовершенствовании высших органов государственного управления. Так, проектировалось обсуждение всеподданнейших докладов руководителей ведомств всеми министрами под председательством императора. При этом обсуждению в Комитете (или Совете) министров подлежали только «законодательные предположения, важные правительственные меры, проверка взглядов и мнений относительно крупных фактов народной и международной жизни», тогда как «законодательные дела должны быть переданы по принадлежности в Государственный совет, текущие — в Правительствующий Сенат». Государственному совету следовало предоставить законодательную инициативу, право создавать «подготовительные комиссии» и призывать в них экспертов, а также право делать запросы министрам. Половцов высказывался за «допущение гласности» заседаний Совета, поскольку «законодательные прения за крайне редкими исключениями не могут и не должны составлять тайны; они, напротив, выясняют успешное применение законов». «...Само собою разумеется, — пояснял он, — что гласностью я называю не вторжение

уличной толпы в помещение Совета, а лишь присутствие определенного числа лиц посторонних и сообщение чрез правительственный орган отчета о заседании».

Также Половцов предлагал передать на рассмотрение Государственного совета ходатайства земских собраний и городских дум, которым предоставлялась бы возможность nosылатъ депутатов для их обоснования. Особо говорилось в записке о необходимости более строгого рассмотрения смет и прекращения практики выделения сверхсметных кредитов без их обсуждения в Государственном совете. Неудобным представлялось Половцову и председательство в Совете великого князя Константина Николаевича, стеснявшее будто бы свободу прений. Правительствующему Сенату (1-му департаменту), по мысли Половцова, предстояло стать высшим административным судом, независимым от министра юстиции и охраняющим «права административные, т. е. права политические». Намечалась реформа структуры Сената и его делопроизводства. Поднимался в записке и щекотливый вопрос о своевременности, для сохранения престижа монархической власти, пересмотра Учреждения об императорской фамилии (с сохранением почестей, близких к царским, лишь для детей и братьев императора). Характерно, что, увлекаясь составлением программы преобразований, Александр Александрович уже и не возвращается к тому драматическому положению страны, с описания которого он начал свои рассуждения. Между тем в начале 1877 г. и сам сенатор, и его высокопоставленные читатели сильно сомневались «в своевременности» поднятых им вопросов.

В начале 1877 г. А. А. Половцов передал свою записку наследнику цесаревичу вел. кн. Александру Александровичу, К. П. Победоносцеву, Д. А. Милютину, А. А. Абазе. Абаза заявил сенатору о своей готовности подписать такую записку (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, л. 13, с. 15). Цесаревич в марте 1877 г. многозначительно сказал Половцову по поводу его проектов: «Может быть, когда-нибудь я что-нибудь и сделаю» (Там же, с. 35). Только Победоносцев (и то — впоследствии и по другому поводу) выразил свое несогласие. «...Я не придаю никакого значения конституционным или вообще какого бы то ни было рода формам, — говорил он Половцову уже в конце 1877 г. — Надо, чтобы сам Государь-то был человек твердый на добро, разбирающий людей и т. д., а без этого всякие внешние перемены ни к чему не послужат» (Там же, с. 18–19, 99–101).

¹⁴⁶ Лондонский протокол опубликован в «Правительственном вестнике» 27 марта 1877 г. № 67, а затем в «Особом прибавлении к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове». Вып. 1. СПб., 1899. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

Протокол был подписан 19 (31) марта 1877 г. представителями Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании, Италии и России.

См. также: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 156–158.

¹⁴⁷ Договор с Румынией, заключенный 4 апреля 1877 г., состоял, собственно, из двух конвенций: 1) о праве свободного прохода русских войск через Румынию и 2) о порядке следования русской армии. *Коммент. П. А. Зайончковского*. Подписание Россией конвенции де-факто означало признание суверенитета Румынии.

¹⁴⁸ М. Г. Черняев действительно был отправлен на Кавказ, но и там не получил никакого назначения. «...Что сказать Вам о Черняеве? — 2 мая 1877 г. писал И. С. Аксакову кн. В. А. Черкасский. — Я видел его несколько раз и он, скажу откровенно, произвел на меня самое тягостное впечатление. Это человек навсегда испорченный чрезмерным самолюбием, сомнением и грубейшим тщеславием. Я убеждал его здесь, думаю — едва ли не первый, смириться безусловно, покориться и принять все, что бы ему ни предложили. Делал это с особенною осторожностью (ибо он человек очевидно нравственно больной) и многое высказал ему с дружественною, но беспощадной откровенностью. Старался между прочим уверить его, что не он один может жаловаться на несправедливости, а другие — может быть и с большим, чем он, правом; и тем не менее в такие исторические минуты никто не вправе местничаться и считаться с правительством. Старался убедить его (что еще труднее), что он ошибается насчет своего политического престижа и возможности для него ныне полезной для России полит[ической] роли в слав[янских] землях. В этом его трудно уверить. Я же убежден, что он в политическом деле человек бессмысленный, да и вообще довольно ограниченный, и что его прецеденты в сербскую войну и личное отсутствие всякой меры и такта, сделали бы его теперь здесь человеком вредным. Его можно употребить теперь лишь в Азии. Сам он мыслит о себе, что Россия должна быть теперь у его ног, что без него обойтись невозможно, что он один способен вести эту войну. Я не берусь судить о его достоинствах военных; но скажу, что лучшие его друзья из военных сами не считают его способным на высокий военный пост. — Очень любопытен [так в оригинале] знать, какое осталось в Черняеве впечатление о наших беседах; бранит он меня или нет. Я думаю, что исполнил долг свой, говоря с ним, как говорил — дружественно, но откровенно и иногда резко. Наши мнения о Черняеве расходятся; но поверьте, Вы ошибаетесь, если думаете, что для него самого не лучше перебраться в Азию. Но, конечно, и справедливо и полезно для правительства и, на мой взгляд, необходимо было бы дать ему положительное назначение. Ему необходимо было бы дать дивизию или отряд, а не оставлять просто при штабе. Я твердо надеюсь, что так и будет». См.: Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1968. С. 172.

- 149 Полковник Катарджи должен был изложить в Кишиневе условия, на которых Сербия соглашалась вновь вступить в войну с Турцией. Для завершения подготовки к войне ей требовалась единовременная субсидия в 1 млн руб. и 5–6 недель времени; кроме того, чтобы покрыть военные издержки, сербам требовалась ежемесячная помощь в 1 млн руб. Подробнее см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И.* Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 71.
- 150 19 апреля 1877 г. лорд Э. Дерби официально сообщил английскому послу в Петербурге, что отклонение Турцией Лондонского протокола не давало еще достаточного повода для войны. «...Начав действовать против Турции за свой собственный счет и прибегнув к оружию без предварительного совета со своими союзниками, — заявил Дерби, — русский император отдалился от европейского соглашения, которое поддерживалось доселе, и в то же время отступил от правила, на которое сам торжественно изъявил согласие. Невозможно предвидеть все последствия такого поступка». См.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 724.
- 151 29 апреля 1877 г. от навесного огня русских береговых батарей у Браилова был потоплен броненосный корвет «Лютфи Джелиль», не имевший бронированной палубы. За умелую стрельбу поручик С. И. Самойло награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами, а солдаты Р. Давидюк и И. Помпор — знаками Военного ордена.
- 152 Речь идет о получении иностранного займа. В дневнике наследника престола Александра Александровича, в записи за 4 мая 1877 г. говорится следующее: «В 1 час было финансовое совещание... Дело было о небольшом займе в 23 миллиона у берлинских банкиров» (ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 306, л. 173). Валуев же в своем дневнике рассказывает об этом совещании более подробно. «На днях, — записывает он 8-го мая, — было у государя совещание по поводу заключенной министром финансов неудобной заемной сделки с банкирским домом Мендельсона и К°. Дело было очевидно предрешено. Министр финансов говорил, как всегда в критических случаях, наполовину добросовестно. Грейг, между нами порицавший сделку, ее защищал. Против нее были Абаза и я; за нее великий князь, генерал-адмирал. Абаза дошел до пафоса и убедился, что и аргументы, и пафос напрасны» (*П. А. Валуев* «Дневник 1877–84 гг.». Пг., 1919, С. 11). *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- 153 Пользуясь своим превосходством на Черном море, турки высадили в начале мая 1877 г. десанты в Сухум и Очемчире. Командир Сухумского отряда ген.-м. Кравченко отступил к станции Ольгинской, а затем — на левый берег р. Кодор. Как сообщал 28 июня 1877 г. С. А. Грейгу генерал-контролер

Кавказской армии Бутыркин, согласно плану военных действий, составленному начальником штаба Кавказского военного округа ген.-майором П. П. Павловым (под руководством кн. Д. И. Святополк-Мирского), было решено укрепить Потю, «Сухума же не укреплять, а в случае сильной высадки отступить в Цебельду, где и сосредоточить главные склады». При этом лояльность абхазов не подвергалась сомнению, несмотря на предостережения местных начальников. При приближении турок войска Сухумского отряда, «имея перед собою неприятеля лишь на рейде, оставили город и ушли в Цебельду, откуда поспешно отступили (бежали) к Ингуру, побросав все имущество, все запасы». «...Причина объясняется, — писал генерал-контролер, — неожиданностью восстания абхазцев, которые, получив от турок оружие и патроны, бросились энергично преследовать отступающие войска». Во время перехода через Кодорское ущелье войска и уходившее с ними христианское население Цебельды были обстреляны абхазами картечью, после чего «лишились последних лошадей и всего скота». В это время «паника была так велика, что матери бросали в пропасти детей». Вскоре начались восстания в Чечне и Дагестане. В Абхазию были направлены войска из Кубанской области и из Рионского отряда. Тем не менее к июню все побережье от Очемчира до Адлера оказалось в руках турок. Только в августе турки были вынуждены очистить Абхазию (ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 36, л. 9–10).

¹⁵⁴ Ардаган был взят русскими войсками под командованием М. Т. Лорис-Меликова к утру 6 (18) мая 1877 г. При штурме погибли 1 офицер и 48 солдат, 6 офицеров и 245 солдат ранены. Потери турок достигли 3 тыс. человек, ими были оставлены 92 орудия, 6 млн патронов, склады со снаряжением и припасами. Успех штурма во многом был обеспечен усиленной артиллерийской подготовкой. См.: *Кишмишев С. О.* Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. СПб., 1884. С. 97.

¹⁵⁵ «...С Азиатского же театра войны в последние дни получены хорошие известия, — сообщал Д. А. Милютин дочери Ольге 28 мая 1877 г., — твой друг Лорис-Меликов действует решительно и умно. К счастью его, перед ним, как кажется, совершенно бессильный противник: по всем сведениям, турецкие силы в Азии совершенно упали духом и худо дерутся. Вы увидите это из подробностей реляции взятия Ардагана, которая отправляется ныне же в Петербург для напечатания в газетах» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 31, л. 6, 4).

Реляции о взятии Ардагана см.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Вып. 4. СПб., 1903.

¹⁵⁶ «...Жара у нас страшная, — писал военный министр дочери 28 мая 1877 г., — так что мы все более или менее раскисли. Ничего не хочется

делать, — да, к счастью, и нет пока дела: мы только едим, пьем и потеем (с позволения сказать). Но каково будет, когда придется в такой зной двигаться! Войска тем не менее бодры духом; любо смотреть, как все они, и солдаты, и офицеры, воодушевлены и рвутся на турку... Теперь на театре войны довольно тихо; кое-где по временам бывает перестрелка с одного берега Дуная на другой, а между тем войска и масса военных грузов все двигаются и двигаются бесконечными колоннами и поездами...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 31, л. 6, 4).

¹⁵⁷ По свидетельству М. А. Газенкампа, 6 июня 1877 г. вел. кн. Николай Николаевич передал ему записку А. Г. Жомини. «...Князь Горчаков, — говорилось в ней, — в беседе с князем Миланом и Ристичем, настаивал, чтобы Сербия оставалась спокойной и ограничилась обороною. О том, что наше соглашение с Австро-Венгриєю предусматривает и допускает возможность сербской наступательной операции — князь Горчаков умолчал, не доверяя сербской скромности. Он опасается, что Милан и Ристич, вернувшись домой, выдадут этот дипломатический секрет публике и создадут большие затруднения как нам, так и Австро-Венгрии. Между тем мы обязаны принимать в соображение положение графа Андраши, которому нелегко лавировать между страстями разных партий. Секретное соглашение наше неизвестно публике. Трудно предусмотреть впечатление, которое произведет в Австро-Венгрии наступление сербов, если оно произойдет вслед за визитом князя Милана в Плоэшти и одновременно с нашею переправою через Дунай. Ничего не зная о выгодах, обещанных Австро-Венгрии по нашему секретному соглашению, публика будет возмущена бездействием своего правительства в виду сербских наступательных действий. Таким образом, в настоящее время активное содействие сербов нам не нужно, даже неудобно. Но в будущем оно может пригодиться, даже сделаться необходимым. Вот почему Милану окончательно сказано, чтобы демонстративно не выходил из оборонительного положения до тех пор, пока не получит от нас особое сообщение. Если содействие сербов понадобится, мы предварительно поручим нашему послу в Вене войти в соглашение с графом Андраши и затем уже сообщим князю Милану, когда и какое содействие от него потребуется». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 37–38.

¹⁵⁸ На действиях русских войск в Закавказье с самого начала сказывались раздробление сил действующего корпуса, которым командовал М. Т. Лорис-Меликов, на три самостоятельных отряда — Ахалцихский (около 13,5 тыс. человек), Александропольский (около 27,5 тыс. человек) и Эриванский (около 11,5 тыс. человек), а также выделение особого Рионского отряда (около 24 тыс. человек), предназначавшегося для взятия Батума, но так и

не решившего этой задачи. Как писал 28 июня 1877 г. генерал-контролер Кавказской армии Бутыркин, на Кавказе с самого начала говорили, что выделение Рионского отряда должно «обессилить состав корпуса», «причем некоторые видели в этом скрытую интригу против Лориса» (ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 36, л. 7–8).

Отношения среди высшего командного состава Кавказской армии действительно оставляли желать лучшего. Лорис-Меликов получил корпус по инициативе Д. А. Милютина, вопреки мнению главнокомандующего армией вел. кн. Михаила Николаевича и его ближайшего помощника кн. Д. И. Святополк-Мирского. Предвидя неизбежные осложнения, Лорис-Меликов в конце 1876 г. подал прошение об увольнении от должности, но великий князь, опасаясь вызвать недовольство в Петербурге, отказался его принять. Тем не менее между штабом корпуса и штабом армии изначально установились ненормальные отношения. Они лишь усугублялись в силу давней неприязни между Лорис-Меликовым и Святополк-Мирским и личных качеств начальника штаба главнокомандующего ген.-м. П. П. Павлова. «...Генерал Павлов, — писал генерал-контролер, — молод, неопытен, но самонадеян непозволительно, что является более вредным при добродушии главного начальника» (Там же, л. 11–12). Составленный Павловым и Святополк-Мирским план боевых действий поставил русские войска в Малой Азии на грань катастрофы. Первоначальный успех (взятие Баязета и Ардагана, осада Карса) развить не удалось. Турецкая Анатолийская армия Мухтара-пашы, насчитывавшая около 60 тыс. человек, быстро пополнялась. Попытка отряда ген.-майора В. А. Геймана (около 15 тыс. человек), при котором находился и Лорис-Меликов, 13 (25) июня атаковать турецкие войска, занимавшие позиции у Зивина (около 19 тыс. человек), окончилась поражением.

¹⁵⁹ Текст телеграммы см.: *Газеткамф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 49.

¹⁶⁰ Русские войска в полном порядке отступили от Карса в ночь с 27 на 28 июня. 6 июля турки заняли позиции на Аладжинских высотах. «...Наши войска, — вспоминал М. Т. Лорис-Меликов об обстановке, сложившейся после поражения под Зивином, — были сосредоточены в трех местах с интервалами в 150 верст между каждым отрядом и имели перед собою Мухтара-пашу, в каждом пункте более, чем в полтора раза сильнее русских, а сзади Кавказ, волнующийся и тревожный, где миллионное население Чечни и Дагестана находилось в полном восстании и где симпатии остальных двух миллионов горцев явно склонялись к Турции. Вследствие этого Кавказ не мог двинуть всех своих боевых сил против турок, нуждаясь сам, для сдержания порывов мусульманского населения, по крайней мере, в 50 тысячах войска. Таким образом наше положение было очень тя-

желое: перед нами превосходящий численностью неприятель, сзади горячий материал, для которого была нужна лишь искра, лишь единовенная рука, протянутая в интервал русских войск хотя бы в виде двухтысячного отряда кавалерии, чтобы пожар, раздуваемый религиозным фанатизмом, вспыхнул со страшною силою, и нам пришлось бы запереться в собственных крепостях, окруженных слившимися силами внутренних и внешних врагов...» (Кони А. Ф. Граф М. Т. Лорис-Меликов // Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 205).

О возможности «большой катастрофы на Кавказе, если не последует подкрепление из России не столько войском, сколько разумом», писал в Петербург и генерал-контролер Кавказской армии. При этом, помимо военных неудач и брожения среди мусульманского населения, он отмечал «неурядицу» «во всем хозяйственном деле»: «...Ничего заранее не предвидится и не соображается в отрядах, когда же настает надобность, то начальники и штабы их кричат — подавайте продовольствие, снаряды, перевозочные средства. Интендант армии сидит на даче в Коджорах; не выезжая ни разу ни в один отряд, он не может знать вполне того ералаша, какой творят его чиновники; хорошо дело идет лишь при главных силах корпуса, но корпусной интендант (генерал-майор Бабахов) во всем связан. Отношение к делу вообще так странно, что, например, на днях ревизию обнаружено в Тифлиско-продовольственном магазине более 40 тыс. пуд. недоброкачественной муки, и интендант не счел нужным приехать с дачи, чтобы лично разобрать это дело; на мою же просьбу приостановить отпуск забракованной комиссиею муки отозвался, что не может этого сделать, так как плохую муку надо скорее расходовать, дабы она еще более не испортилась; как будто он довольствует войско турецкое, которое полезно из военных целей покормить червями. По госпиталям то же самое. Инспектор госпиталей ни разу не выезжал из Тифлиса. Военно-медицинский инспектор, хотя и выезжает, но не для пользы дела, а для получения порционов в большем размере; по апатии же он не уступает собрату.... Мною осмотрены почти все открытые госпитали и хороший персонал я встретил в 4-х из 20-ти...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 36, л. 12–13). Телеграмму вел. кн. Михаила Николаевича см.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Вып 4. СПб., 1903. С. 29–30. См. также письмо вел. кн. Михаила Николаевича к Александру II 25 июня 1877 г.: ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 808, л. 26–31.

¹⁶¹ 6 (18) июня 1877 г. турки блокировали гарнизон Баязета под командованием Ф. Э. Штоквича, насчитывавший 1500 человек с 2 орудиями (здесь же находился 11-й военный госпиталь). 8 июня был отбит штурм, после чего турки перешли к осаде. Крепость простреливалась с гор, сол-

даты и офицеры гарнизона получали 2–3 сухарика и 1–2 столовые ложки воды в сутки при 40-градусной жаре. 27 июня (9 июля) А. А. Тергукасов атаковал осаждавшие Баязет войска и освободил крепость. См.: Картинки боевой жизни: Из посмертных записок Ф. Э. Штоквича // Русская старина. 1897. № 4.

¹⁶² Низам — регулярные строевые войска Османской империи.

¹⁶³ Подробнее см.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 56 — 59.

¹⁶⁴ См.: *Соллогуб В. А. Дневник Высочайшего пребывания за Дунаем в 1877 году*. СПб., 1878.

¹⁶⁵ «Веста» представляла собой наскоро вооруженный коммерческий пароход, предназначенный для крейсерства на Черном море и на Дунае. 11 (23) июля 1877 г. он с успехом выдержал бой с турецким броненосцем «Ассар-и Шевкет». Командовавший «Вестой» капитан-лейтенант Н. М. Баранов произведен в капитаны 2-го ранга и флигель-адъютанты и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

¹⁶⁶ «...Великий князь, — записывал 17 июля М. А. Газенкампф, — ежедневно понуждает барона Криденера телеграммами к решительным действиям, но тот все медлит. Вчера, впрочем, телеграфировал, что может быть, атакует сегодня. Все — в напряженном ожидании, в том числе и сам Государь, телеграфировавший сегодня, что ожидает известий от Криденера “с лихорадочным нетерпением”. Действительно, от исхода второй атаки Плевны все зависит. Успех будет почти равносильным полному освобождению всей Западной Болгарии, Боснии, Герцеговины, Старой Сербии и даже Македонии, так как турки вывели оттуда почти целиком все войска и направили часть к Плевне, а большую часть — морем, в Румелию и Южную Болгарию против отряда Гурко. Моральное впечатление победы под Плевною будет громадное и, пожалуй, довершит столь заметный уже упадок духа у турок». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 63–64.

¹⁶⁷ Н. П. Криденер телеграфировал: «Бой длился целый день. Неприятель имеет громадный перевес в силах. Отступаю на Булгарени». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 64.

18 (30) июля 1877 г. у Криденера было около 32 тыс. человек при 176 орудиях против 26 тыс. при 50 орудиях у Османа-наши. «...У нас же здесь в последние дни было не совсем весело, — писал Д. А. Милютин дочери Ольге 20 июля, — 18 числа ген. Криднер возобновил атаку неприятельской позиции у Плевны; но оказалось, что турки были еще многочисленнее, чем предполагалось, и успели сильно укрепиться. Замечательная храбрость и настойчивость наших войск не могли одолеть встреченного сопротивления, — и пришлось снова отойти, чтобы вы-

ждать новых подкреплений и в третий раз испытать счастье. Мы еще не знаем, как велика была потеря наша; но должна быть большою. Эта вторичная неудача на правом нашем фланге, конечно, несколько задержит и общее наступательное движение армии...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 31, л. 19).

- 168 Потери Н. П. Криденера составили одного генерала, 168 офицеров, 7167 рядовых и унтер-офицеров убитыми и ранеными; турки потеряли около 5 тыс. человек.
- 169 Записка, составленная Д. А. Милютиним 21 июля (2 августа) 1877 г. опубликована: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 26. С. 153–155. По мнению Милютина, следовало, «отказавшись на время от предприятий наступательных, до прибытия более сильных подкреплений, стянуть разбросанные силы в небольшое число пунктов, занять выгодные позиции и, где нужно, укрываться».
- 170 Схожее описание праздника оставил и С. П. Боткин. См.: Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г. СПб., 1893. С. 109.
- 171 «.. В военной жизни полное затишье, которое, как говорят, продолжится не одну неделю, — писал 26 июля С. П. Боткин. — Мы смело бы могли уехать отсюда, тем более, что и санитарное состояние Бела не представляет ничего особенно хорошего. На этой неделе, как я тебе писал, у нас много захворало народа из свиты; этому было причиной то, что мы начали очищать ту восточную грязь, в которой утопает Бела, стали отыскивать и убирать дохлых буйволов, телят, кур, баранов, валявшихся чуть не в пятидесяти шагах от палатки Государя. Обратили внимание также и на придворную кухню, обладающую особой способностью плохо и невкусно кормить и грязнить самым страшным образом. Здесь вообще ни у кого нет аппетита; но кто пройдет мимо кухни, тот надолго обречет себя на строгое воздержание и ограничится яйцами и другими произведениями природы, мало требующими участия кухонных артистов. Третьего дня вечером пригнанные сюда болгары для очистки двора и ближайшей к нему улицы такую подняли пыль, что вся лощина была как в облаке (...) Все эти энергические меры принесли очевидную пользу уже тем, что по вечерам нет того ядовитого аромата, который обыкновенно развивается каждый раз, как нам придется где-нибудь пожить больше двух или трех дней (...) По-видимому, в народе нет убеждения о вреде различных животных извержений и остатков; нередко здесь встречаются местами целые комки, очевидно происходящие из навозных стародавних куч. Падаль, очевидно, убирается исключительно собаками, которые здесь ею и кормятся. Горячее солнце высушивает все эти материалы для гниения, отчего развиваются процессы тления, а это, вероятно, и спасает жителей этих грязных

- стран от заражения». См.: Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г. СПб., 1893. С. 109–111, 112–116.
- 172 Как говорил вел. кн. Николай Николаевич М. А. Газенкампу, император «упрекал его в излишней смелости действий». «...Те же упреки, — писал Газенкамф, — но в самых деликатных и сдержанных выражениях, он слышал и от военного министра: отсюда великий князь заключает, что именно Д. А. Милютин и внушил Государю эту мысль». Великий князь поручил Газенкампу составить «объяснительную записку» для Александра II. См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 75.
- 173 О деятельности Р. А. Фадеева во время войны 1877–1878 гг. см.: *Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист*. Волгоград, 1998. С. 100–108.
- 174 «...Несмотря на перемену стоянки, у нас в свите и прислуге все еще довольно много больных; но уже не столько лихорадкой, сколько дизентерией. Все прошли чрез эту неприятность; и я также несколько времени не мог отделаться от нее, несмотря на зелье С. П. Боткина. Теперь, наконец, освободился, но держусь строгой диеты», — признавался Д. А. Милютин в письме к дочери 10 августа 1877 г. (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 31, л. 24).
- 175 «...Все газетные известия о том, будто Кюстенжи опять взято турками и что корпус Цимермана очистил Добруджу — оказываются (по крайней мере, до сих пор) совершенно ложными, — писал Д. А. Милютин дочери Ольге 10 августа 1877 г., — также как и все другие турецкие хвастовства и выдумки враждебных нам иностранных газет. Опровергать все эти выдумки невозможно; а когда официальные телеграммы наши говорят, что все спокойно, что ничего важного не случилось, — публика не хочет верить и жалуется, что нет официальных известий...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 31, л. 23).
- 176 В ходе боев на Шипке 9–13 августа 1877 г. русские войска и болгарские ополченцы потеряли убитыми и ранеными 3640 человек, потери турок насчитывали, по разным подсчетам, от 8 до 12 тысяч убитыми и ранеными.
- 177 23 августа 1877 г. Д. А. Милютин говорил М. А. Газенкампу, «что он давно потерял надежду на скорое окончание войны и вообще, при нашей неурядице, Бог знает еще, как и когда война кончится». См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 100.
- 178 Диспозиция боя 30 августа приводится Паренсовым в его книге «Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба», т. 2, СПб., 1904. С. 210–211. *Коммент. П. А. Зайончковского*.
- 179 Достоверность этого рассказа подтверждается рядом свидетельств современников, в том числе запиской Н. Н. Обручева, в которой подробно освещается со слов самого Александра II роль Милютина на совещании

по поводу Плевны (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 г. на Балканском полуострове. Вып. 4. СПб., 1901. С. 93–94. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

- 180 Потери русских войск 30 августа 1877 г. составили 12700 человек, румынских — свыше 3 тыс.; турки потеряли около 3 тыс. убитыми и ранеными.
- 181 Ср. описание военного совета М. А. Газенкампом: «...Государь приехал в 12-м часу дня, а в 3 часа состоялся, на поле сражения, военный совет под его председательством. В совете участвовали военный министр, великий князь главнокомандующий, князь Карл Румынский, Непокойичицкий, князь Масальский, Зотов, Левицкий. Шла речь о том, не бросить ли совсем Плевну и отступить, дав войскам полный отдых и отложив наступательные действия до прибытия гвардии. Большинство уклонялось высказаться решительно. Один Левицкий горячо доказывал, что не следует отступить ни на шаг, ибо всякое попятное движение только подчеркнет и преувеличит значение неудачи третьего штурма. Турки наступать не будут, а удовольствуются удачным отражением наших атак: они сами, без сомнения, понесли значительные потери, нуждаются в отдыхе и, может быть, даже в боевых припасах: не даром же они сегодня молчат, — очевидно, берегут заряды и патроны. Против нашей кавалерии, стоящей на их пути сообщения с Софией, тоже ничего не предпринимают. Очевидно, что их положение тоже незавидное, и нам отступить — нет никаких причин. Воздержаться от всяких решительных действий до прибытия гвардии — вполне от нас зависит. Лучше же выждать, стоя на занятых местах, чем отходить с тем, чтобы впоследствии брать эти же места с бою. Государь согласился с мнением Левицкого и повелел оставаться и укрепиться на занимаемых позициях. Вместе с тем он объявил, что для непосредственного начальствования над всеми войсками под Плевною вызывает из Петербурга генерал-адъютанта Тотлебена. Это назначение сделано по мысли военного министра: великому князю оно совсем не по душе, так как он Тотлебену не симпатизирует». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 114–115.
- 182 Подробное описание госпиталя в Булгарени см.: Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877 г. СПб., 1893. С. 199–203.
- 183 О настроениях в России Д. А. Милютин мог судить, помимо газет и журналов, по обстоятельным письмам Ф. Л. Гейдена, С. А. Грейга и др. См.: ОР РГБ, ф. 169, к. 60, д. 49; к. 62, д. 36.
- 184 «...Я всегда сижу в пальто и сплю полуодетый, под шинелью, — писал Д. А. Милютин домой 1 октября 1877 г. — В дождь течет сквозь потолок и в разных местах на полу образуются лужи. И, несмотря на все это, я считаю себя избалованным, сравнивая с другими, живущими в палатках, среди липкой грязи» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 32, л. 7–10).

- ¹⁸⁵ Записка, составленная А. И. Нелидовым в сентябре 1877 г., в фонде Д. А. Милютин в ОР РГБ не обнаружена.
- ¹⁸⁶ 3–4 октября 1877 г. русские войска под командованием М. Т. Лорис-Меликова нанесли туркам крупное поражение на Аладжинских высотах, отрезав Карс от сообщения с Эрзерумом. Турецкие потери составили 5–6 тыс. человек, кроме того, в плен сдалось два дивизионных и 5 бригадных генералов, 250 офицеров, 7 тыс. солдат. Русские войска потеряли 202 человека убитыми и 1240 ранеными. Видную роль в подготовке сражения сыграл отправленный Д. А. Милютиным на Кавказский театр боевых действий Н. Н. Обручев. Подробнее см.: *Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904)*. СПб., 1998. С. 182–187.
- ¹⁸⁷ Потери русских войск у Горного Дубняка составили около 3300 человек; турки потеряли около 1500 человек убитыми и ранеными и около 2300 — пленными.
- ¹⁸⁸ Имеется в виду сражение 23 октября (4 ноября) 1877 г. на Деве-Бойну, в котором турецкие войска потеряли около 7 тыс. человек (русские — менее тысячи) и отступили к Эрзеруму. Предпринятый В. А. Гейманом 29 октября штурм Эрзерума не удался.
- ¹⁸⁹ «...Невероятно, чтобы мы здесь провели всю зиму; но когда именно можно будет отсюда уехать, теперь пока нельзя предвидеть, — 27 октября делился своими соображениями с дочерью Д. А. Милютин. — Все зависит от дальнейшего хода военных действий; а при теперешней хорошей погоде действия могут еще продолжаться и даже принять довольно интересный характер. Войска наши за Видом уже выдвинулись далеко вперед к западу и в горы, так что передовые отряды подошли почти к самой Орхание — главному опорному пункту Шевкета-паши; чрез этот пункт могут проходить турецкие силы, собираемые около Софии с целью высвободить Османа-пашу в Плевне. Можно надеяться, что это не удастся им: но Осман может в своей неприступной и сильно укрепленной позиции продержаться еще долго. По слухам, у него продовольствия довольно много, а турки довольствуются очень скромною порцией. Выходит, что возвращение наше в Петербург зависит от аппетита турок, а нам приходится желать людям голодной смерти. Грустно...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 32, л. 21–22).
- ¹⁹⁰ Среди бумаг, привезенных Н. Н. Обручевым, было и письмо М. Т. Лорис-Меликова к Д. А. Милютину. «...Николая Николаевича, — писал командующий корпусом, — близко на месте ознакомившегося с положением дел на малоазиатском театре войны, я просил передать Вам подробно, как обо мне лично, так и о всем происходившем, равно и о предстоящих нам действиях» (ОР РГБ, ф. 169, к. 68, л. 6, л. 3–4). Судя по резкой

оценке военным министром действий вел. кн. Михаила Николаевича и кн. Д. И. Святополк-Мирского в первоначальной редакции дневника, Лорис-Меликов не ошибся в Обручеве и в том впечатлении, которое должны были произвести его рассказы. Во всяком случае после возвращения Обручева на Балканы Милютин с сочувствием отзывался о действиях Лориса. «...Я забыл написать тебе в прежнем письме, — сообщал он дочери Ольге 9 ноября 1877 г., — что Обручев привез мне с Кавказа любезное письмо от нашего приятеля Лорис-Меликова. Надеюсь, что теперь прекратились все нападки на него в публике, которая судит только по успехам или неудачам, восхваляя чрезмерно в счастливом случае и втоптывая в грязь в случае несчастья или неудачи. После блистательной победы 3 октября новый успех — взятие Карса — имеет громадное значение во всем ходе настоящей войны. Даже в Англии и Германии наши вечные завистники признают этот успех — беспримерным фактом в военной истории. Если же удастся овладеть Арзерумом — то можно считать этот удар Турции решительным. Он встревожит Англию более, чем все наши успехи в Болгарии. Не знаю, где семейство Лориса. Если оно в Петербурге, то без сомнения ты наведишь их, и прошу тебя в таком случае известить меня с тем, чтобы я мог в своем ответном письме сказать что-нибудь о твоём свидании с ними...» (ОР РГБ, ф. 169, к. 93, д. 32, л. 25).

¹⁹¹ Карс был взят штурмом в ночь с 5 на 6 ноября 1877 г. Турки потеряли 7 тыс. человек убитыми и ранеными, около 17 тыс. солдат, 800 офицеров и пять пашей сдались в плен.

¹⁹² «...Разгром армии Мухтара и вслед за тем — взятие Карса составляют крутой перелом в ходе теперешней войны и останутся в военной истории событиями замечательными, — писал Д. А. Милютин М. Т. Лорис-Меликову 17 ноября 1877 г. — Венцом этой кампании, конечно, было бы взятие Эрзерума...». Однако, признавая овладение Эрзерумом затруднительным и считая неудачу опасной, военный министр рекомендовал сосредоточиться на тесной блокаде города, которая не позволила бы усиливать его извне. «...К сожалению, — добавлял он, — на здепнем театре войны до сих пор мы остаемся в положении выжидательном, в полной зависимости от силы воли Османа-паши и от числа пудов кукурузы в его складах. С крайним нетерпением ожидаем того дня, когда и то, и другое истощится. Надеемся, что все попытки Мехмета-Али к освобождению Плевны будут расстроены генералом Гурко, у которого в распоряжении большая часть гвардии. Но время года позднее; в горах уже снег. Поэтому даже и падение Плевны едва ли будет иметь решительный результат. Страшно подумать о том, что придется готовиться ко второй кампании, может быть, еще более серьезной, чем первая» (РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 126, л. 10–12).

- ¹⁹³ Записку, составленную А. И. Нелидовым 10 ноября 1877 г. см.: АВПРИ, ф. с. а., 1877, д. 30.
- ¹⁹⁴ Проекты писем Вильгельму I и Францу-Иосифу см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1964. С. 339–343.
- ¹⁹⁵ То есть георгиевское или золотое оружие. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- ¹⁹⁶ Записки Н. П. Игнатъева см.: ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 1249, 1269.
- ¹⁹⁷ После первой неудачи под Плевной вел. кн. Николай Николаевич счел целесообразным «движение сербов в пределы Турции». Однако князь Милан и его правительство медлили, ожидая требуемых субсидий. Посланный в конце августа 1877 г. в Белград полковник Г. И. Бобриков вынес неблагоприятное впечатление о подготовке сербской армии, и Милану было рекомендовано воздержаться от объявления войны, ограничившись концентрацией обсервационных войск на турецкой границе (что было выполнено к концу сентября). В августе-октябре Сербия получила 1 млн руб. на военные расходы. 10 и 13 ноября вел. кн. Николай Николаевич предложил Милану ускорить подготовку к наступлению. 1 декабря Сербия объявила Турции войну. 16 (28) декабря сербские войска заняли Пирот, 29 декабря (10 января) — Ниш. Оттянув на себя значительную часть войск Мехмед-паши, они заметно облегчили войскам Гурко переход через Балканы. Подробнее см.: *Струкова К. Л., Хитрова Н. И. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 70–74.*
- ¹⁹⁸ «Проект предварительных условий мира, утвержденных Государем императором 17 декабря 1877 г.» см.: Военный сборник. 1878. № 4. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- ¹⁹⁹ «...Великий князь, — писал 25 декабря М. А. Газенкампф, — сам составил ответную телеграмму (которую и приказал мне зашифровать), смысл которой был следующий: 1) Гурко, после только что совершенного им блистательного подвига и после того, что он со славою руководил действиями целой армии более чем из двух корпусов — невозможно обратиться в начальника кавалерии той же армии; 2) Обручев — совсем неподходящий начальник штаба, ибо нигде себя на практике не заявил, ни театра войны, ни войск не знает и войскам неизвестен; Гурко же заявил себя блистательно, знает войска и войска его знают и ему верят; 3) великий князь лично против Обручева еще и потому, что не может забыть, как он, в 1863 году, будучи начальником штаба 2-ой гвардейской пехотной дивизии, демонстративно отчислился от должности, не желая идти на «братоубийственную войну» русских с поляками. Великий князь добавил, что еще в Ливадии, в 1876 году, Государь, по рекомендации военного министра, предлагал ему взять Обручева, но он, великий князь, тогда же категорически доложил Его Величеству, что по вышеупомяну-

той причине не желает вообще иметь Обручева в составе армии ни на какой должности. Только что я зашифровал и отправил эту телеграмму цесаревичу, как получается (при мне) телеграмма самого Государя, что он, «с согласия Саши», *назначает* к нему начальником штаба Обручева. Ясно, что Государь обменялся телеграммами с наследником еще раньше. Великий князь очень рассердился и немедленно сам составил ответную депешу, прося, в виде «особого ему одолжения», отменить это назначение, так как он положительно не желает иметь Обручева не только начальником штаба цесаревича, но вообще в армии. Я тут же зашифровал эту телеграмму, и она была немедленно отправлена. Неожиданно народившийся «Обручевский вопрос» чрезвычайно взволновал и расстроил великого князя, так что он весь день и вечер беспрестанно возвращался к этому вопросу и высказывал свои догадки. Вечером за чаем он выразил предположение, что это — двойная интрига: с одной стороны, в Петербурге, где военный министр усиленно проводит своего любимца Обручева и расположил в его пользу Государя, которого уже успели вооружить против Гурко, из зависти, приближенные к Его Величеству чины его главной квартиры; с другой стороны, в штабе цесаревича, где Гурко терпеть не могут, завидуют его военной славе и рады случаю его унижить и оскорбить. Цесаревич Обручева совсем не знает, и если с такою готовностью согласился иметь его своим начальником штаба, то только потому, что ему внушено сильнейшее предубеждение против Гурко». См.: *Газеткамф М. А. Мой дневник (1877–1878)*. СПб., 1908. С. 281–282.

О. Р. Айрапетов, специально изучавший государственную деятельность Обручева, убедительно показывает, что рассказ великого князя Николая Николаевича о нежелании Обручева участвовать в подавлении польского мятежа не подтверждается фактами. В 1863 г. «Обручев не оставлял своего поста, а был переведен Милютиним в комиссию, работавшую под его общим руководством над вопросом, который военный министр счел важнейшим» (имеется в виду подготовка Положения о военно-окружном управлении). В пользу этого мнения говорит и то недоумение, с которым Милютин встретил «неудовольствие» великого князя на Обручева в 1877 г. См.: *Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»*: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 78–88.

²⁰⁰ Данная записка кн. В. А. Черкасского в фонде Д. А. Милютина в ОР РГБ не обнаружена.

²⁰¹ В письмах, направленных 5 января 1878 г. Вильгельму I и Францу-Иосифу, Александр II уведомлял их о том, что мирный договор между Россией и Турцией будет носить прелиминарный характер, а вопросы, затрагивающие интересы европейских держав, станут предметом особо-

го соглашения. См.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 764. О том же кн. А. М. Горчаков 4 (16) января 1878 г. сообщил гр. П. А. Шувалову.

²⁰² В тот же день кн. А. М. Горчаков телеграфировал в Лондон о том, что Россия не станет занимать Галлиполийский полуостров, если там не будет турецких войск. При этом выражалась надежда, что и английское правительство «не имеет намерения оккупировать этот полуостров», поскольку это «не согласуется с его нейтралитетом и породит в Константинополе иллюзии, неблагоприятные для дела мира». Обещание не занимать Галлиполи при отсутствии там турецких войск было вновь подтверждено российским канцлером 19 (31) января 1878 г. См.: *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* М., 1986. С. 354.

В ночь с 3-го на 4-е января Д. А. Милютин телеграфировал вел. кн. Николаю Николаевичу: «По Высочайшему повелению довожу до сведения Вашего Высочества, что Англиеу сделан нам запрос: будут ли русские силы направлены на Галлиполи, при чем высказано мнение, что всякое действие, могущее поставить Дарданеллы под влияние России, затруднит окончательное мирное соглашение. На это дан ответ, что мы вовсе не имеем в виду направлять наши действия на Галлиполи, если только турки не стянут туда свои силы. Милютин». Телеграмма эта была получена великим князем 9 января. Весьма характеристична его реакция на эту телеграмму. Узнав о занятии Адрианополя, главнокомандующий заявил М. А. Газенкампу 10 января, что «решил ни в каком случае не принимать перемирия на тех условиях, которые турки не решились принять вчера»: «Если не получит особого Высочайшего повеления, то и разговаривать с уполномоченными больше не хочет, а намеревается, пользуясь разгромом турецких войск и всеобщей паникою, стремительно наступать не только на Константинополь, но и на Галлиполи. Великий князь говорит, что в телеграмме Милютина сообщается лишь о данном Англии обещании не занимать Галлиполи условно, в том только случае, если там не будет турецких войск. А так как мы имеем полное право предполагать там эти войска и всегда можем сослаться на дошедшие до нас слухи об этом, то и стесняться нечего: Галлиполи непременно надо занять и поскорее, чтобы создать совершившийся факт прежде, чем получится запрещение. С англичанами церемониться нечего: они сами ни с кем не церемонятся; надо пользоваться редким случаем им отплатить». Собеседник, «с горячим сочувствием и восторгом» слушавший «эти рассуждения великого князя», «не мог удержаться, чтоб не пожалеть вслух о существовании телеграфного сообщения с Петербургом». Со своей стороны, «великий князь вполне присоединился к этому сожалению». См.: *Газенкампф М. А.* Мой дневник (1877–78 гг.). СПб., 1908. С. 348–350.

- 203 Телеграмму Абдул-Гаида Александру II 1 (13) января 1878 г. о направлении к вел. кн. Константину Николаевичу полномочных представителей султана Сервер-паши и Намык-паши для согласования положений мирного договора и условий перемирия см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 406. «...Я надеюсь [J'espère], — говорилось в конце телеграммы, что Ваше императорское величество соблаговолит, в ожидании окончания переговоров, отдать необходимые приказания для прекращения операций на всем театре военных действий». Намык-паша и Сервер-паша (со свитой и прислугой, численность которой доходила до 80 человек) прибыли в Казанлык, где тогда находилась ставка вел. кн. Николая Николаевича, 7 января 1878 г.
- 204 Ответ Александра II на телеграмму Абдул-Гаида см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 411.
- 205 Впоследствии, не принимая обвинений в том, что подписанный им Сан-Стефанский трактат нанес ущерб интересам России, обрекая ее на последующее дипломатическое поражение на Берлинском конгрессе, Н. П. Игнатъев описывал ход подготовки этого документа несколько иначе: «...Необыкновенная ширина моих полномочий — заведомая ложь, — писал он Н. К. Гирсу 10 мая 1888 г. — Вам лучше, нежели кому-либо, известно, что проект Сан-Стефанского договора был составлен мной по высочайшему повелению здесь, в течение суток, прочитан и обсужден 12 января в кабинете Государя императора, в присутствии князя Горчакова, Вас (причем Вы сидели как раз около меня), барона Жомини и Гамбургера. Проект этот, одобренный присутствовавшими (вследствие Вашего замечания была изменена редакция статьи, касательно убытков судов по р. Дунаю) и утвержденный Его Величеством, послужил мне самой точной и определенной инструкцией...» (К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 2. М.; Пг., 1923. С. 855). Схожим образом описывал он события, предшествовавшие его отъезду в Сан-Стефано, и в своих позднейших «Записках». В них Игнатъев утверждал, что, получив 10 января «окончательное приказание немедленно отправиться за Балканы, в армию», для ведения переговоров о мире, он «попросил у Его Величества разрешения предварительно составить наскоро подробный проект будущего договора с турками, ввиду предвидимых... со стороны Министерства иностранных дел недоразумений, затруднений и интриг». «...Государь, — писал Игнатъев, — одобрил эту мысль, но выразил сомнение, что я успею заготовить подробный проект в такое короткое время, при желании Его Величества, чтобы я выехал из Петербурга чрез день, т.е. 12-го. Я обещался исполнить и при этом изложил основания двух проектов договора: одного более радикального, со включением вопроса о присоединении острова Крита, части Эпира и Фессалии

к Греции, распространением Сербии и Черногории в Старой Сербии, со включением в их пределы Призрена и Ипека, а также наиболее выгодного решения вопроса о проливах с предоставлением России равноправности с Турцией, в качестве прибрежного государства и исключением морских держав на прежнем основании. Другой проект — более умеренный, осуществленный большею частью в Сан-Стефано. Государь отвергнул первый и сказал мне, что считает основания второго достаточными при настоящих обстоятельствах. Вечером я получил записку от канцлера, чтобы я находился с проектом у Государя в одиннадцать часов утра. В приемной Его Величества были князь Горчаков, барон Жomini, товарищ министра Н. К. Гирс и с[татс]-с[екретарь] Гамбургер. Позвав всех нас в свой кабинет, государь приказал мне прочесть проект договора с объяснением всех статей его. Лишь одна из них, касающаяся вознаграждения судам, потерпевшим в реке Дунае, подверглась некоторому редакционному изменению, вследствие замечания, сделанного Н. К. Гирсом. Все остальное было вполне одобрено. Проект этот должен был служить мне инструкцией в переговорах с турками» (Записки гр. Н. П. Игнатъева // Исторический вестник. 1914. № 7. С. 91–93).

В воспоминаниях о поездке в Сан-Стефано Игнатъев указывал, что при обсуждении его проекта в Петербурге «по каждой статье последовало общее одобрение присутствующих и утверждение Государя к руководству для переговоров после объяснений, данных мною по некоторым из них». Более того, «Его Величество при этом неоднократно прерывал чтение, входя в рассмотрение подробностей и спрашивая у присутствующих членов Министерства иностранных дел, не имеют ли они предъявить каких-нибудь замечаний на предложения Игнатъева» (Игнатъев Н. П. Сан-Стефано // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 52).

Таким образом, неточно указывая дату и участников совещания (среди которых не назван почему-то военный министр), мемуарист явно стремился уверить своих читателей в том, что его проект, во-первых, был составлен буквально накануне отъезда на Балканы, а, во-вторых, был полностью одобрен после детального обсуждения императором, канцлером и ключевыми фигурами Министерства иностранных дел.

Несмотря на явные нестыковки игнатъевских воспоминаний со свидетельствами Д. А. Милютина и Н. К. Гирса (см. Приложение VII), исследователи не раз пытались их согласовать, определяя дату и круг участников совещания по дневнику Милютина, а результаты его излагая по мемуарам Игнатъева. См.: *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1978. С. 33–34; *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 360–361.*

206 5 января 1878 г. кн. А. М. Горчаков сообщал вел. кн. Николаю Николаевичу: «Государь император желает, что если Ваше императорское Высочество еще не сообщили туркам условия мира, должествующие предшествовать заключению мира, чтобы Вы их спросили, какие предлагаются Портою условия для остановки военных действий. Когда они Вам будут предъявлены, телеграфируйте в Петербург. Нам важно выиграть время, чтобы придти к соглашению с Австрией, которая в разных пунктах с нами несогласна и, если можно, получить ответы на собственноручные письма Государя императора в Вену и Берлин, сегодня отправленные. Имеем причины предполагать, что Порта просила переговоров для умножения своих военных сил и воспользования нашими политическими условиями, дабы укрепить враждебное нам положение Биконсфильда и, сколь возможно, разрознить нас с нашими союзниками. Во всяком случае, военные действия не должны быть останавливаемы». «...Обращаю твое особенное внимание, — в тот же день телеграфировал главнокомандующему Александр II, — на шифрованную депешу князя Горчакова, отправленную отсюда сегодня». Получив 7 января эту телеграмму, великий князь сначала остался недоволен указанием затянуть переговоры. «...Великий князь думает, — писал в тот же день в своем дневнике М. А. Газенкамф, — что было бы всего лучше оглушить Биконсфильда заключением перемирия на тех основах, которые были зрело обдуманы заранее, а с Австрией вообще не стоит много разговаривать. Наконец, великий князь высказал предположение (об основательности коего судить совсем не могу), что Государя теперь начнут сбивать с толку и князь Горчаков, и граф Игнатьев: первый из ревности, чтобы дело принятия турками главных оснований мира не обошлось без него, а второй — из опасения, чтобы не успели сойтись с турками без его прямого участия. Он так старался довести до войны, что ему будет крайне обидно, если он не будет играть никакой роли в ее окончании». См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 339–340.

207 Армия Сулеймана-паши, насчитывавшая около 50 тыс. человек, была 2 января 1878 г. отрезана от Адрианополя кавалерийским отрядом под командованием А. П. Струкова (3 полка 1-й кавалерийской дивизии), а 3–5 января полностью разбита под Филиппополем войсками И. В. Гурко. Потери турок составили свыше 20 тыс. человек и 180 орудий, 110 из которых были захвачены русскими. Остатки армии Сулеймана в беспорядке отступили к побережью Эгейского моря. Русские лишились 1250 солдат и офицеров. 8 (20) января Струков без боя занял Адрианополь (накануне эвакуированный турками), о чем вел. кн. Николай Николаевич телеграфировал в Петербург 10 января. См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 352.

208 Предварительные условия мира, предложенные турецким уполномоченным, заключались в основном в следующих пунктах:

а) Создание автономного Болгарского княжества в пределах территории, населенной, преимущественно болгарским населением.

б) Признание независимости Черногории с расширением ее границ.

в) Признание независимости Сербии и Румынии.

г) Предоставление автономного управления Боснии и Герцеговине.

д) Вознаграждение России за издержки и потери, понесенные ею во время войны (в виде компенсации как денежной, так и территориальной).

е) В качестве материальных гарантий на время мирных переговоров турецкие войска очищают крепости: Виддин, Рушук, Силистрию и Эрзерум. Русским войскам предоставляется право занять ряд стратегических пунктов, которые будут уточнены в ходе переговоров. (См. «Особое приращение к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», вып. II. СПб., 1900. Приложение № 1, 2). *Коммент. П. А. Зайончковского.*

Текст инструкции Александра II главнокомандующим Дунайской и Кавказской армиями относительно условия перемирия см. также: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 379–380.

8 января 1878 г., еще не зная о вступлении кавалерии А. П. Струкова в Адрианополь, вел. кн. Николай Николаевич телеграфировал Александру II из Казанька: «Депешу твою и шифрованную канцлера, от 5-го, получил вчера, когда турецкие уполномоченные уже прибыли. Сейчас имел с ними свидание. Согласно твоему желанию, настаивал неоднократно на выражении их предложений. Они отвечали, чтоб предложений никаких не имеют, а по получении султаном твоего ответа посланы выслушать от меня предлагаемые нами условия мира. Так как они, со своей стороны, упрашивали остановить скорее военные действия, то я, согласно заявленному Порте тобою и мною, вынужден был сообщить им условия, по принятии коих мы можем прекратить военные действия. Они взяли их на рассмотрение. С другой стороны, с 3-го января, после телеграмм моих, на которые получен ответ только сегодня, военные события до того изменились, что после нового разбития армии Сулеймана у Филиппополя, стою у ворот Адрианополя. Затягивать переговоры и продолжать военные действия имело бы последствием занятие Адрианополя и движение далее на Константинополь, влекущее за собой неизбежное в военном отношении занятие Галлиполи, что, согласно твоим указаниям, было бы лишь усложнением дел политических. Посему, как выше сказано, я не мог не объявить уполномоченным Порты условий мира в том виде, как я их получил, дабы можно было, если они будут приняты, заключить перемирие. Наконец, из первого свидания с турками я вынес убеждение, что

всякая искусственная затяжка переговоров, при быстроте нашего наступления, может только произвести в Турции, а, может быть, и в Европе, неблагоприятное впечатление, как будто мы желаем выиграть время для большего захвата неприятельской страны». В тот же день императору были посланы главнокомандующим еще две телеграммы о стычках около Адрианополя, начавшейся там панике и приказании занять город. См.: *Газеткамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 342–346.

На следующий день, 9 января, вел. кн. Николай Николаевич сообщал в Петербург: «После двух новых заседаний сегодня турки объявили, что не считают себя уполномоченными принять пункт 1-ый и последнюю половину 4-го. Я объявил им, что считаю поэтому условия неприемлемыми. Они просили позволения телеграфировать султану. Я отвечал, что беру на себя разрешить им ожидать ответа, не выезжая из моей главной квартиры, но при этом предупредил их, что военные действия будут энергично продолжаться, и что теперь ответ Порты, даже вполне удовлетворительный, ввиду быстро изменяющихся событий, я не считаю себя более вправе принять без предварительного на то разрешения от тебя. А потому прошу уведомить возможно скорее: могу ли я, в случае принятия султаном предъявленных нами условий, заключить на их основании перемирие или должен ожидать новых инструкций.

Кроме того, ввиду быстро совершающихся событий, неожиданно скорого движения наших войск, возможного в эту уже минуту занятия нами Адрианополя и неоднократно высказанного тобою желания о безостановочном движении вперед наших войск, испрашиваю: как мне поступить в случае подхода моего к Царьграду, что легко может случиться при панике, которою объято турецкое население от Адрианополя до Стамбула включительно; а также что делать в следующих случаях:

- 1) если английский или другие флоты вступят в Босфор;
- 2) если будет иностранный десант в Константинополе;
- 3) если там будут беспорядки, резня христиан и просьба о помощи к нам; и —
- 4) как отнестись к Галлиполи — с англичанами и без англичан.

Жду с нетерпением неотлагательного ответа для принятия своевременных мер». См.: *Газеткамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 341–348.

²⁰⁹ Эта телеграмма, отправленная из Петербурга 12 января 1878 г. (в 10 часов 40 минут) в ответ на запрос, посланный вел. кн. Николаем Николаевичем 9 января, была получена главнокомандующим в Адрианополе только 17 января в 2 часа пополудни. «Изложенные в трех твоих шифрованных телеграммах 10-го января соображения относительно дальнейшего наступления к Константинополю я одобряю, — телеграфировал

Александр II. — Движение войск отнюдь не должно быть останавливаемо до формального соглашения об основаниях мира и условиях перемирия. При этом объяви турецким уполномоченным, что если в течение трех дней со времени отправления ими запросной телеграммы в Константинополь, не последует безусловного согласия Порты на заявленные нами условия, то мы уже не признаем их для себя обязательными. В случае, если условия наши не приняты — вопрос должен решиться под стенами Константинополя. В разрешение поставленных тобою на этот случай четырех вопросов предлагаю тебе руководствоваться следующими указаниями: По 1-му. В случае вступления иностранных флотов в Босфор, войти в дружественные соглашения с начальниками эскадр относительно водворения, общими силами, порядка в городе. По 2-му. В случае иностранного десанта в Константинополе, избегать всякого столкновения с ним, оставив войска наши под стенами города. По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители других держав будут просить о водворении в городе порядка и охранении спокойствия, то констатировать этот факт особым актом и ввести наши войска. Наконец, по 4-му. Ни в каком случае не отступать от сделанного нами Англии заявления, что мы не намерены действовать на Галлиполи. Англия, со своей стороны, обещала нам ничего не предпринимать для занятия Галлиполийского полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлог к вмешательству, даже если бы какой-нибудь турецкий отряд находился на полуострове. Достаточно выдвинуть наблюдательный отряд на перешеек, отнюдь не подходя к самому Галлиполи. Ввиду твоего приближения к Царьграду, я признал нужным отменить прежнее распоряжение о съезде уполномоченных в Одессе, а вместо того приказал генерал-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться в Адрианополь для ведения, совместно с Нелидовым, предварительных переговоров о мире при Главной квартире». См.: *Газеткамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 389–390.

²¹⁰ Как писал в своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич, он еще 11 января 1878 г., узнав о занятии Адрианополя, «имел длинный разговор с Адлербергом, в котором подробно развил ему мою мысль, чтоб идти нам прямо на Константинополь, дабы султан и все правительство Порты бежало в Азию с тем, чтоб чрез это фактически прекратить существование турецкого владычества в Европе». «Тогда, — полагал великий князь, — вряд ли кто осмелится настаивать на том, чтобы освобожденные фактически христианские населения искусственно вновь подчинять уже более не существующему турецкому владычеству. Я уверен, что это есть вернейший способ избегнуть европейской войны. Адлерберг, кажется, вполне понял мою мысль и вошел в нее» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 54). На следующий день на вел. кн. Константина Николаевича явно

произвела сильное впечатление «денеша, что сражение 4, 5 и 6 января за Филиппополем гораздо важнее, чем думали»: «Тут был сам Сулейман и его армия почти уничтожена, а нами взято более 90 пушек». Утром он долго читал «дипломатические денеша и выписки из газет», после чего «имел длинный разговор с Игнатьевым, который сегодня же едет в Бухарест и Адрианополь». «...Развил ему мои мысли, которые ему были совершенно новы и поразили его справедливостью, — не без самодовольства отмечал в дневнике великий князь. — Постарается ими в свое время воспользоваться.... В 9 Милютин у меня, чтобы переговорить с ним про мои стамбульские мысли. Узнал от него, что уже во многом мои мысли и в других головах родились, и что решено в Адрианополе не останавливаться, а идти вперед даже до самого Царь-града. Это мне облегчило развитие дальнейших моих мыслей об торжественном отношении Государя ко всей Европе, в котором он бы ее призвал, дабы сообща решить дальнейшую участь тех народов, которые кровью России освобождены от столетнего мусульманского ига, причем, кроме возврата оторванного клочка Бессарабии, Россия для себя ни одной пяди турецкой земли в Европе не ищет. Видно было, что эта мысль сделала на него впечатление, но он боится, что Горчаков ее не поймет. Продолжалось целый час...» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 55).

- ²¹¹ Опасаясь вступления русских войск в Константинополь и занятия ими Галлиполи, британское правительство в середине января 1878 г. лихорадочно искало средства для давления на Россию. Кабинет заседал почти ежедневно. Первоначально Б. Дизраэли рассчитывал заключить военную конвенцию с Австро-Венгрией, предоставив ей субсидию для мобилизации армии на границе с Россией и договорившись о совместных действиях в Петербурге. Однако Д. Андраши отказался подписать соответствующее соглашение, ограничившись «советом» послать британский флот в Константинополь. Тем временем и султан просил ввести в Мраморное море английскую эскадру, надеясь укрыться на ней в случае падения турецкой столицы. 24 (12) января командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Д. Хорнби получил телеграмму, предписывавшую ему немедленно отплыть к Дарданеллам и следовать к Константинополю, воздерживаясь «от участия в конфликте между Россией и Турцией» и обеспечивая контроль над проливами. Одновременно правительство потребовало от парламента значительный кредит на военные расходы. В ответ на это министр иностранных дел лорд Дерби и министр колоний лорд Кэрнарвон подали в отставку. Кэрнарвон незадолго до этого публично выражал уверенность в том, что «нет никого достаточно безумного», кто желал бы повторения Крымской войны (это заявление вызвало негодование королевы, резко отчитавшей своего министра). 12 (24) января П. А. Шувалов

сообщал в Петербург, что «речь идет уже не только о посылке флота и Галлиполи, но и о немедленном разрыве с нами» (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 419). Однако после того, как в Лондоне стало известно о начале в Адрианополе переговоров о перемирии, Хорнби было приказано выйти из Мраморного моря и расположиться в Безинской бухте. Дерби вернулся в правительство. Подробнее см.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 355–356; *Науменков О. А.* Роберт Солсбери и его время. Викторианская Англия в лицах. СПб., 2004. С. 120–125.

²¹² 10 января 1878 г. вел. кн. Николай Николаевич телеграфировал о своем намерении выехать из Казанлыка 12-го и быть в Адрианопле 15-го января. Однако путь был проделан им несколько быстрее, и уже 14 января, в 4 часа пополудни, великий князь прибыл в Адрианополь, где его торжественно встретили многочисленные депутации местного населения и православное духовенство. Представители султана Сервер-паша и Намык-паша ехали (без свиты) вместе с русским главнокомандующим; посланная из Константинополя телеграмма о согласии Порты принять условия перемирия не застала уже их в Казанлыке. Вечером 14 января М. А. Газенкампф отметил в своем дневнике, что великий князь «о перерыве переговоров с турецкими уполномоченными нимало не беспокоится — напротив, очень рад, ибо чем больше пройдет времени до возобновления переговоров, тем дальше вперед продвинутся наши войска». Только 17 января турецкие дипломаты получили «какую-то очень важную депешу из Константинополя, и через Нелидова просили великого князя дать им завтра аудиенцию, так как они имеют сделать сообщение особой важности». На следующий день они без всяких оговорок приняли условия перемирия. 19 января в 6 часов вечера вел. кн. Николай Николаевич, Намык-паша и Сервер-паша подписали «основания для заключения мира между воюющими сторонами», а около 7 часов А. А. Непокойчицкий, К. В. Левицкий, Неджид-паша и Осман-паша поставили подписи под условиями перемирия. См.: *Газенкампф М. А.* Мой дневник (1877–78 гг.). СПб., 1908. С. 350, 375–381, 391–392, 396 — 397.

²¹³ 14 (26) января 1878 г. кн. Э. Гика телеграфировал в Бухарест: «Император и канцлер формально известили меня о своем намерении вернуть часть Бессарабии до Килии. Как возмещение Румыния получит Дельту Дуная и Добруджу до Кюстендже. В качестве аргумента указывалось, что эта территория была уступлена Молдавии, а не Румынии, что она была оторвана от России по договору, от которого уже ничего не осталось, и что несправедливо было бы одной лишь России уважать его к ущербу для себя. Это требование является для нее вопросом чести и национального достоинства...». Со своей стороны, Гика возражал, говоря, что «эта территория является

плотью от плоти нашего тела», однако вновь получил ответ, выдержанный «в самой куртуазной форме, но выражавший непреклонную решимость». Кн. Горчаков предпочитал, не вынося этот вопрос на конгресс, достичь прямого соглашения с Румынией. См.: Бесарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы / Сост. В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова. М., 1996. С. 151–152; *Independenta Romanici Documente. Vol. IV. Buc., 1978. P. 328.*

- ²¹⁴ С 11 января 1878 г. вел. кн. Константин Николаевич не расставался с мыслью об окончательном изгнании турок из Европы. 13 января он писал в дневнике: «...В 1/2 1 отправился к Горчакову, чтобы и ему передать мою мысль и постараться возбудить к ней сочувствие. Сперва он был туг и мелочен и держался на очень мелкой почве. Но я сам, увлеченный громадным величием настоящего момента, стал; видно, красноречив и начал на него производить, видимо, глубокое впечатление. Вся моя цель была этим достигнута. Я хотел только дать ему мою поэтическую мысль, заронить в нем семя. Эта мысль уже будет в нем работать, он от нее не отделается и, может быть, в свое время принесет пользу. Мысли мои, против вчерашних, со дня созрели, и я стал говорить о манифесте. Он уже слушал более сочувственно и кончил тем, что просил меня приготовить проект. Я долго отказывался, потому что считал это вовсе не своим делом. Но он так настойчиво приставал, что согласился. Оттуда поехал к Милютину и рассказал ему весь разговор. Он был очень доволен этому результату, как и тому, что я взялся составить проект при содействии Сольского». Вечером великий князь говорил о предполагаемом манифесте с Д. М. Сольским и А. Г. Жомини, уверявшим, что данная идея произвела на кн. А. М. Горчакова «глубокое впечатление». 14 января вел. кн. Константин Николаевич завел разговор о манифесте с Александром II. «...Он меня с большим вниманием и терпением выслушал до конца, — писал великий князь в дневнике, — и мне кажется, что я на него произвел впечатление, но он отвечал, что это будет зависеть от обстоятельств. Потом рассказал то же самое императрице, которая явно меня вполне поняла и сочувствует мне...». Однако в тот же день Сольский, вернувшись от Горчакова, сообщил о телеграмме от кн. Рейса, в которой говорилось о согласии Турции на условия перемирия. «...Кроме того, — отметил великий князь, — он пашел Горчакова в мыслях, совершенно противных моим и противных тому, что вчера нам говорил Жомини. Вот человек!! Несмотря на то, мы прочитали уже составленный им первый набросок манифеста, который вышел весьма недурен. Досадно будет, если все это кончится ничем... В 8 ч. вечера были у меня Милютин и Сольский и мы, пожимая плечами, сообщили друг другу впечатления о Горчакове, как он жалок со своим самолюбием. Проект манифеста мы и не читали, ввиду принятия турками условия перемирия. о

чем искренно все сожалели». Свое недовольство великий князь объяснял в дневнике 15 января тем, что перемирие «нас, к сожалению, поневоле остановит на полпути к Константинополю, и наше дело опять не кончится, и... придется его кончать нашим детям» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 56–58).

²¹⁵ 15 января вел. кн. Константин Николаевич представлял императору морских офицеров. «...Потом, — записал он в дневнике, — Государь еще толковал с Горчаковым о каких-то неприятностях и с Австриею, и с Пруссиею, о которых я ничего не знаю...» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 58). Письмо Вильгельма I Александру II см.: ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 24448, л. 186–187.

²¹⁶ См. коммент. 212. Телеграмму, направленную вел. кн. Николаем Николаевичем из Эски-Гагры 12 января см.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 361.

²¹⁷ Телеграмму вел. кн. Николая Николаевича о прибытии в Адрианополь 14 января 1878 г. см.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 380. Тем, что главнокомандующий ничего не сообщал «про переговоры и про перемирие», был весьма удивлен и вел. кн. Константин Николаевич (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 60).

²¹⁸ 18 (30) января 1878 г. Абдул-Гамид II телеграфировал Александру II о том, что еще 12 (24) января он послал своим уполномоченным телеграмму о согласии на заключение перемирия на русских условиях, однако за прошедшие 6 дней не получил никакого ответа. Взывая к человеколюбию императора, султан просил прекратить боевые действия. Александр II отвечал, что не имеет еще сведений о получении уполномоченными султана его согласия на принятие главных оснований перемирия. Обе телеграммы были 19 января пересланы великому князю в Адрианополь. См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 410–411.

Еще 16 января получив телеграммы, посланные вел. кн. Николаем Николаевичем 12 и 13 января, император отправил ему запрос (полученный в Адрианополе только 20 января, на следующий день после заключения перемирия): «Жду с нетерпением известия о прибытии твоём в Адрианополь. Правда ли, что турки приняли наши условия для перемирия, как заграничные телеграммы уверяют? Получил ли ты шифрованную телеграмму мою от 12-го января?» (Там же. С. 400).

²¹⁹ См. коммент. 213. В частности, румынское правительство выражало недовольство тем, что его представитель полковник Е. Арион не был допущен к переговорам о перемирии. В ответ Румыния заявила, что не признает выработанные без ее участия условия мира. Александр II и кн. А. М. Горчаков разъясняли кн. Э. Гике 14 (26) января 1878 г., что «Румыния не

может принять участия в переговорах и стать участником договора по той причине, что ее независимость еще не утверждена Европой» и «пока на долю России выпадает задача защиты интересов румын и признания их конгрессом, на который страна может послать консультативную делегацию» (Бесарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы / Сост. В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова. М., 1996. С. 127–128, 151; *Independenta Romanici Documente. Vol. IV. Buc., 1978. P. 302, 329*).

Тем не менее, князь Карл Румынский, поздравляя 23 января (4 февраля) 1878 г. вел. кн. Николая Николаевича с заключением перемирия, не скрывал сожаления о том, что «в Петербурге не приняли во внимание нашу просьбу о допущении румынского уполномоченного к участию в заключении перемирия, в качестве представителя союзной воюющей нации». Рассматривая это как «незаслуженное устранение», князь Карл намеревался удержать Виддин и Белградчик «в виде залога, впредь до уплаты военных издержек и вознаграждения, которое Турция должна уплатить Румынии». Судя по записям в дневнике М. А. Газенкампа, подобные претензии румын вызывали в окружении русского главнокомандующего плохо скрываемое раздражение. Весьма Характер, что румынам даже не сразу сообщили подписанные «Условия перемирия» (во всяком случае, 31 января 1878 г. у князя Карла не было их текста). См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 416–417, 429.

220 Вечером 14 января 1878 г. вел. кн. Николай Николаевич телеграфировал из Адрианополя: «По теперешним обстоятельствам, мне кажется, было бы полезно приготовить к отправке из Севастополя на судах Общества пароходства и торговли одну дивизию десятого корпуса с тремя десятифунтовыми батареями с тем, чтобы по моему усмотрению можно было высадить ее на том месте, которое найду необходимым и удобным. В случае твоего согласия, прошу меня уведомить или приказать Семеке сообщить, около какого времени все может быть готово к отплытию». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 380–381.

«... Средства эти приготовить нетрудно, — отмечал в своем дневнике 18 января вел. кн. Константин Николаевич, — но сама перевозка по-моему немислима ввиду турецких броненосцев, находящихся в Черном море. Так и решили ответить...» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 60).

Только 21 января великий князь получил телеграмму императора, данную из Петербурга 18 января: «Приказал составить соображение о средствах для амбаркации одной дивизии в Севастополе, но, признаюсь, недоумеваю, возможно ли решиться на подобное предприятие в виду турецкого флота. Притом, желаю знать цель и место высадки». «13-ю дивизию я полагал посадить на суда и двинуть к Босфору, к тому

времени, когда, в случае непринятия Портою мирных оснований, военные действия привели бы нас с сухого пути к Царьграду и Босфору, — отвечал главнокомандующий, ранее не раскрывавший своих планов, по словам М. А. Газенкампа, «из опасения, что Государь отвергнет этот смелый план». — Полагал высадить эту дивизию на малоазиатский берег, с тем, чтобы действовать на Скутари...». «...Нельзя не сказать, — отметил 21 января, приводя эту телеграмму в своем дневнике, Газенкампф, — что объяснение это довольно слабое, и нет сомнения, что мысль о десанте на малоазиатский берег Босфора останется без последствий. Едва ли и сам великий князь будет на этом настаивать: мысль мелькнула внезапно, а теперь она его больше не занимает». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 402–403.

²²¹ Воспоминания Л. Н. Соболева о боях на Шипке см.: *Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала. Из воспоминаний очевидца // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.* Т. 1. СПб., 1878. С. 202–234; *Он же. Последний бой за Шипку: По поводу воспоминаний В. В. Верещагина 1877–1878. Очерк // Русская старина.* 1889. № 5. С. 411–450.

²²² Вечером 20 января 1878 г. Александр II телеграфировал вел. кн. Николаю Николаевичу: «Последнее известие из Константинополя о согласии Порты на наши условия послано оттуда 12-го числа, но до сих пор не имею от тебя известия, начаты ли переговоры о перемирии. По общим политическим соображениям, желательно ускорить заключение перемирия и не давать предлога к толкованию, будто мы нарочно тянем переговоры, чтоб ближе подойти к Царьграду. Такое желание отнюдь не должно входить в наши виды, коль скоро Порта приняла наши условия». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 413.

Подозрения Д. А. Милютина были, по-видимому, недалеко от истины, если, конечно, учесть, что известия с Балкан приходили с большим опозданием. «Сегодня вечером, за чаем, великий князь высказывал опасение, как бы Горчаков и его дипломатические подручные, вечно оглядывающиеся на Англию и Австрию, не затормозили наше наступление, — записал 12 января в дневнике М. А. Газенкампф. — Идея дойти до Константинополя и Галлиполи вполне овладела великим князем; он только об этом и думает и говорит, и ужасно боится, чтобы Государь его не остановил. Этим он объясняет и свое неудержимое стремление вперед, без всякой заботы о своем тыле. Он говорил сегодня, что мало занять Константинополь и Галлиполи, а надо перебросить войска на азиатский берег Босфора и Дарданелл и — уже укрепившись на обоих берегах — диктовать свои условия не только султану, но и Англии с Австрией... Со времени нежданно-негаданного захвата Адрианополя он так проникся стремлени-

ем в Царьград, что об осторожности и слышать не хочет. Непокойчицкий всецело разделяет все его взгляды. Стало быть, и разговаривать нечего...». Впрочем, даже в ближайшем окружении главнокомандующего его смелым замыслом сочувствовали далеко не все. «План величественный, но неисполнимый, — отмечал в дневнике тот же Газенкамф. — Занять с налету, конечно, все можно, пользуясь теперешней паникой, но удержаться нельзя. У нас нет ни флота, ни артиллерии, ни боевых запасов, ни обозов. Артиллерию и боевые запасы еще можно захватить у турок и подвезти морем из Одессы, но флот — взять неоткуда» (Там же. С. 360). «...Все радуются близкому окончанию войны: на этот счет нет двух мнений, — констатировал он 18 января, когда уже было известно о согласии турок с условиями перемирия. — С помощью Божией и заступничеством Николая Чудотворца, одолели Турцию, закончили кампанию с треском и блеском и можем вполне удовлетвориться этим. Даже Скобелев 2-ой сознает и признает, что нам еще не под силу решать восточный вопрос окончательно. Наше победное шествие совершается теперь войсками в рубищах, без сапог, почти без патронов, зарядов и артиллерии, без обозов, без обеспеченного продовольствия, без всякого сообщения не только с Россией, но даже с Румынией и придунайской Болгарией. Мир необходим, пока еще наши европейские недруги не уяснили себе нашего положения. Турция повержена в прах, но англичане не дремлют». Впрочем, в этой же записи Газенкамф вновь сожалел о том, «что сохранилось телеграфное сообщение с Петербургом». «Не будь телеграммы государя от 12-го января, мы заняли бы Константинополь и Галлиполи так же шутя, как Адрианополь. Тогда и с Англией был бы совсем другой разговор». По словам Газенкамфа, «это последнее мнение великий князь вполне разделяет»: «Пока не была сегодня получена телеграмма князя Горчакова [в ней сообщалось о телеграмме кн. Рейсса о согласии султана на перемирие и гр. П. А. Шувалова о возможности разрыва отношений с Англией, — А. М.], в телеграмму Государя, вчера полученную [17 января великим князем была получена телеграмма, отправленная Александром II 12 января, — А. М.], как-то не вдумались. Только сегодня, внимательно сопоставив содержание обеих телеграмм, мы вполне поняли всю трудность настоящего положения. На самом интересном месте нам поставлена точка». (Там же. С. 392–396).

²²³ В январе 1878 г. канцлер Австро-Венгрии гр. Д. Андраши решительно протестовал против заключения Россией и Турцией сепаратного мира на условиях, прямо противоречивших договоренностям, существовавшим между Россией и Австро-Венгрией (в частности, положениям Будапештской конвенции 15 января 1877 г.). О своем намерении отстаивать интересы двуединой монархии он телеграфировал австрийскому послу

в Петербурге барону Лангенау, указывая, что не сможет сохранить свой пост в том случае, если достигнутые при его участии соглашения с Россией будут нарушены. Как докладывал 17 января 1878 г. Александру II кн. А. М. Горчаков, получив от Лангенау телеграмму гр. Андраши, он пригласил посла к себе и, успокаивая, объявил ему, что «если после заключения перемирия Андраши захочет предложить созыв европейской конференции или проконсультироваться с кабинетами по этому вопросу, то мы не будем возражать». Горчаков также заверил посла в том, что хранит «непоколебимую веру в чувства императора Франца-Иосифа и лояльность графа Андраши» и не верит в успех английских попыток «поссорить нас с Австрией». Своей резолюцией Александр II полностью одобрил заявления своего министра. См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 425–426; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 353.

Андраши, узнав о разговоре Горчакова с Лангенау, признался русскому послу Е. П. Новикову, что «вздыхнул свободнее после получения ответа оттуда». «...Он объяснил тогда причину своих волнений, — сообщал Новиков Горчакову. — Он получил от меня, так же как и от австрийского посла при императорском дворе, уверения в том, что наши переговоры с турками не нанесут ущерба законному влиянию Австро-Венгрии на урегулирование последствий войны. С тех пор он с доверием ждал заключения перемирия. Однако хотя из Константинополя и был отдан приказ о подписании предварительных условий, заключение перемирия продолжало откладываться; больше того, ходили слухи, что мы потребовали от турецкого правительства сохранения абсолютной тайны по этим вопросам; и тягостная неуверенность не замедлила овладеть умами. Все осложнялось тем, что стали известны наши условия договора, которые заранее предусматривали протяженность границ Болгарии, независимость Румынии, Сербии и Черногории и увеличение территории последней; это был отход от предварительного соглашения с Австрией в том виде, как его предусматривали наши конвенции. Венский кабинет проводил благоприятную для нас политику во время войны; Андраши лично подвергался самым ожесточенным нападениям прессы и общественного мнения, обвинениям в легковерии и непредусмотрительности, этим преследовалась цель получить возможность взамен подчеркнуть влияние монархии на условия будущего мира. Он широко ставил нас в известность о судьбе стран, связанных с нами только традициями, тогда как Австрия была связана с ними еще одной материальной связью — связью соседства. А теперь мы решаем их судьбы наедине с Турцией! С некоторыми нашими пунктами Австрия согласилась, с такими, например, как независимость княжеств, но нам не следовало бы провозглашать ее путем заключения отдельно-

го акта с турками, так как этим мы оставляли Австрии крайне неблагодарную роль — молча подписаться под актом или воспротивиться ему с оружием в руках». Положение Андраши осложнялось тем, что его политика взывала зимой 1877/78 гг. всеобщее недовольство: Л. Кошут в своих письмах к нему высмеивал легковерие канцлера, консерваторы видели в его действиях признак ослабления монархии, военные, раньше сочувствовавшие сближению с Россией, были разочарованы тем, что предварительные условия мира предусматривали лишь временную оккупацию Боснии и Герцеговины, а не присоединение их к Австро-Венгрии. В результате, как писал Новиков Горчакову, «он решил склонить Петербург к конференции, как единственному выходу, намереваясь выйти в отставку в случае отказа, и он благодарит Вашу светлость за то, что Вы сообразовали согласиться».

20 января (1 февраля) Горчаков телеграфировал Новикову: «Вы знаете, что мы согласились на созыв европейской конференции, предложенной Австрией, и предоставили ей возможность договариваться по этому поводу с великими державами. Я еще не знаю, каким образом Андраши будет выполнять это поручение, но предупреждаю Вас, что мы не согласимся ни на Лондон, ни на Вену как место проведения конференции. Постарайтесь отвести эту идею, если она возникнет». (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 425–426, 429–432, 437–438; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 353).

²²⁴ Телеграмму вел. кн. Николая Николаевича о подписании «оснований мира» и условий перемирия 19 января 1878 г. см.: *Газеткампф М. А.* Мой дневник (1877–78 гг.). СПб., 1908. С. 399. Протокол о принятии «Предварительных оснований мира» и «Условия перемирия между императорскими российскими войсками и их союзниками и императорскими турецкими войсками» см.: Правительственный вестник. 1878 г. № 29. 5 (17) февраля; Россия и национально-освободительная борьба на Балканах (1875–1878). М., 1978. С. 359–360.

Согласно условиям перемирия, турки очищали крепости Виддин, Русчук, Силистрию и Эрзерум, а также целый ряд населенных пунктов (в том числе Разград, Хаджи-Оглу-Базарджик, Белградчик и др.) и линию укреплений Деркос — Чекмеджи. На Балканах турецкие войска отходили с оружием, боевым снаряжением и движимым имуществом в Варну, Шумлу и Приштину. Перемирие заключалось «на все время ведения переговоров о мире, впредь до благоприятного их окончания или до их перерыва» (в последнем случае стороны предупреждали друг друга о возобновлении военных действий за трое суток). «Срок на перемирие не назначен, — отвечал 25 января великий князь на вопрос императора о том, «положен ли срок перемирию?». — Они просили, но я отклонил, потому

что нахожу, что выгоды от этого не было бы никакой, а выговорено, что перемирие продолжается до заключения мира или до перерыва переговоров. Так что если увижу, что переговоры будут затягиваться, то я всегда волен им назначить срок, и если их не окончат к тому времени, то буду всегда в состоянии прервать переговоры...». См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 415.

225 С самого начала войны овладение Батумом рассматривалось в окружении вел. кн. Михаила Николаевича как одна из основных целей боевых действий на Кавказе. Для ее достижения был сформирован особый Кобулетский отряд под командованием Г. К. Оклобжио, насчитывавший около 14 тыс. солдат при 48 орудиях. Выделение этого отряда существенно ослабляло Действующий корпус, однако для взятия Батума его сил оказалось совершенно недостаточно. Защищавший Батум корпус Дервиш-пашине только отразил атаку русских войск, но вскоре сам перешел в наступление и заставил Оклобжио отступить и перейти к обороне. 15 ноября, узнав о падении Карса, Дервиш-паша решил вернуться на укрепленную позицию у Цихидзири. В начале января, понимая, что война уже близка к завершению, вел. кн. Михаил Николаевич предписал А. В. Комарову, сменившему к этому времени Оклобжио во главе отряда, возобновить наступление. 18 января Комаров атаковал Цихидзири, но был отбит, понеся большие потери.

226 Л.-гв. Московский полк прибыл в Адрианополь 16 января около 5 часов утра, после тяжелого перехода и переправы вброд через р. Марица. Его разместили во 2-м этаже деревянных турецких казарм (на первом уже располагались лейб-гренадеры, гвардейские саперы, а также прибывшие квартиртеры л.-гв. Финляндского полка). Только лишь уставшие солдаты успели заснуть, как вспыхнувший на первом этаже пожар быстро охватил все здание. «...В переполохе, — писал в дневнике М. А. Газенкамф, — вместо того, чтобы спустить знамя из окна, понесли его к выходу на лестницу, уже горевшую. Что было дальше — неизвестно, но только знамя погибло в огне вместе с караулом. У многих офицеров и солдат сгорело решительно все: некоторые спаслись, буквально, в одних рубашках». Сообщая о гибели находившихся в карауле 11 человек и знамени 4-го батальона, вел. кн. Николай Николаевич телеграфировал, что «полк в отчаянии». 18 января он сообщил в Петербург, что «москвцам удалось, к величайшей их радости, найти в развалинах казармы орла от сгоревшего знамени, хотя и сильно поврежденного». Сожалея о случившемся, Александр II отвечал 20 января, что прикажет выдать батальону новое знамя. См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 388, 397, 414–415.

227 Члены императорской фамилии поздравили императора с заключением перемирия еще вечером 21 января. Среди поздравлявших отсутствовал

лишь вел. кн. Константин Николаевич, которому Александр II публично сделал за это выговор во время развода 22 января. Со своей стороны, великий князь отказывался понять, «с чем было поздравлять, потому что по-моему перемирие останавливает нас на полдороги, и нашим детям, а, может быть, и нам самим, придется возобновить эту борьбу» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 61–62).

²²⁸ Имеется в виду так называемый «Союз трех императоров» 1873 г. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

20 января (1 февраля) 1878 г. русский посол в Берлине П. П. Убри сообщил в Петербург о беседе императора Вильгельма I с принцем Александром Гессенским: «Его величество упомянул среди прочего о том, что был бы огорчен, если бы союз трех, гарантия европейского мира, распался, и что он сделает все возможное, чтобы сохранить союз; но он хотел бы, чтобы наши решения облегчили его положение перед Австрией». Принц Александр отметил, что у императора «ноявлялась некоторая напряженность и скованность всякий раз, когда речь заходила об Австрии» (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 438). См. также Приложение VIII.

²²⁹ Рабочий-революционер Архип Петрович Емельянов (псевдоним Боголюбов) был арестован за участие в демонстрации у Казанского собора и присужден к 15-ти годам каторжных работ. В 1877 г. Емельянов во время содержания его в доме предварительного заключения был подвергнут по приказанию градоначальника Трепова наказанию 25-ю ударами розог за то, что не снял перед ним шапки. Истязание Емельянова вызвало протест заключенных, которые были за это избиты. Указанное событие явилось причиной покушения Веры Засулич. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

13 июля 1877 г. петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов столкнулся с отсутствием элементарного порядка при содержании под стражей политических преступников в «доме предварительного заключения». Его недовольство выразилось, в частности, в распоряжении о наказании Боголюбова, что было не вполне законно (как уже осужденный он подлежал телесным наказаниям, однако приговор еще не вступил в силу, так как не был получен указ об оставлении без последствий поданной им кассационной жалобы). Прежде чем привести свое распоряжение в исполнение, Трепов, желая удостовериться в их правомочности, специально заезжал к начальнику 3-го отделения А. Ф. Шульцу, направившему его в Министерство юстиции, и к вице-директору Департамента Министерства юстиции А. Ф. Кони, которого не застал дома. Тогда он отправился непосредственно к министру юстиции гр. К. И. Палену, горячо поддержавшему его решение. Как вспоминал Кони, уже на следующий день он «горячо объяснил» градоначальнику всю «незаконность и жестокость» его дей-

ствий: «Клянусь Вам, Анатолий Федорович, — сказал Трепов, вскакивая с кресла и крестясь на образ, — клянусь Вам, вот этим. что если бы Пален сказал мне половину того, что говорите Вы теперь, я бы призадумался, я бы приостановился, я бы иначе взыскал с Боголюбова... Но, помилуйте, когда министр юстиции не только советует, но почти просит, могу ли я сомневаться? Я — солдат, я — человек неученый, юридических тонкостей не понимаю! Эх, зачем Вас вчера не было?! Ну, да ничего, — прибавил он затем, — теперь там уже все спокойно, а им на будущее время острастка... Боголюбова я перевел в Литовский замок. Он здоров и спокоен. Я ничего против него не имею, но нужен был пример. Я ему послал чаю и сахару. А в доме предварительного заключения теперь все успокоились... Ведь Вы знаете: когда мне объяснят, что «закон гласит», я всегда послушаюсь, так Вы на меня не сердитесь! Ведь мое положение трудное, надо столицу охранять... *они* все на войне, а я тут сиди да соблюдай порядок, когда все распущено! И зачем они эту войну затеяли!». По словам Кони, Трепов ушел от него, «чувствуя себя не по себе». Между тем история, случившаяся в доме предварительного заключения, вскоре стала достоянием гласности («Новое время» подробно описало ее в № 502); Засулич узнала о ней со слов знакомых, после чего, по ее собственным словам, «не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие». Покушение на Трепова было совершено ею на следующий же день после вынесения приговора по «делу 193-х». См.: *Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1966. С. 48–54, 119–120.*

²³⁰ Вел. кн. Константин Николаевич записал 24 января 1878 г. в дневнике: «...Когда воротился домой, узнал от Рылеева, что в Трепова выстрелила из револьвера в упор какая-то женщина, пришедшая с прошением, стриженная, вероятно, нигилистка. Пуля пробила кость и засела в полости живота так, что ее не только вынуть, но и дощупаться нельзя. Как бедного честного Трепова жалко! Да спасет его Бог!». В тот же день великий князь навел на градоначальника: «...Он в это время дремал, и я потому его не видел, но доктор Барг мне подробно рассказал его рану и объяснил, почему имеется некоторая надежда на благополучный исход» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 62–64). 24 января Ф. Ф. Трепова посетил и Александр II. Вскоре Трепов поправился и даже стал выезжать, однако пулю Засулич так и не удалось извлечь, вплоть до его смерти в 1889 г. Как вспоминал присутствовавший при бальзамировании тела Трепова начальник Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкий, проводивший вскрытие «профессор Бец установил безусловно присутствие в теле Трепова пули, которая опустилась до мочевого пузыря, оставив за собою незаросшую дорожку». По словам Но-

вицкого, «Трепов, в особенности в последние годы,... терпел невероятно мучительные боли, о чем мне и передавал». См.: *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 167.

- 231 Решение британского правительства о направлении флота к Константинополю было принято 27 января (8 февраля) 1878 г. Непосредственным поводом служило опасение, что русские войска, заняв после заключения перемирия чаталджинские позиции, в любой момент и под любым предлогом могли войти в турецкую столицу, оставшуюся беззащитной. «Совет министров часто собирался, и в нем секретно обсуждались различные меры, которые надлежало принять против России, чтобы запугать ее и остановить движение ее армий, — писал позднее русский посол в Лондоне гр. П. А. Шувалов. — Лорд Биконсфильд настаивал на посылке английского флота в Константинополь, но этот проект разбивался о мирную позицию лорда Дерби, не хотевшего вовлекать свою страну в политику авантюры и ставившего в зависимость от этого вопроса свое участие в министерстве. Отдававшиеся флоту приказания и контриказания, свидетелями чего мы были, объяснялись желанием сохранить лорда Дерби и избежать распада кабинета в момент кризиса. И флот то двигался к Константинополю, тот отступал. Взятие нами укрепленного пункта Чаиалджи переполнило чашу, и тогда окончательно было решено послать к Константинополю английскую эскадру. Чтобы победить сопротивление лорда Дерби, его коллеги убеждали его (не знаю, верил ли он этому когда-нибудь), что морская демонстрация не была направлена против России, а только имела целью безопасность английских резидентов в Константинополе. Лорд Дерби уступил, и это известие, в тот же день официально объявленное в обеих палатах, произвело впечатление взорвавшейся бомбы». «...Решение нарушить договор и послать флот к Константинополю было принято с такою внезапностью, — подчеркивал гр. Шувалов, — что русский посланник, естественно, не имел возможности снести со своим правительством». Узнав о принятом решении, гр. Шувалов отправился к лорду Дерби, которого застал «очень озабоченным и мрачным». Приказ флоту был уже отдан, и он «не считал возможным, из опасения скомпрометировать английскую политику, отменить вторично в течение двух недель инструкции, данные адмиралу». «Видя, что я уже не могу изменить решения британского правительства, — вспоминал гр. Шувалов, — я объявил лорду Дерби на свой страх и риск, что выступление их флота, вместо того, чтобы спасти Константинополь, достигнет совершенно обратной цели, что прохождение ими проливов, как явное нарушение договора, освободит нас от всех данных нами относительно Константинополя и Галлиполи заверений. Мое заявление произвело сильное впечатление на государственного секретаря

ря» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 87–88).

В тот же день гр. Шувалов сообщил в Петербург о принятых в Лондоне решениях, указав, что их «истинные мотивы: удовлетворить сторонников войны, ответить на взятие Чаталджи и быть готовыми захватить раньше нас форты Босфора». Он также передал и те заявления, которые были сделаны им лорду Дерби. На следующий день он отказался передать в Петербург успокоительные заверения британского правительства и «настаивал на прекращении всяких обязательств в отношении Галлиполи». «Здесь гордятся, — телеграфировал он в Петербург, — направленной против нас морской демонстрацией. Я считаю, что было бы весьма политично выказать известную энергию, заявив, что вступление флота в проливы освобождает нас от прежних обещаний и что, если Англия высадит хотя бы одного человека, мы будем вынуждены вступить в Константинополь наравне с ними. Я полагаю, что такая решительная позиция не поведет к разрыву, а, наоборот, предупредит его, остановив англичан на опасном пути вызывающих действий, которые, если на них ничем не отвечать, могут продолжаться и далее». «...Мы способствовали бы также возрождению оппозиции, в настоящее время более не существующей, — убеждал посол канцлера, — доказав, что меры, принятые правительством, приводят к результатам, обратным ожидавшимся». «...Я всегда боялся конфликта с Англией, — признавался гр. Шувалов в своих воспоминаниях, — предвидя, насколько он может быть губелен для России, и поэтому необходимо объяснить те обстоятельства, которые заставили меня советовать занять Константинополь. Во мне родилась уверенность, что это не выльется в casus belli; я пришел к этому выводу не на основании слов лорда Дерби, а по выражению его лица, которое я изучил в течение целого ряда лет. Я замечал его испуг и мрачность каждый раз, когда я говорил ему, что вступление английского флота в проливы освобождает нас от всех обязательств касательно Константинополя и Галлиполи, и видел, что он становился спокойнее, когда речь шла только об одном Константинополе. Поэтому я убедился, что вопрос войны или мира зависит не от Константинополя, а от Галлиполи» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 89–90).

Тем не менее, нельзя не отметить, что в своих телеграммах 1878 г. гр. Шувалов был гораздо менее категоричен, чем в позднейших воспоминаниях. И это не случайно: они были написаны в 1881 г., когда бывшему уже послу России в Великобритании приходилось оправдываться от обвинений в том, что именно его телеграммы помешали русским войскам овладеть Константинополем. Об этом, в частности, еще в 1878 г. сам

Александр II говорил И. В. Гурко. См.: *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. Воспоминания. М., 1991. С. 354–355.

²³² В ночь с 28 на 29 января 1878 г. Александр II телеграфировал вел. кн. Николаю Николаевичу: «Из Лондона получено официальное известие, что Англия, на основании сведений, отправленных Лейардом, об опасном, будто бы, положении христиан в Константинополе, дала приказание части своего флота идти в Царьград для защиты своих подданных. Нахожу необходимым войти в соглашение с турецкими уполномоченными о вступлении и наших войск в Константинополь с тою же целью. Весьма желательно, чтобы вступление это могло состояться дружественным образом. Если же уполномоченные воспротивятся, то нам надобно быть готовыми занять Царьград даже силою. О назначении числа войск предоставляю твоему усмотрению, равно как и выбор времени, когда приступить к исполнению, приняв в соображение действительное очищение турками дунайских крепостей». См.: *Газенкамф М. А.* Мой дневник (1877–78 гг.). СПб., 1908. С. 430.

Судя по записи в дневнике М. А. Газенкамфа, эта телеграмма была получена великим князем только 2 февраля (хотя еще 1 февраля пришли телеграммы, отправленные Александром II 30 и 31 января). Он намерениях же англичан главнокомандующий русской армией узнал еще вечером 29 января из телеграммы Сервера-паши, тогда же пересланной в Петербург. Как сообщал из Константинополя Сервер-паша, британский посол уведомил его о том, что 6 судов английского флота получили приказ пройти Дарданеллы. Турецкий комендант, не имея указаний из Константинополя, отказался их пропустить, и они вынуждены были вернуться в Безинскую бухту. «...Оставаясь верной духу своих обязательств, — заключал паша, — Блистательная Порта считает долгом довести вышеизложенное до Вашего сведения и поспешает заявить, что безопасность столицы не оставляет ничего желать, и что она будет настаивать перед британским правительством об отмене упомянутой меры». Великий князь благодарил пашу и одобрил ответ Порты, оговорив, что если бы он «опасался за христиан и соотечественников наших в столице султана, то счел бы своею обязанностью прибегнуть к подобным же мерам» (Там же. С. 422–423).

²³³ 30 января (11 февраля) 1878 г. гр. П. А. Шувалов получил от кн. А. М. Горчакова телеграмму, отправленную накануне послам в Лондоне, Берлине, Вене, Париже и Риме: «Британское правительство в связи с донесениями своего посланника в Константинополе решило воспользоваться фирманом, которого они недавно добились, и отправить часть своего флота в Константинополь для защиты жизни и безопасности британских подданных. Другие приняли те же меры в отношении своих подданных. Сово-

купность этих обстоятельств заставляет нас наметить с нашей стороны меры к защите христиан, жизнь и имущество которых оказались бы в опасности. Для достижения этой цели следует иметь в виду вступление части наших войск в Константинополь» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 90). Вел. кн. Николай Николаевич получил эту же телеграмму канцлера 1 (13) февраля. См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 428–429.

См. также схожую по смыслу телеграмму, посланную кн. Горчаковым представителям России в Берлине, Вене, Париже и Риме 31 января (12 февраля) 1878 г.: *Освобождение Болгарии от турецкого ига*. Т. 2. М., 1961. С. 470.

²³⁴ На семейном обеде в Зимнем дворце 29 января 1878 г., по словам вел. кн. Константина Николаевича, «много говорили о мерзости англичан, выбравших теперешнюю минуту, чтоб послать флот в Босфор» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 66).

²³⁵ Вел. кн. Константин Николаевич записал в своем дневнике 30 января 1878 г. о состоявшемся у императора «небольшом совещании с Горчаковым и Милютиным»: «Говорили про посылку английского флота и наше вероятное движение в Константинополь, о чем Государь телеграфирует прямо султану... Вечером нашел между горчаковскими депешами извещение из Берлина, что турки сами противятся входу английского флота в Босфор и не дают пропускного фирмана!! Что за прелесть, и какая это оплеуха англичанам» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 66–67).

²³⁶ В своей телеграмме, посланной султану 30 января 1878 г. Александр II объяснял необходимость «сообразить меры ко вступлению части моих войск в Константинополь для ограждения жизни и собственности христиан, которым могла бы угрожать опасность» решением британского правительства «ввести часть своего флота в Босфор для охраны жизни и безопасности своих подданных» и соответствующими мерами других держав. «...Но если я буду вынужден принять эту меру, — указывалось в заключении, — она будет направлена лишь к одной миролюбивой цели: поддержанию порядка, а потому она и не может быть в противоречии а намерениями Вашего Величества». Текст телеграммы см.: *Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование*. М., 2006. С. 778.

²³⁷ По видимому, Д. А. Милютин имеет в виду телеграмму, отправленную вел. кн. Николаю Николаевичу от имени императора 30 января 1878 г. в 5 ч. 40 мин. пополудни, и полученную им 1 февраля: «Вступление английской эскадры в Босфор слагает с нас прежние обязательства, принятые нами относительно Галлиполи и Дарданелл. В случае, если бы англичане сделали где-либо высадку, следует немедленно привести в ис-

полнение предположенное вступление наших войск в Константинополь. Предоставляю тебе, в таком случае, полную свободу действий на берегах Босфора и Дарданелл, с тем, однако же, чтобы избежать непосредственного столкновения с англичанами, пока они сами не будут действовать враждебно». См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 428.

²³⁸ Король Италии Виктор-Эммануил II скончался в Риме 9 января 1878 г. Ему наследовал его старший сын Умберто I.

²³⁹ Папа Пий IX скончался 7 февраля 1878 г. на 86-м году жизни.

²⁴⁰ 31 января (12 февраля) 1878 г. Абдул-Гамид II телеграфировал Александру II о том, что безопасности его подданных ничего не угрожает, а британский флот удалился от Дарданелл. В тот же день из Петербурга последовал ответ, в котором повторялось, что русские войска вынуждены будут занять Константинополь в случае, если «часть английского флота все-таки вступит в Босфор». Текст обеих телеграмм см.: *Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование*. М., 2006. С. 780–781; *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 431.

²⁴¹ 1 (13) февраля 1878 г. 6 английских броненосцев под командованием адмирала Хорнби вошли в Мраморное море и бросили якорь у Принцевых островов. Султан обратился к королеве Виктории с письмом, в котором просил отозвать эскадру, одновременно он по телеграфу умолял Александра II об отсрочке вступления русских войск в Константинополь до получения ответа из Лондона. 3 (15) февраля, узнав о том, что английская эскадра находится у Принцевых островов, Александр II телеграфировал Абдул-Гамиду о невозможности отказаться от временного занятия Константинополя русскими войсками. См.: *Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование*. М., 2006. С. 781–782; *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 431–432, 443–444.

²⁴² Рекомендации Д. А. Милютина в данном случае совпадали с предложениями русского посла в Лондоне гр. П. А. Шувалова (см. коммент. 231). 1 (13) февраля он телеграфировал кн. А. М. Горчакову: «Дерби выразил мне серьезную надежду, что мы не двинемся на Галлиполи и не предпримем ничего, угрожающего флоту. Подобное движение рассматривалось бы в Англии как угроза безопасности флота и при настоящем состоянии общественного мнения повело бы к серьезным последствиям. Это новый клапан для предотвращения взрыва. Находясь перед Константинополем, они не могут сохранять свою прежнюю позицию запрета нашим войскам вступить в Константинополь, и поэтому английские министры запрещают нам войти в Галлиполи. Если хотите не допустить

падения Дерби, дайте ответ, способный их удовлетворить». 3 (15) февраля кн. Горчаков отвечал: «...Ввиду того, что английская эскадра прошла Дарданеллы, несмотря на протесты Порты, временное вступление наших войск в Константинополь неизбежно. В виде крайней уступки Вы можете заявить, что мы подтверждаем наше обещание не занимать Галлиполи при условии, что ни один английский солдат не высадится ни на азиатском, ни на европейском берегу». «После этой телеграммы, — вспоминал гр. Шувалов, — в течение десяти дней я ждал известия о вступлении наших войск в Константинополь» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 91). В тот же день, 3 февраля, Александр II извещал вел. кн. Николая Николаевича: «Английское министерство утверждает, что эскадра, вступившая в Босфор и Дарданеллы, имеет мирное назначение: не допускает, однако, что и с нашей стороны вступление части войск в Константинополь имело бы такой же характер. На это объявлено чрез графа Шувалова, что временное вступление части наших войск в Константинополь, с тою же мирною целью, сделалось неизбежным. Но в виде последней уступки обещано Англии, что мы не займем Галлиполи, если ни один английский солдат не будет высажен на берег, ни на европейский, ни на азиатский. Сообщаю тебе об этом для руководства. Что же касается до Босфора, то надобно зорко следить, чтобы не допускать английские суда, и в случае какой-либо попытки их в эту сторону — постараться занять, если можно, с согласия султана, некоторые из укреплений европейского берега». См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 437. Впрочем, эти предосторожности были в значительной мере тщетны: на английских кораблях не было десантных войск.

- ²⁴³ Речь идет о переговорах относительно заключения перемирия и о подписании «Предварительных оснований мира» и «Условий перемирия». Текст их был отправлен вел. кн. Николаем Николаевичем в Петербург 22 января 1878 г., вместе с подробным отчетом о завершении боевых действий. См.: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 403–410. 5 (17) февраля оба документа были опубликованы в «Правительственном вестнике».
- ²⁴⁴ Подробнее о телеграфной переписке Александра II в январе-феврале 1878 г. см.: *Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование*. М., 2006. С. 778–793; *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 410–452.
- ²⁴⁵ Состояние русских войск, по-видимому, исключало в том момент возможность занятия Константинополь. Вел. кн. Николай Николаевич был явно озадачен, получив 1–2 февраля телеграммы, в которых Александр II предписывал ему вступить в турецкую столицу. 4 (16) февраля великий

князь телеграфировал в Петербург: «С каждым днем занятие войсками нашими Константинополя становится затруднительнее, в случае если Порты добровольно не согласится на наше вступление, потому что численность турецких войск увеличивается с каждым днем войсками, привозимыми из оставляемых ими крепостей. Предупреждаю об этом для того, чтобы ты не считал занятие Царьграда столь же легким и возможным, как то было две недели тому назад. Затрудняет переговоры распущенный в Царьграде слух о предполагаемой будто бы европейской конференции, до исхода которой мир не будет считаться окончательным». Турки упрасивали великого князя по возможности отложить вступление в Константинополь. Однако еще 4 февраля он, по свидетельству М. А. Газенкампа, был убежден в том, что «Константинополь занять следует, риска тут нет, Англия нам войны не объявит». См.: *Газенкампф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 435, 438.

Между тем тот же Газенкампф еще 2 февраля отмечал в дневнике: «...Турки, имея за собою английский флот, уже не будут так сговорчивы, как прежде. По соглашению с ними занять Константинополь не удастся, а занять его силою — теперь мудрено: сила наша ведь только призрачная, у нас почти вовсе нет ни зарядов, ни патронов. Слава Богу, что этого никто, кроме нас, не знает» (Там же. С. 430). «...Мысль о занятии Константинополя лучше бросить, — записал он на следующий день, — ибо занять его еще можно, но удержать нельзя. А скоро нельзя будет и занять без боя, когда подойдут войска из очищаемых турками крепостей. У нас ничего не подготовлено. Боевые запасы далеко позади, и неизвестно, когда подтянутся, а интендантской части вовсе нет. Жили мы до сих пор, со дня перехода через Балканы, исключительно местными средствами, пользовались ими бессистемно и беспорядочно, а теперь и этого источника не предвидится. Местность между Адрианополем и Константинополем редко населена и средствами бедна: чем питаться будем, если война возобновится? Связи с тылом у нас не существует, да и тыл-то наш в хаотическом состоянии...». (Там же. С. 434).

4 февраля о своих сомнениях относительно успешности наступления на Константинополь заявил К. В. Левицкому и А. А. Непокойчицкому и И. В. Гурко. «Гурко полагает, — передавал его слова Газенкампф, — что идти теперь в Константинополь — значит лезть в ловушку, поставленную англичанами, которые нас же обвинят в том, что таким насилем мы вызываем европейскую войну. Но, не входя даже в чуждую нам, военным, область политики — наступление на Константинополь есть очень серьезный шаг, который нельзя делать, не подготовив его успеха. А между тем у нас нет ни зарядов, ни патронов, ни хлеба, ни сухарей...». (Там же. С. 438).

- ²⁴⁶ Решительно не соглашаясь на проведение конференции в Вене или Лондоне, кн. А. М. Горчаков первоначально предлагал собрать ее в Бадене или Дрездене. Гр. Д. Андраши согласился на созыв конференции в Бадене и разослал приглашения в столицы великих держав, однако кн. О. Бисмарк и лорд Дерби отказались участвовать в совещаниях. Тогда кн. Горчаков выступил с инициативой провести в Берлине под председательством германского канцлера не конференцию, а конгресс с участием глав правительств великих держав. См.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 786–791.
- ²⁴⁷ Предположение о возможности разрыва с Австро-Венгрией, по-видимому, основывалось на сведениях о военных приготовлениях в Дунайской монархии. Русский военный агент в Вене Ф. А. Фельдман 4 (16) февраля 1878 г. сообщал начальнику Главного штаба гр. Ф. Л. Гейдену о том, что «вопрос о занятии Боснии снова серьезно обсуждается и, как говорят, предлогом для вступления австрийских войск послужит вторжение английских броненосцев в Мраморное море». «...Австрия, — писал Фельдман, — видя в этом нарушение трактатов и явное намерение Великобритании обеспечить свои личные интересы, находит, что и для нее наступила минута воспользоваться плодами своего нейтралитета». (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 491).
- ²⁴⁸ В начале февраля 1878 г. вел. кн. Николай Николаевич находился в сложнейшем положении: каждый день он получал телеграммы императора, в которых ему предписывалось занять Константинополь с согласия турок, турки от подобного соглашения уклонялись, между тем несогласованное с ними наступление могло, особенно в случае его более чем вероятной неудачи, сорвать перемирие, начавшиеся переговоры и привести к новому, непредсказуемому обострению международного кризиса. Но и не подчиниться прямым указаниям царя главнокомандующий не мог. Тогда, по свидетельству М. А. Газенкампа, «граф Игнатъев придумал компромисс занятия Сан-Стефано». «...Конечно, — писал Газенкамп в дневнике, — ни великий князь, ни мы даже не знали о существовании такого “предместья Константинополя”, но Игнатъев уверяет, что это — чудное местечко на берегу Мраморного моря, что там мы будем все равно, что в Константинополе, а между тем англичанам придаться не к чему». В результате, 5 (17) февраля вел. кн. Николай Николаевич мог телеграфировать в Петербург: «Сейчас заявил Савфету, который немедленно послал с нашим драгоманом Ону в Константинополь Порте мое следующее предложение: ввиду переполнения Царьграда бежавшими переселенцами и страшной болезненности в столице, занять отрядом в 10000 человек не самый город, но Сан-Стефано на Берегу Мраморного моря, Кучук-Чекмендже и ближайшие деревни и казармы. В первое ме-

сто переиду сам, где будут продолжаться переговоры, которые в Адрианополе затрудняются большим расстоянием. Из Сан-Стефано, составляющего предместье Константинополя, будет мне возможно следить за английским флотом. Есть надежда на принятие Портою этого моего предложения». См.: *Газетикампф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 439–441.

Турки несколько дней не давали ответа, однако 10 февраля согласились, уступив перед угрозой великого князя начать наступление и занять нужные пункты без санкции Порты. 11 февраля вел. кн. Николай Николаевич переехал в Сан-Стефано, 12 февраля там же разместился л.-гв. Преображенский полк (Там же. С. 441–458).

249 О переговорах гр. Н. П. Игнатъева с Савфет-пашой о заключении предварительного мирного договора между Россией и Турцией подробнее см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 485–489, 492–495, 502, 519–527, 529–535, 541–544; *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано. Записки. Пг., 1916; *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 264–271.

250 Телеграммы вел. кн. Николая Николаевича, посланные из Сан-Стефано 18–19 февраля 1878 г. см.: *Газетикампф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. С. 473–479. Телеграмму гр. Н. П. Игнатъева см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 545.

Записка Д. А. Милютинина в его фонде (ОР РГБ, ф. 169) не обнаружена.

251 См. также составленную в это же время записку Н. П. Игнатъева о положении и границах Болгарии по Сан-Стефанскому договору: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1961. С. 548–550.

252 По дороге в Адрианополь гр. Н. П. Игнатъев, следуя указаниям Александра II и кн. А. М. Горчакова, 19 (31) января 1878 г. попытался убедить румынского князя Карла и его министров И. К. Брэтиану и М. Когэлничану в необходимости отказаться от Южной Бессарабии. Князь Карл был явно недоволен и, как доносил русский консул в Бухаресте Д. Ф. Стюарт, «даже высказал мысль, что скорее отречется, чем согласится на меру, которая возбудит против него негодование всей страны», и однако затем «поручил министерству подготовить общественность и представителей народа к жертве, суровую необходимость которой он хорошо понимает». В результате, у Игнатъева осталось впечатление, что «его демарши увенчались полным успехом». Однако 26 января Палата депутатов и Сенат Румынии единогласно приняли заявления «о своей решимости сохранить целостность территории и не допустить отчуждения какой бы то ни было части румынских земель в обмен на территориальную компенсацию или возмещение убытков» (Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы / Сост. В. Н. Виноградов,

М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова. М., 1996. С. 128–129, 151–155).

²⁵³ 20 февраля 1878 г. вел. кн. Николай Николаевич телеграфировал: «Вчера скончался внезапно князь Черкасский от так называемой апоплексии мозга; третьего дня еще в 2 часа дня он со мною занимался около часа времени». Александр II отвечал: «...Весьма сожалею о бедном Черкасском». О тяжелой болезни Черкасского великий князь сообщал 10 февраля. См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 15. СПб., 1899. С. 247, 253.

О конфликтных отношениях между кн. В. А. Черкасским и его сотрудниками по организации управления в Болгарии в Петербурге было хорошо известно. «...Не горько ли, — еще 24 сентября 1877 г. сообщал Е. Ф. Тютчевой К. П. Победоносцев, — что о Черкасском — ни от кого ни одного доброго слова! Мало того — имя его произносится чуть ли не с проклятиями! Утин передавал нам свои разговоры с болгарями, из которых видно, какое мнение у них составилось о Черкасском. Он говорит, что Черк[асский], если б подлинно вошел в управление Болгарии, окончательно утратил бы ее для России, ибо ради его русское имя стало бы ненавистно в этой стране» (ОР РГБ, ф. 230, к. 4408, д. 12, л. 49). «...И вот еще, что горько, — писал Победоносцев Тютчевой 20 февраля 1878 г., узнав о смерти кн. Черкасского, — что он там, на этом деле — разорил свою репутацию, переменял свой образ, — и в этом изменившемся образе отошел от нас. Те, прежние товарищи и сотрудники — Милютин, Самарин — сохранили до конца черты свои, — а его перестали узнавать друзья прежнего времени... Боже! Как много их ушло, как мало их осталось» (Там же, д. 13, л. 4–5). То, что «сам Черкасский несколько строптивым своим характером и неумением обращаться с людьми давал часто повод к справедливым нареканиям и отталкивал от себя людей резкостью и колкостью своей речи», признавал и кн. Д. А. Оболенский. Вместе с тем он полагал, что «по уму и способностям князь Черкасский стоял далеко выше того уровня, какой терпится теперь в людях, употребляемых правительством». См.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 422–426. О кн. В. А. Черкасском см.: *Гросул В. Я.* Владимир Александрович Черкасский // *Российские либералы.* М., 2001. С. 159–197.

В копии дневника за 1878 г., сделанной А. М. Перцовой, вложена не вошедшая в текст и отсутствующая в подлиннике записка, сделанная рукой Д. А. Милютина: «Великий князь Николай Николаевич, в письме к Государю от 13 февраля 1878 г., из Сан-Стефано, отозвался в следующих строках о князе В. А. Черкасском: «Долгом считаю тебе конфиденциально сказать, что я совершенно недоволен князем Черкасским в отношении его управления гражданской частью в Болгарии. По этой части почти до сей

минуты им ничего не сделано и не подготовлено. Напротив, по делам Красного Креста он выказал много энергии и умения. Князь Черкасский теперь серьезно болен и если выздоровеет, то восстановление здоровья потребует много времени. Его обращение с болгарами и вообще с подчиненными возбудило с первого начала уже нерасположение к нему, и росло оно все более и более. Я лично с ним ладил, но признаюсь, работать с ним не легко. Теперь по случаю его болезни возможна замена его другим лицом; его страшное самолюбие не будет так раздражено, а змену его, для пользы дела, нахожу до крайности необходимою» (ОР РГБ, ф. 169, к. 6, д. 1, л. 22а).

- 254 С конца января 1878 г. вел. кн. Николай Николаевич делился с императором своими опасениями относительно санитарной обстановки в районе боевых действий. «...Все благополучно, здоровье войск покуда хорошее, — доносил он 29 января, — но очень боюсь весны, потому что по всему краю валяются падаль и мертвые тела, как последствия резни турками болгар при уходе первых из селений и мести болгар над турками. Хотя приняты меры для уборки тел, но число их так велико, что, боюсь может развиваться зараза». 22 февраля главнокомандующий телеграфировал, что «здоровье в войсках еще пока удовлетворительно, хотя уже тиф начинает показываться». В тот же день, сообщая о смерти от тифа командующего 9-м корпусом генерала В. К. Свечина, он отмечал, что «тиф не на шутку начинает работать», и «крайне необходимо подумать о выводе лишнего числа войск». Александр II, выразив сожаление «о развивающемся тифе и о смерти бедного Свечина», тем не менее констатировал: «...О возвращении войск не могу еще ничего решить, пока обстоятельства не разъяснятся». См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 15. СПб., 1899. С. 240, 255.
- 255 Вел. кн. Константин Николаевич 1 марта 1878 г. записал в дневнике: «...Дома позавтракал, а в 1 ч. в Зимний на военную конференцию у Государя. Были Милютин, Лесовский, Ф[едо]р Гейден и Обручев. Разбирали, сколько войск можем собрать на границах в случае войны с Австрией. Оказывается, достаточно для обороны, но мало для наступления. Тоже говорили о защите и укреплении Босфора. Но это повторим на будущей неделе с Тотлебсом и Игнатьевым... Было очень интересно и продолжалось до 3...» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 82).
- 256 Текст Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора см.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 159–175.
- 257 5 марта 1878 г. вел. кн. Константин Николаевич писал в дневнике: «...Читал потом мирный договор с Турцией. Он прекрасен, но как будет стараться Европа его исказить!... В 6 ч. семейный обед в Зимнем, а вслед за тем конференция у Государя с Горчаковым, Милутиным и Игнатьевым.

Англия явно все ведет к ссоре и к войне. Теперь протестует против посадки на суда наших возвращающихся войск в Буюк-Дере и грозит в таком случае занять Босфор. Приказали потому возвращение войск остановить. Придирается тоже к конгрессу, который делается от того все менее вероятным. Продолжалось до 9...» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1159, л. 84).

Телеграмму, направленную Александром II вел. кн. Николаю Николаевичу 6 марта 1878 г., см.: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. III. СПб., 1899. С. 31–32.

²⁵⁸ 5 (17) марта 1878 г. П. П. Убри телеграфировал кн. А. М. Горчакову о том, что кн. О. Бисмарк предложил провести в Берлине предварительную конференцию послов, которая определила бы состав и программу предстоящего конгресса. По мнению Бисмарка, конгресс должен был пересмотреть договоры 1856 и 1871 гг., учитывая заключение Сан-Стефанского трактата. См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1961. Т. 3. С. 40.

²⁵⁹ Черновик данной телеграммы в фонде Д. А. Милютин в ОР РГБ не сохранился.

²⁶⁰ О деятельности принца Александра Гессенского в начале 1878 г. подробнее см.: После Сан-Стефано: (Записки гр. Н. П. Игнатъева с примечаниями А. А. Башмакова) // Исторический вестник. 1916. № 1. С. 36–37.

²⁶¹ О поездке гр. Н. П. Игнатъева в Вену см.: После Сан-Стефано: (Записки гр. Н. П. Игнатъева с примечаниями А. А. Башмакова) // Исторический вестник. 1916. № 1. С. 35–58; № 2. С. 357–379; № 3. С. 654–678; *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 271–274; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 46–47, 61–69.

²⁶² В этой записке рассматривался вопрос о позиции Турции в случае разрыва России с Англией. Записка опубликована в «Особом прибавлении к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», вып. II, СПб., 1900, приложение № 14. С. 103–106. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

См. также: *Рыбаченок И. С.* Н. Н. Обручев о геостратегических интересах России // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века: Очерки. М., 2003. С. 94–96.

²⁶³ В телеграмме указывались меры, которые необходимо принять в случае разрыва с Англией, занимавшей по отношению к России враждебную позицию. Содержание телеграммы изложено в книге С. С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование». Т. II. СПб., 1903. С. 479–480. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

²⁶⁴ См. коммент. 74

- 265 Имеется в виду циркуляр британского министра иностранных дел Р. Солсбери, разосланный 20 марта (1 апреля) 1878 г. Подробнее о нем см.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 795–796.
- 266 Материалы данного Особого совещания в фонде Д. А. Милютинна в ОР РГБ не обнаружены.
- 267 См.: После Сан-Стефано: (Записки гр. Н. П. Игнатьева с примечаниями А. А. Башмакова) // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 656–662.
- 268 Составленный военным министром проект ответа на циркуляр Р. Солсбери в фонде Д. А. Милютинна в ОР РГБ не обнаружен.
- 269 Об ответном циркуляре кн. А. М. Горчакова на циркуляр Р. Солсбери см.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 796–798.
- 270 20 марта 1878 г. вел. кн. Николай Николаевич послал с берегов Босфора в Петербург записку «о теперешнем тут положении, разъясняющую, что возможно и чего нельзя, ввиду настоящих отношений к туркам, делать». Текст записки см.: *Газенкамф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 549–553.
- 271 Вел. кн. Константин Николаевич 27 марта 1878 г. писал в дневнике: «...Утром готовил доклад. В 11 ч. возил его к Государю. Потом он меня задержал к совещанию. Донесение Низи [вел. кн. Николая Николаевича, — А. М.] о трудностях и даже совершенной невозможности при теперешних обстоятельствах занять Босфор. Говорили о грустном болезненном состоянии Низи. Придется его отозвать, чтобы дать ему отдохнуть. Хотят заменить его Тотлебеню. Дешеша Убри, что Бисмарк спрашивает, не предложить ли ему англичанам выйти из Мраморного моря, с тем, что и мы отойдем на такое же расстояние. Много об этом рассуждали, но к 1 ч. еще не кончили, когда ради завтрака Государь прервал заседание. Но все клонилося к тому, чтобы принять это предложение...» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 9).
- 272 Вопрос о здоровье вел. кн. Николая Николаевича в феврале — марте 1878 г. все чаще звучал в его переписке с императором. Так, 12 февраля главнокомандующий признавался, что не может «долго стоять и ходить» (Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 15. СПб., 1899. С. 248). 20 марта Александр II по телеграфу просил великого князя сообщить, позволяет ли ему здоровье «продолжать командование армией с должною энергией, которая теперь необходимее, чем когда-либо». Великий князь телеграфировал в ответ: «Пока силы есть и я тебе нужен, буду работать до последнего издыхания. Желал бы только, чтоб силы не изменили, и если только мало-мальски дела поправятся, Бог даст, к лучшему, — прошу дозволить

мне тогда вернуться, чтоб отдохнуть...» (*Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг.* СПб., 1908. С. 549). Но уже на следующий день отправил Александру II пространное письмо, в котором акценты были расставлены несколько иначе: «...Я бы солгал, если бы сказал, что я здоров и силы мои надежны, а потому не могу скрыть, что они в самую нужную минуту могут мне изменить. Энергия у меня есть, но вопрос — надолго ли ее у меня хватит... Я не просился ни разу вон из армии, несмотря на то, что меня убеждали не раз, что отдых мне необходим, потому что это против моего убеждения проситься вон, пока еще стою на ногах. По-прежнему у меня есть дни, в которые не могу ни стоять, ни ходить, ни ездить верхом иначе, как шагом. Новой кампании не боюсь, но прочно ли мое здоровье для ведения ее — вот вопрос. И если ты имеешь в виду назначить кого-нибудь другого, здорового и кренкого, я никогда не обижусь, потому что совесть моя чиста, сделал, что мог, и доказал это только что конченную кампанию...» (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. III. СПб., 1899. С. 70–71).

273 Подробнее см.: *Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование.* М., 2006. С. 799–808.

274 По словам вел. кн. Константина Николаевича, 28 марта 1878 г. «приходил Милютин поговорить про теперешние тяжелые обстоятельства». «Мы совершенно сходимся в мыслях», — считал великий князь (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 9).

275 Вел. кн. Константин Николаевич 29 марта 1878 г. записал в дневнике: «...В 10 ч. прислали сказать, что Государь зовет в 11 ч. Там Милютин, Лесовский, Тотлебен, Игнатьев, Миша, Сашка, Владимир и Алексей. Главное толковали о Босфоре. Решились все держать в готове для его занятия, но выждать результат предложения Бисмарка, чтоб и англичане, и мы одновременно отошли от Стамбула. Известия о здоровье Низи все хуже, и он сам просит поскорее его заместить. Тотлебена, вероятно, отправят в начале будущей недели. В 12 ч. отзавтракали тут же, а в 1 ч. вторая конференция с Горчаковым. Андранши самым наглым образом откровенно отказывается от исполнения прошлогодних условий и грозит прямо войною, если мы не ограничим Болгарию Балканами. Читали ответ ему, который положительный и написан с достоинством и спокойствием. Продолжалось до $1\frac{1}{2}$ 3, и сердце ничего хорошего не чувствует. После этого договорились с Государем, что дома буду делать расписание морского начальства, но что себя в это расписание включать не намерен, дабы оставаться свободным на всякий случай. Государь отвечал, что ладно, потому что он полагает мне дать командование и морскими, и сухопутными силами, как было в 1856 году» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 10).

- 276 Инструкцию, направленную 30 марта 1878 г. кн. А. М. Горчаковым Е. П. Новикову для переговоров с Д. Андраши, см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 61–68.
- 277 Подробнее всего «дело Засулич» освещено в воспоминаниях одного из наиболее видных его участников — председателя Петербургского окружного суда А. Ф. Кони, см.: *Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1966. С. 24–252.*
- 278 Вел. кн. Константин Николаевич оставил в дневнике пространную запись о состоявшемся 3 апреля 1878 г. заседании Совета министров «по делу Засулич и по политическим покушениям»: «...Пален читал записку о временной передаче таких дел военно-полевым судам. Но по этому случаю начались самые ужасные нападки на наше судебное устройство и особенно на суд присяжных. К моему удивлению в этих нападках особенно отличились Грейг, Абаза и Горчаков, то есть именно те, от которых менее всего этого можно было ожидать. Все путали два разные вопроса, о пересмотре законодательства, что есть работа *de longue haleine* [продолжительная, — *фр.*], и об временной экстренной мере, ввиду экстренных обстоятельств, несмотря на то, что и я, и даже сам Государь беспрестанно к этому возвращались. Милютин доказывал невозможность передачи военно-полевым судам при их теперешнем составе. Тогда Миша и я предложили образование специальных судов. Против нас целая буря, но Государь прекрасно резюмировав все дело, приказал исполнить по нашему предложению. Кончилось в 1 ч....» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 13).
- 279 Со своей стороны, вел. кн. Константин Николаевич писал в дневнике о том, что после заседания Государственного совета он «говорил еще с Милютиным о предполагающейся мобилизации всей армии и ополчения и просил его уговорить Государя не торопиться этим теперь же». «...Другая мысль Милютина, кажется, принимается, — отмечал великий князь, — а именно, чтоб, ввиду совершенной невозможности занять Босфор, отойти нам за Адрианополь. Новая мобилизация была бы с этим в полном противоречии» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 13).
- 280 9 мая 1878 г. был принят закон, согласно которому из ведения суда присяжных временно были изъяты дела о преступлениях, предусмотренных в 1-й, 2-й и 5-й главах раздела IV Уложения о наказаниях (об убийствах и покушениях на убийство должностных лиц, нанесении им увечий и т. п. при исполнении служебных обязанностей; о сопротивлении распоряжениям правительства; об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности; о взломе тюрем, освобождении и побеге из-под стражи). Все данные преступления пере-

давались из окружных судов в судебные палаты для рассмотрения с участием сословных представителей.

- ²⁸¹ О планах ведения боевых действий в Азии в случае войны с Великобританией весной 1878 г. см.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 44–80.
- ²⁸² 5 (17) апреля 1878 г. кн. А. М. Горчаков телеграфировал гр. П. А. Шувалову: «Принимаем в принципе последнее германо-английское предложение, но мы должны прежде договориться с Портой о расширении нейтральной зоны и других мерах, касающихся нашей военной позиции» См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 73.
- ²⁸³ Подробнее см.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 69–72.
- ²⁸⁴ В инструкции, данной кн. А. М. Дондукову-Корсакову при назначении его российским комиссаром в Болгарии, определялись задачи и функции Совета управления как учреждения, предназначенного «облегчить переход Болгарии от временного устройства к нормальному», а также принципы будущего «органического устава» княжества. Текст инструкции см.: АВПРИ, ф. Управления российского комиссара в Болгарии, оп. 1, д. 16, л. 15–22.
- ²⁸⁵ Всеподданнейший доклад Д. А. Милютина о заключениях Особого совещания, рассматривавшего вопрос о том, «следует ли одновременно с военными мерами, принимаемыми в европейской России на случай разрыва с Англией, принять какие-либо меры на среднеазиатских наших границах и какого именно рода», см.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 80–84.

Участники совещания пришли к выводу, что «предприятие великого похода в Индию, кроме многих других причин, не представляется еще неизбежною необходимостью за неистощением других, более подходящих к обстоятельствам минуты и более дешевых средств воздействия на Англию». Поэтому было решено ограничиться усилением войск Туркестанского военного округа и направлением «особых эмиссаров» «в земли, лежащие по путям в Индию», для изучения обстановки «и приготовления благоприятного нам настроения их на случай разрыва с Англией».

- ²⁸⁶ Технический комитет Главного интендантского управления отвечал за разработку правил приема и хранения вещей и продовольствия.

- 287 Инструкцию, данную Н. К. Гирсом Е. П. Новикову для продолжения переговоров с гр. Д. Андраши см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 88–92. Послу предписывалось в ней добиваться «возвращения к принципу меридионального разделения Болгарии» (с некоторыми лишь отступлениями от того, что было намечено Константинопольской конференцией), «...Что касается полосы от Старой Сербии, — говорилось в ней, — мы сочли ее присоединение к Австрии слишком невыгодным для нас. Владение этой территорией обеспечило бы Австро-Венгрии военную и политическую позицию, дающую большой перевес. Она оказывала бы столь большое давление на Сербию, с одной стороны, и на Черногорию, с другой, — что по существу оба княжества превратились бы в простые буферные территории. И не только в настоящем, но и в будущем было бы немислимо какое-либо их развитие. Но их будущее — это будущее славянских народов. Мы можем согласиться на отсрочку дела их полной эмансипации вследствие неодолимых обстоятельств, но мы не признаем за собой права ставить под угрозу их существование в будущем. Мы допускаем, что это расширение сферы влияния Австрии может быть скорее кажущимся, чем действительным.. Возможно, это является подачкой, брошенной тщеславию партий. Мы признаем, что расширение сферы влияния было бы неудобоваримо для Австрии с точки зрения как политической, так и финансовой и экономической, и что в тот день, когда мы сможем свести с ней счеты, она не сможет в нем почерпнуть силы. Тем не менее мы не можем рисковать, ставя на карту судьбу славянских народов, естественной защитницей которых считает себя Россия» (Там же. С. 91).
- 288 17 апреля 1878 г. вел. кн. Константин Николаевич писал в дневнике о «конференции с Валуевым, Тимашевым, Паленом и Мезенцовым ради революционного направления и разных возмутительных прокламаций»: «Вчера у Исакия бросили камнем в архиерея, но этого голубчика арестовали. Много говорили, но по-настоящему ничего не решили, а поручили разработать комитету у Валуева. Хотели было объявить в Петербурге военное положение, но остановились» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 21–22).
- 289 См. коммент. 287.
- 290 О переговорах гр. П. А. Шувалова с маркизом Р. Солсбери весной 1878 г. подробнее см.: П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 95–96.
- 291 27 апреля (9 мая) 1878 г. Е. П. Новиков телеграфировал кн. А. М. Горчакову о том, что гр. Д. Андраши «не считает уступкой для Австрии создание вместо Болгарии и Македонии двух Болгарий, при этом нежизнеспособных, так как они всегда будут стремиться к объединению». «...Отношение

непреклонное и ситуация критическая, — сообщил Новиков. — ... Он мне сказал: “В ожидании договоренности с Вами мы не взяли на себя никаких других обязательств, мы выступали против возражений Англии, касающихся конгресса, отвергли ее предложение о создании Болгарии в пределах Балкан и теперь рискуем оказаться в изоляции”». Новиков отмечал обеспокоенность в Вене по поводу начавшихся англо-русских переговоров, и не исключал, что «австро-английское соглашение не будет заключено здесь же за нашей спиной». См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 96–97.

²⁹² Подробнее о заседании Государственного совета 2 мая 1878 г. см.: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 30. См. также: *Kipp J. Tsarist Politics and the Naval Ministry, 1876–1881: Balanced Fleet or Cruiser Navy // Canadian – American Slavic Studies. 1983. Vol. 11. № 2. P. 151–179.*

²⁹³ Гр. П. А. Шувалов вспоминал впоследствии об этой поездке в Петербург: «...Император был также очень удивлен предварительными условиями, привезенными мной из Лондона. Приход к власти маркиза Сольсбюри, его циркуляр, его речь в парламенте, все вместе взятое давало повод думать, что у нас произойдет конфликт с Англией. Поэтому император не хотел верить, что взамен разделения Болгарии на две части Балканами англичане склонялись уступить нам Карс — одним словом, все существенные преимущества Сан-Стефанского мирного договора, от которых, как все мне доказывало во время моего пребывания в С.-Петербурге, мы отказались бы, лишь бы не возобновлять борьбы, на этот раз при вмешательстве в нее других великих держав. На мой доклад о переговорах император ответил приблизительно в следующих выражениях: “Мне безразлично, будут ли две, или даже три Болгарии, лишь бы все они были обеспечены учреждениями, которые гарантировали бы их от возобновления тех ужасов, какие мы видим. Что касается остального — Карса, Батума и так далее, я ничему не верю. Когда дело лойдет до подписания соглашения, англичане откажутся от этого. Одним словом, они Вас обманывают”. Эту последнюю фразу император повторял мне при каждом свидании...» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 97–98).

²⁹⁴ Инструкцию, данную 5 (17) мая 1878 г. гр. П. А. Шувалову для продолжения переговоров с лордом Р. Солсбери, см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 102–105.

²⁹⁵ 8 (20) мая 1878 г. один из лидеров и идеологов движения «новых османов» Али Суави, вернувшийся в конце 1876 г. из эмиграции в Стамбул, вместе со своими сторонниками попытался освободить низложенного в 1876 г. султана Мурада, находившегося под стражей в Чераганском дворце. В стычке с полицией и войсками Али Суави погиб, оставшиеся в живых мятежники были арестованы, а впоследствии казнены или сосла-

ны. Следствию так и не удалось раскрыть цели заговора; большая часть мятежников собралась перед дворцом по призыву Али Суави для того, чтобы получить напутствие султана и затем отправиться на помощь мусульманам, продолжающим борьбу с русскими и болгарами. См.: *Петросян Ю. А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958. С. 145–147.

²⁹⁶ Садразам, садр-и-азам (араб. — высший начальник) — титул высшего должностного лица (первого министра) в Персии в XIX в.

²⁹⁷ Имеется в виду Императорское Женское патриотическое общество, основанное в 1812 г. в Петербурге с целью облегчения участи вдов и сирот, оставшихся после войны. Общество находилось в составе ведомства учреждений императрицы Марии (4-е отделение Собственной Е. И. В. канцелярии).

²⁹⁸ Дворянский полк — военно-учебное заведение, созданное весной 1807 г. при 2-м кадетском корпусе для дворян не моложе 16 лет, желающих поступить в военную службу. В 1855 г. полк преобразован в Константиновский кадетский корпус (назван так в честь его первого шефа вел. кн. Константина Павловича), а в 1859 г. — в Константиновское военное училище.

²⁹⁹ Гр. П. А. Шувалов вспоминал: «...Английские министры были немного напуганы сделанными уступками и старались отречься от них при помощи редакционных изменений. Я старался удержать их на правильном пути, постоянно выдвигая вперед князя Бисмарка. Мои заметки были ему прочитаны, он принял их содержание и на этих основах соглашался созвать конгресс. Всякое изменение могло повредить созыву конгресса. Попытки к этому со стороны англичан заставляли меня желать возможно быстрого решения, но императорский кабинет увеличил трудность моей миссии, требуя сообщений *in extenso* о ходе соглашения. Я терял много времени на их зашифровывание и перешифровывание всякий раз, как лорд Сольсбюри вносил малейшее изменение. Такой недостаток доверия к личностям является отличительной чертой нашего Министерства иностранных дел. Определенному лицу дают как будто бы самые широкие полномочия, зная, что ему известны взгляды императора, и в то же время ему не дают свободы в выборе того или иного выражения без надлежащего разрешения. Я потерял больше недели на телеграфные сообщения, а маркиз Сольсбюри пользовался этим промедлением, чтобы ежедневно изменять в свою пользу текст соглашения...» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 99).

³⁰⁰ Англо-русское соглашение было подписано 18 (30) мая 1878 г. По этому соглашению Болгария разделялась на две части: северную, получавшую политическую автономию под управлением князя, и южную, которой

предоставлялась административная автономия под властью генерал-губернатора, назначаемого Турцией по согласованию с европейскими державами из числа христиан-подданных султана. Границей Северной и Южной Болгарии служили Балканские горы.

Англия соглашалась признать присоединение к России Карса, Батума и южной части Бессарабии. Вместе с тем она выговаривала себе право поставить на обсуждение конгресса вопрос о сроках оккупации русскими войсками Болгарии.

Текст соглашения опубликован в кн.: *Sumner B. H. Russia and the Balcan. 1870–1880. Oxford, 1937, p. 646, 648, 649.*

Коварство политики английского правительства в достаточной степени характеризуется тем фактом, что одновременно с заключением этой конвенции им было предложено Турции заключить договор, противоположный содержанию англо-русской конвенции. По этому договору Англия обязывалась «силою оружия» помочь Турции сохранить ее азиатские владения (в том числе Карс и Батум). «Дабы предоставить Англии, — говорилось в договоре, — обеспечить условия, необходимые для выполнения ею обязательств, его императорское величество султан соглашается предоставить ей оккупацию и управление островом Кипром» («История дипломатии», т. II, М., 1945. С. 47). Таким образом, Англия получала за свою «помощь» остров Кипр.

4 июня н. с, т. е. через пять дней после заключения англо-русской конвенции, было подписано соглашение с Турцией. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

Текст соглашения, заключенного 18 (30) мая 1878 г. между Россией и Великобританией, об изменении Сан-Стефанского договора см. также: *Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 176–180.*

³⁰¹ Первое покушение на императора Вильгельма было совершено 11 мая н. с. жестянщиком Геделем, второе — 2 июня Нобилингом. Хотя оба покушавшиеся и не являлись членами с.-д. партии, однако эти события послужили поводом для издания закона против социалистов. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

³⁰² О данном решении Александра II тотчас же было телеграфировано в Берлин. «...При моем проезде через Берлин, — вспоминал гр. П. А. Шувалов, — я прежде всего отправился к князю Бисмарку; он был настроен чрезвычайно доброжелательно по отношению к делу, которое я должен был защищать. Расставаясь с ним, я просил его поддержки. Не могу точно припомнить, в каких выражениях он мне ее обещал, но сказанное им заключалось приблизительно в следующих словах: “Он чрезвычайно доволен выбором, павшим на меня лично; я являюсь единственным лицом

в России, которому он вполне и всецело доверяет и с которым ему приятно вести деловые переговоры. Я могу рассчитывать на него, и он сумеет во время конгресса доказать мне искренность чувства, с которым он уже давно ко мне относился". Он еще не кончил говорить, когда ему принесли расшифрованную телеграмму генерала Швейница. В ней говорилось, что император сделал визит князю Горчакову с целью дать ему понять невозможность его поездки на конгресс ввиду состояния его здоровья; но что, уступая настояниям канцлера, Его Величество в конце концов согласился назначить его главным уполномоченным вместо меня. При этой новости, прочитанной вслух князем Бисмарком, выражение его лица быстро и многозначительно изменилось. "Обстоятельства совершенно изменились, — сказал он мне, — мы лично останемся с Вами друзьями во время конгресса, но я не позволю князю Горчакову вторично взобраться ко мне на плечи, пользуясь ими как пьедесталом". Этот факт еще лишний раз доказывает, до какой степени у нас все приносится в жертву личным интересам. Наиболее насущные интересы как в области внешней политики, так и внутренней зависят от соображений подобного порядка. Император знал, что князь Горчаков является абсолютным ничтожеством, ему были известны враждебные чувства, которые князь Бисмарк питал к российскому канцлеру; его присутствие в Берлине могло только повредить нашему делу. Все это было очевидно, и все-таки князю Горчакову было разрешено ехать в Берлин» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 99–100).

³⁰³ Решение Александра II не назначать кн. А. И. Барятинского главнокомандующим в случае войны быстро стало известно в Петербурге. «...Фельдм[аршал] Барятинский за последнее время занимается, как говорят, изучением состояния в настоящую минуту наших боевых сил, — 25 мая 1878 г. писал в дневнике А. А. Половцов. — Как говорят, по ближайшем рассмотрении дела, Бар[ятинский] объявил Государю, что, по его мнению, Россия решительно не в состоянии вести войну. Достоверно вполне то, что кн. Барятинский, пригласив помогать ему Обручева, составил план военных действий на случай войны с Австриею и надеялся быть назначенным главнокомандующим, но при обсуждении всего этого Барятинский особенно настаивал на том, что положение главнокомандующего д[олжно] б[ыть] изменено, и он д[олжен] б[ыть] поставлен в независимость от военного министра. По внушению ли Милютина или по чему другому, но Государь, приехав к Барятинскому, настоятельно заявил, что считает здоровье Бар[ятинского] препятствием к тому, чтобы командовать армиею. Раздосадованный Барятинский завтра уезжает к себе в Скерневицы» (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13. С. 224–225).

Подробнее о взаимоотношениях Д. А. Милютина и кн. А. И. Барятинского см.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004; *Он же.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 54–56, 177–178, 424–425, 574–604; *Муханов В. М.* Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007.

³⁰⁴ На совещании 27 мая 1878 г. были утверждены инструкции, данные уполномоченным России на Берлинском конгрессе, относительно аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, расширения границ Черногории, разделения Болгарии на две части и определения ее южных и западных границ, а также организации управления на болгарских землях, условий размещения там турецких войск, продолжительности и характера русской оккупации, судоходства на Дунае, сдачи Батума. См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 126–137.

«... Император собрал нас только один раз, — вспоминал гр. П. А. Шувалов. — На этом заседании, продолжавшемся менее двух часов, были утверждены инструкции для полномочных представителей — инструкции, составленные в этот же день с величайшей поспешностью. Князь Горчаков, только что поправившийся после болезни, умственно ослабел настолько, что не понимал того, что говорилось. Заседание было объявлено закрытым, тогда как еще множество существенных пунктов не было затронуто. Тем не менее нужно было ехать, иначе мы рисковали опоздать к открытию конгресса». (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 100). Поэтому на следующий же день были составлены дополнения к инструкции, касавшиеся тех вопросов, которые, как считал гр. Шувалов, могли вызвать дискуссию на конгрессе (сам он об этом в воспоминаниях не упоминал). В ней детализировалась позиция России в отношении границ и административного управления Болгарии, свободы судоходства в проливах, присоединения к Черногории Антивари, претензий Австро-Венгрии на Новипазарский санджак («анклав»), определялся «минимум возможных уступок в вопросе о продолжительности и характере оккупации» и т. д. См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 137–145.

³⁰⁵ Два года спустя гр. П. А. Шувалов несколько иначе вспоминал об этой беседе: «...Возвращаясь из Царского Села, я ехал по железной дороге вместе с военным министром. Я горько жаловался на незначительность помощи, которую я могу ожидать со стороны главного уполномоченного, а в особенности на недостаточность инструкций. Генерал мне ответил: “Для чего Вам инструкции, дорогой граф, и как Вы хотите, чтобы Вам их давали? Вы знаете положение. Мы не можем больше сражаться. Мы не можем этого ни по финансовым, ни по военным соображениям. Вы взяли на себя выполнение патриотической задачи, поэтому защищайте нас как

можно лучше. Отстаивайте пункты, какие Вы сочтете возможным отстаивать, и уступайте, лучше уступайте все, чтобы только не сорвать конгресса»». «Можно ли подумать после таких слов, — прибавлял граф Шувалов, — что как раз генерал Милютин наиболее громко высказывал свое недовольство результатами конгресса и что именно он при получении первых известий из Берлина наиболее энергично обрушился на полномочных представителей России?» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 100–101).

Ни о какой «федеративной организации Турецкой империи» гр. Шувалов при этом не вспоминал.

Мысли Д. А. Милютина на этот счет подробнее всего были изложены им 5 октября 1880 г. в записке «Мысли о возможном решении Восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи» (ОР РГБ, ф. 169, к. 38, д. 49). Подробнее см.: *Кинятина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994. С. 15–20.

³⁰⁶ После скандального оправдания присяжными В. Засулич перемены в судебном ведомстве были практически неизбежны. Однако непосредственной причиной отставки гр. К. И. Палена стало отклонение в Департаменте законов Государственного совета внесенного им законопроекта, предоставлявшего министру юстиции право по своему усмотрению исключать неблагонадежных лиц из числа присяжных поверенных. После резкой критики со стороны К. К. Грота, кн. Д. А. Оболенского, К. П. Победоносцева, а также нападков на суд и прокуратуру П. А. Валуева и А. Е. Тимашева, гр. Пален, оставшись в полном одиночестве, вынужден был согласиться на переработку представленного проекта (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13, С. 199–203; *Кони А. Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич // *Кони А. Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 221). Сообщив об этом 3 мая вел. кн. Константину Николаевичу и государственному секретарю Д. М. Сольскому, гр. Пален заявил также, что «просил у Государя увольнения и получил согласие». «...Я его уговаривал не делать это теперь, — записал в дневнике великий князь, — чтоб публика не соединила этого с делом Засулич» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 31). Впрочем, сам вел. кн. Константин Николаевич позднее говорил Е. А. Перетцу, ссылаясь на слова Александра II, что гр. Пален был уволен «за небрежное ведение дела В. Засулич» [Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 50].

Окончательно гр. Пален покинул Министерство юстиции только 30 мая 1878 г., будучи произведен в действительные тайные советники и назначен членом Государственного совета. Тем не менее еще 25 мая А. А. Половцов писал в дневнике, что «указ об увольнении гр. Палена

окончательно подписан»: «...В последний доклад свой у Государя, когда, порешив вопрос о своей отставке, гр. Пален стал говорить об обязанности своей указать на преемника и настаивал на том, что никто не соединяет требуемых условий в той степени, как Ковалевский, то Государь, по свойственной ему привычке, все время молчал и ни слова не возразил. Затем сказал, что еще не решил своего выбора между двумя кандидатами — кн. Ливеном и Набоковым, а когда Пален стал прощаться, то Государь сказал ему, что увидит его еще вместе с преемником». Со своей стороны, гр. Пален еще 20 мая говорил Половцову, что «Государь имеет какое-то затаенное, необъяснимое нерасположение к Ковалевскому». Набоков характеризовался Половцовым как «человек крайне посредственный и даже бездарный, не злой, никому не дающий права в чем-либо ему завидовать». После упразднения в августе 1876 г. Собственной е. и. в. канцелярии по делам Царства Польского Набоков, сохранивший звание статс-секретаря и ставший членом Государственного совета, лишился казенной квартиры, семья его переехала в деревню, и Половцов не исключал, что, назначая Набокова министром, Александр II как бы хотел возратить ему утраченное.

Более лестную характеристику дал Д. Н. Набокову его бывший начальник по Комиссариатскому департаменту Морского министерства кн. Д. А. Оболенский: «...Набоков принадлежит к школе людей, работавших в первое десятилетие настоящего царствования; без особенно блестящих способностей, в нем есть добрые начала, которые он не утратил, несмотря на то, что удержался в управлении при всех переменах в людях, последовавших в последнее десятилетие...» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 445–446).

³⁰⁷ На первом заседании конгресса 1 (13) июня 1878 г. лорд Биконсфильд потребовал немедленного отвода русских войск от Константинополя. Бисмарк своим заявлением фактически снял этот вопрос с обсуждения и в дальнейшем он уже не поднимался.

³⁰⁸ Положение британских дипломатов было действительно весьма щекотливым, поскольку, хотя англо-русское соглашение 18 (30) мая 1878 г. являлось секретным и не подлежало публикации, уже 3 июня его краткое, но в целом верное изложение было помещено в лондонской газете «Globe». На последовавшие в парламенте запросы лорд Солсбери отвечал, что данная статья «совершенно неаутентична и не заслуживает доверия». Между тем 14 июня в той же газете был опубликован полный текст соглашения. Чтобы избежать скандала, Биконсфильду и Солсбери приходилось отказываться от сделанных ими уступок. Когда же гр. Шувалов напомнил Солсбери о поставленной им под соглашением подписи, тот, признавая, что связан ею, выразил готовность

подать в отставку, дабы «обойти этот пункт» и развязать руки своему преемнику.

См.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 373; П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 105.

³⁰⁹ Как вспоминал гр. П. А. Шувалов: «Князь Бисмарк председательствовал на конгрессе с известной военной резкостью, которая ни в ком не вызывала неодобрения, и перед которой склонялись представители всех держав, не исключая и двух английских министров, со стороны которых я ожидал больше гордости. Но что значительно ухудшало мои дела, это был метод, введенный председателем конгресса с целью сберечь силы и избежать скуки при выслушивании детального обсуждения болгарских, черногорских и прочих вопросов — “дел этих людей”, как он их называл. С этой целью он заставлял нас троих, представителей России, Англии и Австрии, предварительно договариваться между собой, и только в случае достигнутого соглашения, если оно являлось возможным, вносить эти вопросы на рассмотрение конгресса. Эти заседания втроем, обычно происходившие в английском посольстве, я отношу к наиболее мучительным часам моей жизни... Я отправлялся туда совсем один, и один был вынужден отгрызаться целыми часами от лорда Биконсфильда и лорда Солсбери, с одной стороны, и от графа Андраши и барона Гаймерле — с другой...» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 102–103).

³¹⁰ 7 (19) июня 1878 г. лорд Р. Солсбери заявил, что, несмотря на достигнутое соглашение о разделении Болгарии на две части Балканским хребтом, Варна с прилегающей к ней территорией должна быть оставлена султану (по мнению гр. П. А. Шувалова, эта «оговорка до известной степени уничтожала Болгарию»). Кроме того, Солсбери настаивал на том, чтобы Турция сохранила право размещать войска в южной Болгарии. Гр. Д. Андраши, со своей стороны, настаивал на том, чтобы несколько отодвинуть к северу южную границу Румелии. Взамен и Солсбери, и Андраши соглашались включить в состав Болгарии Софийский санджак. В этой ситуации Шувалов решил принять австрийские условия. 8 (20) июня ему было сообщено из Петербурга о недопустимости уступки Варны и размещения турецких войск в Румелии, а на следующий день Н. К. Гирс телеграфировал: «Выслушав Боголюбова, император согласился на исключение из Южной Болгарии бассейнов Карасу и Струмы за счет присоединения Софийского санджака к Северной Болгарии. Его Величество думает, что следует непременно определить пункты и численность турецких гарнизонов на Балканах и побережья и определит на конгрессе образ действий и случаи, когда губернатор Южной Болгарии может призвать турецкие

войска, без чего английское согласие на вывод турецких войск из Болгарии было бы обойдено и аннулировано» (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1961. С. 153–154).

См. также: П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 103; *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1978. С. 107–109.

³¹¹ Письма генерал-майора А. П. Горлова к Д. А. Милютину см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 17.

³¹² Как вспоминал гр. П. А. Шувалов, гр. Д. Андраши с самого начала работы конгресса добивался согласия России на оккупацию «анклава» (Новипазарского санджака). Шувалов, ссылаясь на имеющиеся у него инструкции, решительно отказывал: «Утомившись, граф умерил свои претензии и согласился не требовать этой части территории (l'enclave) в целях ее аннексии, но ограничиться обещанием России, что она не будет впоследствии возражать против расквартирования здесь нескольких австрийских воинских частей, если это потребуется ради безопасности Боснии и Герцеговины. Граф взял с меня обещание тотчас же написать об этом в С.-Петербург, откровенно предупредив меня, что его позиция во всех остальных вопросах будет зависеть от ответа, который императорское правительство даст ему по поводу этой территории. На деле мы получили согласие императора лишь спустя две недели, когда граф Андраши уже пошел по следам англичан и когда он во всех вопросах высказался против нас, даже в тех случаях, где не были затронуты интересы Австро-Венгрии». Ситуация осложнялась еще и тем, что заявления представителей России не всегда совпадали. Так, кн. А. М. Горчаков в присутствии изумленного П. П. Убри заверил гр. Андраши относительно «анклава»: «Вы получите ее, эту территорию (l'enclave), мой высокочтимый коллега, я предпочитаю видеть ее в ваших руках, а не в руках турок». Неудивительно, что гр. Андраши после этого жаловался Бисмарку на неискренность гр. Шувалова. См.: П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 102.

³¹³ В своих воспоминаниях гр. П. А. Шувалов оценивал действия кн. О. Бисмарка на конгрессе более благожелательно. «...В России, — писал он, — много злословили по поводу роли, которую на конгрессе играл князь Бисмарк; его обвиняли в неблагодарности после поддержки, оказанной Россией Пруссии в 1870 г. Правда, князь Бисмарк не хотел ни с кем ссориться из-за нас, и он уже вступил в тот период своей политики, когда ставил дружбу Австрии выше нашей. Однако, если, с одной стороны, принять во внимание посылку в Берлин главного полномочного представителя, якобы виноватого перед князем (а это имело громадное значение при характере германского канцлера), и если, с другой сторо-

ны, перечислить все случаи, в которых мы к нему обращались и когда он считал, что оказывал нам услугу, будет несправедливо приписывать ему, как это делалось в С.-Петербурге, враждебное отношение к России. И действительно, с самого начала восточного кризиса мы старались сделать его защитником наших интересов, слишком часто напоминая об оказанных ему услугах. С точки зрения психологии это была ошибка...» (П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 104–105).

- ³¹⁴ В итоге, в ст. 25 Берлинского трактата указывалось: «Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией. Австро-венгерское правительство не желает принять на себя управление Новибазарским санджаком, простирающимся между Сербией и Черногорией, по направлению на юго-восток за Митровицу, оттоманское управление останется в нем в действии по-прежнему. Но для того, чтобы обеспечить существование нового политического строя, а также свободу и безопасность путей сообщения, Австро-Венгрия предоставляет себе право содержать гарнизоны, а также иметь дороги военные и торговые на всем протяжении этой части прежнего боснийского вилайета». См.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 193.
- ³¹⁵ Подробнее о возвращении России Южной Бессарабии и изменении границ в Малой Азии см.: П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 105–108; *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1978. С. 112–113; *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* М., 1986. С. 381–383; *Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы / Сост. В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова.* М., 1996. С. 133–134, 164–165.
- ³¹⁶ После долгих колебаний 5 августа 1878 г. Александр II принял решение уволить вел. кн. Николая Константиновича со службы по болезни с мундиром Генерального штаба.
- ³¹⁷ Речь идет о заключенной 4 июня 1878 г. «Конвенции об оборонительном союзе между Великобританией и Турцией», в соответствии с которой англичане оккупировали Кипр. Подробнее см.: *Шпаро О. Б.* Захват Кипра Англией. М., 1974.
- ³¹⁸ Воспоминания Д. Г. Анучина и Г. И. Бобрíkова о Берлинском конгрессе см.: *Анучин Д. Г.* Берлинский конгресс 1878 года. СПб., 1912; *Бобрíkов Г. И.* Воспоминание о Берлинском конгрессе // *Русский вестник.* 1889. № 12. С. 3–43.
- ³¹⁹ Текст Берлинского трактата см.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 181–206.

- ³²⁰ См., в частности: П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 106–108.
- ³²¹ В октябре 1878 г. М. Х. Рейтерн вспоминал, что еще осенью 1876 г. в Ливадии принял решение оставить пост министра финансов, «как только мир будет обеспечен». В качестве основного мотива своей отставки он указывал проявленное императором в период Восточного кризиса «полное пренебрежение к интересам мне вверенным, интересам, которым я посвятил всю свою жизнь». Уже в феврале 1877 г. Рейтерн подготовил свое «финансовое духовное завещание», предназначенное для будущего преемника. Нервное напряжение военного времени разрушительно подействовало на здоровье министра: «Бессонница, нервность, раздражительность и желчность делали всякое напряжение ума, сношения с деловыми людьми, споры с другими ведомствами, прения в совете и комитетах невыносимо тяжелыми, — писал он. — Редко я ложился спать без желания более не проснуться. Мысль, что, может быть, придется кончить бесчестьем, т.е. несостоятельностью, меня преследовала». 28 июня 1878 г. Рейтерн получил от Н. К. Гирса телеграмму «о мирном исходе Берлинского конгресса» и в тот же день послал императору прошение об отставке. Александр II сперва отговаривал его, предлагая ограничиться заграничным отпуском до осени, однако, как отмечал Рейтерн: «Общее впечатление, которое я вынес из этой аудиенции, что Государь с самого начала решил принять мою просьбу об увольнении и что он уговаривал меня остаться только потому, что желал показать внимание старому и верному слуге». См.: *Рейтерн М. Х. Оставление должности министра финансов // Куломзин А. Н. Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн: Биографический очерк.* СПб., 1910. С. 188–193; *Степанов В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Российские реформаторы.* М., 1995. С. 175–179.
- ³²² Мысль о назначении С. А. Грейга министром финансов высказывалась Александром II задолго до отставки М. Х. Рейтерна. «...По всему кажется, что это назначение меня ожидает, — 1 марта 1878 г. говорил Грейг А. А. Половцову, — сам Государь выразился на днях в этом смысле, но именно потому, что оно в высшей степени вероятно, именно потому-то я и думаю, что оно не случится». (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13, с. 157–158).
- ³²³ Эта инструкция от 24 июля 1878 г. опубликована в «Сборнике материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877–78–79 гг.» под ред. ген.-м. Н. Р. Овсяного, вып. 3, СПб., 1904, стр. 288–297. *Коммент. П. А. Зайончковского.*
- ³²⁴ 18 июля 1878 г. Д. А. Милютин телеграфировал К. П. фон Кауфману о повелении императора «вовсе отменить предполагавшееся с целью демонстрации наступательное движение со стороны Туркестанского окру-

га и Красноводска», «собранные на границе отряды возвратить в места постоянного расположения войск», «временно сформированные части расформировать, а людей запаса уволить». 20–25 июля Кауфман отдал соответствующие распоряжения. См.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 129–133.

325 Речь И. С. Аксакова в Московском славянском благотворительном обществе (Славянском комитете), произнесенная им 22 июня 1878 г., была направлена против решений Берлинского конгресса. В этой речи в весьма резких выражениях он обрушивался на европейскую дипломатию, и в первую очередь на Англию и Австрию, за их стремление ухудшить положение народов Балканского полуострова. Вместе с тем он резко порицал и позицию представителей России на конгрессе, «...весь конгресс, — говорил он, — не что иное, как открытый заговор против русского народа. Заговор с участием самих представителей России...» (Сочинения И. С. Аксакова. Славянский вопрос 1860–1886. М., 1886, стр. 303).

Эта критика давалась Аксаковым с позиций реакционного панславизма. В решениях Берлинского конгресса он усматривал препятствие к осуществлению панславистских планов объединения славян под скипетром русского царя. Позиция русских дипломатов на конгрессе определялась экономической и политической слабостью царской России, неспособной выдержать войну с большой европейской коалицией.

После закрытия Славянского благотворительного общества И. С. Аксаков был выслан из Москвы. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

«Да что же такое случилось, — восклицал Аксаков. — Не потерпели ли мы поражения, страшного, поголовного, хуже даже Седана, потому что и после Седана Франция не пошла на мир и отбивалась пять месяцев. Ничего не случилось, только притопнул лорд Биконсфильд да Австрия погрозила пальцем: так, по крайней мере, повествуют наши газеты. Русская дипломатия, пожалуй, и могла испугаться, но только она одна, и никто больше... Если во время Константинопольской конференции мы говорили в таком же собрании, что щеки пылают у России от получаемых ею пощечин, что же сказать теперь, при этих ежедневных, торжественных заушениях? А русские дипломаты, если верить газетам, только расписываются в получении и просят взамен для России лишь аттестата о «бескорыстности». Поистине бескорыстно, и в аттестате им не отказывают. Слово немеет, мысль останавливается, пораженная перед этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепства... Самый злейший враг России и престола не мог бы изобрести чего-либо пагубнее для нашего внутреннего спо-

койствия и мира. Вот они, наши настоящие нигилисты, для которых не существует в России ни русской народности, ни православия, ни предания, которые, как нигилисты вроде Боголюбовых. Засулич и К°, одинаково лишены всякого исторического сознания и всякого национального чувства. И те и другие иностранцы в России и поют с чужого европейского голоса; и те и другие чужды своего народа, смотрят на него как на *Tabula rasa*, презирают его органические духовные начала, стараются сдвинуть его с пути, заповеданного ему историей, и направить насильно на путь противоестественный. Все они — близкая друг другу родня, порождения одного семени, хотя и различествуют бытом, воспитанием и нравом, доктринами и, главное, степенью самосознания. Предоставляю вам самим решить, кто же, однако, из них. сознательных и бессознательных. грубо анархических и утонченных государственных нигилистов. в сущности, опаснее для России, для ее народного духовного преуспеяния и государственного достоинства.... Несокрушим и непобедим русский царь, если только он с ясностью исторического сознания, с твердою верою в предназначение своего народа, отложив в сторону попечение об интересах западноевропейских держав, интересах своекорыстных и нам враждебных, возденет, по выражению наших древних грамот, “высоко-грозно и честно” в своей длани знамя славян и всего восточного христианства. Волнуется, ропщет, негодует народ, смущаемый ежедневными сообщениями о Берлинском конгрессе, и ждет, как благой вести, решения свыше. Ждет и надеется. Не солжет его надежда, потому что. не переломится царское слово: “святое дело будет доведено до конца”. Долг верноподданных велит всем нам надеяться и верить, долг же верноподданных не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды, воздвигающие средостение между царем и землею, между царскою мыслью и народною думою. Неужели и в самом деле может раздаться нам сверху в ответ внушительное слово: “Молчите, честные уста”, “гласите лишь вы, лесь да кривда”...». См.: *Аксаков И. С.* Речь, произнесенная 22-го июня 1878 г. в Московском Славянском Благотворительном Обществе // *Собрание сочинений И. С. Аксакова*. Т. 1: Славянский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 302–308. См. также: *Цимбаев Н. И.* Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества // *Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в.* М., 1981. С. 184–193.

Список речи И. С. Аксакова сохранился и в бумагах Д. А. Милютина (ОР РГБ, ф. 169, к. 44, д. 14).

³²⁶ Подробнее см.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 72–75.

³²⁷ 30 января 1878 г. в Одессе, при обыске на конспиративной квартире, в ко-

торой помещалась тайная типография (на Садовой улице), группой находившихся там революционных народников: Ковальским, Виташевским, Кленовым, Иллич-Свитычем и др. было оказано вооруженное сопротивление жандармам. Ковальский и его товарищи были преданы Одесскому военно-окружному суду, в июле того же года. Ковальский был приговорен к смертной казни, его товарищи — к каторжным работам.

После объявления приговора у здания суда была произведена демонстрация, во время перестрелки были жертвы среди демонстрантов. (См. воспоминания Н. Виташевского «Первое вооруженное сопротивление, — первый военный суд». «Былое», 1906 г., № 2, стр. 220–245). *Коммент. П. А. Зайончковского.*

³²⁸ Убийство шефа жандармов ген.-ад. Мезенцова было совершено членами организации «Земля и Воля» Кравчинским и Баранниковым. Убийство явилось ответом на казнь Ковальского. По поводу этого события была выпущена нелегальная брошюра «Смерть за смерть», посвященная «святой памяти мученика Ивана Мартыновича Ковальского». *Коммент. П. А. Зайончковского.*

³²⁹ Об управлении Н. Д. Селиверстова 3-м отделением Собственной Е. И. В. канцелярии и Корпусом жандармов в августе — октябре 1878 г. см.: Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II // Красный архив. 1931. № 6. С. 112–131.

³³⁰ В результате совещания был принят ряд мер для борьбы с революционным движением, 9-го августа, т.е. на другой день после совещания, Александром II был подписан указ Сенату, по которому всех лиц, «обвиняемых в вооруженном сопротивлении властям, от правительства установленным, или нападении на чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождалась убийством или покушением на убийство, нанесением ран увечий, тяжких побоев, или поджогом, предавать военному суду для суждения их по законам военного времени». (Полное собрание законов 2-е собрание, № 58778).

Кроме того, было предоставлено право корпусу жандармов и полиции арестовывать не только лиц, преследуемых за «государственные преступления», но и участвовавших в уличных беспорядках или сходках. Все эти лица подлежали административной высылке в Восточную Сибирь. В Европейской России учреждались особые тюрьмы «для политических пропагандистов, предназначенных к высылке». Эти распоряжения впоследствии были изложены в особых правилах, изданных 1 сентября 1879 года. Указанные меры значительно усиливали административно-полицейский произвол и давали возможность пра-

вительству беспощадно расправляться с революционерами. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

Подробнее о заседании Совета министров 8 августа 1878 г. и его решениях см.: *Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов.* М., 1964. С. 75–82.

³³¹ Эти анонимные письма с угрозами в фонде Д. А. Милютина в ОР РГБ (ф. 169) не обнаружены. Аналогичные письма получали в конце 1870-х гг. А. Р. Дрентельн, гр. М. Т. Лорис-Меликов и др.

³³² Представление о том, что русское революционное движение умело направляется из заграничного центра и служит его орудием было широко распространено в правительственных сферах в конце 1870-х гг. «...Я не имею никакого сомнения, — писал 17 марта 1879 г. К. П. Победоносцев Е. Ф. Тютчевой, — что весь нынешний террор того же происхождения, как и террор 1862 года: тот же польский заговор, только придуманный искуснее прежнего, — а наши безумные идут как стадо баранов. Все спокойно в Западном крае и в Польше. Поляки хвалятся этим и отводят глаза, — но все это нарочно устроено. Агитация, заговор кишальщиков — все это перенесено сюда. Университетские города, где готова молодежь, так легко увлекающаяся, и все притом рассчитано на неспособность и крайнее бессилие правительства. Главным сознательным орудием служат жиды — они ныне повсюду первое орудие революции. Посмотрите — все эти покушения посредством всадников, с рысаками под рукою — разве все это не носит на себе печать польского изобретения?...». (ОР РГБ, ф. 230, к. 4409, д. 1, л. 14–15).

³³³ По окончании военных действий в мусульманских селах, расположенных в районе Родопских гор по течению реки Арды и находившихся за демаркационной линией, началось так называемое родопское восстание.

Это восстание было инспирировано турецкими властями, а также английской агентурой. Основной контингент восставших составляли отряды башибузуков и черкесов из разбитой под Филиппополем армии Сулеймана-паши, принуждавших принимать участие в восстании и местное мусульманское население. Восставшие грабили и разоряли болгарское население. Против восставших были направлены части русских войск, однако восстание полностью подавить не удалось.

На Берлинском конгрессе лорд Солсбери довел до сведения конгресса о беспорядках в Родопском округе, и по его предложению была создана международная комиссия для расследования положения на месте и принятия соответствующих мер. Комиссия заранее преследовала цель скомпрометировать как русское военное командование, так и поведение войск, усмирявших восстание, обвиняя их в зверствах по отношению к местному населению. Однако авантюра эта не удалась, большинство членов комиссии отказалось подписать протокол расследования.

Документы по этому вопросу см. в «Сборнике материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг.» под ред. ген.-м. Н. Р. Овсяного, вып. 5, СПб., 1906, стр. 158–185. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

- 334 Рескрипт Александра II по случаю пожалования Д. А. Милютину графского титула 30 августа 1878 г. см.: Правительственный вестник. 1878. № 205. 16 (28) сентября.

Подлинник рескрипта см.: ОР РГБ, ф. 169, к. 84, д. 47, л. 9–10.

- 335 Имеется в виду армянское население, не желавшее оставаться под турецким владычеством. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

- 336 Донесения К. П. фон Кауфмана Д. А. Милютину и другие материалы о миссии Н. Г. Столетова см.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 126–128, 136–140, 147–159.

- 337 По решению Сан-Стефанского мира Македония была включена в состав Болгарии и в ней предположено было ввести те же порядки, что и на остальной освобожденной от турок территории. С этой целью в феврале 1878 г. в Македонии был назначен губернатор и было направлено 70 русских офицеров для занятия административных должностей.

Однако в результате решения Берлинского конгресса Македония была оставлена в составе Турецкой империи, что вызвало большое недовольство местного населения. Это обстоятельство и явилось причиной восстания в Македонии.

Движение в Албании носило иной характер. Местная феодальная знать, находившаяся в привилегированном положении в Турецкой империи и обеспокоенная угрозой аннексии со стороны Австро-Венгрии и Сербии, организовала «Албанскую лигу». В дальнейшем прогрессивные элементы внутри этой лиги повели борьбу за национальную независимость. Движение было подавлено турецким правительством. *Коммент. П. А. Зайончковского.*

- 338 Об «Албанской лиге» подробнее см.: *Маньковская Г. Л.* Албанская лига в русской печати конца 70-х — начала 80-х годов XIX века // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война и Балканы. М., 1978. С. 190–207; *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* М., 1986. С. 392–395.

- 339 См. донесения русского военного агента в Лондоне А. П. Горлова Д. А. Милютину (а также записку поверенного в делах в Лондоне М. Ф. Бартоломея в Министерство иностранных дел) о подготовке Великобритании к войне с Афганистаном в сентябре — октябре 1878 г.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник ар-

живных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 163–174.

- ³⁴⁰ 5 (17) ноября 1878 г. в Неаполе поваром Пассаканте было совершено покушение на Умберто I. Король получил лишь легкую рану, поскольку сидевший рядом с ним премьер-министр Б. Кайроли отвел удар кинжала. Сам Кайроли при этом был тяжело ранен. Тем не менее уже в декабре 1878 г. правительство Кайроли, обвиненное в парламенте в снисходительном отношении к республиканцам, было вынуждено подать в отставку.
- ³⁴¹ О начале второй англо-авганской войны подробнее см.: *Халфин Н. А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX — начало XX в.). М., 1959. С. 105–109. См. также донесения, посланные К. П. фон Кауфманом Д. А. Милютину в ноябре 1878 г.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 198–202.
- ³⁴² Движение студенческой молодежи в Петербурге было связано с событиями в Харькове. Профессор Харьковского ветеринарного института Журавский начал всячески притеснять студентов института Протестующие студенты были отданы под суд. Суд состоял из реакционных профессоров в числе которых был и сам Журавский. Эти события вызвали волнения в Харьковском университете, повлекшие за собою арест и избивание полицией одного студента. В связи с этим харьковские студенты обратились с письмом к студентам петербургских высших учебных заведений. В письме говорилось: «Товарищи. Неужели вы оставите этот факт... без последствий — без протеста с вашей стороны. Неужели мы не дождемся прямого и смелого заявления от вас, что нельзя бросать живых людей как мячики, в Колу, Шенкурск и Мезень...». («Земля и Воля». Социально-революционное обозрение», № 2, 15 декабря 1878 г., в кн. «Революционная журналистика семидесятых годов» под ред. Базилевского (Богучарского), стр. 134). Обсуждение указанного письма и вызвало волнения в Медико-хирургической академии. 30 ноября несколько сот студентов двинулись к Аничкову дворцу для передачи наследнику престола петиции по поводу положения студенчества. Петиция была передана петербургскому градоначальнику ген.-м. Зурову, который обещал доставить ее по назначению. На другой день, 1 декабря, Зуров явился в Академию, где происходило собрание студентов. Собрание было разогнано полицией, пустившей в ход нагайки. В результате этого многие студенты были избиты, изувечены, 130 человек подверглись аресту. (См. «Земля и Воля». Социально-революционное Обозрение», № 2). *Коммент. П. А. Зайончковского.*

- ³⁴³ О студенческом движении в конце 1870-х гг. и мерах против него подробнее см.: *Щетинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 43–71.
- ³⁴⁴ См. телеграммы, отправленные кн. А. М. Горчаковым и Д. А. Милютиным К. П. фон Кауфману 3 и 6 декабря 1878 г.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 216–218.
- ³⁴⁵ Подробнее см.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Составитель, автор предисловия и примечаний Т. Н. Загородникова. М., 2005. С. 221–235.
- ³⁴⁶ Первые сообщения о начале эпидемии чумы, полученные в Министерстве внутренних дел от астраханского губернатора Н. Н. Бишпена, см.: Правительственный вестник. 1878. № 286. 22 декабря (3 января); № 289. 29 декабря (10 января).

Приложения

Н. Н. ОБРУЧЕВ
СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
ОТ 1-го ОКТЯБРЯ 1876 г.*

Цель войны. — Вырвать из власти турок ту христианскую страну (Болгарию), в которой они совершили столько злодейств.

Эта страна громадна; она заключает три части: Придунайскую — Болгарию с Руцуком и Трновом, Забалканскую — с Софиею и Македонскую — с Монастырем (или Битолем). Фактически занять часть Болгарии легко; но нельзя ручаться, чтоб это занятие побудило турок выполнить наши требования относительно всей страны; разбрасываться же самим по всей стране невозможно. Поэтому, решаясь занимать часть Болгарии с долиной Марицы и Адрианополем включительно, *надо быть готовым* и к следующей, еще более энергичной мере побуждения турок, т. е. к удару на самый Константинополь.

По всей вероятности мы встретим здесь англичан, и если они не согласятся исполнить наших требований, а будут упорствовать в поддержке турок, нам придется биться и с англичанами. Как ни грозно это столкновение, но таков естественный ход событий; надо его предвидеть и быть к нему готовым. Нам во всяком случае не избежать столкновения с Англией, и лучше встретить ее в Константинополе, чем биться с нею у наших берегов. Если счастье благоприятствует нам взять Константинополь, тогда раз навсегда отделаемся и от Турции и от Англии. Было бы большою ошибкой излишне опасаться брать Константинополь и заранее намечать пределы развитию успехов армии. Напротив, благоразумнее и предусмотрительнее, начиная дело с занятия Болгарии, быть вместе с тем готовым к достижению самых решительных результатов войны. Пожертвования для нее принесутся громадные, они должны окунуться. Надо думать, что если мы, взяв Константинополь, при-

* Печатается по изданию: *Газеткамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. Приложение 1. С. 1–5.

знаем его международным городом, то Европа не только не будет против нас, но будет даже рада, что нескончаемый, всех пугающий восточный вопрос наконец решен.

Общий характер действий. — Наши операции должны быть ведены с чрезвычайною быстротою. Только при этом условии мы спасем то христианское население, за которое вступаемся, — не дадим туркам времени организовать при помощи Англии новые силы, — и не дадим времени развиться против обширной европейской коалиции. Еще важнее то обстоятельство, что при медленности действий наша армия будет страшно таять от болезней, а средства России будут быстро истощаться.

Наученные горьким опытом прежних войн, мы не должны ни медлить с переправой через Дунай, ни втягиваться в бедственную крепостную войну. Напротив, мы должны перейти Дунай, так сказать, мгновенно, затем — разом очутиться за Балканами, а из укрепленных пунктов брать только то, что безусловно необходимо для ограждения нашего тыла. Поэтому перед тем, чтоб начинать поход, в руках главнокомандующего должны быть: а) готовые средства для быстрой переправы, как-то: понтонные парки с надлежащей длины мостом, подводные мины и 24-фунтовые пушки для бомбардирования Дуная против турецких речных броненосцев, и б) достаточные бомбардировочные средства для быстрого уничтожения неприятельских укрепленных пунктов, вообще скудных казематированными помещениями и потому неспособных устоять против энергической артиллерийской атаки.

Состав армии. — Для быстрого и более или менее разбросанного занятия страны нужна достаточно многочисленная кавалерия; по скудости же страны и суровому времени года в кавалерии должны преобладать казаки, которые все вынесут. Для первопредположенных действий армия должна быть небольшая*, чтоб продовольствовать и содержать ее было легче. Но вместе с тем надо обеспечить ей безостановочное, правильное положение, чтобы она находилась всегда в количестве. Казалось бы, что на первый раз в Дунайскую армию следовало бы назначить: 4 пехотные дивизии с их артиллериею. За ними еще 1 пехотную дивизию в виде ближайшего резерва,

2 кавалерийские дивизии в полном составе;

10 казачьих полков, частью с полевой, частью с горною артиллериею;

1 саперную бригаду с 4-мя понтонными парками (400 саж. моста), полевым инженерным парком и запасом мин

и 1 осадный артиллерийский парк.

Затем, если б события заставляли нас идти на Константинополь, Дунайская армия должна быть усилена 2-мя, 3-мя или еще большим числом дивизи-

* Тем более, что предполагается содействие румынских войск.

зий с таким расчетом, чтоб дать ей безусловный перевес над англо-турецкими силами, которые мы можем встретить на Босфоре.

Операционный путь. — В прежние войны, при господстве на Черном море, мы обыкновенно держались нижнего Дуная и восточной, приморской части Болгарии. Теперь это направление для нас неудобно: у нас нет флота, море в чужих руках, чем мы далее от него, тем безопаснее; приморская часть Болгарии (за исключением Бабадага, вся Добруджа и вся возвышенность Странжеи) крайне скудна всеми средствами и даже водой; местность, хотя и не представляет больших гор, но зато в высшей степени пересечена; наконец, здесь мы натываемся на самую сильную турецкую позицию с тремя крепостями: Силистрией, Шумлой, Варной, — и с преобладающим турецким, а частью и черкесским населением, способным к упорной обороне.

В этих обстоятельствах, на нижнем Дунае нам дорого укрепиться только в самом Галацком изгибе, чтоб дать опору для действий второстепенного отряда и оградить себя от всяких случайностей с моря; главные же операции нам несравненно выгоднее вести через средний Дунай и среднюю Болгарию. Здесь Дунай наиболее вдается в пределы самой Турции, поэтому расстояние до главной цели в неприятельской стране значительно сокращается; край сравнительно достаточный, населенный преимущественно коренными болгарями; пути затруднительны только на самом перевале через Балканы, т. е. на 2-х, много на 3-х переходах; главное же, в этом случае обходятся все турецкие крепости, за исключением весьма слабого Рущука, который не может выдержать сколько-нибудь энергической бомбардировки.

Движение на Систово — Руцук через среднюю Болгарию наиболее отвечает и самой цели задания. Держась центрального направления, наша армия будет иметь возможность быстро подавать помощь населению во все стороны, а понадобится, может легко связать свои действия и с Сербскою армиею и с Черногорскою.

Расстояние главнейших пунктов по среднему направлению следующее:

От Бендер до Галаца	200	верст
« Галаца до Букарешта	208	«
« Букарешта до Систова — Рущука	110–65	«

Итого до Дуная

Итого до Дуная	518–473	версты

От Дуная (т. е. Систова и Рущука)

за Балканы до Казанлыка — Сливно

за Балканы до Казанлыка — Сливно	135–175	верст

Далее до Адрианополя	165–125	«

Наконец до Константинополя	209	«

Итого весь путь около 1000 верст, из коих только 509 верст в пределах самой Турции.

Почти по всему этому пути можно пользоваться железной дорогой. Ее нет только через горный участок, который между Разградом и Ямбольской дорогой против Сливно имеет 115 верст протяжения. Однако и этот участок может быть еще несколько сокращен, если мы сами проложим легко устраиваемые ветви: от Разграда до Ески-Джумы и от Сливна до Ямбольской дороги. Затем по горной дороге, надлежаще разработанной, быть может удастся с пользой применить тягу полевых локомотивов.

Турецкие дороги, даже шоссеиные, плохи, часто скверны и будут требовать многочисленных рабочих отрядов (иногда даже с динамитом). Но общее состояние путей в Болгарии теперь все же гораздо лучше, чем в прежние наши войны.

Расчет времени похода. — Если б разрыв с Турциею мог последовать в благоприятное время года, то по приблизительному расчету ход кампании представлялся бы следующий:

Мобилизация.....	14 дней
Сосредоточение к границе	7–10 «
Движение к среднему Дунаю:	
а) походным маршем.....	35 «
б) при помощи румынск. ж. д.....	24 дня*
Переправа через Дунай	3 «
Переход за Балканы:	
а) отрядов кавалерии	3 «
б) пехоты	7–10 дней
Отдых и устройство тыла, а также взятие Рушюка**	7 «
Движение к Адрианополю	8 «
Итого	70–80 дней
Буде понадобится поход к Константинополю	14 дней
Всего же от 3-х до 4-х месяцев.	

Но если разрыв последует в позднее время года, все эти расчеты, естественно, опрокинутся. Начиная с мобилизации и сосредоточения войск, все будет подвержено бесчисленным случайностям. Наши железнодорожные маршруты основаны на движении, применимом до 8-го ноября; позже же сего срока, с первыми снегами и метелями, нельзя уже ручаться ни за один поезд. Состояние здоровья людей при зимней перевозке также будет уже менее надежно.

* Здесь положено 6 дней на перевозку каждой пехотной дивизии, но, может быть, дорога будет работать успешнее.

** Взятие Рушюка может последовать и ранее, тотчас по переходе через Дунай.

Участие Кавказской армии. — По отдаленности Кавказа от решительной цели действий, т. е. Константинополя, от Кавказской армии нельзя ожидать решительного влияния на турок. Занятие ближайшей к нам страны их ни к чему не побудит, идти же далеко в глубь — и дорого и нерасчетливо. Лучше всего ограничиться только захватом Батума и Карса*, которыми обеспечится наша собственная оборона.

Сообразно второстепенной роли Кавказской армии, на нее не следует затрачивать ни одного лишнего солдата. Напротив, в ней следует скорее искать средств для усиления наших европейских войск, так как именно со стороны Европы нам грозят самые опасные случайности. Успехи Кавказской армии мало двинут дело вперед, неудача же на европейском театре может иметь самые гибельные для нас последствия.

Меры предосторожности против Австрии. — Вступая в Турцию, хотя бы совместно с Австриею, мы тем не менее должны быть настороже против ее измены или отступничества. Она внезапно может примкнуть к английской политике и сильно нам напортить. Благоразумие требует не трогать тех дивизий Киевского округа, которые стоят близ Австрийской границы или же в случае вступления тотчас же заменить их другими.

Мало того, надо немедленно же составить все расчеты для образования на случай надобности *Галицийской армии* и подготовить ее средства**.

1 октября 1876 г.

* Или Арзума, что должно быть предоставлено Главнокомандующему.

** Не лишнее было бы заручиться от Австрии (в доказательство ее дружбы) пользованием Львов — Ясской железной дорогой для перевозки наших военных запасов, а также и частей войск.

М. Х. РЕЙТЕРН

**ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ Е. И. В.
В ЛИВАДИИ 3-го ОКТЯБРЯ 1876 г.***

Вашему И. В. благоугодно было потребовать моего заключения по следующему вопросу: если бы оказалось, что никакие соглашения с державами относительно восточного вопроса не могут повести к действительному результату, то какие представляются средства для ведения войны? Ваше Величество изволили приказать мне переговорить о настоящем положении с государственным канцлером, военным министром и генерал-адъютантом Игнатьевым.

Князь Горчаков обратился ко мне с вопросом: в случае если бы оказалось необходимым прибегнуть с нашей стороны к употреблению материальной силы, то представлялось ли бы для финансовых и экономических интересов России желательным сделать это ныне или оттянуть до весны, другими словами, опаснее ли для нас болезнь острая или хроническая?

Относительно средств для ведения войны и влияния ее на государственные финансы и экономические интересы страны осмеливаюсь, в дополнение и развитие лично уже доложенного *Вашему Величеству*, всеподданнейше представить нижеследующее:

Если бы дело, как можно было надеяться несколько времени тому назад, ограничилось, так сказать, военною экзекуцией с согласия держав, то, без сомнения, это потребовало бы весьма значительных, жертв со стороны государственного казначейства и причинило бы нашим экономическим интересам немаловажный ущерб усиленным и без того весьма чувствительным застоєм торговли и промышленности, но средства эти можно бы найти помощью внутреннего и отчасти, может быть, заграничного кредита, а ущерб, причиненный торговле, был бы временный и отчасти мог бы быть уменьшен передвижением посредством железных дорог товаров южного края к Балтийскому морю и сухопутной границе.

Если же, напротив, военные действия против Турции, предпринятые вопреки желанию особенно заинтересованных держав, повели бы к войне европейской, вероятно с Австриєю и Англиєю, то я считаю своим верноподданническим долгом доложить *Вашему И. В.*, что это повело бы не только к

* Печатается по изданию: *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн: Биографический очерк. С приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна. СПб., 1910. С. 160–167.

расстройству, но, смею выразиться, к погрому наших финансовых и экономических интересов.

Экономический строй России при вступлении в Крымскую войну был еще весьма простой, унаследованный от предков. Она была в то время страшною почти исключительно земледельческою и зиждилась на основаниях чрезвычайно простых, весьма мало подверженных влиянию внешних обстоятельств. Народ обрабатывал земли владельческие и за это пользовался некоторым количеством земли, заменявшей плату; произведения сплавлялись по водяным путям, ничего или мало стоящим, и дорогих железных дорог почти не существовало. Промышленность, сравнительно мало еще развитая, носила на себе, если можно так выразиться, печать крепостного права. Оберегаемая от заграничной конкуренции не только высоким таможенным тарифом, но и недостатком путей сообщения, значительная часть ее работала крепостным трудом, ибо многие фабрики были в руках самих помещиков, а другие запряживали у них людей. Доказательством, как мало эта промышленность и вся торговля нуждалась в кредите, может служить то обстоятельство, что в настоящее время обороты некоторых из большого числа существующих частных банков превышают весь коммерческий оборот прежнего государственного коммерческого банка, — единственного в то время кредитного учреждения, к которому промышленность и торговля имели доступ.

Такого рода хозяйство могло быть ведено почти без денег, хотя оно, конечно, подвергалось колебаниям, смотря по урожаям и по спросу на сплавляемый хлеб. Дурной урожай и недостаток спроса имели последствием накопление недоимок казне и владельцам, но не могли произвести кризиса, ибо кризис есть болезнь кредита, который в то время почти не существовал. На общество, устроенное на этих простых основаниях, война, даже столь продолжительная, как Крымская, должна была иметь сравнительно не столь важное влияние, ибо она не касалась существа производительности.

Таким образом, можно сказать, что выгода экономического строя до Крымской войны состояла преимущественно в его стойкости. Но невыгоды этого положения, давно уже чувствительные, с особенною ясностью высказались во время войны. Продолжение существования тогдашнего положения обуславливалось сохранением крепостного права, которое, если можно так выразиться, пропитывало Россию до мозга костей. Не место здесь повторять те политические и гражданские соображения, по коим В. И. В. решились освободить Россию от гнета крепостного состояния, но я позволю себе только указать, что реформа была неизбежна в финансовом и экономическом отношении. Опыт доказал, что при крепостном состоянии рассчитывать на улучшение финансов было невозможно потому, что улучшение это должно быть последствием экономического развития, а последнее не совместно с крепостным положением народа. Все доходы, за

исключением одного откупного, не только не повышались, но некоторые даже уменьшались; увеличение прямых податей, к которому правительство несколько раз прибегало, имело последствием не возвышение доходов, а возрастание недоимок. В то же время Крымская война доказала, что без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности даже в собственных ее границах и что влияние ее на судьбы остальной Европы должно пасть на степень, несогласную с ее внутренним могуществом и историческим значением. Поэтому, вместе с отменю крепостного состояния, явилась неотразимая необходимость положить основанием будущности России такое же развитие, которым пользуются образованные европейские государства и которое разнится от первобытного, так сказать, азиатского положения тем преимущественно, что вся экономическая деятельность, земледелие, промышленность и торговля — основаны не на владычестве одного человека над многими другими, а на приложении капитала к труду. Земледелию и промышленности необходимо было предоставить денежные средства для замены крепостного труда вольным, а дабы торговля могла оплодотворять произведения земледелия и промышленности, она должна была найти несравненно более обильные средства, чем прежде, — другими словами, надобно было создать внутренний кредит. Но этого, однако, было еще недостаточно: пути сообщения представлялись столь же необходимыми в экономическом отношении, как и в политическом и военном; железные же дороги, в свою очередь, потребовали развития железоделательных и создания механического и машинного производств. Таким образом, частный кредит, устройство путей сообщения и развитие механических производств представлялись главными основаниями такого экономического развития России, которое могло бы не только уврачевать недуги, по необходимости вызванные крестьянскою реформою, но улучшить настолько общественное благосостояние, чтобы возрастание государственных доходов устранило хронические дефициты и давало бы государственному казначейству возможность покрывать расходы, увеличивающиеся по всем ведомствам.

Ободренный доверием В. И. В., следуя *Вашиим* указаниям, я в течение многих лет старался приближаться постепенно к достижению изложенных целей. Смею думать, что успех несомненен, если и не на столько, сколько можно было ожидать. Устройство улучшенных путей сообщения и созданный частный кредит имели последствием замечательное развитие торговли и промышленности, постепенно уменьшали неудобства, вызванные крестьянскою реформою и возвышали государственные доходы на столько, что без дефицитов и займов можно было покрывать расходы всех вообще ведомств, несмотря на то, что многие реформы и улучшения, как то судебная реформа, учебная, улучшение полиции и в особенности огромные расходы по военно-

му ведомству, потребовали весьма значительных средств, о получении коих в прежнее время не могло быть и речи.

Все это сделано и не могло иначе быть сделано, как привлечением к нам иностранных капиталов. Очевидно, что в России, жившей до тех пор первобытною экономическою жизнью, основанною, так сказать, на натуральной повинности, т. е. на крепостном труде, не могло находиться тех капиталов, которые требовались при замене дарового труда — трудом, вознаграждаемым деньгами. История развития всех европейских стран показывает, что переход от первобытного экономического положения к более рациональному и более сложному не может быть совершен иначе как при заимствовании у стран богатых не только усовершенствованных приемов, но и капитальных средств, необходимых для всякого развития.

Иностранные капиталы приходят к нам в различной форме:

1) Для устройства железных дорог они привлекались государственною гарантией в виде помещения за границу акций и облигаций железных дорог. Условия этой операции таковы, что заграничные наши кредиторы не имеют права требовать вдруг возврата суженных ими капиталов: они должны довольствоваться ежегодным получением интереса и некоторой части погашения.

2) Некоторые из наших земельных банков, учрежденных с целью воспитания землевладельцев, заняли за границу под облигации весьма значительные капиталы. По этим облигациям, так же как и по государственным займам, заграничные кредиторы имеют право только на получение ежегодных процентов и погашения.

3) Не менее значительные капиталы стали переходить к нам по мере возрастания доверия к миролюбивой политике России и к прочности гражданского и экономического ее устройства. Многие частные предприятия получали необходимые им средства из-за границы, или через залог там тех или других ценностей, или же чрез участие заграничных капиталистов в самих предприятиях. Эти позаймствования, большею частью, даны на не весьма продолжительный срок и следовательно могут быть востребованы.

4) Другой род позаймствования заключается в кредитах, которыми наши банки и частные банкиры пользуются от заграничных своих корреспондентов.

и 5) Наконец, торговля наша пользуется значительными авансами со стороны заграничных покупателей, которые задолго до получения купленных ими товаров отпускают нашим оптовым негодантам часть условленной цены, что ставит сих последних в возможность делать закупки внутри края.

В случае европейской войны, когда доверие к нам должно уничтожиться, все иностранные капиталы, могущие быть востребованы, без сомнения, оставят Россию. С этим вместе предприятия, действующие в настоящее вре-

мя иностранными капиталами, а это самые значительные — должны пасть. Банки и банкиры подвергнутся той же участи или будут не в силах снабжать своих теперешних клиентов кредитом, к которому сии последние привыкли и без которого они обойтись не могут, так что разорение и банкротство перейдут на большую массу частных лиц, которые прямых сношений с заграничными капиталами не имели, но лишатся необходимых им денежных средств, потому что банки, у которых они пользовались кредитами, не будут уже в состоянии им таковые представлять. Наконец, прекращение заграничных авансов оптовым торговцам в то самое время, когда банки будут прекращать им кредиты, поставит и их в невозможность закупать товары на местах производства. Таким образом, разорение перенесется также в среду мелких производителей, по бóльшей части крестьян.

Что же касается долгосрочных займов в частных земельных банках, о которых выше упомянуто, то хотя по условиям этих займов самый капитал не может быть востребован, но даже и срочная уплата процентов и погашения во время войны, в особенности продолжительной, делается почти невозможной.

Переходя за сим к средствам ведения войны, прежде всего надобно оговориться, что средства эти могут состоять только в бумажных ценностях, а не в звонкой монете, которой у нас в обращении нет, а занять ее за границей во время войны невозможно. За сим первое средство к ведению войны должно бы состоять в займе или займах на внутренних рынках, но это средство не может быть очень обильным и во всяком случае не покроет огромной суммы расходов большой европейской войны. Тогда останется одно только пагубное средство: выпуск бумажных денег. В то же время металлический фонд бумажных денег не может быть сохранен в теперешнем его объеме, ибо во время войны он должен служить к уплате за границу процентов по нашим займам. То и другое, т. е. увеличение массы кредитных билетов и уменьшение вместе с тем разменного фонда, должно произвести совершенное расстройство нашей денежной системы. Последствия этого слишком известны из нашего и чужих опытов.

Сводя все вышесказанное в общее заключение, считаю верноподданническим долгом выразить перед В. И. В. свое убеждение, что в настоящем нашем переходном экономическом и финансовом положении, когда много начато не безуспешно, но ничто еще не успело окрепнуть — Россия европейскою войною, уничтожением доверия иностранных капиталистов к нашей экономической будущности и изъятием вследствие того обращавшихся у нас иностранных капиталов будет подвергнута такому разорению, с которым никакие бедствия в ее прошедшем сравниться не могут. Сообразно с этим расстроится и финансовое ее положение, и пройдут десятки лет, если не целые генерации, прежде чем она поправится.

Обращаясь за сим к изложению своего мнения о том, менее ли вредно для финансовых и экономических интересов скорое, но зато более рискованное разрешение настоящих затруднений или же промедление этим решением, обязываюсь всеподданнейше изложить свое мнение с полною откровенностью.

Острый исход болезни может быть предпочтителен, если он ведет к *исцелению* и притом к *скорому*.

По моему убеждению, изолированное действие наше не может вести ни к скорому, ни к хорошему исходу: занятие Болгарии нисколько вопроса не решает. Все наши явные и тайные недруги поймут, каких огромных усилий потребует поход в глубокую осень, в краю, не имеющем дорог, и затем зимовка армии без достаточного крова и с весьма затруднительным сообщением с Россиею. Все также знают, что к весне немаловажная часть армии выбудет из строя по болезни, и значительная доля наших скудных денежных средств будет истрачена.

А между тем этими жертвами вопрос не только не подвинется вперед, но будет в худшем положении, чем теперь, ибо в течение зимы наши недруги имеют время составить коалицию, причем они знают, что нам невозможно не только проникнуть в глубь Румелии, но даже держаться в Болгарии, если с одной стороны Черное море в руках неприятельских, а с другой Австрия примет угрожающее положение. Тогда нам придется или вывести наши войска обратно, или вести войну также с Австриею и, вероятно, с Англиею, не имея ни одного обеспеченного союзника. Исход такой войны в руке Божией, но не подлежит сомнению, что даже в случае победы она разорит Россию на долгое время — в противном же случае мы не только не улучшим, но даже ухудшим положение славян и можем быть принуждены согласиться на условия, невыгодные для самой России.

По этим соображениям я убежден, что к военным действиям мы можем приступить не иначе, как имея формально обеспеченное содействие одной из держав, — одни же общие уверения ненадежны и недостаточны. Если же это окажется невозможным, то, по моему мнению, остается только искать, при посредничестве Германии, исход, сохраняющий наше достоинство и по возможности выгодный для славян.

Р.

М. Х. РЕЙТЕРН

**ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ГОСУДАРЮ
17-го ДЕКАБРЯ 1876 г. И ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ
РАССМОТРЕННАЯ В КОМИТЕТЕ ФИНАНСОВ***

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было мне повелеть изложить на письме, на чем основано мое убеждение, что, в случае войны, огромные денежные средства, требующиеся на ведение оной, по необходимости будут добываемы почти исключительно выпуском кредитных билетов, несмотря на пагубные последствия такого усиления массы бумажных денег.

Расходы на ведение войны так огромны и требуются так безотлагательно, что ни в каком случае не могут быть покрываемы новыми налогами или возвышением существующих; налоги эти могут дать суммы, далеко не столь значительные, и раскладка их требует слишком много времени. Поэтому новые налоги могут быть устанавливаемы для покрытия процентов по займам и других постоянных расходов, оставляемых на государственном казначействе, как последствие войны, — на ведение же войны требуются чрезвычайные ресурсы.

Чрезвычайные потребности, в чем бы они не состояли, могут быть покрываемы ни чем иным, как свободными денежными средствами, находящимися в данное время в руках народа. Как частные лица, совокупность которых составляет народ, сей последний может сделать чрезвычайные денежные усилия только соразмерно имеющимся у него средств. Существенная разница в этом отношении заключается лишь в том, что частный человек может реализовать свои сбережения или унаследованное имущество, продать имеющиеся у него процентные бумаги или недвижимое имение, наконец, занять деньги и употребить добытые таким образом средства на новую чрезвычайную потребность, например, на заем, делаемый для войны. Когда же дело идет, как в настоящем случае, об общей государственной потребности, то рассчитывать можно уже не на капиталы, в прежнее время накопленные и уже помещенные в те или другие ценности, а только на сбережения последнего времени, так сказать, текущие капиталы, не успевшие еще поместиться в те или другие ценности, ибо то, что реализовал бы один желающий участвовать в военном займе, было бы куплено другим, так что в окончательном результате на покрытие расходов, вызываемых вой-

* Печатается по изданию: *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* М. Х. Рейтерн: Биографический очерк. С приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна. СПб., 1910. С. 170–175.

ною, могут идти только свободные сбережения последнего времени, никуда еще непо помещенные. Таким образом, вопрос, насколько можно рассчитывать на денежные средства страны, сводится к другому вопросу: сколько существует в ней действительно свободных текущих сбережений и могут ли они быть помещены в заем.

Определить вообще, сколько ежегодно сберегается в известной стране, в точности невозможно, но с достоверностью можно сказать — избыточно, или, напротив, недостаточно сбережений известной страны на покрытия потребностей ее торговли, промышленности, земледелия и других интересов. Есть народы — кредиторы и народы — должники. У первых столько образуется ежегодно сбережений, что, за покрытием всех собственных потребностей, капиталы должны искать себе помещения за границей. У других, напротив, сбережения еще слишком слабы и потребность в капиталах слишком велика, так что у этих народов экономическое развитие обусловлено притоком иностранных сбережений. К этим последним принадлежим мы. Можно спорить о сумме наших ежегодных сбережений, но нет сомнения, что они недостаточны для покрытия обыкновенных наших экономических потребностей и что очевидный прогресс последних лет не мог бы быть достигнут собственными нашими сбережениями, а потребовал участия иностранных. В случае войны иностранные капиталы к нам не только не будут притекать, а, напротив, заграничные капиталисты будут стараться вытягивать из России свои деньги. Если Россия и в обыкновенное время имеет менее свободных капиталов (т. е. ежегодных сбережений), чем ей необходимо на свою промышленность, торговлю, земледелие и пр. и потому заимствует их у других, то может ли она употребить огромную сумму на войну в то время, когда она лишится возможности получать капиталы из-за границы.

Ответ, мне кажется, несомнителен, но и этим еще не исчерпывается вопрос; последние полтора года — едва ли не самая дурная экономическая эпоха, которую пришлось пережить России: в 1875 году неурожай в одних местах, а там, где еще оставался хлеб предыдущего года — отсутствие запаса и цен; мелководие, остановившее караваны товаров; падение Московского банка и вызванный оным банковый кризис, далеко еще не оконченный и принуждающий банки к сокращению кредитов; падение цен наших бумаг и вексельного курса; остановка движения по железным дорогам, наконец, продолжающаяся полтора года политическая тревога — все это вместе обозначает экономическое положение страны чрезвычайно серьезным, исход из которого, даже и в случае сохранения мира, будет нелегкий. Само собою разумеется, что в такое время народные сбережения, составляющие единственный источник новых капиталов, менее обильны, чем в обыкновенное время, тогда как потребности в капитале именно в таком экономическом кризисе особенно возрастают. Образование новых капиталов уменьшилось, кредиты за границу стягива-

ются, а потребность в капиталах увеличивается: все это производит общее безденежье и действует прежде всего на торговлю и промышленность, а через них на все производительные классы народа, начиная от крупного землевладельца, который не находит ни сбыта своим произведениям, ни кредита, и до крестьянина, который стеснен в продаже хлеба и не находит заработков. В таких обстоятельствах, по моему убеждению, нельзя рассчитывать на возможность добыть в России сколько-нибудь достаточные денежные средства для ведения войны. Результат последнего займа подтверждает это мнение.

В изложенных соображениях я вовсе не касался формы, которую можно бы употребить для собрания денег, т. е. посредством ли простого займа или выпуска других каких-либо бумаг, или призыва к частным пожертвованиям и т. п., потому, что сущность дела не в форме, а в том, что не может ныне быть успеха ни в какой финансовой операции, ибо не достает необходимого, ничем не заменимого основания этого успеха, т. е. свободных текущих капиталов.

В таком положении дела всякая операция будет, как последний заем, ни что иное как более или менее замаскированный выпуск кредитных билетов. Нет сомнения, что если уже без этого средства нельзя обойтись, то лучше выпускать кредитные билеты под обеспечение займа, который если не в настоящее время, то в будущем дает надежду на погашение выпущенных билетов. Если бы дело ограничилось последним займом, то можно надеяться, что в течение года или двух все опять войдет в нормальное положение: но, в случае войны, дело не ограничится этим займом. Придется еще несколько таких же объявить и выпускать кредитные билеты сотнями миллионов без всякой разумной надежды возвратиться к прежнему положению, не говоря уже о существенных ухудшениях денежного нашего обращения.

Последствия усиленного выпуска бумажных денег на экономические интересы страны и государственные финансы слишком известны: номинальное возвышение всех цен и, вследствие этого, обеднение тех лиц, которые живут определенным доходом; шаткость всех сделок, так что нет возможности даже самому благоразумному человеку основывать свои дела на положительном расчете, — вследствие этого расстройство всех экономических отношений между частными лицами, падение вексельного курса, которое может поставить многие предприятия в невозможность исполнять свои заграничные обязательства. Государственные финансы страдают не менее частных интересов от обесценения бумажных денег; все предметы, покупаемые и подряжаемые правительством, дорожают сообразно падению ценности кредитного рубля; платежи за границу и гарантии по железным дорогам возрастают сообразно падению вексельного курса; сохранение бюджетного равновесия становится невозможным; появляются хронические дефициты, на покрытие которых правительство принуждено занимать деньги, отнимая таким образом у торговли, промышленности и земледелия столь необходимые им капиталы.

В таком положении правительство не только не может поощрять частную экономическую деятельность, а становится соперником ее, расходуя беспродумательно на покрытие своих дефицитов накапливаемые народом сбережения. Все это нам известно из горького опыта, и все это повторится, может быть, в большей степени, чем 20 лет тому назад.

Одно еще обстоятельство не может не обратить на себя особого внимания, а именно, что, в случае войны, выпускаемые кредитные билеты, за неимением у нас звонкой монеты, по необходимости будут расходоваться за границу. В придунайских странах наши кредитные билеты обращаются и ныне, но, конечно, в ограниченном количестве. Когда же, с переходом наших войск за границу, все более и более значительные суммы будут расходоваться в кредитных билетах в стране, сравнительно невеликой и небогатой, то обесценение их на месте будет идти быстрыми шагами: билеты, ища себе исхода, будут высылаться в Россию, вероятно, через Вену и для покрытия их потребуются ремессы, что понижает вексельный курс. Таким образом, на театре войны платежная сила кредитных билетов будет уменьшаться и, сообразно с этим, будет возрастать нарицательная сумма расходовемых там кредитных билетов; а здесь вексельный курс, мерило ценности, будет понижаться от обратного притока сюда билетов, расходовемых армией за границу. При взаимодействии этих обстоятельств нельзя не опасаться, что обесценение кредитных билетов и падение вексельного курса могут идти быстро и до пределов, которые определить вперед едва ли возможно.

Считаю своим верноподданническим долгом выразить пред Вашим Императорским Величеством свое убеждение, основанное на изложенных соображениях, что войну вести можно не иначе как посредством выпуска огромной массы кредитных билетов, что происходящее от этого обесценение оных и падение вексельного курса сделают и это средство ненадежным для продолжительной войны, а между тем нарушит все основания нашего экономического быта и государственных финансов.

**ЗАПИСКА ВОЕННОГО МИНИСТРА Д. А. МИЛЮТИНА
ОТ 7-го ФЕВРАЛЯ 1877 г.,
СОСТАВЛЕННАЯ Н. Н. ОБРУЧЕВЫМ**

НАШЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ*

Внутреннее и экономическое перерождение России находится в таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма.

Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено. Экономические и нравственные силы государства далеко еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем. Словом, вся жизнь государства поставлена на новые основы, только еще начинающие пускать первые корни.

Война в подобных обстоятельствах была бы поистине великим для нас бедствием. Страшное внутреннее расходование сил усугубилось бы еще внешним напряжением; вся полезная работа парализовалась бы, и непомерные пожертвования могли бы быстро привести государство к полному истощению. Задача народного благосостояния, которой с такою заботой и любовью были посвящены все годы нынешнего царствования, опять стала бы на отдаленный план, а вместе с тем могло бы пошатнуться и самое величие России.

Крайне неблагоприятное для войны внутреннее положение России несколько не облегчается и с внешней стороны. У нас нет ни одного союзника, на помощь которого мы могли бы безусловно рассчитывать.

Австрия ведет двойную, даже тройную игру и с трудом сдерживает мадьяр, которые ищут решительного с нами разрыва. Германия покровительствует всем видам Австрии и не решается открыто оказать нам сколько-нибудь энергическую поддержку. Италия же и Франция не могут входить с нами ни в какую интимную связь до тех пор, пока мы отделены от них призраком союза трех императоров. По-видимому, мы находимся со всеми в самых дружественных отношениях. Однако во всей Европе нет ни одного государства, которое искренно сочувствовало бы решению восточного вопроса в желаемом нами направлении. Напротив, все державы, по мере возможности, стараются противодействовать малейшему нашему

* Печатается по изданию: *Газенкамф М. А. Мой дневник (1877–78 гг.)*. СПб., 1908. Приложение 2. С. 1–6.

успеху, все одинаково опасаются хотя бы только нравственного нашего усиления на Балканском полуострове. Эти опасения, безмолвно связывающие против нас всю Европу, заставляющие наших друзей опускать свои руки, а наших врагов — создавать нам на каждом шагу всевозможные препятствия, могут поставить Россию, в случае войны, в самое критическое положение.

Даже при благоприятных обстоятельствах Россия может оказаться вполне уединенной; при неблагоприятных же — она может вдруг подвергнуться ударам громадной европейской коалиции. Таким образом, как внутреннее наше положение, так и внешняя наша обстановка одинаково указывают, что нам не только нельзя желать войны, а, напротив, следует всемерно стараться ее избегать.

Для сохранения столь необходимого России мира Государь Император предначертал: возможно теснее связать свою политику в восточном вопросе с политикой прочих государств, идти в общем согласии с Европой и избегать всяких поводов к уединению России.

Эти предначертания были до сих пор строго выполнены. Россия пережила целый год дипломатических сношений, выдержала даже конференцию и ни с кем, кроме Турции, не разошлась. Но можно ли сказать, что мы действительно достигли мира, можно ли надеяться, что мы этим путем кончим когда-нибудь наши недоразумения с Портой?

Исход Константинопольской конференции положительно указал, что совокупное материальное воздействие Европы на Турцию немислимо, что пассивное европейское согласие готово принести судьбу балканских христиан в жертву турецкому варварству, наконец, что Европа, из зависти к нам, готова поступиться даже собственным достоинством, в полном убеждении, что всякий успех, всякое возвышение Порты есть прежде всего удар нам, удар нашей традиционной политике.

Кучук-Кайнарджийским, Яским, Букарештским и Адрианопольским миром мы вырвали от Турции свободу княжеств, независимость Греции и покровительство над балканскими христианами. Парижский мир сократил наши исключительные права, но все-таки создал Хатих-юмаюн и оградил вассалов и христианских подданных Порты коллективную европейскую гарантию. Последняя же Константинопольская конференция, руководимая Англией, не оставила по себе ничего; напротив, она позволила освободиться от всяких уз, от всяких формальных обязательств перед Европой и стать к своим беззащитным подданным лицом к лицу во всеоружии своего варварства.

Не следует скрывать от себя всей важности и опасности такого положения. Фактическое бессилие применения коллективного европейского права может ободрить Турцию к самой безрассудной политике и, с помо-

щью тайных друзей, обратить это слабое государство в страшное против нас орудие. В то время, как Европа будет наслаждаться миром, нам одним придется жить в постоянной тревоге, непрерывно задеваемыми как в нашем достоинстве, так и в материальных наших интересах, до тех пор, быть может, пока не сгладятся и последние следы нашего влияния на Балканском полуострове.

Поэтому-то, если разошедшаяся с конференции Европа может теперь же, даже с выгодой для себя, отдаться полному бездействию, то нам подобное бездействие могло бы быть только губительно.

Мы не можем допустить, чтоб настоящее положение обратилось в хронический для нас недуг. Нам нужно быстрое установление действительного мира, мира почетного, прочного, который сохранил бы во всей неприкосновенности наше достоинство, поставил бы Порту на подлежащее ей место и фактически оградил бы существование балканских христиан от всяких зверств и насилий.

Другие государства могут колебаться и медлить в приискании решений для турецких недоразумений. Нам же колебаться нельзя: мы связаны и перед Россиею и перед христианами, и перед всей Европою словами Государя Императора, мы выставили на границу мобилизованную, сильную армию, которая в глазах всего мира подняла меч на защиту нашей чести.

Отступить от слов Государя Императора значило бы то же, что отступить от русской истории, поколебать уверенность русского народа в самого себя и в руководящий им принцип. Вера в святость слова Царя не должна ничем помрачиться.

Распустить приготовившуюся к бою армию без почетного, вполне удовлетворяющего мира значило бы испортить армию, подорвать и внутри, и вне доверие к нашим военным силам, дать повод государству тяготиться всеми теми жертвованиями, которые оно несет для ограждения своей чести и своих интересов. Подобный роспуск армии, без всяких достигнутых результатов, почти соответствовал бы второй проигранной Крымской кампании и во внешних наших отношениях мог бы иметь самые серьезные последствия.

Напрасно скрывать от себя, что восточный вопрос, в том виде как он стоит, преимущественно русский, и что формула общей европейской за него ответственности мало к нам приложима. Он гораздо менее близок Англии; однако, с каким упорством она является в нем защитницей своих интересов. И история, и совершившиеся факты безусловно оставляют за нами главную роль в решении возникших недоразумений, и мы горько заплатились бы, если б отклонили от себя эту задачу.

Мы никак не ищем войны, но очевидно, что армия не может быть демобилизована, пока мы не добьемся почетного мира; напротив, она-то те-

перь и должна дать вес нашему голосу, дать нам опору, чтобы скорее его достигнуть.

На чем же мы можем помириться?

Одни ли, или вместе с Европой, мы не можем требовать от Турции менее того, что требовала конференция.

Существеннейшие части этих требований заключаются в том: 1) чтобы христианские области получили выработанный для них административный статут; 2) чтобы управление сими областями было вверено христианским губернаторам, назначаемым на определенный срок, не иначе как с одобрения держав; 3) чтобы безопасность жителей была ограждена достаточно многочисленной и хорошо устроенной земской стражею, непременно заключающею христианский элемент, по крайней мере, пропорциональный численности христианского населения, наконец, 4) чтобы Европа имела осязательные гарантии в действительном исполнении предначертанных ею реформ. Сверх сего, конференция указала Порте основания для замирения с Сербиею и Черногориею.

Если б Порты, действуя по собственному почину, быстро замирилась с Сербиею и Черногориею и неотлагательно осуществила первые три требования приведенной выше программы, тогда к четвертому (т. е. к гарантии) Европа могла бы относиться уже несколько с большим снисхождением и удовольствоваться теми средствами контроля, которыми ныне располагает. Но дабы новый порядок вещей получил надлежащую прочность, Порты во всяком случае должна санкционировать его *особым международным актом*, который служил бы торжественным ее обязательством перед Европою в ненарушимости реформ и дал бы снова право Турецкой империи занять соответственное место в общем европейском концерте.

Только подобный торжественный акт может восполнить пустоту, образованную в трактате 1856 года отказом Порты на предложения конференции, и вместе с тем послужить как залогом сколько-нибудь надежного мира, так и удовлетворением достоинству всей Европы, а вместе с ней и России.

Так как восточный вопрос составляет еще дипломатически общеевропейское дело, то и попытку к указанному мирному исходу мы прежде всего должны сделать в согласии со всей Европою.

Но если б наши предложения встретили мало сочувствия, если б дипломатические переговоры грозили опять затянуться на неопределенное время, или наконец — если бы сама Турция несколько и не искала скорее удовлетворить мирным желанием Европы, тогда нам ничего не оставалось бы, как добиваться восстановления мира самостоятельным действием.

Требования, которым следовало бы исходить от лица Европы, должны бы были обратиться тогда в наш ультиматум, не допускающий никаких колебаний ни с нашей, ни с противной стороны.

Есть много шансов, что предложенный с твердостью, поддержанный готовою армиею, наш ультиматум будет принят Портой. Тогда война будет избегнута, мы быстро возвратим государству все благодеяния мира.

Если же ультиматум будет отвергнут — мы в тот же день должны перейти границу и искать мира и восстановления нашего достоинства путем войны.

Как в жизни частного человека встречаются случаи, которых решение возможно только оружием, так и в исторических судьбах государств неизбежно представляются фазисы, перед вызовом которых даже самое миролюбивое государство не может отказаться от войны.

Россия подходит к такому фазису, и слова Государя Императора порукой, что она встретит опасность с такою же неустрашимостью и готовностью ко всем жертвованиям, с какими уже 1000 лет отзывалась на все вызовы, за-трагивавшие ее честь и достоинство.

Нам нужен мир, но мир *не во что бы то ни стало*, а мир *почетный*, хотя бы его и пришлось добывать войной.

Как ни страшна война, но теперь есть еще шансы привести ее довольно скоро к желаемому результату. Армия наша готова и так устроена, как никогда. Союз трех императоров, по крайней мере на первое время, может обеспечить наш тыл; Франция и Италия склонны воздержаться от прямого участия; даже сама Англия торжественно заявила, что не намерена действовать ни *против*, ни *за* Турцию. В этом положении Европы много фальши, но отчасти от нас самих зависит не дать этой фальши всецело развиться против нас. Быстрый, решительный успех нашей армии может сильно повлиять на мнение Европы и вызвать ее на такие уступки, о которых теперь нельзя и думать.

Допустив же мысль мира *во что бы то ни стало*, и дав противникам хотя малейший повод подозревать нас в слабости, мы можем через несколько же месяцев быть втянуты в решительную войну, — но уже при совершенно других, неизмеримо худших обстоятельствах.

Военный министр
генерал-адъютант

Милютин
7-го февраля 1877 года

М. Х. РЕЙТЕРН

**ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ГОСУДАРЮ
11-го ФЕВРАЛЯ 1877 г. И ЧИТАННАЯ В СОВЕЩАНИИ,
БЫВШЕМ У Е. В. 12-го ФЕВРАЛЯ***

Обсуждая вопрос о войне или мире с точки зрения финансовой и экономической, прежде всего необходимо определить цель этой войны и ее характер.

С самого начала настоящих политических затруднений Россия объявила, что она не имеет никаких честолюбивых замыслов, что не ищет приобретений и не хочет падения Турецкой империи, а только стремится к возможному улучшению положения христиан. Благодаря этой умеренной и бескорыстной программе, состоялось соглашение между державами, выраженное в протоколах конференции. Порта, не отвергая необходимости улучшения положения христиан, утверждает, что она сама примет меры к этому; она показывает готовность заключить мир с Сербиею и Черногориею, но не принимает следующие два условия:

«Генерал-губернаторы Боснии, Герцеговины и Болгарии будут назначены на первые пять лет Портою, с предварительного согласия держав».

«Две наблюдательные комиссии будут назначены державами для надзора за исполнением постановлений и содействия местным начальствам в различных мероприятиях, касающихся общественного порядка и безопасности».

Едва ли непринятые Турциею пункты имеют значение столь существенное, что стоило бы из-за них вести войну, и если бы мы на нее решились, то наше и заграничное общественное мнение было бы убеждено, что это только предлог, под которым скрываются предполагаемые честолюбивые намерения России. Христианские населения Европейской Турции видят в переходе наших войск через границу сигнал к восстанию, и, в случае войны, нам будет невозможно держаться умеренной нашей программы уже потому, что необходимо будет обеспечить христианских жителей всех почти провинций Европейской Турции против мести мусульманского правительства и населения.

Первый пушечный выстрел на Дунае превратит вопрос о возможном улучшении положения христиан в вопрос о ликвидации Турецкой империи, т. е. вопрос о том, кому должен принадлежать Константинополь, как устро-

* Печатается по изданию: Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. Х. Рейтерн: Биографический очерк. С приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна. СПб., 1910. С. 177–180.

ить христианские провинции, вовсе к тому не приготовленные и не имеющие достаточных собственных средств, что сделать с мусульманским населением и множество других не менее важных и запутанных вопросов. Немыслимо, чтобы Европа предоставила нам все это решить. Англия, какое бы министерство ею ни управляло, не останется безучастною. Австрия, обеспечив себе, с согласия Англии и, может быть, самой Порты, провинции, составляющие предмет ее желаний, примет сначала угрожающее, потом, может быть, и враждебное положение. Германия, вероятно, прямо против нас действовать не станет, но князь Бисмарк, достигнув предмета сокровенных своих стремлений, т. е. запутав нас в неодолимые почти затруднения восточного вопроса, вероятно, будет стараться о том, чтобы дело кончилось не прежде совершенного нашего истощения. Я убежден, что война с Турциею не страшная сама по себе, если взять только в соображение наши военные силы и турецкие, не может быть окончена легко и скоро потому, что она затрагивает жизненные интересы некоторых держав и возбуждаемые ею вопросы так сложны, что в наше время едва ли могут быть удовлетворительно разрешены; поэтому война будет серьезная и продолжительная и повлечет за собою, даже в случае полного успеха, целый ряд затруднений по устройству и разделу турецких провинций.

Какое влияние на наше финансовое и экономическое положение будет иметь такая война?

Относительно финансов:

Во время войны заграничные займы невозможны. Внутренние могут быть объявлены, но, подобно последнему, не будут в действительности покрыты, так что в существе будут ни что иное, как замаскированный выпуск кредитных билетов. Тем же средством, по необходимости, будут покрываться обязательные для казны расходы на довершение строящихся железных дорог, а на это необходимо 100 миллионов рублей без всяких, само собою разумеется, новых железнодорожных предприятий. Заграничные платежи по долгам правительства во время войны могут быть покрываемы только высылкою из разменного фонда золота. Таким образом, в обращении окажется огромная масса кредитных билетов и в то же время истощится разменный фонд. Это такое положение, из которого выйти нельзя, и оно неминуемо ведет к невозможности платить государственные долги и содержать военные силы в настоящем их блестящем положении.

Относительно экономического положения:

Надобно различать случайные причины от органических.

Целый ряд неблагоприятных для народного хозяйства обстоятельств, скопившихся в последние два года, привели нас в положение, можно сказать, беспримерно дурное. Торговля находится в полном упадке; частный кредит почти уничтожен; народ, не сбывая свои сельские произведения, не

может быть потребителем мануфактурных изделий, так что фабрики и заводы останавливаются и оставляют население без заработков; банкротства частных лиц ежедневно повторяются и повлекут за собою в скором времени несостоятельность частных банков. Я убежден, что не только война, но и продолжительная неизвестность политического положения приведет Россию к крайнему разорению. Органические причины заключаются в том переходном положении, в котором мы находимся. Царствование Государя Императора ознаменовалось целым рядом гражданских и экономических реформ, благополучно проведенных к удивлению всего мира в короткий срок нескольких лет и притом без потрясений, тогда как в других странах соответствующие перемены делались веками и часто не обходились без кровопролитных революций. Но именно потому, что эти реформы проведены так скоро, они требуют еще много времени для того, чтобы окрепнуть; многое расцвело и обещает обильные плоды, но надобно дать этим плодам созреть; надобно, чтобы начатое могло окрепнуть.

Промышленные и хозяйственные предприятия, везде возникавшие в последние годы, без сомнения, погибнут, и народ лишится заработков. Бывшие помещики, ныне землевладельцы, все более и более примиряются с крестьянской реформой, по мере того как земли их, благодаря общему развитию, дают лучшие доходы, но неудовольствие в этом классе вновь возбудится, когда от общего расстройствa земли не будут давать достаточного на обработку их дохода и когда в то же время земельный кредит сделается почти невозможным. Наконец, крестьянская реформа, конечно, останется ненарушима, ибо крепостное состояние уже не возвратится, но главная цель ее — улучшение быта крестьян — не будет достигнута; напротив, при уменьшении заработков и затруднении сбыта сельских произведений, положение крестьян станет безвыходным. Под гнетом нужды они скоро забудут благоденствия реформы и перестанут быть столь консервативным элементом, как ныне.

Я глубоко убежден, что война остановит правильное развитие гражданских и экономических начинаний, составляющих славу царствования Его Величества; она причинит России неисправимое разорение и приведет ее в положение финансового и экономического расстройствa, представляющее приготовленную почву для революционной и социалистической пропаганды, к которой наш век и без того уже слишком склонен.

Н. П. ИГНАТЬЕВ
**О МЕРАХ, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ПРИНЯТЬ
ДЛЯ ПОНУЖДЕНИЯ ТУРЦИИ К ИСПОЛНЕНИЮ
НАШИХ ТРЕБОВАНИЙ
12-го ФЕВРАЛЯ 1877 г.***

При нынешних обстоятельствах следующие меры могли бы быть приняты:

1) Последний циркуляр канцлера обязывает нас выждать ответа кабинетов. Вместе с тем необходимо дожидаться окончания прямых переговоров Порты с Черногориею, которые будут более затруднительны, нежели заключение мира с Сербиею, несмотря на то, что князь Николай, потеряв надежду на нашу материальную поддержку и доведенный до крайности, сделается поневоле сговорчивым. Желательно воспользоваться этою отсрочкою, чтобы дать снова понять кабинетам, что мы вправе ожидать благоприятного ответа и постараться подсказать им его посредством достоверных объяснений. Вместе можно бы поторопить сообщение нам отзывов на циркуляр. Лучшему и скорейшему выяснению положения дел и наших видов могло бы способствовать отправление в Берлин и Лондон особого доверенного лица, до отправления ответов на наш циркуляр. Ничто не мешает нам попытаться в то же время косвенным путем внушить Порте желание прислать в Петербург чрезвычайного посла для непосредственных с нами переговоров. Заключение особой конвенции с Австро-Венгриею следовало бы пока приостановить под благовидным предлогом и затянуть переговоры до окончательного выяснения положения дела.

2) Желательно, чтобы европейские кабинеты, Турция и общественное мнение в Европе проникнуты были — в продолжение сего подготовительного периода — уверенностью, что у нас полмиллиона готового к бою войска стоит на границе и что нет речи о роспуске армии до достижения благоприятного результата. По опыту бывшей в Константинополе конференции известно, до какой степени вредно влияли на расположение и мнения уполномоченных лживые слухи о мнимой неготовности и недостаточной численности нашей армии и об усиленном желании в Петербурге мира.

3) Если ответ на циркуляр будет благоприятен, то державы могли бы подписать немедленно протокол, которым закреплены были бы обязательства и ответственность Порты, а следовательно и право Европы на надзор и вмешательство. Вместе с подписанием этого протокола войска наши могли бы быть тотчас же распущены Высочайшим Манифестом. На первое время и

* Печатается по изданию: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1. СПб., 1899. С. 85–86.

впредь до совершенного умиротворения на Балканском полуострове полезно было бы оставить в Бессарабии и на Кавказской границе лишь небольшие наблюдательные корпуса, для внушения Порте осмотрительности и предупреждения, на первое время, возобновления мусульманских неистовств. Следовало бы достигнуть, чтобы Турция распустила редифы и отвела часть своих войск несколько прежде или, по крайней мере, одновременно с выступлением нашей армии из Кишинева.

4) При неудовлетворительном отзыве кабинетов на циркуляр канцлера необходимо тотчас объяснить категорически в Берлине и договориться с Германиею и Австро-Венгрию касательно предстоящих решительных действий, имея в виду, что, по отзывам старожилов и местным признакам, весна наступит ранняя и удобный момент для начала военных действий наших войск, если мы к тому вынуждены будем, настанет, по всей вероятности, ранее обыкновенного.

5) Только при совершенном неуспехе всех дипломатических переговоров до конца марта месяца может последовать, в начале апреля, предъявление Порте ультиматума, по соглашению с Германиею и Австро-Венгрию, с таким расчетом, чтобы движение наших войск в Румынию началось вслед за получением отрицательного ответа, или же чтобы демобилизация армии, при принятии Портою наших предложений, состоялась бы в конце апреля. Остающееся до Пасхи время должно быть посвящено напряженной деятельности нашей дипломатии, которая, конечно, употребит все усилия для предотвращения печальной необходимости войны, составляющей, бесспорно, народное бедствие, или торжественного заявления Русскому народу и Востоку изолирования нашего в Европе. Государь Император желает даровать России не мимолетный, а прочный и почетный мир; война делается неизбежно лишь тогда, когда честь и достоинство России будут затронуты и не удовлетворены путем дипломатических переговоров.

**ИЗ РАССКАЗА Н. К. ГИРСА
27-го АПРЕЛЯ 1886 г.***

Во время нашей войны с турками в 1877 году, когда Государь находился при армии под Плевной, канцлер кн. Горчаков проживал спокойно в Бухаресте, придавался удовольствиям старого развратника и ничего знать не хотел о делах и дипломатии. В это время у него замечалось уже полное расслабление умственных способностей. При нем находился бар. Жомини, который занимался преимущественно дипломатическою литературой: писал статейки для «Journal de S. Pétersbourg», для Брюссельской «Le Nord», и руководил изданием литографированных листков, редактором которых был Погенполь. Жомини не любил немцев, а в особенности главу их — Бисмарка. Кн. Горчаков также чувствовал более влечение к Франции; он как бы позабыл, что война с Турциею начата нами по предварительном соглашении с ближайшими нашими соседями: Германиею и Австрией; позабыл и о предшествовавшем Рейхенбергском секретном условию с последнею.

В то время, когда дела наши под Плевною приняли невыгодный для нас оборот и возбуждали опасение на счет благополучного исхода кампании, кн. Бисмарк поручил германскому послу в Петербурге ген. Швейницу передать *совершенно конфиденциально* Гирсу, что берлинский кабинет предлагает русскому правительству войти в секретное соглашение относительно содействия, которое могла б оказать Германия для успешного выхода России из настоящих затруднительных обстоятельств; при этом Бисмарк считает нужным не терять времени и вести переговоры в самой глубокой тайне. Гирс поставлен был в крайне затруднительное положение: во все время отсутствия канцлера он не получал от него никаких указаний и не знал, что отвечать представителям иностранных дворов, обращавшихся беспрестанно к нему с вопросами и объяснениями. Получив от Швейница такое важное сообщение, он объявил ему, что ничего другого не может сделать, как передать предложение канцлеру, — и тут же в присутствии германского посла редактировал телеграмму к кн. Горчакову, не упустив, конечно, заявления Бисмарка о необходимости строжайшей тайны. Для бóльшей предосторожности телеграмма была шифрована тут же, в кабинете Гирса, директором канцелярии Миллером и не передавалась в руки чиновников. Конечно, и Гирс, и Швейниц ожидали с большим нетерпением ответа из Бухареста. Прошло несколько дней, — и каково же было их удивление, когда они увидели вдруг пропечатанным в листке Погенполя известие о бис-

* ОР РГБ, ф. 169, к. 3, д. 1, л. 139 а-г.

марковском предложении^{*}. Можно представить себе ужас и негодование^{**} Гирса. Он не мог ни к кому обратиться за советом, — и решился только открыть свое затруднительное положение императрице, которая благоволила ему, часто входила в обсуждение дипломатических вопросов и давала иногда разумные советы. Императрица обещала сделать со своей стороны, что возможно, чтобы выгородить, по крайней мере, самого Гирса от всякого упрека в^{***} нарушении тайны. Очевидно было, что виновником этой непростительной нескромности были сам канцлер кн. Горчаков и его наперсник бар. Жомини. Гирс высказал последнему в письме свое удивление и негодование; но Жомини с цинизмом ответил, что оглашение предложений Бисмарка сделано им, и вовсе не по неосторожности, а с полным сознанием (sciemment), для того, чтобы проучить Бисмарка и показать ему, что истинные друзья не прячутся, а объявляют открыто и во всеуслышание свою готовность помочь союзнику. Такой непозволительной проделки, разумеется, не мог простить раздражительный и мстительный канцлер Германии. Он имел даже полное право заключить, что с русской дипломатией нельзя иметь дела, и вот вслед за тем положено было начало тесному сближению Германии с Австрией.

* с язвительным упреком германскому правительству, что истинные друзья не прячутся, а открыто и во всеуслышание объявляют свою готовность оказать помощь

** бедно

*** неискренности

ИЗ РАССКАЗА Н. К. ГИРСА
27-го АПРЕЛЯ 1886 г.*

Отправление ген. Игнатьева в Константинополь делалось с какою-то необыкновенною поспешностью. Канцлер, который прежде не благоволил и не доверял бывшему послу**, теперь вдруг почему-то вполне положился на его необычайные способности дипломатические и предоставил ему самому составить для себя инструкцию***. Кн. Горчаков, даже не видев составленного Игнатьевым проекта, доложил Государю, что инструкция готова. Предположено было собрать совещание для обсуждения ее. Гирс несколько раз заявлял канцлеру, что необходимо предварительно рассмотреть проект Игнатьева в Азиатском департаменте (которым в то время заведовал Гирс); но кн. Горчаков не признавал это нужным, говоря: «Ah, mon chère, laissez le faire, c'est un titan; il fera mieux que tout autre»...

Только накануне назначенного у Государя совещания кн. Горчаков пригласил к себе в кабинет Гирса, чтоб выслушать проект Игнатьева. Но когда, при чтении последнего, Гирс останавливал его каким-нибудь вопросом или выражением сомнения, канцлер выказывал нетерпение, говоря, что некогда терять времени, что следует составленный Игнатьевым проект доставить к Государю прежде 2-х часов пополудни, т. е. до часа его прогулки. Канцлер не давал даже Игнатьеву дочитать те статьи проекта, в которых тот, с обыною своею самоуверенностью, прямо обозначал будущие границы новых государств, перечисляя целый список пунктов, чрез которые должны проходить предполагаемые пограничные линии; кн. Горчаков останавливал его на этой географической номенклатуре, говоря: «passez donc tous ces noms; c'est comme si vous me chantiez...»

Когда же Гирс заметил, что такое предрешение вопроса о будущих границах весьма важно и требовало бы внимательного обсуждения вместе со специалистами, знакомыми с краем (в том числе некоторыми, служившими долго консулами в разных частях Балканского полуострова), — то кн. Горчаков резко обрывал его, и только твердил одно, чтоб не касаться Адрианополя. Его успокаивали, что об Адрианополе нет и речи, что этот город оставляется туркам; но канцлер все твердил одно: «pas d'Adrianople»,... «je ne veux pas d'Adrianople»... (канцлер имел какое-то отвращение от геогра-

* ОР РГБ, ф. 169, к. 3, д. 2, л. 3 а-в.

** нашему в Константинополе

*** Игнатьев наваял целую тетрадь с обыною быстротой и уже

фической карты; он даже никогда не хотел смотреть на карту). Когда чтение было окончено, князь Горчаков немедленно же продиктовал Амбургеру препроводительную записку к Государю, сейчас же велел запечатать и отправить в Зимний дворец.

ИЗ РАССКАЗА Н. К. ГИРСА

27-го АПРЕЛЯ 1886 г.*

Вскоре по заключении Сан-Стефанского договора, в марте месяце, Н. К. Гирс должен был ехать за границу, в Гаагу, на свадьбу своего сына. Взяв отпуск на самое короткое время, он не мог остановиться в Берлине, хотя и дано было ему знать, что император Вильгельм очень желал с ним повидаться и познакомиться. Гирс, пробыв в Гааге всего один день, решил остановиться в Берлине на возвратном пути. Император принял его весьма любезно, но имел вид задумчивый и озабоченный. Показав рукой на свой письменный стол, он сказал Гирсу: «Вот у меня лежит полученный из Константинополя договор, заключенный в Сан-Стефано...», и затем прибавил загадочную для Гирса фразу: «*rauvge Autriche...*». Гирс хотел было разъяснить смысл этих слов императора; но тот несколько раз только повторял: «*rauvge Autriche...*». Из немногих затем сказанных слов императором можно было заметить в них упрек в том, что мир заключен без ведома венского кабинета и помимо Рейхенбергского соглашения.

Возвратившись в Петербург, Гирс, конечно, сейчас же передал кн. Горчакову свою беседу с императором Германским. Канцлер, любивший обыкновенно харахориться, тут вдруг встревожился и сказал Гирсу, чтобы он сейчас же поехал в Зимний дворец и рассказал Государю о своем разговоре с императором Вильгельмом. Доклад Гирса произвел впечатление и на Государя; но поправить ошибку было уже слишком поздно; дело было испорчено; отношения наши к обоим дворам: венскому и берлинскому — обострились. Когда потом Гирс с упреком сообщил об этом инциденте Игнатьеву, тот сослался на то, будто бы ему вовсе не было известно секретное соглашение в Рейхенберге. Очень быть может, что и в самом деле, при отправлении Игнатьева в Сан-Стефано, канцлер и не подумал открыть ему секрет этого приискорбного соглашения.

Не вправе ли были иностранные кабинеты, даже и дружественные нам, потерять доверие к петербургской дипломатии, если забывалось то, что становлялось даже в личных соглашениях между союзными монархами!

* ОР РГБ, ф. 169, д. 2, л. 33 а-б.

Указатели

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Александр Аггеевич (1821–1895), действительный тайный советник (1874), гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны (1867); в 1871–1874 гг. — государственный контролер, в 1874–1880 и 1884–1893 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, в 1880–1881 гг. — министр финансов; шурин Н. А. Милютин 36, 43, 53, 157, 199, 200, 209, 228
- Аббот (Abbot) (?–1876), германский консул в Салониках 77
- Абдул-Азис-хан (1830–1876), турецкий султан с 1861 по 1876 г. 79
- Абдул-Гамид II (1842–1918), турецкий султан с 1876 по 1909 г. 141, 143, 144, 187, 219, 288, 330, 363, 364, 369, 372, 374, 378–382, 384, 420, 491
- Абдурахман-Автобачи, сын Мусульман кула, регента хана Худояра, руководитель восстания 1875–1876 гг. в Коканде против хана Худояра и русских властей в Туркестане 33, 41
- Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), граф, генерал-адъютант (1855), генерал от инфантерии (1869); с 1855 г. — управляющий делами Императорской Главной квартиры, в 1867–1881 гг. — министр Императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов; член Государственного и Военного советов; личный друг императора Александра II 86, 123, 132–134, 137, 139, 140, 142, 145, 149, 158, 163, 172, 181, 188, 203, 211, 213, 219, 227, 229, 232, 236, 240, 243, 256, 258, 259, 267, 280, 302–304, 335, 340, 369, 385, 386, 389, 394, 399, 405, 411, 413, 417, 432, 433, 437, 439, 440–441, 449, 452, 470, 475, 476, 481, 482
- Адлерберг Владимир Фёдорович (1791–1884), граф, генерал-адъютант (1828), генерал от инфантерии (1843); в 1852–1870 гг. министр Императорского двора и уделов, член Государственного совета 449
- Азис-паша (?–1877), турецкий генерал, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник штаба турецкой армии, действовавшей на балканском театре военных действий 274
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), поэт, публицист, общественный деятель, славянофил; редактор газет «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868), «Русь» (1880–1885); председатель Общества любителей российской словесности (1872–1874) и Московского славянского комитета (1875–1878) 154, 205, 458
- Александр (1857–1893), принц Баттенбергский, с 1879 по 1886 г. князь Болгарии 118, 353, 484
- Александр Александрович (1845–1894), великий князь цесаревич, второй сын императора Алексан-

- дра II, с 1865 г. наследник престола, с 1881 г. российский император Александр III 34, 40, 48, 62, 71, 75, 85, 87, 90, 93, 99, 106, 126, 127, 129–132, 134, 137, 140, 142, 147, 157, 159, 163, 166, 177, 181, 183, 187–189, 194, 203, 205, 213, 223, 224, 226, 228, 232, 254, 256, 257, 263–265, 267–271, 274–278, 288, 293, 301, 302, 304–307, 310, 311, 314, 315, 317–319, 321, 337, 338, 341, 345, 346, 348–350, 353, 354, 380, 385, 394, 400, 417, 423, 430, 432, 437, 439, 448, 452, 463, 465, 487
- Александр Владимирович (1875–1877), великий князь, сын великого князя Владимира Александровича 201
- Александр I (1777–1825), сын императора Павла I, с 1801 г. российский император 337, 350, 351
- Александр II (1818–1881), сын императора Николая I, с 1855 г. российский император 27, 30, 33–35, 37–39, 41–44, 46, 48, 49, 52, 54–56, 58, 61–66, 68–77, 80–88, 90–95, 97, 99–102, 105, 106, 108–114, 116–120, 122–153, 155–160, 162–177, 181–197, 199–217, 219–260, 262–270, 274–286, 290–308, 310–315, 317–348, 350, 351, 353–358, 363–366, 368–386, 388–400, 402–417, 419–425, 427–435, 437–442, 444–457, 459–461, 463–471, 473–476, 478–482, 484–488, 490
- Александр (Александр Людвиг Георг Фридрих Эмиль) Гессенский (1823–1888), принц Дармштадтский, брат императрицы Марии Александровны, отец Александра Баттенбергского, с 1868 г. генерал от кавалерии австрийской армии 38, 118, 254, 350, 353, 391
- Александра Фёдоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина) (1798–1860), российская императрица, жена императора Николая I 147, 322, 480
- Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, четвертый сын императора Александра II; генерал-адъютант (1880), адмирал (1888); с 1873 по 1881 г. — командир Гвардейского экипажа; в 1877–1878 гг. — начальник всех морских команд на Дунае; в 1881–1905 гг. — главный начальник флота и морского ведомства с правами генерал-адмирала; член Государственного совета 142, 143, 226, 236, 244, 263, 350, 427
- Альбединский Пётр Павлович (1826–1883), генерал-адъютант (1866), генерал от кавалерии (1878); в 1865–1866 гг. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1866–1870 гг. — рижский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1874–1880 гг. — виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа, в 1880–1883 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; член Государственного совета 37, 190, 233, 350
- Альфред Эрнест Альберт (1844–1900), принц Великобританский, герцог Эдинбургский, второй сын королевы Великобритании Виктории, с 1874 г. муж великой княгини Марии Александровны, адмирал британского военно-морского флота, командовал Средиземноморской эскадрой; с 1893 г. герцог Саксен-Кобург-Готский 51, 118, 131
- Амбургер, см. *Гамбургер А. Ф.*
- Анастасия Михайловна (1860–1922), великая княжна, дочь великого князя Михаила Николаевича,

- с 1879 г. жена Фридриха Франца, наследного принца Мекленбург-Шверинского 94
- Андраши Дьюла (Старший) (1823–1890), граф, участник венгерской революции 1848–1849 гг., с 1861 г. — член и вице-президент венгерского сейма; в 1867–1871 гг. — министр-президент и министр обороны Венгерского королевства, в 1871–1879 гг. — министр иностранных дел Австро-Венгрии 49, 50, 58, 68, 69, 75, 84, 92, 114, 118, 125, 128, 162–164, 169, 172, 199, 358, 366, 370, 372, 376, 377, 382, 391, 394, 402, 416, 418, 421, 422, 424, 435, 443–446, 477, 480, 482, 484, 485
- Андреевский Евгений Константинович (1848–1917), тайный советник; флигель-адъютант; в 1877–1878 гг. — ординарец при главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче; в 1878–1880 гг. — временный командующий 4-й батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады; в 1886 г. отчислен от фронта в свиту Е. И. В.; в 1889 г. причислен к Министерству внутренних дел; с 1890 г. курский вице-губернатор; с 1893 г. черниговский губернатор; в 1901–1903 гг. начальник Главного управления почт и телеграфа Министерства внутренних дел; с 1903 по 1907 г. состоял при министре внутренних дел 289
- Аничков Виктор Михайлович (1830–1877), генерал-майор, военный писатель; в 1856–1873 гг. профессор Николаевской академии Генерального штаба; с 1857 г. начальник кафедры военной администрации; организатор и первый редактор (соредакторы Н. Н. Обручев и Н. Г. Чернышевский) журнала «Военный сборник» (1858–1917); с 1863 участвовал в работе военно-законодательных комиссий; с 1866 г. член Военно-научного комитета Генерального штаба 198
- Анненков Михаил Николаевич (1835–1899), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1863 г. — флигель-адъютант, помощник генерал-полицейстера Варшавы; с 1867 г. — член и управляющий делами Главного военного тюремного комитета; с 1869 г. — заведующий передвижением войск по железным дорогам и водным путям; с 1875 г. — заведующий передвижением войск по железным дорогам; в 1876–1884 гг. — член и управляющий делами Комиссии для исследования железнодорожного дела в России; в 1877–1884 гг. — член временного исполнительного комитета по передвижению войск; с 1884 г. — член Совета министра путей сообщения; в 1886–1887 гг. заведовал строительством Самаркандского участка Закаспийской железной дороги; в 1891–1892 гг. — глава временного Особого управления общественными работами, принятыми правительством для помощи населению, пострадавшему от неурожая; член Военного совета 157, 177, 409
- Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900), генерал от инфантерии; в 1877 г. помощник заведующего гражданской администрацией в Болгарии, в 1879–1885 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа 433, 451, 452
- Арапетов Иван Павлович (1811–1887), тайный советник; в 1835 г. поступил на службу во 2-е отделение Собственной Е. И. В. канцелярии; в 1855–1856 гг. — директор

- канцелярии Министерства уделов; в 1859–1860 гг. — член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу; затем продолжал службу по Министерству императорского двора и уделов 77
- Арапов Иван Андреевич** (1849–1913), генерал-лейтенант; в 1860-е — 1870-е гг. — адъютант военного министра; с 1905 г. в отставке 311, 388, 390
- Арапова Александра Петровна** (урожденная Ланская) (1845–1919), жена И. А. Арапова 48
- Аркас Николай Андреевич** (1816–1881), адмирал; с 1856 г. учредитель и директор Главной конторы Русского общества пароходства и торговли; с 1857 по 1866 г. — командир Гвардейского экипажа; с 1871 г. — главный командир Николаевского порта и военный губернатор города 118, 132, 270, 463
- Армфельд Александр Густавович** (1794–1875), граф, действительный тайный советник (1856), камергер; с 1835 г. — помощник статс-секретаря Великого княжества Финляндского; с 1842 г. — министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского; член Государственного совета 28
- Арульф (Леопольд Максимилиан Иосиф Мария Арульф фон Виттельсбах)** (1852–1907), принц Баварский 311
- Афанасьев Василий Васильевич** (1838 — после 1909), подполковник; в 1870–1877 гг. — командир гальванической команды при Керченском крепостном инженерном управлении; в 1877–1881 гг. — заведующий всеми минными работами в пунктах Черноморского побережья; в 1881–1890 гг. — начальник миной части Черноморского побережья; с 1890 г. назначен состоять при
- Главном инженерном управлении; с 1895 г. — начальник миной части Управления электротехнической частью инженерного ведомства; с 1909 г. в отставке 115
- Багратион Пётр Романович** (1818–1876), князь, генерал-лейтенант, инженер-металлург; с 1856 г. — командир собственного Его Императорского Величества конвоя; в 1862–1868 гг. — тверской губернатор; с 1868 г. — помощник виленского генерал-губернатора по гражданской части; с 1870 г. — прибалтийский генерал-губернатор 37
- Бакулин Фёдор Авраамович**, надворный советник, в 1878 г. русский консул в Астрабале 491
- Баранов Николай Михайлович** (1837–1901), флигель-адъютант, капитан 1-го ранга (1877 г.), генерал-лейтенант (1897); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1880–1881 гг. ковенский губернатор, в марте-августе 1881 г. петербургский градоначальник, в 1881–1882 гг. — архангельский, в 1882–1897 гг. — нижегородский губернатор; сенатор (1897) 464
- Баранов Эдуард Трофимович** (1811–1884), граф, генерал-адъютант (1855), генерал от инфантерии (1869); в 1855–1862 гг. — начальник штаба Гвардейского и Гренадерского корпуса, в 1866–1867 гг. — рижский, в 1867–1868 гг. — виленский генерал-губернатор, в 1871–1874 гг. временно управлял Министерством императорского двора и уделов, в 1881–1884 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета; председатель Совета управления Главного общества российских железных дорог 188, 414, 464, 465

- Барановский Владимир Степанович (1846–1879), изобретатель и конструктор первых систем скорострельной артиллерии 394
- Баранцов Александр Алексеевич (1810–1882), граф (1881), генерал от артиллерии (1868), генерал-адъютант (1855); с 1863 г. начальник Главного артиллерийского управления; в 1869–1874 гг. — член Главной распорядительной комиссии по перевооружению армии при Военном совете; член Государственного совета 33, 169, 194, 196, 353
- Бартоломей Михаил Фёдорович, действительный статский советник; с 1877 по 1879 г. советник русского посольства в Лондоне, с 1879 г. — в Константинополе 430
- Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал (1859), генерал-адъютант (1853); в 1853–1855 гг. — начальник Главного штаба войск на Кавказе; в 1856–1862 гг. — кавказский наместник, в 1856 г. — командующий Отдельным Кавказским корпусом, в 1857 г. — главнокомандующий Кавказской армией, в 1857–1862 гг. — главнокомандующий Кавказской армией; член Государственного совета 101, 106, 408, 409, 420, 428–431
- Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921), граф, флигель-адъютант (1878), генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1905), обер-гофмаршал (1912), сенатор; с 1871 г. служил в лейб-гвардии Конном полку; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — ординарец главнокомандующего действующей армией великого князя Николая Николаевича (Старшего); с 1912 г. заведовал гофмаршалской частью Министрства императорского двора и уделов 259
- Бехтольсгейм, барон, австрийский военный атташе в Петербурге 213, 274, 332
- Бибиков Евгений Михайлович (1840–1900), генерал-лейтенант; в 1876 г. — штабс-капитан лейб-гвардии Е. В. Стрелковый батальон; в 1877–1878 гг. — адъютант главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (Старшего); с 1880 г. последовательно командовал кадровым батальоном лейб-гвардии Резервного полка, лейб-гвардии Финляндским полком, 2-й бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии; с 1899 г. — начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии 277
- Биконсфильд, граф, см. *Дизраэли*
- Бискупский Константин Ксавьеревич (1834–1892), с 1870 г. — командир 69-го пехотного Рязанского полка; в 1873–1876 гг. — командир 4-го гренадерского Несвижского полка; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник штаба 11-го армейского корпуса, затем командир 2-й бригады 14-й пехотной дивизии; в 1878–1881 гг. — член Главного комитета по устройству и образованию войск, а также Особой комиссии по устройству обозов; с 1881 г. — командир 2-й бригады 3-й гренадерской дивизии; с 1888 г. — командир 3-й гренадерской дивизии 305
- Бисмарк фон Шенгаузен Отто Эдуард Леопольд (1815–1898), князь, немецкий государственный деятель, в 1859–1862 гг. — прусский посланник в Петербурге, с 1862 г. — министр-президент и министр иностранных дел, в 1871–1890 гг. — первый рейхсканцлер Германской империи 63, 69,

- 76, 108, 110, 148, 155, 156, 182, 184, 186, 197, 199, 202, 314, 334, 379, 381, 382, 386, 389, 399, 401–404, 409–412, 415, 416, 419–421, 426, 435, 436, 445, 480
- Бистром Родриг Григорьевич** (1810–1886), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1851–1859 гг. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, в 1860–1867 гг. — командир 2-й гвардейской пехотной дивизии, в 1868–1874 гг. — помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1886 г. — председатель Комиссии по устройству казарм при Военном совете; член Военного совета 353, 396
- Блиох Иван Станиславович** (1836–1901), коммерции советник; банкир, экономист; председатель правления Общества Юго-Западных железных дорог 402
- Блудов Дмитрий Николаевич** (1785–1864), граф (1842), действительный тайный советник (1839), статс-секретарь (1826); с 1855 г. президент Академии наук, с 1861 г. председатель Государственного совета и Комитета министров 29
- Бобриков Георгий Иванович** (1840–1924), генерал от инфантерии; военный писатель; в 1877–1878 гг. состоял при главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче (Старшем) для особых поручений 433, 450, 451
- Бобринский Алексей Васильевич** (1831–1888), граф, действительный статский советник (1875), егермейстер (1883); с 1875 по 1883 г. — московский губернский предводитель дворянства; член Государственного совета 34, 223
- Боголюбов**, студент, см. *Емельянов* А. П.
- Боголюбов Андрей Андреевич** (1842–1909), полковник (1875), флигель-адъютант (1879), впоследствии генерал от инфантерии (1908); в 1876 г. командирован в Главную квартиру черногорского князя Николая, при котором состоял в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; делопроизводитель Комиссии по перевооружению армии и по вооружению крепостей; с 1898 по 1901 г. — начальник Закаспийской области и командующий войсками; с 1901 г. — командир 5-го армейского корпуса; в 1902 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа по управлению Варшавским укрепленным районом; в 1908 г. вышел в отставку 100, 149, 177, 373, 374, 400, 415, 419, 433, 438, 439, 451, 452, 481
- Богуславский Александр Петрович** (1824–1893), генерал от инфантерии; в 1860–1864 гг. — и. д. командующего Башкирским казачьим войском, в 1865–1867 гг. — помощник начальника штаба Кавказского военного округа, в 1871–1879 гг. — начальник Главного управления иррегулярных войск; в 1879–1882 гг. — начальник Главного управления казачьих войск; член Военного совета 32
- Бодиско Константин Александрович** (1844–1896), камергер 461
- Бон-Ретиرو (Buon-Retiro)**, гофмаршал бразильского императора 120
- Борель**, владелец первого класса ресторана в Петербурге 196, 434
- Боресков Михаил Матвеевич** (1829–1898), генерал-лейтенант, военный инженер; в 1877–1878 гг. — заведующий минной частью действующей армии на Дунае; с 1880 г. — помощник заведующего техническим гальваническим заведением; в

- 1884–1891 гг. — председатель Комиссии по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям; в 1886–1898 гг. — заведующий гальванической (с 1891 г. электро-технической) частью инженерного ведомства 115
- Борис Владимирович (1877–1943)**, великий князь, сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, урожденной принцессы Мекленбург-Шверинской 336, 368
- Боткин Сергей Петрович (1832–1889)**, врач-терапевт, тайный советник; с 1872 г. — академик Петербургской медико-хирургической академии, с 1870 г. — почетный лейб-медик; с 1875 г. — лейб-медик; с 1878 г. — председатель Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова 32, 82, 100, 168, 232, 278, 280, 337, 434, 481
- Брандт Пётр Фёдорович (?–1878)**, генерал-майор свиты Е. И. В., в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начальник 28-й пехотной дивизии 263
- Братиану (Братиано) Йон (Старший) (1821–1891)**, румынский политический деятель, с 1876 по 1888 г. председатель Совета министров Румынии; с 1875 г. — лидер Национально-либеральной партии 133, 158, 160, 184, 233, 281, 282, 328–330, 446, 452, 481
- Бремзен Александр Густавович (1824–1881)**, генерал-майор, командир 2-й бригады 3-гвардейской пехотной дивизии 323
- Бургоэн (Bourgoing) Жан Франсуа Вильгельм (1821–1882)**, граф; с 1875 по 1877 г. посол Франции в Константинополе 139, 151, 156
- Бутенев Михаил Апполинариевич (с 1893 г. граф Хрептович-Бутенев) (1844–1897)**, тайный советник (1896), камергер; дипломат, в 1870-е гг. — секретарь русского посольства во Франции, в 1885–1895 гг. — советник посольства в Лондоне, в 1895–1897 гг. — посланник в Баварии и Саксен-Кобурге 78
- Бутовский Александр Иванович (1814–1890)**, сенатор; в 1858–1864 гг. — директор Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов; в 1864–1879 гг. — директор Департамента торговли и мануфактур 49
- Валуев Пётр Александрович (1815–1890)**, граф (1880), действительный тайный советник (1866); в 1861–1868 гг. — министр внутренних дел, в 1872–1879 гг. — министр государственных имуществ; в 1879–1881 гг. — председатель Комитета министров; член Государственного совета 34, 36, 43, 47, 86, 100, 195–197, 202–204, 207, 210, 211, 228, 396, 407, 409, 413, 459, 464, 491
- Ванновский Пётр Семенович (1822–1904)**, генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант (1878); в 1868–1871 гг. — начальник 12-й пехотной дивизии, в 1871–1876 гг. — начальник 33-й пехотной дивизии, в 1876 г. — командующий 12-м армейским корпусом, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1882–1897 гг. — военный министр; в 1901–1902 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 270, 277, 306, 307, 348, 349
- Вансович Афанасий Николаевич (1815–1886)**, инженер-генерал; с 1857 г. — заведующий техническим гальваническим заведением; с 1884 г. — заведующий гальвани-

- ческой частью Инженерного корпуса; с 1886 г. в отставке 115
- Варшавский Абрам Моисеевич** (1821–1888), коммерции советник (1870), предприниматель, банкир, меценат; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — крупный подрядчик по снабжению русской армии, с 1883 г. — эксперт в Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях 245
- Васильчиков Александр Илларионович** (1818–1881), князь; земский деятель, писатель; с апреля 1876 по 1878 г. — председатель Петербургского славянского комитета 160
- Веймарн Фёдор Петрович** (1831–1913), генерал от инфантерии; генерал-майор свиты Е. И. В.; с 1864 г. — начальник штаба Варшавского военного округа; с 1867 г. — начальник штаба Финляндского военного округа; с 1879 г. — начальник 8-й пехотной дивизии; с 1899 г. — в отставке 265
- Вейнберг Аркадий Августович** (?–1878), с 1873 г. — дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе 59
- Велеслей, см. Узлеслей Ф. А.**
- Величко Филаделф Кириллович** (1833–1898), полковник Главного штаба, с 1875 г. управляющий делами Мобилизационного комитета Военного министерства 456
- Вельяминова Мария Николаевна**, подруга дочерей Д. А. Милютина 47, 77, 350
- Вельяминовы**, дворянский род 47
- Вердер (Werder) Бернхард Франц** (1823–1907), генерал от инфантерии прусской службы; в 1869–1886 гг. — военный атташе германского посольства в Петербурге; с 1886 г. — губернатор Берлина; в 1892–1895 гг. — посол в Петербурге 150, 155, 213
- Верещагин Василий Васильевич** (1842–1904), художник-баталист 247
- Вертер Карл, фон** (1809–1894), граф (с 1878); в 1859–1868 гг. — прусский посланник в Вене; в 1868–1870 гг. — посол в Париже; в 1874–1877 гг. — германский посол в Турции 177, 184
- Виктория** (1819–1901), с 1837 по 1901 г. королева Великобритании 138, 188, 223, 364, 380, 397
- Виллье (Виллие) Яков Васильевич** (1768–1854), баронет (1814), действительный тайный советник (1841), доктор медицины; с 1799 г. — лейб-хирург; с 1814 г. — лейб-медик; с 1806 г. главный инспектор медицинской части русской армии; с 1808 по 1838 г. президент Медико-хирургической академии в Петербурге; в 1812–1836 гг. — директор Медицинского департамента Военного министерства; в 1844–1853 гг. — управляющий Придворной медицинской частью Министерства императорского двора; почетный член Петербургской АН 32, 71, 202
- Вильгельм I** (1797–1888), король прусский с 1861 г., император германский с 1871 г. 53, 110, 150, 155, 202, 208, 222, 267, 314, 334, 335, 339, 340, 363, 370, 372, 374, 375, 382, 390, 415, 416, 427, 428, 430, 439
- Витгенштейн Эмилий (Эмиллий Карл Адольф) Людвигович** (1824–1878), генерал-лейтенант, генерал-адъютант; писатель; в 1849 г. — адъютант главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса С. М. Воронцова; в 1855–1856 гг. — командир 1-го линейного казачьего полка; в 1864–1866 гг. состоял при наместнике Царства Польского; в 1878 г. состоял в рас-

- поряжении главнокомандующего действующей армией 267, 342
- Витовтов Павел Александрович** (1797–1876), генерал-инженер, генерал-адъютант; командир 2-й саперной бригады; в 1836–1843 гг. — командир лейб-гвардии Саперного батальона; с 1843 г. — начальник инженеров Отдельного Гвардейского корпуса 55, 56
- Владимир Александрович** (1847–1909), великий князь, третий сын императора Александра II; генерал от инфантерии (1880), генерал-адъютант (1872); в 1874–1880 гг. — начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 12-го армейского корпуса, с 1881 г. — командующий, с 1884 по 1905 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1876 г. — президент Академии художеств, член Государственного совета 34, 62, 71, 74, 75, 88, 90, 157, 181, 188, 189, 201, 205, 254, 256, 267–268, 278, 292, 303–305, 310, 336, 346, 348, 349, 354, 380, 385, 399, 400, 417, 432, 437, 439, 454
- Влангали Александр Егорович** (1823–1908), русский дипломат, с 1863 по 1873 г. чрезвычайный посланник в Пекине, в 1873 г. оставил службу по болезни, с 1882 г. товарищ министра иностранных дел, с 1891 по 1897 г. русский посол в Италии 364
- Воейков Николай Васильевич** (1832–1898), генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1876), обер-камергер (1895); с 1864 г. — старший адъютант управления Императорской Главной квартиры и управляющий делами Императорской Главной квартиры и Собственного Е. И. В. конвоя; с 1883 по 1895 г. — помощник командующего Императорской Главной квартирой 213
- Волков Сергей Иванович** (?–1879), генерал от инфантерии, член Военного совета, с 1866 г. директор Горного института, затем инспектор всех военно-учебных заведений 434
- Вольф (Wolff, sir Henry Drummond)** (1830 –?), британский дипломат, в 1878 г. — комиссар в Восточной Румелии 476
- Вонлярлярский Владимир Михайлович** (1852 –?), полковник, золотопромышленник, новгородский помещик; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — ординарец великого князя Николая Николаевича (Старшего) 276
- Вонлярлярский Николай Михайлович** (1846–1906), полковник, с 1875 по 1883 г. — адъютант военного министра 234, 311
- Воронович**, поручик гвардейской артиллерии 321
- Воронцов Семён Михайлович** (1823–1882), светлейший князь, генерал-лейтенант, генерал-адъютант (1856); в 1863–1867 гг. — городской голова Одессы; в 1877–1878 г. — командир 10-го армейского корпуса 131, 132, 137
- Воронцова Мария Васильевна** (1819–1895), светлейшая княгиня, урожденная княжна Трубецкая, жена князя С. М. Воронцова 73
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович** (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875); с 1861 г. — адъютант великого князя Александра Александровича, в 1867–1872 гг. — командир лейб-гвардии Гусарского Е. В. полка, с 1874 г. — начальник штаба Гвардейского корпуса, во время русско-турецкой

- войны 1877–1878 гг. — начальник кавалерии Руцукского отряда, в 1881–1897 гг. — главноуправляющий государственным коннозаводством и министр Императорского двора и уделов, в 1905–1915 гг. — кавказский наместник и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа; член Государственного совета 213, 271
- Вяземская Лидия Дмитриевна (1850–1876), княжна, сестра Л. Д. Вяземского, подруга дочерей Д. А. Милютинина 46, 77
- Вяземский Леонид Дмитриевич (1848–1909), князь, генерал от кавалерии (1906), флигель-адъютант; с 1871 г. — полковой адъютант лейб-гвардии Гусарского полка, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командующий 2-й бригадой болгарского ополчения, в 1888–1890 гг. — астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска, в 1890–1892 гг. — управляющий Департаментом уделов Министерства императорского двора, в 1892–1899 гг. — начальник Главного управления уделов; член Государственного совета 237, 284
- Вяземские, семья 47
- Гальяр (Gaillard), полковник, французский военный агент в России 287
- Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель (1838–1882), французский политический деятель, с 1870 по 1871 г. министр внутренних дел, с 1879 по 1881 г. председатель Палаты депутатов, с 1881 г. премьер-министр Франции 78
- Гамбургер (Амбургер) Андрей Фёдорович (1821–1899), тайный советник, статс-секретарь; чиновник для особых поручений при министре иностранных дел; в 1870–1879 гг. — директор Департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, в 1879–1896 гг. — посол в Швейцарии; с 1871 г. — вице-президент Русского исторического общества 49, 111, 232, 248, 335, 340, 347
- Ган Александр Фёдорович (1809–1895), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1861–1865 гг. — начальник штаба Киевского военного округа, в 1867–1875 гг. — командующий войсками Московского военного округа, с 1875 г. — начальник 17-й пехотной дивизии; в 1877–1878 г. — командир 13-го армейского корпуса; с 1880 г. — директор Николаевской Чесменской богадельни; член Военного совета и Александровского комитета о раненых 169, 268, 304, 305, 310
- Ганецкий Иван Степанович (1810–1887), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1878); в 1856–1863 гг. — командир лейб-гвардии Финляндского полка; в 1863 г. — командующий 16-й пехотной дивизии; участвовал в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг.; в 1863–1876 гг. — начальник 3-й пехотной дивизии; с 1876 г. — член Александровского комитета о раненых; в 1877–1879 гг. — командующий Гренадерским корпусом; с 1879 г. — член Военного совета; с 1881 г. — комендант Петербургской крепости; брат Н. С. Ганецкого 342
- Ганецкий Николай Степанович (1815–1904), генерал от инфантерии (1878); в 1877–1878 гг. — командир 7-го армейского корпуса, с 1878 г. — командир 8-го армейского

- корпуса, с 1882 г. — Гренадерского корпуса, с 1886 по 1895 г. — командующий войсками Виленского военного округа; член Государственного совета; брат И. С. Ганецкого 476
- Гарин, полковник, начальник Петербургской военной прогимназии 65
- Гассан-паша (1853 —?), сын египетского хедива Измаила-паши, в 1877—1878 г. главнокомандующий египетским вспомогательным корпусом в Турции 264
- Гейден Александра Фёдоровна (1857—1922), графиня, дочь графа Ф. Л. Гейдена, в замужестве баронесса Рауш фон Траубенберг 48
- Гейден Елизавета Николаевна (1833—1894), урожденная графиня Зубова, жена графа Ф. Л. Гейдена 81
- Гейден Николай Фёдорович (1856—1918), граф, генерал-лейтенант (1906); в 1878—1886 адъютант военного министра; сын графа Ф. Л. Гейдена 461
- Гейден Фёдор Логгинович (1821—1900), граф, генерал от инфантерии (1870), генерал-адъютант (1862); с 1856 г. — начальник штаба Гренадерского корпуса; с 1861 г. — дежурный генерал Главного штаба, в 1866—1881 гг. — начальник Главного штаба и председатель Военно-ученого комитета, в 1881—1897 гг. — финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа; член Государственного совета 32, 49, 160, 353, 385, 391, 392
- Гейман Василий Александрович (1823—1878), генерал-лейтенант; с 1866 г. — помощник командующего войсками Кубанской области, в 1867 г. — начальник Сухумского отдела, с 1872 г. — начальник 20-й пехотной дивизии; во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. состоял при армии, действовавшей в турецкой Армении 324, 330
- Гемельман, полковник, военный инженер 78—79
- Георг (Георг Август Эрнст Адольф Карл Людвиг) (1823—1876), герцог Мекленбург-Стрелицкий; генерал от артиллерии, генерал-адъютант; двоюродный брат императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая I; с 1851 г. женат на великой княгине Екатерине Михайловне, дочери великого князя Михаила Павловича; с 1850 г. на русской военной службе; с 1856 г. — генерал инспектор стрелковых батальонов 37, 74, 75
- Георг I (1845—1913), сын короля Дании Христиана IX, с 1867 г. муж великой княгини Ольги Константиновны, греческий король с 1863 по 1913 г. 92, 99
- Георгий Александрович (1871—1899), великий князь, третий сын императора Александра III; с 1894 г. — наследник престола 225
- Гершельман Фёдор Константинович (1853—1918), генерал от кавалерии (1911); военный писатель; в 1877 г. причислен к Генеральному штабу и назначен в штаб 14-го армейского корпуса; в 1879—1880 гг. — помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа; с 1880 г. — штаб-офицер Генерального штаба при Главном штабе; с 1881 г. — начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища; в 1885—1891 гг. — начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища; с 1891 г. командир 38-го драгунского Владимирского полка; с 1893 г. — начальник войскового

- штаба Кубанского казачьего войска; в 1898–1901 гг. — кутанский военный губернатор; с 1901 г. — начальник штаба Варшавского военного округа; в 1905–1912 гг. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа; член Военного совета; с 1916 член Верховного военно-уголовного суда; с 1917 в отставке; муж Е. Д. Милютиной 245, 246, 268
- Гика Ион (1817–1897), князь, румынский политический деятель 214, 217, 221, 371, 385, 390, 483, 484
- Гирс Николай Карлович (1820–1895), действительный тайный советник (1878), статс-секретарь (1879), сенатор (1875); с 1875 г. — товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом; с 1882 г. — министр иностранных дел; член Государственного совета 49, 56, 59, 160, 211, 313, 315, 351, 355, 365, 381, 389, 391, 408, 411, 413, 414, 416, 417, 420–422, 425, 427–434, 438, 439, 441, 442, 446, 448–450, 452, 455, 456, 459, 460, 463, 464, 470, 473–476, 478, 480, 482–484, 486, 488, 490, 491
- Глинка-Маврин Борис Григорьевич (1810–1895), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1856–1866 гг. — начальник штаба инспектора стрелковых батальонов; в 1867–1869 гг. — командующий войсками Казанского военного округа; с 1872 г. — член Военного совета 396
- Глуховский Александр Иванович (1838–1912), генерал-лейтенант (1890); с 1866 г. — офицер Генерального штаба при штабе Оренбургского военного округа, с 1879 по 1883 г. возглавлял экспедицию по исследованию Узбоя (старого русла р. Амударья) 491
- Гобино (1816–1882), граф, французский дипломат, ориенталист, автор расовой теории; с 1849 по 1877 гг. на дипломатической службе, был последовательно посланником Франции в Тегеране, Афинах, Рио-де-Жанейро, Стокгольме 121
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель 67, 478
- Голенищев-Кутузов Александр Васильевич (1846–1897), князь, граф, генерал-майор (1887), генерал-адъютант (1896), гофмаршал (1893); во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял при 2-й пехотной дивизии; с 1886 г. военный уполномоченный при германском императоре Вильгельме I 289
- Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907), князь, генерал от инфантерии (1896), генерал-адъютант (1897), сенатор (1885); с 1872 г. — командир лейб-гвардии Финляндского полка, в 1876–1880 гг. — военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска, в 1880 г. — временно исполняющий должность оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками Оренбургского военного округа, в 1897–1904 гг. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа и наказной атаман Кавказского казачьего войска; член Государственного совета 414
- Голицын Николай Сергеевич (1809–1892), князь, генерал-лейтенант (1861), генерал от инфантерии (1880); военный историк; с 1834 г. — адъюнкт-профессор, в 1838–1847 г. — профессор и начальник кафедры стратегии и военной истории Николаевской

- академии Генерального штаба, с 1848 г. — директор Императорского Училища правоведения, в 1850–1851 гг. — член Военно-цензурного и Военно-ученого комитетов Главного штаба; в 1852–1855 гг. — редактор газеты «Русский инвалид»; в 1857–1864 гг. руководил военно-статистическими работами офицеров Генерального штаба, с 1867 г. — член Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1880 г. в отставке 31, 32
- Головин Евграф Александрович (1843–1909), надворный советник, почетный лейб-медик 232
- Головин Александр Васильевич (1821–1886), действительный тайный советник (1879), статс-секретарь (1859); с 1850 г. — личный секретарь великого князя Константина Николаевича; в 1852–1854 гг. — старший чиновник особых поручений при начальнике Главного морского штаба; в 1861 г. — управляющий Министерством народного просвещения; в 1862–1866 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 357
- Горемыкин Ф. И., товарищ Д. А. Милютина по Гвардейскому Генеральному штабу 32
- Горлов Александр Павлович (1830–1905), генерал-лейтенант; с 1873 г. — российский военный агент в Лондоне, с 1882 г. — инспектор местных arsenалов, изобретатель военного оружия; с 1886 г. в отставке 86, 439
- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светлейший князь (1871), канцлер иностранных дел (1867); в 1856–1882 гг. — министр иностранных дел; член Государственного совета 31, 33, 34, 43, 44, 49–51, 57, 58, 62, 64, 69, 70, 75, 76, 80, 83, 85–90, 93–96, 99, 101–103, 105, 108, 110–114, 116–118, 123–125, 129–140, 142–144, 146, 148–152, 155–158, 160–176, 178, 181–199, 201–204, 207, 210–212, 223, 225, 226, 229–232, 236, 238–240, 243, 244, 248, 312–314, 330, 331, 334, 335, 339, 347, 351, 352, 355–358, 363–366, 368, 370–382, 384–386, 388–400, 402–405, 407, 409–411, 415, 419–421, 424, 427, 428, 431–435, 438, 439, 447, 451, 453, 455–458, 460, 488
- Горчаков Андрей Николаевич (1836–?), военный инженер; с 1877 г. заведующий военнo-дорожным отделом полевого управления военными сообщениями, действующей армии; с 1896 по 1898 г. — директор Департамента железных дорог Министерства путей сообщения, в 1898–1899 гг. — исполняющий должность заведующего Главной инспекцией шоссейных и водных сообщений 245
- Горчаков Михаил Иванович (1838–1910), протоиерей, магистр (1865), доктор (1881) богословия; с 1873 г. — ординарный профессор по кафедре церковного права юридического факультета Петербургского университета, в 1905 г. — член Комиссии для предварительных работ по вопросам, подлежащим рассмотрению предстоящим Поместным собором; в 1906 г. — член Предсоборного присутствия; с 1906 г. — член Государственного совета от белого духовенства 66
- Граббе Владимир Павлович (1843–1893), граф, генерал-майор (1881), флигель-адъютант (1878); полковник лейб-гвардии Преображенского полка 469
- Грант Улисс С. (Grant Ulysses S.) (1822–1885), американский гене-

- рал, член Республиканской партии; в ходе Гражданской войны в 1861–1862 гг. командовал войсками северян в штатах Кентукки и Теннесси; с марта 1864 г. — главнокомандующий армии Севера; в 1867–1868 гг. — военный министр; в 1869–1877 гг. — 18-й президент Северо-Американских Соединенных штатов 459
- Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887), генерал-адъютант (1867), генерал от инфантерии (1874), сенатор (1866); с 1866 г. — товарищ министра финансов и председатель Коммерческого и Мануфактурного советов; в 1872 г. временно управлял Министерством государственных имуществ; с 1874 г. — государственный контролер; в 1878–1880 гг. — министр финансов; член Государственного совета 36, 39, 42, 43, 45, 46, 50–53, 56, 57, 96, 97, 105, 157, 207, 210, 315, 352, 393, 453, 464
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), поэт, писатель, дипломат 67
- Гринвальд Родион Егорович (1797–1877), генерал от кавалерии (1856), генерал-адъютант, с 1855 г. — командир Гвардейского кавалерийского корпуса; с 1859 по 1874 г. — главноуправляющий государственным коннозаводством; с 1864 г. — председатель Остзейского комитета; член Государственного совета 357
- Гродеков Николай Иванович (1843–1913), генерал от инфантерии (1900); военный писатель, востоковед, путешественник, историк; в 1876 г. — начальник штаба Ферганской области, участник завоевания Средней Азии и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1883–1893 гг. — военный губернатор Сырдарьинской области, с 1893 г. помощник приамурского губернатора и командующего Приамурским военным округом, с 1898 г. — приамурский генерал-губернатор, командующий Приамурским военным округом и войсковой атаман Приамурских казачьих войск, с февраля 1906 г. — командующий войсками на Дальнем Востоке, с сентября 1906 по 1908 г. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа; член Государственного совета 491
- Грот Константин Карлович (1815–1897), действительный тайный советник (1879); статс-секретарь (1863); в 1877–1879 гг. — председатель Особой комиссии при Государственном совете для рассмотрения дела о преобразовании тюремной части и наказаниях; в 1881–1882 гг. — председатель Совета по тюремным делам; в 1882–1884 гг. — главноуправляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам ведомства учреждений императрицы Марии; член Государственного совета 157
- Гумберто, см. *Умберто I*
- Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-фельдмаршал (1894), генерал-адъютант (1877); с 1869 г. — командир лейб-гвардии Конногренадерского полка, с 1875 г. — командующий 2-й гвардейской кавалерийской дивизией; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командующий войсками гвардии, в 1879–1880 гг. — помощник главнокомандующего войсками Петербургского военного округа и временный петербургский генерал-губернатор; в 1882–

- 1883 г. — командующий войсками Одесского военного округа и временный одесский генерал-губернатор; в 1883–1894 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа, член Государственного совета 256, 259, 260, 265, 277, 318, 324, 325, 328, 335–338, 340, 341, 352
- Гусейн-хан, великий визирь в Персии в 1877–1881 гг. 421
- Давыдов Василий Евдокимович, полковник, адъютант начальника Главного штаба 48
- Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), публицист, философ, естествоиспытатель, идеолог панславизма 80, 94, 120
- Деказ Луи (1819–1886), герцог, французский государственный деятель; с 1848 г. видный деятель орлеанистской партии; в 1872 г. — посол в Лондоне; с 1873 по 1877 г. — министр иностранных дел Франции 156
- Деллинггаузен Эдуард Карлович (1824–1888), барон, генерал от инфантерии; с 1867 г. — командующий 11-й пехотной дивизией, с 1869 по 1877 г. — начальник 26-й пехотной дивизии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — временный командир 11-го армейского корпуса, с января 1878 г. — командир 9-го армейского корпуса и андрианопольский генерал-губернатор; с августа 1878 г. — командир 3-го армейского корпуса; с 1882 по 1885 г. — командир 14-го армейского корпуса 338, 341
- Де-Лонэ (De Launay) Эдуард (1820–1892), граф, итальянский дипломат, в 1873 г. — посол в Берлине 379
- Деп (Депп) Александр Филиппович (1835–1889), генерал-лейтенант; в 1876–1888 гг. — начальник инженеров Варшавского военного округа, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник инженеров действующей армии, в 1889 г. — командир 27-й пехотной дивизии 108, 277
- Дерби Эдуард Генри Стэнли (1826–1893), граф, английский государственный деятель; с 1848 по 1869 г. — член Палаты общин, в 1852 г. — товарищ министра иностранных дел, в 1858 г. — министр по делам Индии, в 1866 г. — товарищ министра иностранных дел, с 1868 по 1878 г. — министр иностранных дел Великобритании, член Палаты лордов, в 1882 г. — министр колоний 58, 89, 138, 188, 229, 231, 239, 369, 392, 397
- Дервиш-паша Ибрагим (1817 –?), турецкий генерал, дипломат, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на кавказском театре военных действий 415, 463, 469
- Дерожинский Валериан Филиппович (1826–1877), генерал-майор; с 1862 по 1872 г. — штаб-офицер Николаевской академии Генерального штаба, с 1872 г. — командир 2-й бригады 9-й пехотной дивизии 284
- Дерфельден Христофор Платонович, поручик лейб-гвардии Уланского полка, адъютант главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (Старшего) 336
- Деспот-Зенович Александр Иванович (1829–1895), действительный статский советник; в 1862–1867 гг. — тобольский губернатор, в 1874 г. председатель комиссии «По переделению Азиатской России и уничтожению генерал-губернаторств» 56

- Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфильд (1804–1881), граф, английский государственный деятель; с 1848 г. — один из лидеров тори, в 1852, 1858–1859, 1866–1868 гг. — канцлер казначейства, в 1868, 1874–1880 гг. — премьер-министр Великобритании 89, 116, 138, 158, 162, 168, 176, 177, 184, 188, 197, 198, 203, 369, 379, 380, 428, 434–438, 445, 451, 487
- Долгорукая Екатерина Михайловна (1846–1922), княжна, светлейшая княгиня Юрьевская, с 1880 г. в морганатическом браке с императором Александром II 82
- Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), князь, генерал-адъютант (1855), генерал от кавалерии (1867); в 1856–1891 гг. — московский генерал-губернатор; член Государственного совета 152, 224, 486
- Долгоруков Николай Сергеевич (1840–1913), князь, флигель-адъютант, генерал-адъютант (1896), генерал от инфантерии (1906); с 1876 г. — полковник лейб-гвардии Преображенского полка; с 1879 по 1886 г. — состоявший при германском императоре, с 1886 по 1889 г. — русский посланник в Персии 213, 217
- Домонтович Михаил Алексеевич (1830–1902), генерал-майор (1875), впоследствии генерал от инфантерии (1898); с 1876 г. — правитель канцелярии заведующего гражданской частью при главнокомандующем армией, в июле-октябре 1877 г. — исполняющий должность тырновского губернатора, в 1878–1879 гг. — управляющий делами Совета управления Болгарии и директор канцелярии российского комиссара в Болгарии 468, 482
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), князь, генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1869); с 1869 по 1878 г. — киевский генерал-губернатор; в 1877–1878 гг. — командующий 13-го армейского корпуса; с апреля 1878 г. — императорский комиссар в Болгарии, с февраля 1879 г. — командующий русским оккупационным корпусом в Болгарии; с февраля 1880 г. — временный харьковский генерал-губернатор, с января 1881 г. — временный одесский генерал-губернатор, с 1882 по 1890 г. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа 35, 233, 304, 305, 310, 311, 355, 409, 411, 412, 415, 456, 457, 468, 476, 479, 481, 482, 484, 491
- Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1853–1901), князь, сын А. М. Дондукова-Корсакова, полковник (1891); в 1874 г. поступил в Кавалергардский полк. участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1885 г. — командир 2-го Екатеринодарского казачьего полка, с 1891 г. — 1-го Екатеринодарского казачьего полка, с 1896 г. — полковник Кубанского казачьего полка 35
- Дондукова-Корсакова Надежда Андреевна (1820–е–1884), княгиня, жена А. М. Дондукова-Корсакова 35
- Дохтуров Дмитрий Петрович (1838–1905), генерал от кавалерии; с 1870 г. — командир 13-го Владимирского уланского полка, в 1877–1878 гг. последовательно командовал бригадой в 35-й, 33-й и 16-й пехотных дивизиях, с 1880 г. — командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, в 1884 г. — началь-

- ник 2-й кавалерийской дивизии, в 1886 г. отчислен в распоряжение военного министра, назначен начальником 12-й, затем 13-й пехотной дивизии, с 1894 г. — командир 11-го армейского корпуса, с 1900 г. — помощник командующего войсками Одесского военного округа, с 1901 г. — член Военного совета 101
- Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии (1891); в 1863–1869 гг. — профессор Николаевской академии Генерального штаба, в 1864–1867 гг. одновременно — начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1869–1873 гг. — начальник штаба Киевского военного округа, в 1873–1877 гг. — командир 14-й пехотной дивизии, с 1878 г. — начальник Николаевской академии Генерального штаба, в 1889–1903 гг. — командующий войсками Киевского военного округа, в 1898–1903 гг. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор; с 1903 г. — член Государственного совета 40, 216, 249, 251, 252, 284, 402, 442
- Дрейер Надежда Александровна (1861–1929), с 1878 г. морганатическая жена великого князя Николая Константиновича, с 1899 г. княгиня Искандер 438, 446
- Дрейер Александр Густавович (1825–?), отец Н. А. Дрейер, полковник, в 1878 г. — полицмейстер в Оренбурге 438
- Дрентельн Александр Романович (1820–1888), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1867); с 1872 г. — командующий войсками Киевского военного округа, в 1878–1880 гг. — шеф Корпуса жандармов и начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник военных сообщений армии, действовавшей на балканском театре военных действий, в 1880 г. — временный одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, с 1881 г. — киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа; член Государственного совета 233, 289, 410, 452, 471, 478
- Друммонд-Вольф, см. *Вольф*
- Дьяков, капитан 2-го ранга, член минной комиссии в крепости Керчь 115
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796), российская императрица с 1762 г. 442
- Елена Павловна (Фредерика Шарлота Мария) (1806–1873), великая княгиня, урожденная принцесса Вюртембергская, с 1824 г. жена великого князя Михаила Павловича 236
- Елизавета (Полина Оттилия Луиза) (1843–1916), урожденная принцесса Нейвидская, королева Румынская, жена Карла I 236, 237, 350
- Емельянов (псевдоним Боголюбов) Архип Петрович (1852–?), рабочий-революционер 376
- Енгальчева Надежда Павловна (1828–1877), княгиня, дочь П. Н. Игнатьева 202
- Ермаков Николай Андреевич (1823–1897), действительный статский советник; чиновник Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, затем вице-директор, с 1879 по 1886 г. — директор Департамента торговли и мануфактур Министерства фи-

нансов; с 1876 по 1884 г. — член Комиссии для исследования железнодорожного дела в России 49
Ермолова Мария Григорьевна (1825–1905), урожденная Гежельнская, жена генерал-лейтенанта С. Н. Ермолова; инспектриса женских врачебных курсов при Военном министерстве 72

Жилинский Иосиф Инполитович (1834–1916), генерал от инфантерии; в 1873–1903 гг. — начальник Западной экспедиции по осушению Пинских болот, с 1875 г. — начальник триангуляционных работ в Полесье, с 1877 г. — член Военно-ученого комитета, в 1894–1909 гг. — управляющий Отделом земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ, с 1895 г. — начальник экспедиции по осушению и мелиоративному и водохозяйственному обустройству Барабинской низменности 73

Жомини Александр Генрихович (1814–1888), барон, действительный тайный советник, статс-секретарь; в 1856–1888 гг. — старший советник Министерства иностранных дел, в 1875 г. в течение 7 месяцев управлял Министерством иностранных дел; в 1879–1880 гг. — товарищ министра иностранных дел 69, 70, 83, 88, 111, 135, 139, 151, 194, 210, 313, 339, 365, 392, 396, 398, 411, 414, 431, 432, 434, 457, 460

Жуков Даниил Ефимович (1823–1891), генерал-лейтенант; с 1873 г. — командир 1-й бригады 18-й пехотной дивизии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник 17-й пехотной дивизии; с 1885 г. в отставке 246, 247

Заблоцкий-Десятковский Андрей Парфеньевич (1808–1881), эконо-

мист, статистик, писатель, действительный тайный советник (1877); в 1856–1859 гг. — директор Департамента земледелия Министерства государственных имуществ, в 1859–1860 гг. — член Редакционных комиссий по крестьянскому делу, с 1859 г. — член Совета министра государственных имуществ, председатель Ученого комитета того же министерства, в 1863–1867 гг. — статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета, управляющий делами Департамента государственной экономии Государственного совета, с 1875 г. — член Департамента государственной экономии Государственного совета 91

Засулич Вера Ивановна (1849–1919), деятельница революционно-демократического движения 375, 406

Зедделер Логгин Логгинович (1831–1899), барон, генерал-майор; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии 318, 320

Зесбах Лео Альбин (1811–1884), барон, немецкий дипломат, зять К. В. Нессельроде; с 1853 г. — посланник Саксонии в Париже 103

Зеленой (Зелёный) Александр Семёнович (1839–?), полковник (1870), впоследствии генерал-лейтенант (1890); в 1870–1879 гг. — русский военный агент в Константинополе, в 1880–1885 гг. — начальник 2-го отдела иностранных сношений и военных представлений Главного штаба 94, 142, 149, 177

Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917), действительный тайный советник (1895); в 1876–1883 гг. — посланник России в Персии, с 1883 г. — директор Азиатского

- департамента Министерства иностранных дел, с 1891 г. — посланник в Стокгольме, в 1897–1909 гг. — посланник в Константинополе; с 1909 г. — член Государственного совета 491
- Зичи (Zichi) Франц (1811 –?), граф, с 1874 по 1879 г. — австрийский посол в Турции 139, 222
- Золотарёв Василий Григорьевич (1837–1891), генерал-лейтенант (1884); с 1872 г. — помощник начальника штаба Кавказского военного округа, участник Хивинской экспедиции 1873 г., в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял при главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче (Старшем), затем начальник штаба 6-го армейского корпуса и губернатора Руцук и Систова, с 1878 г. состоял при императорском комиссаре в Болгарии князе А. М. Дондукове-Корсакове, с 1879 г. — начальник штаба 12-го армейского корпуса, с 1881 г. — помощник, с 1882 г. — начальник Главного управления казачьих войск 158
- Зотов Павел Дмитриевич (1824–1879), генерал от инфантерии; в 1861 г. — начальник штаба войск Кубанской области, затем генерал-квартирмейстер Кавказской армии, в 1863 г. — помощник командующего Кубанской области и командир 40-й пехотной дивизии, в 1864 г. — начальник 2-й пехотной дивизии, в 1869 г. — начальник 11-й пехотной дивизии, в 1872 г. — начальник 28-й пехотной дивизии, в 1877–1878 гг. — командующий 4-го армейского корпуса; член Военного совета 265, 287–289, 291, 298, 299, 306, 309, 310
- Зуров Александр Елпидифорович (1837–1902), генерал от кавале-
- рии; в 1878–1880 гг. — петербургский градоначальник 487
- Иванов, офицер лейб-гвардии Финляндского полка, пасынок Б. А. Милютин 31
- Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), граф (1877), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1882); в 1861–1864 гг. — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1864 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Турции, в 1867–1877 гг. — посол в Турции, в 1879–1880 гг. — нижегородский генерал-губернатор, в марте-мае 1881 г. — министр государственных имуществ, в 1881–1882 гг. — министр внутренних дел; член Государственного совета 49, 58, 64, 74, 79, 84, 89, 92, 94–96, 105, 113, 114, 116, 118–120, 122–125, 127, 129, 131–139, 142, 144–148, 156, 161, 163, 165–167, 170–173, 176, 177, 184–186, 189–200, 202–204, 208, 210–214, 219, 237, 239, 242, 274, 313, 314, 335, 339, 340, 346, 347, 355, 358, 364–366, 368, 369, 378, 380–382, 384, 386, 388, 390–400, 402, 403, 408, 409, 413–415, 417, 419
- Игнатъев Павел Николаевич (1797–1879), граф (1877), генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант (1846); в 1872–1879 гг. — председатель Комитета министров и Кавказского комитета; член Государственного совета; отец Н. П. Игнатъева 43, 47, 53, 202, 207
- Измаил-паша (1830–1895), правитель Египта в 1863–1879 гг., хедив с 1867 г. 90
- Измаил-паша, генерал турецкой армии, действовавшей в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на кавказском театре военных действий 324

- Имеретинский (Багратион-Имеретинский) Александр Константинович (1837–1900), светлейший князь (1865), генерал от инфантерии (1891), генерал-адъютант (1878); с 1873 по 1875 г. — начальник штаба Варшавского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник 2-й пехотной дивизии, затем начальник штаба действующей армии, с 1879 по 1881 г. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1880 г. — член Верховной распорядительной комиссии, с 1881 по 1891 г. — начальник Главного военно-судного управления и главный военный прокурор, с 1897 г. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; с 1892 г. — член Государственного совета 221, 262, 268, 269, 276, 283, 289, 291–293, 309, 310, 344, 400, 404, 405, 409
- Иолшин Михаил Александрович (1830–1883), генерал-лейтенант; с 1871 г. — помощник начальника 39-й пехотной дивизии, затем командир 2-й бригады 11-й пехотной дивизии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 1-й бригады 14-й пехотной дивизии, с апреля 1878 г. — командир 25-й пехотной дивизии 252
- Ионин Александр Семёнович (1837–1900), путешественник, дипломат; до 1869 г. — консул в Янине, с 1878 г. — министр-резидент в Черногории; в 1883 г. временно управлял генеральным консульством в Софии, с 1883 по 1892 г. — чрезвычайный посол и полномочный министр в Бразилии, с 1897 по 1900 г. — посланник в Швейцарии 161, 162, 177, 211, 332
- Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1865); в 1859–1863 гг. — попечитель Московского учебного округа, в 1863–1881 гг. — начальник Главного управления военно-учебных заведений; с 1881 г. — член Государственного совета 65, 66
- Кабули-паша, турецкий посол в России в 1876–1877 гг. 33, 86
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), юрист, философ, публицист; профессор Московского (1844–1848) и Петербургского (1857–1861) университетов, с 1882 г. — президент Вольного экономического общества 40, 100
- Казнаков Николай Геннадиевич (1824–1885), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1867); с 1864 по 1866 г. — киевский губернатор, с 1875 по 1881 г. — генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа; член Государственного совета 49, 59
- Казнаков Николай Иванович (1834–1906), адмирал, генерал-адъютант; с 1871 г. — начальника штаба главного командира Николаевского порта, в 1877–1878 гг. — командир Нижне-Дунайской флотилии, с 1879 г. — начальник штаба главного командира Черноморского флота и портов, с 1891 г. — старший флагман Балтийского флота, с 1893 по 1899 г. — главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта 115
- Кайроли (Caigoli) Бенедетто (1826–1889), итальянский государственный деятель; в 1878–1881 гг. — министр иностранных дел Италии 484

- Кантакузен Михаил Алексеевич (1840–1896), князь, генерал-майор; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1883 г. — военный министр Болгарии 268
- Карандеев, офицер гвардейского конно-гренадерского полка 268
- Карл Вильгельм Людвиг (1809–1877), принц Гессен-Дармштадтский, брат Людвигу III, великого герцога Гессен-Дармштадтского; брат императрицы Марии Александровны 201
- Карл I (1839–1914), с 1865 г. князь, с 1881 г. король Румынии 172, 213, 214, 217, 220, 233–237, 239, 282, 287–289, 291, 293, 299, 300, 309, 310, 317–322, 324, 329, 336, 340, 346, 348, 485
- Карлос (1848–1909), дон Карлос Младший, герцог Мадридский, внук дона Карлоса Старшего, претендовавший на испанский престол (под именем Карла VII); вождь испанских карлистов, развязал вторую карлистскую войну 1872–1876 гг.; потерпев поражение, бежал во Францию 189, 190, 247
- Карнарвон (Carnarvon) Генри-Говард (1831–1890), лорд, британский государственный деятель; с 1874 по 1878 г. — министр колоний в кабинете Б. Дизраэли, с 1885 г. — вице-король Индии 369
- Карцов Андрей Николаевич, действительный статский советник, русский дипломатический агент и генеральный консул в Белграде 158, 160, 165
- Карцов Павел Петрович (1821–1892), генерал-лейтенант; с 1870 г. — начальник 7-й пехотной дивизии, с 1876 г. — начальник 3-й пехотной дивизии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир Отдельного Ловчее-Сельвинского и Траянского отрядов 324
- Катаржи, полковник, адъютант князя Милана I, дядя его жены княгини Натальи 221, 241
- Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882), инженер-генерал (1875), генерал-адъютант (1864); с 1861 г. — директор канцелярии Военного министерства, в 1865–1866 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, в 1867–1882 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа 32–34, 40, 41, 59, 473, 475, 478, 479, 489, 490
- Кауфман Михаил Петрович, фон (1821–1902), инженер-генерал (1878), генерал-адъютант (1869); с 1860 г. — начальник Николаевской инженерной академии и училища, с 1862 г. — член Особого комитета о преобразовании военно-учебных заведений, Комитета об изменении численности войск, Комитета для составления военно-судебного устава, Комитета по устройству и образованию войск, в 1866–1879 гг. — главный интендант Военного министерства и начальник Главного интендантского управления, в 1879–1882 гг. — товарищ генерал-инспектора по инженерной части и начальник Главного инженерного управления; с 1882 г. — член Государственного совета; с 1883 по 1898 г. — председатель Главного управления Российского общества Красного Креста 42, 43, 80, 301
- Келлер Фёдор Эдуардович (1850–1904), граф, генерал-лейтенант (1894); в 1876 г. вступил в ряды сербского добровольческого корпуса, заняв должность начальника левого крыла 3-го корпуса, действовавшего

- против Осман-паши, затем начальник штаба русской добровольческой дивизии; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — офицер для поручений при штабе 11-го армейского корпуса, затем начальник штаба 1-й гренадерской дивизии; в 1879 г. командирован в международную комиссию по определению границ Болгарского княжества; с 1882 г. — командир лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона, с 1890 г. — заведующий мобилизационной частью Главного управления казачьих войск, с 1894 по 1899 г. — директор Пажеского корпуса, с 1900 по 1904 г. — екатеринославский губернатор, в марте 1904 г. — командир 2-го Восточно-Сибирского корпуса, затем начальник Восточного отряда; убит во время боя на Янзелинском перевале 101
- Кемпбель, генерал, британский военный агент при турецкой армии 101
- Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь, второй сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны 154
- Киселёв Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, генерал от инфантерии (1834), генерал-адъютант (1823); в 1837–1856 гг. — министр государственных имуществ, в 1856–1862 гг. — посол во Франции, с 1862 г. — в отставке; член Государственного совета; дядя Д. А. Милютина 91
- Кишельский Иван Кирович (1820–1881), болгарин, полковник, затем генерал-майор русской армии, деятель болгарского освободительного движения 70, 80, 81, 139
- Клепш, фельдмаршал-лейтенант, австрийский военный атташе в Петербурге 44
- Ковальский Иван Мартынович (1850–1878), революционный народник, организатор вооруженного сопротивления в Одессе в 1878 г. 461
- Когольничану (Когольничано) Михаил (1817–1891), румынский государственный деятель; в 1878 г. — министр иностранных дел, в 1880–1881 гг. — румынский посланник в Париже 233, 350, 446, 481, 483
- Козлов, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ординарец генерала Н. П. Криденера 276
- Козлов Александр Александрович (1837–1916), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; с 1861 г. — адъютант петербургского генерал-губернатора князя А. А. Суворова, с 1867 г. — старший полицмейстер Риги; с 1869 по 1881 г. — помощник петербургского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова, с 1878 по 1881 г. — московский обер-полицмейстер, с 1881 по 1882 г. — петербургский обер-полицмейстер и начальник штаба Отдельного Корпуса жандармов, с 1882 по 1887 г. — московский обер-полицмейстер, в 1905 г. — московский генерал-губернатор 414
- Козлов Николай Илларионович (1814–1889), доктор медицины, действительный тайный советник; в 1858–1862 гг. — вице-директор Медицинского департамента Военного министерства, с 1862 г. — член Военно-медицинского ученого комитета, с 1864 г. — ответственный редактор «Военно-медицинского журнала», в 1869–1871 гг. — начальник Петербургской медико-хирургической академии, в 1871–1881 гг. — главный военно-медицинский инспектор 133
- Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896), генерал от инфанте-

- рии (1885); в 1864–1866 гг. — военный губернатор и командующий войсками Семипалатинской области, в 1867–1881 гг. — атаман Семи-реченского казачьего войска и военный губернатор Семиреченской области, в 1882–1888 гг. — первый генерал-губернатор Степного края и командующий войсками Омского военного округа; с 1889 г. — член Военного совета 41, 42
- Конаржевский Даниил Альбертович (1831 —?), генерал-лейтенант; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 121-го Пензенского пехотного полка 31-й пехотной дивизии, затем начальник 14-й пехотной дивизии 257
- Константин Константинович (1858–1915), великий князь, второй сын великого князя Константина Николаевича; генерал от инфантерии; поэт, переводчик, драматург (писал под псевдонимом «К. Р»); в период русско-турецкой войны 1877–1878 г. участвовал в действиях против турецкого флота на Дунае, с 1880 по 1882 г. — командир роты Гвардейского экипажа, с 1883 по 1891 г. — командир роты в лейб-гвардии Измайловском полку, с 1891 по 1900 г. — командир лейб-гвардии Преображенского полка, с 1900 г. — главный начальник военно-учебных заведений, с 1910 г. — генерал-инспектор военно-учебных заведений; с 1889 г. — президент Петербургской АН 142, 322
- Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, генерал-адъютант; с февраля 1855 г. по званию генерал-адмирала на правах министра управлял флотом и Морским министерством; с 1860 г. — пред-седатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862–1863 гг. — наместник Царства Польского и главнокомандующий войсками в Царстве Польском, в 1865–1881 гг. — председатель Государственного совета 27–30, 47, 51, 55, 56, 96, 97, 113, 165, 166, 171, 172, 176, 181, 192, 193, 203, 226, 350, 368, 369, 371–373, 378, 385, 388–390, 397, 399–401, 407, 408, 410, 411, 417, 442, 448
- Корженевский Ипполит Осипович (1827–1879), врач, хирург; с 1871 г. — профессор Медико-хирургической академии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник медицинской части Руцукского отряда, с 1878 г. — консультант по хирургии во всех военных госпиталях Варшавского военного округа 32
- Корнá, французский генерал 103, 104
- Корта (1823–1888), граф, итальянский посол в Турции с 1875 по 1885 г. 139
- Корф Модест Андреевич (1800–1876), барон, действительный тайный советник (1859), историк; с 1849 по 1861 г. — директор Императорской Публичной библиотеки, с 1861 г. — главноуправляющий 2-м отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1864–1872 гг. — председатель Департамента законов Государственного совета 28–31
- Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884), граф (1874), генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант; в 1862–1874 гг. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, в 1874–1880 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшав-

- ского военного округа, с октября 1881 г. — председатель Особой комиссии для пересмотра системы военного управления, введенной Д. А. Милютиным; член Государственного совета 107, 233, 350
- Коцебу Елизавета Петровна (Элизабет Вильгельмина) (1818–1902), графиня, урожденная графиня фон Мантейфель, жена П. Е. Коцебу; статс-дама 107
- Краббе Николай Карлович (1814–1876), адмирал (1869), генерал-адъютант (1858); в 1860–1876 г. — управляющий Морским министерством; член Государственного совета 28, 31
- Кравченко Павел Павлович (1829–1889), генерал-лейтенант; с 1864 г. — командир 15-го Тифлисского гренадерского полка, с 1871 г. — помощник начальника 19-й пехотной дивизии, с апреля 1872 г. — начальник Сухумского отдела, с 1881 г. — начальник 36-й пехотной дивизии 231
- Красовский Антон Яковлевич (1821–1898), тайный советник, лейб-акушер, доктор медицины; с 1854 г. — адъюнкт-профессор, с 1858 г. — заведующий кафедрой акушерства Петербургской медико-хирургической академии, трех отделений клиники и женского терапевтического отделения 2-го военно-сухопутного госпиталя, с 1859 г. — экстраординарный профессор Петербургской медико-хирургической академии 32
- Криденер (Криднер) Николай Павлович (1811–1891), барон, генерал-лейтенант; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 3-го армейского корпуса, действовавшего на балканском театре военных действий 257, 260, 262–265, 274–277
- Кропоткин (Крапоткин) Пётр Алексеевич (1842–1921), князь; революционер, теоретик анархизма 86
- Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888), генерал-адъютант, генерал от артиллерии; в 1865–1881 гг. — оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского военного округа; член Военного совета; с 1881 г. в отставке 32, 59, 188, 408, 409
- Крылов Евгений Тимофеевич (?–1894), генерал-лейтенант; в 1862–1868 гг. — командир лейб-гвардии Уланского полка, начальник 4-й кавалерийской дивизии 306, 324
- Кузминский А. П., товарищ Д. А. Милютина по Гвардейскому Генеральному штабу 32
- Кузминский (?–1877), полковник лейб-гвардии Волынского полка 233
- Кумани Алексей Михайлович (1835 –?), статский советник; в 1876–1880 гг. — русский генеральный консул в Париже, в 1880–1881 гг. — генеральный консул в Болгарии, в 1882–1883 гг. — генеральный консул в Кадиксе, в 1883–1886 гг. — генеральный консул в Марселе, в 1886–1891 гг. — посланник в Китае 78, 419, 433
- Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал-майор (1882), генерал-лейтенант (1890), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902); участник экспедиций в Среднюю Азию и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1878 г. — заведующий Азиатской частью Главного штаба Военного министерства, в 1879 г. — командир Туркестанской стрелковой бригады, в 1890–1898 гг. — начальник Закаспийской области, в 1898–1904 гг. — военный министр,

- в феврале-октябре 1904 г. — командующий Маньчжурской армией, в январе 1904—марте 1905 г. — главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке, во время 1-й мировой войны — командующий Гренадерским корпусом (сентябрь-декабрь 1915 г.), 5-й армией (декабрь 1915 г. — февраль 1916 г.), главнокомандующий армиями Северного фронта (февраль-июль 1916 г.), в 1916—1917 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа 491
- Лавров Василий Николаевич** (1838—1877), генерал-майор; с 1873 г. состоял при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1876 г. — командир лейб-гвардии Финляндского полка, смертельно ранен в октябре 1877 г. в сражении под Горным Дубняком 318
- Лавров Николай Николаевич**, подполковник, состоявший для особых поручений при командующем войсками Одесского военного округа 268
- Ламберт Иосиф Карлович** (1809—1879), граф, генерал-адъютант (1861), генерал от кавалерии; с 1846 г. — адъютант наследника-цесаревича Александра Николаевича; директор Николаевской Измайловской военной богадельни 73
- Лангенау, барон, австрийский генерал от кавалерии**; в 1871—1879 гг. — австрийский посол в России 40, 157, 158, 375
- Лаярд (Layard) Остен Генри** (1817—1894), британский государственный деятель, историк и археолог; с 1854 г. — член Палаты общин, в 1861—1866 гг. — товарищ министра иностранных дел, в 1877—1881 гг. — британский посол в Константинополе 216, 222, 326, 369, 380, 381, 390, 403, 426, 430, 472, 485, 491
- Левашов Владимир Васильевич** (1834—1898), граф, генерал от артиллерии (1894); в 1876—1878 гг. — одесский градоначальник 461, 462
- Левашов Николай Васильевич** (1828—1888), граф, генерал-адъютант (1866), генерал от инфантерии (1878); в 1861—1866 гг. — орловский губернатор, в 1866—1871 гг. — петербургский губернатор, в 1871—1874 гг. — товарищ шефа жандармов и главноуправляющего III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии 213
- Левицкий Казимир Васильевич** (1835—1890), генерал-лейтенант; в 1866 г. — начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1870 г. — адъюнкт-профессор, с 1874 г. — профессор тактики в Николаевской академии Генерального штаба, в 1875 г. — командир лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, в 1876 г. — помощник начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — помощник начальника штаба армии, действовавшей на балканском театре военных действий, с 1879 г. состоял при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1884 г. — начальник канцелярии управления генерал-инспектора кавалерии, в 1885 г. — командир 1-й кавалерийской дивизии, в 1888 г. назначен для особых поручений к генерал-инспектору кавалерии 214, 279, 286, 289, 292, 298, 299, 301, 302, 307, 344
- Лей** (1832—1899), американский изобретатель 141

Лейхтенбергские, герцоги, см. *Романовские*

Леонид (в миру Лебединский Иван Алексеевич) (1822–1893), с 1850 г. — ректор Петербургской духовной семинарии, с 1860 г. — епископ Ревельский и викарий Петербургской метрополии, с 1863 г. — епископ Подольский, с 1873 г. — архиепископ Подольский, с 1874 г. — архиепископ Херсонский; с 1875 г. — архиепископ Варшавский и Холмский, с 1891 г. — митрополит Московский 109

Леонтьев Александр Николаевич (1827–1878), генерал-лейтенант; с 1862 по 1878 г. — начальник Николаевской академии Генерального штаба 60, 402

Лесовский Степан Степанович (1817–1884), генерал-адъютант, адмирал, гидрограф-исследователь; в 1863–1864 гг. — командир эскадры у Атлантического побережья Америки, с 1864 по 1866 г. — командир группы кораблей в Средиземном море, с 1866 г. — главный командир Кронштадского порта и военный губернатор Кронштадта, с 1871 по 1876 г. — помощник управляющего Морским министерством, с 1876 г. — управляющий Морским министерством, с 1880 г. — главный начальник русских морских сил на Тихом океане, в 1882–1884 гг. — председатель Комиссии по переработке Морского устава 96, 97, 100, 142, 226, 385, 399, 402, 463, 464

Лефло (Le-Flo) Адольф Шарль Эммануил (1804–1887), французский генерал, с 1871 по 1879 г. — французский посол в России 64, 103–105, 227, 228, 437, 459

Лешанин Милойко (1830–1896), сербский генерал, участник сербо-

турецкой 1876 г. и русско-турецкой 1877–1878 гг. войн, командир Моравского, затем Тимоцкого военных корпусов, в 1873–1876 и 1880–1882 гг. — военный министр 241, 242

Лигниц (Lignitz) (1841–1913), майор, с 1874 г. — германский военный агент в России 285

Литтон Эдуард (1831–1891), британский государственный деятель, с 1876 по 1880 г. — генерал-губернатор Индии 44

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, действительный тайный советник (1879), статс-секретарь (1870), сенатор (1867), камергер; в 1867–1878 гг. — товарищ министра внутренних дел, в 1878 г. — посол в Турции, затем посол в Лондоне, с 1882 г. — посол в Вене, в 1895 г. — министр иностранных дел 210, 413–415, 423, 426, 427, 437, 439, 440, 451, 456, 463, 464, 468, 471, 473–476, 479, 484, 485, 487, 490

Лобко Павел Львович (1838–1905), генерал от инфантерии (1900); с 1867 г. — адъюнкт-профессор, с 1870 г. — профессор, с 1883 г. — заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной администрации; с 1868 г. — делопроизводитель канцелярии Военного министерства, с 1877 г. состоял при военном министре во время поездки Е. И. В. на театр военных действий, с 1881 г. — помощник, с 1884 по 1898 г. — начальник канцелярии военного министра, с 1881 г. — управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба; с 1898 г. — член Государственного совета 191, 234

Лорис-Меликов Михаил Тариевич (1825–1888), граф (1878),

- генерал от кавалерии (1875), генерал-адъютант (1865); с 1855 г. — начальник Карской области, в 1859–1863 гг. — военный начальник Южного Дагестана, дербентский градоначальник, в 1863–1875 гг. — начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска, в 1876–1879 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с апреля 1879 г. по февраль 1880 г. — временный харьковский генерал-губернатор, в 1880–1881 гг. — председатель Верховной распорядительной комиссии и министр внутренних дел; член Государственного совета 231
- Лофтус Август (1817–1904), лорд, британский государственный деятель, дипломат; с 1858 г. — посланник в Вене, затем в Берлине; с 1871 по 1879 г. — посол в России, с 1879 по 1885 г. — губернатор Нового Южного Уэльса 138, 139, 141, 147, 148, 228, 351, 385
- Лошкарёв (Лашкарёв) Александр Григорьевич (1823–1898), генерал-майор, начальник 9-й кавалерийской дивизии 282, 292, 293
- Луиза Вильгельмина Фредерика Шарлота (1817–1898), принцесса Гессен-Кассельская, датская королева, с 1842 г. жена короля Христиана IX 92, 101
- Любовницкий Юлиан Викторович (1836–1908), флигель-адъютант (1873), генерал от инфантерии (1899); с 1876 по 1888 г. — командир лейб-гвардии Гренадерского полка, с 1881 по 1888 г. — командир 1-й бригады 2-й гвардейской дивизии, с 1888 г. — начальник Петербургской местной бригады, с 1895 г. — командир 2-й гвардейской пехотой дивизии, с 1897 г. — ко-
мандир 9-го армейского корпуса, с 1905 г. в отставке; член Государственного совета 318
- Людвиг Фридрих Вильгельм Карл (1837–1892), великий герцог Гессен-Дармштадтский с 1877 г. 254
- Людвиг II (Отто Фридрих Вильгельм) (1845–1886), король Баварский с 1864 г. 311
- Лярский, адъютант, см. *Вонлярлярский* Н. М.
- Лярский, ординарец, см. *Вонлярлярский* В. М.
- Маврогени Ольга, румынская придворная дама 350
- Мак-Адарас (Mac-Adaras), 435, 439, 444
- Макаров, отставной полковник 461
- Мак-Магон Мари Эдмон. Патрис Морис (1808–1893), герцог Мадженты и маршал Франции; в 1864–1870 гг. — генерал-губернатор Алжира, во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. командовал армией, затем — контрреволюционной армией «верховников», действовавшей против Парижской коммуны 1871 г., в 1873–1879 гг. — президент Французской республики, с 1879 г. в отставке 157
- Маков Лев Савич (1830–1883), действительный тайный советник (1880), статс-секретарь (1878); с 1865 г. — правитель Особенной канцелярии министра внутренних дел, с 1876 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1878–1879 гг. — управляющий Министерством внутренних дел, в 1879–1880 гг. — министр внутренних дел, в 1880–1881 гг. — министр почт и телеграфов и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий; член Государственного совета 413, 459, 464

- Мальцева Анастасия Николаевна (1820–1894), урожденная Урусова, жена промышленника С. И. Мальцева 230, 481
- Мантейфель Эдвин Ганс Карл (1809–1885), граф, генерал-фельдмаршал; с 1848 г. — флигель-альютант короля Пруссии, в 1865 г. — губернатор Шлезвига, во время австро-прусской войны 1866 г. — руководитель военных операций в Германии, во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. — начальник 1-го армейского корпуса, 1-й германской и Южной армий, затем командовал оставленной во Франции оккупационной армией, в 1876–1878 гг. выполнял дипломатические поручения при русском дворе 108–110
- Маргарита Мария Тереза Иоанна (1851–1926), принцесса Савойская, жена итальянского наследного принца Умберто 87, 88
- Маринович Иован (1821–1893), сербский государственный деятель; с 1873 по 1874 г. — министр иностранных дел Сербии, в 1876 г. — сербский дипломатический представитель в Петербурге, с 1878 по 1889 г. — посланник Сербии в Париже 158, 164
- Мария Александрина Анна София Августа Елена, принцесса Саксен-Веймарская (1849–1922), жена принца Генриха VII Рёйса-Шлейц-Кестрицкого 53
- Мария Александровна (1824–1880), урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, с 1855 г. российская императрица, жена императора Александра II 39, 43, 44, 48, 58, 64, 72, 73, 76, 81, 86, 88, 93, 95, 96, 105, 112, 118, 120, 137, 139, 148, 151, 153, 186, 187, 190, 194, 195, 197, 201, 212, 217, 223, 227, 278, 300, 302, 353, 374, 378, 388, 394, 410, 421, 434, 439, 457, 466, 467, 470, 473, 475, 476, 479–482, 485
- Мария Александровна (1853–1920), великая княгиня, дочь императора Александра II, с 1874 г. жена принца Альфреда Эдинбургского, с 1893 г. герцогиня Саксен-Кобург-Готская 51, 73, 74, 93, 131, 137, 142, 223, 317, 434, 480
- Мария Максимилиановна (1841–1914), принцесса Баденская, урожденная Романовская, дочь герцога Максимилиана Лейхтенбергского и великой княгини Марии Николаевны, с 1863 г. жена принца Людвига Августа Баденского 73
- Мария Николаевна (1819–1876), великая княгиня, старшая дочь императора Николая I, в первом браке (1837) за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, во втором, морганатическом (1853) — за графом Г. А. Строгановым 43–47, 276
- Мария Павловна (1786–1859), великая княгиня, дочь императора Павла I, жена Карла-Фридриха, великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского 276
- Мария Фёдоровна (1759–1828), урожденная принцесса Вюртембергская, с 1776 г. жена будущего императора Павла I 276
- Мария Фёдоровна (Мария София Фредерика Дагмара) (1847–1928), дочь датского короля Христиана IX, с 1866 г. жена наследника престола великого князя Александра Александровича, с 1881 г. российская императрица 93, 99, 106, 141, 145, 157, 223, 320, 337, 410
- Масальский Николай Фёдорович (1812–1880), генерал от артиллерии, генерал-адъютант; с 1865 г. — начальник артиллерии Варшавского военного округа, с 1867 г. — Петербургского военного округа, во время русско-турецкой

- войны 1876–1878 гг. — начальник артиллерии действующей армии; с 1879 г. — член Военного совета 294, 298, 299, 344
- Мацнев, генерал-майор, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник 2-й пехотной, затем 1-й резервной дивизии 283
- Медем Николай Васильевич (1796–1870), барон, генерал от артиллерии; с 1832 г. — профессор Николаевской академии Генерального штаба, в 1848–1858 гг. — председатель Военного цензурного комитета, в 1860–1862 гг. — председатель Петербургского цензурного комитета, в 1862–1865 гг. — член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, с 1864 г. — председатель Главного военно-ученого комитета; член Главного управления цензуры 31
- Мезенцов (Мезенцев) Николай Владимирович (1827–1878), генерал-лейтенант (1873), генерал-адъютант (1871); с 1864 г. — управляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии и начальник штаба Корпуса жандармов, в 1876–1878 гг. — шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 157, 213, 236, 376, 396, 409, 410, 413, 459, 461–465
- Меллер-Закомельский Сергей Николаевич (1848–1899), флигель-адъютант, командир конной стрелковой роты 41
- Мельников Александр Александрович (1827–?), сенатор; с 1875 г. — вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел; в 1883–1886 гг. — посол в Персии 59
- Мендун-Мен (?–1878), бирманский император с 1852 г. 102
- Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869), светлейший князь, генерал-адъютант (1817), адмирал (1833); в 1818–1819 гг. — исполняющий должность генерал-квартирмейстера Главного штаба, в 1820–1821 гг. состоял при Е. И. В. на конгрессах Священного союза, с 1828 г. — начальник Морского штаба, с 1831 г. — генерал-губернатор Великого княжества Финляндского, в 1836–1855 гг. — управляющий Морским министерством, с 1853 г. — главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму, в 1855–1856 гг. — военный губернатор Кронштадта; член Государственного совета 114
- Меншиков Владимир Александрович (1815–1893), светлейший князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1853–1855 гг. — управляющий делами Императорской Главной квартиры, с 1856 по 1857 г. — член Комитета по улучшению ружей, с 1857 по 1872 г. — член Государственного коннозаводства, с 1858 по 1869 г. — в бессрочном отпуске, с 1872 г. — член Военно-госпитального комитета 213, 420
- Мехмет-Али-паша (1827–1878), генерал турецкой армии, в 1875–1876 гг. — командующий отдельным корпусом в Боснии, в период войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий турецкой армией в Болгарии 274, 283, 286, 288, 302, 305–308, 311, 333, 338, 340, 341, 351
- Мехмед-Рюнди-паша Мютерджим (1809–1882), турецкий государственный деятель; в 1876–1878 гг. — великий визирь 430
- Мещерянов Григорий Васильевич (1827–1901), генерал-адъютант, генерал-лейтенант (1868); с 1855 г. — начальник штаба 5-го армейского

- корпуса, в 1863–1865 гг. — руководитель Главного управления Генерального штаба в должности вице-директора, с 1866 г. — помощник начальника Главного штаба, с 1881 по 1882 г. — генерал-губернатор Западной Сибири, командующий войсками Западно-Сибирского военного округа и наказной атаман Сибирского казачьего войска, с 1882 г. — командующий войсками Казанского военного округа 306, 368, 456
- Мещерский Эммануил Николаевич (1842–1877), князь, флигель-адъютант, полковник; убит 5 сентября 1877 г. во время обороны Шипки 301
- Микешин Михаил Осипович (1836–1896), художник 102
- Милан I Обренович (1854–1901), князь с 1868 г., король Сербии с 1889 г. 42, 101, 102, 105, 117, 140, 146, 158, 164, 221, 225, 241–243
- Миллер, бывший военный инженер, член строительного общества 87
- Милорадович Григорий Александрович (1839–1905), граф, генерал-лейтенант, сенатор (1904); с 1865 г. — старший адъютант при дежурном генерале Главного штаба, с 1867 г. — командир 4-го эскадрона Кавалергардского полка, с 1869 г. состоял для особых поручений при командующем войсками Киевского военного округа, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — флигель-адъютант свиты Е. И. В., в 1890–1896 гг. — черниговский губернский предводитель дворянства 342
- Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), сын Д. А. Милютина; генерал-лейтенант; участник Хивинской экспедиции 1873 г., в 1877 г. командирован в распоряжение главнокомандующего, состоял при Донской казачьей бригаде, затем при 2-й бригаде 2-й Донской казачьей дивизии, с 1880 по 1885 г. — командир Крымского дивизиона, с 1887 г. — исполняющий должность коменданта Императорской Главной квартиры, с 1888 по 1890 г. — харьковский вице-губернатор, с 1892 по 1902 г. — курский губернатор 48, 52, 77, 81, 100, 147, 215, 221, 234, 237, 247, 270, 282, 311, 337, 350, 382, 420, 480
- Милютин Борис Алексеевич (1830–1886), брат Д. А. Милютина; действительный статский советник, юрист; с 1859 г. — чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, с 1874 по 1882 г. — товарищ главного военного прокурора, сотрудник статс-секретаря В. Д. Философова по военно-судебной реформе 31
- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), брат Д. А. Милютина; тайный советник (1860), сенатор (1861); с 1852 г. — директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в 1859–1860 гг. — член и один из руководителей Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1864–1866 гг. — статс-секретарь по делам Царства Польского, с 1866 по 1867 г. — главный начальник Собственной Е. И. В. канцелярии по делам Царства Польского; член Государственного совета 114, 152, 364
- Милютин Юрий Николаевич (1856–1912), сын Н. А. Милютина; общественный и политический деятель; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вольноопределяющийся лейб-гвардии Уланского полка, с 1878 г. — корнет; с 1879 г. в отставке 48, 209, 307, 321

- Милютинa Елена Дмитриевна (1857–1882), в замужестве Гершельман, младшая дочь Д. А. Милютинa 81, 134, 244
- Милютинa Елизавета Дмитриевна (1844–1938), в замужестве Шаховская, дочь Д. А. Милютинa, фрейлина императрицы Марии Александровны 81, 112, 232, 244, 473, 475
- Милютинa Мария Аггеевна (1834–1903), урожденная Абаза, вдова Н. А. Милютинa, во втором браке Стиль 364
- Милютинa Мария Дмитриевна (1854–1882), дочь Д. А. Милютинa 134, 244
- Милютинa Надежда Дмитриевна (1850–1913), в замужестве Долгорукова, дочь Д. А. Милютинa 47, 77, 147, 244, 350
- Милютинa Наталья Михайловна (1820–1912), урожденная Понсэ, жена Д. А. Милютинa 78, 79, 94, 112, 134, 137, 147, 149, 164, 177, 216, 229, 236, 244, 475, 480
- Милютинa Ольга Дмитриевна (1848–1926), дочь Д. А. Милютинa 47, 77, 177, 244, 427
- Милютинa Прасковья Николаевна (1857–1929), дочь Н. А. Милютинa, фрейлина 48
- Минквиц Александр Фёдорович (1816–1882), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1873 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа, с 1877 г. — командующий войсками Харьковского военного округа; с 1878 г. — член Военного совета 108
- Митхад-паша (Мидхат-паша) (1822–1883), турецкий государственный деятель; с 1861 г. — губернатор Болгарии, в 1864–1868 гг. — генерал-губернатор Дунайского вилайета, в 1869–1872 гг. — Багдадского вилайета, в 1872, 1876–1877 гг. — великий визирь, в 1878 г. — генерал-губернатор Сирии; возглавил борьбу движения «новых османов» за конституционные реформы в Турции 169, 176, 177, 184, 187, 188, 201
- Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, третий сын императора Александра III 486
- Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878); в 1862–1881 гг. — наместник на Кавказе, в 1862–1865 гг. — главнокомандующий Кавказской армией, в 1865–1881 гг. — главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, в 1881–1905 гг. — председатель Государственного совета; с 1892 г. — председатель Александровского комитета о раненых 33, 34, 58, 94, 119, 120, 209, 220, 228, 254, 258, 269, 326, 330, 351, 355, 356, 358, 398–400, 403, 407–409, 411, 412, 415, 417, 421, 425, 469, 486, 491
- Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, младший сын императора Павла I, генерал-фельдцейхмейстер; с 1819 г. — командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 1825 г. — командир 1-й гвардейской пехотной дивизии, во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. командовал Гвардейским корпусом, участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 г., с 1831 г. — директор Пажеского корпуса и главный начальник военно-учебных заведений, с 1844 г. — главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами 60
- Мокесев Николай Дмитриевич (?–1889), статский советник, драго-

- ман русского посольства в Константинополе 326
- Мольтке Гельмут Карл Бернгард (1800–1891), граф, фельдмаршал германской армии; с 1855 г. — адъютант прусского кронпринца Фридриха-Вильгельма, с 1858 по 1888 г. — начальник Генерального штаба 131, 132
- Моравский Сергей Степанович, полковник, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — помощник начальника полевого интендантского управления действующей армии 342
- Морозов Тимофей Саввич (1823–1889), московский купец, с 1865 по 1876 г. — председатель Московского биржевого комитета 154
- Мулен (Moulin), французский консул в Салониках 77
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881), граф (1858), генерал от инфантерии (1858), генерал-адъютант (1857); в 1847–1861 гг. — иркутский и енисейский губернатор, генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками в Восточной Сибири, с 1861 г. в отставке; член Государственного совета 77
- Мурад V (1840–1904), турецкий султан с 30 мая по 31 августа 1876 г. 79, 87, 92, 420
- Мухортов Захар Николаевич (?–1876), юрист, вице-президент Вольного экономического общества 63, 66
- Мухортова Александра Николаевна, жена З. Н. Мухортова 63, 64
- Мухтар-паша, сын султана Абдулазиза, генерал турецкой армии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий турецкими войсками на кавказском театре военных действий 77, 82, 86, 92, 236, 315, 317, 324
- Мюнстер Георг Герберт (1820–1902), барон фон Гроттгауз, германский дипломат, политический деятель; в 1856–1864 гг. — ганноверский посланник в Петербурге, с 1867 г. — член северогерманского Рейхстага, с 1873 по 1885 г. — германский посол в Лондоне, с 1885 г. — германский посол в Париже; с 1900 г. в отставке 202
- Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), действительный тайный советник (1876), статс-секретарь (1866), гофмейстер (1862), сенатор (1864); в 1867–1871 гг. — управляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам Царства Польского, в 1878–1885 гг. — министр юстиции; член Государственного совета 433, 434, 459, 464
- Наср-Эддин, старший сын кокандского хана Худояра, в 1875–1876 гг. — правитель Коканда 41
- Наумов Дмитрий Алексеевич (1830–1895), земский деятель, с 1864 г. — председатель Московской губернской земской управы 34
- Нейперг Эрвин (1813–1897), граф, генерал австро-венгерской службы 106
- Нелидов Александр Иванович (1835–1910), действительный статский советник, с 1874 по 1877 г. — советник посольства в Константинополе, в 1877–1878 гг. — директор дипломатической канцелярии при штабе действующей армии, с 1879 г. — посланник в Дрездене, с 1883 г. — посол в Константинополе, с 1897 г. — в Риме, с 1903 г. — в Париже 127, 132, 133, 148, 149, 160–162, 203–204, 216, 219, 223, 312–314, 331, 333–335, 339, 340, 346, 347, 358, 368, 419, 433, 444, 445

- Непокойчицкий Артур Адамович (1813–1881), генерал от инфантерии (1868), генерал-адъютант (1874); с 1859 г. — председатель Военно-кодификационной комиссии, с 1864 г. — член Военного совета, в 1874 г. — председатель Особой временной комиссии для управления Медико-хирургической академией, в 1877 г. — начальник полевого штаба действующей армии; член Государственного совета 76, 155, 158, 172, 174, 183, 219, 234, 239, 243, 245, 251, 256–258, 260, 270, 275, 276, 278, 279, 281, 287–290, 292, 295, 297–299, 301, 307, 314, 328, 344, 346, 412
- Нигра Константин (1827–1907), граф, итальянский политический деятель; с 1859 г. — посол во Франции, с 1876 г. — в России, с 1882 г. — в Великобритании, с 1885 по 1890 г. — в Австрии, с 1890 г. — сенатор 86, 103, 187
- Никитин Александр Павлович (1824–1891), генерал от инфантерии; в 1864 г. — начальник штаба Рижского военного округа, с 1866 по 1868 г. — начальник штаба Виленского военного округа; в 1876 г. командирован в Сербию с поручением, касавшимся боевой подготовки сербских войск; в 1878 г. — командир 2-го армейского корпуса, в 1884 г. — командующий войсками Виленского военного округа; с 1886 г. — член Военного совета 159, 160, 471, 477
- Николай Александр Павлович (1821–1899), барон, действительный тайный советник (1873), статс-секретарь (1863), сенатор (1863); с 1861 г. — товарищ министра народного просвещения, с 1863 г. — начальник Главного управления наместника на Кавказе, с 1875 г. — член Государственного совета, с 1881 по 1882 г. — министр народного просвещения, с 1884 по 1889 г. — председатель Департамента законов Государственного совета 50
- Николай Александрович (1843–1865), великий князь, старший сын императора Александра II, с 1855 г. — наследник-цесаревич 216, 228, 301
- Николай Александрович (1868–1918), великий князь, старший сын императора Александра III, с 1881 г. — наследник-цесаревич, с 1894 по 1917 г. — император Николай II 99, 100, 177
- Николай Константинович (1850–1894), великий князь, старший сын великого князя Константина Николаевича, флигель-адъютант (1867); участник Хивинской экспедиции 1873 г., в 1874 г. в результате громкого скандала, связанного с совершенным им похищением драгоценных камней, был выслан в Оренбург, в 1881 г. переведен в Ташкент под надзор туркестанского генерал-губернатора 60, 438, 446, 447
- Николай Николаевич (Старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-адъютант (1856); с 1856 г. — генерал-инспектор по инженерной части и начальник 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии, с 1859 г. — командир гвардейского резервного кавалерийского корпуса, в 1862–1864 гг. — командир отдельного гвардейского корпуса, в 1864–1880 гг. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий русской армии, действовав-

- шей на балканском театре военных действий; член Государственного совета 59, 60, 73–75, 106, 141, 145–147, 155, 156, 159, 168, 170, 173–175, 181, 209, 210, 212–214, 216, 217, 219, 220, 227, 228, 234, 235, 237, 240, 241, 243–245, 247–250, 256–258, 260, 262, 265, 267–271, 274–283, 286–293, 295–299, 301, 307, 308, 312–314, 317–320, 322–324, 327–330, 333, 334, 336, 337, 344, 346, 351, 353–356, 358, 366, 368, 370, 372–374, 377–382, 384, 388–390, 392–395, 399–401, 404, 412, 415–417, 487
- Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), генерал от кавалерии; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — офицер для особых поручений при главнокомандующем Дунайской армией, с 1878 г. — командир эскадрона, затем дивизиона, с 1884 г. — командир лейб-гвардии Гусарского полка, в 1890 г. — командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1895 г. — генерал-инспектор кавалерии; с 1905 по 1908 г. — председатель Совета государственной обороны, с 1905 по 1914 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1914–1915 гг. — верховный главнокомандующий русской армией, с 1915 г. — наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом 59, 60, 70, 154, 202, 268
- Николай I (1796–1855), сын императора Павла I, российский император с 1825 г. 29, 44, 90, 126, 249, 432, 448
- Николай I Петрович Негош (1841–1921), князь Черногорский с 1860 по 1919 г. 42, 49, 86, 92, 101, 238, 332
- Николич Тихомил (1833–1886), генерал сербской армии, с 1876 по 1878 г. — военный министр Сербии 80
- Новиков Евгений Петрович (1826–1903), действительный тайный советник (1879); с 1859 г. — советник миссии в Константинополе, с 1865 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции, с 1870 г. — в Австро-Венгрии, с 1879 по 1882 г. — в Турции; с 1882 г. — член Государственного совета 49, 58, 123, 139, 144, 146, 148, 160, 161, 163, 164, 169, 172, 185, 232, 248, 372, 376, 402, 412, 415, 416, 418, 482, 484
- Новосёлов Семен Корнилович (1812–1877), генерал-майор; в 1863 г. — военный начальник г. Шавли в Виленском военном округе, участвовал в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг., в 1865 г. — подольский губернский воинский начальник, с 1870 г. в отставке; участник сербо-турецкой войны 1876 г. в должности командующего Ибарской армией 140
- Оболенский (Оболенский-Нелединский-Мелецкий) Владимир Сергеевич (1847–1891), князь, генерал-майор (1891), гофмаршал (1882); с 1874 г. — адъютант наследника престола великого князя Александра Александровича 274
- Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии (1887), генерал-адъютант (1878); с 1867 г. — главноуправляющий Военно-ученым комитетом Военного министерства; в июле-октябре 1877 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, участвовал в планировании военных действий при Аладже и Карсе; в

- 1881–1897 гг. — начальник Главного штаба, председатель Военно-ученого комитета, с 1897 г. в отставке; с 1893 г. — член Государственного совета 61, 62, 133, 134, 137, 138, 148, 149, 161, 169, 177, 191, 193, 326, 340, 343, 346, 347, 353, 354, 374, 385, 392, 420, 428–430
- Озеров Александр Петрович (1817–1900), дипломат, обер-гофмейстер (1880); директор Петербургского тюремного комитета, посланник в Греции и Швейцарии 145
- Озеров Пётр Сергеевич (?–1879), флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка 251
- Олохов Фёдор Алексеевич (1812–1877), генерал-майор, с 1874 по 1877 г. — комендант Керченской крепости 115
- Олсуфьева Анна Михайловна (1835–1899), графиня, урожденная Оболянинова, жена флигель-адъютанта А. В. Олсуфьева, фрейлина 77, 244
- Олсуфьевы, семья 77, 78
- Ольга Константиновна (1851–1926), великая княгиня, старшая дочь великого князя Константина Николаевича; с 1867 г. королева греческая, жена короля Георга I 92, 99
- Ольга Николаевна (1822–1892), великая княгиня, вторая дочь императора Николая I, с 1846 г. жена наследного принца, а затем короля Карла Фридриха Александра (Карла I) Вюртембергского 38, 105
- Ольга Фёдоровна (1838–1891), урожденная принцесса Баденская, жена великого князя Михаила Николаевича 403
- Ольденбургский Пётр Георгиевич (Константин Фридрих Пётр) (1812–1881), принц, сын Георга Ольденбургского и великой княгини Екатерины Павловны, генерал от инфантерии (1841), сенатор; в 1841–1859 гг. — президент Вольного экономического общества, в 1842–1881 гг. — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, в 1845–1873 гг. — председатель Главного совета женских учебных заведений, в 1860–1881 гг. — главноуправляющий IV отделением Собственной Е. И. В. канцелярии 43, 48, 54, 59, 207, 422, 486
- Ону Михаил Константинович (1835–1901), действительный статский советник, в 1878–1880 гг. — первый драгоман русского посольства в Константинополе 416
- Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), князь, генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1861), дипломат; в 1859–1869 гг. — посланник в Брюсселе, в 1869–1870 гг. — в Вене, в 1871–1884 гг. — в Париже, с 1884 г. — в Берлине 78
- Осман-паша (Осман-Нури-Гази) (1832–1900), маршал турецкой армии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командующий войсками в Плевне 288, 289, 292, 302, 306 — 309, 313, 317, 325 — 328, 337 — 339, 341, 342, 344, 374, 388, 390, 456, 468
- Павел (в миру Лебедев Пётр) (1827–1892), с 1871 г. — епископ, с 1879 г. — архиепископ Кишиневский и Хотинский, с 1882 г. — экзарх Грузии и член Св. Синода, с 1887 г. — архиепископ Казанский и Свяжский 215–217
- Павел Александрович (1860–1919), великий князь, младший (шестой) сын императора Александра II, флигель-адъютант (1880) 81, 124, 308, 350, 478, 480

- Павлов Платон Петрович (1834–1904), генерал от инфантерии; с 1863 по 1865 г. — правитель канцелярии начальника Терской области, с 1865 по 1868 г. — помощник начальника Кавказского горского управления, в 1866 г. — исполняющий должность начальника Сухумского отдела, с 1868 г. — помощник начальника штаба Кавказского военного округа, с 1870 г. — начальник Кавказского горского управления, с 1872 г. — помощник начальника Терской области, с 1875 г. — начальник штаба Кавказского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник штаба Кавказской армии, в 1881 г. командирован в распоряжение командующего войсками Закавказской области М. Д. Скобелева, с 1883 г. — командир 6-го армейского корпуса, с 1889 г. — командир 7-го армейского корпуса, с 1891 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа; с 1894 г. — член Военного совета 119, 120
- Пален Константин Иванович, фон-дер (1833–1912), граф, действительный тайный советник (1878), обер-камергер (1904); с 1861 г. — вице-директор Департамента исполнительной полиции Министерства внутренних дел, в 1864–1867 гг. — псковский губернатор, в 1867 г. — товарищ министра юстиции, в 1868–1878 гг. — министр юстиции, в 1885 г. — временно председатель Комитета министров; член Государственного совета 71, 72, 200, 206, 207, 396, 406–410, 413, 414, 433
- Панчулидзе Евгений Алексеевич (1851–1917), поручик (1875), впоследствии генерал-лейтенант; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял в распоряжении командира 7-го Оренбургского полка для заведывания военных сообщений Саганлукского отряда с Карсом 237
- Педро II (1825–1891), император Бразилии с 1831 по 1889 г. 120, 121
- Перетц Егор Абрамович (1833–1899), действительный тайный советник (1883), статс-секретарь (1872); с 1871 г. — статс-секретарь Департамента законов Государственного совета, в 1878–1883 гг. — государственный секретарь; член Государственного совета 454
- Петрушевский Михаил Фомич (1832–1893), генерал от инфантерии; с 1866 г. — начальник штаба войск Оренбургского военного округа, в 1867 г. — помощник начальника штаба Туркестанского военного округа, с 1870 г. — помощник начальника 32-й пехотной дивизии, в 1873 г. — командир 1-й бригады 32-й пехотной дивизии, затем командир 2-й бригады 11-й пехотной дивизии, начальник штаба Харьковского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 2-й бригады 14-й пехотной дивизии, позднее начальник этой дивизии, с 1882 г. — командир 4-го армейского корпуса, с 1891 г. состоял в распоряжении военного министра 252
- Пий IX (1792–1878), папа римский с 1846 г. 379
- Пилкин Константин Павлович (1824–1913), адмирал, один из организаторов минного дела в русском флоте; в 1872 г. — командир Кронштадтского порта, с 1874 по 1875 г. — командир учебного минного отряда Балтийского

- флота, с 1878 г. заведовал минной частью Балтийского флота, в 1885 г. — командир практической эскадры Балтийского флота, с 1886 г. — главный инспектор минного дела в Морском техническом комитете и старший флагман Балтийского флота, с 1888 г. — председатель Морского технического комитета, с 1889 по 1909 г. — член Адмиралтейств-совета и начальник Главного управления кораблестроения и снабжения 100, 115
- Пирогов Николай Иванович (1810–1881), хирург, педагог, общественный деятель; в 1841–1856 гг. — профессор Петербургской медико-хирургической академии, в 1856–1861 гг. — последовательно понечитель Одесского и Киевского учебных округов; член-корреспондент Петербургской АН 320
- Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), литературный критик, философ, публицист, деятель русского и международного рабочего и социалистического движения 167
- Половцов Александр Александрович (1832–1909), действительный тайный советник (1885), статс-секретарь (1883), сенатор; с 1867 г. — обер-прокурор 1-го департамента Сената, с 1883 по 1892 г. — государственный секретарь; с 1892 г. — член Государственного совета 205
- Поляков Самуил Соломонович (1837–1888), коммерции советник (1870), предприниматель в области железнодорожного дела, банкир, меценат; в 1877 г. — организатор и строитель Бендеро-Галацкой и Фратешты-Зимницкой железных дорог 245, 350
- Понсэ Анна Евгеньевна, дочь Е. М. Понсэ 81, 177, 244
- Понсэ Евгений Михайлович, брат жены Д. А. Милютина 78, 177, 244
- Понсэ Фредерика Михайловна, невестка Д. А. Милютина 221
- Понов Владимир Александрович, флигель-адъютант 469
- Понов Владимир Васильевич (1841–1896), капитан, адъютант великого князя Николая Николаевича (Старшего) 267
- Понов Павел Николаевич, подполковник 48, 237
- Пороховников Александр Александрович (1834–1914 или 1919), публицист и общественный деятель, близкий к славянофилам; предприниматель, подрядчик-строитель, основатель первого в России цементного завода; гласный Московской городской думы, член Московского славянского благотворительного комитета, в 1876 г. — организатор набора добровольцев в Сербию 122–126, 130
- Посыет Константин Николаевич (1819–1899), адмирал (1882), генерал-адъютант (1866); в 1858–1871 гг. — воспитатель великого князя Алексея Александровича, в 1861–1863 гг. — командовал отрядом яхт, с 1869 г. — член Комитета морских учебных заведений, в 1870 г. — руководитель экспедиции к острову Новая Земля, в 1874–1888 гг. — министр путей сообщения; член Государственного совета 39, 42, 56, 57, 61, 91, 232, 245, 365, 402, 414
- Потапов Александр Львович (1818–1886), генерал от кавалерии (1876), генерал-адъютант (1866); в 1861–1864 гг. — начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1864–1865 гг. — помощник виленского генерал-гу-

- бернатора, в 1865–1868 гг. — наказной атаман Донского казачьего войска, в 1868–1874 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, в 1874–1876 гг. — шеф жандармов и главноуправляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 43, 56, 71, 84, 94, 105, 111, 150
- Протасов-Бахметев Николай Алексеевич (1834–1907), граф (1856), генерал от кавалерии (1896); с 1869 г. — командир лейб-гвардии Кирасирского полка, с 1871 г. — лейб-гвардии Конного полка, с 1873 по 1876 г. — начальник 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 г. состоял при Е. И. В., затем при 11-м армейском корпусе, в 1878 г. командирован в Оренбург, затем временно командовал Сводной казачьей дивизией, с 1880 по 1882 г. — астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска, с 1890 по 1906 г. — главноуправляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии; член Государственного совета 347
- Протич Коста (1831–1892), сербский военный и государственный деятель; в 1873–1875 гг. — военный министр Сербии, участник сербо-турецкой войны 1876 г., в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник штаба Верховного командования, затем начальник Главного генерального штаба сербской армии, с 1879 г. — командир корпуса в Нише, с 1882 г. в отставке, в 1888 г. — военный министр,
- в 1889 г. — премьер-министр, с 1889 г. — член Регентского совета 241, 242
- Прянишников Ипполит Петрович (1847 –?), первый баритон Императорской русской оперы в Петербурге 492
- Пушин Леонид Петрович (1843–?), во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — лейтенант, командир минного катера 241
- Пушин Михаил Николаевич (1842–1878), гвардии ротмистр, адъютант военного министра, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 423
- Пушин Николай Николаевич (1792–1848), генерал-лейтенант; с 1834 по 1848 г. — командир Дворянского полка 423
- Пушина Эмилия Антоновна (1801–1882), с 1859 г. директриса Патриотического института 423
- Пясецкий Павел Яковлевич (1846 — после 1919), доктор медицины, путешественник, писатель; в 1874–1875 гг. входил в состав (в качестве врача и художника) учено-торговой экспедиции Ю. А. Соновского в Китай 48, 61, 64
- Рааслоф (Raasloff) Вальдемар Рудольф (1815–1883), генерал датской армии, с 1865 по 1870 г. — военный министр Дании 52
- Радецкий Фёдор Фёдорович (1820–1890), генерал от инфантерии (1877), генерал-адъютант (1878); с 1855 г. — начальник штаба командующего войсками в Прикаспийском крае, с 1859 г. — командир Дагестанского пехотного полка, с 1861 г. — начальник штаба войск Терской области, с 1865 г. последовательно командовал 38-й, 21-й и 9-й дивизиями, в 1877–1878 гг. — командир 8-го армейского корпуса,

- с 1881 г. — командир Гренадерского корпуса, с 1882 г. — командующий войсками Харьковского военного округа, в 1888–1889 гг. — командующий войсками Киевского военного округа; с 1889 г. — член Государственного совета 251, 252, 284, 286, 287, 301, 353, 356, 442, 471
- Раух Оттон Егорович (1834–1890), генерал-лейтенант; в 1864 г. — начальник штаба 14-й пехотной дивизии, в 1865 г. — начальник штаба 24-й пехотной дивизии, затем начальник штаба заведующего военно-сухопутной частью в Кронштадте, с 1868 г. — помощник начальника штаба Одесского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — помощник начальника передового отряда под командованием И. В. Гурко, затем временный командир 1-й гвардейской дивизии, с 1879 г. — начальник 22-й пехотной дивизии, с 1889 г. — командир 15-го армейского корпуса 336
- Рейсс Генрих VII (1825–1906), принц, германский дипломат; с 1867 по 1876 г. — германский посол в России, с 1877 по 1878 г. — в Турции, с 1878 по 1894 г. — в Австрии 53, 54, 222, 327, 369, 426
- Рейтерн Александр Евграфович (Гергардович) (1824–1879), генерал-лейтенант, генерал-адъютант; с 1866 г. — командир лейб-гвардии Драгунского полка, в 1871–1873 гг. — таврический губернатор, в 1873–1879 гг. — русский военный агент в Берлине 314, 334, 340, 351
- Рейтерн Александр Максимович, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка 469
- Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), граф (1890), действительный тайный советник (1870), статс-секретарь (1858); в 1862–1878 гг. — министр финансов, в 1881–1886 гг. — председатель Комитета министров; член Государственного совета 36, 42, 43, 45, 48, 49, 52, 53, 56, 88, 94, 96, 97, 119, 133, 134, 155, 158, 160, 163, 173–176, 181, 191–193, 195, 200, 202–204, 210, 225, 228, 230, 245, 358, 414, 453
- Реуф-паша, турецкий генерал, в 1878 г. военный и морской министр 384, 386–388, 390, 405
- Ристич Йован (1831–1899), сербский историк и государственный деятель; в 1861–1867 гг. — представитель Сербии при Порте, в 1867 г. — председатель Совета министров и министр иностранных дел Сербии, в 1873, 1878–1880, 1887 гг. — премьер-министр Сербии, в 1868–1872 гг. — член регентства при малолетнем князе Милане Обреновиче, в 1889–1893 гг. — при князе Александре Обреновиче 241, 242
- Рихтер Александр Карлович (?–1896), генерал от инфантерии; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 3-й саперной бригады 263
- Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), генерал от инфантерии (1886), генерал-адъютант (1871); с 1858 г. состоял при наследнике-цесаревиче Николае Александровиче, в 1866 г. — управляющий делами Императорской Главной квартиры, затем начальник штаба Петербургского военного округа, начальник 13-й пехотной дивизии, в 1881–1898 гг. — командующий Императорской Главной квартирой и начальник Военно-походной Е. И. В. канцелярии; с 1887 г. — член Государственного совета 149

- Родич Габриэль (1813–1890), барон, фельдмаршал-лейтенант австро-венгерской армии; в 1841–1843 и 1870–1881 гг. — генерал-губернатор Далмации, с 1881 г. пожизненный член верхней палаты парламента 49
- Розенбах Николай Оттонович (1836–1901), генерал-майор (1872), впоследствии генерал от инфантерии (1895), генерал-адъютант (1880); в 1870–1877 гг. — командир лейб-гвардии Павловского полка, с 1877 г. — командир 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 1878 г. — начальник штаба Гвардейского корпуса; с 1891 г. — член Государственного совета 318, 320
- Розетта (Rossetti), румынская придворная дама 237, 350
- Рокасовский Владимир Платонович (1851—после 1901), капитан, флигель-адъютант, впоследствии действительный статский советник (1891) и камергер (1891) 469
- Романовский Евгений Максимилианович (1847–1901), герцог Лейхтенбергский, флигель-адъютант (1873), полковник, впоследствии генерал от инфантерии (1898), генерал-адъютант (1897); в 1874–1877 гг. — командир 5-го гусарского Александрийского полка, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир сводной драгунской бригады в передовом отряде И. В. Гурко, с декабря 1877 г. — командир 2-й бригады, с апреля 1880 г. — 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии 254, 256
- Романовский Николай Максимилианович (1843–1890), герцог Лейхтенбергский, флигель-адъютант (1863), генерал-майор (1865), впоследствии генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир отдельной гусарской бригады в отряде И. В. Гурко 254
- Романовский Сергей Максимилианович (1849–1877), герцог Лейхтенбергский, флигель-адъютант (1876), генерал-майор (1877); служил в лейб-гвардии Конном полку, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., убит во время рекогносцировки под Иован-Чифтликом (Болгария) 318
- Россель (Russel) Одо (1829–1884), лорд, с 1871 по 1884 г. — британский посол в Берлине 428
- Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897), полковник, впоследствии генерал-лейтенант (1891) 446, 447
- Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант (1849); в 1857–1860 гг. — член Секретного, затем — Главного комитетов по крестьянскому делу, с 1859 г. — председатель Редакционных комиссий; член Государственного совета и Александровского комитета о раненых 183
- Рудановский Константин Васильевич (1834–?) полковник Генерального штаба; начальник Петербургской прогимназии, с 1886 г. — директор Александровского кадетского корпуса 65
- Рылеев Александр Михайлович (1830–1907), генерал-майор, генерал-адъютант; с 1864 по 1881 г. — комендант Императорской главной квартиры 213, 262
- Сабуров Пётр Александрович (1835–1918), действительный тайный советник (1901), сенатор (1884); с 1870 по 1879 г. — русский посол в Греции, с 1879 по 1884 г. — в Гер-

- мании; член Государственного совета 473, 474
- Савфет-паша (1815–1883), турецкий государственный деятель; в 1876–1878 гг. — министр иностранных дел, в декабре 1876 г. — председатель на совещаниях Константинопольской международной конференции, с июня по октябрь 1878 г. — великий визирь, затем посланник в Париже 169, 204, 380, 381, 430, 456, 468, 487
- Салисбюри, см. *Солсбери* Р. С.
- Салтыков Александр Михайлович (1828–?), флигель-адъютант (1869), генерал-майор (1871), впоследствии генерал-лейтенант, генерал-адъютант; с 1861 г. — производитель дел Военно-походной канцелярии 213
- Самарин Юрий Фёдорович (1819–1876), философ, историк, публицист, общественный деятель, славянофил; в 1859–1860 гг. — член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1863–1864 гг. участвовал в подготовке проекта крестьянской реформы в Царстве Польском, в 1866–1876 гг. — гласный Московской городской думы и губернского земского собрания 59, 66
- Свистунов Александр Павлович (1830–?), генерал-адъютант, генерал от артиллерии; в 1867–1875 гг. — начальник штаба Кавказского военного округа, с 1875 по 1883 г. — начальник Терской области; адъютант великого князя Михаила Николаевича 119
- Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1824–1899), князь, генерал от инфантерии (1873), генерал-адъютант (1864); с 1857 г. — командир Кабардинского полка, с 1858 г. — начальник Кумыкского округа, в 1861–1863 гг. — начальник Терской области, с 1863 по 1867 г. — кутаисский генерал-губернатор, в 1867–1875 г. — помощник главнокомандующего Кавказской армией, в 1875–1880 гг. — помощник кавказского наместника, в 1881–1882 г. — командующий войсками Харьковского военного округа и временный харьковский генерал-губернатор; с 1880 г. — член Государственного совета 95, 228, 326, 463, 466, 469
- Святополк-Мирский Николай Иванович (1833–1898), князь, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1874); с 1856 г. — адъютант командующего Отдельным Кавказским корпусом, с 1858 г. — командир 20-го стрелкового батальона, в 1861–1865 гг. — командир Тенгинского пехотного полка, в 1867–1874 гг. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, с 1873 г. — командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии; с 1876 г. — начальник 9-й пехотной дивизии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1881 г. — наказной атаман войска Донского; член Государственного совета 265, 338, 340
- Седергольм Карл Карлович (Эрикович) (1818–1903), генерал-лейтенант, военный инженер; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник обороны восточного побережья Черного моря; член Инженерного комитета Главного инженерного управления 115
- Сейд-Мозаффар-Эдлин-хан, бухарский эмир с 1860 по 1885 г. 164
- Селиверстов Николай Дмитриевич, генерал-лейтенант, в 1878 г. — товарищ шефа жандармов, в 1890 г. убит в Париже русским эмигрантом 463, 464

- Семека Владимир Саввич (1816–1897), генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1870–1879 гг. — командующий войсками Одесского военного округа; член Военного совета 78, 80, 118, 127, 131, 132, 149, 233, 268
- Семиградов Николай Иванович, штаб-ротмистр в отставке, предводитель дворянства Бендерско-Аккерманского у. Кишиневской губ. 215
- Семиградова, жена Н. И. Семиградова 215
- Семирадский Генрих Ипполитович (1843–1902), русский художник 205
- Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, пятый сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант; с 1872 г. на действительной военной службе; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сопровождал отца в действующую армию; в 1891–1905 гг. — московский генерал-губернатор; член Государственного совета 225, 232, 266, 277, 288, 306, 308, 313, 322, 336, 416, 452, 478, 480
- Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1878); участник Хивинского похода 1873 г. и подавления Кокандского восстания 1873–1876 гг., с 1876 г. — военный губернатор Ферганской области; в 1877–1878 гг. — состоял при штабе главнокомандующего, затем начальник штаба Сводной казачьей дивизией, командир Кавказской казачьей бригады во время второго штурма Плевны (июль 1877 г.); командир левого фланга русских войск во время третьего штурма Плевны (август 1877 г.); командир 16-й пешотной дивизии во время зимнего перехода через Балканы и сражения при Шипке-Шейново (февраль 1878 г.); в 1878–1880 гг. — командир корпуса, в 1880–1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой была завоевана Туркмения 33, 40, 41, 48, 292, 294, 295, 323, 326–328
- Сланичану (Сланичано) Георгий, полковник румынской армии, в 1876 г. — военный министр Румынии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник штаба румынской армии 133, 233, 281, 282, 287
- Соболев Леонид Николаевич (1844–1913), полковник Генерального штаба (1874), впоследствии генерал от инфантерии (1903), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., помощник князя В. А. Черкасского по управлению Болгарией, с ноября 1877 г. — правитель канцелярии заведующего гражданскими делами при главнокомандующем действующей армии, в 1882–1883 гг. — министр-президент и министр внутренних дел Болгарии 373, 374
- Соболевский Василий Львович (1817–1881), генерал-лейтенант; начальник штаба местных войск Варшавского военного округа 107, 109
- Соллогуб Владимир Александрович (1814–1882), граф, писатель; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находился при Главной квартире императора Александра II, в 1878 г. издал «Дневник военных действий» 267
- Солсбери (Салисбюри) Роберт Сесиль (1830–1903), лорд, британский государственный деятель; с 1866 г. — министр по делам Индии, с 1868 г. — член Палаты лор-

- дов, с 1874 г. — министр по делам Индии, в 1876–1878 гг. — английский уполномоченный в Константинополе, в 1878–1880 гг. — министр иностранных дел Великобритании, в 1885, 1886–1892 и 1895–1902 гг. — премьер-министр; депутат Палаты общин от Консервативной партии 156, 158, 159, 161, 163–165, 167, 168, 173, 176, 177, 184, 185, 188, 198, 203, 396, 412, 415, 418, 421, 423, 425, 426, 428, 430, 432, 435, 436, 438, 452, 487
- Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), граф (1902), статс-секретарь (1864), действительный тайный советник (1878); в 1867–1878 гг. — государственный секретарь, в 1878–1889 гг. — государственный контролер, с 1889 г. — председатель Департамента законов Государственного совета, с 1893 г. — председатель Департамента экономии Государственного совета и Комитета финансов, в 1905–1906 гг. — председатель Государственного совета 371, 453
- Сосновский Юлиан Адамович (1842–1895), полковник Генерального штаба (1878); в 1872 г. и в 1874–1875 гг. — глава экспедиций по исследованию торгового пути в Китай, с 1877 г. — начальник штаба 3-й пехотной дивизии, с 1883 г. в отставке 48, 61, 64
- Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), граф; государственный деятель 29
- Стиль, второй муж М. А. Милютинной 364
- Столетов Николай Григорьевич (1833–1912), генерал-майор (1875), впоследствии генерал от инфантерии (1898); в 1863–1866 гг. — начальник Закатальского военного округа, в 1867 г. — правитель канцелярии «военно-народного управления» Туркестанской области, в 1869 г. — начальник Красноводского отряда, в 1872–1877 гг. — последовательно командир 112-го пехотного Уральского полка и 1-й бригады 17-й пехотной дивизии, начальник Болгарского ополчения (с апреля 1877 г.), в 1878–1881 гг. служил в Главном штабе, в 1881–1886 гг. — командир 1-й стрелковой бригады, с 1886 г. — начальник 18-й пехотной дивизии, с 1893 г. — командир 15-го, с 1894 г. — 14-го армейского корпусов; с 1899 г. — член Военного совета 154, 237, 473, 478–480
- Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822–1899), генерал от артиллерии (1883), генерал-адъютант (1878), обер-камергер (1897); с 1857 по 1862 г. — наказной атаман Уральского казачьего войска, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., комендант крепости Никополь, с января 1878 г. — г. Плевно, с августа 1878 г. по 1879 г. — генерал-губернатор Восточной Румелии и Адрианопольского санджака, с 1879 г. — командир 9-го армейского корпуса, с 1886 по 1889 г. — командир Гренадерского корпуса, с 1892 г. заведовал придворной частью в Москве 281–282, 329
- Стратимирович Джордж (1822–1908), офицер сербской армии, участник сербо-турецкой 1876 г. и русско-турецкой 1877–1878 гг. войн 86
- Строганов Григорий Александрович (1824–1878), граф, шталмейстер, с 1853 г. муж великой княгини Марии Николаевны 44, 45, 88
- Струве Амаид Егорович (1835–1898), генерал-лейтенант (1896), военный инженер, предпринима-

- тель, основатель (1863) крупнейшего в России предприятия транспортного машиностроения (с 1872 г. — Акционерное общество Коломенского машиностроительного завода); с 1868 г. служил в Главном инженерном управлении Военного министерства, в 1885–1892 гг. в отставке 34
- Струков Александр Петрович (1840–1911), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — адъютант главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (Старшего), с 1878 по 1881 г. — командир лейб-гвардии Уланского полка, с 1892 г. — командир 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1893 по 1907 г. — инспектор ремонтов кавалерии и бригад кавалерийского запаса 268, 270
- Стуарт (Стюарт) Дмитрий Фёдорович (1838–1902), барон, тайный советник; с 1876 г. — русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте, с 1879 г. — директор Государственного и Петербургского главного архива Министерства иностранных дел 213, 214, 390, 452
- Стюрлер Александр Николаевич (1825–1901), генерал от кавалерии (1883), генерал-адъютант (1875); в 1868–1872 гг. — шталмейстер двора наследника Александра Александровича, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — комендант Главной квартиры наследника Александра Александровича; с 1896 г. — член Государственного совета 236
- Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь Итальянский, граф Рымникский, генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант (1846); в 1856–1860 гг. — рижский, в 1861–1866 гг. — петербургский генерал-губернатор, с 1866 г. — генерал-инспектор всей пехоты; член Государственного совета; внук полководца А. В. Суворова 27, 232, 280, 343, 348, 385
- Сулейман-паша (1838–1892), турецкий генерал, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командующий турецкой армией, действовавшей на балканском театре военных действий 258, 283, 287, 302, 311, 313, 317, 319, 338, 351, 353, 366
- Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820–1877), граф, генерал-адъютант (1866); с 1875 по 1877 г. — командующий войсками Харьковского военного округа 117, 118, 122, 123, 126, 127, 129
- Тевфик-паша Мехмед (1852–1892), сын хедива Измаила-паши, египетский хедив с 1879 г. 390
- Тергукасов Арзас Артемьевич (1819–1881), генерал-лейтенант; в 1877–1878 гг. начальник Эриванского отряда армии, действовавшей на кавказском театре военных действий; с 1879 г. — командующий войсками Закаспийской области; в 1881 г. — 2-го Кавказского армейского корпуса 259, 260, 324
- Териев Заал Шавлиевич (?–1877), флигель-адъютант, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., подполковник 161-го пехотного Александропольского полка 301
- Тимашев Александр Егорович (1818–1893), генерал от кавалерии (1872), генерал-адъютант (1859); в 1867–1868 гг. — министр почт и телеграфов, в 1868–1877 гг. — министр внутренних дел; член Государственного совета 37–39, 43, 47, 50, 51, 56, 71, 72, 94, 155–157, 175,

- 195, 196, 203, 204, 206, 207, 210, 396, 413, 414
- Тимашев Николай Александрович (1849–1877), прапорщик лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригады; сын А. Е. Тимашева 210
- Тира Амалия Каролина (1853–1933), принцесса, дочь датского короля Христиана IX 92, 99
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, действительный тайный советник (1872), гофмейстер (1861), сенатор (1861); в 1865–1880 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода, в 1866–1880 гг. — министр народного просвещения, с мая 1882 г. — министр внутренних дел; с 1882 г. — президент Петербургской АН 207, 396, 490
- Толстой Илларион Николаевич (1832–1904), флигель-адъютант (1862), генерал-лейтенант; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 264, 265
- Торнау, барон, сенатор 408, 409
- Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), граф (1879), инженер-генерал (1869), генерал-адъютант (1855); с 1859 г. — директор Инженерного департамента Военного министерства, в 1863–1877 гг. — товарищ генерал-инспектора по инженерной части (фактический глава военно-инженерного ведомства), в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. руководил осадой Плевны; в апреле 1878 г. — январе 1879 г. — главнокомандующий действующей армией, с 1880 г. — виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа; член Государственного совета 131–134, 140–142, 149, 188, 202, 299, 306–310, 313, 317, 318, 344, 353, 385, 388, 394, 395, 399, 400, 402, 404, 405, 409, 410, 412, 415, 416, 423, 424, 427, 437, 451, 454, 456, 468, 471–476, 478, 479, 481, 491
- Трепов Фёдор Фёдорович (1809–1889), генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1867); в 1860–1861 г. — варшавский обер-полицеймейстер, в 1863–1866 гг. — генерал-полицеймейстер Царства Польского, в 1866–1873 гг. — петербургский обер-полицеймейстер, в 1873–1878 гг. — петербургский градоначальник 71, 72, 375, 376, 413, 414, 462
- Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892), московский купец, общественный деятель, меценат, коллекционер, основатель Третьяковской галереи; в 1876 г. исполнял обязанности старшины московского купечества, с 1877 по 1881 г. — московский городской голова 154, 223
- Трубецкая Елизавета Эсперовна (1830–1907), княгиня, урожденная Белосельская-Белозерская, фрейлинка императрицы Марии Александровны 77, 78
- Тудер Стен-Карл Иванович, флигель-адъютант 442
- Тучков Михаил Павлович (1832–1890), генерал-лейтенант 318
- Тюрберт (?–1877), офицер гвардейской артиллерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 254
- Уайтхед (Whitehead) Роберт (1823–1905), английский инженер, изобретатель торпеды 460
- Убри Павел Петрович (1818–1896), граф, действительный тайный советник (1875), камергер (1859); с 1858 г. — советник посольства в Париже, в 1863–1879 гг. — посол в Берлине, с 1879 по 1882 г. — посол в Австро-Венгрии; с 1882 г. — член Государственного совета 74, 76, 182,

- 184, 186, 202, 232, 239, 419, 427, 428, 431–434, 455, 456, 484
- Умберто I (1844–1900), итальянский наследный принц, король Италии с 1878 г. 87, 88, 91, 379
- Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), князь, действительный тайный советник (1872), статс-секретарь (1862), камергер; с 1864 г. — товарищ обер-прокурора Св. Синода, с 1865 г. — государственный секретарь, в 1867–1881 гг. — главноуправляющий II отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, с 1872 г. — председатель Департамента законов Государственного совета 47, 71, 72, 155, 211, 438
- Ушаков Александр Клеонакович (1803–1877), генерал от инфантерии; в 1867–1877 гг. — председатель Главного военного суда 196
- Уэллслей (Велеслей) Фредерик Артур (1844–1931), полковник, британский военный агент в России 225, 227, 228, 255, 274, 410
- Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883), военный историк, писатель, публицист, генерал-майор; сотрудничал в газете «Московские ведомости», журналах «Весть», «Русский вестник» и «Русский мир» 84, 89, 90, 126, 140, 154, 220, 280, 332
- Фельдман Фёдор Александрович (1835–1902), флигель-адъютант; с 1876 по 1881 г. — русский военный агент в Вене, с 1896 по 1900 г. — директор Императорского Александровского лицея 78
- Философов Владимир Дмитриевич (1820–1894), действительный тайный советник (1881), статс-секретарь (1867); с 1861 по 1881 г. — главный военный прокурор и главный начальник военносудного ведомства; член Государственного совета 408
- Флореску (Флореско) Ион (1819–1893), генерал румынской армии 233
- Фонтоп Николай Антонович, статский советник, первый секретарь русского посольства во Франции, с 1896 по 1902 г. — посланник в Румынии 78
- Форбес Арчибальд (Forbes Archibald) (1838–1900), английский журналист; с 1870 г. — специальный корреспондент английской газеты «Daily-News»; в 1870–1871 г. находился в прусской армии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — при русской армии, в 1878–1880 гг. — на театре афганской войны 285
- Франкини Виктор Антонович (1820–1892), генерал-майор; с 1856 г. — военный агент в Константинополе, с 1870 г. — начальник военного горского управления Кавказского военного округа, в 1877 г. командирован в Персию с особой миссией, в 1878 г. — начальник Карсской области, с 1881 г. в отставке 58, 66
- Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император с 1848 г. 84, 106, 117, 122, 123, 127–132, 139, 143, 144, 162, 169, 172, 202, 282, 335, 339, 340, 357, 358, 363, 366, 374, 375, 391, 395, 482
- Фредерикс Владимир Александрович (1837–1892), барон, шталмейстер; с 1867 г. — чиновник для особых поручений при министре иностранных дел, в 1877 г. сопровождал канцлера А. М. Горчакова в Бухарест, с 1879 г. — директор Департамента личного состава Министерства иностранных дел, с 1884 г. — посланник в Бадене 111, 434
- Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), барон, флигель-адъ-

- ютант (1871), генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900), шталмейстер (1891); с 1875 по 1883 г. — командир лейб-гвардии Конного полка, с 1881 г. — командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1893 г. — помощник министра императорского двора и уделов, с 1898 по 1917 г. — министр императорского двора и уделов; член Государственного совета 63
- Фредерикс Лев Александрович** (1839–1914), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1863 по 1876 г. — адъютант военного министра Д. А. Милютина, с 1876 по 1899 г. — военный агент в Париже 77
- Фредерикс Платон Александрович** (1828–1888), барон, генерал-адъютант, генерал-лейтенант; в 1873–1879 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири 56
- Фрезе Александр Александрович** (1840–1918), генерал от инфантерии (1903); в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — помощник штаб-офицера над вожатыми в действующей армии, затем штаб-офицер для поручений при начальнике полевого штаба, в 1879 г. — исполняющий должность начальника штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, в 1880 г. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, в 1880–1887 г. — командир лейб-гвардии Егерского полка, с 1891 по 1895 г. — эриванский губернатор, с 1895 по 1896 г. — виленский губернатор, с 1896 по 1904 г. — помощник главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, с 1904 по 1905 г. — виленский генерал-губернатор 318
- Фридрих-Вильгельм** (1831–1888), кронпринц прусский, сын Вильгельма I, с 9 марта по 15 мая 1888 г. император германский Фридрих III 430, 451
- Фридрих-Вильгельм-Карл** (1819–1904), великий герцог Мекленбург-Стрелицкий с 1860 г. 37
- Фридрих-Франц II** (1823–1883), великий герцог Мекленбург-Шверинский 37, 38, 40
- Фридрих-Франц III** (1851–1897), великий герцог Мекленбург-Шверинский с 1883 г., муж великой княгини Анастасии Михайловны с 1879 г. 473
- Фриш Эдуард Васильевич** (1833–1907), сенатор, действительный тайный советник (1883); с 1876 по 1883 г. — товарищ министра юстиции; член Государственного совета 408
- Фуад-паша Мехмед** (1840 –?), турецкий генерал, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 437
- Фулат-бек**, хан кокандский в 1876 г. 41
- Фуллон Иван Александрович**, флигель-адъютант, полковник 470
- Ховен, фон-дер**, капитан 169
- Хорватович Джура** (1835–1895), офицер сербской армии, участник сербо-турецкой 1876 г. и русско-турецкой войн 1877–1878 гг., командир Тимокского, а затем Моравского военных корпусов 241
- Хорен де Нарбей**, армянский архиепископ 403
- Христиан IX** (1818–1906), датский король с 1863 г. 92, 99, 101
- Цертелев Алексей Николаевич** (1848–1883), князь; второй секретарь русского посольства в Константинополе, с мая 1876 г. — управляющий консульствами в Адрианополе и Филлипополе,

- во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. поступил на военную службу, ординарец М. Д. Скобелева, затем И. В. Гурко 111, 476
- Циммерман Аполлон Эрнестович** (1825–1884), генерал-лейтенант; в 1877–1878 гг. — командир 14-го армейского корпуса; член Военного совета 243, 245–247, 268, 271, 282, 283, 332
- Цюлов, адъютант великого герцога Мекленбург-Шверинского 40**
- Черевин Пётр Александрович** (1837–1896), генерал-лейтенант (1882), генерал-адъютант (1882); с 1876 по 1880 г. — командир Собственного Е. И. В. конвоя, с 1880 по 1883 г. — товарищ министра внутренних дел 463, 465
- Черкасский Владимир Александрович** (1824–1878), князь; общественный деятель, близкий к славянофилам; в 1864–1866 гг. — главный директор Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, в 1869–1870 гг. — московский городской голова, в 1872–1874 гг. — председатель правления Московского земельного банка, в 1877–1878 гг. — заведующий гражданской частью в Болгарии 93, 152, 153, 155–158, 160, 161, 177, 239, 354, 355, 384, 433
- Чернышев Павел Феокистович** (1854–1876), организатор революционных кружков молодежи, студент Медико-хирургической академии, исключен в 1874 г. за участие в революционном движении 71
- Черняев Михаил Григорьевич** (1828–1898), генерал-лейтенант (1882); в 1864–1865 гг. — командир особого Западного отряда в Средней Азии, в 1865–1866 гг. — военный губернатор Туркестанской области, в 1859 г. командирован на Кавказ, в 1866–1867, 1875–1877, 1880–1881, 1886–1890 гг. — в отставке, с 1867 г. — в Генеральном штабе, в 1875–1876 гг. — редактор-издатель журнала «Русский мир», в 1876 г. — командующий Главной сербской армией, в 1882–1884 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа; член Военного совета 82, 84, 86, 87, 105, 106, 117, 140, 146, 149, 150, 159, 162, 168, 220
- Чертков Михаил Иванович** (1829–1905), генерал от кавалерии (1883), генерал-адъютант (1869); в 1861 г. — воронежский военный губернатор, с 1864 по 1866 г. — волынский военный губернатор, в 1868–1873 гг. — наказной атаман Донского казачьего войска, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял при Е. И. В. на театре военных действий, в 1879–1881 гг. — киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа, с 1901 по 1905 г. — варшавский генерал-губернатор; с 1881 г. — член Государственного совета 213, 304, 305, 350
- Чингис-хан Джангер, флигель-адъютант, с 1878 г. генерал-майор 294**
- Чичерин Александр Константинович** (1849–1888), гвардии штабс-капитан, в 1878 г. — адъютант Д. А. Милютина 465
- Шакир-паша, турецкий генерал, с 1879 г. по 1881 г. — посол Турции в России 415, 437**
- Шамиль** (1799–1871), сын аварского узденя; с 1834 г. — имам Чечни и Дагестана, возглавивший борьбу горцев Кавказа против России

- под знаменем мюридизма, в 1859 г. пленен и сослан в Калугу, умер в Медине 95
- Шамиль-Оглы Ахмед Шафи, второй сын имама Шамиля, штаб-ротмистр императорского конвоя 95
- Шаховский Алексей Иванович (1821–1900), князь, генерал-лейтенант, флигель-адъютант; в 1877–1878 гг. — командир 11-го армейского корпуса 263, 265, 268, 276, 293, 302, 338
- Швейниц Ганс-Лотарь (1822–1901), прусский генерал, с 1871 по 1876 г. — германский посол в Австрии, с 1876 по 1893 г. — в России 53, 54, 103, 147, 148, 165, 184, 186, 196, 370, 389, 404
- Шелковников Бегбут Мартиросович (1837–1878), полковник, с 1865 г. — начальник Закатальского округа, с 1875 г. — исполняющий должность начальника штаба Черноморского округа; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 231
- Шепелев Александр Александрович (1841–1887), флигель-адъютант, полковник Генерального штаба; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., губернатор Филиппополя, делегат России на международной конференции по устройству Восточной Румелии 476
- Шериваль-Валлен Эмилий Карлович (1806–1890), барон, тайный советник; с 1857 г. — товарищ министра-статс-секретаря Великого княжества Финляндского, с 1875 по 1881 г. — министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского 91
- Шильдер Николай Карлович (1842–1902), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1879 по 1885 г. — директор гатчинского Николаевского сиротского инсти-
- тута, с 1886 г. — директор Николаевского инженерного училища, с 1899 г. — директор Императорской Публичной библиотеки; историк, автор ряда трудов по истории России 131, 132
- Шильдер-Шульднер Юрий Иванович (1816–1878), генерал-лейтенант; с 1863 г. — командир лейб-гвардии Гренадерского полка, с 1872 г. — начальник 5-й пехотной дивизии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 268
- Шир-Али-хан (1825–1879), сын Дост-Мохаммеда, эмир афганский с 1869 г. 473, 475, 479, 489, 490
- Шишкин Николай Павлович (1830–1902), действительный тайный советник (1902), статс-секретарь (1896); с 1861 г. — консул в Адрианополе, с 1863 г. — генеральный консул в Белграде, с 1875 по 1880 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Северо-Американских Соединенных Штатах, с 1880 г. — посланник в Греции, с 1884 г. — посланник в Швеции и Норвегии, с 1891 г. — товарищ министра иностранных дел, в 1892–1893 и 1896–1897 гг. — временно управляющий Министерством иностранных дел; с 1897 г. — член Государственного совета 166
- Шлиттер Николай Петрович (1833–1877), флигель-адъютант, полковник; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир 17-го пехотного Архангелогородского полка 301
- Шодорди (Шотарди; Chotardy) (1826–1889), граф, французский политический деятель; представитель Франции на Константинопольской конференции 1876 г. 156, 167
- Штубендорф Отто Эдуардович (1837–1919), генерал; профессор гео-

- дезии Николаевской академии Генерального штаба; с 1877 г. — член Военно-учебного комитета; с 1897 по 1903 г. — начальник военно-топографического отдела Главного штаба 73
- Штюмер Л. Л., товарищ Д. А. Милютина по выпуску из Военной академии 32
- Шувалов Андрей Павлович, (1816–1876), граф; с 1872 по 1876 г. — петербургский предводитель дворянства 34
- Шувалов Пётр Андреевич (1827–1889), граф, генерал от кавалерии (1872), генерал-адъютант (1866); в 1857–1860 гг. — петербургский обер-полицмейстер, с 1860 г. — директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, в 1864–1866 гг. — рижский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1866–1874 гг. — шеф Корпуса жандармов и главноуправляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1874–1879 гг. — посол в Лондоне; член Государственного совета 44, 58, 63, 64, 76, 86, 131, 176, 177, 184, 187, 188, 197, 198, 203–205, 208, 211, 228–232, 237–240, 244, 248, 326, 352, 355, 364, 366, 369, 380, 397, 412, 415–428, 430–439, 441–446, 451, 452, 455–457, 478–480, 482, 484, 487, 489
- Щелоков Василий Алексеевич (1809–1892), генерал-майор, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — военно-походный начальник управления телеграфов 262
- Эдем (Эдгем) — паша (1813–1893), в 1876 г. турецкий посол в Берлине, в 1877–1878 гг. — великий визирь 187, 188
- Эллиот Генри (1817–?), лорд, с 1867 по 1877 г. — британский посол в Турции, с 1878 по 1884 г. — в Австрии 116, 127, 132, 145, 147, 159, 170, 173, 175, 176
- Энгельгардт, офицер резервного батальона 413, 414
- Янышев Иван (Иоанн) Леонтьевич (1826–1910), магистр богословия, протопресвитер, протоиерей церкви Зимнего дворца и московского Благовещенского собора, духовник царской семьи 66
- Яфимович Владимир Матвеевич (1809–1888), генерал от артиллерии, генерал-адъютант; с 1855 г. — инспектор пороховых заводов; с 1877 г. — член Александровского комитета о раненых 195
- Якуб-хан (1849–?), сын Шир-Али-хана, эмир Афганистана с 1879 г. 489
- Buon-Retiro**, см. *Бон-Ретиро*
Bourgoing, см. *Бургоэн* Ж. Ф. В.
- Cairoli**, см. *Кайроли* Б.
Chotardy, см. *Шодорди* (Шотарди)
- De Launay**, см. *Де-Лонэ* Э.
- Gaillard**, см. *Гальяр*
Gambetta, см. *Гамбетта* Л. М.
- Le-Flo**, см. *Лефло* А. Ш. Э.
Lignitz, см. *Лигниц*
- Mac-Adaras**, см. *Мак-Адарас*
Moulin, см. *Мулен*
- Rossetti**, см. *Розетта*
- Werder**, см. *Вердер* Б. Ф.
Whitehead, см. *Уайтхед* Р.
Wolff, sir Henry Drummond, см. *Вольф*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абхазия 231
- Австрия 8, 49, 50, 63, 69, 84, 90, 103, 104, 110, 113, 114, 117, 118, 125, 128, 129, 138, 139, 144, 146, 148, 155, 160–162, 164, 165, 169, 185, 188, 199, 221, 222, 248, 332, 358, 366, 373, 375, 377, 381, 383, 385, 386, 391, 394, 402, 411, 412, 414, 416, 422, 439, 442–445, 457, 470, 477
- Австро-Венгрия 9–11, 15, 17, 84, 129, 144, 162, 172, 184, 185, 197, 199, 248, 384, 391, 442, 482, 485
- Адан (Адана), г. 403
- Аджария 219, 464
- Адлер 231
- Адрианополь, ныне г. Эдирне (Турция) 240, 346, 352, 353, 363, 366, 368, 370, 372, 373, 375, 378, 380, 404, 409, 416, 476
- Адриатическое море 84
- Азиатская Россия 55; см. также *Россия*
- Азиатская Турция 66, 94, 119, 123, 138, 214, 228, 236, 240, 253, 327, 415; см. также *Турция*
- Азия 33, 355, 390, 478; см. также *Малая Азия*, *Средняя Азия*
- Акчаир, г. 283, 302
- Аладжа, гора 14, 315
- Алашкертская долина 390, 471
- Албания 474
- Александретский залив 403
- Александрополь, крепость, ныне г. Гюмри (Армения) 94, 95, 209
- Алексинац, г. 105, 108, 146, 333
- Алупка, г. 137
- Алута (Ольта, Олт), левый приток р. Дунай 248, 250
- Америка, см. *Соединенные Штаты*
- Амударья, р., см. *Оксус*
- Амурская область 56
- Англия (Великобритания) 10, 15, 17, 63, 64, 69, 73, 76, 80, 82, 85, 88, 96, 100, 103, 110, 113, 116, 124, 125, 128, 129, 131, 138, 139, 141, 144, 151, 155–158, 166, 168, 177, 188, 191, 198, 202, 203, 208, 216, 222, 223, 225, 226, 228, 229, 231, 232, 239, 240, 244, 327, 330, 332, 351, 353, 355, 359, 363, 364, 369, 370, 373, 377–381, 383–386, 388, 389, 391, 392, 394, 397–399, 403, 405–409, 412, 414–419, 422, 424, 427, 428, 430, 432, 435, 444–446, 448–450, 455, 457, 469–472, 473, 475, 478, 479, 485
- Андижан (Андижон), г. 33
- Аптивари, порт, ныне г. Бар (Черногория) 422, 443, 445
- Араб-Конак 338, 340, 352
- Ардаган (Ардахан), г. 228, 230, 231, 237
- Арзерум, см. *Эрзерум*
- Артвин, г., 447
- Архипелаг, см. *Греческий архипелаг*
- Астрабад, ныне Горган (Иран), г. 491
- Астраханская губерния 490
- Астрахань, г. 490
- Атрек, р. 457, 491
- Афганистан (Авганистан) 408, 473, 478, 479, 489
- Афины, г. 159–160, 185, 473
- Ахульго, аул 343
- Бабадаг 247
- Бабадагская область 181, 247, 268
- Баден, г. 380, 384
- Балаклава 115

- Балканский полуостров 10, 42, 58, 70, 74, 80, 83, 92, 94, 95, 103, 128, 177, 198, 204, 329, 371, 411, 412, 442, 444, 450, 472
- Балканы 5, 8, 14, 240, 244, 248, 256, 257, 258, 262, 265, 268, 277, 283, 290, 324, 325, 337, 338, 340, 341, 351, 352, 353, 356, 358, 373, 404, 405, 418, 433, 441, 442, 474, 476, 480, 482
- Балтийское море 97, 226
- Барбошская, ж.-д. станция 234
- Батин 333, 350
- Батум (Батуми), г. 11, 374, 409, 416, 420, 423, 447, 448, 450, 452, 454, 457, 460, 463, 464, 466, 468, 469, 471
- Батумский порт 84, 446, 447
- Бахмутский уезд Екатеринославской губернии 50
- Башкичет 94
- Баязет (Баязит), г. 259
- Баязитская долина 390, 447
- Баязетский санджак 382
- Бебров (Беброво), г. 283, 338
- Безикская бухта 80, 85, 118, 399, 405
- Бела, селение 265, 266, 270, 271, 275–277, 279, 280, 293, 313, 315
- Белград, г. 51, 101, 146, 160, 165, 221
- Беляны, г. 109
- Бендерский уезд Бессарабской губернии 215
- Бендеры, г. 221, 245
- Берковицы, г. 333, 336, 337, 341
- Берлин, г. 59, 63, 64, 69, 74, 76–79, 103, 109, 134, 138, 148, 155, 156, 159, 177, 187, 190, 196–199, 202, 208, 222, 239, 314, 315, 334, 340, 351, 369, 372, 379, 381, 382, 384–386, 389, 399, 403, 406–408, 411, 412, 415, 416, 420, 425–428, 433, 434, 435, 437, 440, 444–448, 450, 451, 452, 453, 456, 480
- Бессарабия 11, 84, 177, 211, 244, 329, 358, 373, 383, 390, 443, 445, 446, 452, 477
- Билеч (Билеча), г. 92
- Бирзула 212, 213, 219
- Бирмания (Бирма) 102
- Благовещенск, г. 55, 56
- Богот 291, 319, 320, 323, 324, 326, 327, 335, 338, 341, 346, 354
- Болгария 70, 74, 79, 82, 111, 116, 117, 125, 128, 131, 140, 144, 148, 151, 154, 161, 163, 165–167, 181, 229, 238–240, 244, 354, 380, 411, 412, 415, 418, 419, 421, 422, 424, 433, 436, 437, 440–442, 456, 468, 474, 476, 479, 482, 484, 485, 489, 491; см. также *Забалканская Болгария*, *Придунайская Болгария*
- Босния 49, 69, 70, 73, 75, 82, 117, 125, 128, 144, 162, 163, 183, 185, 199, 200, 358, 384, 391, 422, 442, 445, 447, 460, 477
- Босфор, пролив 116, 117, 125, 141, 186, 189, 347, 377–379, 383, 385, 387–390, 393, 394, 399, 400, 402, 404, 405, 409
- Браилов (Брэила), г. 181, 214, 234, 237, 240, 243–247
- Брест (морской порт во Франции) 236
- Брест (Брест-Литовск), г. 109, 446
- Брестовец 337, 348–350
- Буг, р. 118
- Булгарени (Болгарене), г. 275, 276, 299, 300
- Бургас, г. 116, 475
- Бухарест, г. 158, 160, 213, 214, 217, 220, 234–237, 243, 247, 248, 289, 313, 315, 320, 326, 335, 339, 347, 350, 364, 368, 371, 373, 390, 452, 471, 483
- Буюк-Дерэ 79
- Варна, г. 116, 409, 416, 420, 423, 425, 426, 430–432, 437, 440, 446, 451, 452, 454, 456, 457, 459
- Варцин, г. 110
- Варшава, г. 101, 102, 106, 109–111, 168, 233, 424
- Вашингтон, г. 166
- Великобритания, см. *Англия*
- Вена, г. 34, 49, 51, 53, 58, 75, 78, 114, 118, 122, 123, 133, 134, 139, 141, 146, 148, 155, 158–160, 164, 169,

- 199, 202, 222, 271, 306, 340, 351,
372–374, 376–378, 391–393, 397,
402, 411, 412, 414–416, 420, 427,
433, 480, 482
- Венгрия 82, 84
- Вербица 322
- Ветлянская, станица 490
- Вида (Вит), р., правый приток р. Ду-
най 292, 302, 306, 309–311, 313,
317, 318, 321–326, 338, 341, 344,
345, 347
- Видин, г. 329, 334, 341
- Вильна, ныне Вильнюс (Литва), г.
159, 350, 466
- Владивосток, г. 56
- Волочиск (Волочинск), г. 78
- Ворожба, ж.-д. станция (Курско-
Киевская железная дорога) 48
- Воронежская губерния 350
- Восточный океан (Тихий океан) 55,
226
- Врацы 325, 336
- Габров (Габрово), г. 284, 285
- Галац, г. 181, 214, 217, 234, 237, 243–
247, 268
- Галиция 106
- Галлиполийский полуостров (Гал-
липоли) 363, 369, 379
- Гатчина 101, 350
- Герат, г. 408, 491
- Германия 8–11, 63, 76, 90, 104, 108,
110, 113, 125, 128, 138, 141, 148,
150, 164, 165, 182, 184, 186, 188,
199, 202, 222, 223, 315, 330, 377,
379, 412, 446
- Герцеговина 49, 58, 69, 70, 73, 75, 82,
86, 128, 162, 163, 183, 185, 199,
200, 258, 358, 384, 391, 422, 442,
445, 447, 477
- Гривань, ж.-д. станция 81
- Горней Дубняк (Горни-Дыбник), се-
ление 318–320, 323
- Горней Нетрополь, г. 321
- Горней Студень, селение 278, 279,
280, 290, 300, 301, 305
- Греция 42, 84, 223, 280, 470
- Греческий архипелаг (Архипелаг)
186, 85, 397, 449, 450
- Гривица, селение 292, 294
- Гуниб, аул 343
- Гучен (Гучэн), г. 49
- Дагестан, см. *Южный Дагестан*
- Дарданеллы, пролив 85, 223, 347, 363,
369, 387–388, 397, 399, 403 450
- Дармштадт, г. 201
- Деве-Бойна 330
- Дерожни, ж.-д. станция 466
- Динабург, ныне Даугавпилс (Лат-
вия), г. 350
- Днепр, р. 216
- Добруджа, историческая область
между нижним течением р. Ду-
най и побережьем Черного моря
268, 282, 390, 446, 477, 481, 483–
485
- Дольней Дубняк, г. 322, 323
- Дольней Нетрополь, г. 321
- Домброва, г. 402
- Драча, селение 247, 249–251
- Друскениские воды 244
- Дульчино 443
- Дунай, р. 84, 116, 156, 157, 181, 185,
226, 229, 231, 234, 237, 240, 241,
246–250, 252–258, 260, 262, 268,
270, 277, 283, 287, 289, 292, 306,
308, 311, 329, 332–334, 350, 352,
380, 442, 474, 481, 485
- Дунайские княжества 74
- Евпатория, г. 78, 480
- Европа 8, 15, 44, 52, 54, 69, 74, 76, 78,
80, 82, 84, 91, 98, 103, 136, 153,
155, 156, 164, 166, 167, 170, 171,
173, 175, 177, 182–187, 189, 192,
195, 197, 204, 210, 216, 222, 314,
355, 368–372, 374, 375, 378, 383,
386, 387, 389, 395, 397, 398, 415,
428, 441, 442, 445, 446, 452, 455,
477, 478, 489
- Европейская Турция 114, 123, 129,
132, 134, 138, 218, 272, 367, 445,
454, 468, 469; см. также *Турция*
- Египет 223
- Елена, г. 338, 340, 341, 347
- Епи-Загра, г. 324

- Жмеринка**, г. 212, 213
Журжево (Джурджу), г. 243
- Забалканская Болгария** 238, 468; см. также *Болгария*
Закавказье 84, 119, 211
Закаспийский край 58, 66, 491
Закатальский округ Тифлисской губернии 333
Западная Сибирь 49; см. также *Сибирь*
Зеленадрева, г. 288
Зимница (Зимнича), г. 249–253, 257, 260, 267, 308, 346, 350, 442
Златорица (Златарица), г. 338, 341
Золотой Рог (бухта в проливе Босфор) 176
- Ивангород**, г. 402
Ивановец, г. 265
Измаил, г. 181, 219
Индия (Ост-Индия) 44, 408, 435, 457
Ирландия 435
Исакча, г. 247
Искер (Искыр), р., правый приток р. Дунай 325, 352
Италия 52, 110, 113, 128, 139, 141, 450
- Кабул**, г. 478, 489, 490
Кавказ 9, 14, 31–33, 114, 119, 220, 228, 229, 231, 254, 259, 270, 309, 310, 315, 317, 326, 350, 374, 398
Кавказский хребет 232
Кадикля (Кадикюя) 291
Казанлык, г. 265, 277, 346, 363, 366, 368, 370
Казатин 332
Калараш 289, 308
Карабулак 94, 95
Каратегенские (Каратагенские) горы 41
Карс, г. 230, 231, 258, 315, 324, 330–334
Кашгар, г. 59
Керчь, г. 115–117, 124, 139
Киверцы, ж.-д. станция 466
Киев, г. 81, 220, 222, 224, 304, 305, 368, 459
- Киевская губерния** 81
Кипр, о. 449, 450
Киссинген, г. 445
Китай 48, 49, 52, 59, 364
Кишинев, г. 168, 173, 209, 211–216, 219–221, 233, 241
Кобург, г. 434, 480
Кобулет, г. 209
Кодор, р. 231
Кокан (Коканд) 22, 33, 34, 40–42
Коканское (Кокандское) ханство 9, 32, 33, 37, 41, 48
Колошка, м. 402
Константинополь, г. 11, 15, 49, 51, 58, 64, 74, 77, 79, 80, 82, 84, 87, 89, 92, 111, 114, 116, 122, 126–128, 132, 133, 135–146, 149, 151, 152, 156–159, 161, 163–165, 167–170, 174–177, 182, 184–189, 197, 200, 202, 204, 208, 209, 216, 219, 222, 223, 229, 236, 240, 326, 327, 351, 353, 355, 358, 363, 368, 369, 370, 373, 374, 377–381, 383, 384, 399, 401–403, 405, 410, 411, 413–415, 420, 423, 425, 426, 427, 430, 432, 434, 435, 437, 440, 444, 446, 447, 454, 456, 457, 459, 466, 468, 473, 475–477, 479, 483, 487, 489
- Корабия**, г. 289
Корфу (о. Керкира) 223
Котур, г. 390
Краков, г. 78
Красноводск, г. 58
Красное Село 8, 88, 91–93, 95, 99, 101, 278, 447, 454
Кронштадт, г. 124, 226, 312, 456, 457, 460
Крым 11, 74, 77, 81, 93, 94, 102, 111, 131, 147–149, 164, 175, 216, 229, 255, 457, 460, 463, 467, 481, 485
Кубанская область 231
Кубея 217
Кюстенжи, ныне Констанца (Румыния), г. 271, 282
- Лазистан**, область 460
Лан-Чеу (Ланьчжоу), г. 48
Ласкар 311

- Ливадия 5, 13, 16, 109, 111, 112, 116, 118, 122, 125, 129–131, 133, 134, 138–140, 145–147, 149–151, 158, 161, 186, 232, 457, 460, 466–471, 473, 475–478, 481, 485
- Липница 308
- Ловча (Ловеч), г. 265, 284, 286, 289, 291, 468
- Лодзь, г. 402
- Лом, р., правый приток р. Дунай 265, 267, 268, 278, 279, 291, 292, 293, 302, 310, 311, 317, 318, 320, 333, 345, 346, 351, 352
- Лом-Паланка 329, 334, 336, 337
- Лондон, г. 39, 44, 58, 63, 64, 86, 88, 118, 123, 125–127, 131, 133, 134, 138, 152, 161–163, 167, 168, 176, 188, 190, 196–198, 202, 204, 208, 209, 228, 229, 231, 239, 244, 274, 326, 355, 366, 369, 374, 379, 380, 381, 384, 389, 393, 401, 406, 407, 412, 414, 415, 416, 418–422, 425, 427, 430, 433, 435, 436, 438, 439, 473, 478, 479, 487
- Луцк, г. 466
- Львов, г. 78
- Македония 84, 424, 474, 477, 479
- Малая Азия 316, 403, 471
- Малая Валахия 311
- Мангалия, г. 271
- Мариупольский уезд Екатеринославской губернии 50
- Мачин (Матчин, Мэчин), г. 234, 246, 247
- Медован, деревня 323
- Меймане 491
- Мемельский порт 414
- Мерв, г. 58, 66
- Мерефа, ж.-д. станция (Азовская железная дорога) 48
- Мечка 336, 337
- Митилена (о. Лесбос) 397
- Митровица (Сремска-Митровица), г. 358, 402, 412, 442, 443, 445, 477
- Москва 16, 55, 66, 81, 88, 91, 93, 122, 125, 146, 147, 151, 155, 217, 220, 222–224, 368, 390, 458, 481, 485, 486
- Мостар, г. 86
- Мраморное море 379, 380, 399, 401, 407, 410, 466, 467, 471
- Мшатка, имение в Таврической губернии 80, 94
- Неаполь, г. 444
- Николаев, г. 115, 117, 118, 133, 463, 464, 467, 471
- Никополь (Никопол), город в Болгарии 248, 249, 260, 262, 263, 264, 268, 281, 287, 289, 329, 347
- Никшич 77
- Ницца, г. 46, 47, 77
- Ниш, г. 82, 351
- Новачин (Новач, Новачене) 302, 336
- Новогеоргиевск, крепость в Варшавской губернии 106, 108
- Новый-Базар, г. 477
- Обертник, г. 266, 270, 275, 276, 277
- Одесса, г. 78–82, 109, 111, 118, 122, 127, 131, 133, 139, 140, 143, 148, 149, 156, 168, 175, 186, 211, 215, 216, 220–222, 224, 241, 268, 366, 368, 459, 460, 462, 463, 466, 467, 471, 480
- Окус, древнее название р. Амударья 41
- Олт, р., см. *Алута*
- Ольгин остров (Петергоф) 97
- Ольтеница 248, 249
- Орианда 112, 113, 118, 138, 475
- Орхания 320, 324, 325, 328, 333, 335–337, 415
- Осиков 325, 333
- Осман-Базар, г. 265, 271, 280, 293
- Очаков, г. 115, 117, 118, 124, 139, 156
- Павло, селение 260, 262–265, 315, 317
- Панклое (Папкиое), селение 280
- Париж, г. 59, 77, 78, 91, 151, 156, 190, 198, 21, 222, 419, 433, 439, 444
- Пелишат 320
- Персидский залив 229

- Персия 211, 390
- Петербург, г. 9, 15, 34, 46, 51, 53, 54, 64, 72, 77–81, 85, 86, 88, 91, 97, 103, 105, 111, 114, 124, 138, 139, 141, 146, 147, 153, 154, 161, 164, 167, 189, 197, 198, 205, 207, 209, 211, 213, 215, 216, 220–224, 233, 236–238, 242, 247, 256, 269, 270, 275, 301, 302, 308, 311, 313, 315, 337, 346, 349–351, 354, 383, 386, 388, 410, 413, 415, 420, 421, 427–429, 431, 433–438, 440, 444, 448, 449, 452, 454, 459, 461, 463, 464, 469, 40, 481, 483, 485, 486, 489, 490
- Петергоф, г. 81, 85–88, 91, 92, 93, 97
- Петрошаны 333
- Пешт (Будапешт), г. 480
- Пиатра, г. 251, 252
- Пиргос, г. 292, 333, 345
- Плевна (Плевен), г. 13, 14, 268–271, 274–278, 279, 280, 286–294, 296–302, 306–310, 313, 315, 317–328, 332–334, 337, 339–345, 347, 348, 356, 390, 487
- Плоешти, г. 232–234, 236–239, 241, 247, 248
- Подгорица, г. 101, 477, 481, 484, 491
- Порадим, г. 289, 291, 293, 311, 318, 319, 320–323, 328, 343–345, 348, 357
- Порта, см. *Турция*
- Правец 335, 336
- Прибалтийский край 37, 59
- Придунайская Болгария 238; см. также *Болгария*
- Приморская область 56
- Проход Св. Николая (перевал через Балканский хребет) 262, 419
- Пруссия 76
- Прут, р. 185, 214, 215, 452
- Рагуза, ныне Дубровник (Хорватия), г. 77, 161, 162
- Раденица 291–294, 297, 299
- Радишев 321, 328, 340
- Радом, г. 433
- Радосто 423
- Разград, г. 270, 274, 280
- Рахов, г. 306, 324, 329, 333, 336
- Рейхенберг (Рейхштадт), замок 83, 185, 358, 394
- Рибен 318, 322
- Рим, г. 159, 222, 379
- Родопские горы 468
- Россия 7–12, 15–17, 41, 42, 52, 53, 59, 63, 64, 76, 79, 80, 82–84, 86, 88–90, 98–100, 102, 103, 110, 113, 114, 128, 130, 131, 134–136, 138, 144, 146, 148, 150, 153, 155, 156, 158, 159, 162, 163, 165–168, 170, 173, 177, 178, 182–189, 192, 193, 195–197, 199, 202, 203, 205, 207, 208, 210, 216, 220, 223, 225–228, 236, 244, 148, 264, 267, 282, 310, 311, 313, 329, 339, 353, 355, 364, 369, 373, 376–378, 380, 381, 384, 387, 390, 393, 395, 397, 398, 401, 403, 405, 410, 413, 419, 422, 424, 427, 428, 430, 433, 435, 440–442, 444–446, 448–450, 453, 454, 456–458, 472–474, 478, 489
- Ростов-на-Дону, г. 50
- Ростовский уезд Екатеринославской губернии 50
- Румелия, историческая область 353, 441, 456, 468, 476, 477, 482, 491
- Румыния 17, 50, 84, 85, 87, 133, 136, 146, 148, 155, 158–163, 172, 174, 181, 184, 212, 214, 217, 220, 221, 225, 235, 236, 281, 287, 306, 328, 329, 350, 355, 373, 383, 400, 446, 452, 477, 481, 483, 484
- Руцук, г. 249, 257, 267, 268, 270, 271, 278, 291, 308, 311, 315, 333, 424
- Салоники, г. 77, 154
- Сан-Стефано, г. 15, 381, 383–385, 409, 410, 466, 490
- Сан-Франциско, г. 226
- Сгалевица, селение 320, 322
- Севастополь, г. 15, 51, 78, 115, 117, 118, 124, 131, 133, 139, 140, 143, 145, 151, 156, 308, 366, 368, 373, 466, 467, 469, 470, 471, 473, 475, 480, 485
- Северо-Американские Соединенные Штаты, см. *Соединенные Штаты*

- Сельви, г. 265, 283, 284, 287, 288, 358
 Семипалатинская область 48
 Сербия 8, 50, 51, 69, 73, 74, 80, 82, 84, 93, 95, 101, 117, 122, 123, 125, 126, 130, 138, 140, 146, 149, 158, 159, 162, 164–169, 173, 176, 186, 197, 200, 210, 221, 225, 233, 241, 280, 477; см. также *Старая Сербия*
 Серет, г. 214, 234
 Сибирь 52, 55; см. также *Западная Сибирь*
 Силистрия (Силистра), г. 271, 289, 306, 308, 424, 481
 Сименс (Симеиз) 22, 79, 80, 112, 118, 122, 131, 137, 140, 147, 149, 467–471, 473, 475, 476, 478, 480–482, 485
 Симферополь, г. 480
 Сиржалн 257
 Систово, г. 248, 249, 250, 252–254, 260, 262, 263, 311–313, 320
 Слатина 240, 243, 247, 248
 Скерневицы (Скернивицы) 106, 108, 429
 Славяносербский уезд Екатеринославской губернии 50
 Сосединенные Штаты (Северо-Американские Соединенные Штаты, Америка) 166, 226, 236, 457, 459
 Софийская равнина 352
 София, г. 292, 293, 324, 333, 340, 346, 352, 353, 477
 Соче (Сочи), р. 231
 Спицы 443
 Средиземное море 142, 223, 225, 226, 398
 Средняя Азия 5, 9, 10, 11, 473, 478
 Старая Сербия 332, 358, 402, 412, 442, 443, 445
 Стригла 337
 Сулин (Сулина), г. 311, 32, 333
 Сулинское устье (на р. Дунай) 241, 311, 332
 Сумбар, р. 491
 Сумы, г. 48
 Сухум, г. 228, 229
 Суэцкий канал 229
 Тавр, горы 403
 Таганрог, г. 50
 Ташкент, г. 33, 473, 489, 491
 Ташкисен 352, 490
 Тегеран, г. 211, 491
 Телиш, селение 318–322
 Тетевень, г. 324
 Тимок, р., правый приток р. Дунай 99, 333
 Тирасполь, г. 212, 213
 Тифлис, ныне Тбилиси (Грузия), г. 209, 211, 215, 217, 473
 Тихий океан, см. *Восточный океан*
 Триест, г. 186
 Тростеник 336, 337
 Троянов вал (Траяновы валы), оборонительные валы начала н. э. в Поднестровье и низовьях р. Дунай 268
 Тульча (Тулча), г. 247
 Туркестанский край 33
 Турну (Турну-Мэгуреле), г. 248
 Турция (Турецкая империя, Порта, Оттоманская империя) 7–11, 13, 15, 17, 43, 44, 49, 50, 58, 63, 64, 70, 73, 74, 76, 77, 80, 82, 84, 87, 90, 96, 103, 110, 113, 114, 116, 117, 119, 125, 127, 129–133, 135–137, 139, 144, 146–148, 151, 155, 156, 159, 164–170, 173, 176–178, 182, 184, 187–189, 192, 195, 197–205, 208–213, 216, 219, 222, 223, 225, 228, 229, 239, 240, 244, 248, 258, 312, 313, 315, 326, 327, 329, 330, 334, 340, 346, 351–353, 355–358, 364, 366, 369, 371–373, 375, 377, 380, 381, 387, 389–391, 398, 399, 405, 409, 432, 433, 436, 440–443, 445, 449, 450, 455, 457, 460, 463, 464, 469–475, 477, 480, 481, 483–485, 489–491; см. также *Азиатская Турция, Европейская Турция*
 Тученица, деревня 321
 Тырново (Тырново), ныне Велико-Тырново (Болгария), г. 256, 257, 259–262, 265, 268–271, 275, 283, 286, 293, 302, 338, 341

- Унгени, (Унгены, Унгень), г. 212, 214, 215, 233
Усть-Ижора 101
- Фергана** 41
Ферганская область 41, 48
Фессалия 84, 280
Филиппополь, ныне Пловдив (Болгария), г. 340, 366, 476, 489
Финляндия 35, 86, 91
Франция 69, 78, 104, 110, 113, 128, 141, 157, 197, 199, 377, 450, 459, 477
Фратешти 346
Фридрихсруэ, имение близ г. Гамбург (Германия) 415, 419
- Хабаровка (Хабаровск), г. 56
Ханклой (Ханкиой), г. 262
Харьков, г. 117, 390, 459
Хорасан, область 491
- Царевницы, г. 256, 257, 260, 263, 265, 267, 317
Царицын остров (Петергоф) 97
Царское Село, г. 101, 102, 105, 106, 151, 152, 154, 155, 157–159, 231, 232, 233, 238, 244, 425, 427, 428, 429, 431, 433, 434, 437–440, 442, 444, 448–450, 452–454, 456, 457, 459, 463, 464, 466, 467
Царство Польское 402
Царьград, см. *Константинополь*
Церковна 302
Цетинье, г. 51
Цихис-дзири 375
- Чауш-Магалы 291
Чарклой (Чаркиой), селение 280, 302, 305
Черноводы 271
Черногория 34, 50, 51, 74, 82, 84, 138, 154, 158, 161, 162, 169, 173, 177, 186, 197, 200, 204, 205, 209, 210, 211, 248, 258, 332, 373, 374, 400, 424, 433, 443, 445, 477
Черное море 51, 52, 97, 115, 116, 186, 373, 383, 385, 404, 457
Черный Лом, р. 288, 305, 308, 311
Чехия 154
Чифлик 345
- Швейцария** 244
Шипка (перевал через Балканский хребет) 262, 265, 283–288, 301, 306, 307, 311, 315, 346, 356, 358, 373, 471
Шипка, деревня 265
Широкос, селение 279
Шумла (Шумен), г. 270, 277, 280, 305, 409, 416, 420, 423, 425, 426, 430–432, 437, 440, 446, 447, 451, 452, 454
- Эгейское море 383, 424
Эмс, г. 80, 82, 83, 91
Эпир, историческая область 280
Эрзерум (Арзерум, Эрзурум), г. 324, 330, 374, 380, 454, 471
Эски-Загры (Ески-Загры) 277, 372
Этрополь, г. 336–338
- Южная Бессарабия, см. Бессарабия**
Южная бухта 467
Южный Дагестан 333
- Яблонница** 325, 333
Яковица 338, 341
Ялта, г. 79, 81, 109–111, 115, 120, 127, 129, 131, 140, 141, 143, 149, 467, 468, 480
Янтра, р., правый приток р. Дунай 257, 265, 292, 293, 317, 320
Япония 52
Яссы, г. 217, 233, 350
Segarcia, селение 248

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Князь А. А. Суворов
Н. К. Краббе
Граф М. А. Корф
Князь П. Р. Багратион
К. П. фон Кауфман
Великая княгиня Мария Николаевна
Принц П. Г. Ольденбургский
Ю. Ф. Самарин
Императрица Мария Александровна
Император Александр II
Император Александр II верхом
Граф К. Нигра
Э. фон Мантейфель
А. Л. Потанов
П. П. Павлов
Император дон Педро II
Император Франц-Иосиф
М. Х. Рейтерн
Великий князь Алексей Александрович
Б. Вердер
Князь В. А. Черкасский
Мидхат-паша
Дон Карлос
Н. Н. Обручев
К. И. Пален
А. А. Половцов
Карта театра войны в Европейской Турции в 1877–1878 гг. Фрагмент
А. Ш. Э. Лефлю
Э. Г. Стенли, лорд Дерби
Князь Румынский Карл Гогенцоллерн
Дом Александра II в Плоешти
Князь Сербский Милан Обренович
Й. Ристич
А. Э. Циммерман

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 г.

М. И. Драгомиров

И. В. Гурко

А. А. Тергукасов

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 г.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Сдача крепости Никополь 4 июля 1877 г.

Князь Н. И. Святополк-Мирский (четвертый справа во втором ряду) с офицерами Орловского пехотного полка

Великий князь Михаил Николаевич

Ю. И. Шильдер-Шульднер и Н. П. Криденер с офицерами штаба 3-й гвардейской дивизии

Карта театра войны в Европейской Турции в 1877–1878 гг. Фрагмент

А. А. Непокойчицкий

Ф. Ф. Радецкий и Н. И. Святополк-Мирский с георгиевскими кавалерами 8-го корпуса

А. Д. Кившенко. Сражение на Шипкинском перевале 11 августа 1877 г.

Майор фон Лигниц

Великий князь Николай Николаевич

М. Д. Скобелев с офицерами 4-й стрелковой бригады

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Взятие Гривницкого редута под Плевной 30 августа 1877 г.

К. В. Левицкий

В. В. Верещагин. После атаки. Перевязочный пункт под Плевной

Граф А. В. Адлерберг

Великий князь Владимир Александрович

Э. И. Тотлебен

П. Д. Зотов

Карта театра войны в Малой Азии в 1877–1878 гг. Фрагмент

Князь Сергей Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский

В. Мазуровский. Дело при селении Телише в 1877 г.

И. В. Гурко с офицерами штаба

Осман-паша

Великий князь Михаил Николаевич, Д. И. Святополк-Мирский и М. Т. Лорис-Меликов под Карсом

Граф П. А. Шувалов с офицерами лейб-гвардии Гренадерского полка

Князь Н. И. Святополк-Мирский

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Последний бой под Плевной 28 ноября 1877 г.

Дом в Плевне, в котором Александр II принял Осман-пашу

П. С. Ванновский

Наследник Цесаревич великий князь Александр Александрович

Н. К. Гирс

А. Д. Кившенко. Сражение у Шинки-Шейново 28 декабря 1877 г.

Ф. Ф. Радецкий

Королева Виктория

Карта театра войны в Европейской Турции в 1877–1878 гг. Фрагмент

Великий князь Константин Николаевич

Ф. Ф. Тренов

Граф Н. П. Игнатъев

Э. И. Тотлебен и Реуф-наша

Граф Ф. Л. Гейден

Князь О. фон Бисмарк

Князь А. К. Имеретинский

Граф П. А. Шувалов

Р. Сесил, лорд Солсбери

Б. Дизраэли, лорд Биконсфилд

Д. Андраши

Г. И. Бобрников

С. А. Грейг

Князь А. М. Горчаков

И. С. Аксаков

Н. В. Мезенцов

П. А. Черевин

А. Р. Дрентельн

Князь А. М. Дондуков-Корсаков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Г. Захарова, А.В. Мамонов Предисловие

5

От редактора

21

1876-й год

25

1877-й год

179

1878-й год

361

КОММЕНТАРИИ

493

ПРИЛОЖЕНИЯ

607

Приложение I

Н.Н. Обручев Собственноручная докладная записка от 1-го октября 1876 г.

609

Приложение II

М.Х. Рейтерн Записка, представленная Е. И. В. в Ливадии 3-го октября 1876 г.

614

Приложение III

М.Х. Рейтерн Записка, представленная Государю 17-го декабря 1876 г.
и по высочайшему повелению рассмотренная в Комитете финансов

620

Приложение IV

Записка военного министра Д.А. Милютина от 7-го февраля 1877 г.,
составленная Н.Н. Обручевым

624

Приложение V

М.Х. Рейтерн Записка, представленная Государю 11-го февраля 1877 г.
и читанная в совещании, бывшем у Е. В. 12-го февраля
629

Н.П. Игнатьев О мерах, которые следует принять для понуждения Турции
к исполнению наших требований. 12-го февраля 1877 г
632

Приложение VI

Из рассказа Н.К. Гирса. 27-го апреля 1886 г.
634

Приложение VII

Из рассказа Н.К. Гирса. 27-го апреля 1886 г.
636

Приложение VIII

Из рассказа Н.К. Гирса. 27-го апреля 1886 г.
638

УКАЗАТЕЛИ

639

Указатель имен

641

Указатель географических названий

691

Список иллюстраций

699

Список сокращений

701

*Дмитрий Алексеевич
Милютин*

**ДНЕВНИК
1876–1878**

Редактор *А. А. Комзолова*
Корректор *Л. С. Новоселова-Чурсина*
Художественное оформление *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *Т. В. Хромычева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 16.07.2009.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 44. Тираж 1000 экз.
Заказ № 7707

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Съ картины А. Вернера.

Фототипія А. Вильборга.

Гр. Кароли. Свѣтл. кн. Горчаковъ. Гр. Биконсфильдъ. Гр. Андраши. Ки. Бисмаркъ. Гр. Шуваловъ. Бюловъ. Мегемедъ-Али Паша.
 Бар. Гаймерле. Гр. Лонэ. Вадингтонъ. Радвицъ. П. П. Убри. Бухеръ. Садулла Бей. Каратеодори Паша.
 Ки. Гогенлюэ. Гр. Корти. Гр. Муи. Гр. Сень Валлиэ. Депрэ. Гольштейнъ. Бушъ. Гр. Г. Бисмаркъ. Лордъ Одо Россель. Марк. Салисбюри.

БЕРЛИНСКІЙ КОНГРЕССЪ 1878 г.

